Центр научных работников и преподавателей иудаики
в ВУЗах «Сэфер»

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПО ИУДАИКЕ

Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике

Том III

ספר

Академическая серия
Выпуск 42

Москва
2012

The Moscow Center for University Teaching
of Jewish Civilization "Sefer"

Proceedings of the Nineteenth Annual International Conference on Jewish Studies

Volume III

ספר

Academic Series
Issue 42

Moscow
2012

Редколлегия:
О.В. Белова, А.Б. Воробьев, М.И. Гаммал, Л.В. Кальмина,
И.В. Копченова, А.Е. Локшин, В.В. Мочалова (*отв. ред.*), В.(З.) Ханин,
Д.Л. Шевелев, А.М. Шпирт, Д.А. Эльяшевич

Editorial Board:
O.V. Belova, D.A. Elyashevich, M.I. Hammal, L.V. Kalmina,
V.(Z.) Khanin, I.V. Kopchenova, A.E. Lockshin, V.V. Mochalova (*editor in-chief*),
D.L. Shevelyov, A.M. Shpirt, A.B. Worobyov

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Published with the support of

Американского Еврейского
Объединенного Распределительного Комитета (Джойнт)
The American Jewish Joint Distribution Committee (Joint)

Российского Еврейского Конгресса
Russian Jewish Congress

Евроазиатского Еврейского Конгресса
Euro-Asian Jewish Congress

Оформление: Сергей Трофимов
Верстка: Ольга Волкова
Корректор: Екатерина Кузнецова

ISBN %%%%%%

© Центр научных работников и преподавателей
иудаики в ВУЗах «Сэфер», 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Центр «Сэфер», оригинал-макет, 2012

От редколлегии

В III том Материалов Девятнадцатой Ежегодной международной конференции по иудаике, которая была организована в Москве Центром «Сэфер» при поддержке «Джойнта», Российского еврейского конгресса и Евроазиатского еврейского конгресса 29–31 января 2012 г. и стала местом встречи ученых из различных научных центров стран СНГ и Балтии, Израиля, Австрии, Великобритании, Германии, Франции, США, вошли доклады, тематически связанные с историей еврейского народа различных периодов и географических ареалов, включая исследования, посвященные общественно-политической и экономической ситуации в Государстве Израиль.

Материалы других тематических секций, заседания которых прошли в рамках конференции, публикуются в отдельных томах настоящего издания.

From the Editorial Board

The 3rd volume contains the Proceedings of the 19th Annual International Conference on Jewish Studies, held in Moscow, January, 29–31, 2012.

Organized by the *Sefer* Center and supported by the AJJDC, the Russian Jewish Congress, the Euro-Asian Jewish Congress, the Conference gathered together participant scholars from the CIS and the Baltic countries, Israel, Austria, Great Britain, Germany, France and the United States.

14 sessions within the Conference program were devoted to various aspects of Jewish studies. The volume includes papers presented at the sections devoted to Jewish history of different periods and geographical areas, including the researches on modern political and economical situation in the State of Israel.

The conference papers devoted to other themes are published in volumes I and II.

I

Ирина Сергеева, Алексей Хамрай
(Киев)

СОБРАНИЕ ПИНКАСОВ (ЗАПИСНЫХ КНИГ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН) В ФОНДАХ ИНСТИТУТА РУКОПИСИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ УКРАИНЫ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Пинкас (פנקס — от гр. Πίναξ — доска) — записная книга еврейской общины, в которую заносятся протоколы заседаний руководства общины и события, связанные с историей общины. Собрание пинкасов, хранящееся в фондах Отдела фонда иудаики Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского (ОФИ ИР НБУВ), в которое входят как оригиналы, так и рукописные копии, фотокопии и корректурные листы, насчитывает по описи 107 единиц хранения и на сегодняшний день является одним из самых больших подобных собраний (наряду с собранием Национальной (университетской) библиотеки Израиля). По своему составу собрание является уникальным, т.к. большая его часть происходит из регионов Украины и датируется концом XVIII — первой четвертью XX в., в силу чего представляет неоценимый интерес для исследователей, изучающих историю еврейских общин Украины.

Пинкасы украинского происхождения до сих пор чрезвычайно редко вводились в научный оборот. Большей частью исследователи изучали записные книги общин Белоруссии, Литвы и Польши, хранящиеся в библиотеках и музеях Восточной и Западной Европы. Вероятно, исследователи, изучавшие историю украинского еврейства, обошли вниманием эти, бесспорно, важные документы в силу недостатка информации, поскольку до восстановления в НБУВ специализированного сектора (с 2000 г. — отдела фонда иудаики) и его фондов среди исследователей, специализировавшихся в области иудаики, преобладало

мнение, что практически вся коллекция была либо уничтожена, либо вывезена из страны во время Второй мировой войны.

Библиотечное собрание пинкасов дает, наконец, возможность рассматривать эти материалы как комплексный источник по еврейской истории и культуре на территории Украины, требующий многоаспектного анализа и детального изучения.

Общеизвестно, что в первое десятилетие и в середине XX в. сначала в Германии и Англии, а начиная с 1950-х гг. — в США и Израиле историки обращались к пинкасам как к важнейшему источнику исследований истории еврейской общины. Однако, впервые определение пинкаса как исторического источника дал С.М. Дубнов в 1891 г.: «Пинкос — это рукописная памятная или актовая книга какого-либо еврейского общества, организации, общинного союза либо религиозного братства. Официальным языком в таких книгах был древнееврейский с примесью раввинского диалекта. В местах еврейской оседлости "Пинкосы" обязательно имели: *1) кагальные управления* до упразднения их в 1884 г., и *2) погребальные братства* как важнейшее из еврейских общинных учреждений. Этого рода "Пинкосы" имелись во всех без исключения городах и местечках с еврейским населением, так как везде существовали кагалы (или "прикагалки") с соответствующими управлениями (*кагальная изба*), а также погребальные братства. Но кроме того в разных местах, особенно же в больших благоустроенных общинах, имели свои особые памятные книги разные общественные учреждения, как напр., *"Благотворительные союзы", "Общества попечения о больных", "Союз провожателей покойников"* и т.д. Нередко же в одном и том же городе вели свои особенные "летописи" разные *синагоги*» (курсив — С. Дубнова)[1].

Типичный пинкас, как правило, содержит два вида информации: записи общины и сведения о событиях, так или иначе связанных с жизнью общины. Таким образом, на страницах пинкасов наряду с текущими записями про заключение и расторжение браков, финансовыми расчетами, декретами раввинов можно обнаружить сведения о погромах, эпидемиях, пожарах.

В пинкасы также заносились записи о членах общины или объединения, обязательно регистрировались «мицвот» (обязанности и их исполнение) каждого члена, что в соответствии с религиозными заветами приравнивалось к записям в Книге судеб, как сказано в Мишне: «И все ваши дела записаны в Книге»[2].

Может, именно поэтому пинкасам придавалось значение не только как историческим записным книгам, но и как памятникам, обладающим особой магической силой. Один из участников экспедиций С. Анского А. Рехтман в книге «Еврейская этнография и фольклор» приводит много собранных в еврейских местечках сказаний про чудодейственную силу пинкасов. Например, существовали поверья, что в доме, где хранится пинкас, никогда не случится пожар, что эти книги обладают целебной силой: когда болел кто-нибудь из членов общины, пинкас приносили в его жилище и клали под голову, то же делали при тяжелых родах[3].

В пинкасах фиксировались также все наказания и приговоры, выносимые общиной, при этом вердикт, внесенный в записную книгу, был окончательным и подлежал исполнению как самим наказуемым, так и всеми членами общины.

Анализ оригинальных пинкасов и копий, сделанных в местечках по поручению Историко-этнографической комиссии ОПЕ и, позднее, Еврейского историко-этнографического общества, хранящихся ныне в ОФИ ИР НБУВ, свидетельствует, что большинство из них — более 80 — происходят из различных регионов Украины: Волыни, Подолии и Киевщины, есть также пинкас из Балты, копии пинкасов из Николаева и Одессы. Остальные представляют жизнь общин и обществ Петербурга, Минска (это, скорее, выполненные в Минске копии и выписки из пинкасов Великого Литовского Ваада), Митавы (Елгавы), Дубровны, Сены и Милана.

Что касается традиций ведения записных книг, то, как отмечал еще С.М. Дубнов, они были выработаны практикой в течение длительного времени[4]. После титульного листа (иногда в пинкасах встречаются два и более титулов) обязательно следуют благодарность Всевышнему и благословения. Любопытно, что в одном из пинкасов библиотечного собрания — пинкасе благотворительного общества посещения больных из Каменец-Подольского — на традиционной странице благословение и благодарность записаны также русскому царю Павлу Петровичу (Павлу I), ибо, как явствует из текста, он был милостив к евреям, помогал создавать благотворительные организации, а после смерти неоднократно упоминался в еврейском фольклоре как «добрый царь»:

Достойно общество и пусть приблизится Избавление — когда мы создавали этот пинкас, мы действительно достигли успеха

и сделали это с Божьей помощью, по уставу в его красе, могуществе, и была сладкой для нас опека царя-отца великого и праведного, прямого и милостивого государя, всеми любимого Павла Петровича, что как ласковый отец над своими сыновьями, смилостивился над нами и как орел реет над своими птенцами, а птенцы под покровом его крыл...[5]

В верхней части листа размещена цветная заставка, на которой изображен двуглавый орел с атрибутами власти и короной.

Следующий после благословения раздел — это устав общины или братства, в котором отмечается, на каких началах оно основано и работает, согласно каким традициям отправляются религиозные службы и обряды, кто может быть его членами, какие на них налагаются обязательства, и т.д.

Эта часть пинкаса очень важна для исследователей истории евреев и краеведов. Так, например, в уставе пинкаса Большой синагоги Староконстантинова записано, что служба в синагоге осуществляется по ашкеназскому (т.е. ортодоксальному в восточноевропейском иудаизме) обряду[6], что немаловажно, т.к. большинство общин Украины к середине XIX в. были сторонниками хасидизма, и не так много общин придерживались традиционного иудаизма.

По традиции пинкасы велись на иврите, на котором писался и устав. Однако в библиотечном собрании есть и пример исключения из этого правила — пинкас благотворительного общества «любви к ближним» — “אהבת רעים” — г. Бердичева за 1879 г.[7], устав и большинство записей которого написано на идише. Приведем несколько примеров из уставов, записанных в пинкасы:

Из устава пинкаса общества изучения Мишны и Вавилонского Талмуда — “משניות ותלמוד בבלי”– г. Бердичева:

А. Все блага, поступающие в общество изучения Мишны, распределяются между членами общины, каждому по его достоинству и заслугам, члены, не изучающие (Мишну), дают по полкопейки за раздел, а разделы назначаются путем жеребьевки на собрании.

Б. Каждый член общества дает еженедельно не менее пяти копеек, все это прибавляется к собранному с благословением. Только те, чья рука не ошибается, дают соответственно оценке старост синагоги один меньше, другой больше и т.д.[8].

В другом пинкасе (Общества читающих псалмы, 1900, Барановка), например, устав начинается такими словами:

> *Устав общества* (заглавными буквами):
>
> ***Первый в Сионе.*** *Каждый член общества должен сдать вступительный взнос в зависимости от того, какой взнос делают члены общества, а также обязан платить ежемесячный взнос, в соответствии с ежемесячным взносом, который платят члены общества. Взносы должны сдаваться под руководством старосты синагоги и собираться непосредственно казначеем, назначаемым всеми членами общества. Взносы должны постоянно находиться у казначея, чтобы их можно было использовать для предоставления помощи любому члену общества в форме займа или подарка по решению большинства членов общества без задержки.*
>
> ***Вторые из их слов****. Когда в общество обращается человек, не являющийся его членом и не упоминающийся в списке, но за него может поручиться хотя бы один из членов общества, и это поручительство будет принято остальными, он может получить заем, предоставляемый членами общества*[9].

Далее, вслед за уставом, делались протокольные записи про заседания общества, исполнение членами своих обязанностей, текущие дела либо отдельные случаи, события, распределение налогообложения. В протоколы также заносились сведения о принятии новых либо исключении старых членов общества, благодарностях и порицаниях.

После протоколов в пинкасе обычно приводятся списки членов общины или общества. Право вносить фамилии в списки имели только лица, избранные для ведения пинкаса. Любопытно, что имя лица, провинившегося перед обществом, вычеркивалось и более никогда не упоминалось в записной книге, а сам провинившийся навсегда исключался из общины.

За списками членов общества в отдельных случаях либо при необходимости следует информация про нетривиальные события, тут могут также содержаться специальные документы, бланки, иные записи.

В нижеприведенном списке пинкасов даны лишь основные сведения из числа отображаемых в описях подобных документов. Названия соответствующих обществ, если они отображены в заглавии оригинала, либо если такое название, указанное в копии, можно считать досто-

верным, приводятся с сохранением оригинальной орфографии. Там, где заглавие отсутствует, либо имеются сомнения в точности передачи названия, последнее передается описательно. Сказанное касается и самого слова «пинкас»: оно указано в списке лишь тогда, когда нет сомнений в том, что описываемый документ имел именно такое название в заглавии.

1. Пинкас общ. посещения больных — «ביקור חולים», — 1821–1869, 102 л., 2 лит. л., 71 л. чист., 320x210.
2. Пинкас погребального братства, XIX в., 63 л.+1л. = 64 л., 1 л. чист. 328x225.
3. Пинкас общ. моэлов, г. Бар, 1775–1795, копия, 4 л., лл. 2, 3 чист., 320x221.
4. Пинкас общ. приема гостей — «הכנסת אורחים», — г. Бар, 1844–1883, 39 л., 1 лит. л., 24 л. чист., — 29 л., 348x210.
5. Пинкас общ. несущих гроб, г. Барановка, [1840], копия., 8 л., лл. 5–8 чист., 220x175.
6. Пинкас общ. изучения Мишны (1868); Пинкас общ. беспроцентных ссуд, г. Барановка (1780), копии, [нач. XX в.], 8 л., л. 8 чист., 221x179.
7. Пинкас общ. беспроцентных ссуд. г. Барановка, 1889, копия, [нач. XX в.], 8 л., 3 л. чист., 223x180.
8. Пинкас общ. изучения Мишны, г. Барановка, 1888 — 1924,
   Пинкас общ. «праведного ночлега и посещения больных», г. Барановка, 1899, копия, [кон. XIX в.], 8 л., л. 8 чист., 221x175.
9. Пинкас общ. «праведного ночлега и посещения больных» — «לינת הצדק וביקור חולים», — Барановка, 1899–1908, 25 л., (лл. 1, 2, 21, 34 чист., 340x210.
10. Копии Пинкаса общ. читающих псалмы, Барановка, 1900 и Пинкаса общ. читающих псалмы, Барановка, 1904. 8 л., лл. 7, 8 чист., 217x172.
11. Продолжение Пинкаса брацлавских хасидов из Бердичева, 3 тетради, копия [XIX в.], 56 л, 218x172.
12. Пинкас общ. изучения Мишны и Вавилонского Талмуда — «משניות ותלמוד בבלי», — Бердичев, 1844, 89 л., 44 чист., 324x200.
13. Пинкас общ. изучающих законоуложения — «שוני הלכות», — Бердичев, 1851, 7 л., л. 1 чист., 332x204.

14. Пинкас общ. читающих псалмы — «מגידי תהלים», — Бердичев, 1858–1917, 32 л., л. 3 чист., 310x194.
15. Пинкас общ. изучения Мишны — «משניות», — Бердичев, 1861–1887, 26 л., л. 26 чист., 330x214.
16. Пинкас общ. беспроцентных ссуд — «גמלת חסדים», Бердичев, 1864, 124 л., 105 л. чист., 340x214.
17. Пинкас общ. «любви к ближним» — «אהבת רעים», — Бердичев, 59 л., 21 л. чист., 1865–1885 гг., 302x195.
18. Пинкас общ. «любви к ближним» — «אהבת רעים», — Бердичев, 24 л., 6 л. чист., 1871, 336x214.
19. Пинкас общ. изучения Талмуда и Мишны — «ש״ס ומשניו», — Бердичев, 1874–1908, 65 л., 317x240.
20. Пинкас общ. «любви к ближним» — «אהבת רעים», –1896, Бердичев, 35 л., 315x240.
21. Записная книга общ. беспроцентных ссуд, Бердичев, 1906, 13 л. В тексте перечисл. даты: 1858, 1887, 1906, 340x210.
22. Записная книга общ. изучающих Мишну, копия [XX в.], 7 л. (5 л. + 2 л.), 211x169
23. Записная книга благотворительного союза — «פועלי על ה״ר צדק», — 1913, 161 л., 183x145.
24. Выписки из Пинкасов Витебска, Капуста и Дубровны, 1706–1736, [XIX в.], 12 л., лл. 5, 11, 12 чист., 347x220.
25. Записная книга общ. изучения Мишны, Воложин, 1762–1915, 331 л., 78 чист., 195x160.
26. Пинкас общ. провозглашения праздника — «מקרא קודש», — Воложин, 1817–1913, 98 л., лл. 91 — 98 чист., 205x165.
27. Пинкас религиозной школы — «ת״ת (תלמוד־תורה)», — Воложин, 1826–1915, 72 л., лл. 1, 71, 72 чист., 325x205.
28. 1. Выписки из пинкаса общ. изучения Мишны синагоги магида (проповедника) г. Житомира;
    2. Три записи про несчастные случаи с девушками [нач. XX в.], 5 л. Даты в тексте: (1775–1850, 1865), 205x167.
29. Копия пинкаса погребального общ., г. Заславль, 1785–1830, копия, [нач. XX в.] 18 л., лл. 14–18 чист., 210x170.
30. Выписки из пинкаса [погребального общ.], 1798–1869, г. Заславль, копия [нач. XX в.] 2 л., 355x223.

31. Записная книга (ספר הנהגת קהל) общины г. Ивениц (Ивница) 1754–1909, 205 л., 74 чист., 180x166.
32. Пинкас погребального братства, г. Игумен[ь], 1791–1820, 103 л., 220x170.
33. Пинкас погребального братства — «חברה קדישה», — г. Каменец, 1799–1894, 123л., 19 чист., 361x223.
34. Пинкас «общ. мудрецов», 1878, Канев, 52 л., лл. 4, 5, 18 — 52 чист., 337x215.
35. [Записная книга караимской общины г. Кафа (Феодосия)], [XVII в. — 1653–1663] 22 л., л. 14 чист., 145x76.
36. Пинкас общ. «путей прямых и тружеников праведных (Сиона (?))» — «חברה דרכי ישרים ופע״צ», — 1868–1924, Киев, 76 л., 325x210.
37. Пинкас общ. чтения псалмов — «תהלים» — бейт-мидраша «Украшение Израиля» — «תפארת ישראל» — Киев, 1921 [1874], 194 л., 182 чист., 273x200.
38. Записная книга общ. изучения Мишны синагоги им. Розенберга, Киев, 1875–1881, копия [XX в.], 7 л., 207x167.
39. Пинкас общ. изучения Мишны — «חבורה משניות» — Макаровской синагоги, г. Киев, 1879, 242 л., лл. 38–43, 50, 52–242 чист., 339x250.
40. Пинкас общ. читающих псалмы, Киев, 1885, 13 л., копия [XX в.]. 215x175.
41. Пинкас общ. читающих псалмы — «מגידי תהלים», — большого бейт-мидраша, Демеевка, Киев, 1892, 270 л., 243 чист., 342x215.
42. Пинкас общ. «праведного ночлега» — «לינת הצדק», — Киев, 1921, 123 л., лл. 21–123 чист.), 335x228.
43. Пинкас общ. «вечного огня» — «נר תמיד» — [Константинов]. На титуле дата 1850. [сер. XIX в.], 133 л., 92 чист., 343x210.
44. Пинкас религиозной школы — «תלמוד תורה», — Копыченцы, 1873–1889, 8 л., 370x240.
45. Пинкас погребального братства — «חבורה קדישא», — Летичев, 1744–1893, 193 л., 32 чист., 288x181.
46. Пинкас общ. починки книг, Летичев, 1839, копия, [XX в.], 6 л., 220x180.
47. Фрагмент устава общ. приема гостей, Летичев, копия, [XX в.], 4 л., 2 чист., 220x182.

48. Выписки из устава общ. изучения Мишны за 1886 г., Летичев [XX в.], 6 л., 1 чист., лл. 1, 6 — 210x168; лл. 2–5 — 220x180.
49. Фрагмент Пинкаса общ. портных и шляпников, Луцк, 1721, 1713., 4 л. + конверт, 284x180.
50. Пинкас общ. ремесленников, Луцк, 1757–1886, копия [XX в.], 16 л., 209x169.
51. Пинкас большой синагоги г. Луцка за 1830 г., копия [XX в.], 8 л., 210x168.
52. Пинкас синагоги г. Луцка. Устав за 1830 г. Копия, [XX в.], 6 л., 1 чист., 170x214.
53. Фрагмент пинкаса большой синагоги г. Луцка, 1849, 1 л., 326x204.
54. Запись рожденных за период с 1792 по 1831гг., [Италия]. Даты в тексте: 1830, [1819], 69 л., + 2 л. доп., л. 69 чист., 188x124.
55. Литовский Пинкас — «ספר פנקס המדינה של מדינת ליטא» — 1623–1761, копия [XIX в.], 40 л. (20+20). Переписано в 1766 г. 2 тетради: 322x208, 369x270.
56. Литовский Пинкас — «ספר פנקס המדינה של מדינת ליטא» — 1623–1761 (г. Гродно), копия выполнена в 1874 г. в Минске, 6 л., 209x144.
57. Выписки из Пинкасов: копии [XX в.]
    1. Общ. изучения Мишны, г. Меджибож.
    2. Общ. изучения Мишны г. Бар, 1825(?)–1849.
    3. Общ. изучения Мишны г. Меджибож, 1837, 17 л., 1 чист., 212x165.
58. Устав из пинкаса общ. изучения Мишны синагоги [Клойз] [им. Аптского раввина] г. Меджибожа за 1860 г., копия [XX в.], 4 л.+2 обл., л. 1 — 221x181, лл. 2–4 — 210x168.
59. Устав из пинкаса общ. изучения Мишны г. Меджибожа за 1879 г., копия [XX в.], 9 л., тетрадь 212x169.
60. Пинкас общ. изучения Мишны синагоги [Клойз] г. Меджибожа, копия [XX в.], 5 л. +2 л. обл., л. 5 чист., 210x168.
61. Книга вступивших в брак в 1872 г. — « Книга для записки бракосочетавшихся евреевъ на 1872 годъ», — Минск, 165 л., 338x214.
62. Пинкас погребального братства г. Мирополя, 1827 г., копия [XX в.], 4 л., л. 1 чист., 222x178.
63. Записная книга погребального братства г. Мытова, 1779–1843, 309 л.,: лл. 1, 2, 59, 60, 63–65, 130–134, 134–281, 284–304, 306, 307 чист., 307x190.

64. Пинкас погребального братства — «חברה קדישא», — г. Мирополь, 1790–1925, 96 л., 5 л. чист., 202x161.
65. Пинкас общины г. Несвижа, [втор. пол. XVIII в.], 211 л., 49 л. чист., 325×200.
66. Устав и пинкас общины г. Несвижа, копия [XX в.], 25 л., 222x171.
67. Пинкас общ. помощи бедным евреям г. Несвижа за 1774–1904 гг., 172 л., лл. 34, 35 чист., 297x192.
68. Записная книга общ. сапожников г. Николаева. Копия с оригинала 1815 г., [нач. XX в.], Николаев, 15 л., 212×170
69. Выписки из пинкаса общ. «кусок хлеба — гостям», Одесса, 1822, копия [нач. XX в.], 2 л., 356×222.
70. Записная книга общ. починки книг, г. Острополь, [1889] 1890, копия [XX в.], 11 л., 210x172.
71. Пинкас религиозной школы, г. Острополь, 1889, копия [XX в.], 7 л., 210x172.
72. Страницы из пинкаса погребального братства, г. Острополь, 1763(?) — см. 2-й л., 3 л., 288x175.
73. Пинкас общ. портных, г. Паволоч (Киевская обл.) за 1748–1808 гг., копия [XX в.], 8 л., 3 чист., 220x178.
74. Пинкас общ. изучения Мишны — «חבורה משניות» — г. Песчанка, 1831–1882, 131 л., лл. 65–70; 72–79; 87–130 чист., 215x168.
75. Пинкас общ. несущих гроб — «נושאי המטה», — г. Романов, 1884, 47 л., 23 лл. 24, 26–47 чист., 344x210.
76. Пинкас погребального братства — «חבורה קדישא», — г. Романов, 1883, 46 л., лл. 22–23, 25–46 чист., доп. на идише про события, имевшие место в Романове, 343x215.
77. Записная книга погребального братства, г. Рубежевича за 1785–1915 гг., 135 л., лл. 14–17, 46, 55–91, 102–110, 123–132, 134 чист., 368x250.
78. Пинкас погребального братства — «חברת גחש״א», — [Сена], [1771–1901], копия, переп. в Петербурге. 161 л., доп. 10 л. 357x222.
79. Дополнения к пинкасу погребального братства, С-Пб, 1900 г., 28 л., 357x225.
80. Записная книга общ. изучения псалмов Давида [г. Сумна], 1885–1914, 62 л., 34 чист., 349x210.

81. Пинкас общ. «вечного огня» — «נר תמיד» — 1780–1923, г. Славута, 63 л., чист.: 35–63. 313x192.
82. Пинкас г. Смоляна, 1742–1801гг., 90 л., 37 чист., 310x187.
83. Пинкас большого бейт-мидраша г. Староконстантинова за 1778–1861 гг., копия [XX в.], 10 л., лл. 9, 10 чист., 212x167.
84. Пинкас погребального братства — «חברת הקודש», — г. Староконстантинов, [1802], копия [XX в.], 7 л., 209x165.
85. Пинкас общ. изучения Мишны — г. Староконстантинов, 1823 р., копия [XX в.], 5 разрозн. л., 212x167.
86. Пинкас большой синагоги г. Староконстантинова, 1836–1929, 161 л., 343x210. Доп. — фрагмент на полоске бумаги. 343x64.
87. Пинкас большой синагоги г. Староконстантинова за 1841–1888 гг., копия [XX в.], 4 л., 214x170.
88. Пинкас… [Судзилков], 1858 г., 249 л., лл. 12–14, 43, 52–249 чист., 350x220.
89. Пинкас погребального братства — «חבורה קדישה» — г. [Тальне], 1875–1905, 52 л.,: лл. 1–12, 22, 24–26, 30, 31, 35–39, 41–44, 52 чист., 338x210.
90. Пинкас общ. беспроцентных ссуд — «גמילות חסד» — за 1876–1881 гг., г. Турьянов. — 102 л., лл. 28, 30, 36, 38, 42, 43, 46–102 чист., 338x215.
91. Записная книга за 1853–1910 гг., б. п., б. к., фрагмент, 18 л., 322x202.
92. Пинкас синагоги г. Бровары, печ.: Киев, скоропечатня И.Г. Розета., 1900. — 400 л. Отсутств. бланк № 47, л. № 126 разорван по корешку. Остались корешки от лл.: 2, 4, 12, 14, 22, 24, 26, 30, 34, 36, 48, 58, 62, 68, 72, 76, 98, 104, 114, 120, 128, 130, 132, 172, 308. Всего: 25 кор., 388x283.
93. Пинкас общ. «любви к ближним» — «אהבת רעים» — г. Бердичева за 1879 г., 17 л.; доп.: 2 иллюст. л., один из к-рых сост. из 4 фрагм., 330x205.
94. Пинкас большого бейт-мидраша — «בהמד הגדול» — на Соломенке. — Киев. — 1900 (תרסא) (имеется дата 1906 г.) 155 л., лл. 49–155 чист., 335x230.
95. Пинкас погребального братства — «חבורה קדושה» — г. Балта, 117 л.,: лл. 10–19, 22–26, 44–56, 58–84, 86, 88–100, 102–106, 108, 117 чист., доп.: 2 л. расчетов, 240x163, л. 95 чист. — полоска 341x210.

96. Выписка из записной книги г. Черткова за период с 1648 по 1825 г. [нач. XX в.], 2 л., 290×230.
97. Фотокопия записки, регистрирующей задолженность синагоги служкам. Из Луцкого синагогального пинкаса. — 2 л., 71x124; 94x136.
98. Фотокопия записи из Луцкого синагогального пинкаса про то, что Штерн Исраель и аустерлицкий рав избраны еврейскими судьями г. Луцка. Запись за 1788 г., 1 л., 112x99.
99. Фотокопия расписки в том, что место, где находится синагога, навсегда принадлежит тому, кто его купил. Из Луцкого синагогального Пинкаса. — 1 л., 155x84.
100. Из истории евреев г. Луцка, фотокопия. — 2 л., 208x126, 218x133.
101. Книга жизни — «ספר החיים» — выписка из старой записной книги г. [Козаринцы] за 1808 г. [нач. XX в.], 1 л., 355×225.
102. Фрагмент записной книги, 2 л., л. 2 чист., 353×220.
103. Фрагмент записной книги, 2 л., 353x222.
104. Фрагмент записной книги 2 л., л. 2 чист., 350×225.
105. Устав — תיקונם — из записной книги общ. портных. 2 л., края повреждены, прибл. разм. л. — 170x140.
106. [Записная книга общ. изучения Мишны синагоги г. Бердичева […]. Год […], месяц тевет, день […]. Сведения по записи см. на л. 25. 130 л., лл. 1–3, 26–34, 36–60, 62–110, 112–128 чист., 502x340.
107. [Записная книга общины г. Хмельника за период с 1790 по 1800 гг.], 6 л., 204x163.

А также одна ед. хр. из оп. 5, ф. 321:

108 [А. Гаркави]. [Корректурные листы из Литовского пинкаса с исправлениями А. Гаркави. [XIX–XX вв.], [С-Пб], 12 л., 8 л. 245x180, 4 л. 290x210.

Уже из приведенной структуры и отдельных частей, из которых состоит текст пинкасов, совершенно ясно, что они являются одним из наиболее информативно полных исторических источников для исследования жизни и деятельности еврейских общин и обществ Украины XVIII — первой половины XX в.

Многие пинкасы из собрания НБУВ являются прекрасными примерами работы народных художников конца XVIII — первой четверти XX в.[10]

Анализ всего собрания еврейских рукописей и его составных частей позволяет сделать вывод, что большинство документов поступили в библиотеку из Петербурга (Ленинграда) в конце 20-х гг. XX в. после закрытия библиотек и архивов Еврейского историко-этнографического общества и Общества для распространения просвещения среди евреев России. Наверняка можно сказать, что некоторые пинкасы (например, Большой синагоги местечка Староконстантинов[11], Религиозной школы «Талмуд-Тора» местечка Копычинцы[12], Погребального братства города Кременец[13]), были собраны С. Ан-ским во время экспедиций и поступили в фонды НБУВ из собрания Еврейского музея при ЕИЭО[14]. Часть материалов до поступления в библиотеку хранилась в фондах Еврейской научной библиотеки Института еврейской культуры Всеукраинской академии наук (ВУАН, позже — АН УССР), Гебраистической историко-археографической комиссии ВУАН и Кабинета еврейской культуры АН УССР, в специализированных еврейских библиотеках, работавших в Киеве в 20-х и 30-х гг. В нынешнем виде собрание рукописей было сформировано в конце 40-х гг. XX в.[15]

Примечания

[1] *Дубнов С.* Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества // Восход. СПб., 1891. Т. 4–9. С. 47.

[2] Авот, 2:1.

[3] *Rekhtman A.* Yiddishe etnografie im folklor. Buenos Ayres, 1958. S. 195.

[4] *Дубнов С.* Указ. соч. С. 48–50.

[5] ОФИ ИР НБУВ, ф. 321, оп. 1, ед. хр. 33.

[6] Там же, ед. хр. 86.

[7] Там же, ед. хр. 93.

[8] Там же, ед. хр. 15.

[9] Там же, ед. хр. 12.

[10] О художественном оформлении пинкасов из собрания НБУВ см.: *Сергєєва І.А.* Художнє оздоблення єврейських рукописних пам'яток України кінця XVIII — першої чверті XX ст.: традиції і побутування (на матеріалах колекції Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського) // Сходознавчі Студії. Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Тематичний випуск «Єврейське мистецтво і український контекст». Харків, 2010. № 8. Вип. 3. Т. 1. С.199–235.

[11] ОФИ ИР НБУВ, ф. 321, оп. 1, ед. хр. 87.

[12] Там же, ед. хр. 44.

[13] Там же, ед. хр. 33.

[14] Подробнее об истории коллекции пинкасов см.: *Канцедикас А., Сергеева И.* Альбом еврейской художественной старины Семена Ан-ского. М., 2001. 335 с.; *Сергєєва І.А.* Архівна спадщина Семена Ан-ского у фондах Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. Киев, 2006. 543 с.

[15] Подробнее см.: *Хамрай О.О.* Єврейські рукописи у фондах НБУВ // Східний світ. 2008. № 2. С. 47-49; *Сергеева И.А.* Отдел фонда иудаики Института рукописи НБУВ: история и современность // Библиотеки Национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития: Научно-практический и теоретический сборник. Вып. 5. Киев, 2007. С. 369-385.

Виктория Герасимова
(Москва)

АВАНТЮРИСТЫ, ПРЕСТУПНИКИ, СУМАСШЕДШИЕ. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕЩЕНЫХ ЕВРЕЕВ В РОССИИ В XVIII в.

На страницах трудов еврейских историков конца XIX — первой четверти XX вв. крещеные евреи выступают как пассивные жертвы, вынужденные покинуть веру отцов под давлением обстоятельств. Добровольные крещения и сами выкресты редко становились предметом исследования. Исключение составляют лишь редкие персоналии, «баловни судьбы», по выражению академика Топорова[1], вроде П. Шафирова или А. Девиера. Жизни же отдельных людей, их мотивация для смены веры, а также последующие стратегии адаптации в новом социуме по-прежнему остаются в тени. Некоторые попытки по исследованию феномена крещения евреев предпринимаются сейчас зарубежными историками — Я. Голдберг[2], М. Тетер[3], А. Казьмерчик[4], Э. Шенкер[5] и др.

Как известно, Московское государство, а затем Российская империя официально не имели своего еврейского населения вплоть до разделов Речи Посполитой. Таким образом, выкресты становились первыми российскими подданными еврейского происхождения. После присоединения Левобережной Украины к Московскому государству в 1667 г. часть еврейского населения Малороссии оказалась в пределах российского государства, однако никакого официального статуса она не имела, оказавшись «фантомной общиной». Стать подданным московского государства мог лишь еврей, принявший православие.

Документальных свидетельств о количестве крещеных евреев в России вплоть до 1742 г. немного. Однако знаменитый указ императрицы Елизаветы Петровны, изданный в декабре 1742 г., изменил ситуацию.

Законодательный акт предписывал всем евреям покинуть пределы российского государства и впредь в страну не впускать, «кроме желающих принять Христианскую веру греческого исповедания»[6]. Этот документ не просто запрещал проживание иудеев на территории Российской империи (что было не ново), но и впервые законодательно закрепил требование принятия православия в обмен на право жительства в пределах страны. Именно с этого момента к пограничным форпостам стали прибывать евреи, изъявлявшие желание креститься. Следует подчеркнуть, что практически все иммигранты не были прежде в России. Это исключает вероятность принятия решения о крещении лишь для получения права на жительство. Кроме того, подавляющее число евреев-иммигрантов приходило поодиночке, в довольно продолжительный период времени — пик этого феномена пришелся на 40-60-е годы XVIII в. Находящиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить, по меньшей мере, о ста тридцати — ста сорока людях.

Как уже отмечалось, все эти люди прежде не бывали в России. Их мотивация известна нам лишь с их собственных слов. Все они должны были сформировать собственные жизненные стратегии для успешной интеграции в новой социокультурной среде. Судя по тому, что после прохождения необходимых бюрократических этапов новокрещеные больше не появляются в архивных источниках, можно предположить, что процесс адаптации шел нормально. Однако так происходило не во всех случаях. В нашем распоряжении имеется целый ряд дел, посвященный девиациям в поведении крещеных евреев в российском социуме.

С точки зрения еврейской культуры, выход из общины и смена веры сами по себе являются социально осуждаемым поведением. В этом смысле действия всех иммигрантов, изъявивших желание принять православие, стоило бы отнести к категории людей с отклоняющимся поведением. По мнению этносоциологов, мигранты относятся к «группе риска»: в связи с радикальными изменениями в их жизненном укладе, они оказываются в сложной психологической ситуации, а это зачастую приводит к девиантному поведению[7]. Тем не менее смена веры — неотъемлемая часть культурных процессов, протекающих в мультиконфессиональной среде, и было бы ошибкой трактовать любые проявления девиации как следствие неудачного адаптационного процесса.

В рамках нашего исследования нам представляется важным не только проанализировать виды отклоняющегося поведения крещеных

евреев, зафиксированные в источниках, но и реакцию окружения на такого рода поведение иммигрантов-неофитов. Восприятие девиантного поведения крещеных евреев представителями государственной власти, на наш взгляд, может служить в определенной степени индикатором уровня толерантности общества к адаптантам.

В рамках нашего исследования речь пойдет о нескольких видах поведения, отклоняющегося от социальной нормы, принятой в российском обществе: авантюризме, преступности, сумасшествии. В качестве источника «нормы» для нас выступает, прежде всего, государственное законодательство.

Первый случай мы условно отнесли к авантюризму, хотя, с точки зрения российских властей, это поведение скорее стоит охарактеризовать как криминальное, поскольку оно связано с серьезным нарушением закона. 7 декабря 1747 года в Синод явился «новокрещеный из жидов» Афанасий Кискин, объявивший «слово и дело государево»[8]. При этом он представил письменное доношение, написанное еврейскими буквами по-русски. В этом тексте Кискин изложил свою весьма незаурядную историю жизни и, главное, признавался в том, что дважды крещен в православие.

Из материалов синодального допроса нам становится известно, что Афанасию Кискину двадцать шесть лет, родом он из Полоцка. Осиротев в возрасте пятнадцати лет, «по убожеству своему» пошел в услужение к полоцкому мещанину еврею Вульфу. Вскоре молодой человек заболел «трясовичной болезнью» и, послушав находящегося в том городе беглого студента, принял решение о крещении в православие, поскольку студент пообещал, что «ежели окрестится, то и от болезни своей свободится». Для своей цели Кискин отправился в польское местечко Ляды, где после обращения к православному священнику Филиппу был крещен: «и той де священник усмотря ево что он из жидов без всяких письменных видов и окрестил, а воспреемниками ему были польского шляхетства 6 человек с кумами»[9].

Надо сказать, молодой человек получил весьма поверхностное представление о сути православия: он пояснил, что наставление в основах новой веры (уже после крещения) состояло лишь в заучивании трех молитв (Отче наш, Символ веры и Богородице), а «более того в вере греческого исповедания наставления ему Кискину от него священника не было»[10]. После непродолжительной работы в церковной лавке неофит Иван (таково было первое имя Кискина при крещении)

отправился на Смоленщину, где после засвидетельствования в Смоленской консистории факта крещения смоленский шляхтич Кобылинский «ево Кискина оженил по добровольном ево желании на крепостной дворой девке Марье Сергеевой дочери Ивановой». Попутно отметим, что согласно указу от 31 июля 1722 г., женившись на крепостной, бывший польский подданный Кискин автоматически становился крепостным шляхтича[11].

Затем он, «от нестерпимых от того шляхтича побоев оставя жену», через полгода ушел обратно в Польшу в город Шклов. Изложение и анализ всех деталей дела Афанасия Кискина заслуживает отдельного внимания и может стать предметом отдельного исследования. Мы же лишь сообщим, что в результате странствий по городам и местечкам русско-польского пограничья молодой человек был крещен четырежды: дважды в православие и дважды в католичество, каждый раз по собственному желанию[12]. Обратившись в Синод, в сущности, с доносом на самого себя, Кискин ожидал «в своем согрешении прощения» и просил об отправке в монастырь[13]. Эту просьбу Синод выполнил. И между тем занялся разбирательством по этому делу. Протокол заседания Синода по делу Кискина пестрит выдержками из всевозможных авторитетных источников, которые могли бы помочь в вынесении решения по столь непростому делу. Здесь приводятся ссылки и на Послание апостола Павла к евреям, многочисленные указы, касающиеся иноверцев, Соборное Уложение, Воинские артикулы. Афанасий Кискин пробыл в Пафнутьевом монастыре в Боровске четыре года. Одетый в колоды, он по-прежнему ожидал решения по своему делу, а Синод, очевидно, забыл о нем. Пока в 1752 году из Московской Синодальной конторы не пришел рапорт о том, что «он Кискин 31 мая призвав к себе караульного офицера говорил, что не нашел он правды в христианской вере, и сняв с себя крест свой изломав бросил на пол[14]». Этот случай не мог не повлиять на деятельность Синода. Вновь последовали цитаты из авторитетных источников, согласно которым преступнику Афанасию Кискину предстояло предстать перед палачом. Его архивное дело заканчивается выписками и толкованиями текстов, однако без вынесения резолюции. Вероятно, бюрократическая машина оказалась не в состоянии вынести решение, избрав в качестве меры наказания для Кискина заточение в монастыре. Причина столь экстравагантного и опасного поступка как донос на самого себя, вероятно, крылась в сложных взаимоотношениях между выкрестом Кискиным

и его восприемником-хозяином Петром Монкошевым. Афанасий Кискин, согласившись на роль слуги, попал в личную зависимость[15], причем, по его словам, хозяин обращался с ним довольно жестоко, что и вынудило неофита пойти на крайние меры.

Другого неофита Афанасия Спандоньева мы обнаруживаем в городе Вязьма, где он был схвачен с поддельным паспортом, а затем переправлен в Смоленск[16]. Однако в момент задержания Спандоньев представлялся крещеным волохом Иваном Васильевым, на имя которого он и имел документ. Основным опасением властей было то, что схваченный с фальшивым паспортом человек шпионит на территории Российской империи. Надо сказать, что подозрения в шпионаже не раз препятствовали евреям получить право на проживание в стране даже тогда, когда дело шло о добровольном принятии православия[17]. Как только представителям власти стало ясно, что перед ними самозванец и авантюрист, дело было передано в Московскую синодальную контору, поскольку в нем не было «никакой государственной важности». На счету Афанасия Спандоньева, крестившегося в православие еще в Бухаресте, а служившего пономарем в греческом Николаевском монастыре в Москве, было лишь одно преступление: кража ветхого церковного облачения священнослужителей. Разбирательство по делу Спандоньева включало допросы подозреваемого, а также тех людей, на которых он пытался переложить вину за кражу (священника и торговца-грека). Со священником домовой церкви графа П.Б. Шереметева Никифоровым следствие устроило очную ставку[18]. Выяснилось, что Афанасий Спандоньев напрасно оговорил людей, и они не имели отношения к делу. Между тем, братия Николаевского монастыря направила письмо в синодальную контору с просьбой о прекращении дела Спандоньева: «того ради святейшего Правительствующего Синода контора о том что соизволит, а николаевский греческий монастырь на вышеобъявленном Афанасье Спандоньеве за восприятие им православной грекороссийския церкви не ищет, ибо во оном греческом николаевском монастыре церковных риз и кроме означенных пропалых имеется неоскудное число а о поступить с ним Афанасием и о определении ево (кроме нашего греческого монастыря) состоит воля св. прав. Синода канторы»[19].

В результате Московская синодальная контора постановила Спандоньева «в разсуждении ево иностранства и принятии православной веры грекороссийской веры в светский суд не отсылать», а наказать плетьми, после чего отправить в Спасо-Преображенский монастырь

в Пыскоре «для определения по наставлению в труды монастырские при указе за караулом»[20]. При этом неофита снабдили одеждой и деньгами на пропитание во время поездки. Показания Афанасия Спандоньева-Ивана Васильева Бургомистра — причудливое переплетение вымысла и реальности. Поддельные документы и подлинники, настоящие и вымышленные герои и события — все это позволяло неофиту-иммигранту довольно долгое время путешествовать по центральной России. Спандоньев, отличаясь знанием русского языка, умением входить в доверие к окружающим и ориентироваться в новой социокультурной среде, смог остаться на свободе. В противном случае он, очевидно, был бы схвачен сразу же после бегства из монастыря. Обращает на себя внимание также реакция окружающих на поступки крещеного еврея. Ни в допросах, ни в записи очной ставки, ни в межведомственной переписке не делалось ровным счетом никакого акцента на происхождении задержанного, несмотря на то, что ситуации, в которые попадал неофит, явно могли вызывать негативные эмоции, например, у напрасно им оклеветанных людей. Тем не менее, никаких обвинений, связанных с еврейством Спандоньева, не последовало, напротив, его статус новокрещеного (хотя крестился он не в России) стал аргументом в пользу смягчения наказания.

Дела о другой форме девиации в поведении новокрещеного еврея отложились сразу в двух архивах — в фонде Московской Синодальной конторы Российского Государственного Архива Древних Актов и фонде канцелярии Синода Российского Государственного Исторического Архива. Оба дела посвящены «новокрещеному еврейского рода» Федору Иванову. В 1752 г., очевидно, еще молодой человек (возраста его мы не знаем), выходец из Мстиславля, «богомерзкой закон не хотя более содержать» прибыл в Смоленск и принял крещение[21]. В течение последующих трех лет Федор Иванов обучался в Аврамиевом уличищном монастыре, находясь при преподававшем пиитику иеромонахе Базылевиче. О себе неофит сообщил, что владеет тремя языками — польским, немецким и еврейским, а теперь изъявил желание изучить «греколатинские школы», а также получить жилье и пропитание. В качестве доказательства своей благонадежности Иванов представил рекомендательные письма от учителя риторики Константина Соколовского, у которого Федор служил «непорочно и постоянно» и Мануила Базылевича, учителя пиитики[22], а также от «архимандрита Афанасьевской лавры с Афонских гор» Иерофея, который уверил, что «ежели кто

пожелает к себе принять по его желанию во услужение, принимать безопасно[23]». С такими серьезными документами юного неофита приняли в семинарию Троице-Сергиевой лавры для обучения. Прошло два года, когда в июле 1757 г. в Синод поступила жалоба на Федора Иванова, что он «с начала обучения обучается весма леностно и притворяет себе частые притворные болезни», более того, когда учитель намерился наказать непослушность ученика, то «оной [Федоров] вынув нож едва ево Постникова [учителя] и учеников которые ево хотели взять, всех не перерезал, и похваляясь, ежели ево будет учитель наказывать и кто за него примет, всех перерезать[24]».

Поведение новокрещеного Федора Иванова современным языком можно охарактеризовать как делинквентное — т.е. такое девиантное поведение, которое свойственно людям, склонным к незначительным правонарушениям. Такое поведение характерно, прежде всего, для подростков. Именно к этой возрастной группе, вероятнее всего, и относился наш герой. Расследование дела было поручено Московской синодальной конторе. Вместе с доношением о поведении в контору был прислан и сам бунтарь — Федор Иванов. Однако Синодальная контора распорядилась отослать его обратно в семинарию, поскольку «во объявленной сенатской канторе ведению оной же Иванов по крещении ево в каком звании быть ему определено не прописано и принять не можно». Попросту говоря, власти предприняли попытку переложить дело «перевоспитания неофита» на духовное руководство Троице-Сергиевой лавры. Однако Синод распорядился вернуть Федора Иванова в Московскую синодальную контору, ссылаясь на то, что он «за ево неспокойствами в Троицкой лавре быть весьма неудобен»[25]. В результате переписки между собором Лавры, синодальной и сенатской конторами было принято решение об отправке молодого человека на военную службу, «а за восприятие им православной веры греческого исповедания дать чин капралской[26]». Кроме того, особо оговаривалось: «буде в военной службе быть не может то определить ево тем же чином в коллегии или канцелярии, в которых оные чины положены быть, и отставных от военной службы на жалованье[27]». Таким образом, мы можем заключить, что молодой выкрест в сущности не получил никакого наказания, более того, государство позаботилось о его дальнейшей судьбе, отправив его на военную службу в чине капрала. Ведь неофитам, вне зависимости от происхождения, как правило, предлагали два пути: армию или государственную службу.

В более тяжком происшествии был замешан другой неофит еврейского происхождения — Иван Антонов[28]. Крестившийся в 1744 году в Киеве, он принял участие совместно с поляками в разбойном нападении и убийстве польского арендатора-еврея. Вскоре после совершения преступления Антонов был пойман с двумя сообщниками, однако задержан в Киеве «по причине восприятия крещения», тогда как его сообщники переданы польской стороне. Дальнейшая судьба неофита представляет для нас особый интерес. Вопреки договору между Польшей и Россией о выдаче преступников, Ивана Антонова удержали в стране: польской же стороне сообщили, что «он Иванов по немаловажному делу взят был ис Киева в правительствующий Сенат откуда для учинения ему достойной по надлежащему о нем следствии и по указу казни, якобы и отправлен был к пограничному комиссару обратно, но будучи в пути умре[29]». На самом деле Ивана Антонова увезли в Казань, где заточили в Спасском монастыре, без допуска к нему посетителей. В заключении преступник пробыл целых 17 лет, после чего изъявил желание постричься в монахи. Его желание было удовлетворено.

В этом сюжете стоит обратить внимание на два основных момента. Сам по себе факт смягчения наказания для неофита — довольно распространенное в России явление, однако та настойчивость, с которой российские власти отстаивали право оставить новокрещеного у себя, безусловно, обращает на себя внимание. Ведь, в сущности, Коллегия иностранных дел, в чьем ведении находилось дело о поимке преступников, ввела в заблуждение польскую сторону и нарушила условия международного договора ради спасения жизни неофита (в Польше ему, как и его сообщникам, грозила смертная казнь, которая и была приведена в исполнение над другими преступниками). Во-вторых, следует отметить тот факт, что российская власть как светская, так и духовная дала разрешение на принятие неофитом монашества. Как известно, в католичестве этот вопрос решался не столь однозначно[30].

Следующий случай, который мы рассмотрим, в сущности, не является ни преступлением, ни правонарушением. Однако он, безусловно, воспринимался как девиация и стал предметом небольшого расследования архимандрита Киево-Печерской лавры Луки. Жизнь молодого человека, в крещении Иоанна, была наполнена мистическими событиями и борьбой за право исповедовать православие. По его свидетельству, он, едва достигнув совершеннолетия (очевидно еврейского),

«сам собой нелицемерно пожелал, отвергши нечестие еврейское, приять благочестивую христианскую веру[31]», а вскоре после того, как Иоанн оставил семью и нанялся к бугачевскому еврею, ему «против желания ево в сонном видении приснился в поле между пшеницею старшой болший каменный крест[32]». Молодой человек рассказал о своем сне еврею, и вскоре об этом происшествии уже знал весь кагал[33]. Иоанну пришлось бежать и немедленно просить местного священника о защите и крещении. Однако евреям удалось выкрасть отступника у священника. Иоанн уверяет, что «чрез волшебное тех жидов действо причинено ему помрачение», и «вскоре проситель ума изойшол и по тому безумству не ведает как з дому священника куда отошел и на многое время в безумстве неведомо по каким местам волочился[34]». Молодой человек скитался по городам, местечкам и селам в неадекватном состоянии, на вопросы местных жителей отвечал сбивчиво, в результате чего возник слух, что он уже был крещен и причастился в польском селе Звонихе. Именно вопрос причастия и стал предметом расследования архимандрита Киево-Печерской лавры, поскольку Иоанн оказался не в состоянии сообщить, был ли он вообще крещен: «тако ж и ныне проситель о крещении своем крещен ли чрез бывшее помрачение ума ничего не упомнит яко и людей за собой что доподлинно крещен во свидетельство представить не имеет». Дальнейшая судьба Иоанна, к сожалению, неизвестна.

Если в предыдущем сюжете помутнение рассудка могло быть временным явлением и все же точно не было установлено, то в случае с Акимом Чермноморским сумасшествие было на лицо. Явившийся в Москву «новокрещеный из жидов» заявил в магистрате, а затем в канцелярии тайных розыскных дел: «Видете ли вы на небе, а я де вижу Бога и неизреченную ево славу и ангелов и знаю де, что будет впредь. Звезда де на небе была с лучем и я де об ней когда ее не было, говорил, что будет такая звезда…»[35]. По словам Чермноморского, пять лет назад он уже подавал челобитную в Сенат, в которой сообщил о своих способностях предсказывать будущее, но ему не верили ровно до тех пор, пока не появилась в небе обещанная им звезда, после чего был отпущен. Проведя процедуры по установлению личности, Сенат выяснил, что Аким Чермноморский (в иудействе Ирша) был прислан из Глухова в Москву и крещен в 1740 г., после чего ему было запрещено покидать внутреннюю территорию Российской империи («объявя ему что по крещению в малой россии и в близости при границах жить ему допу-

щено не будет»[36]). Тот факт, что Чермноморскому было запрещено проживать в Малороссии, впервые фиксируется в этом архивном источнике. В случаях крещения в Малороссии, неофиту предписывалось жить именно в этом регионе, тогда как переезд в Великороссию требовал особого разрешения (паспорта, как и для других жителей региона). В данном случае мы видим обратную ситуацию: крещенный в Великороссии, неофит лишался права возвращения в регион своего прежнего пребывания — Малороссию. Аким Чермноморский получил также сразу же назначение (по собственной просьбе) на должность управителя вотчиной в Спасской волости Нижегородского уезда, правда с должностью своей не справился и был уволен: возможно уже тогда поведение выкреста было не совсем адекватным. Обращает на себя внимание также статус восприемников Чермноморского: ими стали И.И. Бибиков и Н.П. Салтыков[37]. Причиной своего крещения сам неофит считал исключительно искреннюю веру в истинность православия. По его словам, намерение покинуть лоно иудаизма возникло еще в 1728 г., однако «в те времена не исполнилось всемогущего Бога намерения моего»[38]. Более того, пройдя обряд крещения и прожив некоторое время в России, неофит считает себя своего рода экспертом-критиком нравов коренных жителей страны и качества их веры. Так, среди прочего крещеный еврей подавал доношение в Синод о том, что «усмотрено де им, что крестьяне к церкви Божией не рачительны и в церковь ходить не знают и о протчем»[39].

Обстоятельства крещения и вообще иммиграции Акима Чермноморского в Россию оставляют довольно много вопросов. В частности, обращает на себя внимание высокий статус восприемников и запрет на въезд в Малороссию. Возможно, смена веры сопровождалась некими особыми обстоятельствами, оставшимися за пределами источников. Между тем, «повреждение ума» неофита, безусловно, сильно затруднило процессы интеграции неофита в новом социуме: он потерял работу, документы, начал вести бродяжнический образ жизни («а я именованный и доныне еще скитался меж двор и не могу себе дневной пищи получить и обретаюсь между таковыми которые не знают имени Божия и ругаются мною и бьют меня»[40]). Наши исследовательские инструменты не позволяют нам заключить с точностью, что было причиной, а что следствием: крещение в результате сумасшествия или сумасшествие в связи с неспособностью адаптироваться в новых условиях. Первый же департамент Сената, в чьем ведении находилось дело

Акима Чермноморского, поступил с ним так, как следовало, согласно общей практике общественного призрения: отправил неофита в монастырь.

Девиантное поведение, разумеется, свойственно не только неофитам. Однако эта социальная категория определенно находилась в «группе риска», поскольку оказывалась в пограничном состоянии: в отрыве от своей прежней социокультурной среды эти люди стояли перед необходимостью выстраивать собственные стратегии адаптации, подчас не имея ни средств к существованию, ни личных связей. «Особый» статус евреев в Российской империи, наличие многочисленных ограничительных законов автоматически наводят на мысль о существовании «особой политики» в отношении выкрестов еврейского происхождения. Дополнительным аргументом в пользу такого «подозрительного» и неоднозначного отношения к ним может служить русский фольклор. Всем известная пословица «жид крещеный, вор прощеный…» и ее вариации могут быть тому подтверждением. Рассмотрение случаев девиантного поведения среди крещеных евреев дает нам возможность проанализировать экстраординарные ситуации, очерчивающие границы феномена. Именно эти сюжеты могут, на наш взгляд, в наибольшей степени служить основанием для заключения о весьма лояльном отношении представителей российской власти как светской, так и религиозной к крещеным евреям и распространения на них всех норм и привилегий неофитов.

Примечания

[1] *Топоров В.Н.* На рубеже двух эпох: к новой русско-еврейской встрече (Л. Невахович и его окружение) // Славяне и их соседи. Вып. 5. М., 1994. С. 184.

[2] *Goldberg Y.* Ha-mumarim bemamlekhet Polin-Lita. (Выкресты в Польско-Литовском государстве). Иерусалим, 1985.

[3] *Teter M.* Jewish conversions to Catholicism in the Polish-Lithuanian Commonwealth of the seventeenth and eighteenth centuries // Jewish History. 2003. № 17. P. 257-283.

[4] *Kaźmierczyk A.* Conversion in the 17th–18th centuries: a serious problem? // Between Coexistence and Divorce: 25 Years of Research on the History and Culture of Polish Jewry and Polish–Jewish Relations. International Conference. The Hebrew University of Jerusalem, March 17–19. 2009; *Idem*. Żydowscy konwertyci w Krakowie w 2. poł. XVII w i 1. poł. XVIII wieku // Jewish History Quarterly (Kwartalnik Historii Żydów). № 1 (2011) S. 5–35 и др.

[5] *Shchenker E.* Imperial Hybrids: Jewish Conversions in Russia in the nineteenth century. Ph.D. dissertation. University of Pennsylvania, 2010.

[6] ПСЗ — I. Т. X. № 7869; *Леванда В.О.* Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени. СПб, 1874. С. 17-18.

[7] *Южанин М.А.* О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу. — Эл. ресурс. 2007. С. 12. http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf

[8] РГИА Ф. 796. Оп. 28. Д. 253.

[9] Там же. Л. 4 об.

[10] Там же. Л. 5.

[11] Об этом указе сообщается в деле Кискина, однако в Полном Собрании Законов Российской империи указ, датированный 10 июля 1722 г. не содержит этого постановления. См.: ПСЗ-I. № 4067

[12] Подобный случай с многократным крещением иудейки был зафиксирован в Кракове в 1757 г. Перед совершением обряда перехода в католичество Варвары Кшижановской выяснилось, что это было уже четвертое ее крещение. — *Zarubin P.* Zjawisko konwersji w stanisławowskim Krakowie // W poszukiwaniu religii doskonałej? Konwersja a Żydzi / Pod red. A. Jagodzińskiej. Wrocław, 2012. S. 67. Стремление к повторной смене веры, очевидно, было вызвано желанием личной выгоды в виде материальной помощи или иных социальных благ.

[13] РГИА Ф. 796. Оп. 28. Д. 253. Л. 8 об.

[14] Там же. Л. 53.

[15] В деле Афанасия Кискина среди прочего имеется описание его внешности: «а по осмотру он Киска явился двух аршин четырех вершков, волосы на голове черные, лицем скуловат, сухощав, нос остр, глаза карие, бороду бреет, а битых у него на теле знаков кнутом не имеется». — РГИА Ф. 796. Оп. 28. Д. 253. Л. 13 об. Составление подобного документа предписывалось лишь в том случае, если человек являлся холопом. Закабаление неофитов было широко распространенной практикой и в Речи Посполитой. Подробнее см.: *Goldberg J.* Op. cit. С. 61.

[16] Дело отложилось лишь в фонде Московской синодальной конторы. — РГАДА Ф. 1183. Оп 1. (1757 г.) Д. 389.

[17] См., например, дело Муси Иосифова, вышедшего из Запорожской Сечи. Биография иммигранта вызывала серьезные опасения киевских властей: Иосифов знал немецкий и турецкий язык, не раз принимал участие в дипломатических миссиях иностранных подданных. Подробнее о нем: *Рибинський В*. До історії жидів на Лівобережній Україні в половині ХУІІІ ст. // Збірник праць жидівської історично-археографічної комісії. Кн. 1. Киев, 1928. С. 84–85; ЦГИАУ Ф. 59. Оп. 1. Д. 4015; [Копия] САНЈР НМ 2/9149.15; ЦГИАУ Ф. 127. Оп. 157. Д. 65.

[18] РГАДА Ф. 1183. Оп. 1 (1757 г.) Д. 389. Л. 57–58.

[19] Там же. Л. 62 об.–63.

[20] РГАДА Ф. 1183. Оп. 1 (1757 г.) Д. 389. Л. 65.

[21] РГИА Ф. 796. Оп. 36. Д. 153. Л. 1.

[22] Там же. Л. 2.

[23] Там же.
[24] Там же. Л. 17.
[25] РГАДА Ф. 1183. Оп. 1. Д. 442. 1757 г. Л. 10.
[26] Там же. Л. 13.
[27] Там же.
[28] Я благодарю Олега Жидкова за предоставление сведений об этом архивном деле.
[29] РГАДА Ф. 248. Оп. 113. Д. 499. Л. 2 об.
[30] *Goldberg J.* Ha-mumarim bemamlekhet Polin-Lita. P. 68.
[31] ЦГИАУ Ф. 128. Оп. 1 вотч. Д. 820.
[32] Там же. Л. 6.
[33] Сну в еврейской традиции придавалось огромное значение. Сон мог трактоваться среди прочего как знамение, предупреждение, предостережение. Подробнее о сне в еврейской культуре см.: Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции / Сб. статей. Под ред. О. Беловой. М., 2006.
[34] ЦГИАУ Ф. 128. Оп. 1 вотч. Д. 820. Л. 7.
[35] РГАДА Ф. 248. Оп. 113. Д. 795. Л. 1.
[36] Там же. Л. 6.
[37] Об этом мы узнаем из доношения самого Акима Чермноморского. См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 795. Л. 8.
[38] Там же.
[39] Там же. Л. 13 об.
[40] Там же. Л. 12.

Дмитрий Фельдман
(Москва)

НИКОЛАЙ I И КРАКОВСКИЕ ЕВРЕИ: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ОДНОГО ДОКУМЕНТА ИЗ СОБРАНИЯ РГАДА

В собрании Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве обнаружен важный источник по истории польского еврейства середины XIX века. Это — «Верноподданнический адрес представителей еврейской общины г. Кракова российскому императору Николаю I» от 28 мая 1846 г. (на польском языке), который отложился в составе архивной коллекции «Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство» (ф. 154)[1]. Внешние особенности документа, поднесенного русскому монарху (и одновременно польскому королю), соответствуют значимости этого исторического события: он находится в жесткой обложке, покрытой синим бархатом, на которой с обеих сторон закреплены украшения из желтого металла в виде лиственного узора. Текст написан ровным каллиграфическим почерком, с широкими полями, занимая три листа с оборотами, а обращение к императору на первой странице выполнено крупным стилизованным шрифтом. Документ, написанный высокопарным слогом и носящий откровенно хвалебный характер, подписали пять лидеров общины «старозаконных» жителей Кракова во главе с ее раввином: «Вашего царско-королевского величества наинижайшие и всеподданнейшие слуги Бер Майзельс, раввин, Аб. Эренпрайз, А. Эйнбильд, Маркус Воль, С. Дейхез от имени гмины ветхозаветных Краковских»[2].

Чтобы понять причины, которые определили позицию и действия краковских евреев, и, соответственно, причины появления этого документа, следует прояснить историческую ситуацию, сложившуюся на тот момент в центре Европы, для чего обратимся к содержанию адре-

са. Приведем основную его часть в русском переводе: «Вот уже в третий раз в течение нескольких месяцев благословенный приезд Вашего царского величества разливает в этих краях бальзам утешения и надежды. И какое же сердце не возжелает этого после столь ужасной бури, посланной на город Краков по неисповедимым решениям Б-жим, какое же сердце не возгорится благодарностью при взгляде на наияснейший твой, Государь, облик, отцовская опека которого над опечаленными краковянами с быстротой молнии вырвала их из пропасти. Победоносные легионы Вашего царского величества, отданные на несколько десятков миль вглубь страны для зимнего отдыха, по одному твоему жесту, наияснейший государь, днем и ночью спешат на помощь опечаленному народу за несколько суток, надсмеявшись над самой докучливой порой года, с проясненным лицом, неустрашимым сердцем, с родимой песней на устах совершают пятидесятимильный поход. И жители Кракова всех вероисповеданий поздравляют их в своих стенах и со слезами благодарности и искренней радостью бросаются в их объятия, с особым вдохновением выкрикивая: Да здравствует наияснейший царь Николай Первый!»[3].

Как сказано ниже, еврейская община Кракова, тронутая «чувствами благодарности и любви» и воодушевленная «этой сверхчеловеческой добротой и великодушием», избрала подписавших адрес лиц в качестве «переводчиков» для выражения императору своих пожеланий.

Как известно, одним из решений послевоенного Венского конгресса 3 мая 1815 г. стало провозглашение Краковской республики — Вольного города Кракова с округом — как компромисс, к которому пришли правительства России, Австрии и Пруссии, не раз предъявлявшие претензии на город, впоследствии выразившиеся, например, в его оккупации армиями России (1831) и Австрии (1836–1841). Формально над городом была установлена опека трех государств через так называемых резидентов. Границы Краковской республики были открыты для беспошлинного ввоза товаров, вывоз же из региона в соседние государства (особенно в Россию) был обложен незначительной пошлиной. Все это способствовало превращению Кракова в крупный центр транзитной торговли между Пруссией, Австрией и входившим в состав Российской империи Царством Польским. Значительную долю в экономике и финансах города издревле играли еврейские предприниматели, поэтому позитивные изменения в хозяйственной жизни округа с почти стотысячным населением были им выгодны в первую очередь

и привели к повышению их деловой активности. Оживление торговли и ремесел в Краковской республике способствовало росту благосостояния мещанства, в том числе еврейского.

В эпоху австрийского владычества (1795–1815) жизнь евреев Кракова не улучшилась. Их не только держали в фактически существовавшей «черте оседлости» в краковском предместье Казимеж и ограничивали в торговых правах, но были еще введены свечной и мясной сборы, а число еврейских браков было фиксировано определенной нормой. В 1817 г. был издан «Статут, регулирующий быт ветхозаветных» (Statut urządzający starozakonnych). Этот юридический свод лишил кагал административно-судебной власти, оставив за ним надзор за религиозно-благотворительными учреждениями. Желая приобщить евреев к общеевропейской культуре, республиканское правительство открыло евреям доступ в общие школы, поставило в зависимость разрешение на вступление в брак от того, посещали ли молодые люди начальные училища, разрешило жить в Кракове тем евреям, дети которых обязались посещать общие школы, и закрыло хедеры. Однако эти мероприятия правительства не имели практических результатов. Евреи не особенно стремились к общему образованию: хасидизм пустил свои корни среди казимежских евреев. Когда этому не помогло и введение преподавания еврейского закона Божьего в народных училищах (1828), кагал открыл в 1830 г. училище, где наряду с общими предметами преподавали Еврейскую Библию и Талмуд. Впрочем, оно просуществовало только до 1834 г. из-за недовольства евреев методикой преподавания еврейских традиционных предметов. В республиканский период краковские евреи, несмотря на запреты властей, массами переселялись в городское предместье Страдом, где открывали свои заведения и магазины[4]. Только в 1868 г. евреям разрешили селиться по всему Кракову.

Спустя три десятилетия после создания вольной Краковской республики обострившийся кризис феодальной системы в различных странах привел к активизации в них революционных настроений. Одной из первых этот процесс затронул Польшу. 20 февраля 1846 г. в Кракове началось национально-освободительное и антифеодальное восстание, планировавшееся как часть общепольского выступления против иностранного господства и крепостнических порядков, тормозивших экономическое развитие этого региона. Первоначальный успех восстания был обусловлен поддержкой организаторов городской беднотой. 22 февраля повстанцы овладели Краковом. Национальное пра-

вительство провозгласило демократические права, отмену феодальных повинностей, передачу в собственность крестьян их земельных наделов, упразднение сословных различий и титулов, наделение землей безземельных крестьян, создание мастерских для безработных горожан.

Однако размах выступлений сельской и городской бедноты, как это часто случалось в истории, напугал умеренные шляхетско-буржуазные элементы, которые пришли к руководству восстанием и воспрепятствовали его распространению. Увлекшись формированием регулярной армии, руководители заняли выжидательную позицию. В результате революционный энтузиазм восставших не был использован со всей полнотой, и время было упущено. Нерешительность Национального правительства стала главной причиной поражения восстания. 3 марта Краковская республика пала под ударами объединенных военных сил России и Австрии. Впоследствии прусское, российское и австрийское правительства, несмотря на протесты Англии и Франции, по Венскому соглашению 6 ноября 1846 г. включили город в состав владений Австрийской империи. Тем самым правовой статус Вольного города Кракова, провозглашенный на Венском конгрессе 1815 г., был насильственно изменен. В 1848 г. Краков наряду со Львовом стал самым важным городом присоединенного региона.

Почему же Краковская еврейская община — во всяком случае, ее верхушка — с таким восторгом восприняла «зимний пятидесятимильный поход» русских войск и подавление ими и их австрийскими союзниками движения восставших низов? Ведь относительно недавно, в 1794 г., те евреи, кто имел тесные связи с польскими патриотами, приняли участие в общенациональном восстании под руководством Тадеуша Костюшко, направленном против чужеземного господства, за восстановление независимости Польского государства. Прямая вовлеченность евреев в события такого рода сама по себе являлась новым явлением. При этом ряд евреев участвовал в оборонительных боях с русскими войсками под Варшавой в составе особого «еврейского легиона» — подразделения легкой кавалерии под командованием полковника Берека Иоселевича. Значительное число евреев присоединилось к освободительной борьбе тем, что они вносили через национальные фонды и займы пожертвования из своих средств, обеспечивали армию насущными припасами, несли охрану или занимались сбором информации. Активная поддержка, оказанная повстанческому

движению еврейским населением, выразилась также в его участии в общественных работах в городах: плечом к плечу с католиками евреи возводили укрепления вокруг Варшавы даже по субботам[5].

Важно отметить, что польские евреи особенно страдали в переломные моменты истории. В Средние века, когда Польское государство подвергалось нападениям извне или страдало от внутренних смут, евреи обычно становились главным объектом гонений (погромы 1648–1649 гг. во время восстания казаков и украинских крестьян против власти Польши, вторжение шведской и русской армий в Польшу в 1654–1656 гг., набег казаков против евреев и поляков в 1768 г. и т.д.). Периодически происходили локальные еврейские погромы; известны многие случаи нападений, кровавых наветов и ложных обвинений, направленных против евреев. Что касается Кракова, то местные евреи еще в 1407 г. пережили ужасы погрома, спровоцированного священником, пустившим слух о ритуальном убийстве, причем многие здешние христиане после него разбогатели[6]. А в 1464 г. толпа, состоявшая из монахов, студентов, шляхтичей и крестьян, под лозунгом религиозной нетерпимости произвела в Кракове еще один кровавый погром[7]. В более поздние времена не прекращаются попытки ограничить права евреев введением новых законов, которые устанавливали дополнительные тяжелые налоги и экономические ограничения.

Горожане-христиане (ремесленники и купцы) видели в евреях многочисленных и сильных конкурентов[8], а крестьянство, которое по сравнению с евреями пользовалось значительно более узким кругом личных и экономических свобод, относилось к последним примерно так же, как к своим угнетателям-помещикам, считая евреев такими же эксплуататорами.

В Новое время одним из важнейших источников антиеврейских настроений стало формирование в обществе отрицательного стереотипа еврея — чужака-иноверца и эксплуататора. Причем под влияние этого стереотипа попадали даже представители интеллектуальной элиты. В России этот негативный образ еврея получил распространение в прессе и литературе к 1830-м годам, в правление Николая I. По всей видимости, на польских землях происходил тот же процесс, который активизировался ко времени, предшествующему буржуазно-демократическим революциям конца 1840-х годов. Положение усугублял и тот факт, что евреи, в силу своих религиозно-национальных особенностей, были обособлены от окружающего общества. Как и в средневековой

Польше, они по-прежнему пользовались широким внутренним самоуправлением, но вместе с тем были бесправны в гражданском и политическом отношениях. Все это также способствовало распространению юдофобских настроений. Кроме того, история свидетельствует, что усиление антисемитизма наблюдается именно в период реформ, особенно на начальной стадии, когда еще отсутствуют реальные результаты в преобразовании общества.

Революционные события 1846 г. в Кракове также вызвали вспышку ненависти к евреям со стороны низших слоев населения округа. Немаловажно и то, что восстание нарушило сложившуюся хозяйственную структуру как в Галиции, так и в Польше. Были приостановлены традиционные экспортно-импортные операции, а крупные предприниматели, среди которых было множество евреев, несли огромные убытки. По сути, лидеры еврейской общины Кракова оказались в данной ситуации на стороне колебавшихся руководителей восстания, чья политика была направлена на свертывание вооруженного сопротивления и сдерживание революционно настроенной массы. Очевидно, именно поэтому восстановление порядка и спокойствия в городе силой оружия соседних держав было воспринято «гминой» краковских евреев достаточно положительно. Именно в тот момент, когда занятый союзными войсками Краков посетил Николай I, ему был поднесен приветственный адрес от местной еврейской общины.

В нашей работе нельзя не уделить более пристального внимания фигуре выдающегося раввина и политического деятеля Б. Майзельса, чья подпись стоит первой под рассматриваемым источником. Доб-Беруш (Бер) Майзельс (Мейзельс) родился в 1798 г. в г. Щекоцине Радомского уезда, он происходил из старинной краковской семьи. Отец его, рабби Исаак, был раввином в г. Каменец-Подольском, где Майзельс провел молодость. Женившись, он поселился в Кракове, где стал заниматься кредитными операциями в банкирской конторе «Майзельс и Горовиц». В 1832 г. он был назначен местным раввином и состоял таковым в течение около двадцати пяти лет, хотя не был признан всей общиной, большинство которой поддерживало его противника рабби Саула Ландау. Майзельс всегда принимал живое участие в общественной жизни Кракова и в бурный 1846 год был избран одним из тринадцати сенаторов города-республики. Пользуясь большой популярностью и среди христианского населения, он в 1848 г. избирается представителем Кракова в первый австрийский рейхсрат (заседавший в

г. Кремзире), где примкнул к оппозиции[9]. Кроме него от Галиции были избраны евреи купец Авраам Гальперн (г. Станислав) и венский проповедник Исаак Мангеймер (г. Броды). Рост политической активности краковских евреев привел к избранию в том же году в городской совет тринадцати еврейских представителей.

В 1856 г. Майзельс был приглашен из Западной (Новой) Галиции в Варшаву — столицу Царства Польского (находившегося в составе Российской империи с 1815 г.) — и единогласно избран преемником скончавшегося варшавского раввина Давидсона. Здесь он становится одной из популярнейших фигур, обретя доверие и уважение со стороны не только евреев, но всего населения Варшавы. Положение еврейских жителей этого края даже по сравнению с остальной территорией России было весьма тяжелым. Хотя неоднократно возбуждался вопрос о том, чтобы уравнять их с российскими евреями, местные иудеи находились в исключительно неблагоприятных условиях гражданской жизни, и это состояние оставалось без изменения вплоть до начала еврейских преобразований в Царстве Польском в «эпоху великих реформ» Александра II (по императорскому указу от 24 мая 1862 г. о гражданских правах евреев). Продолжался рост нищеты, проистекавшей от крайней скученности живших здесь евреев и постоянного стеснения их в торгово-промышленной деятельности.

Именно в этот период в польском обществе распространилась идея о солидарности евреев с поляками, одним из носителей которой явился Майзельс. Его имя связано с рядом событий, произошедших в Варшаве в 1861 г. В связи с тем, что Александр II продолжил политику Николая I в «польском вопросе», в этой части Российской империи активизировалось оппозиционное движение (закончившееся восстанием 1863 г.), в котором участвовали бюргерство, мещанский элемент, представители интеллигенции, низшие чиновники, купцы, в том числе и евреи. После разгона войсками многотысячной манифестации 27 февраля 1861 г., сопровождавшегося человеческими жертвами, произошло объединение перечисленных общественных групп. Тем самым усилия Майзельса, направленные на то, чтобы побудить евреев принять сторону поляков, увенчались успехом. Под руководством маркиза А. Велепольского на собрании умеренных варшавских кругов было решено выбрать несколько человек для составления адреса от Варшавы на имя императора; среди них был выдвинут и раввин Майзельс[10]. В числе различных предложений в адресе было указано также уравнение евреев в правах

с прочим населением. Правда, он не был принят, а монарху был послан другой, составленный в Земледельческом обществе, состоявшем из оппозиционно настроенных представителей высших польских сфер под председательством графа А. Замойского. Этот адрес поддержали различные сословия и группы — от еврейской общины его подписал Майзельс. Он же участвовал в грандиозной траурной процессии 2 марта при погребении первых жертв, совершив религиозный обряд у гроба после католических епископов и пасторов. (Польский художник А. Гроттгер написал картину, изображающую Майзельса в талесе, окруженным даянами (членами религиозного суда) общины, произносящим молитву в память погибших).

Вместе с патером Вышинским и другими лидерами движения Майзельс находился в составе делегации, отправившейся в городскую ратушу. Позже наместник назначил его членом Временного муниципального совета Варшавы, однако Майзельс остался верным полякам и этим предупредил еврейский погром, который планировали устроить некоторые польские руководители. Раввин со своими единомышленниками стремился внушить еврейскому населению, что поляки, участвующие в движении оппозиции, — истинные друзья евреев. За эту агитацию Майзельс и несколько учителей Варшавского раввинского училища были арестованы. Несмотря на это, он призывал евреев участвовать в польских религиозно-национальных демонстрациях. И когда по распоряжению католического духовенства костелы были закрыты в знак протеста против того, что власти производили там аресты, представители еврейской общины под влиянием Майзельса постановили прекратить богослужение в синагогах[11]. В конце 1861 г. Майзельс вместе с проповедником общины доктором М. Ястровым был вновь арестован и изгнан из Царства Польского, но уже в 1862 г. ему было разрешено вернуться в Варшаву, где он оставался до своей кончины. Майзельс умер 5 февраля 1870 г. в Варшаве. В его похоронах участвовало несколько десятков тысяч человек различных исповеданий. Правда, стоит заметить, что солидарность группы передовых образованных евреев («поляков Моисеева закона») с польским оппозиционным обществом не встречала активного сочувствия в широкой еврейской массе, которая в целом осталась индифферентной ко всякого рода политическим проявлениям. Тем не менее активная деятельность раввина Д.-Б. Майзельса стала заметной страницей в истории польского революционного движения накануне восстания 1863 г.

Сравнивая деятельность Майзельса в 1846 и 1861 годах, мы можем говорить об эволюции его политических взглядов, связанных с пониманием места и роли еврейского народа в окружающем социуме, — от противодействия движению, носящему национально-освободительный характер, к активному участию в подобном движении; от адреса, содержащего благодарность и здравицы Николаю I за фактическую ликвидацию Краковской республики, до петиции с претензиями Александру II и предложением возможных путей улучшения положения всего польского населения.

Примечания

[1] Российский государственный архив древних актов. Ф. 154. Оп. 3. Д. 220. Л. I–I об., 1–2 об.

[2] Там же. Л. 2 об.

[3] Там же. Л. I об.–1.

[4] См.: Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. В 16 т. СПб., [1908–1913]. Т. IX. Стб. 815–816.

[5] См.: *Бэкон Г.* Положение евреев в России после разделов Польши // Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. Тель-Авив, 1995. Ч. 6. С. 197–203.

[6] См.: *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1. С. 23–24.

[7] Там же. С. 25.

[8] См.: *Эттингер Ш.* Россия и евреи. С. 33–34, 62–66.

[9] См.: Еврейская энциклопедия. Т. X. Стлб. 506–507.

[10] См.: *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Л., 1927. Т. 2. С. 188.

[11] Там же. С. 189–190.

Владимир Щукин
(Николаев)

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ НИКОЛАЕВСКОГО КАЗЕННОГО РАВВИНА ЛЕЙБА ВИЛЕНСКОГО В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЕ

Лейб Вольфович (Иегуда-Лейб-Нисан Вульфович) Виленский родился в 1870 г. в местечке Чечерск Могилевской губернии в семье потомственных раввинов. Обучался в Берлинском и Базельском университетах, в 1891 г. получил степень доктора химии и философии. Во время обучения в Берлине увлекся идеями сионизма, был одним из основателей Берлинского союза студентов-сионистов, участвовал в сионистских конгрессах[1].

В 1902 г. Л. Виленский баллотировался в качестве одного из кандидатов на выборах Николаевского городского казенного раввина. Раввинские выборы состоялись 30 октября 1902 г. По результатам голосования одинаковое число голосов получили кандидаты Л.В. Виленский и А.А. Фрейденберг. Как отмечала столичная газета «Будущность», «Раввинские выборы, окончившиеся избранием доктора философии г. Виленского, не обошлись без протеста. От имени 24 уполномоченных поступила 5 ноября в городскую управу «докладная записка», имеющая целью доказать, что г. Виленский не достоин и не вправе занимать должность Николаевского городского раввина. Аргументация протестующих сводится к тому, что у г. Виленского «нет раввинского прошлого»… и что у него нет надлежащего [образовательного] ценза» (т.к. он окончил иностранный университет)[2]. Подача протестов по поводу нарушений в ходе выборов казенного раввина для николаевской еврейской общины была обычной практикой, это было отражением внутренней борьбы за лидерство в общинных делах меж-

ду различными группировками. С формальной точки зрения жалобщики были правы, тем не менее в начале 1903 г. Николаевский градоначальник все же утвердил Л.В. Виленского Николаевским общественным (казенным) раввином, его помощником стал Л.Г. Анчилевич. Поскольку кандидат в раввины не был местным жителем, у городской полиции, очевидно, не было данных о его сионистском прошлом, так что никакого подозрения данная кандидатура у николаевской администрации не вызвала (в это время уже существовала практика при утверждении евреев на любые выборные должности проверять их благонадежность по базам данных полиции и жандармского корпуса).

К моменту переезда в Николаев в семье Виленских было уже двое детей — сын Шмуэль и дочь Мириам (в будущем известная израильская детская писательница Мириам Ялан-Штекелис).

Молодой, образованный и энергичный раввин пользовался уважением николаевского еврейского купечества и интеллигенции. Его избрали членом правления нескольких благотворительных обществ. Не скрывал Л.В. Виленский и своего критичного отношения к некоторым аспектам деятельности раввинов. С большой долей вероятности можно предположить, что именно он был автором анонимной заметки в столичной газете «Восход», в ней говорилось: «Не мешало бы теперь нашей общине подумать об уничтожении особой платы за всякие духовные требы… Пора наконец избавить бедное население от всяких приплат за рождения и смерти, венчания и разводы…, масса лиц, понятно, из бедного слоя, остаются не внесенными в метрические книги, единственно лишь потому, что у родителей не было полтинника или рубля на оплату трудов раввина»[3] Израильский исследователь М. Полищук считает, что именно во время пребывания на посту городского раввина Л.В. Виленского Николаевский раввинат достиг наибольшего влияния и авторитета за всю историю своего существования. Тот же автор обратил внимание на то, что раввина удивляла индифферентность николаевских евреев по отношению к религии. Он называл Николаев «гойским» городом, где «Тора была «редким товаром», а большинство еврейского населения не знало еврейской традиции, языка, истории. Раввин писал о росте количества евреев-выкрестов (в основном среди интеллигенции) и недоумевал по поводу их участия в благотворительных и просветительных учреждениях общины[4].

Особое внимание городских властей к деятельности городского раввина было привлечено в связи с революционными событиями осе-

ни 1905 г. 18 октября в Николаеве был получен текст Высочайшего Манифеста о даровании прав и свобод жителям Российской империи. События этого и последующих дней изложены в документе, составленном ротмистром Херсонского губернского жандармского управления Левдиковым по донесениям тайной жандармской агентуры. В нем отмечалось: «Виленский Лев Вульфович, Николаевский городской раввин. До Высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 г. Виленский, как человек в высшей степени умный и хитрый, вел дело политической пропаганды среди еврейского населения города чрезвычайно осторожно и умно… В проповедях очень искусно касался современного общественного строя, едко критикуя самодержавный режим, всячески притесняющий евреев, считая их элементом опасным. Манифест 17 октября совершенно пьянил сдержанного ранее раввина Виленского, и он 18 октября произнес публичную речь с крыльца театра Шеффера. В речи он поздравил народ с завоеванной свободой, доказывая, что манифест дан под давлением грозного еврейского пролетариата и требовал немедленного его осуществления и низвержения всего существующего самодержавно-бюрократического строя. “Довольно с нас гнета и унижения, покажем всему миру, что мы евреи — сила, перед которой склонит голову сгнившее самодержавие”»[5]. Если принять на веру все изложенное в документе, то Л. Виленский предстает перед нами в облике революционера-радикала социал-демократического толка, что явно не вяжется со статусом городского раввина, даже с учетом его сионистских симпатий.

В докладной записке жандармского ротмистра упомянуто, что Л. Виленский в своем выступлении призвал к созданию Южнорусской республики. Этот призыв прозвучал из уст раввина отнюдь не случайно. Идея создания Южнорусской (Южной) еврейской республики зародилась в умах российских сионистов еще в конце XIX в. после I Сионистского конгресса. В условиях разрастания российской революции в 1905 г. эта идея была поддержана российскими эсерами. Создание Южнорусской республики было одним из лозунгов революционного восстания, происходившего в Одессе в июне 1905 г., для чего там даже был создан специальный комитет, деятельность которого, впрочем, оказалась совершенно безрезультатной[6].

Принято считать, что создателем еврейской самообороны в Николаеве был Моше Кац, который создал первый отряд из еврейской молодежи еще летом 1904 г.[7] К сожалению, прямых упоминаний о дей-

ствиях еврейской самообороны в период еврейского погрома в Николаеве в октябре 1905 г. в документах николаевской полиции и жандармского корпуса обнаружить пока не удалось. Есть лишь косвенные упоминания о том, что жители окраинных улиц города (Степной и Шоссейной) заявляли о появлении толпы вооруженных евреев-революционеров, угрожавших учинить резню над русскими. Впрочем, никаких доказательств появления этой толпы полиция по свежим следам не обнаружила, и сами полицейские приставы сочли все эти заявления провокацией[8].

Возвратимся к донесению жандармского ротмистра Левдикова. Далее в нем говорилось, что Л. Виленский «18, 19 и 20 октября [1905 г.] приходил к градоначальнику в составе депутации от города, вел себя в высшей степени дерзко и вызывающе, прямо укорял городскую власть в организации еврейского погрома. 9 ноября Виленский отправил в Кривой Рог 28 человек боевиков для организации там боевой дружины, и сам отправился туда же 11 ноября для личного участия в организации этой революционной дружины»[9]. Следует отметить, что обвинения Л. Виленского по адресу городской администрации не были беспочвенными. Именно из-за попустительства и пассивности градоначальника и городской полиции погром не пресекли в самом начале, и он продолжался три дня. Жандармская агентура пытается демонизировать личность раввина, выставляя его еще и организатором еврейской самообороны в Кривом Роге. Вопрос о причастности Николаевского городского раввина к организации оборонительных отрядов следует признать достаточно дискуссионным, поскольку каких-либо документально зафиксированных упоминаний о его связях с самообороной в период еврейского погрома в Николаеве в октябре 1905 г. пока не выявлено.

Л.В. Виленский стал одним из инициаторов создания Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погрома в Николаеве, появившегося в конце октября 1905 г. при Николаевском биржевом комитете, и возглавлял его до своего ареста в начале 1906 г. Силами этого Комитета в период с 25 октября по 27 декабря 1905 г. в пользу жертв погрома собрано 117 256 руб. 46 коп.[10].

В связи с сохранявшейся опасностью революционных выступлений и еврейских погромов, в Николаеве было введено особое положение, и с начала 1906 г. власть в городе перешла в руки временного Николаевского генерал-губернатора. На этот пост назначен генерал А.Н. Сту-

пин. По его распоряжению в начале января 1906 г. в числе прочих подвергнут аресту и Л.В. Виленский. 18 января секретным письмом, направленным министру внутренних дел П.А. Столыпину, А.Н. Ступин просил разрешения выслать арестованного раввина за пределы Николаевского градоначальства. К письму прилагались агентурные сведения, о которых шла речь выше. Министр между тем проявил осторожность и 20 января телеграммой через Одесского временного генерал-губернатора А.В. Каульбарса предложил высылку временно отложить.

Дело раввина Л.В. Виленского во внесудебном порядке спешно рассматривалось 30 января 1906 г. особым совещанием при Министерстве внутренних дел. В то же день телеграммой «от Департамента полиции объявлено раввину Льву Вольфовичу Виленскому, что по рассмотрении в особом совещании… обстоятельств дела о названном лице, господин министр внутренних дел постановил: выслать Виленского в отдаленные места Якутской области под надзор полиции на 4 года, считая срок с 26 января 1906 г.»[11]. Таким образом, решение о ссылке Л.В. Виленского было принято Министерством внутренних дел лишь на основе агентурных данных, фактически без суда и следствия.

Арест Николаевского городского раввина приобрел общероссийскую известность, о нем писали столичные газеты, арест связывали с «интригами заинтересованных в ближайших выборах раввина лиц и стремлением партии «правового порядка» обезопасить себя во время выборов в Государственную Думу от нежелательных им лиц»[12]. Так как дело стало приобретать нежелательную огласку, полиции пришлось все же начать расследование, после чего П.А. Столыпин 28 марта того же года отменил предыдущее решение особого совещания, объяснив это тем, что виновность раввина «установлена исключительно данными агентурного характера, которые не могли быть проверены», но при этом и не были полностью опровергнуты показаниями свидетелей. В связи с этим предписывалось «воспретить Виленскому жительство в Николаеве и Херсонской губернии на определенный ему четырехлетний срок и вменить… в назидание предварительное содержание под стражей»[13].

6 апреля 1906 г. раввина освободили из-под стражи и предложили покинуть пределы Николаевского градоначальства не позднее утра следующего дня на срок до отмены в городе особого военного положения. По донесению Николаевского полицмейстера, Л.В. Виленский

7 апреля выехал в Харьков, впоследствии он больше в Николаев никогда не возвращался[14].

Можно высказать предположение по поводу того, кто же был заинтересован в том, чтобы скомпрометировать Л. Виленского в глазах николаевских городских властей. С большой долей вероятности этой фигурой был помощник казенного раввина Л.Г. Анчилевич, который до этого неоднократно выставлял свою кандидатуру на выборах городского казенного раввина, но ни разу не получил необходимого большинства голосов. Именно он по распоряжению градоначальника был назначен исполняющим на должность Николаевского казенного раввина сразу же после ареста Л. Виленского и оставался в таком статусе более десяти лет. Не удалось обнаружить документов, почему в дальнейшем (вплоть до конца 1917 г.) сведения о выборах городового раввина отсутствуют. Л. Анчилевич подчеркнуто демонстрировал лояльность местной администрации, понимая, что от этого зависит его благополучие, при этом интересы еврейской общины для него часто отходили на второй план. Его личность достаточно ярко характеризует заметка, опубликованная в 1913 г. в газете «Новый Восход». В ней отмечалось, что Николаевский раввин Л.Г. Анчилевич не был избран местной общиной, «а получил раввинство от благоволившей к нему власти. Семь лет… тяготело над еврейской общиной в Николаеве это пастырское бремя, всеми столь презираемое, что при малейшей возможности николаевские евреи избегали возможности пользоваться его услугами... Он брал ростовщические гонорары за свидетельства и справки, и не было отрасли услуг, которую он не обложил бы своими налогами. О том, как относилась николаевская еврейская община к «своему» раввину, свидетельствует уже тот факт, что в Николаеве нет ни одного общинного учреждения, ни одного просветительного или благотворительного общества, куда Анчилевич входил бы в качестве члена-попечителя или члена правления»[15].

Дальнейшая судьба Лейба Вульфовича Виленского сложилась достаточно ярко. Вскоре он с семьей переехал в Берлин, где продолжал активно участвовать в сионистском движении. После начала I Мировой войны как российский подданный он должен был вернуться в Российскую империю, неоднократно менял место жительства, проживал в Минске, Петрограде, вновь вернулся в Харьков. После Февральской революции избран председателем харьковской еврейской общины. Участвовал в работе Всероссийского сионистского конгресса в Петро-

граде (1917 г.). В 1920 г. Л.В. Виленский эмигрировал в Палестину. Там он работал в фонде «Керен Ха-Йесод», созданном Х. Вейцманом и З. Жаботинским для финансирования процессов создания и развития инфраструктуры будущего еврейского государства. Умер Л.В. Виленский в 1935 г. в возрасте 65 лет, похоронен в Хайфе.

Примечания

[1] Виленский Иегуда-Лейб-Нисан // Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 225.

[2] Будущность. 1902. № 46. С. 913.

[3] Восход. 1903. № 11. С. 26–27.

[4] *Полищук М.* Евреи Одессы и Новороссии. Социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии 1881–1904. М., 2002. С. 229.

[5] Государственный архив Николаевской области (ГАНО). Ф. 229, оп. 4, д. 161, л. 6.

[6] *Шигин В.* Неизвестный лейтенант Шмидт // Наш современник. 2001. № 10. С. 236–237.

[7] *Вишневецкий А.* Поколение, потерявшее страх // Еврейский камертон (приложение к газете «Новости недели»). 27.10.2005.

[8] Подробнее об этом см.: *Щукин В.В.* Еврейские погромы в Николаеве // *Щукин В.В., Павлюк А.Н.* Земляки. Очерки истории еврейской общины города Николаева (конец XVIII — начало XX вв.). Николаев, 2009. С. 148–167.

[9] ГАНО. Ф. 229, оп. 4, д. 161, л. 6.

[10] ГАНО. Ф. 229, оп. 1, д. 144, л. 2–68.

[11] ГАНО. Ф. 229, оп. 4, д. 161, л. 20.

[12] Хроника еврейской жизни. 1906. № 5. С. 23–24.

[13] ГАНО. Ф. 229, оп. 4, д. 161, л. 77–78.

[14] Там же. Л. 80, 84.

[15] Новый Восход. 1913. № 28. С. 16.

Александр Безаров
(Черновцы)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКО-ЕВРЕЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Под понятием «русско-еврейская революционность» мы имеем в виду особенный тип системы ценностей, и определяемую ею модель поведения, которая была присуща определенной прослойке ассимилированной русско-еврейской интеллигенции — социальной группы, которая возникла вследствие недолгой, но, как оказалось, социально значимой политики эмансипации в Российской империи 1860-х годов. Радикальные политические настроения, выразителями которых были представители данной социальной прослойки, в конце столетия создали предпосылки для формирования институциональных форм и методов революционной деятельности российских политических организаций (прежде всего социал-демократических и неонароднических партий).

Русско-еврейская интеллигенция, как известно, представляла собой принципиально новый тип людей, которые в 1870-х гг. стремились изменить мир вокруг себя, опираясь на постулаты европейского Просвещения о справедливости, добре и красоте[1]. Целью их особой миссии была европеизация и модернизация российских евреев в духе либеральной идеологии. Русская интеллигенция 1860-х гг., которая неожиданно для себя оказалась на острие политики либерализации, рассматривала молодых маскилов в качестве верных союзников в борьбе за либеральные ценности, поскольку представители этой уже новой генерации, свободно владеющие русским языком, идентифицирующие себя с русской культурой, выражали готовность интегрироваться в российское общество, сохраняя при этом свои национальные особенности. Будущий лидер Партии эсеров В.М. Чернов по достоинству оце-

нил революционный потенциал русско-еврейской интеллигенции, которая, по его мнению, представляла совершенно особенный моральный и социальный тип, аналога которому нет нигде в мире. «Ибо нет другой большой мировой культуры, с которой так легко и свободно сживалась бы еврейская интеллигенция, как с русской. Еврей и русский, всегда скорее и полнее поймут другу друга, чем немецкий еврей и русский еврей…»[2].

Однако непоследовательность буржуазных преобразований Александра II, острый кризис идентичности собственно русской интеллигенции, связанный с уже традиционными идеологическими поисками своего места в российской истории, подъем национального самосознания этносов Российской империи (в том числе и русских) вынуждали некоторых представителей русско-еврейской интеллигенции отказываться от прежней лояльности режиму и вставать на путь оппозиционности. «Социализм, — писал бывший активист Бунда Давид Заславский в биографическом очерке о легендарном лидере еврейского рабочего движения России Владимире Медеме, — тысячами приводил и приводит еврейскую молодежь к русской культуре — яркой, революционной, богатой талантами, могучей литературой, грандиозными задачами, планами, мечтами. Социализм гонит эту еврейскую молодежь из глухих местечек, из провинциальных углов, из еврейских рабочих кварталов в русские большие города, на крупные русские заводы, в фабричные центры. Это — в порядке вещей. Но социализм привел также юношу Медема от русской культуры, от блестящей карьеры, в извилистые и тесные переулки виленской еврейской бедноты и из русского интеллигента с льняными волосами, с голубыми глазами, сделал типичным по духу, по взглядам еврейского социалиста»[3].

Лидеры революционной русско-еврейской элиты попытались взять на себя роль народных представителей перед российским обществом и государством, но без соответствующей легитимности со стороны национальных еврейских групп, поскольку либерализация в еврейском вопросе несла в себе потенциальную угрозу определенной секуляризации традиционного еврейства в духе идей Просвещения (речь шла о спасении еврея как человека и в тоже время предполагало уничтожение его как еврея традиции). Поэтому, уже после первого всплеска антисемитизма 1870-х гг., а особенно после погромной кампании 1881–1882 гг., революционно настроенные ассимиляторы оказались «самозванцами» или «изгоями» не только среди русской (либеральной) ин-

теллигенции, большая часть которой уже мало верила в политический успех Гаскалы (а по сути, в возможность изменить еврейское в еврее), но и среди еврейского сообщества, представители которого, в свою очередь, были уверены, что ассимиляция — это не тот метод, благодаря которому российские евреи смогут восстановить утраченную идентичность, особенно в условиях усиления политического и общественного антисемитизма. «Новая социальная прослойка внутри еврейского населения, — отмечает по этому поводу Д.А. Эльяшевич, — представляла собой день ото дня увеличивавшуюся группу людей, уже оторвавшихся от патриархального мира местечка, но, в силу своего социально-экономического положения, образования и широты кругозора, не имевших возможности влиться ни в рафинированную среду городской либеральной интеллигенции, ни в палестинофильское движение… Именно эти «изгои», процесс пролетаризации которых при деятельном содействии российского правительства шел в конце века стремительными темпами, как раз и составляли костяк еврейских социал-демократических групп и организаций»[4]. Их прошлое, писал видный русско-еврейский культуролог С.Л. Цинберг, оказалось мертвым, их идеалы, их вера были безжалостно разбиты, их кумиры — свергнуты с пьедесталов; образовалась огромная зияющая пустота, которую нечем было заполнить[5]. Таким образом, приблизительно к концу 1870-х гг. из среды русско-еврейской интеллигенции выделилась особая маргинальная группа еврейских ассимиляторов, которые попытались навсегда отказаться от своего еврейства либо через крещение, либо путем поиска новой идентичности в революционных организациях. Благодаря революционности (более, чем процессу крещения) — этой внешней силе, русско-еврейские маргиналы, лишенные собственной идентичности, вновь обретали чувство уверенности в завтрашнем дне. У них больше не возникало сомнений по поводу того, кто «они», ибо за них все уже определила и ответила на все существующие вопросы внешняя сила — революционность, с которой они связали свою судьбу; все их чаяния и надежды, смысл их жизни, боль и страдания определялись тем огромным и сильным целым, в котором растворялась их индивидуальность, их «я».

Встреча еврейских маргиналов со своими русскими «двойниками» обычно происходила в российских университетах — плавильных котлах для еврейской интеллигенции, благодаря которым «еврейский социальный ландшафт переосмысливался в однозначно российских кате-

гориях»[6]. Именно в университетских аудиториях зарождалась первая плеяда таких молодых еврейских революционеров как Николай Утин, Соломон Чудновский, Лазарь Гольденберг, Марк Натансон, Иосиф Аптекман, Павел Аксельрод, которая, по мнению известного российского сиониста и публициста Д.С. Пасманика, «была еврейской лишь в своем горе, своей обиде и своих страданиях; она мечтала о русской революции»[7]. Когда на одной из происходивших в конце 1860-х гг. в Петербургском Технологическом институте студенческих сходок какой-то студент заявил, что «нужно быть готовым на жертвы», Л. Гольденберг (которому, тем не менее, благодаря своим блестящим знаниям, удалось добиться перевода из Харьковского университета в Технологический институт столицы) возразил: «Нет, мы не жертвы принесем, а на казенный счет развезем по всей России социалистические идеи, которые теперь пропагандируем только в своем маленьком кружке»[8]. Для П. Аксельрода, который начал свой путь от «европеизатора» еврейского общества к «европеизатору» российского рабочего движения в стенах юридического факультета Киевского университета, главным «внутренним революционным двигателем» оказалась «ненависть к безобразиям современного строя»[9]. Очевидно, что в Киеве, в среде университетской молодежи, П. Аксельрод сформировался как профессиональный революционер, как лидер российского социалистического движения[10]. Прозрение еврейских маргиналов явилось не только частью того общего процесса одухотворения героизмом, которым была охвачена вся русская интеллигенция, ибо, по словам Н.А. Бердяева, ничто так не утверждает психологии героизма, как внешние преследования, гонения, борьба с ее перипетиями, опасность и даже погибель[11], но и попыткой превратиться из видимого в невидимое меньшинство[12].

Если революционность вообще, или, как верно подметил русско-еврейский философ С.Л. Франк, «принципиальная революционность» была типичной чертой умонастроения русской интеллигенции, своеобразным внутренним религиозным догматом, без которого невозможно понять моральной жизни русской интеллигенции[13], то революционность еврейских ассимиляторов, ко всему прочему, поддерживалась маргинальной ситуацией неассимилируемости еврея, так как его не принимали как обыкновенного человека, а всегда и везде — именно как еврея. Следовательно эта ситуация рождала новый парадокс: «неаутентичный еврей, стремясь затеряться в толпе христиан, в то же время оставался жестко привязанным к еврейской среде»[14], что приво-

дило к глубокому кризису его идентичности, поскольку даже крещение еще не гарантировало еврею получения «входного билета» в христианское общество, и не только по причине антисемитизма этого общества, но и потому, что преодолеть свое «еврейство», как оказалось, евреям было не просто. «Теперь, — писал М.А. Бакунин в 1871 г., — уже не суеверный культ Иеговы формирует еврея; окрещенный еврей остается, тем не менее, евреем»[15]. Своеобразный «комплекс мешумеда (отступника)», отрицателя всякой религиозности, еврейского нигилиста, но все же еврея, гениально изобразил А.П. Чехов в «Путевом наброске» 1887 г., в котором главный персонаж, «бывший Исаак» (Александр Иванович Скурат), рассказывает о «своем неодолимом стремлении к просвещению», о побеге из родной семьи, о скитаниях и бедствиях, которые он испытал; «…и чем ярче воскресало в нем прошлое, тем сильнее чувствовался в его речи еврейский акцент»[16]. «Подбирая фразы, — писал А.П. Чехов, — он как будто старался собрать все силы своего убеждения и заглушить ими беспокойство души, доказать себе, что, переменив религию отцов, он не сделал ничего страшного и особенного, а поступил как человек мыслящий и свободный от предрассудков, и что поэтому он смело может оставаться в комнате один на один со своей совестью. Он убеждал себя и глазами просил у меня помощи…»[17]. Именно русская интеллигенция, как нам кажется, в силу своего собственного чувства экзистенциальной обреченности человека вообще, смогла настолько тонко прочувствовать ту глубокую душевную драму, которую испытали многие российские мешумеды. «Я вспомнил голую, пустынную степь между Никитовкой и Хацапетовкой и вообразил себе шагающего по ней Александра Ивановича с его сомнениями, тоской по родине и страхом одиночества»[18].

Неудивительно поэтому, что в ряды революционеров уходили лишь те евреи, которые попытались духовно дистанцироваться от своего еврейства и окончательно превратились по отношению к своей народности в отрезанные ломти, «перекати-поле». «Ни один из евреев-революционеров не руководствовался в своих действиях интересами своего народа, ибо никто из них не считал себя евреем»[19]. «Падали стены гетто, рушились социальные перегородки, — писал В. Медем, — но отголоски старой психологии еще слишком живы были в душе еврея; слишком ярко запечатлелся в ней накопленный за многие годы опыт, слишком сильно было недоверие к тем, кто еще так недавно травил и гнал его… Права, которые великодушно давались евреям торжест-

вующей буржуазией в пылу революционного увлечения, были непрочны; они не были завоеваны, они были получены в подарок не под напором силы, а во имя абстрактного принципа равноправия. В весенней атмосфере эмансипации еврей чуял отголоски старой, суровой зимы. Ревностно обеспечивая за собою участие на равных правах в роскошном пиршестве торжествующего капитализма, он чуял, этот старый скептик, ту разницу, которая имелась между ним и «коренным» жителем. Еврей, робкий и забитый, привыкший встречать презрение и сам заражающийся этим презрением к своей национальности, видел прочное обеспечение себе прав в отказе от своего национального обличия. Для того, чтобы стать общечеловеком, ему надо было стать французом или немцем»[20]. «До 1871 года (то есть до Одесского погрома. — *А.Б.*), — вспоминал известный русско-еврейский революционный деятель Л.Г. Дейч, — я решительно не чувствовал себя членом гонимой, преследуемой нации. Всегда окруженный христианами, я не имел ясного представления об ограничениях в правах, тяготевших над моими единоплеменниками, да и вообще я не задумывался об их положении. Не испытывая сам никаких стеснений и не слыша от окружавших меня лиц ничего такого, что возбуждало бы во мне националистические чувства, я считал себя русским по симпатиям, стремлениям, идеалам. Но это печальное происшествие вдруг открыло мне глаза»[21].

Поскольку «природа беспокойства еврея не метафизическая, а социальная, и тревожит его, как правило, не место человека в мире, а его место в обществе»[22], то не удивительно, что революционные идеи так страстно увлекали молодых еврейских маргиналов, если учесть, что большинство из этих идей предполагали «побег во Всеобщее», умозрительные, рациональные конструкции построения новой — отличной от той, которую предлагали «христианские правительства», — социальной действительности, основанной на «упражнении в аскетизме и очищении»[23]. Можно согласиться с мнением Д.С. Пасманика, который утверждал, что практически все европейские государства, в которых жили евреи, в том числе и в Российской империи, сами поспособствовали денационализации известной части еврейства и вытолкнули их на социальную периферию и таким образом вынудили еврейских маргиналов искать спасения в революции[24]. Конечно, большинство радикалов не были евреями, и большинство евреев не были радикалами, но доля радикалов среди евреев была в среднем намного выше, чем среди их нееврейских соседей. Одно из объяснений состоит в том, пишет Ю. Слезкин,

что никакие объяснения не нужны: в век универсального меркурианства традиционные меркурианцы обладают очевидными преимуществами перед аполлонийцами: интеллектуализм столь же неотъемлемая часть меркурианства, сколь ремесленничество и ростовщичество; а в Центральной и Восточной Европе XIX и начала XX в. большинство интеллектуалов («интеллигенция») были радикалами, потому что оказались невостребованными в качестве профессионалов. «Если евреи были непропорционально радикальными, то, возможно, потому, что они были непропорционально интеллектуальными», — по причине либо традиционной чуждости, либо недавней маргинальности[25].

Однако для еврейских «жертв» российской ассимиляции мучительный поиск стратегии преодоления собственной маргинальности удивительным образом совпал с общим кризисом политического развития Российской империи, что превращало их революционность в настоящий вызов политической системе, и, безусловно, создавало дополнительные стимулы в борьбе за долгожданное равноправие. Если, как утверждал Ж.-П. Сартр, еврей более социален, чем метафизичен, то тезис Д.С. Пасманика о том, что «евреи в своих политических настроениях всегда были левее своих социальных интересов»[26], выглядит весьма убедительным и может нам объяснить, почему еврейские радикалы ушли дальше в своей революционности, чем их русские (российские) товарищи. Это левое крыло активной интеллигенции, отмечал С.Л. Цинберг, смело сокрушало и сметало все старое, оно освободило еврейского простолюдина от всех его традиций, разрушило все его предания и верования, разрушило его связь с прошлым, не наполнив его души новым духовным содержанием, давая взамен старого сухого кодекса Шулхан-аруха новый катехизис, более современный, более рациональный, но не менее сухой и односторонний. «Средневековая демократическая «религия сердца» заменялась демократической же, но головной, рассудочной «религией»[27]. Например, для П. Аксельрода, который уже в четвертом классе гимназии порвал с еврейскими религиозными традициями своей семьи, проблема религиозного рационализма окажется едва ли не главным смыслообразующим звеном в его революционной деятельности. «Преклонение перед мыслью, сознанием, духом достигает у меня степени фанатизма…», — писал он в письме к Г.В. Плеханову в 1898 году[28].

Немаловажной, как нам кажется, особенностью обретения русско-еврейскими маргиналами новой революционной идентичности было

наличие у них «мистического чувства связи с другими евреями, признание некой сопричастности», когда «евреи «соучаствуют» друг в друге», и чем упорнее неаутентичный еврей старается отрицать в себе еврея, тем сильнее такая мистическая сопричастность[29]. Социальная сплоченность и стремление быть эмоционально ближе к генетически «своим», пускай даже и находящимся за пределами традиционной идентичности, по-видимому, не являлись исключительными чертами еврейской социальности. Однако было очевидным и то, что даже глубоко маргинальный тип русско-еврейского интеллигента не мог опуститься в своей «еврейской самоненависти» ниже того уровня еврейского самосознания, на котором располагались глубинные пласты социокультурных архетипов. Вероятно, это имел ввиду М.А. Бакунин, когда писал, что «имеются католические, протестантские, пантеистические и неверующие евреи, реакционные, либеральные евреи, даже евреи-демократы и евреи-социалисты, но, прежде всего, они евреи», ибо «широкая космополитичность и узкая национальность одновременно, есть главная черта всех евреев»[30]. Многие еврейские лидеры российского революционного движения, как показал опыт, оставались в своей неаутентичности (маргинальности) евреями. Так, например, Л.Д. Троцкий и А.И. Гельфанд (Парвус), братья Гоц и Г.А. Гершуни оказались земляками, семья Цедербаумов воспитала целое поколение революционеров, а многочисленные революционные кружки в черте оседлости часто создавались по национальному (еврейскому) признаку.

Кроме своей социальности, евреи обладали удивительной психологической способностью быть «не определяемыми никакими границами». «Очень реалистичный в своих повседневных интересах, еврей в высшей степени идеалистичен в своем внутреннем мире»[31]. Психическая организация еврея такова, что он одинаково принадлежит обоим полюсам — добра и зла, а его страстная и нервная натура образует собою форму, в которую входит любое содержание. Он может быть идеалистом и материалистом одновременно; он буржуазен и антибуржуазен; он анархист в своем консерватизме и ортодокс в либерализме. Следовательно, отмечал видный русско-еврейский философ Ю.И. Айхенвальд, не приходится удивляться тому, что он, порывистый и страстный, органически не может участвовать в жизни безмолвным статистом; «он говорит, он зовет, он волнуется и волнует», он прирожденный радикал, который «собою усиливает, собою выражает, собою подчеркивает решительно все»[32]. Типичным примером еврейского ради-

кала — «пока еще не революционера», но «человека опасного» — может послужить случай студента Виленского еврейского учительского института, сына кронштадтского старьевщика, Хаима Миллера, который уже в восемнадцатилетнем возрасте оказался атеистом, сохраняя при этом все признаки своего еврейства. Символичной была оценка способностей «будущего революционера», данная попечителем Виленского учебного округа: «Будучи атеистом, Миллер останется евреем с головы до ног»[33]. Л.Г. Дейчу не было еще и 17 лет, когда он принялся за практическое осуществление своих воистину революционных планов — «вытащить евреев из тьмы и нищеты»[34]. Очевидно, что за пределами еврейской традиции находился и совсем еще юный Лейба Троцкий. Директор Одесского училища св. Павла, учащимся которого был одиннадцатилетний Лейб Бронштейн, относился к тому не иначе как к довольно опасному для общества элементу[35], а учитель французского языка потрясая руками в адрес маленького Левы кричал: «Первый ученик второго класса — нравственный урод!»[36].

Вообще, пример Л.Д. Троцкого представляет довольно любопытный материал для социально-психологических исследований феномена русско-еврейской революционности. Уже тот факт, что Л.Д. Троцкий, этот «Человек-схема», был единственным из русских марксистов, которые когда-либо читали Фрейда[37], вызывает неподдельный интерес к его личности, ибо, как подметил сам З. Фрейд, «для того, чтобы исповедовать веру в новую теорию, требуется готовность оказаться в положении одинокого оппозиционера — положении, с которым никто не знаком лучше еврея»[38]. Вероятно будущий лидер российского революционного движения довольно болезненно переживал кризис идентичности «одинокого оппозиционера» и стремился восстановить свое утраченное единство с миром в поиске каких-то идеальных моделей общества. «Люди долго скользили по моему сознанию, как случайные тени, — вспоминал Л.Д. Троцкий о своем детстве, — я смотрел в себя и в книги, в которых искал опять-таки себя или своего будущего»[39]. Революционные настроения Л.Д. Троцкого, по-видимому, окончательно сформировались в шестнадцатилетнем возрасте как реакция на родительскую диктатуру. «Его восстание против отца, — записывал один из первых прижизненных биографов Л.Д. Троцкого М. Истмен, — и его восстание против социального строя слились воедино. Утвердить себя взрослым по отношению к отцу значило утвердить революцию по отношению к правящему классу»[40]. Очевидно, что история русского

радикализма невозможна без рассказа о том, как еврейские дети «открыто восставали против своих родителей» ибо, как верно подметил Ю. Слезкин, «все революционеры — отцеубийцы, но мало кто был так последователен и недвусмыслен в этом отношении, как еврейские радикалы конца XIX — начала XX века»[41].

В случае с Л.Д. Троцким, как, впрочем, и с другими многими еврейскими и нееврейскими радикалами, которые выбирали в качестве средства преодоления собственной маргинальности революционность, более или менее убедительной теорией, объясняющей особенности их поведения и ценностных ориентаций, как нам кажется, могла бы стать теория Э. Фромма, согласно одному из принципов которой, революционность рассматривается в качестве невротического состояния индивидуума, который продолжает вести борьбу с внешними силами, жаждущими его подчинения, оставаясь в то же время привязанным к образу «волшебного помощника»[42], на роль которого, в рассматриваемой нами ситуации, вполне могла претендовать социально-революционная доктрина или Революция.

Свое стремление обладать «волшебным помощником» выразил в письме к своему дяде семнадцатилетний еврейский юноша Яша Квинт[43], в словах которого пафос инициации «нового революционера из маленького местечка» удивительным образом соткан из нитей еврейской религиозной традиции, юношеского максимализма и революционного утопизма. «Семь дней я жил спокойно, — писал Яша, — но на восьмой день я почувствовал, что есть темный мир с его религиями. Мы запружены со всех сторон колючими терньями. Мы все должны переносить, что установила дикость. А теперь миллионы людей страдают от этого. Но нашлись миллионы, которые сбрасывают с себя это тяжелое ярмо. И таким образом для меня началась тяжелая жизнь. Но к счастью, Россия не лишилась одного еще революционера, в чем виноват дядя Фейфель, вселивший в меня дух социализма. И как я счастлив, что он присутствовал на моем обряде обрезания. И как бы я влил в себя дух социализма, если бы дядя не был на обрезании. В моей короткой жизни творилось многое. Тысячи людей были сосланы за это время в разные тундры за то, что стали думать о лучшей новой жизни, вдохновляемые свободой и равенством. Я прыгаю от радости, когда пишу это письмо. И вам, конечно известно, что не для всех сладок социализм, в особенности в России, где все население невежественно и полагает, что социалисты его враги. В то счастливое время, когда

я пишу письмо, в данный момент я забыл про все дикости, происходящие в России. Как мучают многих людей; как правительство наказывает телесными наказаниями тех, кто осмеливается выразить свободную мысль открыто. О, сколько слез пролили мои глаза, когда я вспомнил в этот момент про насилия. Но я креплюсь и стараюсь собраться с духом и громко кричу, что на насилия следует отвечать насилием. Пусть нас наказывают, но мы будем в один голос кричать: долой деспотизм, долой насилие, да здравствует социализм!»[44].

Таким образом, евреи, которые в конце 1870-х гг. в общем революционном движении количественно уступали только русским, превратились, по словам министра юстиции Российской империи графа К.И. Палена, в «руководящую силу всего революционного движения…»[45]. Революционность еврейских деятелей, как нам кажется, оказалась результатом сложных процессов маргинализации русско-еврейской интеллигенции вследствие идеологического кризиса в ее развитии. Русско-еврейские ассимиляторы в своем новом пограничном статусе свободных радикалов попытались преодолеть собственную негативную идентичность, отождествляя революционную борьбу с самодержавием с борьбой за равноправие российских евреев. В связи с этим утверждением тезис Ю. Слезкина о том, что якобы «большинство еврейских бунтарей боролись с государством не для того, чтобы стать свободными евреями; они боролись с государством для того, чтобы стать свободными от еврейства — и, таким образом, Свободными»[46], на наш взгляд, является дискуссионным, ибо свободными от еврейства их сделало новоевропейское государство, которое стремилось стать национальным (на примере Российской империи 1880-х гг. — это попытка государства реализовать идеологию «народной монархии»), о чем, собственно, пишет и сам автор на страницах своей книги. «Свободные от еврейства» евреи попытались, на наш взгляд, утвердиться в новой для себя революционной идентичности, которая бы включала и их давние мечты о равноправии и которая, в отличие от Западной Европы, в Российской империи так и не осуществились. Какими методами, и, главное, какой ценой они должны были воплотиться в жизнь, теперь уже не благодаря, а вопреки государству — это составляло суть другого вопроса. Ибо, как верно подметил Э. Фромм, «люди могут вести ожесточенную борьбу против одной системы, особенно если она показала свою несостоятельность и недостаточную силу, и вместе с тем — или позже — ищут подчинения в другой системе, которая смогла убе-

дить их в своей неповторимости и надежности за счет демонстрации своей мощи или же за счет ряда перспективных проектов и обещаний»[47]. Вероятно, что антисемитизм (особенно политический), погромы, современные блага городской цивилизации на фоне потрясающей нищеты еврейских местечек значительно усиливали социальное напряжение в стране, создавая при этом все новые возможности для канализации огромных запасов революционной энергии еврейских масс, политические лидеры которых вооружались современными социально-революционными теориями и методами борьбы за равноправие.

Внеклассовый и внесословный характер собственно русской интеллигенции, ее антибуржуазная направленность, «безрелигиозное отщепенство»[48] и одновременно склонность к обобщению и упрощению, мистицизму и самобичеванию, — все это, как нам кажется, создавало питательную среду для формирования маргинальных личностей. Кроме того, поскольку русская интеллигенция, в силу своей вне- (и анти-) буржуазности, не смогла стать носительницей идей национализма — этой новой религии постсекулярного европейского общества эпохи Просвещения, постольку она дистанцировалась от национальных интересов русских, была лишена политической поддержки, как со стороны собственного народа, так и со стороны своего государства, что создавало глухую стену непонимания между ними. Именно эта идеологическая особенность, которая отличала русскую интеллигенцию от подобных западноевропейских групп интеллектуалов, создавала дополнительные стимулы для ее радикализации и притягивало в ее ряды ассимилированных евреев, которые обретали здесь новое качество. Со своей стороны, сословная структура Российской империи выдавливала из себя тот элемент, который плохо подавался адаптации либо (в случае с евреями) ассимиляции, на периферию. В результате получился обратный эффект, когда на социальной периферии сословной структуры имперского общества образовалась достаточно критическая масса свободных радикалов, чтобы угрожать целостности политического режима и политической системы. «Евреи, которых поляки в Польше преследовали, как русских ассимиляторов и как авангард русской культуры, что в действительности и было, — отмечал в своем критическом очерке о характере русской революции бывший эсер-максималист П. Рысс, — даже евреи отталкивались правительством от России… Власть лишила народ родины, воспитала его вне чувства национального»[49].

Очевидно, что еврейский (точнее русско-еврейский) тип таких свободных радикалов оказался наиболее подходящим, легковоспламеняющимся революционным веществом. «Лишенные защиты со стороны властей, убиваемые по приказу первого исправника, евреи поневоле выработали в себе специфические навыки городских жителей. Они были в естественной оппозиции к правительству и давали мощную энергию движущей силе революции»[50]. Если революционность русской интеллигенции, которая была склонна видеть в заговоре, восстании и терроре ближайший и важнейший путь к народному благу, исходила из веры в то, что борьба, уничтожение врага, насильственное и механическое разрушение старых социальных форм сами собой обеспечивают осуществление общественного идеала, то еврейская революционность, следовательно, была неким «сплавом маскильских традиций и российского нигилизма»[51]. Для еврейских маргиналов, бывших «детей штетла», которые ненавидели свое прошлое и свою еврейскость, новая религия русского нигилизма, с ее монашескими орденами молодых революционеров, оказалась наиболее адекватной моделью преодоления собственного кризиса негативной идентичности. И в этом, писал П.Б. Струве, заключается глубочайшее философское и психологическое противоречие, тяготевшее над интеллигенцией вообще, ибо «она отрицает мир во имя мира и тем самым не служит ни миру, ни Богу»[52]. Это была «партия», которая, по словам М.А. Бакунина, «состояла из бесчисленного множества лиц всех сословий, бежавших от сословий и от всех признанных положений в России; из людей, ненавидящих настоящее, готовых отдать жизнь за будущее, живущих, так сказать, на воздухе: бездомная странствующая церковь свободы»[53]. Но, в отличие от своих русских двойников, революционеры-евреи достигли в своей революционности абсолютного совершенства, доходящего очень часто до фанатизма, с одной лишь целью — доказать себе и другим, что они больше не являются евреями, они забыли о своем прошлом и готовы это доказать. «Утрата смысла жизни, социальных корней достаточно хорошо объясняет жажду мести и культивирование в себе ненависти»[54]. В своем отрицании себя как евреев, они превратились в евреев без свойств, в «людей-призраков», в «математические точки», которые, подобно остальным нациям, заплатили свою часть общей дани революционному владычеству[55]. Евреи оказались не просто наиболее революционной национальной группой Российской империи. Они были и самыми лучшими революционерами, поскольку

боролись с современным обществом с таким же успехом, с каким его утверждали[56].

Тем не менее драматизм ситуации усугублялся психологической незавершенностью процессов индивидуализации русско-еврейских революционных лидеров, поскольку, в отличие от своих русских товарищей, еврейский революционер не превратился в самостоятельную единицу, так как оставался зависимым от своего «местечкового» социального мира, частью которого он был до последнего момента. Русско-еврейские революционеры, которые в общественном сознании очень часто воспринимались как маргиналы, не находя путей реализации внутренней свободы, преодоления чувства страха, бессилия, одиночества и непричастности, подавленные сомнениями и неуверенностью, попытались обрести в революционности защиту и утешение. Но, как правило, отмечал Э. Фромм, все подобные попытки заканчиваются крахом. Собственное «я» все равно выходит наружу и дает о себе знать; сознательно индивид может считать себя частью целого, думать, что он принадлежит чему-то или кому-то, но, по сути, он остается все той же песчинкой, страдающей от поглощения собственного «я». Процесс слияния его с внешней силой, к которой он склонен причислять себя, невозможен; между ними всегда будет некоторая отчужденность, а растущие противоречия будут делать ее еще более острой[57].

Таким образом, в результате определенных социально-политических и экономических изменений, которые произошли в Российской империи в конце XIX в., а также ментальных сдвигов в социокультурном пространстве восточноевропейского еврейства, на политическую арену позднеимперской России выдвинулась довольно многочисленная, революционно настроенная группа русско-еврейской интеллигенции, которая попыталась утвердиться в новой для себя революционной идентичности, с целью преодоления собственной маргинальности. Факторами, которые, в значительной мере, повлияли на процессы формирования революционности русско-еврейской группы были: ценности и нормы еврейского просвещения (Гаскалы), традиционная склонность собственно русской интеллигенции к социально-политическому радикализму, антисемитизм и фактическая невозможность «перестать быть евреем». Последний фактор, как нам кажется, оказался ключевым (и наиболее сложным для понимания) в решении некоторых представителей русско-еврейской интеллигенции избрать для себя путь революционной деятельности. Другие стратегии (например, ли-

берализм или сионизм) в преодолении чувства негативной идентичности для евреев были малоэффективными. Более того, в условиях российской действительности, вряд ли возможными.

Примечания

[1] *Клир Дж.* О русско-еврейской интеллигенции (К постановке вопроса) // Евреи в России. История и культура. СПб., 1995. С. 75–78.

[2] *Чернов В.* Русское в еврейском и еврейское в русском // Корни. 2003. № 19. С. 82–83.

[3] *Заславский Д.* Владимир Медем // *Медем В.* По царским тюрьмам (Тюремные воспоминания) / Пер. с евр. Д. Заславского. — Л.-М., 1924. С. 5.

[4] *Эльяшевич Д.А.* Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917: Очерки истории цензуры. СПб., Иерусалим, 1999. С. 469–470.

[5] *Цинберг С.Л.* Два течения в еврейской жизни. Культурно-исторический очерк. — СПб., 1906. С. 92.

[6] *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией / Пер. с англ. А.Е. Локшина. М., 2007. С. 267

[7] *Пасманик Д.С.* Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923. С. 142.

[8] Цит. по: *Дейч Л.* Роль евреев в русском революционном движении. Т. I. М.; Л., 1925. С. 48.

[9] *Ненароков А.П.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». М., 2001. С. 29–30.

[10] Из архива П. Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2006. С. 532.

[11] *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 2011. С. 58.

[12] *Натанс Б.* Указ. соч. С. 277.

[13] *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. С. 234.

[14] *Сартр Ж.-П.* Размышления о еврейском вопросе // *Сартр Ж.-П.* Портрет антисемита / Пер. с фр. Г. Ноткина. СПб., 2006. С. 204.

[15] *Бакунин М.А.* Интернационал, Маркс и евреи: (Polemique contre les juifs) / Пер. с фр. В.М. Смирнова. М., 2008. С. 166.

[16] *Чехов А.П.* Перекати-поле (Путевой набросок) // Русские писатели о евреях и жидах / Составитель Г.С. Зеленина. М., 2005. С. 54.

[17] Там же. С. 59.

[18] Там же. С. 63.

[19] *Пасманик Д.С.* Указ. соч. С. 143.

[20] *Медем В.* Социал-демократия и национальный вопрос. Саратов, 1917. С. 8–9.

[21] *Дейч Л.Г.* Почему я стал революционером. Петербург, 1921. С. 18.

[22] *Сартр Ж.-П.* Указ. соч. С. 234.

[23] Там же. С. 215.
[24] *Пасманик Д.С.* Указ. соч. С. 138–139.
[25] *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире / Авториз. пер. с англ. С. Б. Ильина. Изд. 2-е. М., 2007. С. 124.
[26] *Пасманик Д.С.* Указ. соч. С. 141.
[27] *Цинберг С.Л.* Указ. соч. С. 105.
[28] Цит. по: *Ненароков А.П.* Указ. соч. С. 31.
[29] *Сартр Ж.-П.* Указ. соч. С. 208–209.
[30] *Бакунин М.А.* Указ. соч. С. 167.
[31] Там же. С. 168.
[32] *Айхневальд Ю.* Наша революция, ее вожди и ведомые. М., 1918. С. 16–17.
[33] *Эльяшевич Д.А.* Указ. соч. С. 701.
[34] *Дейч Л.Г.* Почему я стал революционером. С. 19.
[35] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 325 («Троцкий Л.Д.»). Оп. 1. Д. 15. Л. 12.
[36] Там же. Л. 15.
[37] *Штурман Д.* Мертвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина и Троцкого. Лондон, 1982. С. 355, 413.
[38] Цит. по: *Слезкин Ю.* Указ. соч. С. 124.
[39] Цит. по: *Штурман Д.* Указ. соч. С. 420.
[40] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.
[41] *Слезкин Ю.* Указ. соч. С. 200, 131.
[42] *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., Минск, 2007. С. 232.
[43] Государственный архив Российской Федерации, Департамент полиции Особый отдел. Ф. 102. Оп. 230. Д. 1700. Т. 1.
[44] Там же. Л. 159.
[45] Цит. по: *Глинский Б.Б.* Революционный период русской истории. Исторические очерки (1861–1881 гг.). СПб., 1887. С. 137–138.
[46] *Слезкин Ю.* Указ. соч. С. 202.
[47] *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 218.
[48] *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. С. 194.
[49] *Рысс П.* Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921. С. 14.
[50] Там же. С. 13.
[51] *Haberer E.* Jews and revolution in nineteenth-century Russia. London, 1995. P. 21–22.
[52] *Струве П. Б.* Указ. соч. С. 189.
[53] Цит. по: *Чернов В.* Стихия скитальчества у корифеев русской литературы // Новый журнал. 1943. № 4. С. 245.
[54] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. Э.М. Телятникова, Т. В. Панфилова. Минск, 1999. С. 353.
[55] *Айхенвальд Ю.* Указ. соч. С. 21.
[56] *Слезкин Ю.* Указ. соч. С. 204–206.
[57] *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 202.

Александр Локшин
(Москва)

ИЗ ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОГО ЕВРЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА — ХЕДЕР

История традиционного еврейского образования насчитывает уже более трех тысяч лет. Несомненно, образование сыграло важнейшую роль в сохранении еврейского народа и развитии его культуры. Пожалуй, ни одно вероучение не придавало этому такого значения, как иудаизм. Уже в Средневековье оно воспринималось не только и не столько как средство сохранения религиозной жизни, но и как самоцель. В еврейском мире — как, впрочем, и в викторианском английском обществе, и в традиционной китайской культуре — образование было одним из символов принадлежности к «аристократии» еврейского общества. Образованный человек занимал высокое положение в иерархической структуре еврейских общин Восточной Европы, включая, разумеется, и Россию.

История начальной вероисповедной школы — хедера — уходит вглубь веков. Первые упоминания о существовании хедеров (в дословном переводе с древнееврейского — «комната») встречаются в документах, датируемых XIII столетием. В дальнейшем хедеры стали непременным атрибутом национального быта европейского еврейства.

Основные параметры, присущие системе еврейского начального образования, сложились в Восточной Европе еще в эпоху Средневековья. В Российской империи они сохранялись вплоть до Первой мировой войны. Система еврейских вероисповедных школ позволяла всем еврейским детям, прежде всего, мужского пола, независимо от социального статуса и имущественного положения их родителей, получать начальное религиозное образование и тем самым на практике реализо-

вать один из важнейших принципов иудаизма — через учение передавать религиозную традицию. Занятия в хедере давали возможность достаточно основательно знать Тору, читать повседневные и праздничные молитвы, ориентироваться в талмудических трактатах, читать, а нередко и знать на память ряд основных священных текстов на древнееврейском языке. Эти занятия воспитывали приверженность ценностям иудаизма.

По традиции, обучение основам еврейской религиозной традиции рассматривалось в качестве *мицвы* — религиозного долга, и посему оно должно было быть по сути бесплатным. Чаще всего, однако, хедер являлся частной школой и трудившийся в нем учитель — раввин или меламед –получал плату от родителей учеников. Наряду с частными существовали и общедоступные (бесплатные) хедеры. Условия, в которых дети получали начальное образование, были различными. Сыновья состоятельных родителей имели возможность обучаться дома; качество их образования, стоившего немалых средств, было выше в сравнении обычными хедерами, в которых отмечались переизбыток учеников и плохие санитарные условия.

Хедеры обычно делились на три возрастные группы. Начальные — *дардике* (арамейское слово, которое обозначает младенцев и, соответственно, их учителей), где детей уже с трех-четырех лет обучали азбуке и чтению древнееврейских текстов без перевода на идиш. Когда мальчику исполнялось три года, после первой стрижки *опшеришн* он первый раз отправлялся в хедер. Первый день обучения в хедере обычно обставлялся родителями малолетнего ученика весьма торжественно, обычно ему давали поесть что-то сладкое, например, медовую коврижку, говоря тем самым, что и учение в хедере будет таким же приятным, сладким, как и тающий у него во рту мед. Нередко в хедере в первый день ему давали вкусить меда, либо предлагали молитвенник, несколько страниц которого были политы медом. Водя пальчиком по этим страницам и слизывая мед, ребенок с самого начала учебы символически вкушал сладость впервые встреченных им букв еврейского алфавита, которыми и написана Тора. Возможно, эта древняя традиция опиралась на Псалом 119:103: «Как сладки для нёба моего слова Твои, более, чем мед для уст моих». Подчас в этот первый день детям раздавали и медовые пряники в форме еврейских букв, а дома мама пекла медовый пирог. По дороге в хедер и обратно мальчику подбрасывали конфеты, говоря, что ангел Михаэль бросает их ему с неба.

Разумеется, этот обычай в различных местностях и семьях разного достатка имел свои особенности. Но мед, символизирующий сладость учения, неизбежно присутствовал в этот первый день.

Авраам Яаков Паперна (1840–1919) — писатель, литературный критик и педагог, родившийся в местечке Копыль, Минской губернии так вспоминал о своем первом дне обучения в хедере: «Этот весьма важный акт в жизни… был совершен с подобающим торжеством: окутанного в большой талес (молитвенную ризу) мать понесла меня на руках в сопровождении родных в хедер, где я был любезно встречен меламедом, который, погладив и приласкав меня, посадил меня за стол и тут же приступил не то к занятиям, не то к испытанию моих способностей. Раскрыв молитвенник, он показал мне первую букву алфавита — алеф, обращая мое внимание на отличительные ее признаки; потом, показав мне ее в различных величинах. Предложил мне самому отыскать эту букву на другой странице среди других букв; и когда это мне удалось, раздались радостные восклицания родных, меня осыпали поцелуями. А сверху ко мне на стол дождем посыпались монеты и конфеты, причем меня уверяли, что это ангелы с неба бросают мне дары и что дары эти постоянно будут сыпаться на меня, если я буду послушен и прилежен»[1].

Мальчики в возрасте пяти лет обычно переходили в хедеры, где обучали Пятикнижию, с комментариями Раши (1040–1105) — крупнейшего средневекового комментатора большинства книг Танаха, особенно Торы. В хедере этого уровня учащиеся получали первоначальные сведения и о Талмуде. Наконец, третий уровень обучения в хедере — для учащихся с восьми лет — предполагал более углубленное изучение Талмуда и комментариев к нему. Светские учебные дисциплины в хедере не изучались. В хедере учащийся обучался не только религиозной традиции, но и знакомился со многими народными сказаниями и легендами, национальными традициями. В хедере дети находились с раннего утра и до 7–8 часов вечера. Учителем в хедере был меламед, в доме которого, как правило, и проходило обучение. Считалось, что преподавание не требует специальных знаний, и социальный статус меламеда был невысоким, как и плата, которую он получал от родителей и общины. Меламеды не имели никакой педагогической подготовки, хотя некоторые из них обладали врожденными способностями. В общине на меламеда нередко смотрели как на человека, не сумевшего преуспеть ни в каком ином деле и ставшего учителем поне-

воле. Неслучайно бытовала поговорка «умереть и стать меламедом ты всегда успеешь». Хотя качество преподавания и атмосфера в самом хедере прежде всего определялась личностью меламеда, его знаниями, личным характером, отношением к учащимся. Преподавание находилось под контролем общины. В шаббат меламеды обязаны были обходить дома всех своих учеников и проверять усвоенный материал за неделю в присутствии родителей. Поэтому накануне в четверг весь пройденный материал особенно тщательно повторялся и уточнялся. У учителя могли быть специальные помощники (*белферс*, ед. число *белфер*, или *бехелфер*). Основанная обязанность *бехельферов* состояла в организации сбора учащихся утром и доставке их родителям домой вечером.

Нагрузка на учителя была очень значительной. Абсолютное большинство еврейских мальчиков прошло через обучение в хедере, и потому, в отличие от окружающего христианского населения, еврейские мужчины (а нередко и женщины) были грамотны, знали не только язык повседневного общения — идиш, но подчас и древнееврейский язык.

Хедер очень часто отвечал своему названию — «комната». И разочарование условиями, в которых проходило обучение, да и самим преподаванием, по словам мемуариста, наступило очень быстро:

> «Сам вид классной комнаты мог привести в уныние… Довольно большая комната с осеревшими и почерневшими стенами, прогнившим полом и потолком, освещенная одним окном, стекла которого были слеплены из осколков, — комната эта была жилой квартирой меламеда. В ней помещалась большая печь, полка с кухонною посудою, кровать, колыбель для грудного ребенка, а затем и прочие хозяйственные принадлежности. Среди комнаты копошились ребятишки меламеда, расхаживали представители животного царства в лице кормилицы-козы, благочестивых, хотя и крикливых, кур и озорника петуха. Собственно хедер состоял из «красного угла», где восседал ребе на высоком мягком стуле с истрепанном сидением у длинного стола на гнилых ногах, по бокам которого стояли две длинные скамьи для учеников. Исчисленные предметы составляли всю классную мебель, и, надо сказать правду, крайне мучительную, ибо скамьи были без спинок и слишком высоки для нашего возраста, так что ноги наши при сидении висели в воздухе и отекали»[2].

В традиционном хедере практиковались телесные наказания для нерадивых и неуспевающих учеников. Существовал специальный кнут — канчик. Нравы, бытовавшие в хедере, как сам колоритный портрет меламеда, нашли отражение и в художественной литературе, в частности, в произведениях классика еврейской литературы Шолом-Алейхема:

> «Мазепа — так прозвали мы своего учителя. Настоящее-то его имя Борух-Мойше. Но так как он переехал в наш город недавно из Мазеповки, то в городе ему дали кличку «Мазеповский», а мы, школьники, переделали ее в Мазепу. Впрочем, когда школьники наградят учителя прозвищем, то оно, уж верно, заслужено. Позвольте его вам представить.
>
> Маленький, сухонький, невзрачный. Огрызок какой-то. Ни следа бороды, ни усов, ни бровей. Не потому, что он, упаси Бог, бреется, а просто так — не растут, да и все… Зато уж губы у него и нос — ну и нос! Кулич, рог, труба, а не нос! И глотка у него — колокол, львиный рык. Откуда у этого огрызка такая могучая глотка? И где только силы берутся? Как защемит тебе руку своими тонкими холодными пальцами — свету божьего невзвидишь! А как угостит по щеке — целую неделю помнить будешь! Разговор с учениками у него короткий! По малейшему поводу — прав ты, не прав — у него один суд: ложись!
>
> — Господин учитель, Йосл меня ударил.
>
> — Ложись!
>
> — Неправда! Он первый толкнул меня.
>
> — Ложись!
>
> — Господин учитель, Хаим показал мне язык!
>
> — Ложись!
>
> И ничего не поделаешь — надо ложиться. Никакая сила тебе не поможет. Даже рыжий Эля, тринадцатилетний малый, уже просватанный, при серебряных часах, и ему Мазепа как всыплет! Ого, по первое число! Эля говорит, что порка эта Мазепе даром не пройдет. Еще он посчитается, говорит, с Мазепой, да так, что тот запомнит на веки вечные! Так говорит Эля каждый раз после порки. А мы отвечаем:
>
> — Аминь, из твоих уст да божьи уши!»[3]

А. Паперна вспоминал, что ему в своем местечке, при помощи родителей пришлось сменить несколько меламедов, прежде чем он стал

учиться у р. Иче: «Он серьезно и с любовью относился к своей обязанности, хорошо знал преподаваемые предметы и умело их объяснял. Между нами завязались самые лучшие отношения. Хедер стал для меня приятнейшим местом, а учитель любимым другом. Трудность умственной работы в течение десяти часов в день облегчалась разнообразием занятий; кроме того, замечая во мне утомление, он закрывал книгу, пускался в шутки, рассказывал анекдоты… В то же время я был ознакомлен с основными правилами грамматики и орфографии еврейского языка. Но важнее приобретенных познаний было для будущего уклада моей внутренней жизни проникновение поэтическим чувством, возвышенными идеалами пророков и псалмопевцев.

Да забудется десница моя, если забуду тебя, дорогой учитель! Ты первым заронил в сердце мое семена доброты и красоты, положил прочное основание моему образованию, тесно сблизил меня с Библиею, которая с тех пор стала моим лучшим, неотлучным другом. Да будет благословенна память твоя!»[4]

Проследим дальнейший хедерный путь Паперны, ибо он был достаточным типичным для мальчиков из семей относительно состоятельных родителей середины XIX в., уже небезразличных к идеям Гаскалы. Следующим меламедом мальчика стал его дядя р. Лейзерке, в хедере которого Авраам приступил к изучению Талмуда.

> «Ребе Лейзерке сознавал святость и ответственность своего дела и добросовестно исполнял его: работа в хедере с девяти утра до девяти вечера (с незначительными перерывами на обед и на вечернюю молитву). Строгий к самому себе, р. Лейзерке был строг и к нам… Он знал себе цену, держался с достоинством и требовал от нас абсолютного уважения, послушания и внимания. Дисциплину он, впрочем, поддерживал не побоями, а важностью своей особы и суровым взглядом. Он не делал поблажек, уступок; установленные им порядки и правила были незыблемы. Объяснял он предмет хорошо, старательно, снисходя к детскому уму; зато уж требовал толковых ответов и в случае незнания учеником урока сердился, ругался»[5].

За год учебы в хедере р. Лейзерке мальчик настолько освоился с языком и текстами Талмуда, что мог перейти уже в высший хедер р. Шеэля.

«Р. Шеэль по виду и характеру был совершенною противоположностью важному, мрачному и вспыльчивому р. Лейзерке. Он был скромный, благодушный, терпеливый и невзрачный молодой человек… Он был того мнения, что только то знание прочно, которое приобретено собственным трудом. Учитель, на его взгляд, нужен был разве только в древности. Когда еще не было книги; в наше же время, при существовании книги, учитель — роскошь. Во всяком случае, роль последнего должна ограничиваться только общим руководительством.

Согласно такому взгляду на учение… мы должны были сообща с помощью комментария Раши сами разбираться в заданном уроке... При совместном приготовлении урока нам часто встречались затруднения, между нами завязывались споры относительно понимания смысла того или другого предложения … Шеэль долго не вмешивался в наши споры… но когда это нам не удавалось, он брошенным как бы невзначай словом наводил нас на настоящий смысл… Учитель этот был скорее похож на старшего сотоварища, а преподавание — на товарищескую беседу… И взвешивая каждое слово, вдумываясь в каждое предложение, он вместе с нами разбирал их спокойно, доискивался до их сущности, устанавливал принципиальные различия высказанных мнений… пока данная тема не становилась для нас вполне ясною, всесторонне разработанную и исчерпанною до дна»[6].

Оплата за обучение благодаря ухищрениям галахических авторитетов подчас интерпретировалась, например, как плата за время, которое мог использовать меламед, занимаясь каким-либо иным, знакомым ему ремеслом. Так, р. Шеэль, кроме своих талмудических познаний, которыми могло обладать и немалое число мужского населения, был единственным часовых дел мастером. «Я не получаю платы за учение, — утверждал он. — Разве родители наши вам не платят? — спрашивал кто-либо из учеников. — Платят, но не за учение, а за употребляемое мною на него время. За учение нельзя брать плату. Бог дал нам Тору даром, и мы должны ее даром же давать другим. Временем же своим я сам распоряжаюсь: оно принадлежит мне, моей жене и детям, которых я обязан кормить. И вот время, употребляемое мною на занятия… я продаю и получаю от родителей Ваших столько, сколько я бы зарабатывал, занимаясь за это время своим ремеслом. Точно так же поступал

иерусалимский судья Карно. Он был по профессии дровосеком. В те дни, когда он председательствовал в суде, он по разборе каждого дела высчитывал, сколько он заработал в потраченное в суде время рубкою дров, и требовал, чтобы столько же, не больше, ему было уплачено. Карно брал также плату за время, а не за вершение дел, ибо это — также священнодействие, за которое денег нельзя брать»[7].

У воспитанников хедера были свои празднества и торжества. Вплоть до 1840-х гг. хедер являлся единственной школой для еврейского населения. Опасаясь обращения своих детей в христианство и не считая возможным отступить от заповеди соблюдения субботы, как и других традиционных обязанностей, еврейские родители не отдавали своих детей в русские учебные заведения[8].

Обращаясь к мемуарной и беллетристической литературе, описывающей традиционные еврейские институты — хедер, иешиву, кагал — нельзя не учитывать тот факт, что все эти сочинения вышли из-под пера авторов, в абсолютном большинстве исповедовавших маскильские взгляды. Сам духовный наставник российской Гаскалы, Ицхак Бер Левинзон в своем программном сочинении «Теуда бе-Исраэль» (1828) решительно осуждал традиционные хедеры, именуя их не иначе как *хадрей мевет* (комнаты смерти) за то, что их программа ограничивалась изучением традиционных предметов, а также за отсутствие какой-либо системы в обучении детей и применение телесных наказаний[9].

С восторгом занималась бичеванием хедера просветительская литература. Эта особенность характерна и для классиков еврейской литературы, например, Рабиновича и Абрамовича (известных по своим литературным псевдонимам как Шолом-Алейхем и Менделе Мойхер-Сфорим), и для писателей более позднего поколения. Пожалуй, самой известной иллюстрацией здесь может быть сентиментальный роман Яакова Динезона «Йоселе», где подробно описываются мучения и экзекуции, которым подвергали в хедере несчастного главного героя, который, в конце концов, лишившись родителей и дома, умирает от голода и болезни.

Если попытаться представить некий обобщенный образ меламеда, характерный для всего XIX в. и особенно для его второй половины, то как правило это был пожилой человек, имевший домашнее образование или учившийся — и чаще всего не доучившийся — в иешиве. Немало меламедов, прежде чем обратиться к обучению детей, работали

в других областях — были маклерами, извозчиками, синагогальными служками, отставными солдатами, а иногда и совмещали профессию учителя с занятием торговлей, разнообразными ремеслами. Иными словами, нередко меламедами оказывались люди, не нашедшие себя на других жизненных поприщах, тем более что к концу XIX в. в черте оседлости в результате обнищания значительной части еврейского населения подчас до одной трети всех жителей штетлов оказывались т.н. *люфтменчен* (людьми воздуха) — лицами без определенных занятий, готовыми взяться за любую работу. Тем не менее представление о еврейском учительстве в начальной вероисповедной народной школе как о вынужденном, обусловленным социально-экономическими условиями профессиональном занятии, как о последнем якоре спасения на жизненном поприще, будет явно упрощенным и в целом неверным. Около половины меламедов посвятили себя преподаванию в хедерах и работали на этом поприще всю жизнь.

Между тем с конца 1840-х гг. по инициативе Министерства народного просвещения появляются еврейские казенные училища, которые должны были заменить традиционную еврейскую школу, являвшуюся, по мнению властей и ряда радикальных маскилов, рассадником еврейского религиозного фанатизма. Было решено постепенно преобразовать хедеры, изменив учебную программу и методику преподавания. Библия должна быть изучаема по изданиям Министерства народного просвещения с переводом на немецкий язык, а Талмуд — по отдельным фрагментам. Власти стремились приблизить хедер к установившимся порядкам в русской школе. Была предложена — по образцу опыта религиозной реформы иудаизма, опиравшейся на опыт Германии — и система мероприятий по замене меламедов сторонниками Просвещения. Эти идеи легли в основу обнародованного 23 июля 1844 г. Положения о частных учебных заведениях и домашних учителях. Для выяснения численности хедеров и представления о преподававших в них меламедах в ряде губерний черты оседлости были учреждены губернские и училищные комиссии. Кроме того содержателям хедеров было предложено представить в эти комиссии сведения о нахождении хедеров, списки обучающихся в них детей, мнения родителей о качестве преподавания и важнейшее в этой череде документов свидетельство местных властей о политической благонадежности того или иного меламеда. В случае если комиссию удовлетворяли представленные документы, держатели хедера уплачивали денежный взнос

и получали разрешение на продолжение его функционирования в течение года. По истечении срока полученное свидетельство надлежало обменять на новое. По новым правилам, важнейшим нововведением должно было стать преподавание русского языка в старших хедерах, а также разделение детей по возрасту на классы с отдельным помещением и своим учителем. Получить дозволение на преподавание было достаточно легко, и благодаря этому большинство народных еврейских школ и их учителей заявили о себе. В результате комиссиями было зафиксировано немногим менее 5600 хедеров, почти 11 000 меламедов и более 69 000 учащихся[10].

Правительство воспользовалось этими сведениями для проведения реформы традиционной еврейской начальной школы, заявив в 1846 г., что при возобновлении разрешений на преподавание все меламеды будут подвергнуты испытаниям на знание тех предметов, которым они обучали своих учащихся. А с 1849 г. в число предметов, которые выносились на экзамен, были включены русский и немецкий языки. Для меламедов наступила тяжелое время — большинство из них были не в состоянии успешно сдать экзамены. В результате большинство хедеров по сути перешло на нелегальное положение. К 1855 г. число хедеров, которые обращались за получением разрешения на свою деятельность, уменьшилось более чем в три раза[11]. В результате попытка реформы закончилась в ту пору провалом: русский язык введен не был, намеченные властями изменения хедеров так и не коснулись.

Уже после смерти Николая I и вступления на престол Александра II в законе от 3 мая 1855 г. оговаривалось условие для получения права на преподавание еврейских предметов — окончание раввинского училища или общего среднего учебного заведения — гимназии либо реального училища. Но за невозможностью исполнения этого закона его осуществление было отсрочено на двадцать лет. Тем не менее правительство решило усилить надзор за меламедами. В период, когда правительство уже вступило на путь великих реформ, законом от 4 мая 1859 г. разрешалось выдавать свидетельство на преподавательскую деятельность лишь тем меламедам, которые не были замечены «в особом проявлении фанатизма». Это понятие оказалось столь неопределенным и расплывчатым, что, по сути, отдавалось на откуп местной власти, которая могла таким образом квалифицировать фактически любое действие еврейского народного учителя, по каким-либо причинам ставшего неугодным либо местному начальству, либо тесно свя-

занному с ним руководству общины. Новые же свидетельства власти готовы были выдавать лишь лицам, окончившим раввинские училища, общие средние и высшие учебные заведения. А к 1875 г. власти вообще намеревались прекратить возобновление старых разрешений, не требовавших указанного выше образовательного ценза. Однако и этот закон остался лишь на бумаге. Прежний порядок выдачи свидетельств сохранился вплоть до 1893 г., когда был обнародован новый закон, который окончательно признал существование прежних меламедов, а, по сути, и традиционных хедеров.

Так бесславно завершилась пятидесятилетняя борьба властей с традиционной еврейской народной школой, которая к концу XIX в. превратилась в явно архаический институт. Согласно закону от 1 марта 1893 г., обучение еврейских детей иудейской религии и древнееврейскому языку разрешалось как в школе, так и у себя на дому, и в доме родителей ученика, для чего необходимо было получение свидетельства на звание меламеда. Оно выдавалось директором или инспектором народных училищ на один год за плату в 3 руб., которая причислялась к тем средствам, что уже имеются у Министерства народного просвещения на образование евреев[12]. Никакого испытания, которое внесло переполох в ряды учителей еврейской вероисповедной школы еще в 1849 г., не требовалось. Необходимо было свидетельство о благонадежности меламеда, которое должно исходить от директора или инспектора народного училища.

Занятия в хедере должны были начинаться не ранее 9 часов утра и заканчиваться не позднее 5 часов вечера, причем два часа из этого времени отводилась на отдых и обед учащихся. Установлен и минимальный возраст детей для приема в хедер — шесть лет. Надзор же за преподаванием в хедерах осуществляли лишь лица, имевшие на то соответствующее разрешение. И оно предоставлялось общественным раввином. По разъяснению Министерства народного просвещения от 3 апреля 1892 г., взыскание с меламедов за несанкционированное обучение могло применяться лишь в случае, если помимо традиционных предметов в хедере меламеды преподавали и общеобразовательные предметы без надлежащего на то свидетельства. Показательно, что преподавание в хедере русского языка и общих предметов вообще не допускалось. Однако для губерний Царства Польского еще в 1888 г. были изданы особые правила. Их главное отличие от правил, распространявшихся на хедеры в Северо-Западном и Юго-Западном крае,

состояло в том, что преподавание русского языка в «русской» Польше являлось обязательным. От меламедов в этих губерниях требовалось, чтобы они поощряли своих учеников к употреблению в общении между собой и учителем русского языка. Этими действиями по укреплению своих позиций русское правительство стремилось русифицировать еврейское население края. Ежегодно учащиеся хедеров должны были подвергаться испытаниям на знание русского языка.

С изданием закона 1893 г., устранившего непосильные требования для меламедов, число легальных хедеров соответственно значительно возросло.

Первое статистическое обследование хедеров в Российской империи было проведено Вольным экономическим обществом при содействии Комитета грамотности и Общества распространения просвещения среди евреев в России 1894 г. В результате было выявлено 13 тыс. 683 хедера и 14 тыс. 740 меламедов. Учащихся — 201 964, причем 10 459 девочек. Еврейским

Колонизационным обществом уже через несколько лет (1898–1901) были собраны новые статистические сведения о количестве хедеров и численности учащихся и меламедов. Зарегистрированными оказалось около 17 тыс. хедеров, причем значительная часть начальных вероисповедных школ оказалась в Северо-Западном и Юго-Западном крае, а также в Царстве Польском. Меньшее число хедеров было в Южном крае, что можно объяснить большей аккультурацией еврейского населения и стремлением учиться скорее в общей начальной школе, чем в еврейской. По данным ЕКО, в самом конце столетия более половины (53,8%) еврейских детей школьного возраста посещали хедер. В ряде губерний, например, в Киевской и Волынской этот процент был еще выше и достигал 70. Автор написанной около 1913 г. статьи о хедерах и меламедах, Г. Вольтке отмечал, что «ввиду крайней бедности многих меламедов, затрудняющихся взносом 3 руб. за свидетельство, и в настоящее время имеется немало хедеров, нигде не записанных»[13]. Если принять во внимание и число не заявивших о себе хедеров, то очевидно, как отмечал указанный выше автор, что численность учащихся во всех традиционных начальных школах достигла 343 тысячи человек[14].

Привлекательность хедера для различных социальных слоев еврейского общества была различной, что нередко было связано и с социально-экономическими условиями развития региона и степенью ак-

культурации еврейского населения. В традиционных местах Черты в местечках Северо-Западного края большинство учащихся в конце XIX в. принадлежало к среднему классу (до 55%), в то время как на Юге России и крупных Северо-Западных городах (Минск, Вильна, Ковно) хедер являлся исключительно школой бедных слоев. В Одессе, например, дети бедных родителей составляли 97% учащихся.

Методика преподавания в хедерах не менялась столетиями, господствовало механическое зазубривание текстов Торы, книг Пророков и Талмуда, очень часто — без понимания смысла. Языком преподавания являлся идиш. Исследователи быта учащихся хедера нередко отмечали антисанитарные условия, в которых они находились. Занятия проходили в явно не приспособленных для этой цели помещениях: сырой холодной маленькой комнате, подчас в подвале, на чердаке, на кухне в квартире меламеда. Дети из-за низкой температуры в помещении поздней осенью, зимой и ранней весной занимались в верхней одежде. Еврейские просветители, начиная с основателя Гаскалы в России Ицхака Бера Левинзона, решительно осуждали традиционную хедерную систему и выступали за создание современной школы. Среди критиков традиционной еврейской школы были один из наиболее ярких выразителей идей Гаскалы — писатель и публицист Иехуда Лейб Гордон. В своем первом романе «Ха тоэ́ бе-даркей» («Блуждающий по путям жизни», 1871) писатель, один из предшественников палестинофильского движения Перец Смоленскин в негативных тонах рисовал жизнь в хедере. На подобных позициях стояли и многие другие заметные фигуры еврейской общественности.

В обстановке кризиса еврейского общества в России в начале 1880-х гг., вызванного массовой волной погромов и разочарованием многих еврейских общественных деятелей в идеях Гаскалы, еще недавно выступавших с идеей «сближения и слияния» с коренным населением, институт хедера начал находить и среди недавних идеологов Просвещения и палестинофилов приверженцев и защитников. И среди «прогрессистов», вместо предложений о полном упразднении хедера, отстаивается идея реформирования начальной вероисповедной школы исходя из новых требований.

В 1890-х годах поборниками еврейского образования на основе идеологии палестинофильства и позже сионизма был в значительной степени успешно реализован проект реформирования хедера. Начинают открываться хедеры в новых в просторных помещениях, приглаша-

лись получившие профессиональное образования учителя, несколько традиционных хедеров объединялись в один, для последовательного обучения по возрастным группам. На смену механическому запоминанию древнееврейских слов пришло изучение грамматики древнееврейского языка, истории еврейского народа, географии Палестины. Так возник образцовый хедер — *хедер-метуккан* (дословно: исправленный хедер, ивр.). С 1902 г. организацией и субсидированием подобных хедеров занялось «Общество просвещения евреев в России». В большинстве таких хедеров стал преподаваться и русский язык, и другие общеобразовательные предметы. Обучение часто проводилось совместно мальчиков и девочек. Были введены и летние каникулы, ежегодные экзамены. В ряде мест реформированные хедеры получили поддержку и среди меламедов. Часть из них соединялась в объединения или товарищества, члены которых распределяли между собой преподавание традиционных предметов таким образом, чтобы каждый ученик мог ежегодно переходит от одного меламеда к другому[15].

Хотя и в XIX, и в начале XX вв. юноша из традиционной семьи по окончании хедера мог продолжить изучение Талмуда под руководством раввина или образованных членов общины в бейт-мидраше, или поступить в иешиву, для значительной части обитателей черты оседлости и прежде всего штетлов-местечек их образование заканчивалось учебой в хедере. Вслед за обучением в хедере, к совместному изучению Талмуда обращались юноши и женатые мужчины.

Система традиционного еврейского образования, включая и реформированные хедеры, серьезно пострадала в условиях Первой мировой войны, когда десятки тысяч еврейских семей были депортированы вглубь России, либо оказались там как беженцы. Однако смертельный удар по хедерам был нанесен в первой половине 1920-х гг. советским режимом. Еврейские секции при ЦК РКП (б) и региональных партийных комитетах — «передовой отряд» режима в установлении «диктатуры пролетариата на еврейской улице» — одной из важнейших своих задач видели уничтожение хедеров. Именно в них власти не без основания видели институт сохранения еврейской традиции и приверженности к иудаизму. К 1923 г. легальные хедеры в Советской России были ликвидированы. «Гроб над хедером основательно заколочен, — не скрывая своего восторга, писал один из влиятельных евсековских деятелей М. Левитан. — Уже не воскреснуть этому призраку». Хедеры перешли на полулегальное и нелегальное существование[16].

История еврейской начальной вероисповедной школы, хедера — неотъемлемая часть национального духовного наследия и традиции.

Примечания

[1] *Паперна А.* Из Николаевской эпохи // Евреи в России . XIX век. Россия в мемуарах. Вступительная статья, составление и комментарии В. Кельнера. М.: НЛО. 2000. С. 87.

[2] Там же. С. 88.

[3] *Шолом-Алейхем.* Разбойники // Собрание сочинений. М., 1972. Т. 3. С. 416.

[4] *Паперна А.* Указ.соч. С. 103.

[5] Там же. С. 104.

[6] Там же. С. 112–113.

[7] Там же. С. 113–114.

[8] *Леванда Л.* Школобоязнь // Еврейская библиотека № 5 (1875). С. 65–88.

[9] *Левинзон И.Б.* Теʼуда бе-Исраэль (фотоофсетн. переизд. Виленского и Гродненского издания 1828 г., иврит). Иерусалим, 1977. С. 14.

[10] Подсчитано по статье: *Вольтке Г.* Хедер и меламед // Еврейская энциклопедия. Т. XV. Стлб. 590.

[11] *Вольтке Г.* Указ. соч. Стлб. 591.

[12] Устав Учебных заведений Министерства народного просвещения. СПб, 1893. Т. XI. Ч. I .Ст. 3877–3883.

[13] *Вольтке Г.* Указ. соч. Стлб. 592.

[14] Там же. Стлб. 593.

[15] Обширные архивные материалы о положении «исправленных хедеров» в северо-западном крае накануне, а в годы Первой мировой войны — среди беженцев на востоке страны, — хранятся в фонде Московского отделения Общества распространения просвещения между евреями в России в Центральном историческом архиве города Москвы (ЦИАМ, Ф. 2309).

[16] См.: *Локшин А.* Гражданская война кончилась — война против хедеров началась. Судьба еврейского религиозного образования в Советской России // Лехаим. 2005. № 10. www.lechaim.ru/ARHIV/162/lokshin.htm

Дмитрий Федотьев
(Санкт-Петербург)

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ЕВРЕЙСКОЙ КУПЕЧЕСКОЙ СРЕДЕ ПЕТЕРБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во второй половине XIX — начале XX в. еврейское купечество занимало довольно значительное место в деловом мире России вообще и столицы в частности. Наряду с этим в рамках еврейского купечества Петербурга видную роль играли женщины.

В этой связи большой интерес представляют сведения, содержащиеся в материалах Петербургской купеческой управы, которые дают богатый статистический материал о тысячах столичных купцов и членах их семейств. Эти данные служат важным источником по конфессиональному и национальному составу купечества Санкт-Петербурга, его возрастной структуре, семейному положению и занятиям, месту рождения многих купцов и, наконец, по антропонимике.

Женщины как самостоятельные купцы появляются в среде еврейского купечества столицы довольно поздно, только в 1868 г., т.е. спустя девять лет после дозволения еврейским купцам 1-й гильдии селиться вне черты оседлости. Первыми из них стали купчихи 2-й гильдии, жены отставных солдат. Таким образом, они воспользовались правом приписываться к мещанам внутренних губерний, которое им было дано в 1867 г. Одна из них, Хая Бениаминовна Гринфельд, содержала ссудную кассу, а другая — Эстер Элимовна Дахель, содержала водочное заведение[1].

С этого момента наблюдается положительная динамика роста численности евреек в петербургском купечестве, за исключением периода правления Александра III, когда наметилось некоторое сокращение их численности; в первую очередь это коснулось купечества 2-й гильдии.

Правительственная политика этого периода наиболее ощутимо затронула интересы владельцев небольших предприятий, в то время как купцы 1-й гильдии чувствовали себя относительно стабильно.

В 80-е гг. XIX в. еврейские купчихи неоднократно обращались в Министерство финансов с ходатайствами о разрешении им записываться в петербургское купечество, так как именно в этот период Петербургская казенная палата трактовала законы не в пользу евреев. Таким образом, преобладал принцип «разрешено то, что напрямую предписано законом»[2].

В начале 90-х гг. XIX в. петербургский градоначальник Грессер пошел еще дальше, посчитав, что только главы семейств имеют право осуществлять самостоятельную торговлю. В результате в Министерство финансов массово стали обращаться петербургские еврейки, которым было отказано в выдаче торговых документов, с просьбой разрешить ситуацию. В итоге Министерство финансов заняло позицию просительниц. Сенат к тому моменту признал, что жены купцов имеют право получать отдельные торговые документы на свое имя и производить самостоятельную торговлю в Санкт-Петербурге[3].

Что же касается численности женщин в еврейском купечестве, то если в 1870 г. их было четыре (6% от общего числа еврейских купцов): одна по 1-й гильдии и три по 2-й; в 1880 г. — 20 (10%): четыре по 1-й и 16 по 2-й; в 1898 г. — 30 (8%): 12 по 1-й и 18 по 2-й[4].

Следует заметить, что к концу XIX в. евреи-купцы 1-й гильдии вышли на первое место по численности, обойдя русских; в этой связи еврейки также в количественном отношении вышли на первое место среди женщин различных этнических групп.

Но все же во 2-й гильдии еврейки были представлены более широко, нежели евреи. Более того, на раннем этапе, в конце 60-х — начале 80-х гг., эта диспропорция выглядела наиболее ярко. Так, например, в 1880 г. 80% евреек-купчих состояло во 2-й гильдии, в то время как только 52% мужчин из купцов-евреев принадлежали ко 2-й гильдии [5].

Доля евреек в петербургском купечестве относительно мужчин была несколько меньше, чем в большинстве других этнических групп (в 1898 г. доля женщин в петербургском купечестве составляла 10%[6], а евреек — 8%[7]). Это во многом связано с тем, что еврейки были более активно представлены во 2-й гильдии, где доля еврейских купцов в целом была менее значительной. Более низкие показатели деловой активности женщин наблюдались только среди татарок.

Около трети евреек были вдовами и получили свои предприятия по наследству от мужей, а если рассмотреть купчих 1-й гильдии, то вдовы здесь составляли 2/3 от всех евреек-купчих. Нередко вдовы купцов 1-й гильдии со временем выбирали гильдейские свидетельства 2-й гильдии, что свидетельствует о сокращении масштабов их предпринимательской деятельности и оборотов предприятия.

Для уравнивания в гражданских правах еврейский купец должен был состоять в 1-й гильдии купечества вне черты оседлости не менее 10 лет. Это и являлось одной из главных причин стремления евреев получить гильдейское свидетельство по 1-й гильдии. Однако по «Справочным книгам…» удалось выявить только двух евреек, которые смогли самостоятельно пройти весь этот стаж[8].

Находились также вдовы, которые «дорабатывали» стаж после смерти глав семейств. Так, например, Кларе Львовне Варшавской, вдове купца 1-й гильдии Самойло Моисеевича Варшавского, который умер за год до окончания необходимого срока, удалось это сделать, выплачивая гильдейскую повинность по 1-й гильдии в течении еще трех лет[9].

Однако с появлением таких прецедентов возникли некоторые юридические сложности, связанные с неоднозначной трактовкой законов. Так, у вдовы купца, платившего гильдейский сбор в течение двух лет в черте оседлости, оспаривали право зачета этих двух лет при переходе во внутренние губернии. Государственный Совет согласился с этим ограничительным толкованием, тогда как годы уплаты гильдейского сбора мужем в городах вне черты оседлости пошли в зачет десяти лет, после которых приобреталось право постоянного жительства вне черты[10].

Большое число вдов (чуть меньше половины) к моменту смерти мужа имели совершеннолетних сыновей, которые были вписаны в гильдейское свидетельство матери и не начинали предпринимательскую деятельность[11]. Зачастую эти сыновья имели уже свои семьи. Это происходило из-за противоречивых трактовок законодательства Российской империи. Очень часто купец умирал, не отбыв необходимый стаж, таким образом, к его сыновьям не переходило право повсеместного проживания, и они лишались возможности закончить выработку стажа отца. Таким образом, только вдовы могли спасти семью от выселения в черту оседлости, возглавив предприятие.

Что касается семейств, имеющих право повсеместного проживания, то, как правило, наследство делилось следующим образом: преимущественным правом на получение прибыли с унаследованного ка-

питала пользовались дочери, которым нужны были средства для существования и для того, чтобы выйти замуж; наследники мужского пола получали оставшийся капитал и недвижимую собственность. Ярким примером могут служить завещания семьи Гицбургов[12].

Жены еврейских купцов, как правило, имели практический опыт ведения дел и могли с успехом заменить своих мужей в предпринимательской деятельности. В зависимости от своих деловых качеств женщины либо сохраняли за собой ведение торговых и промышленных дел, либо передавали соответствующие права своим родственникам, переключаясь при этом на активную благотворительность[13]. В целом, еврейские купчихи играли очень важную роль по поддержанию сложившихся традиций ведения семейного дела, а также передачи наследникам опыта. Одновременно они сохраняли за собой роль наставниц в домашнем воспитании и образовании детей, оказывая в этом отношении серьезное влияние на становление личностных и общественных позиций наследников.

Еврейское купечество осуществляло свою предпринимательскую деятельность практически во всех сферах деловой жизни Петербурга. В целом направления предпринимательской деятельности как мужчин, так и женщин совпадали (Табл. 1).

Таблица 1

Сферы предпринимательской деятельности еврейских купцов Петербурга во второй половине XIX в.[14]

Сфера деятельности	% занятых в данной сфере евреек	% всех занятых евреев
Торговля непродуктовыми товарами	50	54
Меняльные лавки	18	3
«Неторгующие»	14	10
Подряды	6	7
Банкирские дома, конторы	6	5
Торговля продуктами	5	10
Комиссионные, агентские конторы	5	3
Фабрики, заводы	3	6
Мастерские, типографии	3	4

Наиболее распространенной сферой деловой активности евреек-купчих была торговля непродуктовыми товарами, в которой была задействована половина еврейских купцов. Однако особое место занимало содержание меняльных лавок. Подобные заведения среди евреев были широко распространены на начальном этапе их постоянного проживания в Петербурге, в 60–70-е гг. XIX в. Особую активность в этой сфере проявляли женщины, содержавшие больше трети подобных заведений из общего числа касс ссуд, принадлежащих евреям.

Доля «неторгующих» евреек была несколько выше, чем тот же показатель у мужчин. К «неторгуюшим» относились лица, не занимавшиеся предпринимательской деятельностью, но пользовавшиеся соответствующими сословными правами, так как они выкупили гильдейское свидетельство, что было особенно актуально для евреев.

Среди товаров, которыми торговали еврейки, следует выделить, прежде всего, мануфактурные товары, где доля женщин была очень весома (более трети), следом шла торговля одеждой и ювелирными изделиями. Но женщины совершенно не были представлены в торговле аптечными товарами, тогда как эта категория товаров занимала видное место в предпринимательской деятельности мужской части еврейского купечества, что связано, прежде всего, с отсутствием у евреек необходимого образования (Табл. 2).

Таблица 2

Категории товаров, которыми торговали еврейские купцы Петербурга во второй половине XIX в.[15]

Категории товаров	% торгующих данным товаром евреек	% торгующих данным товаром евреев
Мануфактурные товары	44	11
Сукно, одежда и обувь	38	21
Ювелирные изделия, часы	15	14
Стройматериалы	3	8
Хлеб	3	7
Сахар	3	2
Аптечные товары	–	17
Прочие	12	29

Реформа налогообложения 1898 г. привела к некоторому снижению численности купеческого сословия в начале XX в. Предприниматели, не заинтересованные в дополнительных сословных правах, не выбирали купеческие свидетельства и оставались в мещанском или крестьянском сословии, таким образом, предпринимательство стало превращаться во внесословное занятие. Кроме того, в это время появлялось все больше так называемых «неторгующих» купцов. В этой связи наблюдается еще большее увеличение доли евреев в петербургском купечестве вообще (в 1910 г. насчитывалось 645 (29,5%) евреев-купцов: 420 (74,33%) по 1-й гильдии и 225 (13,82%) по 2-й)[16] и еврек в частотности.

Таким образом, тяжелые социально-экономические условия, в которых находилось еврейство России, заставляли еврейскую женщину активно участвовать в материальном обеспечении семьи (а во многих случаях и брать его на себя полностью). Углубление этой тенденции в конце века привело к выделению определенного, пока еще немногочисленного, слоя женщин, предпочитавших самостоятельное существование вне брака, связанное с активной профессиональной деятельностью.

Примечания

[1] Справочная книга о лицах получивших на 1868 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1868. С. 224, 239.

[2] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 4. Д. 3003. Л. 1.

[3] Там же. Л. 14.

[4] Подсчитано по: Справочная книга о лицах получивших на 1870 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1870; Справочная книга о лицах получивших на 1880 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1880; Справочная книга о лицах получивших на 1890 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1890; Справочная книга о лицах получивших на 1898 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1898.

[5] Подсчитано по: Справочная книга о лицах получивших на 1880 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1880.

[6] *Османов А.И.* Купцы Петербурга. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 18.

[7] Подсчитано по: Справочная книга о лицах получивших на 1898 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1898.

[8] Подсчитано по: Справочная книга о лицах получивших на 1870 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1870; Справочная книга о лицах получивших на 1880 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1880; Справочная книга о лицах получивших на 1890 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1890; Справочная книга о лицах получивших на 1898 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1898.

[9] Справочная книга о лицах получивших на 1880 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1880.

[10] *Слиозберг Г.Б.* Обследование положения евреев. СПб., 1907. С. 32.

[11] Подсчитано по: Справочная книга о лицах получивших на 1870 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1870; Справочная книга о лицах получивших на 1880 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1880; Справочная книга о лицах получивших на 1890 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1890; Справочная книга о лицах получивших на 1898 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1898.

[12] РГИА Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1179. Л. 88.

[13] *Барышников М.Н.* Женщины в составе правлений акционерных компаний в России во второй половине XIX — начале XX века (по материалам переписи городского населения). // Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. Выпуск 1. СПб.: Нестор. 2002. С. 35.

[14] Подсчитано по: Справочная книга о лицах получивших на 1870 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1870; Справочная книга о лицах получивших на 1880 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1880; Справочная книга о лицах получивших на 1890 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1890; Справочная книга о лицах получивших на 1898 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1898.

[15] Подсчитано по: Справочная книга о лицах получивших на 1870 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1870; Справочная книга о лицах получивших на 1880 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1880; Справочная книга о лицах получивших на 1890 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1890; Справочная книга о лицах получивших на 1898 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1898.

[16] РГИА Ф. 23. Оп. 26. Д. 55. Л. 27.

Гари Позин
(Санкт-Петербург)

ОБ ОТЦАХ-ОСНОВАТЕЛЯХ ОЗЕ

Общество охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ) основано в 1912 г. в Петербурге группой еврейских врачей и общественных деятелей. ОЗЕ просуществовало в России до 1921 г. В 2012 г. отмечается 100-летие этой организации. Ее истории в России посвящена монография автора[1] (рис. 1). В данной статье мы хотим рассказать о некоторых наиболее выдающихся организаторах Общества. Автор использовал как опубликованные труды ОЗЕ, находящиеся в Российской национальной библиотеке (РНБ), так и материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ), архиве Российского этнографического музея (РЭМ) и архиве Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (СПб ФИВРАН).

Фактически история ОЗЕ начинается с 28 октября 1912 г. — дня первого общего собрания членов нового Общества, в котором приняли участие около 200 чел. — врачей и еврейских общественных деятелей Петербурга — и на котором был избран его Центральный Комитет[2] (рис. 2). 1 ноября 1912 г. на первом заседании Комитета состоялись выборы его Президиума, в который вошли доктор Семен Аркадьевич Кауфман (председатель Комитета), присяжный поверенный Григорий Абрамович Гольдберг (товарищ председателя), доктор Наум Рафаилович Ботвинник (казначей), доктор Михаил Самойлович Шварцман (секретарь). Членами первого ЦК ОЗЕ были доктора Яков Григорьевич Бавли, Вениамин Исаакович Бинштоп, Абрам Моисеевич Брамсон, Моисей Маркович Гран, Григорий Исаакович Дембо, Александр Вениаминович Залкинд, Яков Борисович Эйгер; инженер путей сообще-

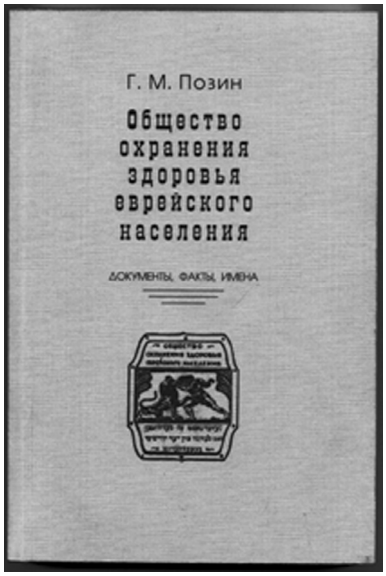


Рис. 1.
Монография об истории ОЗЕ в России

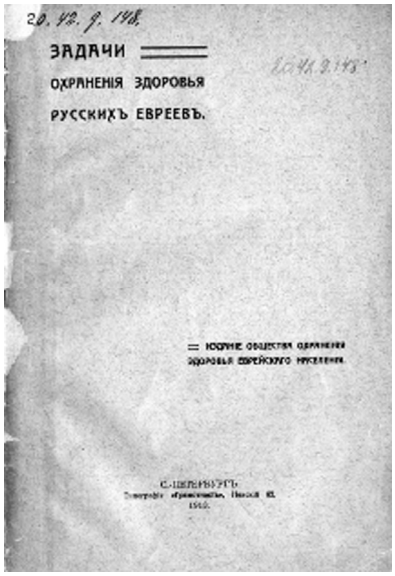


Рис. 2.
Сборник документов по организации ОЗЕ

ния Станислав Эдуардович Вейсблат. Комитет помещался в С.-Петербурге, на Стремянной улице, д. 5, кв. 6 (видимо, в квартире Н.Р. Ботвинника, рис. 3).

О каждом из этих замечательных людей можно написать отдельное эссе, что автор предполагает сделать в дальнейшем. В данной же статье мы ограничимся изложением малоизвестных фактов биографии первого председателя ОЗЕ С.А. Кауфмана и тезисно — сведений о других отцах-основателях ОЗЕ.

Семен Аркадьевич Кауфман (1839–1918) — первый Председатель ОЗЕ, уроженец Гродно, сын бывшего лесного эксперта Морского Министерства (справка от 11.06.1899. № 231 из Архива Министерства Морского ведомства[3]). По окончании в 1861 г. курса в Императорской Медико-Хирургической Академии и получения звание лекаря Кауфман в течение года продолжал научные занятия за границей. По возвращении в 1864 г. защитил диссертацию о действии сероводорода на организм с физиологической и судебно-медицинской точки зрения и получил степень доктора медицины.

Рис. 3. Стремянная ул., 5 — первый адрес Комитета ОЗЕ

Рис. 4. Община сестер милосердия Литейной части

С 1866 г. Кауфман служит в должности помощника доктора при Общине Сестер милосердия княгини Барятинской (Литейной части) по IV Отделению Собственной Его Величества Канцелярии, по представлению которого в 1869 г. награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Эта Община была учреждена в 1846 г. с целью оказания помощи нуждающимся и страждущим, проживающим в Литейной части Петербурга (Сергиевская ул., в настоящее время — ул. Чайковского, 52). В 1850–1851 гг. для Общины на старом месте был выстроен новый каменный дом в пять этажей и 70 комнат для сдачи в наем пансионеркам. Здание было полностью оборудовано (1852 г. — арх. К.И. Брандт, М.Е. Тупиков; 1871–1872 гг. — арх. А.И. Бутузов — расширение, устройство новой церкви св. Марии Магдалины) и подарено Общине ее

учредительницей княгиней Барятинской. В 1853 г. Община обрела Августейшее покровительство императрицы Александры Федоровны, был утвержден ее устав; согласно новому уставу (1873), Община стала называться «Во имя Христа Спасителя» (рис. 4).

С 1871 г. С.А. Кауфман обращается в Управление Флота Генерал-Штаб-доктора с прошением о переводе на службу по морскому ведомству, в связи с чем начинается переписка между чиновниками Морского министерства, которые открывают специальное «Дело № 263. Относительно определения в службу врачей Еврейского исповедания. Тут же и определение Доктора медицины Кауфмана на службу по морскому ведомству с оставлением его на службе при Общине сестер милосердия»[4]. В деле приводится закон о врачах-евреях, согласно Высочайше утвержденному 27.11.1861 г. мнению Государственного Совета: «Евреи, имеющие дипломы на ученые степени доктора медицины и хирургии, а равно дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата по другим факультетам университета, допускаются в службу по всем ведомствам, без ограничения места пребывания их чертою, для постоянной оседлости евреев определенною» (п. 1). В деле также имеется справка о том, что в настоящее время в военно-медицинском ведомстве состоят 63 врача Еврейского вероисповедания.

Из письма и.д. Флота Генерал-Штаб-доктора Мерцалова в Управление Флота Генерал-Штаб-доктора от 9.08.1872 г. ясно, что С.А. Кауфман занимался ларингоскопией и офтальмоскопией и по «известным мне лично научным своим сведениям, может быть весьма полезен на службе по морскому ведомству. Г-н Кауфман Моисеева закона, но просит разрешения определить его в 8-й флотский экипаж с оставлением врачом при Общине Сестер милосердия Княгини Барятинской». В результате ходатайство С.А. Кауфмана было удовлетворено: он был определен младшим врачом в 8-й флотский экипаж и остался на должности помощника доктора при Общине.

Интерес представляет послужной список С.А. Кауфмана с момента окончания курса в Петербургской Медико-Хирургической Академии в 1861 г. и до выхода на пенсию в 1899 г. на 25 листах. Запись за 1899 г. суммирует его достижения: «Действительный Статский Советник, Доктор Медицины, старший врач Инвалидного Императора Павла I Дома. Вероисповедания Моисеева закона. Имеет ордена Св. Владимира 3 и 4 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Станислава 2 ст. с Императорскою Короною, медаль в память царствования Императора Александра III и знак Красного Креста. Содержание получает 1575 р. 90 коп. в год

и прибавочного за 4 пятилетия 450 р. От роду 60 лет». Определением Правительствующего Сената 10 февраля 1886 г. признан в потомственном дворянском достоинстве. По свидетельству от 3.03.1886 г. за № 13, выданному из Департамента Герольда Правительствующего Сената, признан в потомственном дворянском достоинстве с правом на внесение в третью часть дворянской родословной книги[5].

Авторы Краткой еврейской энциклопедии допустили существенную ошибку, указав, что С.А. Кауфман «крестился, к концу жизни, видимо, вернулся к иудаизму»[6]. Между тем, Семен Аркадьевич всю жизнь оставался верен Моисееву закону. Недоразумение, скорее всего, связано с тем, что авторы энциклопедии не могли предположить, что в царской России можно было достичь во флоте таких высоких званий, оставаясь иудеем.

Приведем данные из послужного списка С.А. Кауфмана:

«По окончании курса в Петербургской Медико Хирургической Академии выпущен со званием Лекаря — 1861 г.

— Удостоен степени Доктора Медицины — 1864 г.

— По прошению допущен на испытание к занятию должности Помощника Доктора Общины сестер милосердия Литейной части, в которой и утвержден приказом IV отделения Собственной Его Величества канцелярии за

1867 Апреля 30.

— За выслугу лет утвержден в чине Коллежского Асессора со старшинством с 10 сентября 1866 года[7].

Из табели о рангах Российской Империи 24 января 1722 г.: «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был».

— Произведен в Надворные Советники со старшинством с 10 сентября 1870 г.

— Высочайшим приказом по Морскому ведомству о чинах Гражданских за № 857, переведен младшим судовым врачом в 8 флотский экипаж с оставлением и в настоящей должности Помощника Доктора Общины Сестер милосердия Литейной части в С.-Петербурге. — 15 декабря 1872 г.

— По приказанию Временного Управляющего Морским министерством предписанием Главного Командира С.-Петербургского порта за

№ 2554, командирован в Каргопольский уезд Олонецкой губернии для выбора во флот новобранцев. — 29 января 1873 г.

— Произведен за выслугу лет в Коллежские Советники со старшинством с 10 сентября 1874 г.

— Предписанием Начальника медицинской части СПб порта назначен для исследования остроты зрения у морских нижних чинов С.-Петербургского порта — 4 декабря 1878 г.

— Произведен за выслугу лет в Статские Советники со старшинством с 10 сентября 1878 г.

— Приказом по Морскому ведомству за № 113 назначен Старшим врачом 8 флотского экипажа — 5 февраля 1883 г.

— Приказом по Морскому ведомству за №30, назначен врачом Кадра постоянных мастеровых и рабочих С.-Петербургского порта.

— Циркуляром Главного Морского Штаба за № 131, зачислен в состав вновь сформированного 9 флотского экипажа — 1 мая 1888 г.

— Приказом по морскому ведомству за № 27, назначен Старшим врачом Инвалидного Императора Павла I Дома — 1893 г.

— Высочайшим приказом по Морскому ведомству о чинах Гражданских за № 163, произведен в Действительные Статские Советники с увольнением от службы, на основании прод. 1895 г. Св. м.п. книги VIII ст. 329[23] — 17 мая 1899 г.[8]

В послужном списке имеются и сведения о семейном положении С.А. Кауфмана: «Женат первым браком на дочери Потомственного Почетного Гражданина на девице Розе Юлиевне Баумштейн. Вероисповедания Моисеева закона. Имеет детей: сына Юлия, род. 20 апреля 1884 г. и дочь Лидию, род. 24 октября 1881 г. Жена и дети вероисповедания Моисеева закона»[9].

Представляют интерес и следующие документы:

№ 321
10 мая 1899 г. *Печать*: Главный Морской штаб
(На печати резолюция №1545):
Управляющий Мор. Мин. приказом внести в приказ
о производстве Кауфмана в Действ. Статс. Советн. с
увольнением по предельному возрасту от службы с мундиром
(последнее вставлено).
Мая «13»дня 1899
Контр-Адмирал *(подпись)*

На подлежащую надпись сообщаю, что в виду ходатайства Директора Инвалидного Императора Павла I Дома и представления на мое имя от 21-го минувшего апреля за № 925 Медицинского Инспектора С.Петербургского порта о долголетней, весьма полезной и выдающейся усердно-ревностной службы Старшего врача Инвалидного Императора Павла I Дома Статского Советника Кауфмана я вполне присоединяюсь к ходатайству о производстве его в чин Действительного Статского Советника, с увольнением по предельному возрасту от службы. Мая «7» дня 1899 г.

Главный Медицинский Инспектор Флота, Почетный Лейб-Хирург *(подпись)*[10].

Отметим, что, согласно Табели о рангах, гражданский (статский) чин Действительного Статского Советника (с 1724 г.) соответствует военному чину Контр-адмирала на флоте (с 1740 г.) с обращением «Ваше превосходительство».

Справка. Вследствие представления Директора Инвалидного Императора Павла I Дома от 26 минувшего апреля за № 411, Старший врач Инв. Дома Статский Советник Кауфман Высочайшим приказом 17 сего мая № 235, произведен в Действ. Статск. Сов., с увольнением от службы, с мундиром, на основании прод. 1895 г. Св. мор. пост., кн VIII, ст.329[23].

Настоящая справка передается в Пенсионный стол для назначения Кауфману пенсии.

(Подписал делопроизводитель — подпись 26 мая 1899 г.)[11]

Инвалидный Дом Императора Павла I (Рис. 5) *Ведомственное благотворительное заведение, состоявшее при Морском министерстве. Основано в 1776 г. для моряков-ветеранов, отличившихся в сражениях Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Первоначально Инвалидный дом предназначался для 50 одиноких старых матросов. Протяженный, около 200 м, одноэтажный корпус был разделен коридором, по сторонам которого были небольшие, в одно окно, комнаты. Обстановка комнат, с каменным полом, напоминала лазареты того времени. В середине XIX в. корпус надстроили мансардами с комнатами для служителей. С этого времени здесь призревались до 200 престарелых и увечных нижних чинов; некоторые были семейными. Руководство*

Рис. 5. Инвалидный Дом Императора Павла I

и содержание дома перешло к Морскому министерству. Директором заведения традиционно назначался престарелый одинокий морской офицер в высоком звании. В 1978 г. при подготовке к летним Олимпийским играм 1980 г. здание разобрали, и на его месте построили новое, повторяющее обликом старый дом. В настоящее время здесь находится комплексная школа высшего спортивного мастерства.

О разносторонней врачебной деятельности С.А. Кауфмана во время службы на флоте можно составить представление по темам докладов, которые он делал как член Общества Морских врачей в С.-Петербурге. Темы докладов опубликованы в книге, хранящейся в Российской национальной библиотеке[12]:

«О приеме новобранцев в Краснопольском уезде Олонецкой губернии в 1874». 10/II 1875г. — С. 71;

«Об электрическом освещении на Колпинском заводе». 13/III 1878 — С. 72; «Случай натуральной оспы в экипаже и меры, принятые там». 15/I 1885г. — С. 90;

«О результатах работы Комиссии по поводу новых правил относительно остроты зрения для приема в Корпус». 18/II 1874 — С. 121;

«О дальтонизме или хромопсии». 30/I 1879 — С. 121;

«Критический разбор судебномедицинского освидетельствования умственных способностей прапорщика Е.» 1/XI 1876. Мед. приб., вып. XX стр. 542 — С. 134;

«О значении серных вод при лечении болезней (в селе Хилово Псковской области)». 13/I 1875 — С.138.

Рис. 6. Документ об официальной регистрации ОЗЕ

Рис. 7. Подписи основателей ОЗЕ на документе о регистрации Общества

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что С.А. Кауфман был врачом широкого профиля.

Выйдя в отставку, он практиковал в больницах города, в Инвалидном доме. Был видным деятелем еврейской общины Петербурга, много лет руководил Кладбищенским управлением, член ОПЕ, 15 лет возглавлял его Библиотечную комиссию[13]. Но главным его достижением явилось активное участие в организации и деятельности ОЗЕ.

Документ, разрешающий деятельность ОЗЕ (Рис. 6), предваряется следующим текстом: «Определением С.-Петербургского Особого Городского по делам об Обществах Присутствия от 7 августа 1912 г. внесено в реестр Обществ гор. С.-Петербурга за № 681». Текст скреплен подлинной сургучной печатью и подписями С.-Петербургского Градоначальника Свиты Его Величества Генерал-майором Драчевским и Заведующим Делопроизводством Гудковским. От ОЗЕ документ подписан Действительным Статским Советником Доктором медицины Семеном Аркадьевичем Кауфманом, а также Присяжным поверенным Григорием Абрамовичем Гольдбергом, Доктором медицины Янкелем Боруховичем Эйгером и Надворным Советником, Доктором медицины Наумом Рафаиловичем Ботвинником. Подписи заверены нотариально[14]. (Рис. 7)

В обнаруженной нами в РГИА рукописи «К истории ОЗЕ (Что такое ОЗЕ)» о С.А. Кауфмане говорится: «ему… суждено было возглавить новый корабль еврейской общественности и повести его в плавание по всем шхерам, рифам и подводным камням русской государственности и общественности царского режима… Д-р С.А. Кауфман, будучи уже в возрасте 75 лет, принял председательство в ОЗЕ, отказавшись от своего старческого покоя, в котором он находился; он принял этот тяжелый пост как старый еврейский общественный деятель с большой еврейской душой; он принял его с глубокой верой в то большое и нужное еврейское дело, которое начинало ОЗЕ; он знал, что для этого дела нужны большие молодые силы с юной верой, энергией и одухотворенностью, и все это сумел и он сам выявить, несмотря на свои 75 лет; он оставался председателем ОЗЕ до самой смерти…, и за все 5 лет своего председательствования он проявил неутомимую энергию, юношеский интерес, веру и одухотворенность во всех делах и начинаниях ОЗЕ; особенно это было им проявлено за годы войны, когда ОЗЕ уже было призвано на большую практическую работу по делу помощи евреям — жертвам войны и погромов; уже будучи больным и прикованным к смертному одру, он все же продолжал и самую работу,

Годъ I-ый.

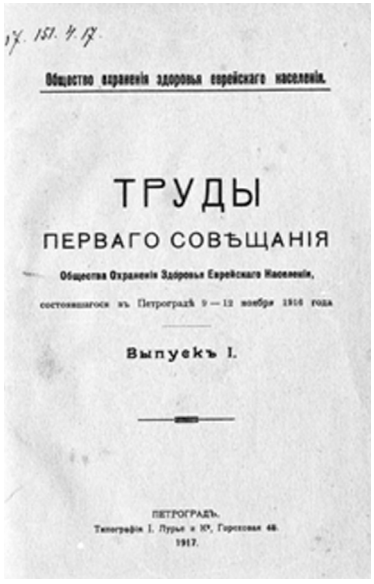
ОТЧЕТЪ

ОБЩЕСТВА ОХРАНЕНІЯ ЗДОРОВЬЯ ЕВРЕЙСКАГО НАСЕЛЕНІЯ

за 1912—1913 г.

(съ 28-го Октября 1912 г. до 1-го Января 1914 г.).

Рис. 8.
Титульный лист Отчета ОЗЕ
за 1912–13 гг.


Общество охраненія здоровья еврейскаго населенія.

ТРУДЫ

ПЕРВАГО СОВѢЩАНІЯ

Общества Охраненія Здоровья Еврейскаго Населенія,

состоявшагося въ Петроградѣ 9—12 ноября 1916 года

Выпускъ I.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія І. Лурье и К°, Гороховая 48.
1917.

Рис. 9.
Обложка трудов
Первого совещания ОЗЕ

созывая заседания Комитета у себя на квартире. С.А. Кауфман как первый председатель ОЗЕ явился живым символом старого еврейства, воспринимающего молодые соки новых поколений, новые идеи, он явился символом прогрессивного омоложения еврейского духа. Надо также отметить, что Семен Аркадьевич Кауфман с его адмиральскими чинами и мундиром по своему положению и реноме в административно-правительственных сферах царской России являлся в известной мере громоотводом против всяких скорпионов административно-полицейских властей по отношению к народившемуся Обществу» [15].

Деятельность ОЗЕ в начальный период его существования (28.10.1912–01.01.1914) проследить весьма легко, т.к. имеется подробный отчет о его работе, изданный типографским способом[16] (рис. 8). Подробное описание деятельности ОЗЕ в этот период содержится в упоминавшейся монографии автора.

К 1 января 1914 г. в Обществе состояло 560 членов (пожизненных, действительных, сотрудников). Комитет ОЗЕ работал как непосредственно, так и с помощью комиссий: санитарно-статистической, финан-

совой, литературно-библиотечной, юридической, по лечебно-санитарному делу, по физическому воспитанию. С.А.Кауфман руководил Комитетом и возглавлял финансовую комиссию. В задачу комиссии входили поиск мер увеличения средств Общества; привлечение лиц, могущих оказать значительное материальное содействие; привлечение новых членов; издание брошюры «Задачи охранения здоровья русских евреев» и ее рассылка. В работе комиссии принимали участие инженер С.Э. Вейсблат, доктора А.М. Брамсон, Г.Е. Выгодский и И.Л. Герзони; госпожа Р.Г. Винавер и госпожа Д.М. Эйгер. «Благодаря их (С.А. Кауфмана и Г.Е. Выгодского) неутомимой деятельности в члены Общества к моменту составления отчета вступили более 30 чел. с общей суммой годовых взносов до 6000 руб. Комиссия считает своим долгом выразить г.г. С.А. Кауфману и Г.Е. Выгодскому свою сердечную благодарность»[17].

С началом Первой мировой войны задачи ОЗЕ меняются. На первый план выходит помощь пострадавшим от военных бедствий, перемещенным, жертвам погромов и детям. Деятельность ОЗЕ во время войны была обобщена на его первом совещании, труды ОЗЕ были изданы отдельной брошюрой[18] (рис. 9). В работе совещания приняло участие 112 членов Общества (48 из Петрограда, 64 из Москвы и провинции — всего из 31 населенного пункта). Председателем Оргкомитета был М.М. Гран, секретарем — М.С. Шварцман, делопроизводителем — Л.С. Каминский. В Оргкомитет также вошли Брамсон, Гольдберг, Гран, Фрумкин, Шварцман и представители от комиссий. На совещании был избран почетный Президиум: председатель ЦК помощи жертвам войны барон А.Г. Гинзбург, председатель Еврейской Общины М.А. Варшавский, председатель ОПЕ доктор Л.С. Кацнельсон, члены Думы Н.М. Фридман, Х.И. Бомаш, Гуревич, член Государственного Совета Т.Э. Вайнштейн и др.

С.А. Кауфман — «маститый председатель Комитета Общества, находящийся на этом посту с момента его основания, неустанно несущий бремя труда по делам Общества, открыл первое Совещание, несмотря на преклонные годы и болезненное состояние». В день закрытия совещания он заболел, и участники направили ему телеграмму с пожеланием скорейшего выздоровления.

«После вступительной речи председателя Общества д-ра С.А. Кауфмана, в которой было отмечено лично особо ценное отношение к Обществу Комитета Ея Высочества Великой Княжны Татьяны Николаев-

ны, работавшей все время под флагом «без различия национальности», было принято приветствие Комитету Татьяны Николаевны»[19].

В упомянутой выше рукописи «К истории ОЗЕ (Что такое ОЗЕ)» рассказано о его первом совещании и приведена его характеристика: «Уже в 1916 г. ОЗЕ представляло собой еврейскую общественную организацию с большим весом в еврейских общественных сферах, с большой периферией по всей площади России от границ военного фронта до далекой Сибири, с большим кадром общественных деятелей и сотрудников, с большой сетью медико-санитарных и детских учреждений, обслуживающих широкие массы еврейского населения и прежде всего жертв войны... ОЗЕ за короткое время не только окрепло и выросло в большую еврейскую общественную организацию, но оно твердо избрало единый путь своего развития и строительства — путь строго общественный»[20].

В октябре 1917 г. ОЗЕ собиралось отметить свое 5-летие. Уже тяжело больной С.А. Кауфман посылает приветственное письмо (12.10.1917):

«Многоуважаемое Общее Собрание! Глубоко скорблю душой, что тяжкое страдание, приковавшее меня к одру болезни, лишает меня возможности и радости присутствовать, участвовать в 5-летнем юбилее нашего, столь нам всем дорогого общества. Сожалею, что по примеру прежних годов, не могу объявить общее собрание открытым и передать ему привет от Комитета. В моем плачевном положении, мне остается только молить нашего единого Бога Израиля: дабы он ниспослал Свое небесное благословение на дальнейшую благотворную деятельность нашего общества, дабы оно прогрессировало и расширялось на благо наших несчастных, обездоленных единоверцев, безотрадное положение которых не изменилось, несмотря на призрачное республиканское правление. Солнечный луч, проникший на мгновение в темное, погас, и для нас, евреев, снова наступила кромешная темнота. Да сжалится Всемогущий над своим беззащитным народом. Прошу многоуважаемое Общее Собрание принять мой сердечный привет и пожелание всего лучшего. С.А. Кауфман»[21].

Из-за сложной обстановки, вызванной большевистским переворотом, ОЗЕ отметило свое 5-летие на общем собрании лишь 4 декабря 1917 г.[22] На этом собрании постановили ввиду исключительных заслуг перед Обществом избрать С.А. Кауфмана первым почетным членом[23].

С.А. Кауфман сразу откликнулся телеграммой от 10.12. 1917: «Петроград «ОЗЕ». Глубоко искренне благодарю многоуважаемый Комитет и членов общества за оказанное внимание и высокую честь к моим малым заслугам. Смиренно принимаю возложенное на меня высокое звание. Преданный Кауфман»[24].

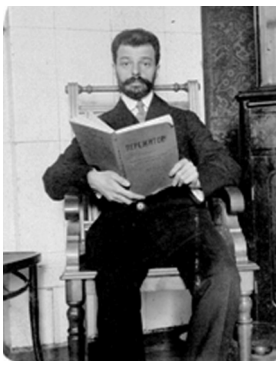
Труднейшие условия существования Общества в военно-революционное время, сопровождавшееся эпидемиями, погромами, голодом, приводили к тяжелым потерям в его рядах. Автору удалось обнаружить «Траурную страницу ОЗЕ», которая представляет собой черновой рукописный текст[25]. Сведения об утратах ОЗЕ содержатся и в протоколах Комитета, и в «Известиях ОЗЕ». Первым в траурной летописи упоминается доктор Семен Аркадьевич Кауфман (1839–1918) — первый председатель Комитета. Смерть последовала 13 июня 1918 г. в 4 часа дня. Заслугам С.А. Кауфмана и увековечиванию его памяти посвящены заседания Комитета (13 и 20 июня, 2 июля 1919) в годовщину со дня смерти[26]. Жизни и деятельности С.А. Кауфмана посвящены публикации в «Известиях ОЗЕ»[27].

Телеграммы соболезнования о кончине Кауфмана были получены от Центрального Еврейского комитета жертвам войны (Крейнин, Поляк, Слиозберг); от Московского Отделения (МОЗЕН); от Еврейского общества поощрения художеств (подписано председателем общества Ильей Гинцбургом)[28]. В архиве хранится письмо Г.А. Гольдбергу от Ю. Кауфмана с благодарностью ОЗЕ за внимание к памяти отца и соболезнование, направленное ОЗЕ по поводу смерти С.А. Кауфмана его детям — Юлию Семеновичу Кауфману и Лидии Семеновне Яновской[29].

Несмотря на предпринятые автором значительные усилия, пока не удалось обнаружить портрет или фотографию Семена Аркадьевича Кауфмана. Возможно, приведенная ниже информация поможет объяснить, почему это произошло. Имеется письмо от ОЗЕ Илье Абрамовичу Гринману от 6 июня 1919 г. с просьбой «принять на себя выполнение портрета д-ра С.А. Кауфмана» к годовщине смерти. Портрет предполагалось установить в зале заседаний. Затем следуют два напоминания художнику И.А. Гринману о портрете Кауфмана: от 8 августа и 9 декабря 1919 г.[30] В последнем письме содержалась просьба вернуть фотографическую карточку, если заказ не может быть выполнен. Никакого ответа от И.А. Гринмана в архиве не обнаружено.

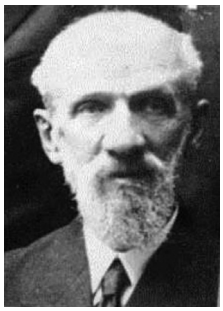
Краткие сведения о других отцах-основателях ОЗЕ.

Григорий (Гирш-Яков) Абрамович Гольдберг (1869–1922). Присяжный поверенный. Товарищ председателя ОЗЕ. Видный деятель еврейской общины и многих еврейских организаций Петрограда: ОПЕ, ЕКОПО, ЕИЭО, ОРТа. После смерти С.А.Кауфмана исполнял обязанности Председателя ОЗЕ. Трагически погиб.



Наум (Нохим) Рафаилович Ботвинник (1873–1939). Доктор медицины. Надворный Советник. Член первого ЦК ОЗЕ. Казначей Общества весь период его существования. Известный врач-офтальмолог, имел глазную лечебницу. Первый адрес Комитета ОЗЕ был его адресом. Член ОПЕ и ЕИЭО. Участвовал в борьбе с трахомой в «черте оседлости», награжден орденами. Во время Первой мировой войны был мобилизован, работал в Военно-медицинской академии военным врачом. В советское время — старший преподаватель Военно-медицинской академии.

Абрам Моисеевич Брамсон (1871–1939). Врач-фтизиатр. Член первого ЦК ОЗЕ. В годы первой мировой войны служил врачом в действующей армии. Член ОПЕ, ЕКОПО, ЕИЭО, ЕОПХ. Активно боролся за сохранение ОЗЕ при советской власти. Был членом Центральной медицинской комиссии «Джойнта» и распорядителем сумм на ее текущем счету. Один из основателей Ленинградского Института туберкулеза.



Моисей Маркович Гран (1867–1940). Социал-гигиенист. Член первого ЦК ОЗЕ. Один из основных идеологов Общества. Активный участник Пироговского общества и Пироговских съездов, под влиянием которых формировались структуры ОЗЕ и его журнал. Автор многих программных материалов ОЗЕ. Председатель ОЗЕ с 1919 г. Играл видную роль в борьбе за сохранение ОЗЕ при советской власти. Выполнял функции главноуполномоченного «Джойнта ОЗЕ». В 1921 г.

возглавлял комиссию по оказанию помощи голодающим Поволжья. С 1925 г. работал в Московском университете, в 1928–1933 г. — профессор и заведующий кафедрой социальной гигиены Казанского университета. В 1933 г. вернулся в Москву, работал в Гигиеническом институте 1-го Московского мединститута. Автор ряда трудов по общественной медицине, санитарной статистике, эпидемиологии, социальной и профессиональной патологии.

Григорий Исаакович Дембо (1872–1939). Врач-гигиенист. В 1896 г. с отличием окончил Московский университет, в 1902 г. защитил докторскую диссертацию. В течение 20 лет работал санитарным врачом. Член первого ЦК ОЗЕ. Принимал участие в работе санитарно-статистической комиссии ОЗЕ, входил в редакционную коллегию сборников по вопросам биологии и патологии евреев. В 1923 г. профессор И. Дембо занимает кафедру социальной гигиены в Ташкентском мединституте, а с 1928 г. — в 1-ом Ленинградском мединституте им. академика И.П. Павлова.

Яков Григорьевич Бавли (1871–1927). Член первого ЦК ОЗЕ. Медицину изучал в Кенигсберге, затем выдержал государственные экзамены в России. В ОЗЕ занимался изучением школьно-санитарного дела среди евреев России. Дважды был мобилизован: в русско-японскую и в первую мировую войну. Раненый и больной был отправлен в Орел, где провел 8 лет. Основал Орловское отделение ОЗЕ. В 1923 г. вернулся в Ленинград, его проводы приобрели характер общественного события в жизни Орла. В Ленинграде много сил и времени уделял туберкулезному диспансеру Октябрьской железной дороги.

Семен Григорьевич Фрумкин (1886–1918). Доктор медицины. С начала Первой мировой войны работал в ЕКОПО, а с 1915 г. — в ОЗЕ. Организатор врачебно-питательных отрядов. В декабре 1915 г. избран членом Комитета, а затем секретарем Комитета ОЗЕ. Представлял Общество во многих еврейских организациях, работал во всех комиссиях ОЗЕ. Скончался от сыпного тифа, которым заразился, исполняя свой врачебный долг.

В настоящее время работа по поиску биографических материалов выдающихся деятелей ОЗЕ продолжается.

Примечания

[1] *Позин Г.М.* Общество охранения здоровья еврейского населения. Документы, факты, имена. СПб., 2007.

[2] РГИА. Ф. 1545. Оп. 1. Ед. хр. 9 б. Л. 146.

[3] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 1084. Л. 9.

[4] Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1514. Л. 1– 19.

[5] Послужной список службы Старшего врача Инвалидного Императора Павла I Дома Доктора Медицины Действительного Статского Советника Семена Кауфмана // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 1086.

[6] КЕЭ. Т. 6. Иерусалим, 1992. С. 135.

[7] Послужной список… Графа VII.

[8] Там же.

[9] Там же. Графа XIV.

[10] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 473. Л. 29.

[11] Там же. Л. 30.
[12] Пятидесятилетие Общества Морских врачей в С.-Петербурге. 1858–1908 гг. СПб., 1909.
[13] РЕЭ. Т.2. М., 1995. С.13.
[14] РГИА. Ф. 1545. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л. 1–6.
[15] Там же. Ед. хр. 9б. Л. 146–147.
[16] Отчет Общества Охранения Здоровья Еврейского Населения за 1912-13 гг. (с 28 октября 1912 г. до 1 января 1914 г.). СПб., 1914.
[17] Отчет Общества… С. 27–28.
[18] Труды первого совещания Общества Охранения Здоровья Еврейского Населения, состоявшегося в Петербурге 9–12 ноября 1916 г. Вып. I. Пг., 1917.
[19] Труды первого совещания… С. 11.
[20] РГИА. Ф. 1545. Оп. 1. Ед. хр. 9б. Л. 185.
[21] Там же. Ед. хр. 1а. Л. 175.
[22] Известия ОЗЕ. 1917. № 13–14. С. 2–4.
[23] РГИА. Ф. 1545. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л.188
[24] Там же. Л. 192.
[25] Там же. Ед. хр. 184. Л. 6–8.
[26] Там же. Ед. хр. 168. Л. 39–42, 105.
[27] Известия ОЗЕ. 1918. № 9–10. С. 2; № 11–12. С. 2–5.
[28] РГИА. Ф. 1545. Оп. 1. Ед.хр. 1б. Л. 40, 41, 44.
[29] Там же. Л. 44, 46.
[30] Там же. Л. 39, 57, 94.

Лилия Кальмина
(Улан-Удэ)

ЕВРЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЗГЛЯД ИЗ ГУБЕРНАТОРСКОГО КРЕСЛА

Хотя в целом региональная «еврейская» политика проводилась в русле общеимперского законодательства, она имела свои особенности, определенные комплексом объективных и субъективных факторов. В настоящей статье мы попытаемся определить степень зависимости правового положения евреев от особенностей региона их пребывания и субъективного взгляда того или иного губернатора на решение «еврейского вопроса» во вверенной ему губернии.

В качестве примера для анализа данной проблемы мы выбрали Якутскую область, где практически не было «вольно зашедших» евреев. Еврейская община области сложилась исключительно за счет ссыльных, сосланных сюда за наиболее тяжкие преступления, и добровольно приехавших за ними членов их семей. По данным областного правления, значительное число евреев было выслано в область в 1870-х гг. без суда, административным порядком, и в некоторых случаях по Высочайшему повелению на всегдашнее жительство за порочное поведение и конокрадство. По сообщению Якутского губернатора в Департамент полиции, на 1903 г. в Якутской области «числится 160 еврейских семей с общим числом около 500 душ обоего пола (из которых часть находится в безвестной отлучке)»[1]. С 1862 по 1909 гг. число евреев в области выросло с 94 до 661 чел.[2]

Закон полагал наиболее целесообразным предоставление выбора места поселения евреев в каждом отдельном случае на усмотрение сибирского начальства в зависимости от местных условий. За губернаторами и генерал-губернаторами было признано и право «…переменять места причисленных евреев ссыльных и их потомков в тех случа-

ях, когда вследствие возбужденных по сему предмету ходатайств или по личному почину сие будет признано соответствующим обстоятельствам дела»[3]. При этом все исходящие из Министерства внутренних дел циркуляры о выселении незаконно живущих в области евреев выполнялись неукоснительно. «Незаконно живущими» считались не только не имевшие права жительства в Сибири (таких в Якутской области были единицы), но и живущие вне мест причисления, что было определено циркулярным письмом МВД от 14 января 1893 г. Однако постоянно следить за соблюдением права жительства в области каждого еврея местной власти было не под силу. К тому же она отдавала должное экономической активности евреев, способствовавших развитию края. Так что между периодическими «чистками» Якутска и области от незаконно поселившихся там евреев последние жили вне мест приписки по 10 и более лет, и местная власть вспоминала о них только после очередного циркулярного распоряжения о том, «какие меры следует принять для разрешения вопроса о евреях, издавна оседло поселившихся в Якутской области *с ведома и дозволения власти, хоть и без законного основания*»[4] (разрядка наша. — *Л.К.*).

К чести якутской губернской власти, она действовала достаточно гибко, стараясь в сложившихся условиях найти наименее болезненный для евреев выход. Искренние намерения облегчить нелегкое положение евреев в суровом северном крае связываются, прежде всего, с именем губернатора В.Н. Скрипицына[5] — умного, тонкого, образованного человека, много сделавшего для социального и культурного развития области. Его стараниями женская прогимназия в Якутске была преобразована в гимназию, организован приют для малолетних сирот, открыта амбулаторная лечебница общества Красного Креста. Ему удалось получить кредит на строительство здания местной больницы, наладить организацию систематической благотворительной помощи нуждающимся, открыть здание общественного собрания, где ставились любительские спектакли и концерты и работала бесплатная читальня. Скрипицын ходатайствовал о проведении в Якутск телеграфной линии, улучшении сельской медицины и усилении ветеринарного надзора, настаивал на проведении судебной реформы и преобразовании местного самоуправления[6]. Он сам возглавил работу Сибиряковской историко-этнографической экспедиции, разрешив участие в ней политическим ссыльным, исследования которых использовал при составлении проекта реформы землепользования в крае[7].

В еврейском вопросе В.Н. Скрипицын имел четкую позицию, которую сформулировал в записках, предназначенных для Иркутского генерал-губернатора, которые нам удалось отыскать в архивах Иркутска и Якутска[8]. Губернатор исходил из сложившейся в области ситуации. Если в других областях и губерниях Сибири было много «незаконно зашедших» евреев, которые с известной периодичностью в соответствии с законом подвергались выселению, то в Якутии они оказались на законных основаниях — как ссыльные, статус которых и соответственно отношение к ним властей были четко определены. Однако после отбытия ими ссылки рождалось множество вопросов, которые выходили за рамки единичных случаев и требовали разрешения.

В соответствии с Указом I Общего собрания Правительствующего Сената от 20 мая 1887 г., отбывшие ссылку евреи были обязаны вернуться в черту оседлости, т.к. не имевшие права проживать за ее пределами до осуждения не могли приобрести это право после освобождения. И хотя Манифест 15 мая 1883 г. гарантировал ссыльным право через 9 лет после перечисления в крестьяне самим избрать себе место жительства, за исключением столиц и столичных губерний, с отдачей на пять лет под надзор полиции, Указом от 21 марта 1889 г. Правительствующий Сенат исключил из заслуживавших монаршую милость лиц еврейского вероисповедания[9]. На каком основании было принято такое решение, остается неясным, так как в Манифесте нет даже намека на зависимость права причисления в новое общество от вероисповедания. Фактически Сенат произвольно превратил дарованное царем послабление, «назначенное к облегчению участи ссыльных», в источник нового наказания для евреев — ссылки в черту, куда они вовсе не рвались, так как за время пребывания в Сибири успевали жениться, обзавестись хозяйством и найти постоянный заработок. К тому же к этому времени они полностью теряли связь с чертой оседлости, и тамошние общества часто отказывались принять их в свою среду.

Якутский губернатор В.Н. Скрипицын не только обозначил проблему, но и дал свой вариант ее решения. «Евреи, сосланные за государственные преступления, обыкновенно тотчас по истечении срока гласного надзора или обязательного пребывания, выезжают из области навсегда, а потому и устройство их быта не требует никаких мероприятий или изменений в действующих узаконениях, — писал он Иркутскому генерал-губернатору А.И. Пантелееву. — Совершенно противоположное представляет положение евреев, водворение которых

в области вызвано ссылкой их самих или их родителей административным порядком и по суду[…]. Ссыльные эти и их дети, […] повидимому, прервали всякую связь с родиной. По крайней мере, ходатайства о возвращении на родину со стороны таких евреев составляют редкое исключение». Отмечая, что в большинстве своем возвращение на родину для еврея, оседло устроившегося в ссылке, представляет мало заманчивого, напротив — иногда грозит разорением, а выехавшие вместе с семьями часто возвращаются назад, ссылаясь на то, что не могут приспособиться к новым условиям и устроить жизнь в новом для них месте, губернатор предлагал для облегчения положения сосланных в область евреев и их потомков разрешить в подобных случаях фактически проживающим в городах под разными предлогами евреям причисление к местным городским обществам, а также позволить им свободное передвижение в пределах области[10].

Вопросы, обозначенные в письме В.Н. Скрипицына Иркутскому генерал-губернатору, касаются двух групп еврейского населения: самих ссыльных и членов их семей и потомков. Первый поставленный губернатором вопрос касался евреев, ранее причисляемых к инородческим обществам ввиду малочисленности крестьянских. Однако впоследствии их стали причислять к русским селениям, жители которых нередко сопротивлялись этому и не давали ссыльным евреям приемных приговоров. Приведем выдержки из его записок: «Теперь, когда порядок причисления ссыльных к инородческим обществам прекращен… возникающий… вопрос об устройстве судьбы еврея, получившего право на причисление в крестьяне, но не принятого ни одним обществом ни в Европейской России, ни в Азиатской, представлялось бы возможным разрешать, по мнению моему, только установлением порядка причисления… к русским волостям без приемных приговоров». Обсуждая проблему отлучек евреев из мест их причисления в другие области Сибири, губернатор ставит два вопроса: во-первых, в какие конкретно области Сибири евреям можно разрешить отлучку? Во-вторых, имеет ли еврей право отлучки в места, для постоянной оседлости евреев определенные, т.е. в европейскую Россию, и на какой срок? Определенный законодательством срок отлучки в два месяца был, по мнению губернатора, совершенно недостаточным «ввиду отсутствия железнодорожного сообщения до Иркутска». «Только на проследование вперед и обратно во внутренние губернии нужно два месяца и то в благоприятное время года, — писал В.Н. Скрипицын. — Ми-

нимальный срок для Якутской области необходимо установить двойной, т.е. в четыре месяца. Что касается отлучек по Сибири, то для здешних евреев важны увольнения их по торговым делам в Иркутскую губернию, ближайший пункт торговых сделок, срок каковых отлучек ввиду затруднительности путей сообщения, казалось бы, также следовало увеличить если не вдвое, то хотя бы до трех месяцев»[11].

Относительно проживания евреев в крупных городах у В.Н. Скрипицына тоже сложилось вполне четкое мнение. По разъяснению Правительствующего Сената (Указ 8 февраля 1902 г. № 1330) округ, в котором еврей приписан, представляется для него специальной чертой оседлости. «В этом случае областной администратор встречается с вопросом: входят ли в черту еврейской оседлости и города областные (губернские) и окружные (уездные), или же проживание евреев ограничивается одними округами (уездами)?». Ссылаясь на тот факт, то евреи все равно найдут возможность обойти правило, фактически запрещающее им поселение в губернских и уездных городах, губернатор предлагает признать окружные города входящими в черту еврейской оседлости, определенную Правительствующим Сенатом, а евреям, перечисленным после отбытия наказания в податные сословия, а равно и полноправным сибирским евреям предоставить право проживания в областном городе[12]. Концентрацию евреев в Якутске В.Н. Скрипицын оправдывал «положительным отсутствием каких бы то ни было заработков в инородческих улусах и малолюдных поселках» и составом еврейских ссыльных «из лиц, неспособных к сельским занятиям и до ссылки проживавших больше в городах»[13]. Однако, отдавая дань запретительной политике, он предлагал право пребывания каждого еврея в Якутске тщательно рассматривать и принимать решение в индивидуальном порядке с учетом давности его пребывания в городе, семейного положения и рода занятий[14]. Тем не менее это было достаточно смелым решением, поскольку разрешением осесть в Якутке не приписанным к городскому обществу евреям губернатор фактически нарушал закон.

Особенно часто вставал вопрос о судьбе детей умерших в ссылке евреев: могут ли эти дети оставаться в местах причисления отцов или обязаны выехать в черту оседлости? Проблема коснулась огромной массы еврейского населения, что также стало предметом переписки В.Н. Скрипицына с Иркутским генерал-губернатором А.И. Пантелеевым[15]. Статья 264 Устава о ссыльных издания 1890 г. вновь подтвердила ранее установленный запрет для евреев брать с собою детей муж-

ского пола в возрасте старше пяти лет. Однако требование это практически не соблюдалось, что вызвало значительный наплыв в Сибирь еврейских мальчиков в возрасте старше позволенного законом, причисленных впоследствии казенными палатами к местным податным обществам. В 1894 г. это причисление было отменено по распоряжению Министерства финансов, но незаконно прибывшие в Сибирь дети ссыльных евреев по разрешению Министерства внутренних дел были оставлены на жительство в Сибири «впредь до разрешения общего законодательным порядком вопроса о правах евреев»[16]. Отчисленные из обществ в черте еврейской оседлости, к которым принадлежали до ссылки их родители, и не причисленные ни к одному из обществ в Сибири, эти уже повзрослевшие дети оказались не принадлежащими ни к каким податным обществам, не платили податей, от чего казна несла большие убытки. К тому же они избегали и исполнения воинской повинности. Документы зафиксировали немало случаев, когда прибывшие в нарушение статьи 264 Устава о ссыльных дети евреев, уже обзаведшиеся своими семьями и прочно осевшие в области, принудительно высылались в черту оседлости, однако, не принятые в еврейской среде, возвращались. По возвращении они также не находили общества, пожелавшего их принять, вследствие чего получали категорическое предложение о повторном выдворении в пределы европейской России. Чтобы облегчить участь молодых евреев, выросших в Якутской области, нередко уже оседло устроившихся и чуждых еврейской среды внутренних губерний, с которой они утратили всякую связь, В.Н. Скрипицын предложил применять Высочайшее повеление 22 апреля 1903 г. и в отношении тех, кто оказался в Якутской области задолго до 1903 г. Согласно данному повелению, «Г. Министру юстиции предоставлено право разрешить следовать за осужденными в ссылку евреями их детям мужеского пола в возрасте до 14 лет, конечно, по особым ходатайствам на каждый отдельный случай и с обязательною для таких евреев припискою к податным сословиям с согласия или даже без согласия последних»[17].

Однако и положение молодых евреев, прибывших в область с соблюдением 264 статьи Устава о ссыльных, т.е. в возрасте до пяти лет, а также родившихся в Сибири, тоже оставалось неясным. Губернатор в своих записках приводит в качестве примера историю сына еврея-ссыльнопоселенца, родившегося в области и отбывшего воинскую повинность. По закону он должен быть причислен к месту причисления

его покойного отца — в одном из улусов Якутского округа. Однако он, «будучи полноправным, желал бы причислиться к городскому сословию». Между тем местное мещанское общество не дало ему приемного приговора, что сразу же породило вопрос: можно ли причислить его к Якутскому мещанскому обществу без согласия последнего?[18]

В ряде случаев губернская власть без особого риска могла принять на себя известную «самостоятельность» в решении участи ссыльных. В отличие от имперской власти, для которой наиболее важным было карательное значение ссылки, сибирская администрация смотрела на ссыльных, прежде всего, как на колонизационный элемент, необходимый для экономического освоения региона[19], и потому нередко шла на облегчение их участи. В еврейском вопросе возможностей действовать в обход «общей линии» было еще больше. Неопределенность законоположений, вызывающих самые разнообразные толкования даже в высших государственных установлениях, не могла не отразиться на единообразии и правильности основанных на них распоряжений местных властей как высших, так и в особенности низших[20]. Так что судьба каждой отдельной еврейской семьи часто зависела от настроения, собственных представлений о путях решения возникших вопросов и даже чисто человеческого отношения к евреям представителей местной власти. В ряде случаев это отношение было достаточно снисходительным. В частности, во время очередной кампании по выселению евреев в 1891 г. Якутское городское полицейское управление объяснило Якутскому областному правлению непринятие энергичных мер к высылке тем, что «многие из подлежащих к высылке евреев оказались людьми многосемейными» и к тому же «все проживающие в городе евреи заявили род своих занятий»[21]. Водочный мастер Симон Натансон, проживший в Якутске 20 лет и служивший у крупных виноторговцев, имевший 10 детей, младший из которых был грудным, попал под выселение, так как одним из немногих якутских евреев оказался в Сибири добровольно. Даже областное правление ходатайствовало о том, чтобы оставить его в Якутске. Однако Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин потребовал его выселения, указав Якутскому губернатору, что, согласно его представлению, все бесправно проживавшие в Якутской области евреи уже выбыли к месту приписки. За медленное исполнение дела о Натансоне Якутского полицмейстера Богачевского даже хотели уволить. Однако за него вступился В.Н. Скрипицын, заявив, что «упущения по службе допущено Богачевским не из-за каких-

либо предосудительных побуждений, а исключительно по снисходительности к беспомощному положению бедняги, прожившего в Якутске 20 лет». Губернатор добился отмены приказа об увольнении полицмейстера, после чего генерал-губернатор согласился уволить Богачевского «по прошению»[22].

В отношении к внутриобщинной жизни евреев региональная власть исходила, прежде всего, из состава еврейских общин. И если Енисейское губернское правление в своем «разъяснении» Красноярской городской управе настаивало, чтобы правом участия во внутриобщинных выборах пользовались только местные евреи — купцы и мещане, а евреям других категорий участие в выборах было запрещено, то Якутское областное правление своим журналом специально зафиксировало разрешение всем евреям без исключения избирать и утверждаться в избранных должностях, поскольку Якутское еврейское общество формировалось преимущественно из ссыльных, и подобное ограничение могло послужить непреодолимым препятствием к членству в обществе практически всем евреям[23].

Оценив добросердечное отношение Скрипицына, в прошении о разрешении сбора пожертвований на общинные нужды евреи писали: «В лице вашем мы узрели отзывчивое сердце на всякие добрые дела и увидев, с каким добрым чувством вы относитесь ко всем отраслям улучшения Якутского края и видя, что не касаясь никаких национальностей, вы неоднократно относились ко всем нуждам населения, во всех благих делах принимали самое сердечное горячее участие к улучшению, что не скрылось от еврейского населения, на что бедное еврейское население, увидя впервые в городе Якутске такого Деятеля и Наместника нашего края… мы окрыляем себя надеждой, что со стороны вашей… посодействуете нам написанием вашим на это благое дело»[24].

Сменивший Скрипицына на посту губернатора В.Н. Булатов занимал по отношению к еврейской общине куда более жесткую позицию, строго следуя имперским и общесибирским инструкциям. В частности, в соответствии с «Правилами для заведывания хозяйственной частью Якутской еврейской молельни», утвержденными министром внутренних дел уже в начале XX в., принимать участие в выборах членов хозяйственного правления могли только имеющие право жительства в Якутске евреи, ежегодно вносящие не менее трех рублей на хозяйственные нужды[25]. Еврейское общество протестовало против последнего пункта, доказывая, что, по Уставу духовных дел иностранных испове-

даний, все евреи, постоянно собирающиеся в молитвенном доме для совершения обрядов веры и молитв, составляют молитвенное общество, которое вправе участвовать в выборах безотносительно к тому, вносят они или нет установленный сбор в доход молельни. Их поддержало даже Якутское мещанское управление, доказывавшее, что в мещанском обществе в избирательных собраниях участвуют все, кроме побывавших под судом. Однако В.Н. Булатов остался непреклонным, объявив, что местная административная власть не может менять правил, утвержденных министром внутренних дел[26]. Все внутренние дела общины — установление порядка выборов, устранение избранных лиц от исполнения выборных должностей, разрешение жестоких и бескомпромиссных внутриобщинных конфликтов — решались с помощью губернской власти, которую противоборствующие группировки всячески пытались перетянуть на свою сторону. Постоянное вмешательство областного правления во внутриобщинные конфликты можно считать региональной особенностью Якутской области. В иркутской общине, к примеру, внутренние противоречия оставались «семейным» делом, и губернская власть не пыталась наводить там свой порядок. Якутское областное правление, напротив, никогда не оставалось безучастным, а становилось на сторону какой-либо из враждующих «партий»[27]. По-видимому, здесь это было необходимостью, поскольку в общине, состоящей из сосланных, кипели необузданные страсти, которые без вмешательства власти вряд ли могли быть погашены.

Таким образом, политика Якутской губернской власти по отношению к еврейской религиозной общине определялась главным образом структурой последней: она состояла из ссыльных, совершивших тяжкие преступления, или «продуктов вторичной ссылки», то есть нарушивших режим уже в Сибири. Этим объясняется, с одной стороны, жесткая позиция администрации во внутриобщинных конфликтах, где требовалась «сильная рука», и, с другой, достаточно снисходительное отношение и стремление к некоторому смягчению участи евреев, обосновавшихся в области, имеющих здесь недвижимость и собственное дело и практически утративших связь с чертой оседлости, которая часто не принимала их в случае возвращения из ссылки. Во многом благодаря этой гибкой политике евреям удалось осесть в области, найти свою нишу, обеспечить приемлемый уровень жизни своим семьям и принести пользу краю, где они были востребованы, прежде всего, как связующее «торговое звено» между городами, приисками и отдаленными селениями.

Примечания

[1] Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее — НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 4444. Л. 35.

[2] Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 37; Обзор Якутской области за 1909 г. Якутск, 1909. С. 45.

[3] НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 4444. Л. 25.

[4] Там же. Ф. 477-и. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

[5] В источниках мы встречали разную транскрипцию фамилии губернатора — Скрипицын и Скрыпицын.

[6] Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. Изд. 2-е, доп. / Сост. А.А. Калашников. Якутск, 2002. С. 287.

[7] *Архипова А.И.* Участие политических ссыльных в подготовке проекта земельной реформы губернатора В.Н. Скрыпицына // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск, 2011. С. 308.

[8] НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 4444. ЛЛ. 33–37; Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 25. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 363, 366.

[9] ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 232–238.

[10] Там же. Л. 366.

[11] НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 4444. Л. 35.

[12] Там же. Л. 36.

[13] ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 363.

[14] НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 8869. Л. 63, 89, 100.

[15] Там же. Ф. 477-и. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

[16] Там же.

[17] Там же. Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 4444. Л. 37.

[18] Там же.

[19] *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 67.

[20] НАРС(Я). Ф.12-и. Оп. 2. Д. 4444. Л. 41.

[21] Там же. Ф. 168-и. Оп. 3. Д. 344. Л. 15.

[22] ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. К. 442. Д. 76. Л. 34–38, 57, 59.

[23] *Кальмина Л.* Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX века — 1917 год). Красноярск, 2002. С. 41–42.

[24] НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 5639. Л. 49.

[25] Там же. Д. 3005. Л. 10.

[26] Там же. Д. 3028. Л. 5–6.

[27] Там же. Д. 3005. Л. 22; ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. К. 124. Д. 61. Л. 59.

Алексей Андреев
(Якутск)

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ В ЯКУТИИ (вторая половина XIX — начало XX в.)

Республика Саха (Якутия) многонациональна, в ней живут представители свыше 120 национальностей. С середины XVII в. — начала освоения русскими землепроходцами Якутии — сюда шло переселение лиц разной этнической принадлежности. Впервые в «Соборном Уложении» 1649 г. в ст. 13 гл. XIX «О посадских людях» было указано на Ленский край как на место ссылки по определенному составу преступлений. Ф.Г. Сафронов доказал, что «ссыльные на Ленском волоке находились уже в 1635 г.», через три года после основания Ленского острога, а ссылка в край «становится ежегодной с 1642 г.»[1]. Спустя 200 лет, к 1884 г., ссыльные, не считая членов их семьи, составляли 3,17% населения Якутской области, в Якутском округе 7,7%, в крестьянских обществах Иркутского тракта на их долю приходилось 26,92% населения, в Амгинской слободе — 57,2%[2].

За четырехвековую историю Якутии в составе Российского государства в регионе сложилось устойчивое русское старожильческое население и постоянные корейская, татарская и еврейская этнические группы, часть которых с полным основанием может называться коренными якутянами наравне с аборигенами Якутии. Попав в Якутию, оказавшись расселенными на значительной территории среди более многочисленного местного населения, они адаптировались, сложились в другие, отличные от «материнских» этнические группы, хотя и сохранили региональные особенности. В первую очередь это касается русских крестьян, частично татар и евреев, в меньшей степени других народов.

Наличие русской субэтнической группы определяло в прошлом и определяет в настоящем характер отношений между всеми народами и этническими группами, проживающими на территории Якутии[3]. Евреи являются одной из национальных общин, имеющих давнюю историю жизни в регионе.

В отчете комиссии по делам национальных меньшинств Якутии от 26 февраля 1926 г. дается небольшая историческая справка о якутских евреях: «Евреи появились в Якутии около 40-х гг. XIX в., все они потомки ссыльных: первыми были кантонисты и субботники, потом пошли административные ссыльные. Они расселялись по деревням и улусам, и только впоследствии им был дан доступ в города. Не будучи приспособленными к условиям сельской жизни, евреи стремились вернуться в привычную для них городскую обстановку. Занимались они обычно ремеслами, мелкой торговлей. В борьбе за существование забывали духовные и культурные запросы. Многие из них были совсем неграмотны. Дети же обучались в русских школах. Второе, тем более третье поколение уже совершенно обрусело. Молодежь в это время уже почти поголовно не знала еврейского языка»[4].

Формирование еврейской диаспоры в Якутии, как и в других регионах Сибири, определялось особенностями царского законодательства в отношении к евреям. Правовыми нормами, утвержденными Николаем I 15 мая 1837 г., въезд в Сибирь всем евреям, кроме ссыльных, был практически запрещен, поэтому попадали они сюда в основном не по своей воле. «Правила, заключающие в себе меры против переселения евреев в сибирские губернии и для уменьшения числа поселенных уже в Сибири евреев» предписывали сосланных на поселение и окончивших срок каторги евреев водворять исключительно «в Якутской области и за Байкалом»[5]. «Льготные» категории евреев, получившие право на повсеместное жительство в Российской империи (законодательство Александра II), за исключением военнослужащих (кантонистов), повлияли на формирование сибирской еврейской диаспоры в незначительной степени, так как предпочитали осесть в экономически развитых районах империи.

Регион в ту эпоху был местом интенсивной колонизации, поэтому в глазах местного и старожильческого населения евреи не сильно отличались от других категорий приезжих. Конечно, при существенных религиозных, антропологических и социальных отличиях, специфическом отношении к ним со стороны православной церкви и региональ-

ной власти они все равно воспринимались как «чужаки/другие», но далеко не в той степени, как в европейской части страны. Их предпринимательские навыки и культурная обособленность усиливали образ «чужаков», что было особенно характерно для интенсивно колонизируемой южной Сибири, куда специфику отношения к евреям переселенцы привозили «с собой» из европейской части России. Для Якутии же, где преобладало якутское население, евреи были «нууччами» (так якуты называют всех европейцев, в т.ч. русских). Опыт адаптации евреев в регионе во многом отличался от опыта других народов и евреев в других регионах империи[6]. Высланные евреи образовывали автономные анклавы, формируя экономический базис своей этнической выживаемости.

Первыми евреями, появившимися на территории Якутии, были кантонисты, имевшие право повсеместного жительства, но прибывшие сюда в основном в качестве ссыльных из Западной Сибири. С 1820-х гг. евреи, в основном высылаемые семьями, массово начали прибывать в Якутию. Также они попадали в регион за участие в польских восстаниях.

Первым известным евреем, сосланным в Якутию, был крещеный еврей граф А.М. Девиер, генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга, зять князя А.Д. Меньшикова. Родом он был из Голландии, из семьи португальских марранов. Отбыл ссылку в Жиганске с 1727 по 1739 гг., затем был переведен в Охотск. Жил он один, после окончания срока ссылки отбыл в Россию, оставив о себе плохую память[7].

В 1842–1843 гг. на территории Якутской области не было учтено ни одного еврея[8]. В дальнейшем ревизии еврейского населения проходили ежегодно. 14 декабря 1846 г. Якутский земской суд разослал в округа циркуляры с запросом об имеющихся там на жительстве евреях. В ответ были получены рапорты об их отсутствии в области. Последний рапорт датирован 1849 г.[9]

По донесению старосты Крестьянского староства Иркутского тракта Якутского ведомства на декабрь 1854 г. здесь проживали 11 евреев, из них 5 мужчин, одна пара сочеталась браком[10]. В Кангаласком улусе жили 3 еврея (один мужчина), в Мегинском улусе — 12, из них 6 мужчин[11].

II отделение Якутского областного правления потребовало у Якутского земского суда дать более точный ответ о численности евреев за 1854 г. ввиду того, что в 1853 г. было учтено 13 евреев и 12 евреек

и одна новорожденная девочка — всего 26 чел., а в следующем году — только 8 мужчин и 6 женщин. От земского суда потребовали немедленно доставить сведения об остальных 12 и объяснить, почему они не показаны в статистике за 1854 г.[12] Скорей всего эти люди перебрались в Якутск.

В дальнейшем еврейское население области стабильно росло. По данным переписи 1897 г., сословная структура еврейского общества Якутской области была следующей: духовенство — 1 чел., купцы — 16 чел., мещане — 341 чел. и крестьяне 181 чел. 326 евреев были городскими жителями[13]. Рассмотрим динамику численности еврейского населения по округам.

В 1855 г. в Якутском округе зафиксирован 21 еврей, из них 13 мужчин и двое рожденных мальчиков, был заключен один брак[14], в 1876 г. — 136 евреев, из них 57 женщин[15]. В 1897 г. в округе было уже 133 иудея, из них 101 мужчина и 32 женщины, родилась одна девочка[16]. Но эти данные не точны, так как некоторая часть ссыльных в них не включена: как отмечает П.Л. Казарян, ссыльные, еще не причисленные к местному обществу, в числе постоянных жителей официальной статистикой не учитывались. В частности, по переписи 1897 г., в г. Среднеколымске был один еврей[17]. По проведенному П.Л. Казаряном учету, на 1 января 1897 г. в городе находились 4 политических ссыльных еврея, один в марте выехал из города и, таким образом, на 1 января 1898 г. в Среднеколымске было 3 еврея[18].

По статейной переписи 1858 г., к амгинскому крестьянскому обществу причислились 3 еврея[19], а по переписи 1897 г., в Амгинской слободе жили уже 5 еврейских семейств, не считая политических ссыльных. Семьи Черняков и Сосновских имели свои магазины[20]. Надо отметить, что в Амге существовало еврейское кладбище, что говорит о долгом проживании здесь значительной группы евреев.

По данным 1872 г., в г. Олекминске проживал один еврей, а спустя 4 года, по статистическим сведениям окружного полицейского управления, в Олекминском округе жили 16 евреев, из них четверо мужчин. 12 олекминских евреев жили в городе, в том числе 8 женщин[21]. В 1891 г. в г. Олекминске жили 27 евреев[22]. В Вилюйском округе проживали 5 евреев, из них один в г. Вилюйске[23]. В начале 1900-х гг. мелкой торговлей в городе занимался ссыльный Эль (Илья) Мостовский. В делах городского старосты сохранилось его прошение о выдаче временного билета на отлучку на ярмарки в города Якутск и Олекминск для при-

воза товара. Еще со времен ссылки Н.Г. Чернышевского винную лавку там же содержал Исай Дашевский[24]. По Колымскому округу в 1876 г. не зарегистрировано ни одного еврея[25].

До 1898 г. в состав Олекминского округа входили Олекминская и Витимская система приисков. Некоторые прииски принадлежали евреям или их уполномоченным[26]. По переписи 1897 г. в Олекминском округе проживало 36 227 чел., из них 191 еврей, по вероисповеданию — 232 иудея[27]. Через год Витимская система приисков была передана Иркутской губернии[28], вследствие чего дальше якутской статистикой они уже не учитывались.

Высылавшихся в Якутию евреев селили по наслегам (желательно одна семья в наслеге), где они на раннем этапе довольно быстро ассимилировались и растворялись среди местного населения. Но по мере увеличения численности евреев процесс ассимиляции постепенно приостанавливается, т.к. их стали ссылать целыми семьями: в 1828 г. прибыло 16 семей, в 1862 г. — около 20 семей, а в 1877 г. — 26 семей евреев[29].

Стараясь перебраться поближе к «своим» и будучи в подавляющем большинстве сугубо городскими жителями, евреи постепенно стали концентрироваться в городах Якутск и Олекминск, где легче было найти источник пропитания, хотя по российским понятиям северные города мало подходили под понятия «город». Города в Якутии в первую очередь были административными центрами округов. Концентрация евреев в Якутске была заметной, что вполне объяснимо: город был самым крупным в обширной Якутской области, ее административным и культурным центром. В отчете Якутска за 1846 г. указывается, что «евреев на жительство не имеется, а временно проживает один». В 1856 г. в качестве постоянных жителей уже появляется двое евреев (муж и жена), в 1860 г. евреев насчитывается 23 чел.[30] По данным 10-й ревизии (на 1861 г.) в Якутске проживали 9 кантонистов (5 мужчин и 4 женщины) из общего числа 633 мужчины и 628 женщин[31].

Особенности Якутской области как региона политической ссылки предопределили ее значение как в системе политической ссылки в Сибири в целом, так и как особого района для ссылки евреев. При этом многие общие положения о ссылке в Сибирь по политическим мотивам способствовали увеличению численности сосланных в область евреев.

При относительной малочисленности еврейское население в Якутской области преуспело в мелкой торговле и ремесленничестве, т.е.

в так называемых «городских» профессиях, которым они были обучены до ссылки в Якутию. Встречались и занимавшиеся земледелием, служившие приказчиками или занимавшие мелкие должности в государственных учреждениях (последнее относится в основном к евреям-уроженцам Якутии и жителям области во втором-третьем поколениях).

По материалам переписи 1897 г., еврейский язык признали родным 539 чел., по конфессиональной принадлежности в опубликованных данных было учтено 714 иудеев и 10 караимов, а по ведомости распределения населения — 697 иудеев[32].

В 1877 г. еврейской общине Якутска было выделено место под еврейское кладбище и разрешено строительство в городе синагоги (молитвенного дома), открытой в 1880 г. в частном доме. С 1896 г. синагога пользовалось правами, утвержденными Иркутским генерал-губернатором.

В 1909 г. еврейское общество обратилось в областное правление с просьбой разрешить покупку дома или участка под строительство новой молельни. Якутский губернатор запретил собирать деньги по подписке, чтобы избежать намека на обязательность сбора. Средства можно было собрать только добровольными пожертвованиями. Прихожане могли потерять задаток в размере 500 руб., которые они отдали продавцу дома священнику Орлову и которые он мог не возвращать, если своевременно не последует очередной взнос. Хозяйственное правление общины пошло на хитрость, сделав-таки обязательную раскладку и оформив это в специальной книге как добровольные приношения. Но проведенная в 1911 г. ревизия без труда обнаружила нарушение. Самый крупный взнос сделал золотопромышленник Яков Фризер — 50 руб., а дом был куплен за 2250 руб. Еще 459 ушли на его ремонт и переоборудование. В 1912 г. новый молельный дом был открыт, а в 1915 г. уже значился на новой карте города[33]. Синагога находилась в начале улицы Николо-Преображенской в районе Преображенской церкви.

Довольно продолжительное время евреи Якутска не имели ни раввина, ни его помощника. Религиозные обряды исполнялись то одним, то другим евреем. При бракосочетании имело место только заключение письменного соглашения между вступавшими в брак. Это было выявлено в ходе полицейского расследования дела Шварца (осужденного на каторжные работы за кражу припасов из амбара якута Ф. Титова), который женился на Сприне Гринштейн[34].

Политические ссыльные в большинстве своем держались в стороне от общины. Председатель хозяйственного правления еврейской общины, отправляя областному правлению именную ведомость прихожан Якутского молитвенного дома, уточнил, что «кроме всех поименованных в этом списке лиц, в городе Якутске имеются еще несколько евреев из административных ссыльных за государственные преступления, которые никогда не посещают молитвенный дом, никогда не обращаются к членам хозяйственного правления молитвенного дома за чем бы то ни было и поэтому неизвестны и не занесены в вышесказанную ведомость»[35].

За период с 1883 по 1914 г. в Якутской епархии перешли из иудаизма в православие 48 иудеев: в 1883 г. — два, в 1886 г. — один, в 1889 г. и в 1890 г. — по два, в 1891 г. — один, в 1892 г. и в 1893 г. — по три, в 1894 г. — один, в 1895 г. — 6, в 1896/1897 гг. — 7, в 1898 и 1900 гг. — по четыре, в 1903 г. — два, в 1905 г. — три, в 1906 г. — два, в 1907 г. — один и в 1914 г. — четыре[36].

После Февральской революции, отменившей ограничительное законодательство в отношении евреев, они активно включились в общественно-политическую жизнь Якутии. 4 апреля 1917 г. 43 еврея Якутска после общего собрания в молитвенном доме решили создать общину, которая бы отстаивала интересы еврейского населения Якутской области. Закрытым голосованием представителями в Якутском комитете общественной безопасности (ЯКОБ) (временный орган власти в регионе) избрали Исая Моисеевича Блоха и Зельмана Хецкелевича Эренбурга. Община дала им право по всем обсуждаемым вопросам в ЯКОБе «голосовать по своему усмотрению», но в то же время оставила за собой право лишения их представительства в ЯКОБе. Община горячо поддержала Временное правительство, в выборах в Городскую Думу сочла необходимым блокироваться с социалистическими партиями, считая их выразителями интересов всего народа[37]. Связано это с тем, что в то время в общине приобрели вес политические ссыльные, тогда как среди местных преобладали сторонники сионизма. Был организован Сионистский комитет, выпускавший в 1917–1918 гг. газету «Еврейские письма». Ее редактором был А. Галин-Галер, в состав редакции входил И. Кершенгольц. После провозглашения декларации Бальфура Сионистский комитет организовал митинг и торжественное богослужение в честь этого события[38].

После Октябрьской революции на принципах ленинской национальной политики была образована Якутская АССР. В 1920-х гг. было создано несколько правительственных и общественных организаций,

главной задачей которых стала защита интересов национальных меньшинств, которыми были признаны русское старожильческое крестьянство, татары, евреи, китайцы и корейцы. Начался быстрый процесс модернизации и советизации еврейства.

Отчет комиссии по делам национальных меньшинств за 1926–1927 гг., использовавшей материалы переписи населения 1926 г., дает статистику еврейского населения республики: в четырех южных округах Якутии, представляющих 5/6 всего ее населения, проживало 842 еврея, из них в сельской местности 169 чел. (0,7% от общего числа сельского населения), в городах — 673 чел. (4,73% от общего числа городского населения). По половому признаку: в сельской местности проживал 91 мужчина и 78 женщин, в городах 359 мужчин и 314 женщин — всего 450 мужчин и 392 женщины[39].

К концу 1920-х гг. в Якутии начинается сворачивание работы по защите интересов национальных меньшинств. Закрываются татарская, корейская и еврейская школы, которые были переведены на русский язык, существенно урезается программа по «коренизации», проводится политика «русификации» не только объякученных русских, но и всех национальных меньшинств.

Целых 60 лет евреев Якутии связывало с еврейством только еврейское кладбище. Люди, которые практически полностью ассимилировались в обыденной жизни, хотели, чтобы их родные были похоронены по еврейским обычаям. Большой вклад в сохранение кладбища, в том числе и как культурно-исторического объекта, внесли И. Мишлимович, И. Кершенгольц, Я. Мишлимович, Г. Мутерперл и другие[40].

В постсоветский период начинается возрождение национальной жизни. Якутское общество еврейской культуры было одним из первых национальных объединений, организованных в Республике Саха в 1991 г. Организатором и первым председателем общества стал Лев Мушарский, заставивший людей поверить в возможность возрождения еврейской культуры и традиций в Якутии. Религия, играющая главную объединяющую роль, и общее самосознание сплотили людей. В 1991 г. было организовано «Еврейское культурное общество» для консолидации всех евреев Якутии (сегодня им руководит С.Х. Лифщиц). Сформировано «Еврейское религиозное общество» (сегодняшний руководитель А.Г. Гоммерштадт). Существует и Общественная организация еврейской общины г. Якутска «Мазаль» (председатель М. Гуревич). Евреи Якутии стараются жить «еврейской жизнью».

Таким образом, якутское еврейское общество — часть российского еврейства, становление и формирование которого произошло за пределами «черты оседлости». Якутские евреи сформировались в подавляющем большинстве из ссыльных и их потомков, выходцев из западной части Российской империи, высланных навечно по уголовным делам в период с 70-х гг. XIX в. до начала XX в. В подавляющем большинстве они концентрировались в Якутске. Прибывавшие с семьями, они мало подверглись физической ассимиляции, но испытали некоторое влияние местного якутского и особенно русского старожильческого населения. Многие из них были сильно русифицированы, якутский язык знало незначительное число. В отличие от русских, которые довольно быстро объякучивались, евреи мало поддались этому процессу. Не представляя собой компактной общности с развитой системой социально-культурных связей, они сохранили еврейское самосознание.

Будучи ущемлены в правовом отношении дважды — как ссыльные и как собственно евреи — они оставались лояльными к центральной власти и проводимой ею политике, поддерживая общероссийские ценности как поданные и граждане России.

Примечания

[1] *Казарян П.Л.* Якутия в системе политической ссылки России: 1826–1817 гг. Якутск, 1998. С. 156.

[2] *Данилова Л.* Якутская еврейская община // Илин. Якутск, 1992. С. 19.

[3] Панорама культурной жизни регионов России в сети Интернет: Республика Саха (Якутия). М., 2002. С. 52.

[4] НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 1. Д. 4587. Л. 4.

[5] *Казарян П.Л.* Якутия в системе политической ссылки России: 1826–1817 гг. С. 16–17.

[6] Национальный архив Республики Саха (Якутия). Далее — НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 1. Д. 4587. Л. 4.

[7] *Данилова Л.* Якутская еврейская община// Илин. Якутск, 1992. С. 19.

[8] НА РС (Я). Ф. 1804. Оп. 1. Д. 2722. Лл. 23, 25–26.

[9] НА РС (Я). Ф. 180. Оп. 1. Д. 734. Лл. 1–13.

[10] НА РС (Я). Ф. 1804. Оп. 1. Д. 2722. Лл. 29, 33.

[11] Там же. Лл. 37–38.

[12] Там же. Л. 46.

[13] *Курчатова Т.Т.* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. в Якутской области (историко-демографический аспект). Якутск, 2006. С. 73, 99–100.

[14] Там же. Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 2435. Лл. 1–3.

[15] Там же. Ф. 343-и. Оп. 2. Д. 51. Лл. 57–160.

[16] *Казарян П.Л.* Общее и особенное в ссылке евреев в Якутский край (XVII–XX вв.) // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX вв.: Сб. стат. Вып. 1. Красноярск, 2003. С. 4.

[17] История сел и наслегов Амгинского улуса. Амга // Амгинский улус. История. Культура. Фольклор. Якутск, 1997. С. 163.

[18] *Казарян П.Л.* Общее и особенное в ссылке евреев в Якутский край (XVII–XX вв.)… С.??

[19] *Александров Л.Л.* История хлебопашества и земледелия // Амгинский улус. История. Культура. Фольклор. С. 30–31.

[20] НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 2722, Лл. 226–229.

[21] Там же. Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 249. Л. 28, 140.

[22] Там же. Л. 180.

[23] Там же. Ф. 170-и. Оп. 1. Д. 4. Л.1.

[24] Там же. Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 249. Лл. 115, 146.

[25] Там же. Д. 47. Лл. 9–14

[26] *Курчатова Т.Т.* Население Олекминского округа по материалам переписи 1897 г. (Историко-демографический характеристика) // Олекминский улус. История. Культура. Фольклор. Якутск, 2005. С. 58.

[27] НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 2. Д. 47. Л. 9–14; Д. 51. Лл. 57–160.

[28] Там же. Л. 73, 99–100.

[29] *Попов Г.А.* Соч. Т. III. История города Якутска. 1632–1917 гг. Якутск, 2007. С. 85.

[30] НА РС (Я). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 163. Л. 55.

[31] *Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири. С. 320–321.

[32] НА РС (Я). Ф. 343-и. Оп. 2. Д. 51. Л. 79.

[33] *Данилова Л.* Якутская еврейская община. С. 19.

[34] НА РС (Я). Ф. 343-и. Оп. 6. Д. 47. Л. 24.

[35] Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1303. Лл. 1–14.

[36] НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 12525. Лл. 126–128, 132.

[37] *Алексеев Е.Е.* Федеративный центр и автономия (на примере Якутской АССР (1917–1941 гг.). Якутск. 2000. С. 8–9.

[38] НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 1. Д. 4587. Л. 9.

[39] *Лифшиц С.Х.* Якутское общество еврейской культуры // Илин. № 1 (32). 2003. //ilin-yakutsk.narod.ru

[40] *Гройсман А.* Евреи Якутии. Ч. II. После революции. Якутск, 1999. С. 72.

Любовь Захарова
(Тула)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩИННЫХ ИНСТИТУТОВ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ТУЛЫ В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Обращение к теме формирования еврейской общины во внутренних губерниях Российской империи неслучайно. Община как социальный институт оказалась чрезвычайно пластичной и мобильной, несмотря на все попытки власти ее разрушить. Идея общины мигрировала вместе с еврейским населением, в том числе и во внутренние губернии Российской империи, а процесс становления там еврейской общины, подчиняясь неким общим для всех диаспор закономерностям[1], имел своеобразные черты, обусловленные как местными социально-экономическими особенностями, так и особенностями взаимодействия местных акторов: еврейского населения города, верховной и местной администрации. Именно соотношение их усилий во многом и определяло характер формирования общинных институтов и степень их институционального оформления.

В данной статье мы будем рассматривать только два основных института еврейской общины — молитвенный дом и раввинат. Являясь центральными общинообразующими структурами, они в то же время позволяют проследить степень влияния государства (в лице как местной, так и центральной администрации) на процессы их становления. Заинтересованность в данных институтах проявляли обе стороны, но цели, преследуемые ими, были порой весьма далеки друг от друга. Временные рамки данного исследования охватывают период от середины XIX в. (40–50-е гг.), т.е. времени появления в Тульской губернии первых нижних чинов из евреев, до 1910 г., когда молитвенные общества получают свое юридическое оформление.

Среди источников особо следует выделить ротные журналы входящих и исходящих бумаг гарнизонных рот при Тульском оружейном заводе, где проходили службу евреи-военнослужащие. Большую группу документов также составляют материалы, хранящиеся в фондах Тульского губернского правления (рапорты, циркуляры, протоколы заседаний Тульского губернского правления), Тульского городского полицейского управления, Канцелярии Тульского губернатора, а также фонды Строительного управления и некоторые другие. Интересным источником, позволяющим отчасти восстановить картину внутренней жизни еврейской общины, являются прошения отдельных членов общины и молитвенных обществ на имя губернатора и в Тульское губернское правление, протоколы заседаний правления молитвенных обществ (касающиеся выборов раввина, членов хозяйственного правления и т.п.), а также прошения доверенных лиц от имени еврейской общины г. Тулы.

В процессе формирования еврейской общины Тулы можно выделить три этапа:

1. 40–50-е гг. XIX в. — начало 1870-х гг. — начальный период складывания общины, зарождение общинных институтов;
2. 1871–1903 гг. — период формирования общины, сопровождавшийся борьбой нескольких молитвенных обществ;
3. 1903–1910 гг. — период институционального оформления еврейской общины Тулы.

Нелегально или полулегально евреи присутствовали во внутренних губерниях уже с начала XIX в. В архивах Тульского губернского правления сохранились документы о пребывании в Туле евреев-купцов и ремесленников в 1810–1820-е гг.[2] Однако их жительство здесь было временным, чаще по торговым делам или в качестве мастеров в местных ремесленных и винокуренных заведениях. Численность их также была невелика. Поэтому говорить о существовании еврейской общины в Туле на тот момент преждевременно.

Начало формирования еврейской общины в Туле можно отнести к 40–50-м гг. XIX в., когда в Тулу на службу прибывают первые евреи — рекруты[3]. По архивным свидетельствам, в 1850 г. нижних чинов из евреев только в Туле насчитывалось более 300 чел.[4], не считая членов их семей. Из этого же рапорта командиров рот при Тульском оружей-

ном заводе видно, что евреи-нижние чины регулярно собираются для совместной молитвы в специально отведенном для этого молитвенном доме[5].

На первом этапе формирования общины возникает вопрос о соотношении внешних и внутренних факторов, влиявших на этот процесс. Обычно партия рекрутов, прибывавшая во внутренние губернии, набиралась из уроженцев одной местности. Для Тульской губернии это были преимущественно выходцы из Волынской, Могилевской, Витебской, Минской губерний. Стремление рекрутов-земляков быть рядом, сохранять свои ритуалы, местные обычаи вполне понятны. Однако земляки могли оказаться в разных воинских подразделениях, и, по-видимому, молитвенные общества на этом этапе могли складываться как по месту прохождения службы, так и по признаку «землячества». В этом случае вполне объяснимы те противоречия, а порой и открытые столкновения, о которых упоминают командиры рот в своих рапортах[6]. Из них следует, что только в ротах при Тульском оружейном заводе порой складывалось до трех еврейских общин. Помимо этих рот, евреи служили также в Тульском внутреннем гарнизонном батальоне и 26-ом военно-рабочем батальоне путей сообщения, где, возможно, также складывались молитвенные общества. Эта ситуация, вполне типичная для еврейского мира, особенно в переселенческих обществах, вызывала беспокойство местных властей, находивших ее даже опасной, о чем сообщали в рапортах вышестоящему начальству[7]. Именно на фоне этих противоречий между стремлением, с одной стороны, снять с себя ответственность за происходящее в еврейской общине, а с другой — поставить еврейское население под свой контроль, осложненное противоречиями внутри самого еврейского населения, проходило становление и развитие еврейской общины в Туле.

Будучи в первую очередь религиозной организацией, община нуждалась в духовном лидере, вокруг которого идет сплочение людей. На первом этапе институализации еврейских общинных институтов первоочередным вопросом становится выбор раввина. Евреи-военнослужащие нуждались в нем для совершения молитв, обрядов, разрешения религиозных вопросов. Кроме того, вместе с ними в Туле жили их жены и дети. Командование же завода наряду с тем, что «рождающиеся от них дети по догмату веры их, равномерно и умирающие погребаются без должного совершения установленного в сем случае обряда»[8], также беспокоит, что в отведенном молитвенном доме «вместо долж-

ного молебствия происходят нередко противу законные без настоящего пастора безчинства». Из рапорта от 6 февраля 1850 г. от командиров рот, в которых служили евреи, на имя командира завода следует, что евреи обратились к ним с просьбой разрешить ввести должность раввина, и, так «как они промежду своих сотоварищей способного к сей должности не находят, просят в сие звание дозволить принять как сведущего в Талмуде еврея Витебской губернии города Полоцка мещанина Берку Лейбова Малкина, проживающего в г. Туле по пачпорту»[9]. Разрешение вышестоящего начальства на это назначение получено не было в связи с тем, что евреев нижних чинов было менее, чем требовалось согласно ч. 3 ст. 388 Свода воинских постановлений.

В 1854 г. вопрос о назначении раввина встает уже перед командованием завода в связи с запросом инспектора оружейных заводов в Санкт-Петербурге генерал-лейтенанта князя Горчакова 3-го, основанного на Высочайше утвержденном мнении Государственного совета от 26 мая 1853 г. № 45 о порядке ведения еврейских метрических книг[10]. Князь Горчаков спрашивал мнения командира Тульского оружейного завода Самсона о предполагаемом им порядке ведения еврейских метрических книг на заводе. При этом он приложил выписку из циркулярного предписания Министерства внутренних дел начальникам губерний от 10-го ноября 1853 г. за № 164 о ведении метрических книг для еврейских служащих в полицейских командах для «могущих оказаться нужными соображений». Эти правила предусматривали, в частности, следующий порядок ведения еврейских метрических книг:

«…б) чтобы там, где нет синагоги и Раввина, еврейские метрические книги хранились в самых полициях, ведение же их возложить на тех из Евреев полицейских команд, которым согласно статьи 388 Свода Военных постановлений 3-ей части 1-й книги поручено от местного начальства наблюдение за совершением в собраниях их молитвы». Кроме того, наблюдать за правильностью вносимых в метрические книги записей поручено было полиции, как и за выдачей в случаях необходимости справок и метрических свидетельств. Об исправном ведении метрических книг полиция должна была ежегодно докладывать в Департамент духовных дел иностранных исповеданий[11].

В связи с этим запросом командование завода решает ходатайствовать о назначении раввина, по-видимому, для того, чтобы максимально снять с себя ответственность за ведение данных книг. Несмотря на то,

что в тот момент на заводе евреев-нижних чинов числилось менее 300 чел., необходимых для официального назначения раввина, командир завода, собрав сведения о численности евреев в других воинских образованиях города, в рапорте Горчакову указывает число «свыше 400 человек». Однако должность раввина в 1854 г. не была утверждена, и ведение еврейских метрических книг было возложено на заводскую полицию.

Сохранились сведения, что в 1857 г. евреи-нижние чины через командиров рот вновь обращаются с прошением о введении должности раввина и просят назначить исполняющим должность штатного духовного раввина Авраама Лейзерова Генкина, изъявившего свое согласие[12]. Несмотря на то, что Генкин представил аттестат и свидетельство о сдаче экзамена на поступление в раввины, о хороших его познаниях в делах духовных, а также о хорошем его поведении[13], разрешение на утверждение его в должности раввина получено не было. Только 1 декабря 1859 г. исполняющим должность раввина был утвержден канонир Меер Исаакович Зафрен, который бессменно исполнял ее предположительно до 1889 г.[14]

В 1889 г. вследствие ходатайства тульского губернатора о разрешении иметь в Туле раввина, удовлетворяющего требованиям Высочайше утвержденного 1 декабря 1886 г. мнения Государственного совета, министр внутренних дел дал следующее разъяснение: «Так как существующие узаконения о духовных делах еврейского общества не заключают в себе изъятий относительно порядка избрания и утверждения раввинов вне черты постоянной оседлости евреев, то и выборы раввина в местностях, находящихся вне черты постоянной оседлости евреев, должны быть производимы согласно общим узаконениям об избрании и утверждении раввинов (ст. 1083–1085 Свода Законов т. XI ч. 1)»[15].

Первым избранным в соответствии с правилами 1886 г. раввином Тулы стал запасной рядовой могилевский мещанин Носон Аронов Брук. В выборах участвовало 83 чел. из числа проживавших на тот момент в Туле евреев[16]. Брук был избран сроком на три года, впоследствии в результате выборов в 1892 и 1896 гг. Брук был вновь единогласно избран на должность раввина. Число избирателей относительно общего числа проживавших в городе евреев было невелико: 83, 67 и 46 чел. соответственно. Избранное на должность раввина лицо подлежало утверждению губернским начальством, которое приводило избран-

ного к присяге и выдавало ему свидетельство. Со своей стороны раввин должен был предоставить договор, заключенный им с избравшим его обществом (согласно ст. 1323 Устава иностранных исповеданий). Сохранился текст договора, заключенного Бруком с еврейской общиной г. Тулы в 1896 г., в котором содержались следующие условия:

«1. Я, Брук, обязываюсь исполнять свои обязанности, возложенные законом на раввина, своевременно и аккуратно.

2. Жалованье он, Брук, должен получать от всех жителей евреев г. Тулы по триста (300) рублей в год, причем указанное жалованье выплачивается ежемесячно по 25 рублей.

3. За отправление духовных треб я, Брук, не имею права требовать от жителей Тулы свыше установленной таксы, а именно: а) от вступления в брак — 2 рубля, б) за каждого новорожденного ребенка — 50 коп.

4. Выдача метрических свидетельств производится им, Бруком, бесплатно»[17].

На рубеже XIX–XX вв. отношения между молитвенными обществами в Туле обостряются. Одной из причин, видимо, служило долго накапливающееся недовольство части проживавших в Туле евреев отсутствием доступного молитвенного дома, о чем будет сказано ниже. Другой причиной, спровоцировавшей разрыв Брука с верхушкой общины, возможно, стало столкновение интересов при избрании хозяйственного правления при единственной существовавшей на тот момент в Туле молельне. Так или иначе, но в 1900 г. при избрании на очередной трехлетний срок Брук столкнулся с мощным сопротивлением части общины, в основном состоящей из обеспеченных и влиятельных людей. Выборы на должность раввина в 1900 г. проходили трижды: в марте, августе и ноябре[18]. В марте группа лиц (всего 43 чел., в том числе врачи Гринштейн, Лейбензон, Гельбрас, Готлиб, Стекольников, Гринер, кандидат прав Б.О. Гольденблат и С.Р. Варшавер, кандидат коммерческих наук Шапиро) подала «особое мнение», в котором, в частности, говорилось о неправильности прошедших выборов, их несвоевременности и проведении вопреки желанию большинства. Ссылаясь на предстоящие выборы Хозяйственного правления, разрешенные министром внутренних дел, авторы просили отменить прошедшие выборы и назначить новые не ранее, чем через три месяца.

Просители также указывали, что в настоящее время составляются списки лиц, имеющих право проживать в г. Туле и принимать участие в выборах Хозяйственного правления, выясняется размер средств, которыми может располагать община для своих нужд. «Что же касалось раввина, то имелось в виде выяснить, какие условия можно предложить раввину, назначить срок (2-3 месяца) для выборов, заявив путем публикации об имеющейся вакансии, условиях ее замещения и тогда уже произвести эти выборы, избрав более достойное лицо из всех кандидатов, которые явятся для замещения этой должности. Понятно, что никакой серьезный претендент не выставит своей кандидатуры, не зная подробных условий; и именно желанием избавить себя от всякой конкуренции со стороны других претендентов можно объяснить ту поспешность, с которой г. Брук назначил выборы и ту настойчивость, которую он проявил в этом заседании, требуя, несмотря на возражения многих из присутствовавших, чтобы выборы состоялись немедленно»[19]. Далее они ссылаются на то, что среди избирателей, принявших участие в выборах раввина, были преимущественно представители беднейшей части общины. «Не могут же в самом деле, — восклицают далее вполне резонно просители, — эти 44 голоса являться выразителями воли желания нескольких сот человек, не могут же они, заведомо неимущие люди, заключать договора о вознаграждении, которые придется исполнять всему обществу»[20].

И хотя на своем заседании губернское правление признало часть претензий необоснованными, результаты прошедших выборов не были утверждены. Правление постановило назначить новые выборы, о чем не менее чем за месяц дать объявление в Губернских ведомостях и уведомить полицейское управление[21]. Однако состоявшиеся в августе выборы также не были утверждены губернским правлением, несмотря на то, что все требования были учтены.

Новые выборы, прошедшие 15 ноября 1900 г., на которых Брук вновь был избран большинством голосов, наконец, были утверждены губернским правлением. Прошение 77 чел., часть из которых не принимала участия в выборах, о признании их результатов недействительными было отклонено[22]. Не добившись избрания раввином желательного для себя лица, еврейское общество бойкотировало подписание договора с раввином, о чем свидетельствует двухлетняя переписка последнего с городским полицейским управлением и губернским правлением[23].

Не получив официального права избирать духовного раввина, еврейская община тем не менее стремилась его добиться. Однако российские власти, стремясь упрочить свое влияние на подданных, в том числе еврейское население империи, использовали институт раввината как один из рычагов влияния на общину. Тем не менее для усиления этого влияния властям необходимо было считаться с мнением общины о привлекательности и авторитетности той или иной кандидатуры раввина. Это хорошо иллюстрируется приведенными выше фактами: губернское правление несколько раз шло навстречу пожеланиям общины, не утверждая Брука в должности и назначая перевыборы. Только в результате третьих выборов правление, наконец, утверждает Брука, по-видимому, убедившись в бесперспективности затянувшегося противостояния, препятствующего нормальному взаимодействию властей с еврейской общиной.

Второй важнейший институт еврейской общины — синагога или молитвенный дом в местностях вне черты постоянной еврейской оседлости — являлся материальным воплощением единства общины. В Туле к 1910-м гг. сложилось три молитвенных общества с хозяйственными правлениями.

Во время прохождения службы евреям-военнослужащим на наем помещения для молитвенного дома отпускались квартирные деньги. Документов, свидетельствующих о каких-либо проблемах с наймом помещений у евреев-военнослужащих, не обнаружено. Военнослужащие рот при Тульском оружейном заводе, тульского гарнизонного батальона, гарнизонных артиллерийских рот имели возможность снимать отдельные помещения, по-видимому, в зависимости от места проживания. Известно, что нижние чины 3-й роты нанимали помещение на Заводской улице в доме купца Зябрева, 2-й и 4-й рот — на Миллионной улице, а нижние чины бывшего гарнизонного батальона — на Посольской улице[24]. С выходом в отставку или бессрочный отпуск выдача квартирных денег прекращалась, в связи с чем евреи были вынуждены нанимать помещение за свой счет. Первоначально, по-видимому, сохранялось несколько молитвенных домов. Однако согласно ст. 1060 т. XI ч. 1 Устава духовных дел иностранных исповеданий открытие молитвенных домов в местностях вне черты еврейской оседлости было возможно только при наличии не менее 30 еврейских домов с разрешения Министерства внутренних дел по представлению местного начальства. В соответствии с этим положением губернским на-

чальством были приняты меры по сокращению числа еврейских молитвенных домов в городе. История борьбы еврейского населения города за право иметь доступный для каждого члена общины молитвенный дом растянулась почти на 30 лет. Сложность состояла в том, что город географически был разделен на две части рекой, и весной во время разлива Упы жители одной части были бы отрезаны от молитвенного дома, находившегося в другой части.

В 1870 г. после выхода нижних чинов из евреев в бессрочный отпуск и отставку и приписки их на основании правил 25 июня 1867 г. «Об устройстве быта отставных и бессрочно отпускных нижних чинов» к местному городскому сословию раввин г. Тулы Меер Исаакович Зафрен выстроил за свой счет на территории усадьбы своего сына Гилеля на Миллионной улице в третьей части города дом для безвозмездного использования его евреями и отправления ими религиозных обрядов[25]. В 1872 г. по прошению Зафрена в этом доме была разрешена молельня. Прошение было подано от 59 чел. — глав семейств. Всего вместе с членами семей насчитывалось 294 прихожанина[26].

14 июня 1872 г. в Тульское губернское правление поступает прошение отставных и бессрочно отпускных нижних чинов из евреев, живущих в Туле в третьей части на Арсенальной, Алексинской и Заварной улицах в своих домах, об отмене распоряжения о закрытии молельни в доме Зябрева[27]. Из материалов дела следует, что молельный дом здесь существовал около 20 лет (т.е. все время нахождения их на службе в Туле), всего прихожан вместе с членами семей насчитывалось около 100 чел. Молельный дом располагался в непосредственной близости от мест проживания прихожан, что было очень удобно для детей, которые собирались при молитвенном доме для обучения грамоте по еврейскому закону. В начале июня прихожанам этой молельни было объявлено о запрещении собираться для богомолья без разрешения начальства. При этом остальные молитвенные дома (уже упоминавшийся на Миллионной, официально разрешенный губернским начальством, и на Посольской улице) закрыты не были. В ответе на прошение было разъяснено, что молитвенный дом был закрыт, так как для этого не было испрошено разрешения губернского начальства. Еврейские семейства снова подают прошение на имя губернатора, в котором наряду с предыдущими аргументами приводят следующий: «Раввин, отправляющий богослужения, вовсе неграмотный, и мы не можем признавать молитву состоящейся, если перед престолом Божиим стоит

такой человек»[28]. Оба прошения были отклонены. Первое — в связи с тем, что было подано не по форме (т.е. на простой бумаге вместо гербовой), а на второе прошение от 16 октября 1872 г., поданное на имя императора уже на гербовой бумаге, был получен ответ: «Обращаясь к настоящей просьбе, не представляется особых причин, по соображению коих можно было бы дать разрешение на открытие особой школы, губернское правление не находит также оснований представлять о сем и Министерству внутренних дел, почему и полагает дать знать о сем настоящим просителям через Тульское губернское полицейское управление»[29].

Однако и сам молитвенный дом на Миллионной вскоре был закрыт в связи с поданным в 1873 г. уполномоченным от жителей первой и второй части города отставным рядовым Вайнером ходатайством на имя губернатора об открытии временной молельни для совершения богослужений весной во время разлива реки[30]. В ходе разбирательства выяснилось, что на основании Высочайше утвержденного 19 января 1868 г. Положения Комитета министров молельные дома вне черты постоянной еврейской оседлости могут быть разрешены только МВД по представлению губернского начальства. В дальнейшем Вайнер обратился с ходатайством в МВД с просьбой открыть временную молельню с припиской, что «если по каким-либо соображениям представится неудобным иметь в городе Туле две молельни, то дозволить открыть одну молельню на городской стороне во второй части, чтобы каждый из живущих в Туле евреев, по близости молельни, не затруднялся ходить в оную для исполнения молитвы по еврейскому закону»[31]. Губернатор признал ходатайство заслуживающим уважения, и, поскольку в Туле на тот момент было только 13 домов, принадлежавших евреям, министр внутренних дел разрешил просителям открыть лишь одну молельню во второй части города. Согласно распоряжению губернского правления от 23 января 1874 г. № 382, 25 января 1874 г. молельня на Миллионной была закрыта, у Зафрена была отобрана подписка в том, «чтобы в означенной молельне не было допускаемо совершение еврейских богомолений»[32]. В дальнейшем эта молельня во второй части Тулы на улице Рубцовской стала официальным центром общины. Здесь действовала Талмуд-тора, здесь проходили собрания членов общины по разным вопросам (в том числе выборы раввина).

Сложилась по меньшей мере странная ситуация, когда официальный раввин оказался отделен от молельного дома. Кроме того, посе-

щение молельни во второй части теперь стало неудобно евреям, проживающим за рекой. Недовольство прихожан закрытой молельни объяснялось еще и тем, что евреи первой и второй городских частей составляли меньшинство (из 550 евреев в третьей части жили 304 чел.). Само помещение молитвенного дома во второй части было невелико и не могло вместить всех желающих. Несмотря на закрытие молельни в Заречье, богослужения в ней продолжались, за что члены общины неоднократно задерживались и даже привлекались к суду.

На протяжении последующих почти 30 лет евреи, проживающие в третьей и четвертой частях города, неоднократно подавали прошения губернскому правлению об открытии молельни, прибегая при этом к услугам доверенных лиц. К примеру, в 1876 г. их интересы перед губернскими властями представлял губернский секретарь Егор Михайлович Краснопевцов. Говоря о причинах, побудивших его согласиться на представление интересов евреев, он указывает следующие:

«а) известная ревность и точность евреев в деле религии; б) настоящее стремление их к нравственному образованию их детей, особенно теперь, когда такое стремление прямо соответствует видам правительства; в) дозволенная в Российской империи свобода вероисповеданий; г) отдаленность местожительства евреев Заречья от имеющейся на этой стороне города молельни и совершенная невозможность еврейских женщин и детей путешествовать в эту молельню с дальних улиц Заречья во время зимы, весенних разливов и осенней грязи, и д) постоянно продолжающиеся между евреями 3 и 4 части с одной стороны и 1 и 2 городских частей с другой стороны неудовольствия и ссоры, невольно вызываемые теснотою единственной молельни для еврейского населения в 550 душ». Также среди причин, побудивших его принять роль ходатая еврейской общины, Краснопевцев называет и готовность евреев разделиться на две секты, «чтобы только избавиться от хождения в одну и ту же молельню, отдаленную от Заречья и Чулково». Правда, здесь же уполномоченный оговаривает, что, хотя он и далек от поощрения иудейской религии словом или действием, «но тем не менее необходимо иметь в виду, что люди (вообще) так созданы, чтобы искать, ощущать и найти Бога (Деян. Апост. гл. 17 ст. 26–28), это составляет его религию, противостоять которой сопряжено со значительною опасностию: ибо от потери религии рождается другое зло, вредящее общественному строю»[33]. Однако, несмотря на столь высокопоставленное заступничество, разрешение на открытие молель-

ни вновь получено не было: в отказе ссылались на малочисленность собственно еврейских домов в третьей и четвертой частях г. Тулы.

30 декабря 1893 г. Меер Зафрен подает новое прошение о разрешении открыть молельню в принадлежащем ему доме на Миллионной, обосновывая свою просьбу тем, что в третьей и четвертой частях города проживает уже более 400 евреев, помимо того, в расположенных в третьей части казармах находятся нижние чины евреи[34]. Из рапорта полицмейстера следует, что в Заречье насчитывается уже 21 дом, принадлежащий евреям. Но на основании ст. 1062 XI т. ч. 1 Устава духовных дел иностранных исповеданий губернское правление отказало в открытии молельного дома, ссылаясь на то, что многие евреи не оседлые, т.е. находятся в Туле временно по ремесленным либо купеческим видам на жительство, и количество собственно еврейских домов в Заречье меньше требуемых по закону 30, а также то, что в Туле уже имеется еврейская молельня, и посещение ее не составляет никаких неудобств[35].

Наконец, в 1899 г. на имя губернатора поступают два прошения о разрешении расширить молельню в третьей части и избрать хозяйственное правление при ней: одно от тульского купца 1 гильдии Меера Зафрена, второе — от группы лидеров еврейской общины Тулы: сына М. Зафрена Гилеля, казенного раввина г. Тулы Носона Брука, врача Гринштейна, кандидатов прав Варшавера и Гольденблата. При этом в своем прошении Зафрен ссылается на то, что в течение 25 лет с подачи первого прошения численность еврейского населения Тулы естественным путем увеличилась, и в настоящий момент в Туле насчитывается уже более 40 еврейских домов, а, согласно закону, при числе домов свыше 30 возможно открытие второго молитвенного дома. Интересно, что о молельне в третьей части города Зафрен говорит как о действующей, хотя официального разрешения на ее открытие получено до тех пор еще не было.

Прошение Зафрена было удовлетворено, и 28 января 1900 г. губернатором было подписано ходатайство в Министерство внутренних дел с просьбой удовлетворить просьбу представителей общины. Ответ из Министерства, согласно которому разрешалось открытие второй еврейской молельни в Туле с хозяйственным правлением при ней на условиях, принятых для еврейских молелен в Санкт-Петербурге, пришел только в январе 1903 г.[36]. Т.е. ровно 29 лет понадобилось евреям — жителям зареченской стороны города — для того, чтобы получить

официальное право иметь собственный молитвенный дом. Для тульской общины, состоящей в основном из бедных слоев населения, взносы в 25 руб. в год, предусмотренные для молитвенных домов в Санкт-Петербурге, оказались непосильны, и представители общины вновь подают прошение об уменьшении взносов до 10 руб., на что Министерство внутренних дел дало свое согласие.

17 октября 1904 г. проходят выборы в хозяйственное правление при молельне в третьей части Тулы, в результате которых были избраны шесть членов правления и три кандидата к ним. Председателем был избран сын Меера Зафрена Гилель. В 1909 г., согласно прошению, поданному ремесленниками первой части Тулы 20 октября 1907 г., МВД разрешило открытие еще одного молельного дома с хозяйственным правлением при нем. При этом все эти годы продолжал действовать молельный дом во второй части города, при нем было утверждено хозяйственное правление во главе с председателем Соломоном Варшавером. Таким образом, к 1910 г. в Туле действовали три еврейских молитвенных дома с хозяйственными правлениями при них. Фактически наличие хозяйственного правления придавало молельне статус юридического лица. Это завершило процесс становления еврейских общинных институтов в Туле.

Итак, к началу XX в. в Туле сформировалась еврейская община, т.е. выделилась сплоченная группа людей, вставшая во главе общины и действовавшая сообща в ее интересах. Если проанализировать прошения по основным вопросам, касавшимся жизни евреев в Туле, то видно, что группа просителей с небольшими вариациями остается неизменной. Практически во всех прошениях присутствует имя Зафрена либо Меера Исааковича, которого можно по праву считать основателем общины, либо его сына Гилеля. Также большую роль в общине играли кандидаты прав Борис Осипович Гольденблат и Соломон Романович Варшавер, врач Михаил Тимофеевич Гринштейн.

На всем протяжении формирования общинных институтов власти стремились контролировать этот процесс и даже руководить им. Основным мотивом, руководившим действиями чиновников, на наш взгляд, была целенаправленная деятельность власти по включению евреев в социальное и правовое пространство империи. Понимая, что имеют дело с особой категорией подданных, имеющей свои вековые обычаи и традиции, свой уклад жизни, причем, как показывала практика, трудно поддающиеся изменениям, власти тем не менее стреми-

лись ликвидировать еврейскую «обособленность» — при сохранявшемся сословном характере российского общества с заведомым неравенством гражданских прав.

Примечания

[1] См, например, *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). — М, 2001; *Кальмина Л.В.* Забайкальские диаспоры в XIX — начале XX в.: «свои среди чужих» или «чужие среди своих»? // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX — начале XX веков: Сб. науч. ст. / отв.ред. В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул, 2010. С. 5–20.

[2] В 1815-1818 гг. поставщиком при военно-тюремном госпитале был еврей Абрам Львович Минц, проживавший в Туле с семьей. Помимо поставок продовольствия, он имел подряд на продажу в разных местах оружия, производимого Тульским оружейным заводом (Государственный архив Тульской области — далее ГАТО. Ф. 51. Оп. 8. Д. 243; Оп. 9. Д. 1235; Оп. 13. Д. 2994). Есть сведения о евреях-мастерах, работавших на винокуренных заводах в селениях Тульской губернии; о евреях-иностранцах, прибывших в 1826 г. в Тулу для занятия различными ремеслами; в 1827 г., несмотря на неоднократные ходатайства гражданского губернатора, из Тулы был выслан портной Марк Моисеев, проживавший в городе уже 25 лет и занимавшийся пошивом амуниции для Тульского Александровского дворянского училища (ГАТО. Ф. 51. Оп. 14. Д. 1212).

[3] Формулярные списки и послужные листы еврейских рекрутов: ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6073, 6581, 6581а, 6604, 6604а, 7330, 7333, 7334,7335, 7336.

[4] ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 7330. Л. 8.

[5] Там же. Л. 8 об.

[6] Так, в рапорте командиров рот Тульского оружейного завода упоминаются три партии, самостоятельно выбирающие себе раввина, причем, на крайне непродолжительный срок, постоянно враждующие между собой по религиозным вопросам (ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 7325. Л. 132–133).

[7] Например, в рапорте на имя командира завода командующие рот, описывая сложившуюся ситуацию в подчиненных им подразделениях, командиры рот опасаются «Дабы не навлечь через сие ответственности» (ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 7330. Л. 8 об.).

[8] Там же. Л. 8.

[9] Там же.

[10] Там же. Д. 1526. Л. 1.

[11] Там же. Л. 2, 3.

[12] Там же. Д. 7325. Л. 132–133.

[13] Там же. Л. 132.

[14] В отчете за 1889 г. о числе еврейских молитвенных домов и служащих в них для Дирекции Центрального статистического комитета МВД значится, что раввин Зафрен от должности уволен. (ГАТО. Ф. 51. Оп. 40. Д. 2947. Л. 5)

[15] Там же. Оп. 45. Д. 3479. Л. 12 об.
[16] Там же. Ф. 445. Оп. 4. Д. 626. Л. 3.
[17] Там же. Л. 58 об.
[18] Там же. Ф. 51. Оп. 44. Д. 3479. Л. 1, 4, 23; Ф. 445. Оп. 4. Д. 626. Л. 1.
[19] Там же. Ф. 51. Оп. 44. Д. 3479. Л. 8.
[20] Там же.
[21] Там же. Л. 15–15 об.
[22] Там же. Ф. 445. Оп. 4. Д. 626. Л. 1–4.
[23] Там же. Л. 59, 60, 66. Губернское правление неоднократно предписывало Бруку представить новый договор с еврейским обществом, на что Брук вынужден был отвечать, что либо нет в городе нужных людей для подписания договора, либо договор еще не подписан, но непременно будет подписан и представлен в правление.
[24] ГАТО. Ф. 51. Оп. 37. Д. 1066. Л. 4 об.
[25] Там же. Оп. 41. Д. 3227. Л.7–7 об.
[26] Там же. Оп. 37. Д. 1068. Л. 16–19.
[27] Там же. Д. 1066. Л. 4–4 об., 5.
[28] Там же. Л. 19, 20, 20 об.
[29] Там же. Л. 22–22 об., 23–23 об.
[30] Там же. Оп. 41. Д. 3227. Л. 7–7 об. Само дело, по-видимому, утеряно, сведения о нем сохранились в позднейшем деле (1899–1903 гг.) по прошению М.И. Заф-рена об открытии молельни в его доме.
[31] Там же. Л. 11.
[32] Там же. Л. 12 об.
[33] Там же. Оп. 37. Д. 2570. Л. 1, 1 об., 2.
[34] Там же. Оп. 41. Д. 1480. Л. 1.
[35] Там же. Д. 3227. Л. 13.
[36] Там же. Л. 19.

Владимир Шайдуров
(Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ СИБИРИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В отечественной историографии сложилась традиция начинать историю еврейской общины Сибири с 1836 г. Это было связано с включением региона в общегосударственную политику по решению еврейского вопроса.

Одним из первых эту тему затронул В.Н. Никитин в своем исследовании «Евреи земледельцы». Девятая глава его работы посвящена неудачному переселению евреев в Тобольскую губернию и Омскую область при Николае I. Несомненной заслугой автора является введение в научный оборот архивных документов из фондов Министерства внутренних дел. Правда, в тексте им не были сделаны ссылки на источники, но сопоставление материалов из соответствующих фондов не оставляет в этом никакого сомнения. На основании многочисленных документов В.Н. Никитин не только представил подробную картину разработки проекта и нюансы его реализации, но и попытался объяснить его неожиданное свертывание. В отличие от исследователей последующих лет, он не дал количественных данных о переселенцах-евреях этого времени, сославшись лишь на текст манифеста 1837 г., запретивший переселение и проживание иудеев в Сибири, согласно которому в Сибирь пожелало переселиться «1317 совершеннолетних мужских душ (кроме самовольно ушедших в Сибирь, — а верного числа их никто не знал)»[1].

В начале XX в. вышли в свет новые работы, в которых приводятся разные данные об итогах переселения 1836–1837 гг. В 1905 г. в Петербурге появилась работа Г.Б. Белковского «Русское законодательство

о евреях в Сибири», в которой автор не мог обойти стороной вопрос о еврейском переселении 1835–1836 гг. Рассуждая о запретительных мерах 1837 г., он указывал на то, что они не были распространены на тех, «которые успели добровольно поселиться в течение 1836 г. Их всего-то было 1367 человек»[2]. Если В.Н. Никитин в своем исследовании опирался на архивные данные, то Белковский в качестве источника использовал статью «Евреи в Сибири», опубликованную в журнале «Восход»[3].

В работе Ю. Островского «Сибирские евреи» также упоминается переселенческая кампания. Не приводя конкретных данных о переселившихся, автор пишет, что «пожелали переселиться 1317 душ евреев»[4].

Наконец, в разделе «Право жительства евреев в Сибири» своего известного «Руководства к русским законам о евреях» М.М. Мыш дает историческую справку о евреях в Сибири. Их появление связано с кампанией 1835–1836 гг., когда «в течение 1836 г. пожелали переселиться из разных губерний 1217 евреев»[5]. Приводя данные о числе желающих переселиться, автор ссылается на текст высочайше утвержденного положения Комитета министров «О приостановлении переселения евреев в Сибирь» от 5 января 1837 г. Однако в тексте положения приведены иные сведения: «на сии участки в течение 1836 г. пожелании переселиться 1317 душ евреев».[6]

В монографиях исследователей конца XX — начала XXI вв. присутствуют упоминания о ранних страницах истории сибирских евреев (Н. Галашова, Ю. Гончаров, Л. Кальмина, Н. Орехова и др.). Однако авторы, как правило, ссылаются на работы своих дореволюционных предшественников, не подвергая приводимые ими сведения не только критике, но и сравнению. Явные разночтения относительно результатов одного и того же события заставили нас обратиться к этой теме и попытаться разобраться в событиях первой половины XIX в., приведших к возникновению новой региональной группы — сибирских евреев.

Незаселенные пространства Сибири на протяжении XVII–XIX вв. привлекали внимание властных структур и различных категорий населения. Еще в 1763 г. предполагалось направить часть иностранных колонистов в Сибирское генерал-губернаторство, предоставив им для водворения пространства Барабинской степи.[7] Правда, этот проект так и не был реализован: колонистов, в первую очередь выходцев из германских государств, селили в Поволжье, Прибалтике и под Петербургом.

В середине марта 1810 г. Комитет министров на своем заседании заслушал записку министра внутренних дел О.П. Козодавлева. В ней докладчик представил проект курляндского дворянина, советника Курляндского губернского правления Г.Ф. фон Фелькерзама о переселении евреев из Курляндии в Тобольскую губернию[8]. Однако правительство на тот момент не сочло необходимым рассматривать эту проблему, а потому было принято решение «по выслушании сих проектов […] оставить без уважения»[9].

Для МВД вопрос о еврейском населении в Сибири в первой четверти XIX в. возникал не единожды. В этот период евреи оказывались за Уралом в результате исполнения судебных приговоров и направлялись туда в качестве ссыльных. Так, в 1814 г. сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель сообщал министру внутренних дел О.П. Козодавлеву о мерах, принятых иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным относительно евреев-поселенцев (поселенцами являлись лица, отбывшие срок в ссылке или на каторге и оставленные в Сибири на проживание под надзором полиции — *В.Ш.*)[10]. Местные власти столкнулись с тем, что евреи «по роду их жизни удалены от всякого хозяйства и по развратному поведению не могут быть полезны тамошнему краю»[11]. Для исправления нравов евреев и цыган было предложено отправлять тех, кто не имел ремесленных навыков, на казенное поселение в отдаленные от Иркутска селения Иркутского и Нижнеудинского уездов. Волостные правления обязаны были иметь за ними строжайший контроль, а сельские старшины принуждать их к различного рода сельским занятиям. Уклонение от работ грозило поселенцам через Земский суд направлением на винокуренные заводы. С этого момента евреи невольно стали играть важную роль в данной отрасли пищевой промышленности региона.

Приезд Александра I на уральские заводы позволил местным властям начать радикальную борьбу с «еврейским злом». Уже 19 декабря 1824 г. появилось секретное предписание, по которому, с целью предотвращения хищения евреями драгоценных металлов и «растления местного населения», запрещено было иудеям селиться в уральских казенных и частных заводах и Алтайском горном округе. Мероприятия по искоренению еврейства проводились одновременно по линии Министерства финансов и Министерства внутренних дел. В упомянутом документе министру финансов Е.Ф. Канкрину было дано указание «о евреях, чтобы отнюдь не были терпимы на горных заводах»[12]. По-

следнему надлежало сообщить об этом Управляющему Министерством внутренних дел. Уже неделю спустя через управляющего Кабинетом Его Императорского Величества графа Д.А. Гурьева содержание секретного документа было доведено до сведения горных начальников Колывано-Воскресенских, Нерченских и Екатеринбургских заводов.

В конце января 1825 г. на имя Д.А. Гурьева поступили первые отчеты от начальника Колывано-Воскресенского горного округа П.Д. Фролова и начальника Екатеринбургских горных заводов О. Осипова о евреях на подконтрольной им территории. Так, О. Осипов сообщил в Петербург о том, что «проживавшие в здешнем городе [Екатеринбурге — *В.Ш.*], коих найдено шесть человек из оного уже высланы, а в Горнощитском мраморном заводе, как командир сего завода и гранильной фабрики […] донес, таковых не оказалось»[13].

Более основательно подошел к выполнению поручения П.К. Фролов, принявшийся изыскивать евреев не только на горных заводах и рудниках, но и в деревнях приписных крестьян, куда те могли попасть «по делам питейного сбора»[14]. В том же донесении графу Гурьеву Фролов задался вопросом: «Что делать с евреями, принявшими христианство?» Это наталкивает на мысль о наличии в округе евреев-выкрестов, с которыми начальнику приходилось сталкиваться по тем или иным делам и которых приказано было не подвергать высылке[15].

9 декабря 1825 г. Западно-Сибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич сообщал в Сибирский комитет о проживавших в Омской области евреях и мероприятиях, которые планировалось осуществить в отношении этой группы. Сохранившиеся документы, в частности, решения Совета Главного управления Западной Сибири, позволяют говорить о том, что отношение местных властей и общества к ссыльным евреям было негативным. В них, например, указывалось, что «Семипалатинская Ратуша очень невыгодно на их [евреев — *В.Ш.*] счет отозвалась, да и Петропавловский городничий так же не ручался за благонадежное их поведение»[16].

Губернские власти оказались в непростой ситуации: им необходимо было отселить евреев не только из горных заводов Алтайского горного округа, но и населенных пунктов приграничной Сибирской линии. Основываясь на упомянутом секретном предписании, губернские власти приняли решение: «Всех евреев, находящихся […] по паспортам и в округах проживающих без оных, выслать в места прежнего жительства, и впредь не пускать их на Линию, за чем приказать городским

и Земским полициям строго наблюсти причисленных же в мещане и крестьяне и имеющих домообзоводство поселенцев»[17]. В дальнейшем предполагалось отселить евреев из Семипалатинска и Петропавловской крепости во внутренние районы Тобольской и Томской губерний и просить Тобольский приказ о ссыльных, «чтобы он в будущее время не присылал уже как на Линию, так равно иные места, кои близки к горным заводам»[18] ссыльных иудеев.

В 1829 г. эта кампания получила свое дальнейшее развитие. Евреи г. Колывани обратились к начальнику Алтайского горного округа с просьбой разрешить им поселиться на территории округа, но получили категорический отказ[19].

Таким образом, уже в 1820-е гг. в Сибири реализовывались мероприятия, нацеленные на ограничение прав еврейского населения. Но, запрещая евреям проживать в некоторых районах Сибири, власти тем не менее оставляли их тут в качестве поселенцев, а потому запретительные меры не могли исключить евреев из числа сибирских обывателей. По данным МВД, уже к 1834 г. в Сибири проживало «18 купцов, мещан, цеховых и городовых рабочих 659, а в Омской области поселенцев 13» иудейского исповедания[20].

К середине 1830-х гг. в черте оседлости резко ухудшилось положение еврейского населения, переселенного во второй половине 1820-х гг. из сельской местности в города и местечки: скученность не позволяла большинству евреев найти себе заработок. Об этом неоднократно докладывали с мест в Петербург. В апреле 1835 г. Николай I утвердил «Положение о евреях», которое должно было, по мнению его разработчиков, улучшить положение еврейского населения. В частности, одним из основных аспектов нового положения стало стремление «разгрузить» города черты оседлости от излишней массы неимущего еврейского населения за счет переселения его в сельскую местность. К этому времени в России был накоплен достаточный опыт сельской инородческой колонизации: в 1760-е, 1780-е, 1800-е гг. появилось большое количество немецких, болгарских, греческих колоний в Поволжье, Новороссии, Прибалтике и других регионах. Новые поселения возникали на пустующих окраинных землях. В Европейской России незанятых земель практически не осталось. Поэтому власти вынуждены были направлять миграционные потоки на окраины государства.

В условиях бюрократизации государственного аппарата в период правления Николая I в разработку мер по решению еврейского вопроса

в середине 1830-х гг. были вовлечены различные учреждения. Избавить города черты оседлости от избыточного еврейского населения можно было посредством переселения на окраины. Тем более, что опыт создания еврейских земледельческих колоний на Юге России к тому моменту был.

Одним из ключевых органов по подготовке и проведению переселения евреев в сельскую местность стало Министерство финансов. В его функции входило не только выделение переселенцам дорожных средств, но также подготовка мест водворения. В частности, губернским казенным палатам было дано распоряжение выдавать евреям-переселенцам прогонные деньги, устраивать на квартиры и пр. Об этом же надлежало сообщить казенным палатам Тобольской губернии и Омской области, а также генерал-губернатору Западной Сибири.

Основным местом водворения евреев должна была стать Сибирь, несмотря на то, что местные власти еще со времен губернаторства М.М. Сперанского крайне негативно относились к ним. По представлению министра финансов Е.Ф. Канкрина, 12 ноября 1835 г. Николай I распорядился выделить для поселения евреев 5 свободных участков казенных земель в Тобольской губернии (Тарский округ: отрезки от татар Юрт-Черналинских 2212 дес.) и Омской области (Омский округ: между селом Кулачинским и деревней Хариной два участка 3254 и 3446 дес., между деревнями Хариной и Захламиной 3184 и 3056 дес.) площадью в 15 154 дес.[21] Канкрин рассчитывал в течение осени 1835 — зимы 1836 гг. закончить подготовительные действия и начать переселенческую кампанию уже весной 1836 г. На этом этапе в действие включилось Министерство внутренних дел, которое должно было посредством губернских чиновников донести до еврейского населения информацию о начале переселенческой кампании и ее условиях. Таким образом, Министерство финансов и Министерство внутренних дел становились центральными учреждениями по исполнению монаршей воли. Надо сказать, что к тому моменту в канцелярии МВД скопилось большое количество прошений от еврейских обществ различных губерний, в которых содержались просьбы об улучшении положения евреев. Наибольшее количество прошений исходило от евреев прибалтийских и белорусских губерний. Так, например, на имя министра внутренних дел Д.Н. Блудова поступило прошение от еврейских семейств г. Митавы Курляндской губернии, в котором просители жаловались на «великие неудобства пропитывать себя законным образом»[22].

О перенаселении городов евреями и отсутствии у них возможности содержать свои семьи писал в своей записке витебский генерал-губернатор П.Н. Дьяков, указывая, например, на то, что «купеческие и мещанские промыслы за неимением достаточного числа покупателей и потребителей должны ограничиваться только мелочной торговлей, которая едва стоит содержания лавки; ремесленники, коих между евреями множество, не имеют работы. В одном только Могилеве, сколько известно, более 600 портных, тогда как достаточно 100-й доли сего числа по общей массе людей, имеющих нужду в их мастерстве»[23].

Многие еврейские семьи стремились любыми путями вырваться из нищеты, в которой они оказались по милости властей, а потому в еврейских общинах к середине 1830-х гг. сложились внутренние предпосылки к включению в переселенческий процесс.

Но далеко не все в еврейской среде являлись сторонниками переселения на новые места. Одним из противников этого процесса выступили кагалы. В своей записке на имя А.Х. Бенкендорфа генерал-майор А.Ф. Дребуш указывал, что «они [евреи — *В.Ш.*] приняли как благодеяние Всемилостивейшее дозволение им сделаться хлебопашцами Тобольской губернии […], но встречают в том затруднение со стороны еврейских кагалов»[24]. Кагалы вместе с градской и земской полицией старались скрыть от евреев соответствующий указ. Дело в том, что в явное противоречие вступили положение указа и фискальная практика: кагалы требовали от желающих переселиться уплаты всех необходимых податей и недоимок, тогда как высочайший указ списывал с переселенцев все недоимки по уплате податей[25]. Желали переселиться в первую очередь те евреи, которые не могли материально устроить свою жизнь в прежней общине, но действия кагала ставили их в более затруднительное положение.

Надо сказать, что «Положение о евреях» 1835 г. носило общий характер, многие из его новелл требовали дальнейшего разъяснения и детальной проработки. Это привело к тому, что в недрах чиновного аппарата сформировалось несколько подходов относительно переселения евреев из городов в сельскую местность. Первое мнение было озвучено министром финансов Е.Ф. Канкриным, согласно которому переселять евреев необходимо на выделенные казной земли в Сибири за счет казенных средств. Эта позиция достаточно последовательно прослеживается в ведомственной переписке между Министерством финансов, с одной стороны, и прочими ведомствами (Министерством

внутренних дел и Министерством государственных имуществ), с другой стороны.

Особое мнение было высказано по этому вопросу генерал-адъютантом П.Н. Дьяковым, занимавшим в 1836 г. пост главноуправляющего Витебской, Могилевской и Смоленской губерниями. Он соглашался с необходимостью улучшить положение евреев в черте оседлости, о чем было сообщено в записке, составленной в Витебске 19 июля 1836 г. Но, по его мнению, в белорусских губерниях имелось достаточно свободных земель для водворения евреев-хлебопашцев. Так, он предлагал «заблаговременно и не ожидая просьб назначить в Витебской и Могилевской губернии пустопорожние и оброчные казенные земли участками от 200 дес. и более; о назначении объявить еврейским обществам в городах и местечках, чтобы знали, где могут поселяться согласно положению 1835 г.»[26]. Действия эти предполагалось реализовывать силами Министерства внутренних дел и казенных палат, подведомственных Министерству финансов.

Еще одна позиция была озвучена в докладной записке начальника IV округа Корпуса жандармов генерал-майора А.Ф. Дребуша. Так же как и Дьяков, он считал, что ухудшение положения евреев связано с мерами, принятыми в 1823 г., что ввергло их в нищету и лишило «всех средств к пропитанию себя с многочисленными семействами».[27] В записке Дебуш подробно излагает свое видение механизма переселения на отведенные в Сибири земли, которое фактически должно было оказаться в руках Корпуса жандармов (на местах — штаб-офицеров Корпуса). Это мнение поддержал начальник Корпуса гр. А.Х. Бенкендорф. Таким образом, налицо было столкновение интересов разных ведомств и персон.

Оба документа попали в руки министра внутренних дел Д.Н. Блудова. Последний — с сопроводительной запиской от Бенкендорфа. Блудов же решил переложить ответственность за принятие окончательного решения на министра финансов Е.А. Канкрина, которому эти документы были переданы на рассмотрение. При этом Блудов почтительно писал Бенкендорфу, что по получении от министра финансов ответа, он непременно уведомит его о дальнейшем ходе дела[28].

Позиция министра финансов Канкрина была неизменной: в своем ответе Блудову от 26 августа 1836 г. он писал, что, основываясь на имеющихся в министерстве сведениях, считает невозможным выделение земель в белорусских губерниях, т.к. свободных земель там нет[29].

Что же касается предложений генерал-майора Дребуша, то они, по мнению Канкрина, также не могут быть приняты, так как принципы снабжения еврейских переселенческих команд деньгами и установления контроля за их передвижением к месту водворения уже выработаны. Эти принципы были изложены в письме Канкрина Блудову еще в мае 1836 г.[30] Таким образом, определилось общее мнение по вопросу переселения евреев в Сибирь.

Весной 1836 г. началась переселенческая кампания, как это планировалось в Министерстве финансов. Немногочисленные группы евреев направились из черты оседлости, преимущественно из Могилевской губернии, в Сибирь. Уже первые контакты переселенцев с губернскими властями по пути движения выявили неготовность последних к приему переселенческих групп: евреи, будь то в Симбирске или во Владимире, просили о выделении им помощи, а местные власти вступали в длительную переписку с Петербургом, запрашивая соответствующих инструкций. Проблема вскоре была решена радикально: казенным палатам поступило от Е.А. Канкрина распоряжение о выделении необходимых средств и одежды для еврейских переселенцев[31]. Таким образом, чиновники решали проблемы переселенцев по мере их возникновения.

В середине декабря 1836 г. Канкрин направил Блудову очередное письмо. В нем он подвел промежуточный итог переселенческой кампании 1836 г. В частности, Канкрин указывал, что «из дел Департамента государственных имуществ видно, что в течение нынешнего 1836 г. пожелало переселиться из разных губерний на упомянутые для них казенные участки до 1317 душ»[32]. В канцелярии Министерства внутренних дел на тот момент находились списки потенциальных переселенцев из различных белорусско-литовских губерний, насчитывавшие более 3 тыс. чел.[33] Эти результаты настолько вдохновили министра финансов, что он заявил о своем намерении в следующем году выделить уже десять участков для водворения евреев в Омском и Петропавловском округах общей площадью 13 363 дес.[34] Для новых переселенцев уже планировались деньги в губернских и областных казенных палатах. Со своей стороны, Министерство внутренних дел посредством губернаторов должно было сообщить об этом еврейским обществам, а так же уведомить о том генерал-губернатора Западной Сибири.

22 декабря 1836 г. состоялось очередное заседание Комитета министров, на котором рассматривался среди прочих и вопрос о развитии еврейского переселения в Сибирь на основании внесенного предложе-

ния министра финансов Е.А. Канкрина. Комитет министров принял решение: «на утверждение распоряжения испросить Высочайшее соизволение»[35].

5 января 1837 г. Николай I наложил на положение Комитета министров резолюцию: «Переселение евреев в Сибирь приостановить»[36]. Это перечеркнуло все предпринятые ранее различными ведомствами действия. В специальной литературе неоднократно звучал вопрос: почему Николай I изменил свою позицию в переселенческом вопросе? Как нам кажется, негативную роль в подобном развитии событий сыграл министр внутренних дел граф Д.Н. Блудов, который в своих сохранившихся записках на высочайшее имя неоднократно выступал против поселения евреев в Сибирь. Из упомянутых записок и сопроводительных к ним документов следует, что Блудов неоднократно имел с императором беседы на данную тему. Главное, по мнению Д.Н. Блудова, — не допустить возникновения негативного влияния евреев на немногочисленное русское православное и инородческое население сибирских земель. Для этого необходимо было всеми возможными путями не допускать увеличения числа евреев в Сибири, а уже имевшихся — обращать в православие.

Как бы то ни было, переселение евреев в Сибирь было не просто приостановлено. Вскоре последовало распоряжение о возвращении всех переселенческих партий на прежнее место жительства или направлении их в Херсонскую губернию, где их водворением должно было заняться недавно созданное Министерство государственных имуществ во главе с гр. П.Д. Киселевым. Распоряжение об этом было направлено Блудовым всем губернаторам, через чьи губернии могли проходить евреи-переселенцы. Ответные рапорты губернаторов позволяют оценить реальные масштабы переселенческой кампании. Согласно им, на конец 1836 — начало 1837 года на пути в Сибирь было не более 100 евреев, воспользовавшихся дарованным им правом водвориться в Тобольской губернии. Все они были перенаправлены в Херсон.

Однако одна группа переселенцев успела прибыть в Тобольскую губернию в конце 1836 г. В связи с этим полученное распоряжение Блудова вызвало замешательство у местных губернских властей. В Петербург 5 июля было направлено донесение, в котором сообщалось, что еще до 5 января 1837 г. в Сибирь прибыла партия евреев из Могилевской губернии и Белостокской области численностью 36 душ обоего пола, и ставился вопрос, как следует поступить с этими евреями[37]. По-

требовалось вмешательство Николая I, который передал решение этого вопроса на усмотрение самих евреев. Статс-секретарь А.С. Танеев писал по этому поводу Блудову: «Государь Император рассмотрев всеподданнейшую записку […] от 8 июля […] изволит считать несправедливым евреев сих вновь переводить. Но Его Императорское Величество повелевает предоставить им или переселиться в Херсонскую губернию или остаться на месте с подтверждением правилам принятым отныне для евреев в Сибири находящимся»[38]. Воспользовавшись этим правом, 32 еврея решили остаться в Сибири, и только четверо приняли решение вернуться в Европейскую Россию.

Этот сюжет заставляет усомниться в сложившемся в литературе стереотипе, в соответствии с которым более 1 тыс. евреев переселилось в Сибирь в 1836 г. Изучение архивных фондов позволило нам найти любопытное дело, которое проливает свет на дальнейшую судьбу осевших в Омской области евреев.

В середине 1840-х гг. 32 омских еврея напомнили о себе. Это было связано с делом об освобождении их от податей и повинностей. В январе 1843 г. последовало высочайшее повеление Николая I на решение Комитета министров по представлению министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева: «Дозволить сим евреям остаться навсегда на отведенном им в омской области участке земли, а затем участок сей исключить из оклада»[39]. Таким образом, просители получили 480 дес. удобной земли в бесплатное пользование сроком на 25 лет.

В ноябре 1853 г. Западно-Сибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд докладывал П.Д. Киселеву о просьбе доверенных от евреев Шимона Лейбина и Мордуха Минского разрешить им переселиться в Екатеринославскую губернию. В записке было указано, что речь идет о тех самых 32 евреях, которым было разрешено поселение в Омской области в 1837 г. Прожив в Сибири 16 лет, они столкнулись с рядом проблем. Так, указывалось, что они не имеют возможности заниматься в прежних размерах хлебопашеством и скотоводством вследствие притеснения их от водворявшихся переселенцев из великороссийских губерний. Кроме того, сказывались последствия запретительного законодательства: «При постоянном уменьшении в здешнем крае евреев, они встречают крайнее затруднение как в образовании своих детей по иудейскому закону, так и в выдаче в замужество дочерей»[40].

Переселение в Новороссию должно было, по их мнению, решить эти проблемы. Евреи готовы были двинуться в путь по получении разреше-

ния за собственный счет. В Петербурге не стали возражать, согласившись с тем, что «переход их [евреев — *В.Ш.*] в Екатеринославскую губернию будет соответствовать цели правительства относительно уменьшения в Сибири числа евреев»[41]. При этом в ведомстве П.Д. Киселева выдвинули свои условия: переселиться за свой счет, не требовать от государства новых налоговых льгот, внести на обеспечение своего водворения в Новороссии за каждое семейство 175 руб. серебром на счет Попечительского комитета об иностранных поселенцах Южной России[42].

Летом 1854 г. Гасфорд докладывал в Петербург, что по объявлении им условий евреи заявили об отсутствии у них достаточных средств для переселения и о том, что они вынуждены будут остаться на жительстве в Сибири[43].

Практический результат переселенческой кампании 1835–1836 гг. был неоднозначен. Главным достижением властей можно признать введение официального запрета на переселение и проживание евреев в Сибири. Разработанные Д.Н. Блудовым «Правила» определили принципы жизни немногочисленной еврейской общины Сибири. В первую очередь они касались ссыльных и каторжников, оказавшихся на этой территории. Именно каторга и ссылка во второй трети XIX в. стали основным источником пополнения сибирского еврейства: на 1849 г. в Тобольской губернии проживало 785 душ обоего пола[44], а в Томской губернии — 1482 души обоего пола[45]. То есть всего за 15 лет официальная численность еврейства в двух сибирских губерниях выросла почти в 3 раза. Одним из основных мест средоточия еврейской жизни Западной Сибири стал к середине XIX в. г. Каинск, в котором, по оценке современника, «большая часть жителей […] евреи, переселенные за сделанные ими преступления и более за контрабанду»[46].

В середине XIX в. ссылка и каторга начинают постепенно терять свое значение в формировании еврейской общины Сибири. Так, в марте 1860 г. одним из департаментов Министерства юстиции была подготовлена справка для Еврейского комитета, в которой указывалось, что «в течение минувшего года Судебными палатами приговорено евреев: к высылке в Сибирь на поселение — 12, на жительство — 12, к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства — 40 и к заключению в работные дома 35 человек».[47] Даже с учетом присоединившихся к приговоренным немногочисленных членов их семей этот источник не может рассматриваться как один из ведущих в формировании сибирской еврейской общины.

Водворившись в Сибири, евреи были выброшены за рамки привычного для них правового поля черты оседлости. В местах нового проживания они оказались в центре непростой юридической коллизии: с одной стороны, на них стремились распространить те же нормы, что действовали в пределах черты оседлости, с другой стороны, они подпадали под юрисдикцию Устава о ссыльных, и, кроме того, они оставались подданными Российской империи со всеми вытекающими последствиями. Юридическая неразбериха дополнялась множеством циркуляров, инструкций, решений, высочайше утвержденных мнений и прочих правовых актов более частного характера.

Как следствие, еврейское население в Сибири оказывалось в наиболее бесправном положении, и требовались колоссальные усилия, чтобы не только добиться юридической справедливости, но и заставить местные власти соблюдать законы.

Таким образом, к началу пореформенного периода в Сибири, несмотря на противодействие властей, активно шло формирование еврейской общины. Ссылка, а позднее естественный прирост населения стали основными источниками для этого процесса. Отличные от черты оседлости условия жизни, отсутствие сегрегации заставляли евреев стремиться к эмансипации и обретению своего места в экономической и социокультурной жизни Сибири.

Примечания

[1] *Никитин Н.В.* Евреи земледельцы. СПб., 1887. С. 207.

[2] *Белковский Г.Б.* Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905. С. 11.

[3] *Ф.В.* Евреи в Сибири // Восход. Кн. 9. СПб., 1887. С. 1-8.

[4] *Островский Ю.* Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 13.

[5] *Мыш М.М.* Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1914. § 247.

[6] ПСЗ. Изд. II. Т. 12. Ч. 1. № 9843.

[7] ПСЗ. Изд. I. Т. 18. № 18880.

[8] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Ф. 20. Л. 148 об.–149.

[9] Там же. Л. 149.

[10] Там же. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 273. Л. 1.

[11] Там же. Л. 3.

[12] Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2728. Л. 9.

[13] Там же. Л. 14.

[14] Там же. Л. 15–15 об.

[15] Там же. Л. 19.

[16] Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260. Л. 3 об.
[17] Там же. Л. 4–4 об.
[18] Там же. Л. 5–5 об.
[19] Государственный архив Алтайского края. Ф. 3. Оп. 1. Д. 575. Л. 130.
[20] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Ф. 960. Л. 4.
[21] Там же. Д. 959. Л. 1–1 об.
[22] Там же. Л. 3.
[23] Там же. Л. 44–44 об.
[24] Там же. Л. 50.
[25] Там же. Л. 50 об.
[26] Там же. Л. 46.
[27] Там же. Л. 50.
[28] Там же. Л. 57.
[29] Там же. Л. 59 об.
[30] Там же. Л. 17–20.
[31] Там же. Л. 102.
[32] Там же. Л. 107.
[33] Там же. Д. 960. Л. 84–131 об.; Д. 962. Л. 56–76 об. Подсчет наш — *В.Ш.*
[34] Там же. Д. 959. Л. 107 об.
[35] Там же. Л. 120–120 об.
[36] Там же. Л. 120 об.
[37] Там же. Д. 960. Л. 165–166.
[38] Там же. Л. 185.
[39] Там же. Оп. 10. Д. 9352. Л. 14.
[40] Там же. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20045. Л. 2.
[41] Там же. Л. 2 об.
[42] Там же. Л. 13.
[43] Там же. Л. 14–14 об.
[44] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVII. Ч. 1. Тобольская губерния. СПб., 1849. С. 37.
[45] Там же. Ч. 2. Томская губерния. СПб., 1849. С. 82.
[46] Там же. С. 95.
[47] РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 51. Л. 81–81 об.

Максим Пулькин
(Петрозаводск)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА: РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ВСТРЕЧА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ (по материалам европейского Севера России)

Отношения российской губернской администрации и евреев за пределами черты оседлости — пример странного регулирования направлений миграции разнообразных масс поднадзорного населения. С одной стороны, на европейский Север продвигались небольшие группы искателей счастья за пределами черты, сразу попадавшие под строгий полицейский надзор и нередко подвергавшиеся выселению в связи с отсутствием документов, необходимой квалификации и т.д.[1] Все эти события самими страдальцами и даже некоторыми чиновниками расценивались как необыкновенно суровые испытания. С другой стороны, навстречу принудительно водворяемым в пределы черты евреям продвигались столь же немногочисленные ссыльные, пребывание которых на европейском Севере и в Сибири строго лимитировалось. Они также оказывались под усиленным гласным надзором полиции и жандармерии.

Проблема политической ссылки евреев более или менее обстоятельно изучена по сибирским материалам. Материалы европейского Севера для исследований такого рода привлекались значительно реже. Между тем они содержат информацию о местах пребывания ссыльных, времени и обстоятельствах их перевода из одного места отбывания наказания в другое (более или менее суровое), отношении к ним местного населения, способах добывания средств к существованию, религиозной жизни наспех формирующихся иудейских общин в тех городах европейского Севера (прежде всего Архангельской губернии), где прежде не появлялся ни один еврей. В то же время из-за плохой

сохранности так называемых поднадзорных дел в настоящее время представляется невозможным дать обобщающую статистическую картину средних сроков пребывания в ссылке, а также изменения численности ссыльных евреев в исторической динамике. Задача данной статьи — исследование проблемы адаптации евреев-ссыльных в новых для них местах проживания с опорой на обнаруженные в ряде архивов источники.

Из трудов предшественников известно, что случаи ссылки евреев под гласный надзор полиции по уголовным делам были крайне редки. Анализ сибирских материалов подтверждает это наблюдение. По мнению современного исследователя проблемы С. Курас, «самыми распространенными составами преступлений были политические, например, участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя». Более того, «национальные преступные группы создавались только для единичных преступлений с целью получения денег на революционные нужды»[2]. Материалы европейского Севера не дают оснований для категорических суждений о мотивах преступлений. В 1892 г. из Московской губернии в Олонецкую были сосланы супруги Пивниковы. Как указывалось в сопроводительных документах, «за тайное похищение и сокрытие денежных бумаг». Они были «присуждены к лишению всех особенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Олонецкую губернию с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного им для жительства»[3]. Но в то же время именно евреи составляли весьма значительный процент среди политических ссыльных, отправлявшихся под гласный надзор полиции в разные губернии России, прежде всего в Сибирь и на европейский Север. Это не случайно. «Еще с середины 1880-х годов постоянный и все возрастающий приток еврейской молодежи в социалистическое движение создал несчетные связи между еврейским народом, или, во всяком случае, значительной его частью, и делом революции»[4]. Представление об участии евреев в революционном движении дает простая статистика общего роста числа приговоренных к каторжным работам за политические преступления. До 1890-х гг. евреи составляли 11% из числа осужденных за политические преступления, в 1897 г. эта цифра составила 18,7%, а к 1898 г. поднялась до 24,8%[5].

Следствием этих изменений в сознании евреев стало появление множества политических ссыльных на северных окраинах европей-

ской части империи и в Сибири. В частности, Архангельская губерния с ее суровым климатом стала местом отбывания наказания. Правовой статус всех ссыльных определялся Уставом о ссыльных 1822 г. и Уложением о наказаниях 1845 г., и для евреев в данном случае не существовало исключительных условий. Однако в судьбе еврейского народа в России политическая ссылка имела особое значение. Для российского правительства она стала способом борьбы с набирающим силу революционным движением, а для самих евреев — серьезным источником пополнения иудейских общин на окраинах государства. Известно, что ссылка в Сибирь привела к тому, что, как утверждали современники событий, «подавляющее большинство евреев, как в Иркутске, так и в Иркутской губернии — потомки ссыльных»[6]. В отличие от преступников-выходцев из других этнических групп, евреи старались «закрепиться на месте поселения, завести хозяйство и быть полезными этому краю»[7]. Другие исследования указывают и на иные особенности поведения: ссыльные евреи «включались в хозяйственную жизнь сибирского края, не прерывая, однако, связи со своими единоплеменниками черты оседлости»[8]. Повсюду эта особенность их поведения влияла на формирование еврейских общин. Некоторые из ссыльных явно отличались от местного населения более высоким уровнем образования. Так, по данным за 1880 г., в городе Олонце проживал Герман Фронштейн, который «окончил курс наук» в Политехническом институте в Цюрихе[9].

В других губерниях европейского Севера России наблюдались аналогичные закономерности. Изучить их позволяют данные фондов губернских правлений, жандармерии и полиции. Наибольшее количество документов об отбывании ссылки евреями сохранилось в обширном Архангельском архиве — это предписания местного губернатора и рапорты полиции о поведении ссыльных. Все эти источники рисуют удручающую картину. Как указывалось в рапортах уездных исправников, в обязанности которых входило наблюдение за ссыльными, «положение этих людей, весьма бедных и обремененных семействами, очень тяжелое, ибо по закону они не имеют права на пособие от казны». В то же время «по званию евреев, живущих вне черты оседлости, они не имеют права и на торговлю, даже мелочную, к которой они все способны». Другие занятия, приносящие доход, в местах ссылки невозможны. Для местного населения источником доходов оставались промыслы в море и на реках, требующие особых навыков, прививаемых

родителями с детства. Ясно, что для евреев такой источник доходов оставался недоступным.

Иногда насущные вопросы существования евреев решались по инициативе самих ссыльных при активной поддержке со стороны человеколюбивого губернского начальства. Так, в 1892 г., судя по выписке из приговора, губернское начальство озаботилось судьбой супругов Абрама и Мендель Пивниковых. В процессе выяснения обстоятельств жизни ссыльных выяснилось, что они «состояния хорошего, ведут образ жизни приличный». Но в то же время их финансовое положение представлялось чрезвычайно затруднительным: «занятий и средств к жизни не имеют, что можно заключить из поданного Пивниковыми прошения о выдаче им кормовых денег». Во время врачебного осмотра оказалось, что «дальнейшее пребывание Пивниковой в Повенце будет вредно для ее здоровья в силу суровости климатических условий и резкости их перемен»[10]. Из Вытегры супруг, бросив жену, бежал, покинул Россию и скрывался от следствия в Лондоне, заложив тем самым стабильную традицию, не прервавшуюся до нашего времени[11].

Решения губернских властей в отношении ссыльных не всегда оставались столь либеральными. В том случае, если появлялась опасность конкуренции между ссыльными и местным населением, немедленно принимались значительно более жесткие решения. Так, попытка одного из ссыльных евреев, Х. Юделевича, заняться торговлей в Мезени на вполне законных основаниях была пресечена акцизным чиновником «по неимению свидетельства». Получить документ оказалось невозможным из-за отсутствия закона, разрешающего евреям торговлю в Мезени[12]. Можно сказать, что этот северный город стал местом тяжелых испытаний для ссыльных евреев. В 1871 г. братья Мендель и Борох Яршенские составили прошение на имя архангельского губернатора, в котором подробно описывали свое положение. Оказалось, что местная больница не способна оказывать помощь: «к излечению больных нет медикаментов». Ссыльные, не имеющие собственных сбережений и вынужденные трудиться, не могут найти заработок. Как говорилось в прошении, «хотя есть завод, но евреев не принимают, так как господин исправник не может ручаться за нас в поведении»[13].

В Пинеге ситуация оказалась аналогичной. Суровой зимой 1870 г. в полицейское управление явился «высланный на жительство» еврей Иосель Хаймович с женой и детьми. Зайдя в помещение, он решительно заявил, что не получает от казны «никакого пособия», не имеет

собственных средств, не может найти заработков, «которые бы могли сколько-нибудь обеспечить его существование с семейством». По всем этим причинам он в настоящее время остается «без куска хлеба, без копейки денег, без квартиры и без теплой одежды». Хаймович просил «поместить его в кухне при полицейском управлении» или перевести его «в такую местность, где бы он мог зарабатывать деньги на содержание себя». В противном случае, утверждал И. Хаймович, «безвыходное положение неминуемо повлечет за собой преступление»[14]. В подобной ситуации находились и многие другие высланные в Пинегу евреи. Информировав о происходящем губернатора, пинежский исправник получил хладнокровный ответ: «Не признаете ли вы возможным уволить их (евреев — *М.П.*) в уезды для заработков на непродолжительное время?»[15].

Примерно такая же ситуация сложилась в Холмогорах. Один из ссыльных евреев, Иосель Юделевич, отправлял на родину «плачевные письма», в которых рассказывал о своей тяжкой участи. Как оказалось, он жил в городе, в котором «ничего не может заработать». Местные жители воспринимали ссыльных предельно враждебно: «наибольшая часть тамошнего населения состоит из старообрядцев, ненавидящих евреев и не имеющих к ним решительно никакого сострадания». Муки голода дополнялись переживаниями из-за невозможности исполнять религиозные предписания. В Холмогорах отсутствовала возможность «соблюдать обряды своей веры», в Песах вместо опресноков (мацы) пришлось есть обычный хлеб, «что в еврейской вере сопряжено с анафемой»[16].

Но и в тяжелых условиях обнаруживались возможности для адаптации. Некоторые евреи, невзирая на суровые запреты и ограничения, начинали заниматься торговлей, многие из них получали из казны «пособие на содержание и наем квартиры» в установленном размере[17]. В местах ссылки евреев спешно формировались религиозные общины, получившие право избирать раввинов. Поэтому иногда возникали парадоксальные ситуации: отдельные политические ссыльные крайне неохотно возвращались в те места, откуда были высланы. Первое из дел подобного рода датировано 1879 г., когда пинежская полиция озаботилась высылкой из города еврея Шмуйля Левина. Оказалось, что бывший поднадзорный всеми силами старался закрепиться в Пинеге, где занимался слесарным мастерством. В ответ на требование покинуть губернию Левин отправился в Архангельск, где выдержал экза-

мен на звание мастера и получил документы, дающие право проживать за пределами черты оседлости и выполнять заказы местных жителей. Этот отчаянный поступок не позволил Левину избежать высылки. Вновь на эту проблему пришлось обратить внимание в 1887 г. Архангельское губернское правление указало местной полиции на странные повороты судеб политических ссыльных. Последние, подчеркивало правление, «не имеют права оставаться на постоянное жительство в том районе, куда они высланы, ибо по закону евреи обязаны проживать в черте еврейской оседлости»[18].

Вскоре гонения со стороны местной власти дополнились жалобами местных евреев, желающих как можно скорее избавиться от удачливого конкурента, пусть и собрата по несчастью. Как указывал в прошении состоящий под надзором полиции еврей Арон Калека, в Пинеге «большею частью проживают евреи бедные, не имеющие средств к жизни, а те средства, чрез которые бедные евреи могли бы пропитаться, Левин их лишил». Все попытки избавиться от него, в том числе и «енергичные меры» местного начальства, не приводят к успеху: Левин «под предлогом ложных причин» отказывается уезжать. Его экономические успехи впечатляли: Левин создал слесарную, сапожную, «портную» и серебряных дел мастерские и открыл ломбард[19]. По распоряжению губернского правления выданные Левину документы были аннулированы, он лишился права проживания в губернии и выехал, как говорилось в рапорте архангельского полицмейстера, «в какую местность — неизвестно»[20].

В начале XX в. европейский Север оставался местом отбывания наказания. По сведениям современников, евреи составляли значительный процент среди ссыльных, отправленных в Вологодскую губернию. При этом проявилась следующая закономерность: многочисленные ссыльные находились в самой Вологде в первые годы XX в. Но к 1909 г. здесь произошли существенные перемены: в губернском городе остались единицы, «так как администрация окончательно решила не оставлять в губернском городе ссыльных евреев»[21]. К концу 1909 г. в Вологде находилось 15 ссыльных, в том числе 10 мужчин и 5 женщин, «причем из первых двое были женаты и имели малолетних детей»[22]. Положение всех находящихся в Вологде ссыльных евреев, по свидетельству современников, было вполне сносным: некоторые из них имели возможность выписывать газеты, в том числе партийные издания на русском и еврейском языках[23].

Вологодские евреи-ссыльные пользовались малейшей возможностью для того, чтобы остаться на жительстве за чертой оседлости. Так, в 1908 г. вологодская полиция, подобно архангельским коллегам, столкнулась с неожиданной проблемой: находящийся под гласным надзором полиции мещанин еврей Ю.Г. Плисницкий, «сделавшись свободным человеком», продолжал жить в Вологде. Полиция незамедлительно приняла меры для выдворения ссыльного в черту оседлости[24]. Такой же оказалась участь еврея Моисея Шершевского. Отбыв наказание в Архангельской губернии, он отчаянно пытался закрепиться в северном крае, занялся коммерцией, но полиция изгнала его[25]. Некоторые из ссыльных оказывались в тяжелом положении (несравнимом, конечно, с положением политических заключенных в сталинское время).

Решение проблемы в этом случае состояло опять-таки в выселении, которое при данном варианте развития событий становилось гуманной мерой. Так, купеческий сын и активный участник революционной организации Моисей Раскин указывал в своем прошении, что, будучи в 1908 г. выслан в Вологодскую губернию, не имел «никаких личных средств к существованию». Развитие событий в данном случае показывает, что в отношении евреев режим пребывания в ссылке не отличался жестокостью. В связи с отсутствием предосудительных поступков за время отбывания ссылки ему разрешили благополучно выехать за границу[26]. Несколько лет спустя аналогичная попытка другого еврея-политического ссыльного не увенчалась успехом. В 1910 г. с просьбой о выезде за границу к архангельскому губернатору обратился И.М. Яновский, «изобличенный в принадлежности к еврейской партии “Пролетариат”». Департамент полиции МВД, получив запрос, отказал в просьбе[27].

Пользуясь послаблениями, некоторые политические ссыльные продолжали революционную деятельность и в новой, непривычной обстановке. Сосланный из г. Брест-Литовска еврей И.М. Избицкий был «изобличен в том, что, отбывая гласный надзор полиции в городе Холмогорах, примкнул к местной группе политических ссыльных партии социалистов-революционеров». Считая это новым проступком, министр внутренних дел распорядился выслать виновного в Печерский край, далекий от морского побережья и считающийся еще более суровым по сравнению с Холмогорами[28]. Прошения его жены, указания на заболевание туберкулезом и на необходимость постоянной медицинской помощи, отсутствующей в новом месте ссылки, не возымели дей-

ствия[29]. В 1907 г., во время внезапного обыска, у проживающего в Холмогорах политического ссыльного еврея Ирмы Бергера обнаружился «экземпляр последнего издания партии социалистов-революционеров», брошюра под красноречивым названием «Голос социалиста-революционера». В ней объявлялась «тактика беспощадной борьбы с правительством». Как утверждал начальник Архангельского жандармского управления, найденная брошюра указывала «на близость и особое доверие», оказываемое эсерами И. Бергеру. Последний был арестован и доставлен в Архангельск, где на допросе «дал уклончивые ответы». В наказание за проступок И. Бергер был отправлен в Мезень. Его жалобы на ухудшение положения, тяжелые болезни и необходимость квалифицированного лечения беременной жены не возымели эффекта[30].

В материалах делопроизводства имеются прямые указания на побег некоторых евреев из мест ссылки. Один из местных уездных исправников доносил губернатору о трудностях из-за появления в числе ссыльных «значительного числа лиц еврейского происхождения». Некоторые из них, говорилось далее в документе, «приобрели от евреев из западных губерний фальшивые виды и бежали из губернии». Встал вопрос о постоянном «наблюдении за перепиской сомнительных евреев». Но лица, «которые могли бы читать письма на еврейском языке», в губернии отсутствовали. Пришлось обратиться к воинскому начальнику с просьбой найти в местном батальоне лояльных «лиц еврейского происхождения» и возложить на них обязанность переводить письма, заключающие в себе «что-либо предосудительное»[31].

Покорные или, по крайней мере, более осторожные ссыльные евреи оказывались в значительно более благоприятном положении. Так, в 1907 г. в Архангельскую губернию за принадлежность к «боевой партии еврейских колбасных мастерских» и подстрекательство к забастовкам был сослан из города Новоалександровка некто Шмуль Вайнберг. Местом пребывания для него местное начальство избрало город Пинегу. Изначально его положение оказалось более благоприятным, чем у многих его современников и сотоварищей по борьбе с самодержавием: он получал от казны пособие «на содержание и наем квартиры в размере, установленном для лиц простого звания». Как указывалось в отчете местного полицмейстера, «во время нахождения под надзором полиции» Ш. Вайнберг «вел себя хорошо», т.е. отказался от политической деятельности. Поэтому в ответ на его прошение о переводе в Архангельск последовал положительный ответ губернатора[32]. В 1909 г.

вполне благоприятным образом решилась судьба другого политического заключенного еврея Б.Ш. Баумгартена, сосланного в Архангельскую губернию по обвинению в принадлежности к партии Бунд. Оказавшись в суровом северном крае, несчастный заболел и обратился с прошением о переводе в местность с более благоприятным климатом. Его прошение было удовлетворено: вскоре Департамент полиции МВД разрешил местному губернатору «ввиду болезни» отправить Баумгартена для лечения в Астраханскую губернию[33].

Значительную роль в стабилизации еврейских общин на европейском Севере сыграли административные меры российского правительства. Из-за большого числа евреев-политических ссыльных, длительное время проживающих в Архангельской губернии, иудейские общины появлялись даже в небольших городах. В 1870 г. пинежский уездный исправник установил, что во вверенном ему городе состоит «частию под надзором полиции, частию на жительстве» 28 евреев обоего пола, «обязанных по религиозному закону своему собираться от времени до времени в одно место для отправления общественных молитв и богомолений». Исправник ходатайствовал перед губернатором о разрешении пинежским евреям избрать раввина и собираться для богослужений. Полученный из Архангельска ответ был положительным. Как видно из журнала Архангельского губернского правления, евреям разрешили «собираться в одном из домов, занимаемых ими», «под наблюдением благонадежного товарища, которого представить им избрать для отправления должности раввина»[34]. Ободренные этим успехом, пинежские евреи в 1872 г. обратились к начальству с новой просьбой. В небольшом городе, утверждали они, находится 29 еврейских семейств. По «еврейскому закону» они нуждаются в особой бане (микве), «без которой они, в особенности женский пол и преимущественно зимою, до крайности стеснены». Новое решение губернского правления было отрицательным. Губернатор приказал передать евреям, что они «не составляют и не могут составлять какого-либо отдельного общества, а проживают в городе Онеге на исключительном положении и постоянной оседлости в Архангельской губернии иметь не могут»[35], что означало запрет на возведение миквы.

Избрание раввина и начало более или менее регулярных богослужений в Пинеге проложило путь для формирования иудейских общин в других малых городах Архангельской губернии. В 1875 г. евреи, проживающие в городе Онеге, избрали раввином местного ссыльного

Цигеля Фишера «для исполнения им религиозных обрядов» и ведения метрических книг. В Холмогорах обязанности раввина исполнял Хаим Либерман, в Шенкурске на эту должность «избран из среды евреев» Лейба Надецкий, в Кеми вел метрические книги, совершал обряды и выполнял прочие обязанности раввина П. Лейдервудер[36]. В городе Коле раввина не было, и единственный проживающий в ней ссыльный-еврей Савич со своим семейством «исполнял молитвословие» индивидуально в своей квартире[37]. В 1874 г. при избрании раввина в городе Мезени «еврейское общество» раскололось на две непримиримые «партии», каждая из которых предлагала собственного кандидата. В итоге вопрос решило губернское правление, избрав из двух претендентов того, которого поддержало большинство местных евреев[38].

Далеко не везде складывались благоприятные условия для деятельности раввинов: действовать приходилось при незначительной численности общин, тяжелых экономические обстоятельствах и ощущении отверженности. В 1877 г. вспыхнул спор между новоизбранным раввином Холмогор Х. Либерманом и местным еврейским сообществом. В своем прошении на имя архангельского губернатора раввин обращал внимание на добропорядочное, несмотря на полное отсутствие оплаты, исполнение своих обязанностей: «Строго следя за соблюдением наших обрядов, мне редко удавалось, после больших усилий, собрать находящихся на жительстве в городе Холмогорах евреев на моление в шабат и на молебны». Истоки своих неудач Либерман видел в положении ссыльных: «…они здесь сосланы на жительство и не желают строго соблюдать обряды». Усердие в исполнении пастырских обязанностей, по утверждению Х. Либермана, стало причиной конфликта: «После неоднократных увещаний с моей стороны, я, наконец, увидел, что старания мои совершенно напрасны и что я своими увещаниями только вооружил против себя своих единоверцев»[39]. Последнее утверждение оказалось верным: вскоре на имя губернатора поступило прошение от «сосланных на жительство» холмогорских евреев с жалобами на Х. Либермана. Как говорилось в нем, они наняли раввина, чтобы тот осуществлял «предписанные иудейским законом службы, молебны и другие требы». Вместо этого Либерман занялся «пьянством, развратом, кляузами и возбуждением дел, от чего утруждает начальство и не только в нашем еврейском обществе делает вред, но и местным жителям». Евреи просили удалить этого «вредного члена» в г. Мезень.

Холмогорский исправник, к которому архангельский губернатор обратился за разъяснениями, поддержал «еврейское сообщество». Как говорилось в рапорте, «ропот их совершенно основателен», поскольку Либерман «не только в самом деле уклоняется от своих обязанностей, и отказывается от исполнения треб, положенных законом иудейским, но к тому же личность весьма сомнительного поведения и неблаговидного образа жизни». Конфликт между ним и сосланными на жительство евреями исправник считал виной исключительно Х. Либермана: «Сосланные здесь евреи люди все не образцовой нравственности, и потому не трудно составить понятие о личности Либермана, если даже эти последние отвернулись от него, прекратив с ним всякие сношения». Итог рассуждений исправника оказался вполне предсказуемым: «Ходатайство евреев заслуживает внимания, а затем и удовлетворения». Так и произошло: по резолюции губернатора Х. Либерман был отстранен от исполнения обязанностей раввина, а евреи получили право «избрать из среды своей для исполнения обязанностей раввина другого более благонадежного еврея». Оставаться длительное время без наставника холмогорские евреи не могли, и местное начальство поддержало энергичные поиски нового раввина. В апреле 1878 г. полицейский надзиратель Холмогор пригласил к себе в квартиру некоторых проживающих в городе евреев и предложил им избрать вместо Либермана нового раввина, «благонадежного еврея», способного вести метрические книги и исполнять необходимые обряды. Все собравшиеся единогласно избрали состоящего под надзором полиции Ицко Каранта, который впоследствии был утвержден на эту должность губернатором[40].

Итак, политическая ссылка стала существенным фактором в распространении еврейских общин на территории европейского Севера России, в тех населенных пунктах, где прежде о евреях знали только из текста Библии. Положение евреев-политических ссыльных было дифференцированным: одни из них имели статус административных ссыльных, и по этой причине необходимые денежные средства на наем квартир и продукты у них отсутствовали; другие оказались в лучшей ситуации, регулярно получая пособие от казны. Существенным образом отличалось положение ссыльных, проживающих в Архангельске и Холмогорах, от положения тех несчастных, кто был сослан в Пинегу и Мезень. В двух последних городах отсутствовала медицинская помощь и возможность заработка, а население относилось к евреям более враждебно.

Безусловно, политическая ссылка стала источником тяжких страданий для значительного числа евреев, вырванных из привычной жизни и отправленных для отбывания наказания на территории, климатические условия которых требовали специальных, формируемых на протяжении столетий навыков выживания. Нередко ссыльные сталкивались с враждебным отношением со стороны местного населения (прежде всего старообрядцев). Однако именно эти материалы дают представление об особой способности евреев к выживанию в чрезвычайных обстоятельствах. Вскоре после появления незначительных еврейских сообществ начиналась активная, временами даже бурная религиозная жизнь. Имелись случаи продолжения революционной деятельности (распространение прокламаций). Для некоторых ссыльных время отбывания наказания стало существенным этапом в становлении и развитии собственного бизнеса.

Примечания

[1] См. об этом подробнее: *Пулькин М.В.* Еврейское население Европейского Севера: проблемы социального конструирования (конец XIX — начало XX в.) // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 279–298.

[2] *Курас С.* Уголовно-правовая характеристика преступника-иудея, сосланного в Сибирь (конец XIX в.) // Власть. 2009. № 9. С. 149.

[3] Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 325. Оп. 1. Д. 9/14. Л. 1.

[4] *Френкель Й.* Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство. М., 2008. С. 194.

[5] *Дикур Б.Ц.* Религиозно-национальный облик русского еврейства // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 года. М.–Иерусалим, 2002. С. 324.

[6] *Войтинский В.С., Горнштейн А.Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 61.

[7] *Курас С.* Уголовно-правовая характеристика преступника-иудея, сосланного в Сибирь (конец XIX в.). С. 149.

[8] *Савиных М.Н.* Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX — начале XX в. Омск, 2004. С. 106.

[9] НА РК. Ф. 2. Оп. 5. Д. 12/317. Л. 11.

[10] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 9/14. Л. 23–23 об.

[11] Там же. Л. 48.

[12] Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 1. Оп. 12. Д. 46. Л. 3–3 об.

[13] Там же. Д. 50. Л. 2.

[14] Там же. Д. 46. Л. 10 (Рапорт пинежского уездного исправника).

[15] Там же. Л. 11 об.

[16] Там же. Ф. 1. Оп. 12. Д. 50. Л. 14–14 об. (Докладная записка купцов и обывателей города Вильна архангельскому губернатору).

[17] Там же. Оп. 4, т. 4. Д. 2769. Л. 7 (Дело о высылке Шмуля-Герша Сточека за принадлежность к еврейской группе «Пролетариат»).

[18] Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3317. Л. 2 об.

[19] Там же. Оп. 10. Д. 451. Л. 3.

[20] Там же. Л. 14 (Рапорт Архангельского полицмейстера).

[21] *Берлинраут Л.Я., Раскин М.С.* Еврейское население города Вологды. Опыт статистического обследования экономического, правового и культурного состояния еврейского населения внутренних губерний России. М., 1911. С. 50.

[22] Там же. С. 51.

[23] Там же. С. 52.

[24] Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 130. Оп. 1. Д. 1167. Л. 922 (Рапорт вологодского полицмейстера).

[25] Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3317. Л. 3.

[26] Там же. Ф. 129. Оп. 3. Д. 807. Л. 7, 20.

[27] ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 4. Д. 3133. Л. 9.

[28] Там же. Оп. 4, т. 5. Д. 320. Л. 54.

[29] Там же. Л. 75.

[30] Там же. Оп. 4, т. 4. Д. 108. Л. 19, 23, 39.

[31] Там же. Оп. 12. Д. 50. Л. 16.

[32] Там же. Оп. 4, т. 4. Д. 149. Л. 13, 16, 17.

[33] Там же. Ф. 1. Оп. 4, т. 5. Д. 161. Л. 10–11.

[34] Там же. Ф. 4. Оп. 10, т. 1. Д. 68. Л. 1, 3.

[35] Там же. Д. 110. л. 6 (Журнал Архангельского губернского правления).

[36] Там же. Д. 146. Л. 22, 39, 40, 47 (Рапорты уездных исправников).

[37] Там же. Л. 55.

[38] Там же. Д. 109. Л. 1 (Указ Архангельского губернского правления).

[39] Там же. Д. 156. Л. 5 (Прошение Либермана).

[40] Там же. Л. 9, 12; Д. 191. Л. 2, 4.

Анатолий Хаеш
(Петербург)

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ПЕТЕРБУРГСКИХ ЕВРЕЕВ С ИНОГОРОДНИМИ ПО МАТЕРИАЛАМ МВД

Постоянная задача методического аспекта еврейской генеалогии - введение в научный оборот и практику частных исследований новых источников из государственных архивов, поскольку семейные еврейские архивы, по известным причинам, плохо сохранились. Обширное законодательство Царской России, ограничивавшее права евреев, требовало для контроля над его соблюдением интенсивной деятельности чиновников. Эта деятельность, в свою очередь, порождала огромное количество документов, часть которых попала в архивы. Для генеалогов там работы — на десятки лет.

Цель статьи — познакомить специалистов с хранящимся в Российском государственном историческом архиве в фонде №1284 «Департамент общих дел МВД» корпусом из 14 дел[1], актуальность которых ясна из их названия — «О разрешении евреям жительства в С.-Петербурге при родителях, детях, родственниках и опекунах». Дела охватывают период 1906–1913 гг. и содержат около 4,3 тыс. документов, которые, судя по листам регистрации выдачи дел, совершенно не известны исследователям. Каждое дело состоит из множества прошений на одну и ту же тему — разрешить проживание в Петербурге евреям из других мест, в том числе уже приехавшим в город, но не имеющим права в нем проживать. Большинство прошений подано на имя министра внутренних дел, несколько прошений — на Высочайшее имя. Они пересланы в МВД Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений.

За каждым прошением следуют документы, приложенные к нему просителем, материалы, собранные и подготовленные Департаментом

при рассмотрении прошения и решение по нему товарища министра, положительное или отрицательное. В последнем случае, изредка подавалось повторное прошение. Оно — в том же деле, что и первичное. Все прошения расположены в деле в хронологическом порядке. Повторные прошения следуют непосредственно за первичными. Такая группировка материалов удобна для их изучения.

Рассмотрим прошения и прилагаемые к ним документы с генеалогической точки зрения.

Прошения содержит сведения о фамилии, имени, отчестве, образовании, сословии, месте приписки, адресе просителя или просителей, если их несколько. Те же сведения, дополненные указанием родства, возраста, состава семьи, приводятся о тех, за кого ходатайствуют. Подробная мотивировка прошений бесценна для биографов семьи, так как многие из них не ограничиваются составлением родословного древа, а пишут семейную историю.

Просителями в описываемых делах выступают в большинстве случаев евреи, проживающие в С.-Петербурге на законных основаниях, то есть купцы 1-ой гильдии, лица с высшим образованием (юристы, инженеры, врачи, провизоры), студенты вузов, лица со средним медицинским образованием (аптекарские помощники, дантисты, акушерки), ремесленники, николаевские солдаты и их дети, крещеные евреи.

Чтобы дать представление о сохранившихся обращениях к министру внутренних дел названных категорий просителей, приведем примеры прошений, первое из них целиком, остальные — в отрывках.

Прошение купца 1-й гильдии

Вх. 23 ноября 1906 г.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ровенского 1-й гильдии купца
Шаи Шлиомовича Ялутовера

ПРОШЕНИЕ

Занимаясь издавна, специально и беспрерывно подрядами по постройке казенных и частных зданий, как это удостоверяет ряд предъявленных аттестаций, и состоя с 1893 года купцом 2-й гильдии по г. Ровно Волынской губернии по 1903 г., я с 1903 г. плачу по тому же г. Ровно

первую гильдию, числясь в этом звании по настоящее время как это свидетельствует прилагаемое удостоверение Ровенской городской управы.

Но пребывание мое в звании купца 1-й гильдии в продолжении 4 лет не дает мне еще права постоянного жительства с семейством вне черты еврейской оседлости вообще, а в С.-Петербурге в особенности, и для приобретения этого права требуется по действующим законам (ст. 11–25 Св. Зак. т. XIV Уст. о пасп.) находиться в 1-й гильдии в продолжение не менее пяти лет.

Однако дела мои по подрядам потребовали моего пребывания в Петербурге, где я проживаю уже около 9 лет, и где мне приходится оставаться на жительстве продолжительное время до окончания подрядов.

Но жизнь моя в Петербурге, где в женской гимназии воспитывается дочь моя, без моего семейства, создала для меня лично и дочери моей, нуждающейся в материнском уходе и воспитании, ряд крайне тяжелых невзгод и вызывает двойные расходы, не касаясь уже того, что, не пользуясь правом постоянного жительства в Петербурге и приписки на правах купца 1-й гильдии, я лишен возможности самостоятельно заниматься своим профессиональным делом и вынужден либо служить у других подрядчиков, либо вести дело на правах компаньона.

Такие ненормальные условия жизни, при которых разрозненность семейства, остающегося без главы дома, отзывается с различных углов зрения крайне неблагоприятно на моем и на положении моей семьи, побуждает меня предстать пред Вашим Высокопревосходительством со скромным ходатайством: во внимание к тому, что я ни в чем предосудительном не замечен и в уважение к моему привилегированному сословию и к моим заслугам как казенного строителя, воздвигнувшего не один православный храм, в том числе и здание Ровенского собора, — оказать мне, в виде исключения, льготу, разрешив мне приписаться в купцы 1-й гильдии по Петербургу, начиная с предстоящего 1907 года в целях поселиться здесь с семейством.

В крайнем же случае разрешить моему семейству, состоящему из 4 душ, временно поселиться при мне в С.-Петербурге, чем моей семье будет оказано поистине благодеяние.

17 октября 1906. (Подпись)

Жительство С.-Петербург, 2-й Петербургской части. По Лахтинской ул. № 14 кв. 2 (Д. 105, л. 69)

Прошения лиц с высшим образованием

Вх. 28 мая 1908 г.

Директора правления Ревельского судостроительного
и механического завода
инженер-технолога Ивана Григорьевича Гершуна,
проживающего по Загородному пр. № 42.

ПРОШЕНИЕ

С.-Петербургский сиротский суд, согласно ходатайства моего, определением своим от 5 марта 1903 года за № 3706, назначил меня как единственного ближайшего родственника, опекуном моих младших племянников, круглых сирот: Нехамы-Ривки и Хаи-Фейги Секунда, родившихся 16 августа 1889 г. и 25 апреля 1893 г.. Старшей… разрешено проживать при мне и она внесена в мой вид… младшая же, благодаря расстроенному здоровью, вынуждена была в свое время остаться в г. Двинске, где обучалась в местной гимназии, находясь на попечении чужих людей… Дальнейшее ее пребывание в провинции стало невозможным… [Просит разрешить Хае Фейге Секунда жить при нем] (Д. 239, л. 53).

Вх. 8 апреля 1908 г.

Окончившего юридический факультет
Харьковского университета
Григория Израелевича Штамм,
живущего в С.-Петербурге, Петербургская сторона
по Введенская ул. № 10 кв. 13.

ПРОШЕНИЕ

В 1901 году, в силу распоряжения МВД, основанного на постановлении Общего присутствия Харьковского губернского правления от 18 октября того же года, матери моей Анне Штамм с двумя дочерьми Верой и Надеждой, как оставшимся после смерти отца без всяких средств к существованию, разрешено было проживать при мне (последним двум до замужества), как единственном старшем члене семьи…

В настоящее время в связи с переездом моим в Петербург, чего требовала моя частная служба… [они] принуждены переселиться в Петербург… [Просит разрешить матери и сестрам жить при нем] (Д. 238, л. 248).

Вх. 16 августа 1908 г.

Вольнопрактикующего врача
Юлия Марковича Блюмберга,
живущего по Тверской ул. № 3 кв. 10

ПРОШЕНИЕ

Больная и престарелая мать моя Эмма Блюмберг, живущая в г. Либаве, страдает глазной болезнью, почему крайне нуждается в медицинской помощи и совете врачей специалистов. Вследствие этого почтительнейше прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать в разрешении матери моей приезд в С.-Петербург на 3 месяца для лечения у меня на квартире, или, если встретится необходимость, в глазной лечебнице (Д. 239, л. 298).

Вх. 28 января 1908 г.

Провизора Геселя Берковича Фрейнка,
проживающего Литейной части 3 участка
по Кирочной ул. № 32\34.
Аптекарский магазин

ПРОШЕНИЕ

Моя мать, Шейна Мееровна Фрейнк, осталась вдовою. Средств для жизни не имеет. Живет она в местечке Плунгянах Ковенской губ, Тельшевского у. Ей больше 60 лет.

[Просит разрешить матери жить при нем] (Д. 238, л. 48).

Вх. 28 октября 1906 г.

Прошения студентов вузов
Ш. Банда, студента Горного института
Императрицы Екатерины Второй,
проживающий на Васильевском Острове
по 10 линии дом № 41 кв. 78.

ПРОШЕНИЕ

Мой малолетний брат Зельман Банд, 15 лет, бывший ученик Виленского коммерческого училища, по поступлении моем в сем году в Горный Институт, был мною переведен в Петербург в Коммерческое училище В.П. Туторского… Брат мой ученик 4-го класса.

Родители же мои живут в г. Минске, по Скобелевской ул. № 10. Причем отец находится по своим делам в постоянных разъездах, мать же, будучи больною, нервною женщиной, принуждена сама постоянно лечиться или в России, или заграницей. Так, например, в прошлое лето 1905 г. она лечилась у профессора Юрьевского университета Чижа в Дуббельт близ Риги. В июне сего года мать моя также ездила к названному профессору… [Просит разрешить брату жить при нем] (Д. 105, л. 102, 102 об.)

Вх. 6 ноября 1906 г.

Студента Петербургского Технологического института
Шиперовича Михаила,
живущего на Рузовской ул. д. № 29 кв. 4.

ПРОШЕНИЕ

4 октября с.г. умер мой отец, занимавший должность заведующего казенным еврейским училищем в г. Киеве и прослуживший 28 лет на педагогическом поприще Министерства народного просвещения… Я являюсь единственным кормильцем осиротевшей семьи… прошу Ваше Высокопревосходительство разрешить матери моей Рахили Шиперович, братьям Александру 20 лет, Владимиру 13 лет и сестре Эрнестине 8 лет жительство в С.-Петербурге. (Д. 105, л. 155).

Прошения лиц со средним медицинским образованием

Вх. 7 августа 1908 г.

Аптекарской помощницы
Фейги Вениаминовны Левинсон, урожд. Румановой,
живущей по Загородному пр. № 45 кв. 8

ПРОШЕНИЕ

По особому ходатайству брата моего, помощника присяжного поверенного Аркадия Вениаминовича Руманова, проживающего в Петербурге по Морской ул. № 35, г. министром внутренних дел было разрешено проживание в Петербурге матери нашей, вдове, Годе Моисеевне Румановой, 60 лет.

…Ныне для старухи матери моей проживание в квартире брата сопряжено с целым рядом страданий. Во-первых, брат мой женился и завел русский стол, и религиозные убеждения моей матери, правоверной еврейки, не позволяют ей питаться общим с братом столом, что влечет за собой для нее крайне тяжкие лишения. Во-вторых, мать моя страдает уже целый год острым ревматизмом и болезнью седалищного нерва, и в квартире брата моего она лишена необходимого ухода.

[Просит разрешить матери жить при нем] (Д. 239, л.277).

Вх. 24 октября 1906 г.

Дантистки Добы Хацкелевны Айзенберг,
проживающей в С.-Петербурге
по Забалканскому пр. 40 кв. 17

ПРОШЕНИЕ

Мать моя Блюма Шмуйловна Айзенберг, проживающая в г. Киеве по Кузнечной ул. д. № 51 кв. 6, в этом году лишилась своего мужа и осталась без определенных средств к существованию, что и повело к расстройству всего нашего дома. В настоящее время я с двумя братьями живу в Петербурге на общей квартире, а находящаяся ныне с матерью сестра наша, Хая Айзенберг, должна вследствие материальной необходимости тоже переехать сюда …

Я уже несколько лет живу в Петербурге и имею свою квартиру, работаю в зубной лечебнице…

[Просит разрешить матери жить при ней]. (Дело 105, л. 83).

Вх. 16 июня 1907 г.

Акушерки Фанни Борисовны Шалыт

ПРОШЕНИЕ

Ввиду того, что я после шестилетней службы в Сестрорецкой земской больнице С.-Петербургской губернии перевожусь в г. Петербург [прошу] разрешить матери моей Бейле Мордуховой Шалыт, вдове 63 лет, постоянно проживающей при мне, проживать в Петербурге … (Д.163, л. 344).

Прошения ремесленников и николаевских солдат

Вх. 18 февраля 1908 г.

Отставного ефрейтора 67-го пехотного Тарутинского полка,
Мстиславского мещ. Израиля Иосифова Магидова
и Мстиславского мещанина Бейнеса Иосифова Магидова,
живущих в С.-Петербурге по 5-й Роте Измайловского полка,
д. № 37\1 кв. 5

ПРОШЕНИЕ

Наша семья живет в Петербурге свыше пятидесяти лет беспрерывно, так как наш дедушка Залман Магидов переселился в Петербург еще в пятидесятых годах прошлого столетия. Он был ремесленник — золотых дел мастер и пользовался таким уважением и любовью своих товарищей по ремеслу, что некоторое время был даже старостой Петербургской ремесленной управы, несмотря на принадлежность свою к еврейству.

Своему ремеслу он обучил и своего сына, нашего отца Иоселя Залмановича Магидова, который родился и всю свою жизнь прожил в Петербурге, работая как золотых дел мастер, и обучил этому мастерству нас.

Таким образом, семья наша вот уже несколько поколений дает честных трудолюбивых людей, знающих и занимающихся золотых дел мастерством и живущих постоянно в Петербурге.

У нашего отца было четверо детей: три сына и одна дочь. Из них мы двое, Израиль и Бейнис Магидовы, как старшие содержим двух младших, брата Соломона 16 лет, обучающегося заготовочному ремеслу и сестру Пашу-Мину, 18 лет. (Мать наша умерла три года тому назад, а отец 15 лет тому назад).

Мы оба и брат наш Соломон имеем самостоятельное право на жительство в Петербурге как ремесленники. Сестра же наша Паша-Мина Магидова, хотя тоже изучала в Петербурге ремесло (корсетное), но в течение последнего года отчасти вследствие своей болезненности, отчасти вследствие общего застоя в делах не могла найти себе работу у хозяина, и потому полиция предписала ей выехать из Петербурга как не имеющей права жительства вне черты еврейской оседлости.

Между тем сестра наша никогда из Петербурга не выезжала, в черте оседлости никогда не была, условия жизни там ей незнакомы. У нее нет никого из родных вне Петербурга. Сама же она еще очень молода, болезненна и совершенно неопытна в жизни… [Просят разрешить сестре жить при них] (Д. 238, л. 79)

Вх. 14 августа 1908 г.

Бывшего рядового,
прослужившего 25 лет на военной службе
в царствование Императора Николая 1,
Ноты Ароновича Валенштейна,
живущего в С.-Петербурге
по Псковской ул. № 3 кв. 24.

ПРОШЕНИЕ

Дочь моя Бейла, по мужу Рубяжева, до замужества пользовалась правом жительства в столице. Замужем она была в течение 17 лет, так как ее муж ремесленник, то она, живя при нем, продолжала жить в С.-Петербурге. Несмотря на продолжительное совместное жительство, ей пришлось вследствие его плохого поведения с ним развестись. Она лишилась права жительства. Она уже женщина пожилая, при ней же находятся двое несовершеннолетних детей, она в настоящее время в положении и сама заработать не в состоянии… [Просит разрешить дочери и ее детям жить при нем] (Д. 239, л. 294).

Крещеные евреи подчеркивают в прошении свое вероисповедание:

Помощника присяжного поверенного
округа Петербургской судебной палаты
Александра Яковлевича Гурлянда,
живущего по Невскому пр. № 92

ПРОШЕНИЕ

… [Прошу] разрешить сестре моей Жозефине Яковлевне Гурлянд, девице иудейского вероисповедания, проживать в С.-Петербурге при своих братьях…

Основание: нас трое братьев и одна сестра, родителей у нас нет; старший брат Илья и я, Александр, живем постоянно в Петербурге, сестра до настоящего времени жила в Одессе с младшим братом Михаилом студентом Новороссийского университета. В настоящее время брат Михаил также переехал на постоянное жительство в Петербург и заканчивает образование в Петербургском университете, живя вместе со мною. Вследствие этого сестра оказалась вынужденною жить одна, вдали от нас, без родителей и близких родственников, в то время как

состояние ее здоровья требует особенно внимательного присмотра со стороны окружающих ее людей.

…как старший брат Илья, так и я, Александр, вероисповедания православного…11 октября 1906 (Д. 105, л. 28)

Просители из черты оседлости:

Вх. 20 мар. 1907 г.

Вдовы Елены Осиповны Глясс,
живущей в г. Вильне по Александровскому бульвару
д. Свядоща.

ПРОШЕНИЕ

После смерти единственной моей дочери вдовы доктора Дарии Людвиковны Жирмунской, урожденной Глясс, остались две малолетние дочери, которых я в качестве опекунши и бабушки воспитывала. Одна из них Екатерина Мироновна Жирмунская, по окончании курса в Виленском женском институте, поступила в С.-Петербурге на женские строительные курсы.

… находя пребывание молодой девушки одной в столице небезопасным, [прошу] … разрешить мне жительство в С.-Петербурге при моей внучке… до окончания ею курсов. (Д. 163, л. 188).

Большинство прошений петербуржцев — о поселении при них овдовевших матерей, реже своих вдовствующих отцов. Много реже встречаются прошения о поселении в Петербурге обоих стариков-родителей или тещи. Видимо, в первом случае старики вдвоем легче справляются с бытовыми трудностями, во втором — с прошением обычно обращается замужняя дочь.

Есть прошения петербуржцев-родителей о поселении при них овдовевших или разведенных дочерей, потерявших при замужестве право жительства, прошения о том же братьев. Старшие братья, закрепившиеся в Петербурге, просят о младших братьях и сестрах, опекуны — об опекаемых, воспитатели — о малолетних воспитанниках. Например, художник Исаак Израилевич Бродский просит в 1913 г.:

…Имею несовершеннолетнюю сестру Раису, с детства лишившуюся кормильца отца, учившуюся на мои средства до сего года в Петер-

бургской Консерватории и вынужденную оставить ее из-за серьезной болезни рук. Я как старший и единственно устроившийся брат ее, желал бы дать ей возможность продолжить образование и научиться какой-нибудь иной специальности, чем ставшая для нее недоступной музыка. Но, не располагая, с одной стороны, средствами, для того чтобы содержать и учить ее в ином городе, чем Петербург, где я имею постоянное местожительство, а с другой стороны, сталкиваясь с таким обстоятельством, что сестра моя Раиса, как и я, иудейского исповедания, и потому не располагает правом жительства в черте столицы, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить сестре моей Раисе Бродской, дочери купца 2-й гильдии гор. Ногайска Таврической губ., проживать при мне… (Д. 701, л.184–185).

Просители часто подтверждают факты документально. О рождении и смерти прилагают копии метрических актов. Не все их подлинники сохранились в фондах раввинатов, а иногда там и не существовали. Например: за неимением в местечке Краснополье Чериковского уезда общественного раввина справку о смерти там 18 октября 1892 г. дантиста Иегуды-Лейба Давидова Раева выдал Краснопольский мещанский староста (Д. 105, л. 225). Удостоверение о рождении Песи-Бейли Янкелевны Симкиной в Горках в январе 1897 г. вообще не было зарегистрировано в метрической книге и выдано по свидетельским показаниям (Д. 700, л. 85).

О состоянии здоровья стариков, а именно о них большинство прошений, прилагаются подробные свидетельства врачей, особо значимые для генеалогов, интересующихся наследственными болезнями. Среди приложений также удостоверения с места работы и учебы, копии паспортов, свидетельства о благонадежности. Особую ценность представляют посемейные списки, документ почти не встречающийся в семейных архивах и редкий в архивах государственных. По структуре он аналогичен ревизской сказке, но относится к концу XIX — началу XX в., когда сказки уже не составлялись. Список определяет родословие семьи на два-три поколения. В исследованных делах нами обнаружено 45 посемейных списков:

Посемейные списки по алфавиту фамилий
(РГИА. Ф. 1284. Оп. 224)

Фамилия, имя, отчество, место приписки	Год составления	Дело №	Листы
Айзенштейн Вульф Гершкович, полтавский мещанин	1895	315	10–11
Александр Мовша Абрамов, шкловский мещанин	1875	581	75–76
Альтшулер Абрам Меерович, мещанин Вильямпольского общества	1898	315	128–129
Аронов Гамшей Ицков, оршанский мещанин Смольянского общества	1908	581	33–34
Берловиц Хая-Тельза, виленская мещанка	1909	315	155–156
Блюмберг Бер Янкелевич, либавский мещанин	1906	700	35–36
Вейнберг Лейзер Беньямин, рижский мещанин	1910	510	8–9
Волковыский Леонтий Самуйлов, горецкий мещанин	1897	383	271–172
Волошин Абрам Гамшеевич, одесский мещанин	1895	316	117–118
Гиндин Арон Абрамов, полоцкий мещанин	1874	510	13–14
Гинзбург Хаим Абрамов, минский мещанин	1904	580	235–236
Глокман Иосель Пинхусович, дусятский мещанин	1876	383	2–3
Гордин Лейвик Сроелевич, двинский мещанин	1912	581	241–242
Гринблат Шама Абрамович, мещанин г. Винница	1891	510	140–141
Жилов Мовша Залманов, двинский мещанин	1875	315	56–57
Иофе Кадеш Зельманов, виленский мещанин	1912	580	157–158
Каплан Лейзер Михалевич, россиенский мещанин	1896	239	464–465
Клубок Евель Гилелев, новогрудский мещанин	1904	581	19–20
Кушак Исай Рафалов, люцинский мещанин	1874	700	106–107
Левит Иокель Иоселевич, житель г. Пенза	1912	580	84–85
Лившиц Мовша Шмуйлов, дисненский мещанин	1911	511	105–106
Малкин Янкель Лейба Айзиков, чаусскмй мещанин	1910	580	199–200
Мараховский Лейб Ицыко-Шлемович, мещанин Бериславского общества	1910	383	129–130
Матусовский Мошко-Сруль-Иосев, мещанин г. Александрии Херсонской губернии	1874	701	20–21

Фамилия, имя, отчество, место приписки	Год составления	Дело №	Листы
Мунвез Берка Вульфов, минский мещанин	1894	383	167–168
Неменов Мовша Нисонович, мещанина гор. Быхова	1897	316	70–71
Олькеницкий Пинхос Лейбович, мещанин Эйшишского общества	1904	238	127, 130
Пашковский Янкель Мовшев, витебский мещанин	1874	511	144–145
Познер Марк Михайлов, купец г. Грозный	1884	581	138–139
Пружан Беньямин Шебсель Ицкович, виленский мещанин	1899	510	78–79
Раева Нихама-Бейля Абрамовна, климовическая мещанка Петровичского общества	1894	105	226–227
Райз Бруха Янкель-Давидовна, брестская мещанка	1878	239	2–3
Рапопорт Перец Борухов, речицкий мещанин	1904	511	57–58
Розенблат Юдка Шмуйлович, двинский мещанин	1891	315	170–171
Рыбак Абрам Лейбович, мещанин друйского общества	1903	238	237–239
Рыдник Аба Нусимович, севастопольский мещанин	1909	316	16–17
Симкин Янкель Генухов, горецкий мещанин	1910	700	87–88
Телятицкий Лейба Сендеровтич, мещанин м. Хомск	1899	384	22, 24
Франкфурт Меер Бендетович, виленский мещанин	1893	581	215–216
Фридлянд Ефроим Нахманов, мещанин Слуцкого общества	1904	383	89–90
Харитонов Абрам Гершович, керченский мещанин	1907	239	120–121
Цитрон Лейба Мошков, кишинёвский мещанин	1910	581	49–50
Цыпин Пейсах Борухов, мирский мещанин	1904	510	87–88
Шницерова Лея Юдовна, мещанка Тихиничского общества	1899	383	72–73
Элиашберг Цалель Иоселев, двинский мещанин	1898	700	116–117

Некоторые просители обосновывают свои просьбы ссылками на законы и решения Правительствующего сената. Эти ссылки важны с точки зрения изучения тогдашней судебной практики. Заключения градоначальника по юридически подкрепленным просьбам особенно симптоматичны. Вот оригинальный пример:

Самсон Бродский, проживающий в СПб., ссылаясь на определение 1-го общего собрания Правительствующего Сената от 26 мая 1900 г. за № 76, о разрешении инженерам-технологам из евреев содержать евреев — домашних слуг, просил разрешить ему нанять служителем Гедеона Давидовича Шполянского. Ходатайство Бродского было отклонено со ссылкой на то же определение Сената по делу Якова Ландау, которым право иметь слугу из евреев признано за инженерами-технологами из евреев, окончившими курс в Петербургском технологическом институте, тогда как Бродский получил звание инженера-технолога в Рижском политехническом институте.

Наконец, изредка прошениям в делах предпосланы, или к ним приложены личные письма на имя директора Департамента от видных персон или его хороших знакомых, оказывающих просителям протекцию.

Например, член Государственной думы Нафталь Маркович Фридман пишет товарищу министра С.Е. Крыжановскому:

> «Присоединяясь к ходатайству аптекарской помощницы Риттенберг, я могу удостоверить, что мне лично известно, что младшая сестра просительницы Либа Мовшева Риттенберг, лишившись отца своего, осталась без средств и находится на попечении просительницы» (Д. 239, л. 428).

Управляющий канцелярией Святейшего Синода С. Григоровский пишет директору Департамента А.Д. Арбузову:

> «Мой домашний врач… коллежский советник Исаак Осипович Тувим просит моего содействия в исходатайствовании его престарелому отцу, 74-летнему старцу, разрешения поселиться в Петербурге» (Д. 383, л. 29).

Разобравшись с составом и содержанием прошений, перейдем к ознакомлению с процедурой их рассмотрения. Она была однотипна и хорошо отлажена. Полученное прошение немедленно направлялось Петербургскому градоначальнику с просьбой «сообщить, с возвращением прошения, надлежащие сведения и Ваше заключение по сему прошению».

Ответы Петербургского градоначальника подготавливало паспортное делопроизводство его канцелярии. Они поступали в Департамент общих дел МВД через один-два месяца и более. Генеалогически они очень информативны: сведения о просителе: возраст, семейное положение, профессия, материальное положение, благонадежность, с какого времени в Петербурге, также часто сведения о лице, о котором ходатайствуют, и его родне. Большинство заключений градоначальника по прошениям — негативные. Несколько примеров его ответов по цитированным выше прошениям:

Исх. 7 апреля 1908 г. № 4402 [По прошению Штамма]

…проситель служит секретарем в Бюро уполномочий Совета съезда горнопромышленников Юга России, получает содержания 90 руб. в месяц, при нем жена Ревекка 24 лет и сын Юрий 8 лет; мать просителя вдова 56 лет, николаевская мещанка, сестры его: Вера 24 лет, Надежда 21 года, девицы, обе окончили Харьковскую женскую гимназию, проживают в г. Харькове… не усматриваю оснований (Д. 238, л. 250).

Исх. 5 января 1907 № 269 [По прошению Шиперовича]

…проситель…существует уроками, зарабатывая по 30 руб. в месяц, мать его вдова учителя еврейского училища 42 лет от роду, трудоспособна. Средствами к жизни вполне располагает, живет в г. Киеве при училище, где ее муж служил; имеет, кроме просителей, сыновей Александра 19 лет, Владимира 13 лет и дочь Эрнестину 8 лет, которые все воспитываются в учебных заведениях названного города… не нахожу уважительных причин и законных оснований…(Д. 105, л. 158).

Исх. 15 декабря 1906 г. № 10658 [По прошению Айзенберг]

…просительница занимает квартиру в 75 р. в месяц. Живет с двумя братьями: Самуилом 28 лет, инженер-технологом, и Бениамином, 22 лет, студентом университета, мать их Блюма 58 лет, еще трудоспособна, живет при дочери Хае-Двойре, 23 лет, имеющей звание аптекарской помощницы, там же находится ее сын Айзик, живущий безбедно… не усматриваю оснований (Д. 105, л. 86).

Исх. 8 октября 1908 г. № 9138 [По прошению Валенштейна]

…проситель 73 лет, имеет взрослых 4 сыновей, из коих трое живут в Петербурге, и дочь Бейлю, бракоразведенную жену велижского мещанина Израиля Рубяжева, который в настоящее время находится здесь на излечении в Александровской больнице; проситель по старости ничем не занимается, существует помощью своих сыновей, которые все

состоят записанными в Кронштадтское мещанское общество. Бейля Рубяжева 38 лет, имеет троих детей в возрасте 12, 10 лет и 1 месяц, родилась в Петербурге, с 8-летнего возраста жила в Царском Селе, а последние 14 лет прожила здесь с мужем ремесленником, с которым с 22 апреля с.г. состоит в разводе и ныне находится у своих знакомых в Колпино… полагал бы разрешить до второго выхода замуж… (Д. 239, л. 296).

О неблагонадежных лицах ответы градоначальника особенно подробны. Так, проживающая в Петербурге Фанни Ландау, 72 лет, нуждаясь в уходе за нею дочери Менухи, просила в 1906 г. разрешить Менухе жить в Петербурге. Из ответа градоначальника:

«Менуха Ландау полтавская мещанка, 39 лет от роду, иудейской веры. По сообщению С.-Петербургского охранного отделения, Менуха Ландау в 1890 г. привлекалась в качестве обвиняемой к дознанию при С.-Петербургском губернском жандармском управлении, постановлением которого … была отдана под особый надзор полиции. В разрешение сего дознания по Высочайшему повелению от 22 Января 1892 года Ландау было вменено в наказание предварительное содержание под стражей. Затем, по распоряжению Департамента полиции … Менуха Ландау была подчинена негласному надзору полиции. Названная еврейка училась за границею на высших женских курсах и предполагает держать экзамен на звание женщины врача… удовлетворение настоящего ходатайства представляется нежелательным» (Д. 105, л. 166).

Если сведения из прошения были неочевидны или неполны, Департамент общих дел запрашивал того губернатора, где жило или было приписано лицо, о котором ходатайствуют.

Ответы губернаторов также генеалогически очень информативны. В них о запрашиваемом лице сообщается: возраст, профессия, состав семьи, с какого времени и где проживает, материальное положение, благонадежность. Мнение за или против прошения здесь обычно отсутствует. Например:

[По прошению Ш. Банда]
Минский губернатор, исх 22 ноября 1906 г. № 5799
… семейство еврея Зальмана Банда состоит из: отца его Мовши Шмаева 56 лет, матери Рисы Берковой 45 лет, брата Шимеля и сестер: Хаи, Мани, Иды, Сони и Берты. Родители Банда владеют в г. Минске двумя собственными домами и люди довольно состоятельные. Что касается благонадежности Зельмана Банда, которому всего 13 лет, то он …ни в чем предосудительном не замечен. (Д. 105, л. 107)

[По прошению Шиперовича]
Киевский губернатор, исх. 27 марта 1907 г. № 1230

…Рахиль Шиперович 43 лет проживает в Киеве в наемной квартире вместе с младшими детьми своими — сыном Владимиром 13 лет и дочерью Эрнестиной 8 лет. Старшие ее сыновья живут отдельно: Леонид 25 лет — в Киеве, а Михаил 22 лет и Александр 20 лет — в Петербурге. Семья эта никаким недвижимым имуществом не обладает и существует на наличный капитал. (Д. 105, л. 161).

В ответах градоначальника и губернаторов встречаются сведения и о близких родственниках, проживающих заграницей. Например, градоначальник по прошению зубного врача Сары Моисеевны Кофьян-Полатовской сообщает, что ее мать, Лея Кофьян

«ничем не занимается, так как к труду не способна: существует на средства просительницы, имеет в черте оседлости дочь Двейру и брата покойного мужа — Бенциона Кофьяна, не желающего ей оказывать помощи, а также сына, эмигрировавшего в Америку» (Д. 105, л. 138).

По прошению провизора Геселя Берковича Фрейнка Ковенский губернатор сообщает, что мать просителя

«Шейна Мееровна Фрейнк — вдова, имущества никакого не имеет, семейство Фрейнк состоит из пяти сыновей и двух дочерей, из коих два сына и одна дочь проживают в СПб, остальные в Америке». (Д. 238, л. 49)

В Департаменте общих дел на основе собранных материалов готовили проект решения, которое директор Департамента представлял на подпись товарищу министра. Хотя Петербургский градоначальник в большинстве случаев высказывался за отказ просителю, Департамент занимал значительно более мягкую позицию. В особо спорных случаях директор Департамента представлял на усмотрение товарища министра справку с изложением сути прошения и собранных по нему материалов. Положительное решение за подписью товарища министра направлялось просителю и градоначальнику. Отрицательное — только просителю.

Исследование положительных и отрицательных решений Департамента по поступившим прошениям позволяет проследить характерные тенденции в деятельности царской администрации и, весьма предпо-

ложительно, влияние на принимаемые решения коррупционной составляющей. Но такое исследование уже находится за рамками генеалогии.

Примечания

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 105, 1906 г.; 163, 1907 г.; 238, 239, 1908 г.; 315, 316, 1909 г.; 383, 384, 1910 г; 510, 511, 1911 г.; 580, 581, 1912 г.; 700, 701, 1913 г.

Ирина Рыклис, Андрей Шумков
(Санкт-Петербург)

ПОЛЯКОВЫ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕАЛОГИИ РОДА И СОСЛОВНОГО СТАТУСА

Дважды довелось столкнуться с известными еврейскими предпринимателями и банкирами Поляковыми, и оба раза на путях некрополистики. Впервые это произошло в августе 1995 года на римском кладбище Верано (*baron de Poliakoff et baronessa de Poliakoff*), а в прошлом году мы получили от Сергея Николаевича фон Кубе для редактирования и подготовки в печать рукопись «Русские захоронения в Биаррице». При первом же беглом ознакомлении с этим списком в глаза бросилась запись о *Jacques de Poliakoff* (без дат и каких-либо иных дополнений). Увидев записи о соседних захоронениях (*Samuel Poliakoff, fils Jacques Poliakoff et Amalia Livschitz; Helene Poliakoff, nй a Taganrog*), сомнений не осталось — это «те» Поляковы.

какая должна быть буква?

И вновь, как и пятнадцать лет назад, пришлось убедиться в том, что в имевшихся справочных изданиях и литературе нет ничего определенного, т.е. точных биографических данных, ни о самих братьях, ни об их семьях. Тогда как самых разнообразных, порой нелепых сказок только прибавилось.

Только обращение к архивным источникам и газетам помогло нам разобраться в составе семейного захоронения Поляковых в Биаррице. Ограниченные во времени и возможностях, для решения локальных задач (выяснения основных генеалогических данных и сведений о социальном статусе) мы решили ограничиться документами петербургских архивов и газетами из собраний РНБ. Одновременно были поставлены две задачи: 1) собрать точные биографические и генеалогические данные по всей семье Поляковых, 2) максимально точно расписать социальный статус семьи в его развитии с 1830-х годов.

Решив основную задачу, мы предлагаем научной и еврейской общественности все собранные на сегодня сведения об этой семье: персональный состав с биографическими данными, история получения Поляковыми российского потомственного дворянства и персидского баронского титула.

Шломо / Соломон Лазаревич Поляков (1813–1898[1], Дорогомиловское еврейское кладб.)

Содержатель винных откупов и подрядчик. Оршанский 1-й гильдии купец, затем московский 1-й гильдии купец [43].

Жена: ***NN.***

Видимо, С.Л. Поляков был женат дважды, так как сын Самуил писал в своем завещании в 1886: «…отцу моему Соломону Яковлевичу Полякову ежегодно 6000 рублей, по кончине отца моего его супруге ежегодно по 2000 рублей» [51 — л. 219 об.].

ЕГО СЫНОВЬЯ:

1. Яков Соломонович Поляков (м. Дубровно Оршанского у. Могилевской губ., 1832 — Биарриц, деп. Атлантические Пиренеи, Франция, 11.11.1909, умер на 78 году после продолжительной и тяжелой болезни [1], похоронен там же, на кладб. Сабау с детьми, зятем, невесткой и внучкой [29 — с. 32]).

С 1868 жил в Таганроге. Основатель и глава Таганрогского торгового дома (1870) и «Банкирской конторы Якова Полякова», учредитель и председатель правления Азовско-Донского коммерческого банка (12.01.1871), Донского земельного банка (1871) и Азовского буксирного пароходства. Председатель правления Ссудного банка Персии. Член правлений Санкт-Петербургско-Азовского банка. Персидский генеральный консул и вице-консул Дании в Таганроге. Председатель Таганрогского комитета торговли и мануфактур (с 1885). Гласный Таганрогской городской думы, почетный мировой судья Ростовского мирового округа, председатель Правления Таганрогского отделения Российского общества Красного Креста (с 21.08.1875).

1860–1864 годы: оршанский 1-й гильдии купеческий сын (при отце) [28 — л. 6–6 об.].

1864–1869 годы: оршанский 1-й гильдии купец [28 — *л. 6–6 об.*].

1869 год: по указу Екатеринославской казенной палаты от 16.11.1868 за № 26735 зачислен с 1869 в таганрогские 1-й гильдии купцы: «состо-

ит в одном капитале с семейством» [28 — л. 6–6 об.]. Таковым был и на 1897 [50], а по закону мог оставаться таковым и в статусе потомственного дворянина.

1871 год: По представлению и.д. министра путей сообщения 09.06.1871 Высочайше пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени [28 — *л. 6–6 об.*]. 11.08.1871 на основании состояния в 1-й гильдии более 10 лет к ряду и пожалованного ордена подал прошение (в Правительствующий сенат на Высочайшее имя) о признании в правах потомственного почетного гражданства [28 — л. 1–2]. Определением Правительствующего сената от 01.09.1871 на основании представленных документов и при невозражении со стороны Департамента торговли и мануфактур (отношение от 16.08.1871) признан вместе с семейством в потомственном почетном гражданстве, о чем ему было сообщено указом по Департаменту герольдии от 02.10.1871 за № 4056 через Санкт-Петербургскую управу благочиния [28 — л. 9–10, 12–13].

1873 год: звание коммерции советника Высочайше пожаловано 09.03.1873 [38].

1884 год: избран и 21.02.1884 утвержден почетным мировым судьей по Таганрогского мировому округу [38].

1885 год: Всемилостивейше пожалован в действительные статские советники 15.03.1885 [38].

1888 год: За отличия по службе в звании почетного члена Санкт-Петербургского совета детских приютов и Таганрогского городского попечительства детских приютов 01.01.1888 Всемилостивейше пожалован в кавалеры ордена Св. Владимира 3-й степени. Подал прошение в Департамент Правительствующего сената о признании его по пожалованному ордену в потомственном дворянстве. Сенат не признал возможным удовлетворить ходатайство ввиду того, что проситель, состоящий в иудейском вероисповедании и не получивший по образованию ученой степени, лишен права вступления в государственную службу [11].

1890 год: Фирманом от 01.01.1890 персидского шахиншаха Насер-эд-Дина вместе женой и всеми детьми был пожалован в баронское достоинство [19; 30].

1891 год: 31 октября Я.С. Поляков подал в Министерство юстиции докладную записку, в которой просил разъяснить Департаменту герольдии несомненность права его на потомственное дворянство по Всемилостивейше пожалованным орденам и чинам. Ходатайство было отклонено с пояснением, что рассмотрение прав на дворянство при-

надлежит собственно Департаменту герольдии Правительствующего сената, действующего в рамках установленных законов.

1895 год: На повторное ходатайство о разъяснении прав награжденных первыми степенями 01.02.1895 Правительствующий сенат пояснил, что невозможность удовлетворения притязаний Полякова обусловлена Высочайше утвержденным 10.12.1894 мнением Государственного совета по делу Гастфрейнда (право на потомственное дворянство по орденам получают только состоящие на действительной военной или гражданской службе). Объявлено просителю 17.03.1895. В течение этого года Я.С. Поляков дважды подавал прошения на Имя Е.И.В. государыни императрицы Марии Федоровны об исходатайствовании Высочайшего пожалования ему дворянства. Оба ходатайства были Высочайшими Е.И.В. повелениями отклонены: 1) представленное генерал-адъютантом Рихтером 23.03.1895, 2) по Всеподданнейшему докладу егермейстера Сипягина 11.04.1896 [11].

1896 год: 6 января вступил в должность попечителя приютов ведомства императрицы Марии [31]. При прошении в Департамент торговли и мануфактур Я.С. Поляков представил фирман Его Величества Шаха Персидского от 02.05.1890 года за № 71 на пожалование ему за выдающиеся заслуги в развитии торговли с Персией и финансовые услуги шахскому двору баронского титула [30].

1897 год: По Всеподданнейшему докладу помощника главного попечителя Императорского Человеколюбивого общества сенатора Марковича 17.05.1897 государь император Всемилостивейше дозволил предоставить Я.С. Полякову по чину действительного статского советника и орденам Св. Анны 1-й степени и Св. Станислава 1-й степени права и преимущества, указанные в ст. 22 и 37 Закона о состояниях (Т. IX Свода законов, изд. 1876) и ст. 143 Учреждения об орденах (Т. I, часть II, изд. 1892), т.е. прав действительной службы и получения за определенные заслуги потомственного дворянства [11; 31]. Определением Правительствующего сената от 27.11.1897 на основании Высочайшего пожалования за ним вместе со второй женой и сыновьями утверждено потомственное дворянство с правом внесения в 3-ю часть дворянской родословной книги. Указ Правительствующего сената по Департаменту от 12.12.1897 за № 2 [35; 50 — л. 47–48 об.].

1898 год: По месту владения недвижимым имуществом (4 693 десятины при слободе Ново-Мариинское) Я.С. Поляков 11.03.1898 обратился в областное Войска Донского дворянское депутатское собрание

о внесении своего рода в 3-ю часть дворянской родословной книги области Войска Донского. Определение Собрания о внесении его в дворянскую родословную книгу состоялось 17.03.1898 [35; 50 — л. 85–87]. Дворянская грамота за № 528, подписанная области Войска Донского предводителем дворянства М. Марковым, и.д. окружного предводителя дворянства Черкасского округа В. Кутейниковым, депутатами — полковником П.И. Филиным и есаулом Н. Касатоновым — и секретарем дворянства А. Пивоваровым, была дана 04.06.1899 [35 — 3 об.–4: фотокопия грамоты]. Через некоторое время, видимо, под впечатлением от распространившихся слухов о том, что «ни одно из дворянских собраний России не соглашалось включить его в число своих членов, он лишь за крупную взятку был приписан в 1897 к дворянству области Войска Донского» [59]. Однако 20.01.1901 дворянское депутатское собрание области Войска Донского, опираясь на доклад депутата коллежского советника Егорова о допущенных Дворянским собранием нарушениях формального свойства[2] при вынесении определения от 17.03.1898, постановило большинством голосов (145 против 41) ходатайствовать перед Правительствующим сенатом об отмене этого определения. На этом основании предводитель дворянства области Войска Донского вошел в Правительствующий сенат с кассацией об отмене определения 17.03.1898, на которое было дано разъяснение Департамента герольдии: лица иудейского вероисповедания, приобретшие потомственное дворянство, до Именного Высочайшего указа 28.05.1900 не были лишены права на внесение наравне с лицами других вероисповеданий в установленном порядке в дворянские родословные книги (ст. 962, том IX Закона о состоянии, изд. 1899 года или статья того же тома по изд. 1876 года). Ни в каких статьях российских законов нет указаний на то, что, в отличие от других губерний, в области Войска Донского особая, не разделенная на части дворянская родословная книга; вышеупомянутые статьи гласят, что для принятия законных решений дворянскими собраниями достаточно 2/3 депутатов или всех членов на общих собраниях. Так как право тайного советника Полякова и членов его семьи уже были признаны Правительствующим сенатом, то и подавать решение в Собрание не нужно, — таким образом, Собрание должно подчиняться всем правилам узаконений, и что хотя пунктом 6 Именного Высочайшего указа 28.05.1900 и воспрещено вносить евреев в дворянские родословные книги, но ни в этом указе, ни в Высочайше утвержденном 06.06.1904 мнении Государственного

Совета о порядке ведения дворянских родословных книг не содержится постановления об исключении лиц, внесенных в дворянские родословные книги до обнародования сих законов. Департамент герольдии находит определение области Войска Донского дворянского депутатского собрания от 17.03.1898 правильным и жалобу на него оставляет без последствий, о чем дало знать названному Собранию при указе от 05.03.1905 [35]. Получив этот указ, Областное Войска Донского дворянское депутатское собрание предприняло новую попытку, однако Общее собрание первых трех департаментов Правительствующего сената 18.01.1907 постановило: «…просьбу об отмене определения Областного Войска Донского дворянского депутатского собрания от 17 марта 1898 года оставить без последствий» [50].

1900 год: Тайный советник.

1905 год: Указом Правительствующего сената по Департаменту герольдии от 05.03.1905 внесение рода Я.С. Полякова в 3-ю часть дворянской родословной книги области Войска Донского было формально утверждено [35]. Определением Правительствующего сената было дано распоряжение об изготовлении Я.С. Полякову диплома на дворянство и герба (по внесении 350 руб. серебром) [54]. 23.11.1905 Высочайше утвержден дворянский герб [60]. По определению Правительствующего сената от 04.05.1906 были изготовлены копии диплома жене, Амалии Моисеевне, и детям: действительному статскому советнику Лазарю (с женой Анной Анисимовной и детьми Владимиром, Виктором, Дмитрием / Ионой, Марией и Надеждой), титулярному советнику Борису, надворному советнику Самуилу, Елизавете / Луизе Рафалович, Изабелле / Белле Ляндау и Анне Рубинштейн [50; 54].

Помимо выше указанных наград имел ордена: Св. Анны 2-й степени (08.06.1879), Св. Станислава 2-й степени (28.11.1877), Св. Анны 3-й степени (22.11.1872), персидский Льва и Солнца 2-й степени (Высочайше дозволено принять и носить 03.12.1871) и 1-й (Высочайше дозволено… 09.11.1874), черногорский князя Даниила 3-й степени (Высочайше дозволено… 23.10.1874) и 2-й степени (Высочайше дозволено… 21.06.1883), Румынский крест за переправу через Дунай (Высочайше дозволено… 22.11.1879), сербский Такова 2-й степени (Высочайше дозволено… 11.06.1885) [38 — формулярный список 1886].

Некрологи: «Новое время». 1909, 14/27 ноября № 12097. С. 13; «Биржевые ведомости». 1909, 15/28 ноября № 11417. С. 2–3; «Таганрогский вестник». 1909, 15 ноября № 299. С. 3.

«…Выдающийся финансовый деятель, чрезвычайно отзывчивый и чуткий человек, широкий благотворитель… Всю свою долголетнюю жизнь оставался верен национальным традициям еврейства, к которому принадлежал до последних дней. Он живо интересовался всеми еврейскими делами, состоял пред. еврейской общины Таганрога, членом правления Санкт-Петербургской общины, вице-пред. Еврейского колонизационного общества и членом многих других благотворительных учреждений» [«Биржевые ведомости»].

«13-го числа в Таганроге было получено известие о кончине тайного советника Якова Соломоновича Полякова. Покойный отлично известен большинству таганрожцев своей добротой, отзывчивостью и коммерческой деятельностью. Услуги его городу неоценимы: ему Таганрог в значительной степени обязан проведением сюда железной дороги, учреждением здесь Донского земельного банка и разных филантропических учреждений. Я.С. был коммерсантом в высшей степени честным; после краха одного из учрежденных им банков он пожертвовал почти всем своим личным состоянием в несколько миллионов рублей, но удовлетворил все обязательства. Приезд Я.С. Полякова в Таганрог лет десять тому назад всегда являлся праздником для малоимущего населения города, т.к. оно всегда получало денежную поддержку из щедрых рук жертвователя. Как человек в высшей степени гуманный, покойный при создании банка обратил наибольшее внимание на положение служащих и создал им такие исключительно благоприятные условия службы, какие нельзя встретить почти ни в одном кредитном учреждении. Покойный скончался… после изнурительной болезни в одном из курортов Южной Франции. Мир праху твоему, редкий человек» [«Таганрогский вестник»].

1-я жена: ***Мери Моисеевна Берлин***. От этого брака один сын (Лазарь) и одна дочь (Луиза).

2-я жена (Орша Могилевской губ. 25.09.1858): ***Амалия Моисеевна Лифшиц*** [28 — л. 7–7 об.: метрическое свидетельство оршанского общественного раввина Боруха Ривлина; 50 — л. 21].

ДЕТИ:

1) Елезар (Елизарий) / Лазарь Яковлевич (Орша Могилевской губ., 15.11.1851[3] [28 — л. 7–7 об.: метрическое свидетельство оршан-

ского общественного раввина Боруха Ривлина; 50 — л. 21] — Рим, 20.12.1927 [2], 7-й квадрат Еврейского участка кладбища Верано в Риме [3]).

Окончил полный курс Института инженеров путей сообщений со званием гражданского инженера (1875). Зачисленный в ведомство Министерства путей сообщений, состоял в Обществе Фастовской железной дороги (1875–1877), в распоряжении строителя военных ж\д (1877–1878); инженер Киевской подкомиссии для исследований по строительству ж\д (1879–1883) и Общества Курско-Харьковско-Азовской ж\д (1884), директор правления Общества Козлово-Воронежско-Ростовской ж\д (1884–1894), председатель правления Общества Фастовской ж\д (с 1894), член правления Санкт-Петербургско-Азовского коммерческого банка и других финансовых и железнодорожных структур. Еще летом 1885 в чине статского советника был переведен из Министерства путей сообщений в Управление детскими приютами, по избранию его почетным членом Таганрогского попечительства детских приютов (до 1917). Член полутора десятков попечительств, советов, комитетов и обществ; от хозяйственного правления Санкт-Петербургской хоральной синагоги до Санкт-Петербургского общества велосипедистов-любителей.

Потомственный дворянин с 1897: свидетельство Департамента герольдии Правительствующего сената от 07.12.1897 за № 3837 [56 — л. 3].

Действительный статский советник. Кавалер орденов Св. Анны 1-й степени (12.02.1896), Св. Анны 2-й степени (05.12.1894), Св. Станислава 2-й степени (01.10.1889), Св. Анны 3-й степени (18.10.1887), Св. Станислава 3-й степени (15.05.1883), персидского Льва и Солнца 2-й степени (Высочайше дозволено принять и носить 21.12.1882) черногорского князя Даниила I 3-й степени (Высочайше дозволено… 27.02.1884) [33; 50].

Жена (Таганрог, 11.01.1880): ***Анна Анисимовна***, вдова британского подданного ***Леонино***, урожденная ***Рафалович*** (09.07.1852 — 13.08.1929 [4], — 7-й квадрат Еврейского участка кладбища Верано в Риме [3]). Дочь бельгийского консула в Одессе Анисима Абрамовича Рафаловича, родная сестра мужа Луизы Яковлевны Поляковой [50 — л. 42 об.]. От первого брака А.А. Полякова имела дочь Ольгу Леонино (7.10.1872–?) [48 — л. 71]

Д Е Т И :

(1) Владимир Лазаревич (Харьков, 08.11.1880 [33; 39 — *л. 5; 50 — л. 24*] — 1956). 02.05.1890 от Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Его Императорского Величества Шаха Персии в Санкт-Петербурге получил свидетельство о праве на баронский титул, пожалованный его деду [56 — л. 2]. Областного Войска Донского дворянского депутатского собрания от 17.03.1898 причислен к дворянскому роду своего деда, утвержденного в достоинстве указом Правительствующего сената по Департаменту герольдии от 27.11.1897, и был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги области Войска Донского [39]. 24.04.1898 Всемилостивейшим соизволением «в виде совершенного исключения» был допущен к конкурсу для поступления в Институт инженеров путей сообщений императора Александра I[4] [55; 56 — л. 5]. Инженер путей сообщения, член правления Сибирского торгового банка. В 1924–1936 — корреспондент газеты «Таймс».

Жена (Санкт-Петербург 14.09.1905): ***Ксения Леопольдовна Л е о н*** (Санкт-Петербург, 28.08.1883–?). Дочь санкт-петербургского 1-й гильдии купца, потомственного почетного гражданина Леопольда Федоровича Леона и его жены Иды Израильевны, урожденной Ратнер [56 — л. 1. 9: свидетельства санкт-петербургского общественного раввина А. Драбкина].

Д О Ч Ь :

А. **Вера Владимировна** (?–?). Муж: **Барри Л и н д с е й.**

(2) Виктор Лазаревич (Харьков, 06.10.1881 [33; 40 — л. 4; 50 — л. 26] — Париж, 15.3.1906, самоубийство [5]). Студент Императорского Санкт-Петербургского университета. Определением Областного Войска Донского дворянского депутатского собрания от 17.03.1898 причислен дворянскому роду своего деда, утвержденного в достоинстве указом Правительствующего сената по Департаменту герольдии от 27.11.1897, и внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги области Войска Донского [40]. Поэт. Его архив хранится в РГАЛИ (ф. 1409).

(3) Дмитрий (Иона) Лазаревич (Харьков, 03.22.1883 [33; 50 — л. 25; 57 — л. 1: свидетельство харьковского раввина] — ?).

Légation
de S.M.I.
Schahinschah de Perse
á St. Petersbourg
2 mai 1890
№ 88

Certificat

Nous, Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale le Schah a St.Petersbourg, Confirmons que par le firman de Sa Majesté Notre Auguste Souverain en date le 1-er Janvier 1890 et du Conformément au certificate de Son Altesse Eminus Sultan le Grand Vezir de la Perse en date du Janvier 1895, Monsieur Dmitry de Poliakoff a le titre héréditaire du baron conféré a Son grand pére Monsieur le baron Jacques S. de Poliakoff et les armoiries ratifiées.

En fait de quoi le présent certificat est lui délivré avec notre Signature et le Cachet de la Légation.

MirzáMahmoud Khan
Secrétaire de la Légation Isaac Khan[5]
[57 — л. 2].

Определением Областного Войска Донского дворянского депутатского собрания от 17.03.1898 причислен дворянскому роду своего деда, утвержденного в достоинстве указом Правительствующего сената по Департаменту герольдии от 27.11.1897, и внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги области Войска Донского (свидетельство от 19.03.1898) [57 — 4]. Лекарь (удостоен звания 16.11.1907; диплом Императорской Военно-медицинской академии от 29.02.1908 за № 1422 [57 — 6].

Жена (Флоренция, Италия, 24.05.1912): ***Матильда Исааковна Соловейчик*** (Вильна, 27.7.1890–?). Дочь кандидата прав Исаака Соломоновича Соловейчика и его жены Анны Абрамовны, урожденной Бронштейн [57 — л. 3, 9–11].

(4) Мария Лазаревна (Санкт-Петербург, 27.03.1889 [50 — л. 42] — ?). По определению Правительствующего сената от 04.05.1906 получила копию гербового диплома [54].

(5) Надежда Лазаревна (Санкт-Петербург, 10.03.1895 [50 — л. 42] — ?). По определению Правительствующего сената от 04.05.1906 получила копию гербового диплома [54].

2) Луиза / Елизавета Яковлевна (Орша Могилевской губ., 21.09.1855 [28 — л. 7–7 об.: метрическое свидетельство оршанского общественного раввина Боруха Ривлина; 50 — л. 21] — ?). Определением Правительствующего сената от 16.04.1898 признана в потомственном дворянстве (указ по Департаменту герольдии от 02.05.1898) [50 — л. 69–70-а об.]. Муж (Одесса, 11.11.1873): **Леон Анисимович (Лев Алексеевич) Рафалович** (ок. 1850 — ?). Сын бельгийского консула в Одессе Анисима Абрамовича Рафаловича, родной брат жены Лазаря Яковлевича Полякова. Потомственный почетный гражданин. Почетный член Двинского крепостного попечительства детских приютов, кавалер ордена Св. Анны 3-й степени. Персидский консул в Одессе. Богатый бессарабский землевладелец [35; 50 — л. 52, 53–54].

3) Белла / Изабелла Яковлевна (Орша Могилевской губ., 17.11.1863[6] [28 — л. 7–7 об.: метрическое свидетельство оршанского общественного раввина Боруха Ривлина; 50 — л. 21] — ?). Определением Правительствующего сената от 16.04.1898 признана в потомственном дворянстве (указ по Департаменту герольдии от 02.05.1898) [50 — л. 69–70-а об.]. Муж (Таганрог, 17.01.1882): **Иосиф Вильгельмович Ландау** (ок. 1854 — ?). Кандидат прав Императорского Варшавского университета. Почетный член Двинского крепостного попечительства детских приютов, коллежский советник, кавалер орденов Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 3-й степени. [35; 50 — л. 55, 56–61].

4) Борис Яковлевич (Орша Могилевской губ., 9.4.1865 [28 — л. 7–7 об.: метрическое свидетельство оршанского общественного раввина Боруха Ривлина; 50 — л. 21] — ?).

Перед вступлением в брак с православной принял крещение по евангелическо-лютеранскому обряду, а 09.06.1900 в Свято-Николаевской церкви при Русской Императорской миссии в Брюсселе через миропомазание присоединен к православию [50 — л. 101–101 об.]. Потомственный дворянин с 1897.

Действительный студент Императорского Варшавского университета (1885). Почетный член Таганрогского окружного попечительства детских приютов, а с 1909 — Санкт-Петербургского совета детских приютов и с 1912 действительный член Попечительского совета Прию-

та принца П. Ольденбургского. Действительный статский советник (21.05.1914). Кавалер орденов Св. Анны 2-й степени (01.01.1905), Св. Станислава 2-й степени (05.04.1898), Св. Анны 3-й степени (25.10.1894), Св. Станислава 3-й степени (06.04.1889) [50 — л. 34–36, 102–105; 49 — л. 77–81]. Консул Персии в Таганроге.

Жена (25.10.1896 [50 — л. 102–103]): ***Елена Константиновна***, бракоразведенная ***Пеньковская***, урожденная ***Фоти*** (Таганрог, 05.02.1873 — Биарриц, деп. Атлантические Пиренеи, Франция, 22.11.1951, кладб. Сабау 24.11.1951 [29 — с. 32]). Дочь дворянина Константина Георгиевича Фоти и его жены Евдокии. Православного вероисповедания.

ДЕТИ:

(1) Сергей Борисович (Санкт-Петербург, 28.10.1896, крещен 01.11.1896 в Успенской церкви при Волковской Александровской богадельне Санкт-Петербургского уезда и губернии) [50 — л. 106; 42 — л. 7–7 об.] — ?). Студент юридического факультета Императорского Петроградского университета. Определением Областного Войска Донского дворянского депутатского собрания от 03.12.1915 был сопричислен к роду деда с внесением в 3-ю часть дворянской родословной книги области Войска Донского (это определение было утверждено Правительствующим сенатом 24.03.1916, о чем было дано знать при указе по Департаменту герольдии от 06.04.1916 [50 — л. 112–114]. В июне 1916 со II курса был взят в военную службу, затем был освобожден по семейному положению от оной. 05/18.03.1918 просил администрацию университета о восстановлении на курсе [42].

(2) Елена Борисовна (ок. 1912 — Байонна, деп. Атлантические Пиренеи, Франция, 1940, 28 лет, кладб. Сабау 5.11.1940 [29 — с. 32]). Православного вероисповедания. В формулярном списке отца на 1914 не записана [49 — л. 77–78].

5) Анна Яковлевна (Таганрог, 22.08.1868 [28 — л. 8 об.: метрическое свидетельство воронежского казенного раввина Х. Фейгина; 50 — л. 22] — Биарриц, деп. Атлантические Пиренеи, Франция, 22.05. 1942, — кладб. Сабау [29 — с. 33–34]). Определением Правительствующего сената от 16.04.1898 признана в потомственном дворянстве (указ по Департаменту герольдии от 2.5.1898) [50 — л. 69–70-а об.]. Муж (Краков, Королевство Галиции и Лодомерии, Австро-Венгерская Империя 06.02.1889): **Григорий Исаакович Рубинштейн**

(ок. 1863 — Биарриц, деп. Атлантические Пиренеи, Франция, 28.08. 1929 [9], кладб. Сабау [29 — с. 34]). Сын Харьковского 1-й гильдии купца. Действительный студент Императорского Харьковского университета. Почетный член Таганрогского окружного попечительства детских приютов, титулярный советник, кавалер орденов Св. Анны 3-й степени и Св. Станислава 3-й степени [50 — л. 62, 63–65]. Член правления Азовско-Донского коммерческого банка.

6) Самуил Яковлевич (Таганрог, 05.03.1869 [28 — л. 8: метрическое свидетельство таганрогского раввина Зельцера; 50 — л. 23] — Биарриц, деп. Атлантические Пиренеи, Франция, 24.04.1943, — кладб. Сабау 27.04.1943 [29 — с. 31–32]).

Потомственный дворянин с 1897.

Действительный студент Императорского Санкт-Петербургского университета (1887). Почетный член Таганрогского окружного попечительства детских приютов. Надворный советник (12.12.1903). Кавалер орденов Св. Станислава 2-й степени (06.12.1900), Св. Анны 3-й степени (06.12.1897), Св. Станислава 3-й степени (10.06.1894), а также персидского ордена Льва и Солнца 2-й степени (Высочайше дозволено принять и носить 02.06.1893 [50 — л. 37–39; 46].

2. Шмуэль / Самуил Соломонович Поляков (местечко Дубровно Оршанского у. Могилевской губ., 24.12.1837[7] — Санкт-Петербург, 07.04.1888, «был поражен ударом на погребении Варшавского[8]», Еврейское Преображенское кладбище 12.04.1888 [10])**.**

В начале 1860-х был управляющим винокуренного завода в имении министра почты и телеграфа графа И.М. Толстого, затем арендовал у него земли, одновременно содержал почтовые станции в Харьковской губернии. «Железнодорожный король России». Основатель Общества Южнорусской каменноугольной промышленности, соучредитель Московского земельного банка, Донского земельного банка и Азовско-Донского коммерческого банка. Основал и содержал первые в России железнодорожное (Елец, 1867) и горное (Корсунь) технические училища, был одним из основных жертвователей на создание Лицея памяти Цесаревича Николая и многих других учебных заведений.

Рязанский 1-й гильдии купец [24].

1864 год: утвержден в звании почетного члена Рязанского попечительства детских приютов — 03.08.1864 [37].

1870 год: коммерции советник — по Высочайше утвержденному 23.01.1870 докладу министра финансов М.Х. Рейтерна [23].

1871 год: 19 января Кабинет министров отклонил прошение о признании за ним баронского титула [25]. Высочайшим соизволением присвоено звание потомственного гражданина города Ельца Орловской губернии. 29.01.1871 Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 3-й степени для не христиан установленного [37]. Высочайшим соизволением 03.02.1871 назначен почетным попечителем Елецкой гимназии вне правил. Потомственный почетный гражданин. За значительные пожертвования в пользу женских гимназий Западного края Министерство народного просвещения представило С.С. Полякова к награждению чином статского советника. На наградном листе появились собственноручные Государя Императора надписи: «Повременить» (11.11.1871), «Отложить до Пасхи», «Отложить до 30 августа», «Отложить впредь до времени»; 07.04.1873 Государь Император повелел объявить Полякову Высочайшее благоволение [24].

1875 год: 23 января признан генеральным консулом Персии в Санкт-Петербурге [37]. Высочайшим указом по Министерству народного просвещения от 01.12.1875 за № 14 за значительные пожертвования (к делу приложена записка министра народного просвещения графа Д.А. Толстого) произведен в чин действительного статского советника [34 — л. 6–6 об., 22–23; 44]. Журнальным определением Правительствующего сената от 01.03.1876 постановлено: Высочайший указ опубликовать [34 — л. 8–10; 44].

1876 год: Как острожский землевладелец, имеющий чин действительного статского советника, в июле 1876 подал прошение в Воронежское дворянское депутатское собрание о признании его с семейством в потомственном дворянстве [34 — л. 15] и определением оного от 06.07.1876 в таковом был признан [34 — 26–27 об., 28–29 об.: родословная]. Это определение было рассмотрено в Правительствующем сенате, который своим определением от 20.12.1876 постановил оставить определение Воронежского дворянского депутатского собрания без утверждения (указ по Департаменту герольдии от 31.1.1877 за № 3211 [34 — л. 30–33; 44].

1877 год: Министр народного просвещения граф Д.А. Толстой отношением от 12.02.1877 дал разъяснения, по которым он считает возможным признать С.С. Полякова в потомственном дворянстве. На Всеподданнейший доклад министра юстиции графа Палена Е.И.В. Государь Император Александр II повелел оставить ходатайство Полякова без удовлетворения [11].

Совещательный член Ветеринарного комитета Министерства внутренних дел.

1885 год: Высочайшим приказом по Министерству народного просвещения 01.01.1885 произведен в чин тайного советника (по представлению министра от 27.12.1884 за пожертвование по званию почетного попечителя на Елецкую гимназию 215 тыс. руб., на окончание постройки здания Лицея Цесаревича Николая в Москве 150 тыс. руб. и на постройку Коллегии Императора Александра II для студентов Императорского Санкт-Петербургского университета 200 тыс. руб.) [11; 26]. 11.03.1885 подал прошение в Правительствующий сенат о признании за ним прав потомственного дворянства [34 — л. 42–44 об.]. На основании законов о состояниях и прав гражданской службы Правительствующий сенат 09.12.1885 определил: «потомственному почетному гражданину временная государственная служба зауряд (т.е. исполнение должности без преимуществ государственной службы. — *А.Ш.*) не может сообщить прав государственной службы, пока он состоит в своем звании… оставить прошение без последствий» (сообщено просителя указом по Департаменту герольдии от 20.12.1885 за № 20 [34 — л. 72–73; 44].

Помимо упомянутых выше орденов был награжден также орденами: Св. Станислава 2-й степени (25.03.1868), бельгийским Св. Леопольда (Высочайше дозволено принять и носить 17.10.1872), персидским Льва и Солнца 1-й степени (Высочайше дозволено… 28.06.1873), австрийским орденом Франца-Иосифа командорским крестом (Высочайше дозволено… 15.04.1874) и орденом Железной Короны 2-й степени (Высочайше дозволено… 23.06.1875), прусским Красного Орла 3-й степени (Высочайше дозволено… 27.10.1875) [26; 37; 48 — л. 139–147].

Вопреки расхожему мнению, прав потомственного дворянства не получил, да и не мог получить по своим наградам, как не состоявший на действительной государственной службе, на которую не мог быть принят по своему вероисповеданию и отсутствию ученой степени по образованию. Однако в его формулярном списке от 17.12.1875 написано «потомственный дворянин» [37], но позже, уже в списке 1885, было вписано корректное «из купеческого звания» [44].

Два домашних духовных завещания (от 30.01.1886) были утверждены Санкт-Петербургским окружным судом 19/26.07.1888: «…родового имущества у меня нет, все, что имею, трудовое, мною самим приобретенное» [51].

Жена: ***Дания Тянгелевна / Евдокия (Авдотья) Трофимовна Эпштейн*** (? — после 1888). Дочь купца [34].

ДЕТИ:

1) Зенаида-Гая / Зинаида Самуиловна (13.05.1855 [48 — л. 140: формулярный список отца] или 28.05.1857 [34 — л. 25: свидетельство оршанского общественного раввина с пометкой о том, что записи о рождении в метрической книге Оршанской синагоги нет] — замок Бранкован-Бессараба близ Эвиан-ле-Бен, деп. Верхняя Савойя, Франция, в ночь на 24.07./06.08.1909, Париж, кладбище Монмартр, семейный склеп 27.7./9.10.1909 [12]). Муж: **барон Джеймс де Гирш**, он же **де Гирш-Герейт** [51 — л. 217 об.; 48 — л. 140: формулярный список отца].

2) Роза-Ривекка-Эсфирь (Розалия) / Елена Самуиловна (20.09.1859[9] [34 — л. 25: свидетельство оршанского общественного раввина с пометкой о том, что записи о рождении в метрической книге Оршанской синагоги нет] — до 1886). Муж: **Леон / Лев Абрамович Варшавский**. Сын железнодорожного предпринимателя и банкира Абрама Моисеевича Варшавского (ум. 1888). Статский советник. На 1888 год в их семье были дети: Роза-Мария-Елена и Игнатий. В Санкт-Петербурге семья Варшавских жила в поляковском доме на Английской набережной, 4 [51 — л. 217 об.].

3) Рахиль / Лидия Самуиловна (28.12.1861 [34 — л. 25: свидетельство оршанского общественного раввина с пометкой о том, что записи о рождении в метрической книге Оршанской синагоги нет] — до 1888 [48 — л. 140: формулярный список отца]). Муж: **Жорж Сен-Поль**.

4) Даниэль / Даниил Самуилович (Москва, 25.12.1862 [34 — л. 25: свидетельство оршанского общественного раввина с пометкой о том, что записи о рождении в метрической книге Оршанской синагоги нет; 37 — л. 3: свидетельство московского общественного раввина З. Минора от 22.05.1877; 47 — л. 4: Свидетельство Московской городской управы] — ?). Потомственный почетный гражданин. Действительный студент Имп. Санкт-Петербургского университета. Председатель правлений Санкт-Петербургско-Азовского коммерческого банка и Царскосельской железной дороги, член многих правлений, комитетов и попечительских советов. Действительный член Попечительского совета Приюта П. Ольденбургского (1888–1917).

1894 год: Высочайшим соизволением 07.04.1894 предоставлено право государственной службы по Приюту П. Ольденбургского [8].

1895 год: По званию действительного студента 08.08.1895 утвержден в чине губернского секретаря [8].

1898 год: По записке Е. И. Выс. великого князя Владимира Александровича о пожаловании ему прав потомственного дворянства и прошения состоящего на государственной службе коллежский советник Д.С. Полякова, «движимого надеждою на безграничность Монаршей правоты» о даровании ему по заслугам покойного отца прав и преимуществ, коими пользуются законные дети произведенных в чины и награжденных орденами в порядке государственной службы, на Высочайшее Имя был составлен доклад, резюме которого сводилось к тому, что прошение «подлежало бы отклонению» [11].

1911 год: Высочайше пожалован к Св. Пасхе в действительные статские советники 10.04.1911 [41; 47].

1914 год: Высочайше пожалован к Св. Пасхе орденом Св. Владимира 3-й степени 06.04.1914 [41; 47].

1916 год: Определением Правительствующего сената от 14.01.1916 по собственным заслугам (по ордену) был признан в потомственном дворянстве (свидетельство от 26.01.1916 за № 271. Указ по Департаменту герольдии от 14.06.1916 за № 1888 был дан через Петроградского градоначальника. 08.10.1916 через доверенное лицо В.М. Поляка Д.С. Поляков возбудил дело о гербе: «… дяди пользуются со своим потомством уже в течении многих лет одинаковыми гербами… чтобы и ему было предоставлено право пользоваться гербом… во всех подробностях совпадающим с гербами Якова и Лазаря Соломоновичей Поляковых, за исключением слов девиза, заменив таковые словами БОГ МНЕ СУДЬЯ, как перевод имени моего доверителя Даниил». Сенаторы заслушали дело 19.01.1917: «…изготовив по правилам геральдики проект герба рода дворян Поляковых, представить его установленным порядком на Высочайшее утверждение и попоследствии такового выдать… копии с того герба». Исполнено 08.02.1917. Необходимые 101 рублей внес статский советник Леон Варшавский [47].

Последние годы постоянно проживал в Париже (авеню Гош, 3) [47].

Помимо вышеуказанного был награжден орденами: Св. Владимира 4-й степени (25.01.1905), Св. Анны 2-й степени (21.5.1902), Св. Станислава 2-й степени (21.5.1896), Св. Анны 3-й степени (21.5.1893), Св. Станислава 3-й степени (26.2.1882) и иностранными [41; 43; 47].

Землевладелец Воронежской (4,963 десятин земли), Рязанской (3,35 дес. земли) и Тамбовской 2,3 дес. земли) [47].

Жена (замок Берггейм, округ Линц, Эрцгерцогство Верхняя Австрия, Австро-Венгерская Империя, 27.09.1898, обряд записан в книги израэлитского прихода в городе Линце): ***Альма-Антония Эдуардовна Рейсс*** (Черновцы, Герцогство Буковина, Австро-Венгерская Империя, 13/26.05.1879 — ?). Дочь доктора, земского и судебного адвоката, вице-бургомистра в Черновцах Эдуарда Рейсса и его супруги Фанни, урожденной Эренрейх [47 — л. 13–14 об.: свидетельство раввина Морица Фридмана.]. По предоставлению свидетельства Министерства юстиции Французской Республики о несудимости определением Правительствующего сената от 02.06.1916 также была признана в потомственном дворянстве по заслугам мужа [47.].

3. Элиэзер / Лазарь Соломонович Поляков (м. Дубровно Оршанского у. Могилевской губ., 1842–12.01.1914, в 10 часов вечера, «…в Париже, на пути из Биаррица в Россию. На 73 году жизни скоропостижно скончался от разрыва сердца» [13], Москва, Дорогомиловское еврейское кладб., семейный склеп 22.01.1914 [14]; в 1930-е прах перенесен на Востряковское кладб.).

Глава Московского банкирского дома (с 1870), основатель «Банка Поляковых» (1873). Соучредитель и председатель Московского земельного банка, Международного банка, член двух десятков финансовых учреждений, комитетов и обществ. Соучредитель Соединенного банка. Персидский генеральный консул в Москве. Более сорока лет состоял в ведомствах Императорского Человеколюбивого общества и Попечительского Совета детских приютов. Персидский генеральный консул в Москве. На его пожертвования (640 тысяч рублей) было основано Новочеркасское атаманское техническое училище; его постоянным вниманием пользовался Московский музей изящных искусств Императора Александра III. Председатель Московской еврейской общины и многих еврейских благотворительных учреждений Москвы. Содержатель домашней синагоги. В значительной степени на его средства была выстроена и содержалась Московская хоральная синагога и учебные заведения при ней.

1860–1864 годы: оршанский 1-й гильдии купеческий сын (при капитале отца) [17 — л. 3–3 об.].

1864–1869 годы: оршанский 1-й гильдии купеческий брат (при капитале брата Якова) [17 — л. 3–3 об.].

С 1869 года: Таганрогский 1-й гильдии брат (при капитале брата Якова) [17 — л. 3–3 об.], затем московский 1-й гильдии купеческий сын [45].

1870 год: По представлению и.д. министра путей сообщения за особые усердие и труды, оказанные при сооружении Курско-Харьковско-Азовской железной дороги Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени. 23.07.1870 было подано прошение о признании его с семейством в правах потомственного почетного гражданства. Определением Правительствующего сената от 10.08.1870 признан вместе с семейством в этом звании (указ по Департаменту от 08.10.1870 за № 9571 дан был через Санкт-Петербургскую управу благочиния). Получив соответствующую грамоту, Я.С. Поляков 25.08.1870 запросил Сенат о выдаче ему грамоты с художественной отделкой (что стоило ему 75 рублей помимо гербовых пошлин) и 15.10.1870 о выдаче каждому в отдельности свидетельства (что обошлось ему по 5 рублей за каждое) [17].

1873 год: Открытие в Москве «Банкирского дома Лазаря Полякова», временно московский 1-й гильдии купец (до 1896, а возможно и далее) [18; 19].

1874 год: Всемилостивейше пожалован в звание коммерции советника 05.01.1874 (за пожертвование Московскому промышленному музею 15 тыс. руб.) [18].

1880 год: За особые труды и усердие по Антропологической выставке в Москве 01.01.1880 Всемилостивейше награжден чином статского советника [19].

1883 год: Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 07.06.1883 директор Московского попечительского о тюрьмах комитета и попечитель Московского исправительного арестантского отделения статский советник Л.С. Поляков за отличие по службе был пожалован в действительные статские советники [11]. 15.06.1883 Высочайшим соизволением признан Турецким консулом в Москве [19].

1884 год: Правительствующий сенат определением от 17.12.1884 отказал в удовлетворении прошения о признании с семейством в потомственном дворянстве по чину действительного статского советника (директорам тюремных комитетов не присвоены права государственной службы) [11].

1886 год: В качестве члена Попечительского совета заведений общественного призрения в Москве 15.05.1886 Высочайше пожалован орденом Св. Владимира 3-й степени для нехристиан установленном. Подал вторично прошение в Правительствующий сенат о признании за ним по ордену прав потомственного дворянства. Прошение было отклонено решением Первого и Общего департаментов. Дело по этому прошению формально завершилось указом Правительствующего сената по Департаменту герольдии от 05.12.1889 за № 5815, данного через Московское губернское правление [11; 52 — л. 1].

1890 год: Указом Правительствующего сената от 15.06.1883 признан Персидским консулом в Москве [19].

1894 год: В месяц шавваль 1311 / в марте 1894 с женой и всеми детьми пожалован шахиншахом Насер-эд-Дином в баронское достоинство (фирман за № 1582) [19 — л. 2–2 об.: в переводе на русский язык].

1896 год: В качестве попечителя Мариинского благотворительного приюта 01.01.1896 в воздаяние особых трудов и заслуг по ведомству Императорского Человеколюбивого общества Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Станислава 1-й степени. Вновь возбудил дело о признании в правах потомственного дворянства, однако Правительствующий сенат, приняв во внимание, что лица иудейского вероисповедания могут вступать в государственную службу только в случае приобретения установленных законом ученых степеней, признал, что Л.С. Поляков, как не получивший такой степени по образованию, не мог быть принят на государственную службу и должен считаться состоящим в должности попечителя лишь зауряд, и отказал в удовлетворении просьбы [11; 52]. 14.04.1896 Л.С. Поляков подает в Департамент торговли и мануфактур прошение о благосклонном содействии в исходотайствовании Высочайшего соизволения на пользование в России баронским титулом, дарованным шахом Персии. К прошению был приложен перевод на русский язык шахского фирмана и отношение товарища министра финансов В. Коковцова («…со стороны Министерства финансов препятствий не встречается») [19]. Из отношения Министерства иностранных дел от 08.05.1897: «…ни в Персии, ни в прочих государствах мусульманского востока баронского титула не существует и пожалование Шахом г-на Полякова такового титула представляется случаем безпримерным. Хотя мы не имеем, конечно, ни права, ни возможности препятствовать Шаху жаловать несуществую-

щий в Его владениях баронский титул, тем не менее разрешение русско-подданным пользоваться таким титулом в России представило бы известные неудобства. При той легкости, с которой получаются в Персии различные звания и титулы, могло бы со временем образоваться немало русско-подданных, носящих титул персидского барона, и при том, быть может, таких, общественное положение коих в Отечестве не соответствовало бы этому титулу. Дабы предотвратить могущие встретиться в будущем злоупотребления в жаловании Персидским Правительством русско-подданным не существующих в Персии званий и титулов, Министерство иностранных дел полагало бы более соответственным упомянутое ходатайство действительного статского советника Полякова оставить без удовлетворения» [19 – л. 4–5 об.].

1897 год: По Всеподданнейшему докладу помощника главного попечителя Императорского Человеколюбивого общества сенатора Марковича 17.05.1897 Государь Император Всемилостивейше дозволил предоставить Л.С. Полякову по чину действительного статского советника и ордену Св. Станислава 1-й степени права и преимущества, указанных в ст. 22 и 37 Закона о состояниях (Т. IX Свода законов, изд. 1876) и ст. 143 Учреждения об орденах (Т. I, часть II, изд. 1892), т.е. прав действительной службы и получения за определенные заслуги потомственного дворянства. 21.05.1897 об этом было сообщено Министерству юстиции, а 29.05.1897 предложено Правительствующему сенату к исполнению, т.е. оформлению потомственного дворянства. Определением Правительствующего сената от 27.11.1897 вместе с женой и детьми: Михаилом, Раисой, Ильей, Исааком, Яковом, Александром и Вениамином признан в потомственном дворянстве с правом внесения в 3-ю часть дворянской родословной книги. Указ Правительствующего сената по Департаменту герольдии от 05.03.1898 был доведен до сведения через Московского обер-полицмейстера [11; 31; 52].

1898 год: Определением Орловского дворянского депутатского собрания от 23.06.1898[10] на основании свидетельств Департамента герольдии Правительствующего сената от 14.12.1897 (№ 3875) внесен вместе с женой Розалией Павловной (№ 3876) и детьми: Михаилом (№ 3877), Ильей (№ 3880), Раисой (№ 3883), Исааком (№ 3881), Яковом (№ 3879), Александром (№ 3878) и Вениамином (№ 3882) в 3-ю часть дворянской родословной книги Орловской губернии [45 — л. 74 об.; 32]. В течение всего года пытался убедить Общее Собрание первых трех Департаментов Правительствующего сената в праве само-

державного монарха (Персидского шаха) жаловать те титулы, которые он считает возможными [19].

1905 год: 27.01.1905 подал прошение об изготовлении ему диплома на дворянство и герб [52]. Определение Правительствующего сената от 07.04.1905: изготовить Л.Я. Полякову диплом на дворянство и герб. За изготовление диплома, серебряный ковчег и пошлину за внесение герба в «Общий Гербовник» выставлен счет на 350 руб. серебром, за изготовление трех дополнительных листов — 78 руб., за переплет для диплома — 23 руб. [53]. 23.11.1905 Высочайше утвержден дворянский герб [61]. За изготовление восьми копий с герба для жены и детей по указу Правительствующего сената от 31.05.1906 за № 83 внес еще 320 руб. серебром [52; 53].

1906 год: По ведомству учреждений императрицы Марии 21.04. 1906 Высочайше пожалован в тайные советники. 04.05.1906 уволен от должности попечителя детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии [53 — л. 26; 45].

1913 год: Л.С. Поляков составил записку о желании получить титул барона за свою долголетнюю деятельность по развитию российской промышленности и торговли (особенно подчеркивались заслуги семьи Поляковых в укреплении интересов России в Персии) и широкую благотворительную и общественную деятельность, которую направил на имя Ея Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны с прошением о ходатайстве перед высочайшей властью. Вследствие бюрократических проволочек[11] только в декабре 1913 года дело было доложено императору Николаю II, после чего появилась записка за подписью главноуправляющего Собственной Е. И. В. канцелярии тайного советника В.И. Мамонтова, датированная 15 декабря 1913 года: «Высочайше повелено выяснить в каких ведомствах состоят те учреждения, на которые жаловал Тайный Советник Поляков и, затем, вновь доложить это дело Его Величеству в конце Великого поста для решения вопроса о том, кому именно поднести Государю Императору Указ к подписанию» [20 — л. 18]. Увы, тридцатитрехлетняя история попыток заполучить баронский титул оборвалась — 12.01.1914 скончался последний из трех братьев Поляковых. Следующее поколение уже не обладало тем могуществом и влиянием. 07.05.1915 дело о пожаловании баронского достоинства Поляковым было сдано в архив [20].

Помимо вышеупомянутых орденов имел награды: Св. Владимира 4-й степени (28.09.1882), Св. Анны 2-й степени (19.07.1877), Св. Ста-

нислава 2-й степени (20.11.1874), Св. Анны 3-й степени (09.04.1872), персидский Льва и Солнца 2-й степени (Высочайше дозволено принять и носить 15.12.1872) и 1-й степени (Высочайше дозволено… 01.01.1875), черногорского кн. Даниила I 2-й степени (Высочайше дозволено… 22.12.1881), Румынский крест (Высочайше дозволено… 26.04.1883), бухарский Золотой Звезды (Высочайше дозволено… 27.12. 1893), турецкий Меджидие 2-й степени (Высочайше дозволено… 16.05. 1894) и 1-й степени (Высочайше дозволено… 03.10.1895) [18; 19; 45].

Жена (14.03.1862 [52]): ***Розалия Павловна Выдрина*** (? — после янв. 1914).

Определением Московского окружного суда от 25.04.1897 за неимением в Москве в начале 1860-х годов раввина по свидетельским показаниям брак Л.С. Полякова и рождение его старших детей были признаны законными, на основании чего постановлено было выдать им законные метрики [52 — л. 54–55 об.]. Не следует ли из этого, что брак и рождение старших детей состоялись в Москве?

ДЕТИ:

1) Зинаида Лазаревна (Орша Могилевской губ., 15.01.1862 [17 — л. 6 об.: свидетельство оршанского общественного раввина Боруха Ривлина] или в Москве в 1863 [52 — л. 15: свидетельство московского общественного раввина З. Минора] — ?). Муж (до 1896): **Робин (Рубен) Габбе (Габбай)**. Британский подданный [52].

2) Азий Лазаревич (Орша Могилевской губ., 28.04.1864 [17 — л. 6 об.: свидетельство оршанского общественного раввина Боруха Ривлина] – до 1896).

3) Хая / Ксения Лазаревна (Орша Могилевской губ., 20.04.1865 [17 — л. 6 об.: свидетельство оршанского общественного раввина Боруха Ривлина] или в Рязани 20.08.1865 [52 — л. 16: свидетельство рязанского раввина Зуси Иосифова Колманка] — ?). Муж (до 1896): **Леви**. Итальянский подданный.

4) Менандр (Менайдор) / Михаил Лазаревич (Орша Могилевской губ., 08.07.1867 [17 — л. 6 об.: свидетельство оршанского общественного раввина Боруха Ривлина], или в Рязани [52 — л. 18: свидетельство рязанского раввина Зуси Иосифова Колманка] — ?). Титулярный советник (1896).

5) Аарон / Арон Лазаревич (Орша Могилевской губ., 06.05.1869 [17 — л. 6 об.: свидетельство оршанского общественного раввина Бо-

руха Ривлина] — Больё-сюр-Мер, деп. Приморские Альпы, Франция, 05.05.1895, в 9.30 вечера, от туберкулеза легких, похоронена 15.05. 1895, Москва, Дорогомиловское еврейское кладбище [58 — л. 21: выпись из метрической тетради московского раввина]). По окончании курса наук в Императорском Лицее в память Цесаревича Николая в юридической испытательной комиссии Императорского Московского университета был удостоен диплома 2-й степени (22.11.1890), а затем 1-й степени (30.05.1893). Служил в Министерстве путей сообщения. Коллежский секретарь (08.03.1894). Умер, состоя на службе [58].

6) Илья Лазаревич (Харьков, 13.05.1870 [17 — л. 6 об.–7 и 52 — л. 19, 51–51 об.: свидетельство харьковского губернского раввина] — ?).

7) Рахиль / Раиса Лазаревна (22.05.1871 [52 — л. 17, 47–47 об.: свидетельство московского раввина З. Минора и выписка из книги 2-го участка Мясницкой части Москвы] — ?).

8) Исаак Лазаревич (12.03.1873 [52 — л. 20, 53: свидетельство московского раввина Я. Мазе] — Ницца, деп. Приморские Альпы, Франция, 23.03.1937 [21]). Кандидат прав. Член правлений Общества Московско-Киевско-Воронежской железной дороги, Московского земельного банка, Соединенного банка, Московского торгового общества, Общества телефонных сооружений. Коллежский советник.

9) Яков Лазаревич (13.12.1876 [52 — л. 21, 48–48 об.: свидетельство московского раввина З. Минора и выписка из книги 2-го участка Мясницкой части Москвы] — ?).

10) Александр Лазаревич (20.08.1879 [52 — л. 22, 49–49 об.: свидетельство московского раввина З. Минора и выписка из книги 2-го участка Мясницкой части Москвы] — Ницца, деп. Приморские Альпы, Франция, 02.01.1942, 62 лет от роду [22]). Кандидат прав Демидовского юридического лицея (30.01.1903). С 20.12.1906 состоял в гражданской службе по ведомству Императорского Человеколюбивого общества [49 — л. 11–12]. Член оценочной комиссии Ярославского земельного банка, член правлений Московского земельного банка и Соединенного банка. Кандидат в директора правления АО «Богатырь». Председатель правления акционерного Лесного общества. Член правления Московского общества для сооружения и эксплуатации подъездных путей в России.

11) Вениамин Лазаревич (04.12.1881 [52 — л. 23, 50–50 об.: свидетельство московского раввина З. Минора и выписка из книги 2-го участка Мясницкой части Москвы] – ?).

Лазарю Соломоновичу Полякову приписывается еще один **С Ы Н** :

Дмитрий Лазаревич Поляков (Санкт-Петербург, 16.02.1883 — концентрационный лагерь Аушвиц, близ Освенцима, Краковский окр., Генерал-губернаторство, Германская Империя, после 22.07.1942). Окончил курс Военно-медицинской академии. Военный врач, участник Первой мировой войны. Титулярный советник. В эмиграции во Франции занимался коммерцией. Был арестован нацистами во время оккупации Франции [27].

Нам этот сын представляется крайне сомнительным; он не упоминается ни в одном из известных нам формулярных списках, ни в делах о дворянстве.

(?) **В Н Е Б Р А Ч Н А Я Д О Ч Ь** Л.С. Полякова:

Анна Павловна (Матвеевна) Павлова (Санкт-Петербург, 31.01. 1881 — Гаага, Нидерланды, 23.01.1931, Лондон, колумбарий крематория Голдерс-Грин). Русская артистка балета.

Дочь отставного солдата Матвея Павлова и прачки Любови Федоровой (Павловой).

Олег Керенский в своей монографии [62] приводит утверждение Владимира Лазаревича Полякова о том, что она была дочерью его отца — Лазаря Соломоновича Полякова. Видимо, от В.Л. Полякова в биографию балерины попали сведения о том, что ее мать Любовь Федорова в 1880 состояла в услужении в доме Поляковых, а затем внезапно исчезла. Историк театра и моды Александр Васильев во вступительной статье к книге гражданского мужа балерины Виктора Дандре [63] приводит другую, более правдоподобную на его взгляд, версию о происхождения балерины: ее отцом был Шабетай Шамаш, караим из Евпатории, взявший себе имя Матвей и открывший в 1880 в Санкт-Петербурге прачечную.

Американский импресарио балерины Сол Юрок в своих мемуарах [64] писал, что Павлова разрешила ему после ее смерти огласить ее еврейское происхождение.

Литература

Ананьич Б.В. Братья Поляковы // Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. М., 1991.

Заславская Е.Б. Братья Поляковы — коммерсанты, дворяне, евреи // http://world.lib.ru/z/zaslawskaja_e_b/smuta-4.shtml

Лобовская М. Прогулки по Москве // Русский еврей. 1997, осень. С. 24–28.
Мартынов С. Финансовая империя братьев банкиров Поляковых // Финансы и банкирский промысел. Штиглиц. Гинзбурги. Поляковы. Рябушинские. СПб., 1993. С. 63–74.
Поляков А.И. «Серебряный самовар» — воспоминания // Семья Поляковых / Сост. и предисл. Л. Васильевой. М., 1995.
Шумков А.А. Супруги Поляковы // *Гасперович В., Шумков А.* Российские могилы на римском кладбище Verano. СПб., 1996. С. 25–29.

Источники

1. «Биржевые ведомости». 1909, 14/27 нояб. № 11415. С. 1; «Новое время». 1909, 13/26 нояб. № 12096. С. 1. Заупокойное богослужение в Санкт-Петербургской Главной синагоге (Офицерская ул./Б. Мастерская ул.) состоялась 19.11.1909, в 16 S часов [Там же. 1909, 19 нояб./2 дек. № 12102. С. 1]. Заупокойное богослужение в Таганрогской синагоге состоялась 15.11.1909, в 11 часов утра [«Таганрогский вестник». 1909, 15 нояб. № 229].
2. «Последние новости». 1927, 27 дек. № 2470.
3. *Гасперович В., Шумков А.* Российские могилы на римском кладбище Verano. СПб., 1996. С. 21.
4. «Последние новости». 1927, 27 дек. № 2470.
5. «Новое время». 1906, 18/31 марта. № 10779. С. 1; *Иванова Е.В., Скворцова Н.В.* Поляков Виктор Лазаревич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 64–65.
6. РГИА, ф. 231, оп. 1, кн. 1.
7. РГИА, ф. 1409, оп. 4, д. 885.
8. РГИА, ф. 1409, оп. 4, д. 12779.
9. «Последние новости». 1929, 3 сент. № 3086.
10. «Новое время». 1888, 13/25 апр. № 4355; Петербургский некрополь / Сост. В.И. Саитов. Т. 3. СПб., 1912. С. 460.
11. РГИА, ф. 1405, оп. 99, д. 12597.
12. «Новое время». 1909, 26 июля/8 авг. № 11986. С. 1; 27 июля/9 авг. № 11987. С. 1. Заупокойное богослужение в Санкт-Петербургской Главной синагоге (Офицерская / Б. Мастерская ул.) состоялась 7.8.1909, в 11 часов утра. — Там же. 1909, 6/19 авг. № 11997. С. 1.
13. «Голос Москвы». 1914, 14 янв. № 10. С. 5; 1914, 14 мая. № 12. С. 1.
14. Похороны Л.С. Полякова // «Голос Москвы». 1914, 23 янв. № 18. С. 4.
15. РГИА, ф. 23, оп. 11, д. 1134.
16. РГИА, ф. 1405, оп. 88, д. 2007.
17. РГИА, ф. 1343, оп. 39, д. 3797.
18. РГИА, ф. 20, оп. 4, д. 4465.
19. РГИА, ф. 20, оп. 2, д. 1185.
20. РГИА, ф. 1412, оп. 15, д. 812-а.

21. «Последние новости». 1937, 29 марта. № 5848.
22. «Новое русское слово». 1942, 6 янв. № 10549.
23. РГИА, ф. 560, оп.38, д. 157, л. 11–13 об.
24. РГИА, ф. 759, оп. 40, д. 778.
25. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3522, л. 38.
26. РГИА, ф. 744, оп. 1, д. 65, доклад № 616, л. 71–71 об.
27. Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь. Т. 2. М., 2010. С. 487.
28. РГИА, ф. 1343, оп. 39, д. 3800.
29. Русские захоронения в Биаррице / Опис. и сост. С. фон Кубе. М., 2012.
30. РГИА, ф. 20, оп. 2, д. 1209.
31. РГИА, ф. 1409, оп. 4, д. 12780.
32. Алфавитный указатель утвержденных Правительствующим сенатом дворянских родов, внесенных в дворянскую родословную книгу Орловской губернии, с показанием родословия каждого рода. Указатель составлен на основании протоколов Орловского дворянского депутатского собрания состоявшихся по 1900 г. [Орел, 1901]. Экземпляр библиотеки РГИА (инв. № 77443), л. 214 об.–215. Литера П, № 86.
33. РГИА, ф. 229, оп. 10, д. 2327.
34. РГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 4895. С формулярными списками за 1875 и 1885 гг.
35. РГИА, ф. 1343, оп. 37, д. 30476.
36. РГИА, ф. 1343, оп. 37, д. 30477.
37. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 22674.
38. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 125207.
39. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 35773. Фотография на л. 2.
40. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 38135.
41. ЦГИА СПБ, ф. 394, оп. 1, д. 9507, л. 30.
42. ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 65758.
43. РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 3555, л. 13–19.
44. РГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 4895. По Высочайшему повелению, 1876–1885 гг.
45. РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 3556, л. 71–76 об.
46. РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 3558, л. 79–81.
47. РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 19782. По ордену, 1911–1917 гг.
48. РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1764.
49. РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 3553.
50. РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 19789. По ордену, 1897–1916 гг.
51. РГИА, ф. 626, оп. 1, д. 1076, л. 217–233-а.
52. РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 19791. По ордену, 1897–1906 гг.
53. РГИА, ф. 1343, оп. 49, д. 1372. Проект герба, л. 8.
54. РГИА, ф. 1343, оп. 49, д. 1373. Проект герба, л. 9.
55. ЦГИА СПБ, ф. 381, оп. 1, д. 587, часть III, л. 341–346.
56. РГИА, ф. 1102, оп. 3, д. 181.
57. РГИА, ф. 1102, оп. 4, д. 633.
58. РГИА, ф. 229, оп. 10, д. 2326.

59. Поляковы, братья // КЕЭ. Т. 6, кол. 670–672 // http://eleven.co.il/article/13266
60. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. XVIII. № 29.
61. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. XVIII. № 28.
62. *Kerensky O*. Anna Pavlova. New York, 1973.
63. *Дандре В*. Анна Павлова: История жизни. М., 2003.
64. *Hurok S.* Impressario. New York, 1946.

Примечания

[1]Эта дата, приводимая многими авторами в статьях и интернет-публикациях, не заслуживает доверия: ни одна газета не сообщила за этот год о его смерти и погребении, что нельзя воспринимать как нонсенс. Заметим, что в связи с Соломоном Лазаревичем откровенных выдумок еще более, чем по отношению к его сыновьям.

[2] Постановление не было представлено своевременно на ревизию Департамента герольдии (что и не нужно было делать, так как само определение Собрания было вынесено на основании указа Правительствующего сената по Департаменту герольдии. — *А.Ш.*), не было свидетельства о не состоянии в подушном окладе, в дворянской родословной книги Области не существует 3-й части (что чистое лукавство; господа дворяне Области вовсе не вели обязательной по закону дворянской родословной книги, ссылаясь на свою специфику, но при этом многие десятки гражданских чиновников Войска Донского оформляли свое дворянство именно исходя из того, что их ордена и гражданские чины дают им право на 3-ю часть. — *А.Ш.*) и то, что в заседание 17.03.1898 отсутствовал депутат от Ростовского округа (правильно от Ростовского градоначальства; по закону все решения дворянских собраний считались законными при квалифицированном большинстве, т.е. принятыми 2/3 голосов. — *А.Ш.*) [35].

[3] Во всех известных нам источниках датой его рождения называется — 7/21, а в ряде случаев указывается 1852. Последнее – откровенная ошибка, о причинах появления другой даты рождения судить не беремся, однако именно 07.11.1852 указано в формулярном списке его отца на 1886 [38] и его собственном на 1890 [48 — л. 70–74].

[4] Высочайшим повелением по докладу министра путей сообщения 25.01.1890 был ограничен прием в Институт поляков до 10 % от общего числа абитуриентов и прекращен прием евреев.

[5] Миссия Е.И.В. Шахиншаха Персии в Санкт-Петербурге.

Мы, Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Его Императорского Величества Шаха в Санкт-Петербурге, подтверждаем, что фирманом Его Величества, нашего Августейшего Суверена, от числа согласно свидетельству Его Высочества Эминуса Султана, Великого Визиря Персии, господин Дмитрий де Поляков имеет наследственный титул барона, пожалованный его деду господину барону Якову С. де Полякову, и утверждённый герб.

Во свидетельство чего настоящее удостоверение и выдано ему за нашей подписью и с приложением печати Миссии.

Господин Мирза Махмуд Хан

Секретарь Миссии Исаак Хан (*фр. яз.*).

[6] В формулярном списке отца на 1886 указана иная дата — 17 марта 1874. Год записан явно ошибочно [38].

[7] «Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем» сообщает другой год рождения — 1836 (Т. XII. Стлб. 734).

[8] А.М. Варшавский умер 4.4.1888.

[9] В формулярном списке отца за 1875, где она названа Еленой, указана другая дата рождения — 27.11 [34 — л. 16–21].

[10] Дело о внесении Поляковых в дворянскую родословную книгу не сохранилось ни в фонде Департамента герольдии (РГИА, ф. 1343), ни в плохо сохранившемся фонде орловского дворянского депутатского собрания (ГАОО, ф. 68).

[11] Замечательна одна из записок, за неразборчивой подписью неведомого чиновника приобщенная к делу Полякова: «За отсутствием Всеподданнейшего прошения и вследствие того, что памятная записка была препровождена на усмотрение, можно ограничиться ее приобщением к делу» [20 — л. 9].

Александр Богинский
(Солнечногорск)

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР: XIX—XX вв.

В нижеприведенной поколенной росписи приведены краткие биографии представителей семьи Гольденвейзер (Goldenweiser), которая всего немногим более чем за 100 лет дала миру поразительно много выдающихся деятелей в области науки, культуры, юриспруденции, экономики. Гольденвейзеры находятся в родстве и в свойстве с рядом известных в современной истории России фамилий. Гольденвейзеров коснулись и трагические в истории России события — эмиграция, репрессии…

В настоящее время в России живут только потомки Гольденвейзеров по женским линиям, носящие другие фамилии. Потомство же Александра, Эммануила и Алексея Александровичей Гольденвейзер, эмигрировавших в США, автору неизвестно.

Все даты до февраля 1918 г. приводятся по юлианскому календарю (т.н. «старому» стилю).

I ПОКОЛЕНИЕ

1. Соломон (Хаим-Шлёма) Израилевич Гольденвейзер.

Родился, вероятно, в 1810-х гг.

В 1851 году — мещанин г. Умани Киевской губернии, перечислялся в местные купцы. В 1855 году — купец 3-й гильдии г. Умани Киевской губернии [1]. Впоследствии (на момент 10-й ревизии в 1858 г.) жил в г. Екатеринославле [1], купец 2-й гильдии г. Екатеринослава (*с 1926 г. — г. Днепропетровск*). Имел 2-х этажный каменный дом в г. Минске [2].

Умер после июля 1873 г.

Жена: ***Эсфирь Яковлевна NN.***

II ПОКОЛЕНИЕ

2/1. Моисей (Мойше) Соломонович Гольденвейзер (ок. 1837/1838 — ?)**.**

Родился в 1837–1838 гг.

Из Одесского еврейского училища 4 октября 1850 г. поступил на казенное содержание в Житомирское раввинское училище, где 12 сентября 1856 г. окончил педагогический курс. В сентябре 1857 г. поступил своекоштным студентом в Императорский Киевский университет Св. Владимира на историко-филологический факультет, окончил 3 курса (6 семестров) и по прошению уволен 19 августа 1860 г. По прошению от 9 октября 1860 г. принят на 1-й курс юридического факультета Императорского Московского университета. По окончании университета удостоен степени кандидата права. Адвокат, присяжный поверенный. Занимался литературной деятельностью [1, 4]. На 1890 г. — коллежский секретарь. 15 августа 1890 г. стал крестным отцом племянника — Льва Владимировича Гольденвейзера [2].

3/1. Борис (Рудольф, он же **Рувим) Соломонович Гольденвейзер** (1839–1916)**.**

Родился 14 мая 1839 г. в Юго-Западном крае России.

Учился в Житомирском раввинском училище. В сентябре 1859 г. поступил в число допущенных к лекциям, впредь до зачисления в студенты Императорского университета святого Владимира в Киеве, слушал науки по юридическому факультету. По прошению уволен 19 августа 1860 г. По прошению от 9 октября 1860 г. принят студентом юридического факультета Императорского Московского университета. В 1863 окончил университет со степенью действительного студента. В октябре того же года уехал на год за границу. Вернувшись, выдержал экзамен и в 1865 г. удостоен степени кандидата права. Поступил на службу в Министерство юстиции следователем в г. Елец Орловской губернии. Проработав несколько лет в разных уездах губернии и в самом Орле, вышел в отставку и переселился в г. Кишинев, где в округе Одесской судебной палаты занимался адвокатской деятельностью в течение 17 лет. Коллежский секретарь. Затем переехал в Москву, где продолжил (впервые стал писать еще студентом в 1861 г.) сотрудничество с «Московскими Ведомостями». В 1890–1896 гг. писал статьи в «Русское обозрение». Осенью 1911 г. редакция «Московских ведомо-

стей» по поводу 50-летия публицистической деятельности поднесла ему золотой жетон. Жил на Пречистенке, 9.

Умер в Москве 6 июля 1916 г., похоронен 8 июля 1916 г. на Ваганьковском кладбище [1, 3, 28].

Жена: ***Варвара Петровна***, урожденная ***Щекотихина*** (1848–1898), похоронена на Ваганьковском кладбище [28, 31].

4/1. Владимир Соломонович Гольденвейзер (1853–1919)**.**

Родился 16 марта 1853 г. Сын Екатеринославского 2-й гильдии купца.

В 1879 г. окончил Институт инженеров путей сообщения императора Александра I (в С.-Петербурге) со званием гражданского инженера. Служил с 15 марта 1892 г. по Министерству путей сообщения. Служил в Обществе Юго-Западных железных дорог. Коллежский секретарь — 28 апреля 1893 г. со старшинством с 15 марта 1892 г. Штатный инженер VIII класса, начальник 20-й дистанции Юго-Западных железных дорог — 10 ноября 1895 г. Титулярный советник — 12 октября 1896 г. со старшинством с 15 марта 1895 г. Коллежский асессор — 22 ноября 1898 г. со старшинством с 15 марта 1898 г. [2]. Надворный советник. Выйдя в отставку, переехал в Москву. Работал в Управлении по сооружению новых линий Московско-Казанской железной дороги. Член Московского отделения Императорского Русского Технического Общества [10]. Сотрудничал в журнале «Инженер» [5]. Автор работ «Очерк развития вопроса об очистке сточных вод» (Киев, 1899); «Туннель под Ламаншем. Подводная железная дорога между Францией и Англией» (Киев, 1917).

Умер в Москве в 1919 г. [26].

Жена: ***Анна Марковна Рейнгерц***, иудейского вероисповедания [2]. Умерла в 1928 или 1929 г. в Гомеле [26].

5/1. Александр Соломонович Гольденвейзер (1855–1915)**.**

Родился 14 февраля 1855 г. в г. Канев Киевской губернии.

В 1876 г. окончил курс С.-Петербургского университета. В 1876 году поселился в Москве, но вскоре переехал в Киев. Юрист. Адвокат, присяжный поверенный в Киеве. Автор многочисленных работ, в том числе: «Преступление как наказание, а наказание как преступление. Мотивы толстовского «Воскресения»», «Герберт Спенсер. Идеи свободы и права в его философской системе». Читал лекции в Париже

(1902), участвовал в международных юридических конгрессах в Будапеште, Париже, Вашингтоне.

Умер и похоронен в Киеве в мае 1915 г. [5, 6, 7, 18].

6/1. Яков Соломонович Гольденвейзер (1862 — ?)**.**

Родился 1 июня 1862 г. в г. Екатеринославе.

С 1873г. по 1880 г. обучался в Екатеринославской гимназии и с 1880 г. по июнь 1882 г. — в Кишиневской гимназии, где окончил VIII классов. 29 декабря 1881 г. получил свидетельство на 1882 г. о принадлежности к купеческому 2-й гильдии сословию Екатеринослава. С 15 августа по 8 октября 1882 г. учился на 1 курсе физико-математического факультета по отделению естественных наук Императорского Московского университета. 16 октября 1882 г. перевелся на 1 курс медицинского факультета Императорского университета Св. Владимира в Киеве, где проучился 1-й и 2-й курс, но 30 сентября 1884 года был уволен из-за учебной задолжности. 30 января 1885 г. подал прошение о зачислении на юридический факультет Императорского Московского университета и был принят на 2-й курс. В мае 1887 г. сдал экзамены на степень кандидата права и 19 декабря 1887 г. определением университета утвержден в этой степени. Уехал в Киев, в марте 1888 г. жил в г. Киеве на улице Рейтарской, дом 13.

Умер после 1917 г.

III ПОКОЛЕНИЕ

7/2. Николай Моисеевич Гольденвейзер.

Драматический писатель [5].

8/2. Наталия Моисеевна Гольденвейзер.

В 1900 г. окончила полный курс с золотой медалью и 8-й дополнительный класс со свидетельством на звание домашней учительницы в 4-й Московской гимназии Ведомства Императрицы Марии. Поступила на историко-филологический факультет Московских Высших женских курсов на историческое отделение. Будучи на 2-м курсе, в начале 1902 г., просила о переводе из действительных в вольнослушательницы, т.к. осенью поступила в консерваторию, но хотела бы продолжать посещать лекции на Курсах [23].

Муж (фактически с 1904 г., в 1914 г. венчались по лютеранскому обряду): **Михаил Осипович** (*Мейлих Иосифович*) **Гершензон** (1/13.07. 1869, Кишинев — 19.02.1925, Москва) — литературовед, философ, публицист и переводчик.

Сын — **Сергей Михайлович Гершензон** (11.02.1906, Москва — 7.04.1998, Киев) — генетик, академик АН Украины (1976), Герой Социалистического Труда (1990).

Дочь — **Наталия Михайловна Гершензон-Чегодаева** (1907–1977) — искусствовед; жена искусствоведа, профессора **Андрея Дмитриевича Чегодаева** (1905–1994).

9/3. Татьяна Борисовна Гольденвейзер (1869–1955)**.**

Родилась в 1869 г.

Жила в Москве в квартире брата Александра Борисовича.

Умерла в 1955 г. Похоронена на Ваганьковском кладбище, участок 11 [31].

Муж (впоследствии развелись): ***Константин Алексеевич Софиано*** (1891–1938), сын генерал-лейтенанта Алексея Семеновича Софиано (1854–1929), репрессирован [11, 25]. До революции окончил военное училище.

10/3. Николай Борисович Гольденвейзер (1871–1924)**.**

Родился в 1871 г.

Преподаватель истории и юрист, переводчик. Преподаватель Московского Императорского лицея в память цесаревича Николая. Переводчик книги «Заговор Катилины» (М., 1916).

Умер в 1924 г. [5, 7]. Похоронен на 11 участке Ваганьковского кладбище [31].

11/3. Александр Борисович Гольденвейзер (1875–1961)**.**

Родился 26.2(10.3).1875 г. в г. Кишиневе.

Пианист, педагог, композитор, общественный деятель, музыкальный писатель.

Окончил в 1895 г. Московскую консерваторию по классу фортепиано (проф. Зилоти и Пабст), в 1897 г. — по классу композиции (проф. Аренский, С. Танеев, Ипполитов-Иванов). Познакомился с графом Л.Н. Толстым в январе 1896 г. и был близок к нему до самой смерти Толстого. Свидетель при подписании духовного завещания Л.Н. Толстого. В 1906–1961 гг. — профессор Московской консерватории. Кол-

лежский асессор. С 1919 г. — проректор, в 1922–1924 гг. — ректор Московской консерватории, в 1932–1934 гг. — заместитель директора, в 1939–1942 гг. — директор консерватории, в 1936–1959 гг. — заведующий кафедрой консерватории. Доктор искусствоведения (1940), народный артист СССР (1946), лауреат Сталинской премии (1947). Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

Автор трёх опер («Пир во время чумы» (по А. С. Пушкину), «Певцы», «Вешние воды» (по И.С. Тургенев); кантаты «Свет Октября»; камерно-инструментальных ансамблей, фортепианных пьес, романсов (всего свыше 40 музыкальных произведений).

Автор воспоминаний: «Вблизи Толстого» (М., 1959); «Статьи, материалы, воспоминания» (М., 1969).

Крестный Андрея Дмитриевича Сахарова, будущего академика.

Умер 26 ноября 1961 г. в пос. Николина Гора близ Москвы. Похоронен на Ваганьковском кладбище [28], участок 11 [31].

1-я жена (брак 1903 г.): ***Анна Алексеевна Софиано*** (9.12.1881—4.11.1929) [7, 31]. Дочь генерал-лейтенанта Алексея Семеновича Софиано (1854–1929).

Сестра Анны Алексеевны — Екатерина (1893–1863) была замужем за Дмитрием Ивановичем Сахаровым (1889–1961), мать академика Андрея Дмитриевича Сахарова (1921–1989).

2-я жена: ***Елена Ивановна Грачева*** (1911–1998). Пианистка. После смерти мужа была заведующей музеем-квартирой А.Б. Гольденвейзера в Москве на Тверской, 17.

12/4. Елена Владимировна Гольденвейзер (по мужу **Утгоф**) (1881 — ?)**.**

Родилась в Бессарабской губернии в г. Кишиневе 30 октября 1881 г., иудейского вероисповедания.

Образование получила в Кишиневской гимназии, там же окончила специальный курс по истории и французскому языку. Дозволено исполнять обязанности домашней учительницы с правом преподавать историю и французский язык, но только своим единоверцам. По окончании гимназии слушала в продолжение двух семестров 1900/1901 учебного года лекции на философском факультете в Гейдельбергском университете. С 1 января 1902 г. была вольнослушательницей Педагогических курсов в Москве.

Владела немецким, французским и английскими языками.

13 декабря 1901 г. в Илье-Обыденской церкви в Москве крестилась с прежним именем Елена (указ Московской Духовной консистории от 5.12.1901 г. № 8547). Восприемники: коллежский секретарь Борис Соломонович Гольденвейзер и жена присяжного поверенного Мария Александровна Гольденвейзер.

4 мая 1902 г. в Кишиневе подала прошение о зачислении на историко-филологический факультете Московских Высших женских курсов.

Во время учебы в Москве жила у дяди Бориса Соломоновича Гольденвейзера. [21].

В годы Великой Отечественной войны жила под Новосибирском.

В 1952 г. пенсионерка, жила в Ялте.

Муж: ***Владимир Утгоф.*** Дети: ***Олег*** *и* ***Нина.***

13/4. Лев Владимирович Гольденвейзер (1883–1959)**.**

Родился 6 июня 1883 г. в г. Тирасполь Херсонской губернии. Крещён 15 августа 1890 г. в Покровской церкви с. Болгарии Аккерманского уезда Бессарабской губернии.

В 1901 году окончил восемь классов Кишиневской 2-й гимназии и поступил на юридический факультет Императорского Московского Университета, который окончил в 1907 году.

Участвовал в большевистской работе в период революции 1905 года. Был хорошо знаком с А.И. Мураловым, Г.Я. Сокольниковым и К. Б. Радеком.

В 1908 году учился в Москве в Лазаревском институте восточных языков.

Адвокат, помощник присяжного поверенного в Москве в 1908–1915 гг.

В 1915–1918 гг. — начальник мобилизационной части Московско-Казанской ж.д.

С 1917 г. увлекся театром, начинает ставить спектакли.

В 1917–1920 гг. учился и работал во Второй студии Московского художественного театра (ученик, помощник режиссера, заведующий сценой). В 1918 г. поставил спектакль «Воры» по А.П. Чехову. Был хорошо знаком с А.П. Зуевой, Ел.К. Елиной, А.И. Гузеевой, В.П. Баталовым, О.Н. Андровской и В.Я. Станициным (все бывшие студийцы).

В 1920 г. был арестован по обвинению в должностном преступлении, сидел в Бутырской тюрьме, приговорен к 5 годам общественных

трудовых работ. 29 августа 1921 г. арестован ОО ВЧК по подозрению в принадлежности к разведке Латвии. 17 сентября 1921 г. по ст. 66 и 58 ч. 1 УК РСФСР осужден к расстрелу. 15 ноября 1922 г. коллегия Верховного трибунала ВЦИК высшую меру заменила 5 годами лишения свободы [30].

С 1921 г. по 1923 г. болел и лежал в больнице.

В 1923–1924 гг. — режиссер театра «Красный факел» (в настоящее время этот театр находится в Новосибирске).

С 1924 г. — киносценарист.

В 1926 г. работал в Гомеле художественным руководителем и режиссером губернского театра им. М.И. Калинина. Там, во время гастролей Московского Государственного еврейского театра, познакомился с ведущим актером этого театра Зускиным, с которым поддерживал связь и в Москве, куда переехал в 1926 г. В 1948 г., после гибели С.М. Михоэлса, написал Зускину сочувственное письмо, но ответа не получил.

К 1927 году становится заведующим литературным отделом Госкино СССР и одновременно заведующим учебной частью студии кино актера.

В 1927 г. встречался в Москве с американской киносценаристкой Анной Стронг, которая рассказывала об организации кинопроизводства в США.

В 1927–1928 гг. его избирают членом правления Московского общества драматургических писателей и композиторов.

Много пишет, причем часто под псевдонимом «Аспар», благодаря которому попадает в «Словарь псевдонимов» И.Ф. Масанова (М., 1960).

В 1928–1929 гг. — уполномоченный общества драматургических писателей и композиторов по Закавказью.

В 1929–1932 гг. был сценаристом-консультантом «Кино Сибири». В 1931 г. на съемках под Красноярском своего фильма «Еще 12» подружился с А.А. Фадеевым, который там же снимал «Разгром».

В 1932–1937 гг. занимался литературной работой и был художественным руководителем клуба Митрохинской мануфактуры в Кировском районе Московской области.

Автор книг («Первый русский генерал — революционер Михаил Федорович Орлов», М., 1917; «Суд и самосуд», М., [19…] и др.), рассказов, пьес, киносценариев (х/ф «Случай на мельнице», 1926; х/ф «Бог войны», 1929; х/ф «Ещё 12», 1931).

Арестован в 1937 году по статье 58-10 (антисоветская пропаганда), провел в заключении 6 лет, до 1943 года.

В 1943–1944 гг. лежал в больнице (дистрофия).

В 1944–1945 гг. — культработник совхоза № 1 Томской железной дороги под Новосибирском, где жил у сестры Е.В. Утгоф в семье ее дочери Нины.

С осени 1945 г. до весны 1946 г. — художественный руководитель клуба Дворца искусств им. Л.М. Кагановича Томской ж.д. на станции Инская.

В 1946 г. — режиссер клуба завода им. В.П. Чкалова в Новосибирске.

В 1946–1947 гг. — режиссер ОСМ-77 в Новосибирске.

С февраля по июль 1947 г. болел, занимался литературной работой.

В 1947 г. встречался в Москве с М.В. Большинцовым, одним из руководителей Министерства кинематографии, и советовался с ним о возможности сдать в кинопроизводство задуманные им сценарии о Жуковском и Докучаеве.

В 1947 г. предложил Кореневу, секретарю московского журнала «Театр», статью «Юность театра» об истории театра «Красный факел». Статья не была принята к печати.

В 1949 г. послал Абраму Матвеевичу Гольденбергу (литературный псевдоним — Арго) свою статью «Пушкин на языке других искусств». Арго передал статью сотруднику Пушкинского Дома т. Эйгесу. Позднее Лев Владимирович получил от Эйгеса письмо, в котором тот выражал возмущение тоном и содержанием статьи.

С августа 1947 г. жил в городе Вятские Поляны Кировской области, где до 1949 г. работал руководителем театрального коллектива завода «Молот». Пишет роман в 7 частях — «Выдуманная жизнь» — очень афористичное произведение, в котором, как и в знаменитой книге Василия Семеновича Гроссмана «Жизнь и судьба», прослеживается сравнение двух деспотических идеологий: большевизма и нацизма, а также ГПУ и гестапо.

24 апреля 1952 г. снова арестован и 14 июня 1952 г. осужден Кировским облсудом по статье 58 (контрреволюционная деятельность) пункт 10 (пропаганда и агитация) часть 2 УК РСФСР с применением Указа Президиума Верховного Совета от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни». Приговор — 25 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

Срок отбывал в Кировской области, в апреле 1955 г. переведен в лагерь близ г. Плавска.

Освобожден из мест лишения свободы 11 ноября 1955 г. без снятия поражения в правах на основании постановления Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября 1955 г. (предписывалось выпустить некоторые категории осужденных старше 60 лет).

С конца 1955 г. жил в городе Плавске Тульской области, занимался переводами.

В 1958 г. приговор отменен за недоказанностью. Впоследствии, 10 мая 1989 г. был реабилитирован Президиумом Верховного Суда РСФСР.

Умер от инсульта 18 августа 1959 года в г. Плавске Тульской области [27].

1-я жена: ***Ольга Петровна Яросимович***, развелись до 1917 г. От неё имел детей **Ирину** и **Алексея**. С 1918 г. во втором браке за артистом оперетты ***Парпутти*** (умер в 1946 г.). В 1952 г. работала стенографисткой в Минтяжмаше СССР. Умерла в Москве 20 февраля 1961 года, похоронена на Востряковском кладбище [17].

2-я жена (с 1912 г., официально с 1916 г., развод около 1923 г.): ***Анастасия Николаевна Попова*** (11/23.01.1888, Тула — 1978, Москва), дочь писателя и журналиста титулярного советника дворянина Николая Елеазаровича Попова (1863–1917).

От этого брака дочери **Вера** (18.04.1913 — ок. 1990) и **Татьяна** (18.03.1917–18.03.2005).

Сестра Анастасии Николаевны — Вера Николаевна (30.07.1889–27.08.1982), артистка театра, была замужем за Анатолием Петровичем Кторовым [псевдоним, взятый в 1918 г., настоящая фамилия Викторов] (24.04.1898 — 30.09.1980), лауреатом Сталинской премии СССР (1952), народным артистом СССР (1963).

3-я жена (со 2-й половины 1920-х гг.): ***Анастасия Фил. Доброславская***, балерина Большого театра (развелись, затем она около 10 лет была замужем за артистом МХАТ Владимиром Васильевичем Грибковым /1902–1960/).

Примечания:

1) Исследованием творчества Льва Владимировича Гольденвейзера занимается сотрудник музея МХАТ имени А.П. Чехова Мария Федоровна Полканова.

2) Некоторые материалы о судьбе Л.В. Гольденвейзера предоставлены кировским краеведом Александром Львовичем Рашковским.

14/4. Евгений Владимирович Гольденвейзер (1885 — ?).

Родился 1 января 1885 г.

Врач. Автор пособия «Клиническая диагностика» для фельдшерских школ (издано в 1940 г. в Минске).

15/4. Елизавета Владимировна Гольденвейзер (1888 — ?).

Родилась 18 февраля 1888 г., крещена в православную веру.

В августе 1903 г. поступила по экзамену в 5-й класс Ярославской Мариинской женской гимназии, которую окончила в 1906 г. с золотой медалью и званием учительницы начального училища, с правом заниматься обучением на дому. В июне 1907 г. после испытания получила звание домашней учительницы с правом преподавать русский язык. 2 августа 1907 г. подала прошение о приеме на историко-философское отделение Московских Высших женских курсов. Проживала в Москве на Спиридоновке в доме Шуберт, кв. 10. [22].

16/4. Татьяна Владимировна Гольденвейзер (1889 — ?).

Родилась 9 октября 1889 г. Православного вероисповедания.

17/5. Александр Александрович Гольденвейзер (1880–1940).

Родился в г. Киеве 29 января 1880 г.

В 1900 г. эмигрировал в США. Американский этнограф и социолог. В 1902 г. окончил Колумбийский Университет, получив степень бакалавра в области антропологии, в 1904 г. — получил степень магистра антропологии, а в 1910 году — защитил в Колумбийском университете докторскую диссертацию, там же и преподавал до 1919 г.

Затем, до 1940 г. читал в различных высших учебных заведениях США курсы лекций по этнографии, социологии и психологии.

Автор одной из первых американских книг по антропологии — выпущенной в 1922 г. «Ранней цивилизации». Совмещал преподавательскую работу с экспедиционной. Александр Гольденвейзер не просто искал свидетельства древних культур, он пытался объяснить их движение психологическими причинами, и взаимопроникновение культур, что, по Гольденвейзеру, зависело от восприимчивости той или иной племенной культуры к новым для нее веяниям. Изучая индейцев-ирокезов Северной Америки, он пришел к убеждению, что тотемизм основан на символической мистике и очень разнообразен, а заветные слова неграмотных племен не имеют фундаментальных отличий от

концепций современного человека. Его интерес к примитивным научным представлениям отразился в книге «История, психология и культура» (1933).

Умер 6 июля 1940 г. в Портленде, штат Орегон, США [7, 8, 9].

18/5. Эммануил Александрович Гольденвейзер (1883–1953)**.**

Родился в г. Киеве в 1883 г.

В 1901 г. выехал из России и к 1902 г. обосновался в США.

Обратился к Л.Н. Толстому с просьбой дать рекомендательное письмо к своему переводу статьи отца — А.С. Гольденвейзера — «Преступление как наказание, а наказание как преступление. Мотивы толстовского «Воскресения» (1901).

14 февраля 1909 г. граф Л.Н. Толстой написал ему ответное письмо.

Перевёл на английский язык роман «Воскресение» Л.Н. Толстого.

Учился в Колумбийском и Корнельском университетах. С 1907 г. на государственной службе как экономист и статистик (в иммиграционной комиссии, бюро переписи, сельскохозяйственном департаменте). В 1919 г. поступил в Федеральную резервную палату и с 1927 г. до своей отставки был директором исследовательского отдела. Занимался совершенствованием статистических служб палаты, представлял Федеральную резервную систему в правительстве, участвовал в работе основных правительственных комитетов по экономике и финансам. Один из главных американских разработчиков Международного валютного фонда и Мирового банка.

Профессор Гарвардского университета. Председатель Американского Экономического Общества (1946 г.).

В 1946 г. был включен в состав правительственной делегации США в СССР и приехал в Москву. В это время проводилось активное зондирование нашего правительства на предмет подключения к плану Маршалла по восстановлению Европы после Второй мировой войны. Но, И.В. Сталин отверг это предложение, миссия Э.А. Гольденвейзера не удалась [27].

В период визита в СССР был на квартире А.Б. Гольденвейзера в Москве, где встречался с жившей там Т.Б. Софиано. Александр Борисович был в это время на гастролях.

Среди многочисленных трудов: «Иммигранты в городах» (1909), «Земельная аренда в США» (1924), «Федеральная резервная система в действии» (1925), «Денежный менеджмент» (1949).

Умер в 1953 г. в США [7, 18].

19/5. Алексей Александрович Гольденвейзер (1890–1955)**.**

Юрист, литературовед, журналист. В 1912 г. окончил юридический факультет Киевского университета. Член Еврейского общества в Киеве, участник Всероссийской еврейской конференции в Петрограде (18 июля 1917 г.), член «Еврейской народнической партии» (декабрь 1917 г.). Читал лекции в Институте народного хозяйства и в Академии нравственных наук. Член Толстовского общества в Киеве (1920 г.). С 27 июля 1921 г. в эмиграции. Член исполкома «Союза русских евреев», правления Союза русской присяжной адвокатуры в Германии (1924–1932), член Нансеновской комиссии по делам беженцев при Лиге наций. С 1937 в США. Член «Кружка русских юристов» в США (1955 г.).

Председатель корпорации «Нового журнала», член Комитета по аффидавитам при американском клубе «Горизонт».

Автор книг: «Киевские воспоминания. 1917–1921» («Архив русской революции», Т. 6, Белград, 1922); «Бегство» («Архив русской революции», Т. 12, Берлин, 1922); «Якобинцы и большевики» (Берлин, 1922); «Я.Л. Тейтель (1850–1935)» (Нью-Йорк, 1944); «В защиту права» (Нью-Йорк, 1952) [12, 19].

Предположительно, ***— София Григорьевна Гольденвейзер****, умершая 21 октября 1926 года в Висбадене, — его жена* [см. «Незабытые могилы», Т. 2, М., 1999. С. 157].

IV ПОКОЛЕНИЕ

20/13. Ирина Львовна Гольденвейзер (1908 — ок. 1995)**.**

Родилась в Москве в 1908 г.

Умерла в Москве около 1995 г. [по другим данным в 1987 г.]. Похоронена на Востряковском кладбище.

Муж: ***Максим Исидорович Гуревич***, научный сотрудник.

21/13. Алексей Львович Гольденвейзер (1910–2003)**.**

Родился в Москве 12 января 1910 г. (по паспорту в 1911 году).

Ученый в области теоретической и прикладной механики. В 1931 году окончил Московский государственный университет. Работал в Центральном научном институте промышленных сооружений (1930–1941), Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ) имени Н.Е. Жу-

ковского (1942–1947), Московском физико-техническом институте (1947–1952), затем вынужден был перейти во Всесоюзный заочный инженерно-строительный институт заведующим кафедрой математики. В последние годы жизни работал в Институте проблем механики РАН главным научным сотрудником. Кандидат технических наук (14.05.1943), старший научный сотрудник (14.09.1946), доктор физико-математических наук (13.09.1947), профессор (29.12.1951). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1970). Лауреат премии АН СССР имени Б.Г. Галеркина (1952), Государственной премии РФ (22.07.1998). Иностранный член Американской академии искусств и наук (1970). Награжден орденом Трудового Красного Знамени (12.01.1971), орденом Дружбы Народов (16.01.1981) и пятью медалями [17, 18].

Автор книг:

«Температурные напряжения в тонких оболочках» (М., 1947); «Влияние условий закрепления краёв тонкой оболочки на её напряженное состояние» (М., 1948); «Теория упругих тонких оболочек» (М., 1953); «Теория упругих тонких оболочек», 2-е изд., переработанное и дополненное, (М., 1966); «Развитие теории оболочек в Советском Союзе» (М., 1966); «Development of the theory of shells in the USSR» (Moscow, 1966); «Теория оболочек и пластин. Труды VIII Всесоюзной конференции по теории оболочек и пластин. Ростов-на-Дону» (ответственный редактор), (М., 1971); «Теория упругих тонких оболочек», 2-е изд., переработанное и дополненное, (М., 1976); «Свободные колебания тонких упругих оболочек» (в соавторстве с В.Б. Лидским и П.Е. Товстик), (М., 1979); «Асимптотический анализ колебаний и излучение оболочки вращения в жидкости» (в соавторстве с А.Л. Радовинским), (М., 1986). [12].

Умер в Москве 12 января 2003 г., похоронен на Востряковском кладбище [17].

Жена: ***Ноэми Евсеевна Гуревич.*** Родилась около 1913 г. в С-Петербурге, отец — владелец аптеки на Лахте, мать — детский врач. Работала библиотекарем. Умерла в Москве 16 ноября 2001 г., похоронена на Востряковском кладбище [17].

22/13. Вера Львовна Попова-Гольденвейзер.

Родилась 18 апреля 1913 г. в Москве.

Окончила Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева. Кандидат технических наук. Инженер-технолог.

Умерла.

1-й муж: ***Борис Рогальский.***

2-й муж: ***Дмитрий Иванович Солнцев***, инженер.

23/13. Татьяна Львовна Попова-Гольденвейзер (1917–2005).

Родилась 18 марта 1917 г.

Умерла 18 марта 2005 г.

1-й муж (развод в 1946 г.): ***Игорь Захарович Корин*** (1914–1983). Участник Великой Отечественной войны — капитан инженерных войск, ранен и контужен; кандидат геолого-минералогических наук (1951); из семьи известных иконописцев и художников Кориных.

2-й муж: ***Алексей Иннокентьевич Новоселов*** (1912–1990). Жили в Новосибирске.

V ПОКОЛЕНИЕ

24/21. Алексей Алексеевич Гольденвейзер (1936–1996).

Родился в Москве 22 марта 1936 г.

Окончил Московский химический институт имени Д. И. Менделеева. Работал в оборонном институте начальником отдела.

Умер в Москве 2 сентября 1996 г. Похоронен на Востряковском кладбище.

Жена: ***Любовь Григорьевна (Гершевна) Сирота.*** Родилась в Москве 15 марта 1937 г. Окончила Московский нефтяной институт. Работала в редакции журнала «Нефтяное хозяйство» [17].

VI ПОКОЛЕНИЕ

25/24. Татьяна Алексеевна Гольденвейзер.

Родилась в Москве 20 февраля 1962 г.

Окончила Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева.

Замужем, носит фамилию мужа.

Источники

1. ЦИАМ, ф. 418 (Московский университет), оп. 29, д. 782 «О принятии в число студентов Моисея и Рувима Гольденвейзеров. 1860 г.».
2. ЦИАМ, ф. 418 (Московский университет), оп. 315, д. 238 «О принятии в студенты Гольденвейзера Льва. 30.07.1901–30.10.1950 гг.» (на л. 9–10 две фотографии 1901 г., Киев).
3. РГАЛИ, ф. 637 (Языков Дмитрий Дмитриевич), оп. 1, д. 90 «Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц (печатные вырезки и рукописные выписки). Выпуск 36. А–Г. 1916 год». Л. 151–153.
4. РГАЛИ, ф. 637 (Языков Дмитрий Дмитриевич), оп. 1, д. 36 «Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц (печатные вырезки и рукописные выписки). Выпуск 23: Русские авторы, умершие в 1903 г.». Л. 146–147.
5. Венгеров С.А. «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых». 2-е изд. Т. 1. Пг., 1915. С. 192.
6. Винавер М.М. «Памяти Александра Соломоновича Гольденвейзера». СПб., 1915.
7. Гольденвейзер А.Б. «Вблизи Толстого», М., 1959.
8. «Encyclopedia Americana». Vol. 13. 1973. P. 32.
9. «Советская историческая энциклопедия». Т. 4. М., 1963. С. 509.
10. Справочник «Вся Москва», М., 1909–1917 гг. Алфавитный указатель жителей.
11. РГАЛИ, Картотека персоналий, упоминаемых в фондах архива.
12. Алфавитный каталог книг на русском языке Российской государственной библиотеки (Москва).
13. РГАЛИ, ф. 1784 (Арго Абрам Маркович), оп. 1, д. 304 «Письма Гольденвейзера Льва Владимировича. 1947 г.».
14. РГАЛИ, ф. 1784 (Арго Абрам Маркович), оп. 1, д. 432 «Письмо Гольденвейзера Льва Владимировича. 1949 г.».
15. РГАЛИ, ф. 1784 (Арго Абрам Маркович), оп. 1, д. 405 «Характеристика, выданная А. М. Арго Гольденвейзеру Льву Владимировичу».
16. РГАЛИ, ф. 3140 (Пермитин Ефим Николаевич), оп. 1, д. 168 «Письма Гольденвейзера Льва Владимировича. 1956–1957 гг.».
17. Сообщение Татьяны Алексеевны Гольденвейзер (Москва) и документы ее домашнего архива.
18. Российская еврейская энциклопедия. Т. 1: Биографии А–К. М., 1994. С. 344–345.
19. ГАРФ, материалы фонда Р-5981 «Гольденвейзер Алексей Александрович».
20. ЦИАМ, ф. 418 (Московский университет), оп. 229, д. 805 а «1885 года. О принятии в студенты Якова Гольденвейзера».
21. ЦИАМ, ф. 363 (Московские Высшие женские курсы), оп. 4, д. 7771 «Личное дело Елены Владимировны Гольденвейзер. 1902 г.».
22. ЦИАМ, ф. 363 (Московские Высшие женские курсы), оп. 4, д. 7772 «Личное дело Елизаветы Владимировны Гольденвейзер. 1907 г.».

23. ЦИАМ, ф. 363 (Московские Высшие женские курсы), оп. 4, д. 7773 «Личное дело Наталии Моисеевны Гольденвейзер. [1902 г.]».
24. Сообщение Михаила Валерьевича Корина (Москва).
25. Иконников Н.Ф. Родословная Софиано. // Общество и дворянство. Сообщено Информационной компьютерной системой «Русская генеалогия».
26. Информация Александра Львовича Рашковского (г. Киров) по материалам следственного дела Л.В. Гольденвейзера.
27. Аксакова Т.А. «Семейная хроника» / Т.А. Аксакова-Сиверс — Париж: Athenеum, 1988, Кн. 2. С. 274–284.
28. Артамонов М.Д. / Московский Некрополь. — М., 1995. С. 101.
29. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии». Том 4. М., 1993. С. 208.
30. Сообщения Марии Федоровны Полкановой (Москва).
31. Надписи на могилах на 11-м участке Ваганьковского кладбища (обследовано А.В. Богинским в сентябре 2006 г.).
32. Сахаров А.Д. «Воспоминания».

II

Лилит Тер-Петросян
(Ереван)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (ЕХЕГИС)

В 2009 г. в Ехегнадзорском университете «Гителик» был проведен международный симпозиум, на котором прозвучали итоги научных исследований израильских и армянских ученых, посвященных средневековому еврейскому кладбищу в окрестностях деревни Ехегис[1] (Армения). Оно является новым историческим фактом, вокруг которого возникает много вопросов. Каким образом в средневековой Армении оказалась еврейская община? Была ли она вновь образованной или древней общиной? Есть ли упоминания о ней в средневековых армянских исторических источниках? Эти вопросы часто задавались во время симпозиума. Ответов на них зачастую не было, а если и были, то неоднозначные. Цель данной публикации — попытаться понять и представить некоторые исторические обстоятельства, которые могли бы послужить почвой для формирования еврейской общины в средневековой Армении.

В 1997 г. в области Вайоц Дзор, в окрестностях деревни Ехегис, были обнаружены надгробные могильные плиты. Профессор Еврейского университета в Иерусалиме Майкл Стоун и предводитель Сюникской епархии Армянской апостольской церкви епископ Абраам Мкртчян обнаружили более тридцати надгробных плит. На них были надписи на древнееврейском языке. В 2001–2002 гг. совместными усилиями армянских и израильских ученых были проведены раскопки в окрестностях деревни Ехегис. Раскопками руководили Усик Мелконян (заведующий отделом средневековой археологии института Археологии и этнографии НАН РА) и Давид Амит (старший археолог Израильского департамента древностей — Israel Antiquities Authority). Было

установлено, что это еврейское кладбище, датируемое от середины XIII в. (1266 г.) до середины XIV в. (1346–1347 гг.).

На еврейском кладбище Ехегиса были обнаружены 64 могильные плиты. По надгробным надписям (помимо имен, дат рождений и кончин усопших, на некоторых плитах имеются и цитаты из Библии) можно предположить, что в данной еврейской общине строго соблюдались еврейские традиции, похоронные обряды и ритуалы, имелись знания особых экзегетических традиций и терминов. Этот факт свидетельствует о том, что община была хорошо знакома с еврейским религиозным учением.

Самая древняя надгробная надпись датируется 1266 г., а самая поздняя — 1346/7 гг. Изучаемый период охватывает 80 лет, около трех поколений. В деревне Ехегис существует армянская церковь, относящаяся к XIII–XIV вв. Надгробные камни этой церкви подобны колоннам и имеют сходство с еврейскими могильными плитами. Можно предположить, что надгробные камни еврейского кладбища были выгравированы руками армянских мастеров.

На девяти еврейских надгробных камнях имеются надписи. По мнению руководителя израильской группы археологов Давида Амита, их можно разделить на две группы[2]:

1. Краткие данные о покойном.
2. Более подробная информация в художественном стиле на могильных плитах молодых покойных[3].

Доктор еврейской палеографии, старший научный сотрудник «Программы еврейской палеографии» национальной библиотеки Иерусалима Эдна Энгел считает, что буквы надгробных плит имеют сходство с древнееврейским полурукописным (semi-cursive) шрифтом, который сформировался в конце X в. на территориях современных Ирана и Ирака. Доктор Энгел выдвигает гипотезу, согласно которой община имела иранское происхождение[4].

На двух из могильных плит упоминаются евреи с арабо-персидскими именами и титулами.

Надгробный камень номер 1

כונסתה/ כן נסתה בת אליא אניסי נע

KWNSTH/ Здесь похоронена дочь Ельи Аниси, (да) упокоится она в Едене.

Может быть כונסתה — это имя, но вероятнее всего это כן נסתה, где -כן נסתה-נסתרה и כאן.

Аббревиатура נע-נוחה עדן впервые была обнаружена в Басре в 1020 г[5].

Надгробный камень номер 2

В 1910 г. Гарегин Овсепян[6] в деревне Ехегис обнаружил надгробный камень, на котором была выгравирована надпись в четыре строки. Данная надпись была расшифрована русским семитологом профессором П.К. Коковцовым по просьбе академика Н. Марра.

נפטר הבחור הכשר הצדיק הענו
מר כואגה שרף אלדן בן הזקן כואגה **סבי/זכי** סט

מלך הכבוד יניחהו עם אברהם יצחק ויעקוב
ויקיים/וקים על קברתו יחו מתך נבלתי יקומון וג שנת **אתתח/אתרנח**

*Скончался честный, праведный, смиренный юноша, // господин наш, хаваджа Шараф-эд-Дин, сын **Сабая/Закии(Закая)**, да будет ему благой конец. // Царь Славы, да упокоит его вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом // **и исполнит** в отношении его погребения «оживут мертвые твои, мои трупы восстанут. Год **1808/1658**. (1496/1497 н.э / 1346/1347н.э)*[7].

Согласно профессору Коковцову, надпись датирована 1808 г. (по еврейскому календарю)[8]. Однако Давид Амит полагает, что профессор К. Коковцов возможно прочел ר и נ как ת. Израильский ученый убежден, что камень, найденный в 1910 г., является последней могильной плитой еврейского кладбища Ехегиса. Она датируется XIV в., а не XV в., как утверждалось ранее[9].

У нас имеются два имени (אניסי и שרף אלדן) и один титул (כואגה) арабо-персидского происхождения.

شرف الدين — שרף אלדן

אניס — انيس означает «близкий, друг, последователь», в переносном смысле «любимый». Также может быть использован в качестве собственного имени[10].

כואגה — خواجه означает:

1. господин, хозяин;
2. богатый;
3. титул, который употребляется после имен собственных, определяя статус в обществе;
4. визирь, министр;
5. евнух[11].

Возникает вопрос, каким образом на надгробных камнях Ехегиса оказались еврейские имена иранского происхождения, а также буквы, имеющие сходство с древнееврейским полурукописным шрифтом, как уже было указано выше. Каким образом данная община могла иметь столь глубокие знания еврейских экзегетических традиций и терминов, впервые встречающихся в Басре в 1020 г.?

Чтобы получить ответ на эти вопросы (конечно же при условии гипотетического согласия с версией проф. Энгел об иранском происхождении ехегисской общины), следует изучить состояние еврейских общин в Иране в Средние века. В период VIII–X вв. территории современных Ирана и Ирака были одним из самых процветающих регионов мира. Еврейское население имело в Иране религиозную свободу как в доисламский период, так и под мусульманским господством. С X в. мудрецы еврейских академий (ивр. ישיבות) Багдада стали авторитетами духовной жизни всей восточной общины. Багдад являлся религиозным и культурным центром еврейской жизни.

Ситуация драматично меняется в X–XI вв. после прихода к власти шиитской династии Буйидов (945–1055). Придя к власти, они провели ряд реформ в социальной, религиозной и экономической областях, ущемлявших права религиозных меньшинств. В результате сильно пострадало также и еврейское население. Евреи в этот период приняли сторону шиитов, которых отвергали ранее. Но тем не менее они не сумели сохранить прежние свободы. Начались периодические нападения на еврейское население и захват имущества[12]. В результате этих событий IX–X вв. началась массовая миграция из Ирана в другие мусульманские страны по двум направлениям: Северная Африка и Индия (через Египет и Красное море)[13]. Путешественник XII в. Петахия Регенсбургский отмечает, что на территории Персии проживало около 600 000 евреев[14].

Область Вайоц Дзор в Средние века располагалась на транзитной торговой дороге Двин–Партав. До XIII в. она была самым крупным

регионом Сюникского царства, основанного в 987 г. Сюник был одним из главных культурных и религиозных центров средневековой Армении. В период с XIII по XIV в., благодаря политическому спокойствию в регионе, область Вайоц Дзор переживала экономический и культурный расцвет. Этот период можно назвать также расцветом города Ехегиса.

Профессор Стоун выдвигает гипотезу, согласно которой еврейская община в Ехегисе не была новообразованной общиной[15]. Основой данной гипотезы является тот факт, что историограф конца XIII — начала XIV в. Степанос Орбелян сообщает, что в столице Капан (Сюникское царство, юг современной Армении) существовал еврейский квартал. По сведениям Орбеляна, в 1103 г. сельджуки напали на столицу Капан со стороны еврейского квартала, который располагался за пределами городской крепости[16]. Сочинение Орбеляна — единственный из известных нам исторических источников данной эпохи, дающий сведения о существовании еврейской общины на территории средневековой Армении.

В документах Каирской генизы упомянуты районы Арабского Халифата, где проживали евреи в VIII–X вв.: *Āmul, Ahwāz, Arrajān, Balḵ, Bukhara, Barzanj, Dāmghān, Isfahan, Firuzkuh, Ġazna, Ġur, Gorganj, Hamadhān, Hormshir, Ḥulwān, Eṣṭaḵr, Jorjān, Kābol, Kāzerūn, Khorāsān, Kirmān, Korkān, Māzandarān, Marāgha, Marv, Nihāwand, Nishāpūr, Qarmāsin, Qazvin, Qūmis Rudbār, Samarqand, Shīnīz, Shiraz, Šuš, Sinān, Sirāf, Sirjān, Tawwaz, Ṭūs, Tustar, Urmiya, и Zarubān*[17]. Города Urmia и Marāġa располагались в регионах, граничащих с юго-восточной Арменией.

Следуя гипотезе профессора Стоуна, можно предположить, что с волной массовой миграции из Ирана в IX–X вв. в городе Капан и на соседних территориях были основаны еврейские поселения. Не исключено, что там уже проживала определенная еврейская община. По сведениям армянских историографов Фавстоса Бузанда (V в.) и Мовсеса Хоренаци (V в.), еще с I в. до н.э. на территории Армении жили евреи[18]. Новая миграционная волна в IX–X вв., возможно, обосновалась в Капане.

Но эта гипотеза не объясняет, как и по какой причине еврейская община должна была перебраться из Капана в Ехегис и имела ли вообще община Ехегиса что-нибудь общее с общиной Капана. Нам кажется наиболее обоснованной иная версия происхождения еврейской общины Ехегиса и, следовательно, средневекового еврейского кладбища.

По сообщениям армянских источников, в 1258 г., готовясь к наступлению на Багдад, Хулагу-хан (1217–1265) приказал всем подчиненным ему армянским князьям собрать войска, присоединиться к нему и окружить Багдад. К войску Хулагу-хана присоединились также армянские князья Захария — сын Шахиншаха, Хасан Прош — сын Васака Хахбакяна, Севада — сын Григора Хаченци, Тагиадин — сын Кюрике, и другие[19]. После окружения Багдада, Хулагу-хан отправляет к халифу аль-Мустасиму (даты правления 1242–1258) послов, в число которых входил и князь Прош Хахбакян (1223–1284), предлагая халифу сдаться и покорится монголам. Аль-Мустасим отверг это предложение, и после тяжелых боев 4 февраля 1258 г. Багдад пал.

По сведениям средневекового армянского историографа Киракоса Гандзакеци (1200–1271)[20], все богатство аббасидских халифов, а также богатства Багдада достались Хулагу-хану и его войскам. Сам халиф аль-Мустасим был убит. Население города было почти полностью истреблено, часть взята в плен. Благодаря жене Хулагу-хана Тогуз-хатун христианское население Багдада было спасено[21].

Следует обратить внимание на факт участия князя Проша Хахбакяна в военной компании Хулагу-хана. Включение его в состав послов говорит о доверии и особом расположении, которым пользовался князь. Учитывая традиции монголов, после удачной военной экспедиции князь Хахбакян мог быть вознагражден богатствами и пленными.

В XIII в. район Ехегиса являлся владением династии Хахбакянов. Об этом свидетельствует надпись в монастыре Аратеса (1214 г.)[22]. По всей вероятности, князь Прош Хахбакян поселил здесь пленных из Багдада, среди которых могли быть и евреи. Это объясняет тот факт, что на надгробных плитах имеются имена и титулы арабо-персидского происхождения, а также аббревиатура, впервые обнаруженная в Басре в 1020 г.

Учитывая скудость фактов, которые мы имеем на этом этапе, трудно проследить развитие событий, связанных с дальнейшей историей еврейской общины Ехегиса.

Примечания

[1] Примерно в 80 км к юго-востоку от Еревана.

[2] *Stone M.E., Amit D.* Report of the Survey of a Medieval Jewish Cemetery in Eghegis, Vayots Dzor Region, Armenia // Journal of Jewish Studies. The Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies, 2002. Volume LVII. No. 1. P. 74.

[3] Цитаты из Священного Писания, а также изречения из погребального ритуала.

[4] Эту гипотезу доктор Энгел выдвинула во время международного симпозиума, состоявшегося 11–12 мая 2009 г. в Ехегнадзорском университете «Гителик».

[5] *Stone M.E., Amit D*. Op. cit. P. 77–78.

[6] Католикос Киликии (1943–1952).

[7] Подробнее см.: *Stone M.E., Amit D*. The Second and Third Seasons of Research at the Medieval Jewish Cemetery in Eghegis, Vayots Dzor Region, Armenia // Journal of Jewish Studies. The Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies, 2006. Volume LVII. No. 1. P. 110.

[8] *Марр Н.* Еврейская надгробная надпись XV века в Ереванской губернии // Христианский Восток. СПб., 1912. Т. I. Вып. III. С. 353.

[9] דוד עמית ומיכאל סטון, בית קברות יהודי מימי הביניים בארגיס בדרום ארמניה, פעמים 99-98 חורף תשס"ד, עמ' 88

[10] Ali Akbar Dehkhoda // Encyclopedic Dictionary / ed. Mohammad Moin, Jafar Shahidi, Tehran, 1993–1994. Vol. III. P. 3105.

[11] Idem. Vol. VI. P. 8787–8789.

[12] *Gil M.* Jews in Islamic Countries in the Middle Ages / Translated by David Strassler. Leiden and Boston, 2004. P. 410–411.

[13] *Goitein Sh.D*. A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza. Berkeley, California, 1967–1993, reprinted 1999. Vol. IV. P. 2.

[14] *Gil M*. Op. cit. P. 491.

[15] Эту теорию он выдвинул во время международного симпозиума, состоявшегося 11–12 мая 2009 г. в Ехегнадзорском университете «Гителик».

[16] Ստեփանոս Օրբելյան, *Սյունիքի պատմություն*, թարգմանությունը, ներածությունը և ծանոթագրությունները Ա.Ա. Աբրահամյանի, Երևան, 1986, էջ 278 (*Степанос Орбелян*. История Сюника / Перевод А.А. Абрамяна. Ереван, 1986. С. 278).

[17] *Goitein Sh.D.* Op. cit. Vol. I. P. 400, n. 2; *Gil M*. Op. cit. P. 520–532.

[18] *Neusner Ja.* The Jews in Pagan Armenia // Journal of the American Oriental Society. 1964. Vol. 84. No. 3. P. 231–232.

[19] Հակոբ Մանանդյան, *Երկեր*, Գ, Հայկական ՍՍՀ ԳԱ Հրատարակչություն, Երևան, 1977, էջ 244-245 (*Яков Манандян*, Труды. III. Ереван, 1977. С. 244–245).

[20] Армянский историк XIII в.

[21] Կիրակոս Գանձակեցի, *Պատմություն հայոց*, Հայկական ՍՍՀ ԳԱ Հրատարակչություն, Երևան, 1961, էջ 382-384 (*Киракос Гандзакеци*. История Армении. Ереван, 1961. С. 382-384).

[22] Գարեգին Կաթողիկոս Յովսէփեան, *Խաղբակեանք կամ Պռոշեանք հայոց պատմութեան մէջ*, Բ. Հրատարակչություն, Անթիլիաս, Լիբանան, 1969, էջ 36 (*Гарегин Католикос Овсепян*. Хахбакяны или Прошяны в истории Армении / Издание б. Антилиас. Ливан, 1969. С. 36).

Инна Соркина
(Гродно)

ЕВРЕИ И ВЛАДЕЛЬЦЫ МЕСТЕЧЕК БЕЛАРУСИ: ПРАКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (XVIII–XIX вв.)*

Целью данного исследования является изучение характера сложных и неоднозначных взаимоотношений между евреями-арендаторами, еврейскими общинами и владельцами местечек на примере некоторых белорусских имений в XVIII–XIX вв.

Традиция изучения отношений между польской знатью и евреями весьма богата. С конца прошлого века историки отошли от упрощенных представлений традиционной польской и еврейской историографии. Если первая рассматривала евреев в контексте репрессивного аппарата магнатской латифундии, то вторая обращала внимание на зависимость евреев от капризов шляхты. В новаторской монографии М. Росмана показано совпадение и глубокая взаимозависимость экономических интересов магнатов и евреев[1].

Вместе с тем, несмотря на богатую историографию по рассматриваемому нами предмету[2], далеко не все вопросы нашли в ней освещение. Так, практически не изучена история взаимоотношений между евреями и владельцами местечек Беларуси и влияния последних на еврейское общество в конце XVIII — первой половине XIX в.[3]. Осознавая многогранность рассматриваемой темы, мы не ставим задачи ее всестороннего раскрытия в рамках данной статьи.

* Проведению данного исследования способствовал грант имени профессора Юджина Винера, за что автор выражает искреннюю благодарность его вдове д-ру Аните Винер.

Источниками для исследования послужили архивные материалы из Национального исторического архива Беларуси в Гродно и Минске, Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Литовского государственного исторического архива в Вильнюсе и Главного архива древних актов в Варшаве.

Когда и каким образом местечки Беларуси стали преимущественно еврейскими по своему составу? Что этому способствовало? Как складывались отношения между евреями и владельцами местечек? Ответить на эти вопросы помогают выявленные нами материалы по следующим местечкам: Смиловичи (владелец — Кристоф Завиша)[4], Чечерск (Захар Чернышев)[5], Клецк (Радзивиллы)[6], Чернявчицы (Радзивил)[7], Логойск (Пий Тышкевич)[8], Шклов (Семен Зорич)[9], Краснополье (Д. Яншин)[10], Скидель (Четвертинская)[11], Горки (Л. Сологуб)[12], Воложин (Иван Тышкевич)[13], Высоко-Литовск (Сапега)[14] и др.

XVI — первая половина XVII вв. были периодом стремительного роста в Беларуси частновладельческих местечек. Этому содействовала отмена ограничений на основание местечек частными лицами. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. в 29 статье первого раздела гласил: «А хто бы з обывателей того паньства нашого якого кольвек стану и народу шляхетского для примноженья собе пожитку хотел на грунте своем местечко новое садити, то ему волно будеть учинити, и торговое в нем водлуг давного звыклого обычаю, яко се то в местечкох инъших князских и паньских заховует, установити»[15]. Росту частновладельческих городов и местечек содействовало и законодательное закрепление неприкосновенности шляхетской собственности (Статут 1588 г., статьи 3, 5 третьего раздела). К середине XVII в. на белорусских землях было 37 городов и 425 местечек[16]. Во второй половине XVIII в. среди 276 местечек Беларуси, в отношении которых известна их принадлежность к определенному виду владения, частновладельческих было 212 (77%)[17]. В начале 60-х гг. XIX в. 82,5% местечек Беларуси стояли на помещичьих землях[18].

В письменных источниках сведения о живших в местечках евреях встречаются с XVI в. Сначала их количество было незначительным и ограничивалось одним или несколькими лицами, обычно арендаторами корчем. Разрушительные войны, начавшиеся в середине XVII в., привели край к демографической и хозяйственной катастрофе. Особенно трагической была война между Россией и Речью Посполитой 1654–1667 гг., в которой городское население Беларуси уцелело лишь

на 45%[19]. Возникший вакуум начало активно заполнять еврейское население. Местные аристократы, заинтересованные в хозяйственном восстановлении своих имений, росте торговли и ремесел, приглашали евреев в свои поселения в обмен на гарантию безопасности, свободы торговли и вероисповедания, а также автономное общинное самоуправление. Еще в 1539 г. евреи формально стали субъектом юрисдикции земельных собственников. Это положение стало частью процесса по усилению контроля знати над своими поместьями. В результате собственники владели значительной свободой действий в регулировании правового положения своих подданных, предоставляя им также разного рода привилегии. Большое количество привилегий было предоставлено еврейским общинам в конце XVII и в XVIII в. Эта практика отвечала программе по восстановлению Речи Посполитой после войн середины XVII — первой четверти XVIII в. Система привилегий означала, что евреи являлись законодательно признанными корпорациями[20].

Приведем несколько примеров. Во время войны между Россией и Речью Посполитой в 1654–1667 гг. существенно пострадал Клецк. Так, если в 1641 г. в местечке было около 2300 жителей, 448 дворов, то после войны (по данным на 1683 г.) — 1100 жителей и 217 дворов. После разорения местечка в 1706 г. в годы Северной войны в Клецке проживало около 600 человек, было 152 двора (в 1713 г.)[21]. Заселению Клецка евреями в XVIII в. способствовали князья Радзивиллы, во владение которых местечко перешло в 1558 г. В 1766 г. клецкий кагал насчитывал 29 душ[22]. В 1796 г. при содействии Радзивиллов была построена каменная синагога. По свидетельству Александра Ельского, в начале 1880-х гг. на ее фронтоне «сохранились только остатки радзивилловских гербов, но горячей признательности клецких евреев время, как видно, так легко не уничтожило»[23]. Евреи в Клецке в конце 1860-х гг. составляли 94,4% населения местечка (1836 человек из 1944)[24].

В 1736 г. Христофор Завиша, владелец Смиловичей, чтобы город был более людным и застроенным «хорошими домами», выдал привилей смиловичским евреям, в котором гарантировал свободу религиозной жизни, занятий и т.д. В документе отмечалось, что такими вольностями и правами пользуются и другие евреи в королевских и шляхетских городах, и что в случае увеличения количества евреев в Смиловичах, их вольности тоже будут увеличены[25]. По данным

конца 1860-х гг. в местечке из 1811 жителей было 990 евреев (54,7%)[26].

После разделов Речи Посполитой покровительственная политика по отношению к евреям была продолжена русскими дворянами. Так, поселению евреев в своем городке способствовал новый владелец (с 1774 г.) Чечерска граф Захар Чернышев. Для евреев была предложена территория на побережье реки Чечера, им разрешили построить 4 молельни, из которых 1 была каменой[27]. Постепенно евреи стали доминирующей частью населения местечка: в конце 1860-х гг. из 1380 человек в Чечерске жило 862 еврея (62,4%)[28].

Протекция владельца способствовала заселению евреями Логойска. В 1808 г. граф Пий Тышкевич для увеличения своих доходов пригласил из Борисова 4 еврейские семьи, которым дал некоторые привилегии. Число евреев с каждым годом увеличивалось; они стали прибывать из разных мест и понемногу пополнять графскую казну[29]. В конце 1860-х гг. из 952 жителей Логойска евреев было 692 (72,6%)[30].

В то же время если евреи поселялись в местечке без разрешения владельца, то предпринимались меры к их выселению. Так, выселения евреев из Семежева добивались князья Радзивиллы в 1848 г., о чем свидетельствует архивный документ под названием «Дело по прошению князя Радзивилла о выселении еврейского населения с помощью полиции из местечка Семежево Слуцкого уезда»[31].

Изучив экономическую роль евреев в белорусских владениях Радзивиллов в конце XVIII — начале XIX в., Ольга Соболевская пришла к выводу об активном участии евреев в таких сферах деятельности, как факторство, аренда, финансовые операции[32]. Самым же распространённым типом отношений, связывавших евреев с владельцами земель, на которых они жили, была аренда.

Большинство помещиков охотно пользовались посредническими и другими услугами евреев. Ситуация не изменилась и после присоединения земель бывшей Речи Посполитой к Российской империи. Несмотря на изменившиеся политические условия, социально-экономические факторы оставались неизменными. Между тем прочная связь между евреями и знатью земель бывшей Речи Посполитой стала объектом критики со стороны русского общественного мнения.

Сохранилось много свидетельств о широком использовании помещиками услуг евреев, что нашло свое отражение в публицистике того времени. Вот несколько примеров.

С. Лашкарев: «…большая часть помещиков не только сделать что-нибудь, но, кажется, и подумать не может без еврея. Еврей у помещика в доме и в делах равный с ним, если не больший его хозяин. Помещик никогда почти дела не решит без своего еврея — поверенного; напротив, поверенный — еврей всегда покончит с вами без своего доверителя»[33].

А. Киркор: «Я знал одного очень умного помещика, любившего поднимать новые вопросы. Однажды в довольно большом обществе распространился он о евреях — факторах и арендаторах, доказывал, что этот обычай рисует помещиков в самом непривлекательном свете, ибо изобличает их лень, отсутствие решимости и полезной деятельности. Много говорил о вреде сваливать все свои дела на еврея и самому ничего не делать» На следующий день А.Киркор навестил этого помещика и обнаружил у него еврея. «— Что у вас делает этот еврей? А вчера-то говорили? — Э, батюшка, то была теория, а в практике совсем другое, и я вам скажу откровенно, без этого Мошки я ничего не умею, да и не могу сделать»[34].

Х. Хауманн (H. Haumann): «Евреи жили в настоящем экономическом и социальном симбиозе с высшими классами польского дворянства. Даже много лет спустя рассказывали: «Мой дед со стороны матери, который уже не сидел на земле, говорил: польский шляхтич без еврея — неполноценный! А дед со стороны отца, который еще сидел на земле, соглашался: он шляхтич пока у него есть земля и еврей»[35].

Как известно, на протяжении почти всего периода вхождения Беларуси в состав Российской империи проводилась политика переселения евреев из сельской местности в города и местечки, что было вызвано борьбой российских властей с питейным промыслом. Чтобы не лишиться посреднических услуг евреев, в 20-е гг. XIX в. помещики переводили обычные поселения в своих владениях на статус местечек и тем самым умножали их количество. Фонды губернских администраций содержат большое количество дел о подобных прошениях помещиков. 16 марта 1826 г. Витебский, Могилевский, Смоленский и Калужский генерал-губернатор докладывал в Министерство внутренних дел: «Со времени высылки евреев из деревень в города и местечки поступают ко мне весьма часто представления от гражданских губерна-

торов Витебской и Могилёвской губерний о дозволении помещикам учреждать в имениях местечки. Хотя помещики таковым исканиям придают благовидность, якобы стараются распространить промышленность и торговлю посредством учреждения ежегодных ярмарок, но легко проникнуть в истинную цель таковых заведений — доставление евреям места жительства, за которое они предлагают весьма значительную плату»[36]. Как ни удобно было землевладельцам использовать евреев для отвода глаз правительству от настоящей причины бедствий крестьян, евреи были им еще больше нужны как необходимая часть экономики края. После отступления «грозы» помещики продолжали «удерживать в своих владениях евреев, допуская их к питейному промыслу». Питейный промысел в это время был чрезвычайно выгодным занятием, поскольку обеспечивал помещика постоянным доходом в наличных деньгах, превышавшим доход от продажи зерна и другой сельскохозяйственной продукции. В анонимной секретной «Записке о евреях, живущих в России», поданной в III Отделение канцелярии Его Императорского Величества в 1842 г., говорилось о выгоде для помещиков сдавать в аренду корчмы, а также винодельни и пивоварни, мельницы, пруды и др. именно евреям: «Помещик получал доход за содержание корчмы и проч. гораздо значительнейший, нежели всякий другой мог дать ему, ибо еврей оборотливее прочих и образ его жизни не требует больших расходов». В «Записке» приводятся интересные наблюдения о том, что замена в некоторых местах евреев-корчмарей на христианских арендаторов, приводит к ряду «неудобств»: «В корчмах кроме водки уже ничего нельзя достать, и сам корчмарь всегда пьян, готов к драке, к шуму»; «мера эта отняла всякую возможность у земских властей близко надзирать за многими помещиками западных губерний. Еврей-корчмарь был зорким бдителем, ему известно было все, что происходило в помещичьем доме… о брожении умов помещиков и посессоров, о свиданиях и съездах»[37].

В XVIII–XIX вв. количество евреев в городах и местечках продолжало возрастать. То, что евреи стали составлять значительную часть городского населения, подтверждается статистическими данными. По подсчетам Е. Анищенко, в последней четверти XVIII в. в восточнобелорусских губерниях доля евреев среди жителей городов и местечек составляла около 30%. В местечках Могилевской губернии, например, было около 16 тысяч евреев обоих полов, что составляло 31% всех местечковых жителей[38] А 1833 г. в местечках Могилевской губернии

насчитывалось уже 35 191 еврей-мужчина или 62% всех жителей местечек[39]. Сравнительные данные по местечкам Минской губернии отражают этно-конфессиональный состав «городских сословий» (купцов и мещан). На рубеже XVIII–XIX вв. в 123 местечках Минской губернии насчитывалось 24 637 купцов и мещан обоих полов, из них 16 642 еврея (67,5%)[40]. В 1857 г. в 113 местечках и 2 заштатных городах Минской губернии было 69 551 человек «городских сословий», из них 58 165 были евреями (83,6%)[41]. По данным переписи 1897 г., удельный вес евреев среди городского населения Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской губерний составил 41,5%, среди местечкового — 59,9%, в то время как среди сельского только 3,5%[42].

Тенденцию роста количества евреев в местечках отображают и данные инвентарей частновладельческих имений. Покажем это на примере Любчи Новогрудского уезда.

Эволюция конфессиональной структуры населения Любчи[43]

Год	Количество дворов	
	иудейских	христианских
1667	10	99
1675	17	101
1708	48	?
1754	84	87
1809	110	87
1814	110	79
1834	114	79
1869	220	82

Изучение ряда инвентарей местечек Беларуси в архивах Беларуси, Литвы и Польши позволяет также заметить то, что и в белорусском регионе проявляется следующая закономерность: «Евреи селились концентрированно вокруг торговой площади и более рассеянно по мере отдаления от нее»[44]. Тенденция роста еврейских дворов на рыночной площади хорошо прослеживается на примере Делятич. Так, по инвентарям этого местечка в 1652 г., на 19 рыночных пляцах жили только христиане — это правило поддерживалось городскими приви-

легиями или магдебургским правом; в 1807 г. на рынке было 10 христианских и 7 еврейских пляцев, в 1828 г. — 8 христианских и 10 еврейских, а в 1869 г. рынок был заселен только евреями — 22 пляца[45]. Кроме инвентарей эту тенденцию подтверждают и картографические материалы: например, планы Копыля начала XIX в.[46], Койданова (современный Дзержинск) 1835 г.[47], Старобина 1866 г.[48], Делятич 1870 г.[49] Много свидетельств центрального размещения в местечках еврейского населения мы находим в мемуарной литературе. Так, В. Сырокомля вспоминал, что еврейские лавки и культовые здания на рынке Койданова стали «сердцем города, ибо христианское население находится здесь, как и во всех наших местечках, на втором плане»[50]. А. Паперна описывает размещение Копыля на высокой горе и отмечает, что «христиане и магометане расселились в боковых улицах по уступам горы и под горой, евреи же занимали самую лучшую часть города на вершинах горы, где находились базарная площадь с примыкающими к ней улицами и синагогальный двор, или площадь, на которой концентрировались все специально-еврейские духовные и общественные учреждения»[51].

Более благоприятным расположением еврейских домов в местечках следует объяснить, на наш взгляд, повышенные нормы налогообложения для евреев по сравнению с христианским населением. Например, согласно инвентарю 1846 г., в Копыле «евреи с оседлых прутов вдвойне платить обязаны»[52].

Вслед за заселением центральных районов местечек евреи постепенно вытесняли христианское население из сферы торгово-промышленного предпринимательства, заняв в нем монопольное положение. Как реагировало на это христианское население местечек? Это могло приводить к социальному напряжению. Например, в середине 20-х гг. XIX в. в Мире произошел конфликт был между еврейскими и христианскими ткачами. В местечке еще с 1686 г. существовал христианский ткацкий цех. В начале XIX в. ткацким ремеслом стали заниматься и евреи. В 1825 г. евреи-ткачи в прошении на имя императора отмечали, что «ткацкий цех со стороны христиан начал воспрещать нам заниматься ткацким ремеслом и покупать на торгах тальки под сим предлогом, что будто бы евреям не позволено заниматься никакими промыслами, забрал у нас публично самовольным и насильственным образом материалы». В 1827 г. цехмастер Трушинский обратился к учрежденной в Вильно Радзивилловской Комиссии, «домогаясь удаления евреев

от ткаческого промысла в м. Мире». Комиссия выполнила эту просьбу решением от 16 октября 1830 г. Гродненский генерал-губернатор в рапорте министру внутренних дел отмечал: «…судя по положению здешнего края, нельзя признать выгодным воспрещение в м. Мире евреям заниматься ткацким ремеслом… но так как местечко вотчинное, то надо предоставить собственному усмотрению князей Радзивиллов все хозяйственные распоряжения…»[53]. В данном случае владельцы местечка встали на сторону ткачей-христиан.

Владелец местечка, как правило, имел дело только с общинным правлением — кагалом, который собирал налоги, организовывал религиозную жизнь, социальную помощь, поддерживал порядок в местечке, вершил суд и осуществлял карательные функции (телесные наказания, отлучение от синагоги — херем). Такая система позволяла еврею существовать в своей среде и мало сталкиваться с внешним миром[54].

Однако не следует считать, что правовое признание, предоставленное еврейским общинам магнатами, служило укреплению еврейской автономии. Общины стали частью административной помещичьей сети и несли ответственность за экономическую деятельность евреев таким образом, каким этого требовал от них землевладелец. Отношение землевладельца к правовому статусу евреев было полностью инструментальным: общинные институты казались ему лучшим способом контролировать еврейское население и собирать налоги. Он без колебаний мог вмешаться в сферу юрисдикции еврейской общины, вывести своего фактора-еврея из-под власти кагала (нередким было прямое вмешательство магнатов в общинные выборы, в том числе в назначения раввинов[55]).

Владельцы местечек в случае возникновения экономического конфликта, особенно частого при арендных соглашениях, позволяли себе вмешиваться в деятельность раввинского суда, в частности, по поводу так называемой «хазаки». С целью предотвращения конкуренции между евреями одной общины практиковалось закрепление за отдельными лицами определенных экономических сфер деятельности. Для этого существовали такие правовые институты как *мерапия* и *хазака*. Кагал негласно закреплял за евреем-арендатором право на аренду недвижимого имущества (*хазака*). *Хазака* у евреев-ашкеназов существовала с XI в. Одна из трактовок её происхождения состоит в следующем: «В средние века евреи брали в аренду земли или предприятия у хозяев-христиан; последние имели обыкновение повышать плату за аренду

(особенно в тех случаях, когда дела у арендаторов шли хорошо); если еврей-арендатор утверждал, что эта плата велика для него, то хозяин выгонял его и сдавал имущество другому еврею. Для того, чтобы бороться с этим явлением, …было постановлено, что у первого арендатора есть *хазака* на арендуемое имущество, и другой еврей не может арендовать его без разрешения первого арендатора»[56]. Магнат был заинтересован в увеличении конкуренции, которая повышала арендные расценки. Попытки раввинского суда, действующего от имени общины, защитить право *хазаки* наталкивались на жесткое сопротивление магната и даже строгое наказание[57].

Как известно, евреи (как и христиане) частновладельческих местечек пользовались землей на чиншевом праве. Сохранился документ о чиншевых правах местечка Краснополья, датированный 1823 г. и выданный помещиком Д. Яншиным. В нем специально оговаривалось, что каждый, кто владел недвижимостью, имел право свободно ее продать, заложить или сдать в аренду. Но земля должна была навсегда оставаться в собственности владельца. За каждый квадратный сажень надо было ежегодно выплачивать по 1 коп. ассигнациями, при этом место под синагогу и кладбище предоставлялось бесплатно. За лавки требовалась отдельная плата, которая в акте не оговаривалась. Для выпаса скота бесплатно выделялся выгон. Несмотря на оговоренные условия, между населением и владельцем местечка шла многолетняя борьба за право владения землей и лавками. В реальности землевладелец часто отходил от первоначально оговоренных условий[58].

Конфликтный характер носили отношения между землевладельцем Л. Сологубом и евреями Горок. В конце XVIII в. в Горках жило 398 евреев и 1076 христиан[59]. Этот спор был описан П. Мареком в одном из номеров «Книжек Восхода». В 1806 г. были пересмотрены размеры земельных наделов, и по новому плану от евреев к христианам перешло немало земли. Через 4 года Сологуб распорядился, чтобы все горецкие евреи вместе с семьями были выселены из местечка. Трудно точно установить, был ли этот указ реализован полностью или только частично. В пинкасе горецкого кагала в 1815 г. было записано о выселении евреев из торговых помещений, а запись 1822 г. свидетельствовала об их полном изгнании. Беда, случившаяся с евреями Горок, стала известна другим общинам; начались денежные сборы в пользу пострадавших. Горецкие евреи тоже не бездействовали. «Они неослабно работали целых 13 лет над процессом умилостивления сво-

его грозного помещика. За это время надежда много раз сменялась разочарованием, счастье часто казалось близким, но опять скрывалось за черными тучами панской немилости. Борьба за существование поддерживала в Горецких жителях постоянную энергию». В 1822 г. Сологуб пошел на примирение. Он значительно повысил арендные статьи, но позволил евреям вернуться к их прежним занятиям. Узнав о том, что помещик вернул евреям их права, многие евреи из других мест отправились в Горки. С этого времени началась борьба коренных жителей Горок с новопоселенцами из-за прав на местные доходы. В связи с этим П. Марек отметил, что в каждой еврейской общине шла подобная двойная экономическая борьба: с помещиком за неприкосновенность прав по эксплуатации местных доходных статей и с иногородними евреями за их стремление конкурировать в чужом районе.

Сложные взаимоотношения сложились между евреями Шклова и владельцем местечка Семеном Зоричем. В 1772 г. в результате первого раздела Речи Посполитой Шклов был присоединен к России и стал приграничным местечком Могилевской губернии. В 1777 г. Екатерина II подарила Шклов своему фавориту С.Г. Зоричу, который основал в местечке роскошный двор с театром и Благородным училищем для детей местной аристократии. В городе функционировало около 10 промышленных предприятий. Общая культурная атмосфера Шклова при Зориче сильно отразилась на шкловском еврействе[60]: евреи Шклова стали кредиторами императорского двора, а в балете танцевала еврейка. Именно здесь, в Шклове, в последней четверти XVIII в. возник один из центров еврейского Просвещения, Гаскалы[61]. В то же время Зорич был эгоистичным и грубым человеком, отягощал местечко непомерно высокими поборами, прибегал к избиениям, арестам и грабежам. Евреи направляли три прошения на имя белорусского генерал-губернатора и два — на имя императора. Когда Зорич узнал об этом, то силами своих крестьян организовал 27 мая 1798 г. еврейский погром. В материалах Российского государственного архива древних актов отложилось «Дело шкловских евреев по претензиям на генерал-лейтенанта С.Г. Зорича. 1798–1799»[62].

Напряженный характер в середине XIX в. носили отношения евреев Воложина с Иваном Тышкевичем, причиной чего стали отступления от первоначальных условий поселения евреев в местечке.

Первые сведения о евреях в Воложине относятся к середине XVI в. По переписи 1766 г. в кагале числилось 383 еврея. В 1847 г. Воложин-

ское еврейское общество составляло уже 590 душ[63]. В Кракове, в библиотеке Чарторыйских, хранятся инвентари Воложина XVIII в. В 1740 г. в местечке было 103 христианских и 36 еврейских (около 25,9%) дворов[64]. По данным инвентаря Воложина 1772 г. в местечке было уже 174 двора, из них 44 принадележали евреям[65]. В XIX в. удельный вес еврейского населения в Воложине продолжал расти. По статистическим сведениям в конце 1860-х гг. в Воложине проживало 1837 чел., из них 955 (или 52%) были евреями[66]. В 1880 г. население местечка составляло 3175 человек, в том числе 2310 евреев (или 72,8%)[67]. Увеличение еврейского населения сопровождалось ухудшением отношений с владельцем Воложина.

В 1863–1865 гг. рассматривался спор между графом Иваном Тышкевичем и воложинскими евреями. Из дела «*По отношению Министерства Внутренних Дел по иску Графа Тышкевича об уничтожении прав поселившихся в принадлежавшем ему м. Воложине евреев на владеемые ими домы и пляцы*» мы узнаем, что 28 января 1809 г. прежним владельцем местечка графом Иосифом Тышкевичем евреям были выданы конвенционный документ и «инструктарь», которые гарантировали им ряд прав и устанавливали размеры налогов. В частности, в интересах евреев крестьяне местечка обязывались продавать свои товары и покупать все необходимое для себя только в самом местечке. Очень важным для евреев был 2-ой пункт конвенционного документа: «Все пляцы, которыми владели евреи, а также находящиеся на них дома, солодовни, винокурни, лавки, словом всякого рода строения, как существующие, так и впредь могущие построиться должны считаться полною собственностью евреев и их наследников…, за что они обязаны уплачивать ежегодно чинш… От чинша освобождаются места, занимаемые синагогою, училищем, госпиталем, банями, кладбищем». 6-ой пункт гласил: «Предоставляется евреям производить всякого рода торговлю, содержать скотобойни и трактиры, шинковать все горячие напитки, оптом покупать и продавать, словом, употреблять все законные меры к улучшению своего быта без всякого препятствия со стороны дворового управления, однако со взносом известной платы по инструктарю». В «инструктаре» регламентировались сборы за производство и продажу спиртных напитков, а также были зафиксированы размеры налогов с разных предметов торговли.

В 1840 г. во владение местечком вступил внук Иосифа Тышкевича — Иван. Начались ограничения евреев в правах, предоставленных

прежним владельцем Воложина. В частности, Иван Тышкевич запретил евреям строить в местечке новые и ремонтировать старые дома, занятые под продажу спиртных напитков. В 1842 г. евреи подали жалобу на «нарушение и стеснение Иваном Тышкевичем прав и льгот их, коими они пользовались спокойно до 1840 г.». К моменту поступления дела о споре графа Тышкевича с евреями м. Воложина на рассмотрение Сената, оно представляло собой 7 томов, объемом около 3000 листов. Сенат признал конвенционный документ, на котором основываются права евреев, имеющим полную силу. Однако местным властям было поручено проверить: не противоречат ли пункты этого документа с действующими в настоящее время в западных губерниях законами. В итоге Виленское губернское правление признало некоторые положения конвенционного документа и «инструктаря» 1809 г. устаревшими и подлежащими отмене. Однако, в целом судебное решение имело для воложинских евреев благоприятный итог[68].

Повинности и налоги в местечке не регламентировались никакими документами, что приводило к их увеличению и к появлению дополнительных платежей. Это также могло сопровождаться конфликтами между жителями местечек и их владельцами. Ярким примером здесь может стать положение жителей Высоко-Литовска Брестского уезда и их конфликт с владельцем князем Сапегой. Евреи местечка жаловались в высшие инстанции на князя Сапегу за присвоение себе некоторых статей коробочного сбора, за обложение их разными торговыми налогами, увеличение чинша за площади и лавки и т.д. Жалоба состоит из 11 пунктов. Мещане подчеркивали, что эти незаконные сборы являются прямым налогом на главные предметы жизненных потребностей, препятствуют мелкой промышленности и торговли и затрудняют как местных, так и окрестных жителей местечка. По этой причине община не в состоянии выплачивать казенные подати, недоимка которых значительно увеличилась. Указом Сената от 22 июня 1853 г. эти незаконные сборы были отменены. В 1855 г. князь Сапега по новому инвентарю снова увеличил чинш с евреев местечка и распорядился ликвидировать еврейские деревянные лавки. Тогда евреи предъявили иск Сапеге о выплате им суммы в 46 тыс. руб. за переплату незаконных сборов. Сапега, со своей стороны, предъявил иск евреям на сумму 9835 руб. 20 коп. за неуплаченный в 1834 г. долг. Решение Сената по этому делу было следующим: для покрытия расходов высоко-литовским евреям за переплату сборов взыскать с владельца местечка всю

сумму, переплаченную с 1840 г., а с евреев взыскать в пользу князя Сапеги 9835 руб. 20 коп. [69]

Евреи Скиделя в 1827 г. жаловались на княгиню Четвертинскую, которая лишила их наделенных бывшими польскими королями свобод на различные промыслы и содержание шинков, право аренды мельницы, увеличила чинш и присвоение коробочного сбора[70].

Таким образом, взаимоотношения между евреями и владельцами местечек были неоднозначными. Поэтому сложно делать какие-либо обобщения, хотя некоторые общие тенденции, безусловно, прослеживаются.

Выявленные материалы подтверждают общее мнение историков о том, что одной из характерных черт еврейской жизни в Речи Посполитой являлось тяготение еврейского населения в частновладельческие имения, особенно, во владения крупных магнатов, которые предоставляли евреям более надежное положение и создавали более благоприятные факторы для экономических возможностей[71]. Эта тенденция сохранилась и в XIX в., когда юго-восточные земли Речи Посполитой стали частью Российской империи.

Заметное увеличение еврейского населения в частновладельческих местечках Беларуси началось после войн середины XVII — первой четверти XVIII в. Многие аристократы, исходя из своих экономических интересов, приглашали евреев в свои владения, предоставляя им гарантию безопасности, свободы вероисповедания и занятий, а также автономного общинного самоуправления. Это улучшало экономические и правовые позиции евреев. Занимая рынки городов и местечек, они вытесняли христианское население, которое все больше рураризировалось. Большое количество привилегий было предоставлено еврейским общинам в XVIII в. В результате этого процесса, а также благодаря политике российских властей, направленной на выселение евреев из сельской местности, города и местечки Беларуси становились преимущественно еврейскими.

Традиционные еврейские структуры использовались землевладельцами как источники дохода и как административные рычаги для контроля над экономической деятельностью. Нередкими были случаи вмешательства магнатов во внутренние дела общины. Это стало одним из важных факторов, приведших к серьезным изменениям внутри самого еврейского общества, например, к кризису института раввината как источника духовной власти в XVIII в.[72].

В конце XVIII — первой половине XIX в. участились факты нарушения владельцами местечек первоначальных условий поселения евреев. Многие еврейские общины вели борьбу с помещиками за неприкосновенность ранее установленных прав на проживание и эксплуатацию местных доходных статей. Наличие документального подтверждения прежних прав евреев давало основания обращаться с прошениями в различные государственные инстанции и отстаивать (временами успешно) свои интересы в судебном порядке.

Такие вопросы, как отношения евреев не только с владельцами, но и с администрацией местечек, изменение их статуса в ходе модернизации страны и восстаний 1831 и 1863 г., а также особенность их положения на белорусских землях (или в северо-западных губерниях Российской империи) по сравнению с Царством Польским[73], требуют дополнительных исследований.

Примечания

[1] Монография М. Росмана основана на анализе источников из латифундий Сенявских и Чарторыйских, в которых к 1764 г. проживало 4% всех польско-литовских евреев (*Rosman M.* Zydzi pańscy. Stosunki magnacko-żydowskie w Rzeczypospolitej w 18 wieku. Warszawa, 2005). В свою очередь А. Теллер обращается к не менее богатым материалам из архива Радзивиллов. См.: *Teller A.* The Legal Status of the Jews on the Magnate Estates of Poland-Lithuania in the XVIIIth Century // Gal-Ed. Vol. 15–16 (1997). P. 41–63; *Teller A.* Radziwill, Rabinowicz, and the Rabbi of Swierz: the Magnates' Attitude to Jewish Regional Autonomy in the 18th Century // Scripta Hierosolymitana. Vol. 38. (1998). P. 246–276; *Teller A.* Radziwiłłowie a Żydzi w czasach saskich // Rzeczpospolita Wielu Narodów i jej tradycje. Materiały z konferencji "300 lat od początku unii polsko-saskiej. Rzeczpospolita Wielu Narodów i jej tradycje". Krakow, 15–17. IX. 1997" / Pod red. A.K. Link-Lenczoswkiego i M. Markiewicza. Krakow, 1999. S. 149–161.

[2] См.: *Hensel J.* Żydowski arendarz i jego karczma // Kultura Żydów polskich XIX–XX w. Kielce, 1992. S. 85; *Goldberg J.* Społeczność Żydowska w szlacheckim miasteczku // Biuletyn ZIH. Vol. 59. (1966) S. 3–28; *Соболевская О.* Иудеи в белорусских владениях Радзивиллов в конце XVIII — начале XIX вв. // Цайтшрыфт: часопіс для даследавання яўрэйскай гісторыі, дэмаграфіі і эканомікі, літаратуры, мовы і этнаграфіі. Менск–Вільня. 2011. Т. 6 (1). С. 23–40.

[3] Большинство работ посвящены истории Царства Польского. См.: *Caban W.* Żydzi guberni radomskiej 1832–1862: źródla utrzymania i aktywność gospodarcza // Biuletyn ŻIH. T. 158 (1991). S. 29–44; *Dynner G.* Legal Fictions: the Survival of Rural Jewish Tavernkeeping in the Kingdom of Poland // Jewish Social Studies. Vol. 16 (2010). Nr. 2. P. 28–66; *Fijałkowski L.* Żydzi w miastach Mazowsza w świetle źródeł

pruskich z końca XVIII i początku XIX wieku // Kwartalnik Historii Zydów. T. 215 (2005). S. 324–341. Статья Д. Файнгауза осталась нам, к сожалению, неизвестной: *Fajnhauz D.* Dwór i karczma żydowska na Litwie w połowie 19 w. // Studies in Jewish History, Presented to Professor Raphael Mahler on His Seventy-Fifth Birthday / Ed. by S. Yeivin. Merhavia, 1974. P. 62–76.

[4] Центральный архив истории еврейского народа в Иерусалиме. НМ 2/7945.3.

[5] *Ганжын А.* Мястэчка Чачэрск, Гомельскай акругі // Наш край. 1927. № 1.

[6] *Ельскі А.* Гарады і мястэчкі // Выбранае / Укладанне Наталлі Мазоўка і Уладзіміра Казберука. Мінск, 2004.

[7] *Бобровский П.* Материалы для географии и статистики Российской империи. Гродненская губерния. Ч. 2. СПб., 1863.

[8] *Самцэвіч В.* Мястэчка Лагойск (Менскай акругі) // Наш край. 1928. № 4.

[9] *Фельдман Д.* Из истории Шкловских евреев (по материалам Российского государственного архива древних актов) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 28–38.

[10] *Рохлин Л.Л.* Местечко Краснополье. СПб., 1908.

[11] Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ) в Гродно. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1825.

[12] *Марек П.* Исторические сообщения: Страница из жизни Горецкой еврейской общины // Книжки Восхода. 1903. Кн. 5 (май).

[13] Литовский государственный исторический архив (далее ЛГИА). Ф. 378, общий отдел, 1864 г. Д. 1999.

[14] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1298.

[15] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 98–99.

[16] *Копысский З.Ю.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Минск, 1975. С.10.

[17] *Карпачёв А.М.* Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII–XVIII в.: Дис. доктора ист. наук. Минск, 1970. С. 91.

[18] *Шыбека З.В.* Гарады Беларусі (60-я г. XIX — пачатак XX ст.). Мінск, 1997. С. 38.

[19] *Сагановіч Г.* Невядомая вайна: 1654–1667. Мінск, 1995. С. 130, 139. В то время имения шляхты в наименьшей степени пострадали от войны и ее последствий: *Morzy J.* Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII w. Poznań, 1961. S. 208.

[20] *Teller A.* The Legal Status of the Jews on the Magnate Estates. P. 41

[21] *Паздняковў В*. Клецк // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4. Мінск, 1997. С. 194.

[22] http://www.sztetl.org.pl/be/article/kleck/5,-/

[23] *Ельскі А.* Гарады і мястэчкі // Выбранае. С. 282.

[24] Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи (городовое положение 16 июня 1870 г.) Т. V. СПб., 1879. С. 101.

[25] Центральный архив истории еврейского народа в Иерусалиме. НМ 2/7945.3.

[26] Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. С. 102.

[27] *Ганжын А.* Мястэчка Чачэрск, Гомельскай акругі // Наш край. 1927. № 1. С. 60.

[28] Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. С. 98.

[29] *Самцэвіч В.* Мястэчка Лагойск (Менскай акругі) // Наш край. 1928. № 4. С. 28–29.

[30] Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. С. 102.

[31] НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 3226.

[32] *Соболевская О.* Иудеи в белорусских владениях Радзивиллов. С. 23–40.

[33] [*С.Л.*] Акцизный откуп и евреи-посредники в Минской губернии // Труды Имп. Вольного экономического общества. 1860, ноябрь. С. 279–289.

[34] *Киркор А.К.* Народности Литовского полесья и их жизнь // Живописная Россия: Литовское и Белорусское Полесье: Репринт. воспроизвед. изд. 1882 г. Минск, 1994. С. 18.

[35] *Houmann H.* Historia Żydów w Europie Środkowej i Wschodniej. Warszawa, 2000. S. 41. «Żydzi żyli w prawdziwej ekonomicznej i społecznej symbiozie z wyższymi warstwami szlachty. Jeszcze nawet wiele lat później opowiadano: „Mój dziadek ze strony matki, który już nie siedział na ziemi, twierdził: Polski szlachcic bez Żyda jest niekompletny! Mój dziadek ze strony ojca, który jeszcze siedział na ziemi, utrzymywał: jest szlachcicem, dopóki ma się ziemię i Żyda!”».

[36] РГИА. Ф. 1287. Оп.5. Д.1127. Л. 2.

[37] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109, 1 экспедиция. Оп. 16. Д. 304. Л. 24–25.

[38] *Анішчанка Я.К.* Яўрэі ўсходняй Беларусі ў канцы XVIII ст. паводле ўрадавага ўліку // Весці Акадэміі Навук Беларусі. Сер. гуманіт. Навук. 1993. № 4. С. 63, 67.

[39] Подсчитано по данным: НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 315. Л. 7–44.

[40] Подсчитано по данным: РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 90. Л. 3–159.

[41] *Зеленский И.* Материалы для географии и статистики Российской империи. Минская губерния. Ч. 1. Спб., 1864. С. 587.

[42] Подсчитано по данным: *Бруцкус Б.Д.* Статистика еврейского населения: распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г. СПб., 1909. Приложения.

[43] Главный архив древних актов в Варшаве (далее AGAD). AR, dz. XXV. Sygn. 2103–2125.

[44] *Соколова А.* Архитектура штетла в контексте традиционной культуры // *Лукин В., Соколова А., Хаймович Б.* Сто еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель. СПб., 2000. Вып. 2.: Подолия. С. 57.

[45] AGAD. — AR. — Dz. XXV. — Sygn. 696, 711, 718, 723.

[46] AGAD. Zb. kart. R. 452–40.

[47] Ibidem. R. 452–25.

[48] Ibidem. R. 452–13.

[49] Ibidem. R. 452–34.

[50] *Сыракомля У.* Вандроўкі па маіх былых ваколіцах: Успаміны, даследаванні гісторыі, звычаяў / Пераклад з польскай мовы, прадмова, каментарыі К.Цвіркі. Мінск, 2002. С. 299.

[51] *Паперна А.И.* Из Николаевской эпохи. Воспоминания // Пережитое. Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. СПб., 1910. Т. 2. С. 6.

[52] НИАБ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1601.Л. 9 об.

[53] РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д.443. Лл. 2–12.

[54] *Roskes Diane K., Roskes David G.* The shtetl book: An introduction to East European Jewish Life and Lore. INC, 1979. P. 181–184, 187–188.

[55] *Hundert G.D.* The Jews in a Polish Private Town: The case of Opatow in the Eighteenth Century. Baltimore, 1992; *Teller A.* The Legal Status of the Jews on the Magnate Estates. P. 57; *Michałowska-Mycielska A.* Władza dominialna a konflikt w gminie. Wybory władz gminnych i rabina w Słucku 1709–1711 // Małżeństwo z rozsądku. Żydzi w społeczeństwie dawnej Rzeczypospolitej. Wrocław, 2007. 59–71. Наиболее известен конфликт при выборе раввина в Вильне в конце 18 в.: *Hundert G.D.* . Żydzi w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVIII wieku, Genealogia nowoczesności. Warszawa, 2007. S. 152–158.

[56] Хазака // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=14398&query=%D5%C0%C7%C0%CA%C0

[57] *Teller A.* The Legal Status of the Jews on the Magnate Estates. P. 55.

[58] *Рохлин Л.Л.* Местечко Краснополье. СПб., 1908. С. 95–97, 31.

[59] Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 382. Л. 353 адв.

[60] По сведениям на 1783–1784 гг. в Старом и Новом Шклове вместе с двумя предместьями насчитывалось 575 дворов, 2381 чел., кроме того здесь проживали евреи, приписанные по ревизии к г. Могилеву: 274 двора, 1884 чел. (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 719. Л. 153, 156).

[61] *Fishman D.* Russia's first Modern Jews: The Jews of Shklov. N.Y., 1995.

[62] *Фельдман Д.* Из истории Шкловских евреев (по материалам Российского государственного архива древних актов) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 28–38.

[63] Еврейская энциклопедия. Репринтное воспроизведение издания общества для научных еврейских изданий и Издательства Брокгауз-Ефрон. Т. 5. С. 730.

[64] Отдел рукописей Библиотеки Чарторыйских. 9365. Л. 10 об.–17 об.

[65] Отдел рукописей Библиотеки Чарторыйских. 9368. Л. 3-15.

[66] Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. С. 86.

[67] ЛГИА. Ф. 378, общий отдел. 1880 год. Д. 869. Л. 113 об.-114.

[68] Там же. 1864 год. Д. 1999.

[69] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1298. Л. 3, 6, 18 об., 48, 48 об.

[70] НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1825. Л. 1 об.

[71] *Teller A.* The Legal Status of the Jews on the Magnate Estates. P. 41–63.

[72] *Teller A.* The Legal Status of the Jews on the Magnate Estates. P. 62.

[73] См. важную в этом отношении работу*: Dynner G.* Legal Fictions: the Survival of Rural Jewish Tavernkeeping in the Kingdom of Poland. P. 28–66.

Надежда Рыжева
(Николаев)

ЕВРЕЙСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ПАРУСНОГО СУДОСТРОЕНИЯ НА ЮГЕ УКРАИНЫ В XIX в.

Предпринимательская деятельность еврейского населения занимает особое место в формировании экономического потенциала юга Украины, где в XIX в. располагалась основная судостроительная база Черноморского флота Российской империи (Херсон, а затем Николаев).

В начале рассматриваемого периода амбициозные планы по созданию и активному строительству передового флота, задекларированные самодержавием в последней четверти XVIII в., тормозились феодально-крепостнической системой производства. Стремление любой ценой сохранить государственный (казенный) контроль над судостроением и работой созданных в Херсоне (1778 г.) и Николаеве (1789 г.) верфей спровоцировало в конце первого десятилетия XIX в производственный кризис. Корабли строились медленно, значительная часть необходимых материалов, инвентаря и оборудования разворовывалась, терялась и не доходила до верфи.

В конце 1808 г. Черноморский флот располагал всего шестью линейными кораблями, находившимися в строю (вместо запланированных 21). Главный командир Черноморского флота и портов Иван де Траверсе (Жан-Батист де Траверсе, 1754–1830) такую численность кораблей считал недостаточной. В условиях постоянного дефицита государственного финансирования он ввел в судостроение на юге Российской империи стандарты западноевропейского коммерческого предпринимательства. В организации черноморского судостроения начинает использоваться нетрадиционный для России экономический прием, получивший в тот период название «подряд» — создание судов за счет привлечения предпринимательской инициативы и капитала[1].

Первыми, кто рискнул своими финансовыми капиталами и предпринимательской инициативой включиться в реализацию подряда, стали еврейские купцы. Отметим, что строительство судов стало их сферой внимания еще до принятия соответствующего решения. В документальных материалах за 1804 год зафиксирована организация Абрамом Израилевичем Перетцем постройки в Херсоне для собственных коммерческих нужд двух судов[2]. И именно А. Перетц и становится первым подрядчиком-судостроителем на юге Украины.

В соответствии с заключенным в апреле 1809 г. контрактом (доверенным лицом А. Перетца стал купец Л. Львов), подрядчик обязывался построить в Херсоне из собственных материалов и с помощью нанятых мастеровых два стапеля и два судна. В связи с отсутствием в адмиралтействе свободных площадей для подрядного судостроения планировалось создать специальную верфь[3]. Месторасположением верфи в Херсоне стал Карантинный остров «при реке Кошевой». В конце октября 1809 г. на отведенной территории состоялась закладка 32-пушечного фрегата «Африка» и транспорта «Рион». Сооружением руководил корабельный мастер М. Суровцев. Возможности свободного капитала оперативно реализовывать требования заказчика характеризуются следующим: фрегат «Африка» спускается со стапеля 3 июня 1811 г., а на шесть месяцев ранее был спущен транспорт «Рион»[4].

Отметим, что инициативы А. Перетца постоянно контролировались. Перспективы подрядного судостроения в Николаеве обсуждались на высочайшем уровне. Разрешение на его внедрение было получено от Александра I на следующих условиях: подрядчик должен был возвести эллинг, в котором к 1811 г. обязывался завершить строительство одного корабля[5]. В апреле 1810 г. контракт на сооружение корабля был подписан Л. Львовым (доверенным лицом А. Перетца). Предприниматель обязывался построить корпус 74-пушечного корабля. По условиям контракта вблизи Николаевского адмиралтейства сооружались эллинг с пристанями и необходимыми зданиями на общую сумму 657 790 руб. Ответственность за комплексное строительство возлагалась на адмиралтейство, которое выделяло корабельного мастера и специалистов для контроля за кузнечными и плотничьими работами. Адмиралтейство обязывалось также выполнить следующие работы: малярные, конопатные, а также обшивку судна медью. В ноябре 1810 г. в новом эллинге закладывается 74-пушечный корабль «Кульм»[6].

В жестких условиях феодально-крепостнической системы частная инициатива не всегда могла оперативно реагировать на потребности производства. Сооружение корабля было завершено с нарушением установленного Александром I срока: не в 1811 г., а только в 1813 г. Строительство «Кульма» было действительно долговременным, но если сравнить темпы построения данного корабля с другими кораблями такого типа, которые сооружались в Николаевском адмиралтействе, то можно убедиться в преимуществах подряда. Проанализируем динамику построения в 10-ые гг. XIX в. трех 74-пушечных кораблей:

— «Лесной» создавался в адмиралтействе за 1 год 7 месяцев и 29 дней (с 6 ноября 1809 г. по 5 июля 1811 г.);
— «Кульм» строился подрядчиком А. Перетцем 2 года 11 месяцев 10 дней (с 24 ноября 1810 г. по 4 ноября 1813 г.);
— «Николай» сооружался адмиралтейством 4 года 6 месяцев 21 день (с 25 ноября 1811 г. по 16 июня 1816 г.) [7].

Учитывая необходимость построения подрядчиком нового эллинга и корабля, сроки сооружения «Кульма» были значительно короче, чем однотипного «Николая». Свидетельством высокого качества построенного подрядчиком «Кульма» можно считать период его пребывания в составе Черноморского флота — 1813–1826 гг. (для сравнения — «Николай» — 1816–1827 гг.)[8]. В октябре 1814 г. Николаевское адмиралтейство приняло от подрядчика эллинг, пристани, магазины и другие сооружения[9].

Предприниматель А. Перетц одновременно с созданием в Николаеве 74-пушечного корабля построил в Херсоне также три 32-пушечных фрегата и одно транспортное судно.

Таким образом, уже первый эксперимент по внедрению в судостроение подряда, основанного на инициативах еврейского предпринимателя, засвидетельствовал явное преимущество организации частного труда по сравнению с казенным, основанным на феодально--крепостнических отношениях.

С назначением в 1816 г. главным командиром Черноморского флота и портов вице-адмирала А. Грейга система подрядного судостроения с привлечением евреев-предпринимателей получила новое развитие. В 1818–1825 гг. в Херсоне и Николаеве, кроме А. Перетца, появились другие подрядчики, в основном крупные поставщики черноморского адмиралтейства — купцы М. Серебряный (Сребреный), Д. Исаков,

М. Варшавский и др. По условиям контрактов предприниматели сооружали суда как на готовых стапелях, свободных от построения судов, так и возводили верфи вне адмиралтейства[10].

В 20-х гг. евреи-подрядчики осваивают строительство практически всех типов средних и мелких судов: бригов, канонерских лодок, транспортов, катеров. Документы того времени фиксируют общую тенденцию увеличения инвестиций, направленных на подрядное судостроение. Если за первый построенный предпринимателем в Николаеве корабль (1810–1813 гг.) денежная сумма подряда составила 482 083 руб., то за десять лет, на 1823 г. (за неполными данными), объем подрядов составил уже 1 549 300 руб. В 1818–1825 гг. подрядчиками в Николаеве построено 2 брига, 27 канонерских лодок, 15 иолов, 8 транспортов и 201 портовое судно[11].

Таким образом, судостроение стало одной из первых производственных сфер, где уже в первой четверти XIX в. активно внедряются и дают практический результат капиталистические принципы производства, основанные в том числе по инициативе еврейских предпринимателей. Подрядные верфи внесли значительный вклад в пополнение Черноморского флота боевыми и транспортными судами. Развитие подрядного судостроения обусловливалось, прежде всего, особенностями социально-экономического развития региона. Только подрядный способ обеспечивал в местных социально-экономических условиях пополнение состава флота в короткие сроки, что было не по силам казенному судостроению. Согласно подсчетам исследователей парусного деревянного судостроения, стоимость сооружения судов подрядчиками, как правило, была ниже, а по качеству они не только не уступали, но даже превосходили продукцию казенных адмиралтейств.

Примечания

[1] Российский Государственный Архив Военно-морского флота. Санкт-Петербург (РГА ВМФ). Ф. 166. Оп. 1. Д. 4205. Л. 2; Ф. 243. Оп. 1. Д. 764. Л. 1–2.

[2] *Веселаго Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Тип. Морского министерства, 1872. С. 438.

[3] РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4205. — Л. 2; *Сацкий А. Г.* Подрядное судостроение в Николаеве // Судостроение. 1989. № 8. С. 51–53.

[4] РГА ВМФ. Ф. 166. — Оп. 1. Д. 4205. Л. 7об.; Д. 4235. Л. 118; *Веселаго Ф.* Список русских военных судов. С. 474–475, 544–545.

[5] РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 764. Л. 76–77.

[6] РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4235. Л. 76–81, 113–115; Ф. 243. Оп. 1. Д. 764. Л. 7–8, 14–24, 44–54; *Веселаго Ф.* Список русских военных судов. С. 458–459.

[7] РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4235. Л. 113–122; *Веселаго Ф.* Список русских военных судов. С. 458–459.

[8] *Чернышев А. А.* Российский парусный флот: справочник в 2-х томах / Т. 1. М., 1997. С. 113.

[9] РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4235. Л. 157–162.

[10] РГА ВМФ. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 948. Л. 40.

[11] Государственный архив Николаевской области (Украина). Ф.-Р. 5858. Оп. 1. Д. 7. Л. 229; *Сацкий А. Г.* Подрядное судостроение. С. 52.

Игорь Дворкин
(Харьков)

УКРАИНСКИЕ ЕВРЕИ XIX в. В СОВРЕМЕННЫХ ОБОБЩАЮЩИХ ТРУДАХ ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ

В статье будут проанализированы современные обобщающие труды по истории Украины с целью выявить особенности освещения истории еврейской общины в XIX в., а также украинско-еврейских взаимоотношений. По нашему мнению, именно обобщающие труды, а это преимущественно учебники, играют большую роль в рефлексии современным украинским обществом многих важных научных и социальных проблем. Ведь именно через синтетические работы, в том числе и учебники, ученые, студенчество, простые граждане преимущественно узнают о современном состоянии разработки той или иной проблемы, ее интерпретации. В нашем обзоре представлены работы по истории Украины, вышедшие в 1990-х — 2000-х гг.

Первой синтетической работой, опубликованной в современной Украине, стала книга канадского исследователя О. Субтельного «Украина: история» (издана на английском языке в 1988 г.; первое украинское издание появилось в 1991 г., в дальнейшем многократно переиздавалась, в том числе и на русском языке)[1]. Это без преувеличения уникальная работа, которая знакомила общество с альтернативной несоветской парадигмой украинской истории.

Исследуя украинское общество XIX в., автор указанного сочинения останавливается на отдельной характеристике еврейской общины. О. Субтельный называет евреев «старейшим» этническим меньшинством Украины. Отмечая, что евреи жили здесь со времен Киевской Руси, а в XVI и XVII вв. под покровительством польской шляхты стали массово переселяться в Украину. После того, как Правобережье стало частью Российской империи, царское правительство проводило уни-

кальную политику в отношении новых еврейских подданных. С целью защиты русских купцов от конкуренции с их стороны евреям было запрещено проживать собственно на территории России. Автор считает, что политика «черты оседлости» ограничила зону проживания евреев присоединенными к России территориями («западными окраинами»): Литвой, Белоруссией и Правобережной Украиной. Политика в отношении евреев во многом была обусловлена желанием оградить российских купцов от конкуренции со стороны купцов еврейских[2].

Автор приводит интересные данные относительно количественных изменений населения Украины, отмечая, что между 1820 г. и 1880 г., когда общая численность населения империи увеличилась на 87%, число евреев выросло на 150%. Еще более быстрым этот процесс был на Правобережье: население между 1844 и 1913 гг. увеличилось здесь на 265%, в то время как еврейское население — на 844%[3]. Также в работе дается характеристика иудейской общины, основных видов занятости евреев и т.д.

Автор достаточно глубоко характеризует украинско-еврейские отношения. В культурном плане евреи и украинцы имели мало общего, а их религии лишь углубляли различия между ними. Автор пишет: «Вообще говоря, и отношения между украинцами и евреями не были, да и вряд ли могли быть дружественными. Веками два народа существовали в структурно антагонистических, хотя и взаимозависимых, средах: для еврея украинец был воплощением отсталого и забитого села, а еврей для украинца — чужого, эксплуататорского города, по дешевке скупающего у него продукты и втридорога продававшего товары»[4]. Среди причин еврейских погромов исследователь называет эксплуататорскую деятельность некоторых еврейских предпринимателей и ростовщиков, а также антисемитскую политику правительства, агитацию реакционных групп. Погромы конца XIX — начала XX в. привели к массовой эмиграции евреев из Российской империи в Соединенные Штаты Америки[5].

В 1990-х гг. возникает необходимость формирования украинского национального нарратива, создания собственной концепции национальной истории. В середине 1990-х гг. появляются первые отечественные синтетические исследования по истории Украины, призванные осветить историю новообразованного государства.

Одной из первых таких работ стала коллективная монография «История Украины: новое видение», написанная сотрудниками Института

истории Украины Национальной академии наук Украины[6]. Авторы раздела, посвященного XIX в., В. Сарбей и Ф. Стеблий отдельно останавливаются на характеристике национальных меньшинств. Они указывают, что в XIX в. наибольший прирост населения наблюдался у евреев, чему способствовала иудейская религия и забота о здоровье детей, которая сохранялась у всей общины. Авторы также отмечали, что развитие капиталистических отношений способствовало традиционному для еврейского населения предпринимательству. Кроме того, многие евреи пополняли ряды рабочих, многие становились врачами, юристами, журналистами[7].

Среди работ этого времени следует также выделить учебник И.К. Рыбалко по истории Украины для студентов исторических факультетов вузов, изданный в Харькове в 1994 г. (второй том, посвященный периоду XIX — начала XX в., увидел свет в 1997 г.[8]). Евреи здесь упоминаются в главах, посвященных общественно-политическому развитию — при характеристике буржуазии и пролетариата. Автор отмечал, что совместно с украинцами действовали и капиталисты других национальностей; указывал, что крупными еврейскими капиталистами, миллионерами и сахарозаводчиками были Бродский, Гальперин, Гинзбург и др. Мелкая еврейская буржуазия, особенно торговая, сосредоточивалась в городах, в основном в пределах «черты оседлости».

Характеризуя общероссийские политические партии, И. К. Рыбалко отдельно останавливается на еврейской социалистической партии «Бунд». Приводятся сведения о том, что бундовцы участвовали в организации и проведении I съезда РСДРП, на котором Бунд вошел в РСДРП как автономная организация. Бунд признавал интернациональный принцип построения революционной партии нецелесообразным и требовал признать его «федеративной частью РСДРП», единственным представителем еврейских рабочих в России. II съезд РСДРП не согласился с Бундом, и эта партия оказался вне ее рядов[9].

В 1996 г. появляется обобщающая работа Я. Грицака «Очерк истории Украины. Формирование современной украинской нации»[10]. В ней была предложена альтернативная концепция истории Украины, основанная на современных, преимущественно западных модернистских подходах. Книга была впоследствии переиздана; она имеется в открытом доступе в Интернете[11].

Автор отдельно останавливается на украинско-еврейских отношениях. Отмечается, что высокий процент евреев в селе (в основном кор-

чмарей, ростовщиков и арендаторов) стал в последней трети XIX — начале XX вв. характерной особенностью Галиции, что создавало почву для острого социального и национального антагонизма между евреями и украинским крестьянством[12].

Я. Грицак пишет, что множество молодых еврейских интеллектуалов становились истинными польскими патриотами. В начале 1890-х гг. стремление к ассимиляции как массовое движение среди евреев-галичан в основном прекратилось, сохраняясь только в среде богатых семей. Ей на смену пришло сионистское движение[13]. Сначала сионизм охватил студенческую еврейскую молодежь, а в начале XX в. стал массовым движением. На Галиции сионизм не ставил отчетливых политических задач; его главной целью была борьба за сохранение еврейской национальной самобытности. Исследуя положение еврейского населения Российской империи, автор останавливается на ассимиляции с русскими в украинских губерниях Российской империи, которая охватила наиболее мобильные элементы еврейского населения — предпринимателей, интеллигенцию и т.д. Это Я. Грицак считает естественным явлением: во время острого социального и политического конфликта каждое меньшинство выбирает союз с более сильной группой, то есть с русскими, а не с украинцами. Интеграция с украинцами была почти невозможной, даже теоретически, подчеркивает исследователь[14].

Анализ антисемитизма украинского крестьянства сводится к следующим выводам: религиозные и культурные предубеждения не были основными в этом явлении, антисемитизм имел преимущественно социальный характер. Появлению еврейского национального движения способствовали две волны антиеврейских погромов. Говоря о погромах 1881–1882 и 1903–1906 гг., Я. Грицак отмечает, что хотя они и были на Украине, в них не участвовало украинское крестьянство, а участвовали преимущественно рабочие-мигранты из России. Следствием погромов стало появление еврейского национального (сионистского) движения, а также массовая эмиграция евреев[15].

Наиболее популярным учебником среди студентов многих украинских вузов, по нашим наблюдениям, является курс «Истории Украины» О.Д. Бойко (первое издание 1999 г.)[16]. В книге о евреях XIX в. практически ничего не сказано. Здесь отмечается, что буржуазия в украинских землях формировалась на многонациональной основе: кроме украинского, в ее составе весомой была доля русских, евреев, французов, англичан, бельгийцев и немцев. В конце XIX в. украинцы состав-

ляли менее трети городского населения, доминировали в нем русские и евреи. Впрочем, во многих обобщающих работах по истории Украины, а также учебниках для вузов и школ еврейская община упоминается крайне редко. Что является характерным и для других национальных меньшинств Украины.

Обратимся к школьным учебникам. Например, в учебнике А. Реента и О. Малий для 9 класса (2009 г.)[17] отмечается национальный состав населения Украины. Также подчеркивается большая роль украинской греко-католической церкви, которая препятствовала ксенофобии и ненависти к евреям среди сельского населения. Здесь нужна ссылка. В учебнике за 10-й класс (С. Кульчицкий, Ю. Лебедева)[18] евреи, как и другие национальные группы, представлены в разделе, посвященном составу населения Украины в начале XX в., в нем также вводится определение «черты оседлости». Здесь говорится о неинтегрированности евреев, об их относительно обособленном существовании, месте в социальной структуре общества.

Во второй половине 2000-х гг. появляются переводы синтетических работ по истории Украины иностранных украинистов. Так, в 2007 г. был издан труд австрийского исследователя А. Каппелера «Малая история Украины» (первое издание на немецком языке в 1994 г.)[19]. Автор рассматривает историю Украины не только как историю этнических украинцев, но и как историю представителей других наций. А. Каппелер подчеркивает: «Отказ от эксклюзивной концентрации на истории этнических украинцев должен усилить понятие политической или гражданской государственный нации, которое закреплено в Конституции Украины. Отказ от этнической нации и поворот к полиэтнической политической нации должен стать способом для преодоления многочисленных современных конфликтов и усиления молодой украинской дипломатии»[20].

Характеризуя политику российского правительства относительно евреев Правобережья, немецкий исследователь пишет, что власти с переменным успехом пытались переселять их в города. Мотивом для этого было стремление разрушить социальное положение евреев в украинском селе и освободить православных крестьян от зависимости, которые те испытывали от нехристиан. Важнейшим ограничением автор считает «черту оседлости»[21].

Говоря о западно-украинском еврействе, автор отмечает, что после реформ середины XIX в. евреи получили основные гражданские права, хотя они не были признаны как отдельная национальность[22].

Повествуя о еврейских погромах, исследователь подчеркивает: «в отличие от резни XVII–XVIII вв., теперь движущей силой были не украинские казаки и крестьяне, а городское население, среди которого преобладал русский элемент»[23]. Несмотря на то, что участие в этом принимали также и украинские крестьяне и горожане, погромы 1881 и 1905 гг. нельзя объяснить наличием традиции специфически украинского антисемитизма[24]. В дальнейшем, в отличие от других исследователей, А. Каппелер отдельно останавливается на культуре и образовании еврейской общины.

Итак, в работах по истории Украины, которые появляются в 1990-х гг., почти все внимание уделено представителям титульной нации. Национальные меньшинства, в том числе и евреи, здесь представлены лишь в разделах, посвященных составу населения. Необходимость создания национального исторического нарратива в возрожденном украинском государстве не вызывает сомнения. Украинским ученым было просто необходимо показать преемственность современного украинского государства, исторические корни украинцев и т.д. Евреи, как и другие народы, выпадали из этой концепции. В современных школьных учебниках заметна тенденция на включение национальных меньшинств в историю Украины.

Для западных исследователей последних двух десятилетий история Украины виделась более широко, в их синтетических трудах находилось место и для других народов. В работах западных украинистов и исследователей нового поколения эта проблематика представлена значительно шире. Преимущественно исследуются следующие аспекты: количественный состав еврейского населения, взаимоотношения украинской и еврейской общин, появление сионистского движения, причины еврейских погромов и антисемитизма.

Примечания

[1] *Субтельний О.* Украина: история. Київ, 1994.
[2] Там же. С. 355.
[3] Там же. С. 355.
[4] Там же. С. 357.
[5] Там же. С. 357.
[6] Історія України: нове бачення: У 2 т.: Т. 1. Київ, 1995.
[7] *Сарбей В.Г., Стеблій Ф.І.* Шляхом національного відродження // Історія України: нове бачення: У 2 т.: Т. 1. С. 269.

[8] *Рибалка І. К.* Історія України: Частина 2: Від початку XIX ст. до лютого 1917 року: [Підр. для іст. фак. вищих навч. закладів]. Харків, 1997.

[9] Там же. С. 308-309

[10] *Грицак Я.* Нарис історії України: формування модерної української нації XIX — XX ст. Київ, 2000.

[11] http://history.franko.lviv.ua/PDF%20Final/Grycak.pdf

[12] *Грицак Я.* Нарис історії України. С. 75.

[13] Там же. С. 80.

[14] Там же. С. 64.

[15] Там же. С. 65.

[16] *Бойко О.Д.* Історія України. Київ, 2002.

[17] *Реєнт О., Малій О.* Історія України: Підруч. для 9 кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ, 2009.

[18] *Кульчицький С.В. Лебедєва Ю.Г.* Історія України: Підручник для 10 класу загальноосвітніх навчальних закладів // http://informatics.net.ua/pidruchnik/istoriy_ukraini_kulchitskij_standart_akadem.pdf

[19] *Каппелер А.* Мала історія України / Пер. з нім. Київ, 2007.

[20] Там же. С. 8.

[21] Там же. С. 96.

[22] Там же. С. 110.

[23] Там же. С. 133.

[24] Там же. С. 133.

Борис Гельман
(Севастополь)

СИНАГОГИ СЕВАСТОПОЛЯ: ПРИЧИНА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ И ШАГ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

В газете «Слава Севастополя» от 7 октября 2011 г. опубликована заметка «У нас построят синагогу», в которой сообщается: «Сессия горсовета дала разрешение еврейской религиозной общине «Хабад» на строительство в районе Делового и культурного центра (пл. Восставших) синагоги, а управление градостроительства и архитектуры согласовало рабочий проект этого культового сооружения»[1].

Синагога в Херсонесе

Так ли важно, какая это по счету синагога на территории нынешнего Севастополя? И все же история каждого из них представляется поучительной.

Установлено, что иудейская община и синагога в районе Херсонеса существовали ещё в III в.[2] С 1837 г. и 1874 г. в Севастополе существовали солдатские синагоги, с 1884 г. — хоральная[3]. Все они исчезли с лица земли. Тому способствовали не только военные сражения. В этих рухнувших зданиях отразились судьбы многих поколений севастопольских евреев.

Ещё в 50-е гг. прошедшего века в Херсонесе на морском побережье Севастополя в ходе археологических раскопок в разных местах были обнаружены две своеобразные известковые плиты. Они привлекли внимание прочерченными на поверхности изображениями: на одной только меноры (63 см), на другой — меноры, лулава и шофара (33 см). Рисунки отнесли к III–V вв. Сотрудник Херсонесского музея Е. Же-

ребцов в отчете 1957 г., сообщая о находке, не записал изображение меноры, но в 1963 г. упомянул об этом в примечании к своей статье. Только в 1972 г. профессор Элла Соломоник (Симферополь) в опубликованном в Свердловске исследовании «О населении Херсонеса Таврического», описала эту менору[4].

Впоследствии в здании, обозначенном как «базилика 1935 года», обнаружили фрагменты штукатурки, на которых удалось прочитать граффити на греческом языке: Енох, Иуда, Исайя, слово «Иудея»[5]. Высказанное Е. Жеребцовым предположение об иудейском храме стало признанным фактом: в здании «базилики 1935 года» располагалась и синагога. К такому выводу пришли и участники совместной американо-украинской экспедиции 1994 года Э. Оверман, Р. Макленнан и М. Золотарев, ученый из Севастополя[6]. Они при участии Эсти Эшел из университета Бар-Илан предложили свою версию надписей на фрагментах: евреи Херсонеса и Боспорского царства не только знали о существовании друг друга, но и поддерживали определенные связи.

Такой вывод вызвал резкое возражение М. Кизилова — крымчанина, живущего ныне в Германии (г. Тюбинген). В новой книге «Крымская Иудея» он отрицает какие-либо контакты между еврейской общиной Боспора и Херсонеса и считает прочтение граффити ошибочным, а подобное утверждение «досадным заблуждением». Но понятия «херсонесская синагога» и возможности её преднамеренного разрушения в IV–V вв. не отвергает[7].

Статья «Севастополь»

О существовании синагоги во второй четверти XIX в. известно из статьи С. Шмерлинга, опубликованной в одесской газете «Рассвет»: «До 1829 года евреи жили в Севастополе в большом числе. Между ними были почетные, занимающиеся торговлей в обширных размерах, капиталисты, хозяева и ремесленники, их заботами была устроена прекрасная синагога, в которой хранилось до 20-ти Свертков Закона. Это было обширное каменное двухэтажное здание.

В 1829 г. жительство евреям в Севастополе было воспрещено, их выслали из города, за исключением только одних служащих нижних чинов Морского и Сухопутного ведомств, на их руках и оставались все святыни прежнего Севастопольского еврейского общества: Священные Свертки, синагога и кладбище». В обороне Севастополя (1854–1855 гг.)

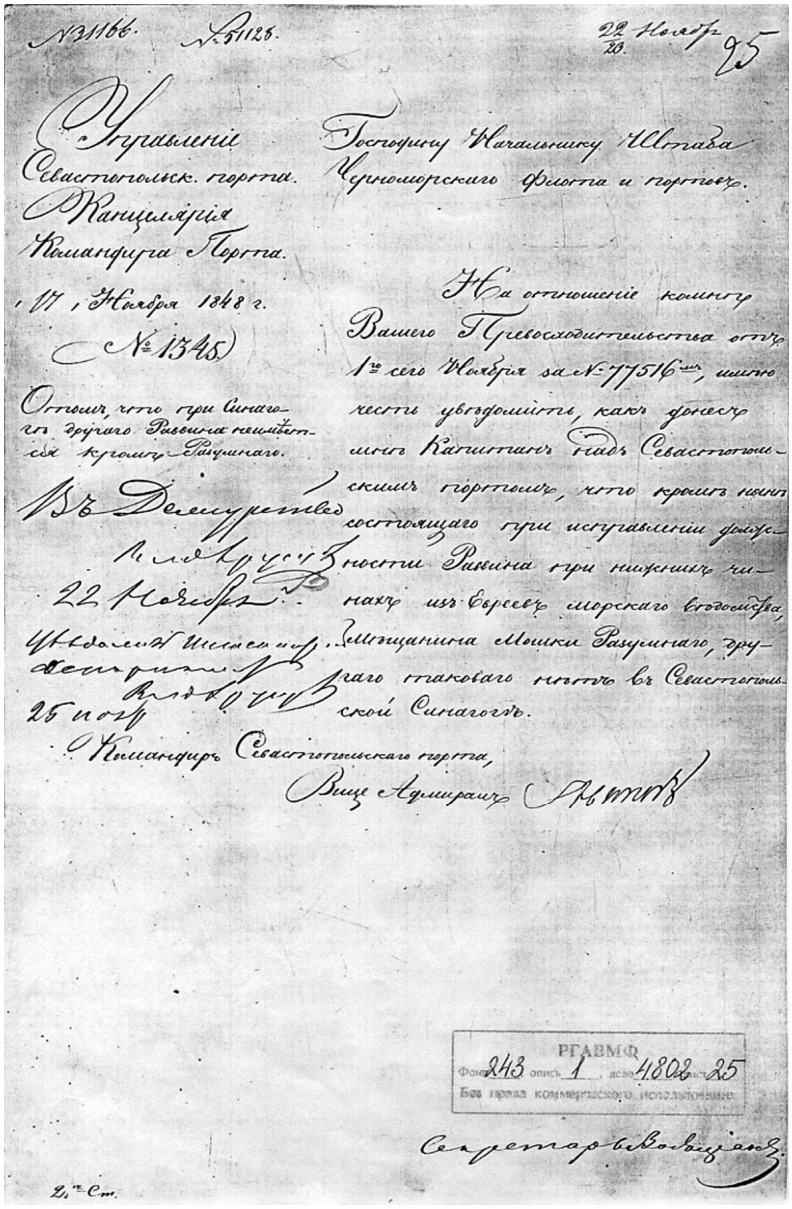
Главная синагога

погибли более 500 воинов-евреев. При обстреле города неприятельскими ядрами и бомбами разрушена была и синагога.

В 1857 году севастопольский военный губернатор вице-адмирал Вукотич подарил уцелевшие стены здания синагоги священнику Николаевского собора Керножицкому. Из этого материала он выстроил себе дом на Набережной улице и потом продал его.

Только вследствие указа 1859 года евреям, записанным в купеческие гильдии, позволили вновь селиться в Севастополе на постоянное жительство. Вместе со служащими и отставными солдатами их число достигло 75 человек.

По царскому установлению все жители Севастополя, в том числе и евреи, за свои разрушенные дома получили вознаграждение. Но никто из здешних старожилов-евреев, хлопотавших о вознаграждении собственных потерь, не взялся ходатайствовать о компенсации за здание синагоги, разрушенное во время войны и вследствие распоряжения губернатора Вукотича.



№ 31166. № 51125. 22 Ноября 20. 25

Управленіе Севастопольск. порта.
Канцелярія Командира Порта.
17 Ноября 1848 г.
№ 1345.

Отношеніе, что при Синагогѣ другаго Раввина нѣтъ, кромѣ Разумнаго.

Въ Департаментъ Мореходства
22 Ноября
Исполнить Исполнить
25 ноября

Господину Начальнику Штаба Черноморскаго флота и портовъ.

На отношеніе Вашего Превосходительства отъ 1го сего Ноября за № 7751б, имѣю честь увѣдомить, какъ донесъ мнѣ Капитанъ надъ Севастопольскимъ портомъ, что кромѣ нынѣ состоящаго при исправленіи должности Раввина при нижнихъ чинахъ изъ евреевъ морскаго вѣдомства, Мѣщанина Мошки Разумнаго, другаго таковаго нѣтъ въ Севастопольской Синагогѣ.

Командиръ Севастопольскаго порта,
Вице Адмиралъ

РГАВМФ
Фонд 243 опись 1 дело 4802 лист 25
Без права коммерческого использования

Секретарь Воинцевъ

2. Ст.

Докладная о Мошке Разумном

«Но время ещё не ушло. Пользуясь тем, что теперь есть глашатай наших общих интересов — “Разсветъ”, обращаюсь ко всем и каждому из благомыслящих наших единоверцев с воззванием:

1) взять на себя, кто может, ходатайство о том, чтобы за разрушенную во время войны синагогу назначена была правительством сумма на построение новой,

2) собрать добровольною подпиской достаточное количество денег как для устройства новой синагоги, так в особенности для обнесения еврейского кладбища оградою и сооружения хотя бы самого простого памятника в честь наших единоверцев-воинов»[8].

По документам Российского Государственного архива ВМФ установлены фамилии двух севастопольских раввинов. 23 декабря 1846 г. (дело № 1636) командир Севастопольского порта вице-адмирал А.П. Авинов докладывает начальнику штаба Черноморского флота и портов, что раввин Михель Эльфенбейн из Севастополя выехал. На его место ранее прибыл из Николаева мещанин Мошка Разумный, который был допущен к должности 7 июля 1846 г. (№ 940). А 24 июля Мошка Разумный официально приступил к исполнению обязанностей раввина[9].

В докладной от 14 ноября 1848 г. командир Севастопольского порта вице-адмирал А.П. Авинов вновь уведомляет начальника штаба ЧФ и портов, «что кроме ныне состоящего при исполнении должности раввина при нижних чинах из евреев морского ведомства, мещанина Мошки Разумного, другого такого нет в Севастопольской синагоге» (№ 1345)[10].

Общество вольных евреев

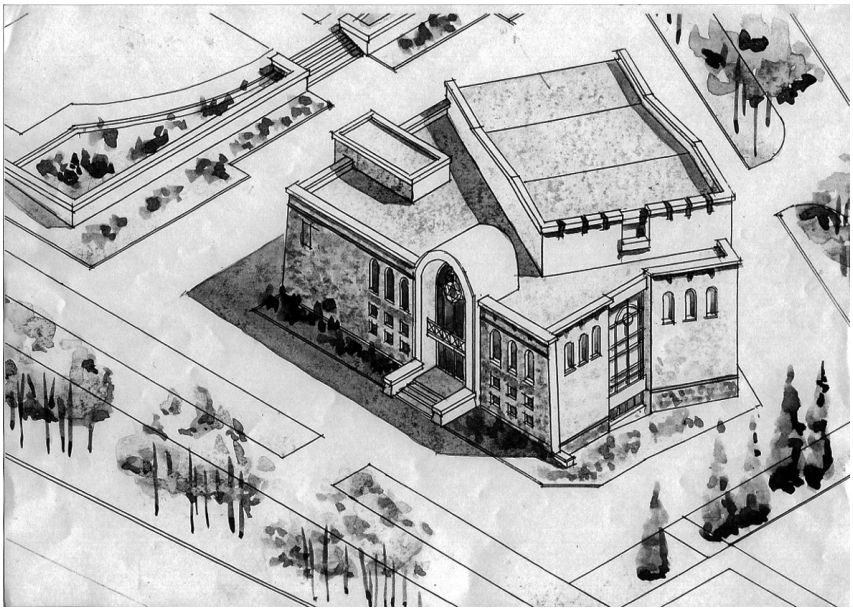
После Крымской войны процент еврейского населения в Севастополе колеблется в пределах от 4 до 7. В 1886 г. население города составляло 28 660 жителей, из них евреев — 1832 (6,4%). По первой Всероссийской переписи 1897 г. в Севастополе — 53 тыс. жителей, евреев — 3910 (7,4%)[11].

После завершения Крымской кампании севастопольским евреям пришлось совершать богослужение в наемном помещении. Ходатайство о строительстве синагоги поступило в 1865 г. от участников обороны Севастополя. Первый послевоенный солдатский молитвенный дом открыли в марте 1874 г. В том же году возник замысел постройки хоральной синагоги: существовало место на Екатерининской улице, Вы-

сочайше подаренное еврейскому обществу Императором Александром Николаевичем[12]. Но оно находилось вдали от населяемых евреями улиц. Продав тот участок, община приобрела другой — на Малоофицерской улице.

Для сооружения храма была избрана комиссия, принявшая обращение: «Мы, нижеподписавшиеся, жители города Севастополя, купцы и мещане, составляющие севастопольское общество вольных евреев, обсудив вопрос о сооружении в г. Севастополе здания для синагоги, отсутствие которого является слишком ощутимым для нашего общества — нашли необходимым немедленно приступить к приисканию средств для постройки такого здания»[13]. Избранную комиссию из 5 человек, в том числе старосты при синагоге Якова Моисеевича Разумного и казначея Наума Наумовича Эпштейна, уполномочили ходатайствовать, где нужно, о пособии из остатков коробочного сбора, учредить книгу для сбора пожертвований и этим сбором руководить и распоряжаться, попросить, если возможно будет, покровительства в этом предприятии высокопоставленного лица… «Все, что уполномоченные в пределах этого приговора сделают, мы им верим, спорить и противоречить не будем».[14]

Торжественная закладка главной синагоги состоялась 9 ноября 1875 г. Но в те же дни появилось тревожное обращение к севастопольскому градоначальнику, которое свидетельствовало об обстановке противоборства в еврейской общине. «До сведения духовного правления дошло, что к Вашему превосходительству поступило коллективное прошение от 35 евреев, ходатайствующих о разрешении им открыть в г. Севастополе особый молитвенный дом, сверх утвержденных уже здесь синагоги и молитвенного дома. Вследствие этого духовное правление считает необходимым представить на усмотрение Вашего Превосходительства ходатайство о разрешении открыть еще один молитвенный дом должно быть оставлено без уважения. Закон (1062 ст. XI т. св. зак.) дозволяет открывать только по одной синагоге для каждых 80 домов и по одной молитвенной школе для каждых 30 домов; следовательно, чтобы открыть здесь ещё одну молитвенную школу, нужно иметь в Севастополе 110 домов для существующих уже синагоги и школы, а всего — 140. Но ходатайствующие не представили никаких доказательств того, что в Севастополе находится такое количество еврейских домов. Между тем, духовное правление, на которое возложена обязанность (1075 ст. того же тома, той же части) содержать шнуровую



Проект синагоги

книгу для записывания всех Членов молитвенного общества, положительно заявляет, что число еврейских домов в Севастополе не превышает 120. Кроме того, духовное правление положительно удостоверяет, что означенное ходатайство писано от имени не 35 домов, а 35 лиц, в числе которых есть родители с своими сыновьями, входящие в состав одного дома, и холостяки, временно прибывающие в город, как подмастерья у ремесленников. Далее, духовное правление дозволяет себе положительно уверять, что поступившее к Вашему превосходительству прошение не совмещает в себе мольбы мирных граждан искренно желающих иметь отдельную обитель, в которой они могли бы изливать тихие, задушевные молитвы — не это их цель! А ходатайство их есть плод энергетических усилий некоторых единиц, злокачественных коноводов, стремящихся к тому, чтобы рассеять коллективную дружбу всего общества, с помощью которой только и можно достигать спокойствия и благосостояния данной синагоги, присущих благовоспитанному собранию. Здешнее общество вольных евреев, во главе коих стоит пишущее эти строки духовное правление, взялось соорудить

довольно дорогое здание для синагоги, которое разрешено предшественником Вашего превосходительства, здание это может быть окончено лишь при искреннем участии всего здешнего еврейского общества довольно многочисленного и довольно бедного; если же от этой синагоги отделится особая секта, то, кроме указанных уже выше неудобств, это повлечет за собой прекращение постройки, поглотившей уже около 5000 рублей.

Духовное правление дозволяет себе ходатайствовать перед Вашим Превосходительством оставить означенное прошение об открытии ещё одного молитвенного дома в Севастополе без уважения»[15]. В обращении отмечалось, что постройка храма встретила сочувствие со стороны нееврейского населения города, в листах «для записи добровольных пожертвований» красуются имена И.Н. Нельговского, внесшего 200 руб., Горнихова, Дрюнерта и Чумакова — по 25 руб.

Несмотря на все старания комиссии, после израсходования 4600 руб. постройку синагоги все же вынуждены были прекратить. И только спустя 6 лет в марте 1884 г. работы возобновилась при новом составе духовного правления: Якова Гонзвы, Израиля Файнберга и Арона Эпштейна. Стоявший во главе духовного правления И.И. Файнберг, человек глубоко преданный интересам общины, пользовался в то время большой популярностью и уважением среди различных слоев еврейского и христианского общества. Ему удалось склонить городское самоуправление к ходатайству перед Министерством внутренних дел о разрешении выдачи всего остатка коробочного сбора, составлявшего сумму около 500 руб., на строительство синагоги. В этом прежней комиссии Министерство отказало. На завершение постройки синагоги было получено 6500 руб., а общая сумма вместе с частными пожертвованиями, доходами от лотерейных розыгрышей, сборами от проданных мест в синагоге и предыдущими суммами составила приблизительно 21 тыс. руб.

30 августа 1884 г. на Центральном городском холме в присутствии градоначальника вице-адмирала И.Г. Руднева, городского головы Ф.Н. Еранцева, многих военных и гражданских чинов, представителей всех консульств была открыта севастопольская главная хоральная синагога. Богослужение совершали приглашенный из Таганрога кантор с хором и общественный раввин С.М. Шохор. Особых почестей удостоились староста синагоги И.И. Файнберг и казначей Я.Г. Гонзва. В ответ на посланную в день открытия синагоги верноподданниче-

скую телеграмму еврейское общество было удостоено уведомления градоначальника: «Государь Император Всемилостивейше повелел соизволить: “благодарить названное общество, за принесенные поздравления и выраженные чувства”»[16].

Газета «Севастопольский листок» отмечала: «Кто искренне заинтересован возрождением Севастополя, тот, согласится, что факт сооружения здесь новой синагоги — явление отрадное! При встрече у синагоги представители еврейской общины поднесли градоначальнику позолоченный ключ на серебряном подносе. Он изволил собственноручно открыть двери и первый вошел в синагогу, за ним последовали остальные. Кантор прочел молебен за Государя, Государыню, наследника Цесаревича и всех членов Августейшей семьи, пропел на еврейском и русском языках гимн “Боже, Царя храни”, с оркестром военной музыки. По выходе из синагоги приглашенные приступили к завтраку. Городской голова дважды произнес тосты за возрождение и процветание города, отметил, что за последние два года Севастополь стал неузнаваем. На месте развалин красуются прекрасные дома, благодаря неутомимой энергии севастопольцев, стремящихся возродить свой исторический и дорогой для них город! В заключение он поблагодарил еврейское общество за внесенную им лепту в пользу города постройкой такого «хотя небольшого, но прекрасного дома Божьего». Градоначальник предложил еврейскому обществу пожертвовать в пользу благотворительного общества Севастополя 50 рублей. Это и было исполнено в тот же день. В отправленной градоначальником телеграмме на Высочайшее имя содержалось поздравление и просьба еврейского общества наименовать синагогу Александровскою»[17].

«Вред религиозного дурмана»

В 1921 г. при 74 007 жителях Севастополя евреев — 5325 (7,2%) (процент выше, чем в 1913 г. — 4,1%[18]). В 1920 г. в Севастополе на учете состояли Главная хоральная синагога (600 мест), солдатская синагога (200 мест), молитвенный дом Ю.М. Файнберга (построен на собственные средства в 1912 г.) и молитвенный дом крымчаков. На основе декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[19] президиум Севастопольского горисполкома в январе 1923 г. создает ликвидационную комиссию. Ее первый шаг — закрытие молитвенного дома Ю.М. Файнберга[20].

До конца 1920-х гг. во взаимоотношениях власти и еврейской общины тем не менее не было конфликтов. Стремясь продемонстрировать свою лояльность, прихожане солдатской синагоги 31 августа 1924 г. на общем собрании по предложению председателя И. Мордковича почтили вставанием «память незабвенного вождя мирового пролетариата В.И. Ленина»[21]. Только 30 ноября 1929 г. вышла правительственная инструкция «О порядке перерегистрации религиозных объединений в Крыму»[22], которая послужила сигналом к наступлению на все религиозные организации, а затем и к их закрытию. 25 февраля 1930 г. прихожане крымчакской синагоги подписали заявление: «Ныне под руководством коммунистической партии и советской власти мы поняли вред этого [религиозного] дурмана и просим удовлетворить нашу просьбу. Мы устроим культурный очаг для наших детей там, где до сего времени был беспросветный мрак»[23].

После перерегистрации в Севастополе 14 религиозных организаций всех конфессий, в том числе главной и солдатской синагог, «процесс» продолжался. Секретный циркуляр НКВД Крыма от 16 марта 1930 г. допускал административные решения «…при уверенности, что ликвидация не вызовет активного противодействия со стороны верующих»[24]. Такового не последовало, и главную синагогу закрыли 21 марта 1933 г. по докладу раввина М. Хейфеца «из-за колоссальных расходов на содержание». По решению президиума КрымЦИКа от 4 сентября 1933 г. здание передавалось управлению военно-морского строительства под общежитие[25].

В годы Великой Отечественной войны здания бывших главной хоральной и солдатской синагог, молитвенного дома Файнберга в результате бомбардировок и артобстрелов подверглись полному разрушению — теперь не установить, от чьих авиационных налетов и артиллерии. На фотографии кинооператора В. Микоши (весна 1942 г.) ещё видны купол и крыша хоральной синагоги.

После войны

Возвратившиеся в город после войны верующие евреи увидели полностью разрушенные здания бывших синагог. Они стали собираться на частных квартирах, одна из них принадлежала рубщику мяса Захару Ильичу Аронову. В 1958 г. верующие решились обратиться к властям с прошением об официальном открытии молитвенного дома. Ис-

полнительный комитет Севастопольского горсовета депутатов трудящихся 6 сентября 1958 г. вынес решение № 22/430 «О заявлении группы верующих евреев»: «Рассмотрев заявление группы верующих евреев об открытии синагоги в гор. Севастополе, акт комиссии по обследованию помещения по улице Шварца, 22, и заявление уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Крымской области т. Рудакова, исполнительный комитет Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся РЕШИЛ: с заключением уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Крымской области согласиться, просьбу группы верующих евреев отклонить и группу распустить»[26]. Севастопольцы стали ездить в Симферополь, где действовал молитвенный дом и выпекали мацу у исполняющего должность раввина Шимона Коротко.

По официальной переписи 2001 г., в Севастополе числилось 1018 евреев — примерно 0,2% всего населения. Свой раввин — гражданин Израиля Биньямин Вольф — появился в 2004 г. Он зарегистрировал религиозную общину «Хабад», которая арендует помещение, оборудованное под синагогу. Здесь ежедневно совершаются утренние и вечерние молитвы, проводятся традиционные еврейские праздники и памятные дни.

Информация о строительстве синагоги вызвала бурные отклики в Интернете.

«В Севастополе на площади Восставших все-таки построят синагогу.

Севастопольская городская госадминистрация намерена способствовать решению всех вопросов, касающихся возрождения и строительства храмов в городе. По утверждению Сергея Савенкова, первого заместителя главы городской госадминистрации, согласован проект строительства синагоги еврейской религиозной общины “Хабад” на площади Восставших».

Комментарий. «Весь мир уже знает, что секта Хабад существует за счет наркобизнеса, что еврейская религиозная община Хабад — Любавичи, которая издает журнал с красивым названием “От сердца к сердцу”, держит камень за пазухой в виде кокаина и синтетического, дешевого наркотика “экстази”, пишет newsland.ru . Наркоторговля, профессионально организованная иудейской сектой Хабад из США, существует для тихого, “мирного” уничтожения коренного населения на про-

сторах стран СНГ. Именно Хабад — главный виновник геноцида руссов в наши дни…».

«Зачем Севастополю синагога иудейских экстремистов, запрещенных в странах Европы?»

Депутат горсовета, лидер севастопольских коммунистов Василий Пархоменко сказал: «Я всегда считал, что люди любого вероисповедания имеют право на территории Севастополя проводить свои религиозные обряды, служение своему Богу. Если эта секта действует в рамках законов Украины, пусть строят синагогу».

Комментарий. «Похоже, депутаты, одобрившие строительство синагоги, не учли одну существенную деталь. Хабад — не традиционная иудейская религия, а нацистская ультраортодоксальная секта. Её члены отличаются агрессивным, граничащим с безумием, религиозным фанатизмом».

Напрашивается сравнение ситуаций в одном городе по одному и тому же поводу в последней четверти XIX и начале XXI вв. В XIX в. российский самодержец выделил участок земли общине инородцев (около 800 чел.) для возведения храма, затем городская дума способствовала его строительству, сограждане-православные вносили «свои кровные» на богоугодное дело. Градоначальник, христианин в адмиральских эполетах, в присутствии чиновников, иноземных консулов и почтенной публики отворяет позолоченным ключом двери синагоги[27]. В наши дни читателю предлагается версия об иудейских экстремистах и о том, где искать виновников геноцида русских. Как говорится, почувствуйте разницу!

Заключение

Крымский полуостров привлекал внимание выдающегося еврейского историка С. Дубнова. В сборнике «Еврейская старина» он опубликовал статью «Историческая тайна Крыма», где отметил: «Перешедшие в русские летописи предания о византийцах и евреях, являвшихся к русскому князю Владимиру для обращения его в христианство либо в иудейство, связаны с Херсонесом, старым церковным гнездом Тавриды, где издавна шла борьба двух религий»[28].

И в назидание: «Крым мог стать греко-еврейской колонией задолго до того, как в Галлии и Германии появились римско-еврейские коло-

нии, ибо греческое расселение по известной части Средиземного бассейна предшествовало римскому. И правильным со стороны исторической перспективы будет противоречащий обычным представлениям вывод, к которому могут привести дальнейшие раскопки и открытия, а именно: что восточноевропейская диаспора (в пределах Крыма и Кавказа) старше западной, что она — современница великой диаспоры времен Иудейского государства»[29].

Место, отведенное по решению севастопольских властей для строительства синагоги, расположено вблизи центрального городского кольца и в 200 м от памятника жертвам Холокоста. Вопрос в том, окажется ли для севастопольских евреев это место притягательным мемориально-духовным центром или только молельным домом?

Примечания

[1] Слава Севастополя. 2011. 7 октября.

[2] *Коробков Д.* О постройке иудейской синагоги в Херсонесе Таврическом // Материалы Восьмой Ежегодн. Межд. Междисципл. конф. по иудаике. Ч. 1. М., 2001. С. 129–134.

[3] РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4802. Л. 1; *Полонский Д.* Исторический очерк Севастопольской Еврейской общины (1884–1909). Севастополь, 1909. С. 13–18.

[4] *Соломоник Э.* Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. Евреи Крыма. Симферополь; Иерусалим, 1997. С. 14–15.

[5] Там же. С. 16.

[6] *Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М.* К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археология. 1997. № 1. С. 57–63.

[7] *Кизилов М.* Крымская Иудея. Симферополь, 2011. С. 35–37.

[8] *Шмерлинг С.* Разсветъ. 1861. № 47. С. 748.

[9] РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4802. Л.2 об.

[10] Там же. Л. 25.

[11] *Терещук Н.* Еврейские культовые сооружения Севастополя // Севастополь: взгляд в прошлое: Сб. статей. Севастополь, 2006. С. 117.

[12] Еврейская энциклопедия. Брокгауз–Ефрон. Репринт. М., 1991. Т. 14. С. 96–97.

[13] *Полонский Д.* Исторический очерк. Севастополь. Тип «Крымского вестника». 1909. С. 14.

[14] Там же. С. 15.

[15] Там же. С. 18–23.

[16] Там же. С. 25.

[17] Севастопольский листок. 1884. 1 сент.

[18] *Терещук Н.* Еврейские культовые сооружения Севастополя. С. 117.

[19] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 12. С. 373–374.
[20] *Терещук Н.* Еврейские культовые сооружения Севастополя. С. 118.
[21] Там же. С. 119.
[22] ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.
[23] Там же. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 139. Л. 179, 191.
[24] Там же. Л. 204.
[25] Там же. Д. 575. Л. 56.
[26] Там же. Оп. 2. Д. 592. Л. 30
[27] Севастопольский листок. 1884. 13 сент.
[28] *Дубнов С.* Историческая тайна Крыма // Еврейская старина. 1914. Вып. 1. С. 36.
[29] Там же. С. 36.

Максим Гаммал
(Москва)

КАРАИМСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ПОЛЕМИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ФИРКОВИЧА

Период с конца 20-х по конец 30-х годов XIX века можно назвать судьбоносным в жизни караимских общин Российской империи. Именно в это время были заложены основы законодательства Российской империи по отношению к караимам. Зимой 1827–1828 г. караимской делегации под руководством Симхи Бабовича удалось добиться от российских властей приостановки на неопределенный срок указа о рекрутской повинности по отношению к караимам. А в 1839 г. все тот же Симха Бабович был утвержден на посту *гахама* Таврического и Одесского караимского духовного правления, которое было образовано двумя годами раньше и во многом благодаря усилиям того же Бабовича. Таким образом, за караимской общиной была закреплена широкая автономия и, что не менее важно, в российском законодательстве караимы стали рассматриваться отдельно от евреев-раввинистов.

Вполне естественно, что это десятилетие характеризовалось повышенным интересом к караимам со стороны российских властей. Явным выражением этого интереса стали вопросы, которые задавали руководителям караимских общин высокопоставленные гости, посещавшие Крым. В позднейшем изложении А.С. Фирковича события развивались следующим образом: «Правительству потребовались сведения о происхождении и быте караимов, об отношении их народности к народностям других племен и т.д., и вследствие этого начальство новороссийского края отнеслось в 1839 году к покойному караимскому гахаму Симе Бобовичу с предложением поручить обществу ученых ка-

раимов составить *книгу* (выделено А.С. Фирковичем. — *М.Г.*), в которой были бы изложены требующиеся сведения. Выпишу здесь, слово в слово, из копии отношения Таврического гражданского губернатора, от 31-го января 1839 года к караимскому гахаму шесть пунктов, которых разрешением интересовалось тогда правительство.

1. В какое время и по какой надобности пришли сюда караимы и поселились здесь, в Крыму?
2. Откуда и от какой нации происходят караимы?
3. Какие их свойства, нравы и занятия?
4. Не находятся ли и не находилось ли между караимами знаменитых мужей, прославивших век свой отличными их деяниями?
5. Не имеется ли у них летописей от их предков, которыми бы могли доказать, что их вера самая древняя?
6. По какой причине караимы отделились от раввинистов, и какая между ними разница в рассуждении их веры?

Читатели видят, что о собирании древних рукописей, в предложении со стороны правительства караимам, не было и помина. Правительство требовало от караимов разрешения исторических вопросов, а вовсе не рукописей. Предложение гражданского губернатора, сделанное в такой форме гахаму, не могло не возбудить между караимами самого живого сочувствия. Гахам собрал ученых караимов, и предложил им составить ответы на вопросы, сделанные правительством»[1].

Ответом стали действия «корреспондента Одесского общества истории и древностей Авраама Фирковича на счет открытия памятников и других древностей»[2], которые привели к созданию положительного образа караимов в глазах российских властей.

Борьба за «свое» законодательство требовала от караимов решительного размежевания с евреями-раввинистами. На внутриобщинном уровне актуальным стало идеологическое противостояние между двумя лагерями в иудаизме. Все это привело к возрождению полемического жанра традиционной караимской историографии, который был не востребован в караимской литературе с начала XVIII в. В этот период были созданы «Хотем тохнит» («Печать совершенства», 1834) и «Масса у-мерива» («Искушение и спор», 1838) Авраама Фирковича, «Зехер Цаддиким» («Памяти праведников», 1839) Мордехая Султанского. Именно сочинения Авраама Фирковича станут объектом настоящего исследования. В центре нашего исследования будет не сам историче-

ский нарратив этих произведений, который вполне традиционен, а аргументация автора, которая должна убедить читателя в актуальности поднятой темы. Поэтому основное внимание в статье будет уделено «рамочным» конструкциям этих сочинений — предисловиям и заключениям, в которых сам автор объясняет причины, побудившие его создать эти тексты, и дают нам ключи к прочтению текста.

К началу XIX в. караимский исторический нарратив был уже давно сложившимся жанром в корпусе караимской литературы, «золотой век» которого пришелся на рубеж позднего Средневековья и раннего Нового времени. Центральным моментом произведений этого жанра является акцент на онтологический характер раскола на караимов и раввинистов и максимальное удревнение этого раскола. Основным принципом построения текста становится последовательное нанизывание эпизодов из еврейской истории, которые являются манифестацией этого раскола. Отдельные детали могут варьироваться от текста к тексту, однако, это не влияет на общий характер исторического повествования. Для нашего исследования вопрос о том, какие исторические события, с точки зрения автора, являются доказательством раскола, и в каком собственно порядке они расположены, не так существенен. Куда интересней понять, почему этот текст был создан.

В 1838 г. в Евпатории было напечатано, наверное, самое скандальное караимское произведение XIX в. — полемическое сочинении А.С. Фирковича «Масса у-мерива». Сразу после выхода в свет почти весь тираж этой книги был пущен под нож. В нашем распоряжении есть три описания обстоятельств создания и издания этого произведения: самого А.С. Фирковича в его автобиографической книге «Авне зиккарон» («Путевые заметки», 1872), Эфраима Дейнарда в книге «Толдот Эвен Решев» («Биография А.С. Фирковича», 1875) и Б.С. Ельяшевича в биографическом очерке, посвященным А.С. Фирковичу (1920-е гг.).

Сам Фиркович весьма краток в описании обстоятельств издания своих историографических произведений. Очевидно его желание не акцентировать внимания на этом эпизоде, что резко контрастирует с другими начальными главами в «Авне зиккарон», которые можно назвать «апологетическими» — из-за желания автора убедить читателя в том, что к концу 30-х годов именно он, Авраам Фиркович, был единственной и лучшей кандидатурой для поиска и изучения караимских древностей. Казалось бы, сам факт издания «Хотем тохнит» и «Масса

у-мерива» должен играть на руку автору. Однако судьба этих произведений, хорошо известная потенциальному читателю «Авне зиккарон», вынуждала автора быть кратким и даже раскаиваться.

> «После этого я напечатал в товариществе (Товарищество караимского книгопечатания — *М.Г.*) книгу “Аддерет Элиягу” <…> с комментарием на начало книги Исайи и мою “Хотем Тохнит” и книгу “Масса у-мерива”, которая была написана мной в 1828 году, год спора между мной и притворяющимися благочестивыми польскими талмудистами, [который произошел] в Польше. В своем сочинении я показал причину их спора [со мной] и моего оправдания перед ним. Я признаю и раскаиваюсь в том, что сделал все это с некоторой горячностью. Как сказал Господь всех пророков: “один человек согрешил, а на всю общину гневаешься?”» (Чис. 16:22)[3]

Другую версию развития событий приводит Эфраим Дейнард в своей книге «Толедот Эвен Решев». Дейнард был близко знаком с А.С. Фирковичем в конце жизни последнего. Его книга «Толедот Эвен Решев» была написана вскоре после смерти Фирковича в 1875 г. Свое отношение к главному герою книги автор определяет следующим образом: «Сегодня предлагаю тебе, дорогой читатель, биографию человека [которого зовут] Фиркович, который стал известен в еврейской литературе благодаря своим удивительным открытиям. Когда ты прочтешь две или три страницы моего сочинения, точно будешь удивлен и спросишь, почему Дейнард [в начале] хорошо относился к Абен Решефу, а потом переменил свое мнение и стал его врагом. Однако подожди немного и я [все] объясню тебе. Знай же, дорогой читатель, что [все это произошло] не из-за какой-то случайной причины и не из-за религиозной вражды… Я любил его до последнего его дня и жил в его доме, и вкушал [мудрость] из его уст… и в каждом письме ко мне он называл меня “мой сын” или “мой дорогой сын Эфраим”… Я представил на суд [общественности] некоторые из его находок в своей книге “Масса Крым” (“Путешествие по Крыму”). Он поднял крик на меня в своем письме ко мне, но я не отступил и решил выступить против него, хотя это и затрагивало его честь. Этой же цели я добиваюсь и здесь, и без пристрастия буду продолжать говорить только правду. Может быть, найдется кто-нибудь из осведомленных ученых, [которые смогут] что-либо добавить или убавить…»[4]. Пристрастность автора очевидна, причина написания биографии — скандальная известность

А.С. Фирковича как коллекционера еврейских рукописей. Однако полностью сбрасывать со счетов эту книгу не стоит, так как Дейнард действительно близко общался с А.С. Фирковичем и имел доступ к документам, безвозвратно утерянным для современных исследователей. В предисловии он определяет круг своих источников следующим образом: обстоятельства жизни А.С. Фирковича, свидетелем которых был сам автор; сведения из писем Фирковича; рассказы о Фирковиче, собранные как у караимов, так и у раввинистов; объяснение мотивов поступков Фирковича на основании его психологического портрета[5]. Дейнард не обходит молчанием историю с изданием книги «Масса у-мерива».

> «В 1835 году он напечатал свою книгу “Масса у-мерива”, которая была полна поношений и брани на всех мудрецов Талмуда и на весь еврейский народ. Причина написания это книги была в том, что, когда караимская община Евпатории сняла его с поста раввина, он поехал в свой родной город Луцк, и по пути в Бердичеве с ним случилось не очень понятное происшествие, а именно спор между караимом и одним меламедом из раввинистов. И чтобы воздать по заслугам этому меламеду он выплеснул свой гнев на весь еврейский народ. И еще была одна немаловажная причина написать эту книгу: “потому что всегда был из тех, кого оскорбляли, а не из тех, кто оскорбляет, и придерживался мира”, как написано в его предисловии, поэтому написал всякий вздор в книге и как один из подлецов написал подлые слова и спорил с раввинистами и со всей страстью написал стихотворение сумашедшего, вызывающее отвращение и, видимо, так хотел достичь мира между раввинистами и караимами»[6].

Логическое ударение в приведенной цитате падает на утверждение автора о том, что Фиркович «выплеснул весь гнев свой на весь еврейский народ», частное происшествие переросло в идеологическое противостояние по вине самого Фирковича и скандал вокруг этой книги был вызван именно ее антираввинистическим характером. Что же касается обстоятельств издания книги, то, очевидно, Дейнард ничего не знает и, более того, весьма красноречиво делает ошибку в дате издания книги.

Самое подробное изложение истории создания книги «Масса у-мерива» мы находим у Б.С. Ельяшевича в его биографическом очерке

о А.С. Фирковиче. Автор по своим взглядам принадлежит к кругу приверженцев идей Хаскалы, который сложился вокруг И.И. Казаса в конце XIX — начале XX в. Биографический очерк о А.С. Фирковиче был создан во второй половине 20-х годов XX века, когда сам Б.С. Ельяшевич был одновременно и.о. гахама и хранителем национальной караимской библиотеки «Карай Битиклиги», что предполагает свободный доступ автора очерка к общинным документам. О судьбе книги «Масса у-мерива» Б.С. Ельяшевич сообщает следующее.

> «Нельзя не отметить одну большую ошибку, допущенную Фирковичем, который, правда, вскоре же осознал ее и после того многократно каялся публично с глубоким сожалением о ней, а именно: выступление Фирковича в печати в очень резкой, недопустимой форме против Талмуда и его ученых приверженцев раввинов своими двумя обличительными сочинениями… Одно под заглавием “Хотем Технит” (правильно: “Хотем Тохнит”. — *М.Г.*) “Завершение совершенства» (правильно: “Печать завершенности/совершенства”. — *М.Г.*)… Другое “Масса-у-Мерива” (“Покушение и споры”). В нем Фиркович особенно резко критиковал уже не одних раввинов и ученых талмудистов, но и еврейский народ. Последним обстоятельством Фиркович очень восстановил против себя прежде всего весь мир еврейских ученых, между которыми многие очень жестоко отмстили ему за это… Вместе с тем он возмутил своим изданным сказанным сочинением “Масса у Мерива” и караимское духовное правление во главе с гахамом Сима Бабовича, который был ее патроном. Последний, будучи сам человеком миролюбивым и потому ничего подобного не ожидая, всецело доверился Фирковичу, который представил ему свою книгу как полезное пособие по истории караимско-тюркского наречия и даже рекомендательное обращение к караимам. Но когда гахам узнал об истинном содержании и направлении книги “Масса-у Мерива” (изд. 1838 г.), то он был крайне недоволен поступком Фирковича и приказал немедленно собрать все имеющиеся в типографии экземпляры и сжечь, что и было исполнено.
>
> Поводом составления книги “Масса у-мерива” Фирковичу послужил спор на религиозной почве в г. Бердичеве, где он однажды проездом на родину в г. Луцк, с одним неразумным еврейским учителем (меламедом), оказавшимся фанатиком талмудизма и ненавистником караимов. Меламед дерзко оговаривал караимов и обвинял

их в вероотступничестве и безбожии… Старания Фирковича убедить своего противника в заблуждении, внушенного ему его учителями, ни к чему не привели и только вызвали дополнительные оскорбления с его стороны. Необычайно самолюбивый и в то же время страстный, убежденный караим, Фиркович решил тогда написать по этому вопросу книгу и изложить в ней все недостатки и заблуждения приверженцев Талмуда и извращения раввинами истинной израильской религии, и вместе с тем указав на правильность взгляда караимов… а также все преимущества караимского вероучения перед талмудическим.

Таковым трудом и должна была явиться книга “Масса-у-Мерива”. Однако она написана в совершенно неприемлемой форме, с нарушением основных правил уважения к оппонентам, поэтому вскоре же по выходе ее из печати книга была уничтожена самими караимами. Ввиду этого книга “Масса-у Мерива”, напечатанная в Евпатории в легком и довольно изящном рифмованном изложении в четверть листа и заключающая в себе 156 листиков, ныне является большой библиографической редкостью»[7].

Версия событий, развернувшихся вокруг издания книги «Масса у-мерива», представленная Б.С. Ельяшевичем, как мы видим, более развернутая по сравнению с описаниями Фирковича и Дейнарда. Но событийная часть во многом сводится к той же схеме, что была у Дейнарда. Правда, в отличие от последнего, описание событий у Ельяшевича носит апологетический характер, что вполне объяснимо различием в позициях авторов. Судя по всему, автор был знаком с тем, что по этому поводу писали и Фиркович, и Дейнард. Интересно отметить, что мотив о том, что в этой книге Фиркович «особенно резко критиковал… еврейский народ», впервые озвученный у Дейнарда, к началу XX века получил права гражданства и в караимской историографии. Очевидно, что Ельяшевич, по меньшей мере, видел саму книгу «Масса у-мерива», т.к. он дал точное библиографическое описание книги. Новым в рассказе Ельяшевича является то, что он говорит о двух полемических сочинениях Фирковича: «Хотем тохнит» и «Масса у-мерива». Фиркович также упоминает «Хотем тохнит», но у него между двумя книгами нет причинно-следственной связи, просто обе были написаны в 30-х годах, более он ничего о «Хотем тохнит» не сообщает. И, безусловно, рассказ Ельяшевича интересен для нас тем, что он связывает уничтожение всего тиража книги «Масса у-мерива» с прямым распоряжением

гахама С. Бабовича, который, по словам автора, был введен в заблуждение Фирковичем и не подозревал об истинном содержании книги.

Итак, подводя итог комментаторской традиции, сложившейся вокруг книги «Масса у-мерива», можно сказать следующее: во-первых, скандал вокруг книги был связан с нападками на раввинистический иудаизм, которые были в тексте сочинения; во-вторых, было два полемических произведения антираввинистической направленности, а не одно — «Хотем тохнит» и «Масса у-мерива»; в-третьих, причиной написания книги «Масса у-мерива» был спор между Фирковичем и неким меламедом из раввинистов; в-четвертых, тираж книги был уничтожен по прямому распоряжению руководства караимской общины. Все представленные описания событий отличаются очевидной неполнотой: неясно, почему частный конфликт перерос в идеологический, как столь одиозное произведение было допущено к печати и в чем, собственно, заключались нападки на раввинистов со стороны А.С. Фирковича. В нашем распоряжении есть описание скандала, но нет самого произведения, его содержание не прояснено комментаторами.

Попытаемся разрешить сложившуюся ситуацию обратившись напрямую к текстам произведений «Хотем тохнит» и «Масса у-мерива». Точная дата создания «Масса у-мерива» неизвестна. В своем предисловии к книге А.С. Фиркович сообщает о том, что «я приступил к переписыванию *сына гумна моего и вымолоченного зерна моего* (Ис. 21:10) в последней редакции в 1834 году»[8]. Однако в «Авне зиккарон» он дает другую дату — 1828 год. Вполне возможно, что обе даты являются верными, просто ранняя относится к началу работы над текстом, а поздняя к его окончанию. Таким образом, мы можем датировать написание книги «Масса у-мерива» периодом с 1828 по 1834 г. Издано это произведение было в 1838 г.

В тексте другого полемического произведения А.С. Фирковича «Хотем тохнит» нет датировки, и мы вынуждены принять год ее издания (напомним, что это был 1834 год) за верхнюю границу создания произведения. Наиболее вероятная датировка — конец 20-х — начало 30-х годов. Здесь же отметим, что появление двух произведений на одну тему и одного автора, написанных с промежутком в несколько лет, не может носить случайного характера, а, скорее, свидетельствует о востребованности именно этой темы.

Итак, обратимся к тому, как сам автор формулирует причины создания и содержание своих произведений. «Хотем тохнит» была напе-

чатана как приложение к книге «Мивхар Йешарим», которая содержит комментарии Аарона бен Йосефа, караимского экзегета XIII века, на пророков с суперкомментарием А.С. Фирковича. О причинах создания «Хотем тохнит» Фиркович пишет следующее:

> «Говорил малый [мира сего] Авраам Йеру[шалми] Фиркович, что заслужил закончить комментарий на Исайю, потому что Б-г был на моей стороне, в пользу учеников, которые к моей радости побудили в моем сердце желание закончить [комментарий на] Исайю общим примечанием после рассуждения о теме назидания у Исайи, чтобы еще раз *побудить сердца пробуждающихся братьев наших раввинистов, любящих истину, искать истину в книгах [библейских] пророков чтобы вернуться и возвратить многих к твердыне письменной Торы, как начали делать мудрецы Берлина и содействовали поколению разума, что пробудил Б-г их сердца и озарил их разум увидеть, какой путь озаряет свет истины о религии, принять ли правду от тех, кто говорит, как знаток Талмуда из раввинистов, или же [от тех] кто знаток Торы из караимов, чтобы исполнять заповеди согласно Торы в этом мире* (курсив мой — *М.Г.*). Знание, что это письменная Тора и отказаться от выдуманных заповедей, которые выдуманы из головы сотнями и тысячами и составляют устную Тору. С помощью достоверных цитат и доказательств из писаний истинных пророков о Торе, чтобы изгнать из голов невежественных фарисеев, полагающихся на лишенные содержания сочинения, что нет у них ничего, на что они могли бы опереться. *Поэтому ради моих друзей и знакомых, ищущих истину, которые собираются в каждом городе и в каждой области, чтобы постоять за себя, выбирая добро и отвергая зло ради того, чтобы идти прямыми путями, чтобы стоять лицом, а не спиной в борьбе за освобождение. Именно они подвигли меня записать то, что <...> чтобы утолить свою жажду* (курсив мой — *М.Г.*). И не было злом в их глазах то, что преувеличил [связь] их с первыми и последними талмудами, так как не может быть распри с открытыми [для диалога], отвечающими миром, а может быть только лишь с закрытыми, ненавидящими мир, святошами и чистоплюями, поступающих также как и их отцы, отступающих от прямых путей, чтобы идти путями тьмы, так что они по сравнению со мной и по сравнению с любым разумным человеком находятся на уровне животного в образе человека, живущие в слепоте, ибо свет мудро-

сти не освящал их и поэтому они все еще придерживаются своей скверны»[9].

Из предисловия очевидно, что основным содержанием «Хотем тохнит» является антираввинистическая полемика. Причина создания произведения, по крайней мере, формальная — просьба учеников. Полемика вырастает из библейского комментария, из отношения к тексту письменной Торы. Автор определяет свою целевую аудиторию, для которой, собственно, и написана книга, как *маскилим*, т.е. представителей еврейского Просвещения. Это очевидный литературный прием. Произведение вполне традиционно, написано для караимов и не предполагает диалога. Обращение к *маскилим* вводится в текст предисловия как риторический прием: разобщенность раввинистов есть доказательство правоты караимов и повод для написания историографического произведения, призванного эту правоту подкрепить логикой исторического развития. Новаторство Фирковича в этом произведении в рамках караимской историографической традиции заключается именно в том, что он разделяет раввинистов на «плохих» и «хороших». Первые — ненавидят мир, святоши и чистоплюи, идущие путями тьмы, а вторые — любят истину, как начали делать «мудрецы Берлина» и собираются в каждой области и в каждом городе, чтобы постоять за себя. Более яркой и лаконичной характеристики ортодоксии и Хаскалы (еврейского Просвещения) в Российской империи трудно придумать.

Теперь обратимся к предисловию к книге «Масса у-мерива». Оно написано ритмизированной прозой, и как следствие этого содержание текста «затемнено» из-за подчиненности синтаксиса ритму. Большая часть предисловия посвящена опасениям автора, что книга будет неправильно истолкована и подвергнется жестокой критике. О содержании сочинения не сказано ни слова, автор предполагает, что возможный читатель осведомлен о характере книги.

«Это заявление уцелевшим во всей стране, которых Б-г призывает <…> Ибо нет ничего нового под солнцем <…> Я, конечно, знаю, что случится с книгой “Масса у-мерива”. То же, что случается со всеми книгами ненависти и вражды. Ибо деликатный [по своему характеру] не сочинит книгу, которая понравится большинству, если только не напишет [ее] со знанием и советом. И если только Б-г не пожелает этого <…> В самом деле положение мое безвыходное: горе мне, если не решусь, и горе мне, если решусь. Однако

опасаюсь, если смолчу, то согрешу, если [окажется это] выше моих сил. Потому что из-за жалобы протестующих будет мне задержка. Я уклонился от того, чтобы сделать хорошо и прямо в глазах Б-га и честного человека. И я несчастный уповаю на Б-га Всевышнего. О том, что будут говорить я буду нечувствителен, потому что изучение свидетельствует разуму и чувству. Что случилось с отцами, то случится и с сыновьями. Есть как противники, так и препятствия (колючки). И уста их как колючки, которые впиваются ладонь. Ибо по своей склонности именно так любят [делать]. Их множество окружит писателей, и принесут они [одно лишь] огорчение. Брань их не будет одинокой. Из-за их многочисленности не буду я отвечать им, ибо это удел женщин [браниться] и причина гибели. Я говорю один раз и не отвечаю. Ведь едва ли найдется там хоть один стоящий [человек], любящий правду и ненавидящий ложь, из тысячи. Который бы внимательно изучил и взвесил, внимая справедливости, мою небольшую книгу с интересом и она понравилась бы ему. И он бы сказал, что [аргументы, изложенные в книге] разумны и новы <...> но так не везет ни одному автору, который пишет посредникам и говорит с сильными мира сего, [*Господи, спаси душу мою*] *от уст лживых, от языка коварного* (Псалом 120:2). В ревности своей забросают его камнями, даже если его слова искренние, прямые и правильные. И будет его работа ничтожной»[10].

Далее выясняется, что автор опасается мести со стороны неких людей, «занимающихся аллегорическим комментарием», как он их характеризует. Тон предисловия — заостренно полемический по отношению к потенциальным оппонентам. Ниже приведен отрывок из предисловия, который весьма ярко иллюстрирует литературную форму, избранную А.С. Фирковичем. В нем автор через библейскую цитату, правда, разрывая ее и приводя только конец фразы, а начало в несколько измененной форме в следующем предложении, сравнивает своих оппонентов с козлами во время течки.

«…в этом поколении полно низких людей, бунтовщиков и ханжей, святош и чистоплюев, изменников и сборище злоумышленников, отнимающих имущество и ловцов, бедных умом, и бунтовщиков, бродяг (Каин), связанные, […*и вот, козлы, поднявшиеся на скот,*] *пестрые, с крапинами и пятнами* (Быт. 31:10, 12), бегущие на восток, верящие в чертей, в долине чертей <…> в ложь пропо-

ведников. Будут героями в питье вина. Будут пьянствовать и плясать как *бараны и козлы* (курсив мой — *М.Г.*). И будут шататься в неудачный день с ложными пророками в их голове <…>Тем более моя книга разрушает их предосудительные мнения. Их плохие привычки в разрушение норм (в падении нравов), которые я вознамерился разрушить до основания. Хитрые и пустые проделки занимающихся аллегорическим [комментарием], конечно, я знаю, потому что не только ее [книгу] одну презирают. Когда оказывается в их руках, предают огню и это их обычай испокон века. Как сожгли книги "Море невухим" <…> которую написал Рамбам. И не испугались Всевышнего, ибо нет в их сердцах страха [перед Господом]. И так делали с некоторыми раввинистическими книгами, которые разрушали их мнения во многих вопросах…»[11]

Из отрывка становится ясно, что ранее упомянутые «занимающиеся аллегорическим комментарием» не кто иные, как раввинисты. Интересно, как сам А.С. Фиркович определяет причины, побудившие его написать книгу. Он пишет об этом в предисловии и опять возвращается к этому вопросу в заключении. Надо сказать, что версии, представленные в предисловии и заключении, не совсем идентичны. Рассмотрим их. Версия, представленная в предисловии, послужила основанием истории о ссоре Фирковича с неким меламедом в Бердичеве, которая занимает центральное место в литературе о книге. Сам Фиркович излагает эти события следующим образом:

«Вот причины, заставившие написать меня книгу словами могучими: одна [из них] зависть глупого фанатика и грубияна, черта, обвинителя сумасшедшего <…> В Бердичеве учитель Талмуда детей нагида Иосифа Арье, который в моем присутствии говорил ложь о мудрецах караимах и разевал свой рот беззаконно словами "еретики из всех еретиков" и описывал караимов как безбожников, а сам он не может отличить правое от левого и [он] большая скотина (в образе человеческом), *и плод, (что на) нем — пища презренная* (Малахия 1:12), нечестивец очень дразнил меня. И поэтому я отнесся ревностно <…> и по этому поводу побудил меня [сделать замечания]. Вторая [причина] — это истинная любовь. Любовь души, которой люблю я в этом веселом городе друга того пьяного хасида. Это мой друг и знакомый господин и учитель Яаков хахам, товарищ мудрецов. Праведник и человек прямодушный, ибо *Яаков*

человек кроткий, живущий в шатрах (Бытие 25:27), учитель Танаха, грамматики и риторики детей нагида Иосифа Арье. Он спорил со мной по вопросам, касающимся Торы, о рациональных толкованиях [ее]. И интересовался и никогда не стеснялся изучать [книги] наших мудрецов [в толковании] большинства заповедей согласно нашей вере»[12].

Как видно из приведенной выше цитаты, позднейшая литературная традиция значительно уклоняется от источника, акцентируя все внимание на ссоре и упуская важные детали. Заметим, что А.С. Фиркович встретил двух раввинистов в Бердичеве: одного «плохого», а другого «хорошего», и именно в результате этой встречи была написана книга «Масса у-мерива», причем она адресована «хорошему» раввинисту. Такое «конструирование» возможной читательской аудитории, с одной стороны, и возможных оппонентов, с другой, полностью совпадает с тем, что мы уже видели в предисловии к «Хотем тохнит». Чтобы убедиться в этом, посмотрим, как характеризует автор своих оппонентов. «Плохой» раввинист — учитель Талмуда, глупый фанатик, пьяный хасид. «Хороший» раввинист — учитель Танаха, грамматики и риторики, праведник и человек прямодушный. Вывод очевиден: первый — талмудист, представитель ортодоксии, второй — *маскил*, приверженец идей еврейского Просвещения. Как и в предисловии к «Хотем тохнит», такое разделение, как и само обращение к раввинистам, есть риторический прием и не более того. Как пьяный хасид, так и Яаков, «человек кроткий», суть литературные персонажи, чье существование вне страниц книги крайне сомнительно.

Тогда какова же истинная цель написания книги? Ответ на этот вопрос можно найти в заключении, в котором также есть аллюзии на знаменитую ссору, однако основной акцент сделан на идеологическом расколе между караимами и раввинистами. Как и в случае «Хотем тохнит», где внешняя причина — просьба учеников — видимо, только литературный прием, истинная цель создания «Масса у-мерива» выработка идеологии.

«Цель ее — пробуждение, так как я намеривался пробудить сердца людей, чувствующих… надежды на войну долга, войну Торы исправить то, что было извращенно. Возвратить большинство к письменной Торе Б-га, возвращение души на свое место. Как понял я из исторических книг, что было во времена Второго Храма,

и доподлинно понял я, что разрушение Второго храма и изгнание евреев свершились по двум причинам. Первая — напрасная ненависть и война мудрецов Израиля, а вторая — длительность, с которой продлевали мудрецы борозды своих мнений и соображений в семьдесят различных толкований Торы… и отсюда предупреждение: “Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам сегодня, и не убавляйте то того” (Втор. 4:2). Ибо все прибавленное убавляет совершенство Торы»[13].

Идеология эта представлена Фирковичем в рамках караимского исторического нарратива и полностью традиционна. Более того, и название, которое является библейской цитатой, и сама форма произведения подчеркивают эту традиционность.

«Поэтому пообещал я его несчастному товарищу написать книгу, *чтобы расширить отверстия в кипреевой ветви [для] украшений [в виде] золотого яблока в вопросах заповедей, относительно которых есть у нас расхождение во взглядах* (курсив мой — *М.Г.*). Ибо цепь традиции от нас и от них прервалась из-за множества бедствий… С этого времени прекратилось пророчество и мудрость… И была запечатана Тора в учении общины. И была Тора как слова запечатанной книги, как закрытый сад и высохший источник»[14].

Упоминание о «кипреевой ветви», украшением к которой послужит «Масса у-мерива», не случайно. Сочинение Фирковича построено по примеру классического произведения караимского экзегета XII в. Йехуды Хадасси «Эшколь ха-кофер» («Гроздь кипрея»). Книга эта представляет собой энциклопедию караимской мысли, жанр весьма распространенный в Средневековье, но редкий в караимской литературе. Наряду со всеми прочими сведениями в ней изложена и история раскола еврейского народа на караимов и раввинистов. «Масса у-мерива» посвящена только этой узкой теме, поэтому она лишь деталь, украшение, но структурно она полностью повторяет членение «Эшколь ха-кофер». Она так же, как и «Эшколь ха-кофер», разделена на десять глав, которые символизируют собой десять заповедей, и написана ритмизированной прозой. То, что Фиркович включает свое произведение в более широкий литературный контекст, подчеркивает его традиционный характер.

И, наконец, попытаемся ответить на вопрос: почему почти весь тираж книги был уничтожен? Здесь сразу же надо отвести предложенное Дейнардом и позже развитое Ельяшевичем объяснение, что Авраам Фиркович в своей книге оскорбил весь еврейский народ и поэтому руководство общины во главе с Симхой Бабовичем приняло решение уничтожить тираж. Такая версия событий сомнительна по двум соображениям. Во-первых, антираввинистическая полемика не была чем-то новым для караимов того времени, и, как мы видели, издание «Хотем тохнит» вполне обошлось без скандала. Во-вторых, Симха Бабович был известен своим авторитарным стилем руководства и лично участвовал в делах «Общества караимского книгопечатания», более того, его фамилия стоит первой в списке караимов, подписавшихся на книгу «Масса у-мерива», он же написал предисловие к ней. В таких обстоятельствах представить себе, что он не был осведомлен о полемическом характере произведения, весьма трудно. Ответ на этот вопрос состоит в том, что в своем произведении Авраам Фиркович также подвергает критике христианство и ислам, и это уже было небезопасно для караимской общины.

Израильская исследовательница Сара Френкель в своей статье «“Масса у-мерива” Фирковича — подделка или саморедактура?» указывает на одну интересную особенность находящихся в Израиле экземпляров книги Фирковича (всего их шесть): есть несколько листов, которые текстуально отличаются в каждом (!) сохранившемся экземпляре. В такой ситуации трудно выделить первоначальный текст, но совершенно очевидно, что даже на этапе печати происходила правка текста. При сравнении исправленных листов становится понятно, что правился текст, в котором содержалась критика христианства. Правка, видимо, заключалась в том, что в тексте изменяли предложения, в которых содержалась открытая критика христианства, в результате правки критика становилась более завуалированной или же превращалась в более «безопасную», в реалиях Российской империи, критику ислама. В качестве примера стоит привести варианты двух центральных с точки зрения характера полемики пассажей. Так, лист 32, в зависимости от экземпляра, содержит следующие варианты:

1 вариант

> «Господь Б-г Израиля не родился в Бейт-Лехеме и ни в каком другом месте, потому что он не такой как те, кто ест хлеб. И он Создатель, а не созданный, и никто о нем не свидетельствовал…»

2 вариант

«О том, кто похож на Б-га и чей образ вы цените. О том, кто похож на меня и я подобен [ему] как они подобны ему. И он создатель, а не созданный и никто о нем не свидетельствовал…»

Очевидно, что текст в обоих вариантах содержит критику христианства. В первом случае она более явная: «родился в Бейт-Лехеме» — аллюзия на Иисуса Христа; «те, кто ест хлеб», т.е. участвует в обряде евхаристии, — указывает на христиан. Во втором варианте автор более осторожен и намекает на христианство через «чей образ вы цените» и «том, кто похож на меня», т.е. иконы.

Лист 34, в зависимости от экземпляра книги, содержит следующие варианты текста:

1 вариант

«И у верующих в новую религию много сказок. Они веруют, что бог крестился. И они веруют, что он сошел с небес, похоронил Моисея и стоял в огне во время суда над ним. Разве не верят они, что Йонатан есть Элиягу, который пришел крестить бога и представить его перед всеми, а после этого вернулся на Небеса вместе с его богом…»

2 вариант

«И даже у верующих в религию Мухаммеда много сказок. Они возражают тем, кто говорят, что бог крестился. А сами верят в то, что бог спустился с небес, похоронил Моисея и стоял в огне. С точки зрения возражающего как бы не оказалось его воззрение таким, что на него можно обратить его же возражение так, что полетит камень к бросившему его и куда сильнее…»

Как мы видим, во втором варианте критика христианства была заменена на более «безопасную» критику ислама, т.к. последний не был государственной религией. Так или иначе, очевидно, что критический потенциал книги Фирковича был куда больше и опасней, чем это представлено его биографами. У нас нет ответа на вопрос, знали ли Дейнард и Ельяшевич о критике христианства в книге Фирковича. Важно другое — их описание событий вокруг издания и самого содержания книги, очевидно, далеко от действительности. Более обоснованным,

в свете изложенных выше фактов, выглядит предположение о том, что тираж книги был уничтожен именно из-за содержащейся в ней критики христианства. В свете этого предположения становятся понятны опасения автора в целесообразности печати книги, которые так длинно и витиевато изложены в предисловии к книге. Проясняется и замечание Фирковича о возможных нападках со стороны «любителей аллегорического толкования» — этот термин в рамках караимско-раввинистической полемики действительно может означать раввинистов, но в то же время в рамках иудео-христианской полемики традиционно применялся к христианам.

Остается вопрос: если полемический потенциал книги Фирковича был столь очевиден, то почему книга была все-таки напечатана? В настоящее время у нас нет документов, которые бы могли помочь однозначно ответить на этот вопрос. Однако некоторые предположения мы все-таки можем сделать. В личном архиве А.С. Фирковича хранятся две рукописи книги «Масса у-мерива», которые датируются 1836 г. В предисловии к книге Фиркович указывает, что печать книги проводилась по рукописи 1834 г., т.е. архивные рукописи не стали основой для печатной версии книги. Их наличие может свидетельствовать о том, что еще до своего издания книга получила широкое хождение среди караимов в виде списков. Работа караимской типографии предполагала экономическую составляющую проекта: печатались книги, которые по тем или иным соображениям пользовались спросом. Практика издания книги по предварительной подписке позволяет нам оценить востребованность конкретной книги. Если судить по списку подписавшихся, то книга «Масса у-мерива» должна была стать бестселлером. Можно предположить, что издание книги было обусловлено ее популярностью среди караимов и связанными с этим соображениями экономической выгоды.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что появление в 20-е — 30-е годы в караимской общине Крыма полемических произведений с ярко выраженной антираввинистической направленностью может быть прояснено только с учетом «внешней» истории караимских общин в Российской империи. Существует вполне объяснимый соблазн ретроспективно связать создание этих произведений с выработкой новой этнической идентичности восточно-европейских караимов. Однако это не так: эти сочинения как по форме, так и по содержанию были традиционными, что фиксируется на всех уровнях, начиная от назва-

ния книги и заканчивая ее обращенностью к образцам караимской полемической литературы прошлого, что, в свою очередь, может выражаться в структуре сочинения. Историческое время создания «Хотем тохнит» и «Масса у-мерива» выражено в двух аспектах. Во-первых, это крайний накал антираввинистической и антихристианской полемики, характеризующий эти произведения. Отметим здесь, что антихристианские пассажи в тексте книги «Масса у-мерива» выводят полемику из утилитарного плана размежевания с еврейской общиной Российской империи. Во-вторых, моделирование лагеря возможных оппонентов как принципиально неоднородного. Нет просто «братьев раввинистов», есть «плохие» ортодоксы и «хорошие» *маскилим*. Последние готовы принять «свет истины» от караимов, именно для спасения их душ написаны эти произведения. Этот литературный прием позволяет автору сделать востребованным жанр традиционной историографии в новых исторических обстоятельствах.

Примечания

[1] *Фиркович А.С.* Ответ А.С. Фирковича на статью «История приобретения некоторых дорогих рукописей», напечатанную в № 21-м Одесского Вестника» // Северная Пчела. 1863. № 135.

[2] РНБ ф. 946, оп. 1, № 32, л. 1.

[3] *Фиркович А*. Авне зиккарон («Путевые заметки»). Вильна, 1872. С. 4–5.

[4] *Дейнард Э*. Толедот Эвен Решеф («Биография Авраама Фирковича»). Варшава, 1875. С. 3–4.

[5] Там же. С. 4.

[6] Там же. С. 10–11.

[7] *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры»; Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М.: Ин-т этнологии и анропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. Вып. XIV. кн. 2. С. 105–107.

[8] *Фиркович А*. Масса у-мерива («Искушение и спор»). Евпатория. 1838. л. 5 об.

[9] *Фиркович А*. Хотем тохнит («Печать совершенства»). Евпатория. 1834. л. 49.

[10] *Фиркович А*. Масса у-мерива. л. 3–3 об.

[11] Там же, л. 4.

[12] Там же, л. 4 об.

[13] Там же, л. 156 об.

[14] Там же, л. 5.

Дмитрий Прохоров
(Симферополь)

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА В КАРАИМСКИХ ОБЩИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Целью предлагаемой статьи является анализ правовых и религиозных аспектов брачно-семейных отношений, а также демографическая статистика в караимских общинах Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. При работе над публикацией были использованы материалы российских переписей населения конца XVIII — второй половины XIX в., статистические обзоры, отчеты и сведения, опубликованные в различных справочниках, путеводителях, адрес-календарях, в так называемых «памятных книжках» российских губерний; архивные документы, часть из которых вводится в научный оборот впервые, а также сведения, выявленные в дореволюционной периодической печати.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. в правовом статусе караимов происходят существенные изменения. Привлеченные возможностью получения налоговых и социальных льгот, а также стремясь дистанцироваться от евреев-раввинистов, представители верхушки крымской караимской общины направляют в адрес российских властей многочисленные прошения и ходатайства, большая часть из которых была удовлетворена[1]. Изменение правового статуса караимов было особенно актуальным в контексте принятого правительством в начале XIX в. антиеврейского законодательства. Шаги, предпринятые караимскими общественными деятелями, продолжавшими моделировать новую этническую и конфессиональную идентичность караимов

и настаивавшими на ее официальном признании на законодательном уровне, были направлены на закрепление за караимами ряда социальных и экономических привилегий, на уравнивание их сначала в правах с крымскими татарами, а затем — и с титульной нацией империи. Одним из ключевых итогов этой деятельности стало открытие в 1837 г. Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП), за которым закреплялось право осуществлять руководство религиозной и общественной жизнью караимских общин юго-западных и центральных губерний Российской империи; затем, в 1863 г. караимам были дарованы те же права и преимущества, которыми были наделены русские подданные[2].

Однако, несмотря на постепенную интеграцию караимов в российское языковое и культурное пространство, вплоть до второй половины XIX в. внутриобщинные устои и догматы караимской религии оставались по-прежнему незыблемыми. Это касается, прежде всего, сферы брачно-семейных отношений. Необходимо заметить, что за точным отправлением конфессиональных обрядов тщательно следило караимское духовенство. Стремление к укреплению связей внутри всей караимской общины требовало соблюдения чистоты вероисповедания. Согласно караимским религиозным законам, лица, вступающие в брак, должны были исповедать одну религию — караимскую; оба будущих супруга должны были быть совершеннолетними (при этом девушке должно было быть не менее 16, а мужчине — не менее 20 лет)[3]; требовалось также обоюдное согласие на брак[4]. В случае отказа мужа от своего вероисповедания жена у караимов считалась свободной и могла повторно вступить в брак (как в том случае, если бы она была вдовой), в то время как у евреев-раввинистов отказ от своего вероисповедания не приводил к разрыву брачных уз.

Перед тем, как заключить брак, между будущими молодоженами составлялся акт помолвки, проходившей, как правило, в присутствии духовного лица. Караимский *газзан* отдавал отцу невесты дар жениха со словами: «Поскольку такому-то юноше понравилась ваша дочь, и он хочет жениться на ней, а вы одобрили его предложение, поэтому по его просьбе вручаю вам это золото, как дар [по случаю предстоящей] его женитьбы»[5]. Спустя некоторое время, непосредственно перед обрядом бракосочетания, между женихом и невестой составлялся брачный договор (*шетар*); написание его текста входило в обязанности *газзана* или *шамаша* (им же доверяли разрисовывать *шетар* традиционным

орнаментом). Брак у караимов считался действительным при следующих условиях: если женихом была внесена определенная денежная сумма или драгоценности на эту сумму (подарок жениха невесте) — так называемый *могар*, или *вено* (ценный предмет, вручавшийся женихом невесте или отцу невесты); при наличии брачного договора, куда записывался размер подарка жениха и перечень приданого, принесенного невестой из дома отца; при осуществлении супружеского сожительства. Если не выполнялось одно из этих трех условий, то брак считался несостоявшимся или незаконным[6]. Само же бракосочетание, предварявшееся традиционными караимскими обрядами, совершалось, как правило, после окончания вечернего богослужения в *кенасе*[7], откуда свадебная процессия отправлялась в дом к жениху или же к невесте, где *газзаном* зачитывался брачный акт. Религиозная часть обряда состояла в чтении отрывков из Танаха, подходивших к данному случаю, а также из молитв и благословений в адрес новобрачных[8].

Что касается расторжения помолвки или брака между караимом и караимкой, то ТОКДП на этот счет также были разработаны соответствующие правила. Во-первых, бракоразводный процесс осуществлялся только в ходе «строгого расследования, произведенного духовенством»; право на расторжение брака имел не только муж, но и жена. Причиной или же поводом к разводу между супругами могли стать: обнаружившаяся в первую брачную ночь нецеломудренность невесты, неверность одного из супругов, болезнь мужа или жены, которая могла привести к невозможности супружеской жизни (например, в том случае, если жена была «умалишенна, постоянно больна или бесплодна»[9]), семейные конфликты, жестокое обращение мужа с женой, отказ мужа от содержания жены, и, наконец, «все то, что позорит честь и доброе имя семьи». После расторжения брака разведенной жене вручался особый документ — разводной лист (*гет*)[10], который свидетельствовал о ее незамужнем статусе, и подтверждал право на вступление в новый брак[11]. Разводной лист выдавался не ранее чем через 12 месяцев после развода, и в этот период муж не обязан был содержать жену; для вступления в новый брак разведенный мужчина должен был предоставить постановление ТОКДП и справку от бывшей супруги о полном возврате того имущества или денег, которые ей были положены по закону. Этот пункт был также специально оговорен в Своде гражданских законов Российской империи: «Приданое жены, равно как имение, приобретенное ею или на ея имя во время замужества, через куп-

лю, дар, наследство или иным законным способом, признается ея отдельною собственностью»[12].

Традиционные внутриобщинные нормы, существовавшие у караимов еще со времен Средневековья, подразумевали полное и беспрекословное подчинение женщины мужчине; в семейном праве члены караимских общин строго руководствовались догматами, изложенными в Танахе, и, в частности, в Пятикнижии. Женщина до замужества была подвластна воле отца, а после выхода замуж должна была всецело подчиняться мужу: «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3:16). О статусе женщины в караимских общинах можно судить по запискам путешественников, посетивших Крымский полуостров в конце XVIII — середине XIX в. «Женщины живут здесь в совершенном заключении, <…> едва они завидят мужчину, особенно иностранца, как тотчас же обращаются в бегство»; караимы-мужчины «женам свои и дочерям воспрещают беседовать с чужими мужчинами и вообще вести общественную жизнь, неохотно дозволяют им грамотность, <…> требуют от семьи рабского повиновения и исполнения всех домашних дел»; некоторые авторы XIX в. отмечали, что караим «смотрит на жену как на предмет, доставляющий наслаждение его прихотям, а на дочь — как на чужое достояние»[13]. Основными обязанностями караимских женщин являлось воспитание детей и ведение хозяйства; наиболее доступными занятиями для них являлись рукоделие и посещение бани, где караимки «сходились и по целым часам вели беседы»[14].

Положение замужней женщины в караимской общине середины XIX в. было довольно сложным и неоднозначным — догматические и правовые аспекты семейного права не позволяли ей в полной мере распоряжаться имуществом даже после смерти мужа и требовали всецело руководствоваться решениями, которые принимали его родственники по мужской линии. «При прежнем патриархальном воспитании женщин в страхе Божьем, они мирились с той участью, которая выпадала на их долю в замужестве»[15]. Все нюансы совместной жизни супругов специально оговаривались в *шетаре*. В связи с этим в практике судебных учреждений Таврической губернии зафиксировано немало случаев, когда в делах о наследовании или разделе имущества у караимов основным доказательством служили именно брачные договоры.

При заключении брачного договора *шетар* являлся, прежде всего, гарантом соблюдения прав женщины. Тем не менее существовало значительное число оговорок, ограничивавших эти права. Наглядной иллюстрацией этому может служить *шетар*, заключенный между *гахамом* С.С. Бабовичем и его невестой Назлы Яшиш в 1851 г. В документе специально оговаривался пункт, касающийся раздела имущества после смерти одного из супругов: «буде придет время, умрет Сима Бабович, прежде чем означенная жена, то ни в коем случае она не должна иметь себе никакого требования из оставшегося состояния Бабовича. Означенная Назлы ни по суду гражданскому, ни по религии нашей Мишнат, ни чрез правительственные места, словом сказать, ни в каком случае не может простирать свою претензию, а единственно должна довольствоваться распоряжениями брата и сыновей. <…> Если же Бог удостоит произвести от нас на свет детей, то они отнюдь не должны быть различаемы от прежде прижитых, но все одно как те, так и последние, а это жена моя Назлы даже по изжитии нами детей, после смерти моей, как вышесказано, ни какой части себе не должна требовать, а полагаться на распоряжение брата и сыновей моих, и тем быть она связана»[16]. Несмотря на то, что данный случай все же носил частный характер (учитывая и то высокое положение, которое занимал *гахам* С.С. Бабович в караимской общине), все это свидетельствует о вариативности принимавшихся ТОКДП решений по бракоразводным делам и делам по разделу наследства.

В соответствии с российским законодательством, браки между караимами (как и между другими российскими «инородцами») могли заключаться на основании Ст. 90 «Свода гражданских законов Российской империи», гласившей, что «каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона, или по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного правительства»[17]. Что же касается браков, заключавшихся между лицами, принадлежавшими к разным конфессиям (в частности, к иудаизму талмудического толка), закон устанавливал следующее правило (Ст. 81): «Если один из супругов, принадлежащих к иудейскому закону, обратится к Православию, а другой останется в прежнем законе, но с обратившимся жить пожелает, то, оставив их в супружестве без расторжения, обязать подписками: первого в том, чтобы он тщательное имел попечение о приведении другого увещанием к восприятию Православной веры, а сего в том,

чтобы рождаемых в сем браке детей ни прельщениями, ни угрозами, ниже другими какими либо способами, не приводил в закон иудейский, и обратившемуся в Православную веру супругу за содержание оной поношения и укоризны не наносил. Если же муж или жена, по обращении другого супруга, жить в прежнем брачном союзе не пожелают, то брак расторгается и обратившемуся лицу разрешается вступить в брак с лицом Православным. Но в случае, если брак не расторгнут, ни мужу, ни жене не дозволяется постоянное жительство в губерниях, где евреям оседлость воспрещена»[18]. Что касается браков российских подданных «евангелического исповедания» (т.е., неправославных христиан — католиков и лютеран) с мусульманами и евреями, то они совершались на основании «Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви в России»[19].

Несмотря на то, что в 1863 г. караимы были уравнены в правах с русскими, проблема так называемых «смешанных» (межконфессиональных) браков, и, в частности, браков, совершавшихся между караимами и евреями-раввинистами, имела свои определенные нюансы. Как известно, одним из основных отличий между этими представителями иудейских общин в вопросах брака и семьи являлось то, что первые отрицали левират (обычай, по которому вдова обязана или имеет право выйти замуж за брата своего мужа), принятый в талмудической традиции. На практике главное расхождение между караимами и евреями по вопросу об инцесте касалось лишь браков с племянницей или сводной сестрой: в XIX в. в караимской общине подобные союзы были категорически запрещены — по этому поводу цитировалась Книга «Левит» (Лев 18:16), в которой прямо запрещалось жениться на жене брата, между тем, как среди евреев такие браки разрешались (Втор 25:5–10).

В 1908 и 1911 гг. ТОКДП по этому вопросу были вынесены такие постановления, как: «О воспрещении недействительных браков караимов с еврейками, совершаемых еврейскими раввинами», «О недопустимости смешанных браков караимов с женщинами других исповеданий» и др.[20] В частности, 29 апреля 1910 г. *гахам* С.М. Панпулов отправил в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий (ДДДИИ МВД) петицию за № 327, в которой речь шла о том, что заключение брака караима с женщиною другого исповедания является нарушением как духовных, так и гражданских правил. При этом *гахам* ссылался на указ российской императрицы Екатерины II о даровании караимам ряда социальных и экономических льгот, изданный 8 июня

1795 г., в котором, в частности, говорилось о том, «чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Раббинов, и о которых изданные от нас указания долженствуют исполняемы быть во всей точности»[21], а также на распоряжение министра внутренних дел Д.А. Толстого от 9 мая 1887 г. за № 2436, данное им таврическому губернатору А.Н. Всеволожскому, «коим точно обусловлено, что караимы не должны принимать в свою среду евреев-раввинистов»[22]. С.М. Панпулов далее сообщал в своем ходатайстве, что «Духовное правление находит, что допущение и в дальнейшем подобных недействительных браков может весьма вредно отразиться как на религиозно-нравственной, так и на гражданской жизни караимского народа вообще, так и на рождающихся от таких браков детях в частности»[23]. *Гахам* недвусмысленно указывал чиновникам департамента на опасность возможного раскола в караимской общине, требуя принятия решения по данному вопросу на законодательном уровне.

Но если с позиции ТОКДП браки с иноверцами являлись серьезным отступлением от догматов караимской религии, что ставило нарушителей «вне закона», то с точки зрения российского законодательства юридических нарушений в подобных браках не фиксировалось. «Департамент Духовных Дел [Иностранных Исповеданий] имеет честь уведомить — сообщалось в резолюции МВД за № 4563 от 18 мая 1910 г., — что если указанные смешанные браки караимов с евреями и лютеранами считаются незаконными с точки зрения караимского вероучения, то со стороны Департамента не встречается препятствий к воспрещению караимским газзанам совершать подобные браки»[24]. Относительно решения ТОКДП об исключении из караимского вероисповедания лиц, вступивших в смешанные браки, в ДДДИИ МВД было заявлено, что данное постановление не может иметь никаких юридических последствий, если оно не совершено по желанию заинтересованного лица, «притом в порядке правил, действующих в отношении перехода из одного исповедания в другое». По вопросу о лишении гражданских прав лиц, заключивших смешанный брак, директор Департамента, гофмейстер Е. И. В. двора сенатор А.Н. Харузин выразился также недвусмысленно: «они [права] определяются гражданскими законами, и поэтому никто этих прав по определению какой-либо духовной власти лишен быть не может»[25].

Разумеется, такой ответ не мог устроить ТОКДП, которое в свою очередь заявило, что если подобные браки все же будут заключаться,

то ни один караимский *газзан* не имеет право его освящать; при этом бракосочетавшиеся караим или караимка должны были сменить конфессию, и обряд осуществлялся духовным лицом некараимского вероисповедания и не по караимским обрядам.

В фонде 241 ТОКДП Государственного архива АР Крым хранится несколько дел, в которых отложились документы относительно браков между представителями караимской и еврейской общин[26]. Все подобные случаи тщательно рассматривались ТОКДП, причем, как правило, в каждом из них духовным правлением выносились персональные постановления (в основном с отрицательным вердиктом). Так, например, в 1902 г. в МВД было подано на рассмотрение дело о законности брака, который был совершен еврейским раввином между караимом М.С. Ага и жительницей Санкт-Петербурга, еврейкой по национальности (ранее караимскими *газзанами* в регистрации этого брака было отказано). После рождения у молодой четы ребенка его отец обратился в ТОКДП за разрешением совершить над мальчиком обряд обрезания, однако караимский *гахам* С.М. Панпулов ответил категорическим отказом, после чего дело было передано в МВД[27].

В 1887 г. в производство ТОКДП поступило «Дело о браке караимской девушки с татарином»[28] — в нем собрана переписка между ТОКДП и Таврическим Магометанским Духовным Правлением (ТМДП), а также с таврическим губернатором А.Н. Всеволожским относительно законности брака, заключенного в марте 1887 г. между караимкой, дочерью феодосийского мещанина Юфуды Абрамовича Пьясора Эстер (в документах ТМДП она именовалась как Эстер Мирос-Еды[29]) и турецкоподданным Омером Билял-оглу. И.о. таврического *муфтия* Абдул Керим Эфенди дал разрешение на этот брак, при этом сославшись на Ст. 90 части I Полного Собрания Законов Российской империи (изд. 1857 г.), утверждая при этом, что «девушки и женщины иудейского вероисповедания, соблюдая свою религию, могут вступать в брак с магометанами на основании шариата»[30]. При этом и.о. *муфтия* в качестве обоснования своего решения упомянул Ст. 62 книги «ад-Дурар аль-Камина фи А‘йан аль-Миа ас-Самина» богослова Хаджара аль-Аскалани[31].

Назвав такое бракосочетание караимки с иноверцем «небывалым», ТОКДП в марте 1888 г. обратилось за разъяснениями по этому делу к А.Н. Всеволожскому, присовокупив, что подобное постановление ТМДП о браке считает «неправильным и оскорбительным» для караи-

мов, в свою очередь, также сославшись на Ст. 90 «Свода законов гражданских постановлений», процитировав выше упоминавшуюся нами часть, в которой было сказано: «Каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона или по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного правительства»[32]. Однако С.М. Панпулов заметил, что эта статья закона отнюдь не дает права и преимущества одному вероисповеданию распространять свою юрисдикцию на лиц, принадлежащих другим конфессиям; кроме того, *гахам* привел в качестве обоснования канонические книги караимов — в том числе и Танах, а именно: Книгу Исхода (Исх 3; 4:15, 16); Книгу Эсфирь (Эсф 9; 10) и пятую книгу Торы — Второзаконие (Втор 7:7), в которых было сказано, что браки, заключенные с иноплеменниками, должны быть расторгнуты. С.М. Панпулов упомянул и другие караимские произведения догматического характера: например, «Сефэр Ган-Эден» («Райская книга»; 1353 г.) караимского теолога средневековья Аарона II Никомидийского — в частности, *гахам* ссылался на отдел книги «Седер Нашим» («Раздел о женщинах»; Гл. 4), в котором указывалось на недопустимость смешанных браков[33]. Поэтому С.М. Панпулов ходатайствовал о расторжении брака Э. Пьясор и О. Билял-оглу и просил губернатора обратиться в ДДДИИ МВД с тем, чтобы эта вышестоящая инстанция защитила «караимов от посягательств Магометанского Духовного Правления на свободу вероисповедания и неприкосновенности их законов», и призвал духовенство других неправославных конфессий впредь не венчать караимов с лицами других вероисповеданий, так как, по его мнению, это «может произвести смуту в совести верующих караимов и порождает нравственную деморализацию»[34].

Ответ таврического губернатора, который в своем отношении от 8 июня 1888 г. передал мнение министра внутренних дел И.Н. Дурнова, гласил: бракосочетание, согласно законам шариата, считается гражданским актом; совершение «всяческих актов, законам не противных», представляется возможным на основании гражданских законов; запрещаются, в соответствии со Ст. 85 «Свода законов гражданских постановлений», только «российским подданным Православного и Римско-Католического исповеданий брак с нехристианами, а Протестантского брак с ламаитами и язычниками вовсе запрещается»[35]. Однако, ввиду вышеизложенного МВД нашло возможным ходатайство

ТОКДП удовлетворить, и брак между Э.Ю. Пьясор (Мирос-Еды) и О. Билял-оглу все же был признан незаконным[36].

Социальные трансформации в российском обществе в конце XIX — начале XX в. вскоре привели к тому, что российские власти вынуждены были приступить к пересмотру гражданского кодекса. Так, например, в 1902 г. вышло постановление российского правительства «Об улучшении прав незаконнорожденных детей», основной целью которого являлось сохранение прав незаконнорожденных и уравнивание их с правами детей, рожденными в законных браках[37]. Принятие этого закона, по замыслу властей, должно было упорядочить семейно-брачные отношения в обществе, в котором в начале XX в. наблюдалось увеличение числа незаконных браков и, соответственно, родившихся в них детей.

12 декабря 1904 г. был опубликован указ Сената «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», которым провозглашался пересмотр «узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащий к инославным и иноверным исповеданиям»; правительство намеревалось принять «соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»[38]. Особому совещанию под руководством председателя Совета министров Российской империи графа С.Ю. Витте было поручено разработать положение «Об укреплении начал веротерпимости», которое было законодательно утверждено 17 апреля 1905 г. Этим документом подтверждалось, что не должны были быть подвержены гонениям сектанты различных толков[39]. Теперь каждый мог открыто исповедовать свое вероучение; всем конфессиям разрешалось беспрепятственно возводить свои молитвенные здания, издавать религиозную литературу, учреждать духовные братства. Тем, кто только числился православным, разрешалось вернуться к вере предков. Было также разрешено преподавание в учебных заведениях Закона Божьего на родном языке учащихся. Первый пункт указа 17 апреля 1905 г. гласил, что «отпадение» из православия в какое-либо иное христианское исповедание или вероучение не должно преследоваться и иметь негативные для прозелита последствия. Причем «отпавший» от православия по достижении им совершеннолетия признавался принадлежащим к тому вероисповеданию, которое он сам для себя избрал. До принятия этого указа подобные действия квалифицировались законами Российской империи как уголовно наказуемые деяния.

Несмотря на то, что впоследствии данный закон был подвергнут детальному пересмотру и доработке (в частности, внимание правительственной Комиссии было обращено на положение прочих неправославных религиозных общин, на упрощение порядка образования, регистрации и прекращения деятельности различных вероисповедных обществ и религиозных общин, на расширение их прав в части отправления культа, религиозной пропаганды, строительства культовых зданий, приобретения имущества, учреждения учебных заведений и кладбищ и т.п.[40]), тем не менее он стал отправной точкой для изменения правового и социального положения неправославных конфессий в Российской империи.

В этой связи необходимо заметить, что ТОКДП настороженно относилось к так называемым «караимствующим» — русским субботникам, проживавшим в Дагестане, Баку и на Кубани. И хотя субботники сумели добиться у властей права на регистрацию своей общины, тем не менее в официальных кругах на них смотрели как на «временно отпавших от государственной церкви», которые, рано или поздно, вернутся в лоно своей прежней конфессии[41]. Правительство до 1905 г. старалось избегать, насколько это было возможно, официального признания существования иноверия среди русских[42]. В связи с этим Таврический и Одесский караимский *гахам* С.М. Панпулов предпочел занять выжидательную позицию по отношению к сектантам (желавшим воссоединиться с крымскими караимами), рассчитывая при этом на вынесение окончательного вердикта властей по данному вопросу[43].

Несмотря на либерализацию российского законодательства, позиция караимского духовенства по отношению к смешанным бракам еще длительное время оставалась неизменной. Так, например, в январе 1917 г. А.М. Мардкович (впоследствии — известный караимский литератор и публицист, издатель книг на караимском языке)[44] направил в ТОКДП несколько писем. В частности, ходатай сообщал, что в 1910 г. в Илжецком округе Варшавской губернии он вступил с девицей иудейского вероисповедания в брак, который был заключен по правилам, установленным для браков лиц нехристианских вероисповеданий, и впоследствии внесен в метрические книги гражданского состояния. Просьба А.М. Мардковича заключалась в том, чтобы ТОКДП (которое возглавлял уже и.о. *гахама* старший *газзан* С.М. Нейман) рассмотрело вопрос о причислении родившегося от этого брака 11 января 1917 г. сына в «лоно караимской религии», так как местная (Екатеринослав-

ская) караимская община признала себя в разрешении этого вопроса некомпетентной. Свое прошение будущий литератор аргументировал тем, что, по его мнению, для принятия подобного решения существовали веские основания как исторического, так и юридического характера. «Имеются соображения, подтверждаемые научными данными, о крайней полезности для караимства, в настоящей его упадочной стадии, введения в его среду (в *ограниченном*[45] количестве) иноплеменных, более жизнестойких элементов»[46]; помимо этого, А.М. Мардкович подчеркивал то обстоятельство, что ни в российском законодательстве, ни в «Положении о караимском духовенстве» 1837 г. не имелось указаний на запрещение караимам вступать в браки с лицами других нехристианских исповеданий[47].

Тем не менее ТОКДП поначалу оставило ходатайство А.М. Мардковича без рассмотрения, на что последний вновь направил в адрес духовного правления письмо, в котором заявил: «Совесть моя, как отца и человека, не может мириться с тем бездушным формализмом, которым, как тисками, скована духовная жизнь караима. С болью в душе я убеждаюсь в том, что наши духовные вожди прилагают все свои силы и авторитет не к тому, чтобы нас, жалкую горсть <…> вывести из того житейского тупика, в котором мы очутились вследствие нашей малочисленности, на широкий путь жизни, а наоборот, к тому, чтобы поглубже загнать нас в этот безотрадный тупик»[48]. Однако в итоге А.М. Мардковичу был дан отрицательный ответ — на основании того, что подобный брак считался у караимов незаконным. «В частности, вопрос о бракосочетании караимов с евреями решен в отрицательном смысле в VIII в. по Р.[ождеству] Х.[ристову] и не имеет никакого отношения к практическим соображениям и касательства к какому-то ни было государственному строю страны, подобные браки одинаково воспрещены как у караимов России, так и Австрии, Турции и Египта», — резюмировал свой ответ и.о. *гахама* С.М. Нейман[49].

Эта животрепещущая проблема неоднократно обсуждалась и караимской общественностью. Например, на страницах русскоязычного журнала «Караимская жизнь», выходившего в Москве в 1911–1912 гг., регулярно печатались материалы, касавшиеся смешанных браков: «Национальное самосознание у нас находится в полном упадке. Вместо того, чтобы подыскивать себе жен в караимской среде, наши молодые люди сходятся с девушками других исповеданий и приживают с ними внебрачных детей»[50]. Автор заметки также делал вывод о том,

что «национальная идея ценна до тех пор, покуда она не становится глухой стеной, закрывающей пути к счастью», и призывал пересмотреть отношение общества к смешанным бракам. В жизни караимской общины были зафиксированы отдельные случаи, когда молодые люди (родственники), встретив на своем пути препятствия в виде конфессиональных запретов на брак, принимали решение о переходе в другое вероисповедание или даже заявляли о желании «покончить с собой»[51].

Пристальное внимание караимской общественности привлекала и проблема разводов. Одной из причин бракоразводных процессов в караимских семьях, по мнению современников, являлось то, что молодые люди, как правило, совершенно не знали друг друга до женитьбы или замужества: они «узнают сравнительно в короткое время, бывают женихом и невестой недолго, а потом представляются друг другу загадками, разгадывание которых иногда отравляет всю жизнь. <…> Если вкусы мужа и жены расходятся, если супруги недостаточно хорошо узнали друг друга до свадьбы, если они ошиблись один в другом и разочаровались, то и не может быть мало-мальски сносной жизни, ибо никто не желает уступить, и в результате является семейный разлад; жизнь каждого течет по своему или они расходятся в разные стороны»[52]. Выход из такой ситуации многие прогрессивно настроенные члены общины видели в том, чтобы приобщать караимскую молодежь к истории, культуре своих предков; в упадке религиозного духа среди караимов, по мнению членов ТОКДП, крылась основная проблема малого числа желавших вступить в брак. Призывая единоверцев уделить внимание судьбе исторической колыбели караимов — Чуфут-Кале, а также позаботиться о воспитании подрастающего поколения в духе караимских религиозных установлений, интереса к караимскому языку и караимской истории, в 1918 г. Таврический и Одесский караимский *гахам* С.М. Шапшал выступил с инициативой направить средства на поддержание этого исторического памятника. При этом он замечал, что «немалую пользу принесла бы организация ежегодных экскурсий» на Чуфут-Кале, в ходе которых молодежь не только приобщалась бы к историко-культурному наследию караимов, но и могла бы ближе знакомиться друг с другом, что, по мнению *гахама*, «отчасти устранило бы печальное сокращение браков»[53].

В связи с изменениями в социальной сфере жизни караимской общины в начале XX в., активной интеграцией ее членов в российские общественные институты, распространением в караимской среде рус-

ского языка и государственного образования многие религиозные догматы требовали серьезной модификации. На Съезде представителей караимских общин, проходившем в Евпатории с 1 по 10 ноября 1910 г., помимо вопросов, относящихся к народному образованию караимов, проблем сохранения историко-культурного наследия караимов, делегатами были рассмотрены некоторые аспекты, связанные с религиозными традициями и обычаями караимов (в том числе и в отношении брака и семьи). В частности, на повестку дня заседания съезда, состоявшегося 6 ноября 1910 г., был вынесен вопрос о допустимости браков: «а) со свояченицей после смерти жены; б) двух братьев с двумя сестрами или браков брата и сестры одной семьи — с сестрою и братом — другой»[54]. В результате длительных прений съезд вынес постановление по данному вопросу: большинством голосов (24 против 7) было решено браки двух братьев с двумя сестрами и браки брата и сестры одной семьи с сестрою и братом другой семьи признать допустимыми, хотя эта резолюция вызвала негативную реакцию у многих присутствовавших на съезде. Против указанных постановлений съезда выступили представители московской караимской общины (в частности, и.о. *газзана* С.С. Ельяшевич), а также севастопольский старший *газзан* Т.С. Леви-Бабович, посчитавшие, что подобные вопросы должны находиться исключительно в компетенции лиц духовного звания[55].

Необходимо упомянуть и о том, что некоторых представителей караимского духовенства, допускавших браки между «свойственниками» до ноября 1910 г. (т.е. до принятия съездом соответствующих решений), могли даже привлечь к суду — наглядной иллюстрацией этому может служить процесс над феодосийским *газзаном* В.М. Бабаджаном-Бабаевым, зарегистрировавшим в 1910 г. брак между близкими родственниками — мелитопольским караимом И. Минашем и его двоюродной сестрой Кефели[56]. В караимской русскоязычной прессе тех лет детально обсуждались перипетии этого во многом противоречивого дела. В 1911 г. Симферопольский окружной суд все-таки вынес оправдательное решение опальному *газзану*, который тем не менее вновь приступить к свои обязанностям не смог[57].

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., декларировавшей отмену смертной казни, а также даровавшей равные права всем гражданам России независимо от пола, вероисповедания или национальной принадлежности, вопрос о смешанных браках вновь приобрел актуальность. Например, в мае 1917 г. в Таврическое

магометанское духовное правление (ТМДП) поступило прошение от караима, прапорщика С. Кискачи и некоей «девицы Т.» о принятии мусульманства с дальнейшим заключением брака. Данная просьба была удовлетворена, причем крымско-татарская газета «Переводчик–Терджиман» заявляла, что «глубоко приветствует это явление»[58]. В декабре 1917 г. в Киеве караим штабс-капитан С.М. Фуки, также с целью заключения брака, подал прошение об исключении его из караимского вероисповедания и «присоединении его к лицам, не принадлежащим ни к какой религии»[59].

Указанная проблема получила обсуждение и на Общенациональном караимском съезде, состоявшемся в Евпатории в августе–сентябре 1917 г. Его делегаты обсудили ряд вопросов, среди которых была проблема смешанных браков и прозелитизма в караимских общинах. На повестку съезда были вынесены следующие вопросы: 1) о самоопределении караимов; 2) об отношении к «русским караимам» (субботникам); 3) об отношении к другим народностям; 4) о смешанных браках. В прениях принимали участие такие авторитетные среди караимов общественные деятели, как *газзаны* А.И. Катык, С.С. Ельяшевич, профессор Г.И. Танатар, присяжный поверенный А.Я. Хаджи и др. Было решено создать особую комиссию, состоящую из *газзанов*, врачей, юристов для обсуждения проблемы взаимоотношений между караимами и субботниками. Что касается вопроса о смешанных браках, то после проведения закрытого заседания съезд так и не смог выработать единого мнения, и поэтому было решено отложить разрешение данного вопроса до очередного общенационального съезда, запланированного уже на послевоенное время. Тем не менее некоторыми делегатами была подготовлена и озвучена резолюция, гласившая: «Не предрешая вопроса о смешанных браках в положительном смысле, съезд высказывается за принятие в лоно караимства лиц, вступивших в таковой брак, каждый раз по приговору общины, имеющей кенасу, с санкции Духовного правления»[60].

Очевидно, что караимам необходимы были перемены; тогда, при сохранении основных этнических и конфессиональных черт, они смогли бы не замкнуться в узких рамках, продиктованных национальными обычаями и религиозными традициями. Остановить тенденции расслоения караимской общины, препятствовать процессам нивелирования многих религиозных догматов ортодоксально настроенные представители караимской общественности и ТОКДП были уже не в силах,

несмотря на все призывы духовных и национальных караимских лидеров к консолидации.

Что касается демографической статистики в караимских общинах Российской империи, необходимо заметить, что основным источником по указанному вопросу могут служить ежегодные отчеты, направлявшиеся караимскими *газзанами* в ТОКДП. В них сообщались сведения о родившихся и умерших караимах, о числе заключенных браков, о возрастных категориях лиц, в них вступивших и пр. Например, в Новороссийском крае в 1847 г. среди караимов было зарегистрировано 50 браков; родилось 252 чел. (147 мал. и 105 дев.), умерло — 157 чел. (67 муж. и 90 жен.); в 1848 г. браков, заключенных в караимских общинах, было зафиксировано 52; родилось 219 чел. (103 мал. и 116 дев.), умерло — 268 чел. (144 муж. и 124 жен.)[61]. В 1849 г. демографическая статистика в караимских общинах Новороссии выглядела следующим образом: заключено браков — 49; родилось 212 чел. (120 мал. и 92 дев.), умерло — 161 чел. (82 муж. и 79 жен.); в 1850 г. сочетались браком 55 караимских пар; родилось 247 чел. (113 мал. и 134 дев.), умерло — 132 чел. (57 муж. и 75 жен.)[62].

В соответствии с «Высочайше утвержденным Положением о Губернских и Областных Статистических Комитетах» от 26 декабря 1860 г., в состав каждого губернского и областного статистического комитета, помимо возглавляющих его губернаторов, должны были входить предводители дворянства, вице-губернаторы и лица, «начальствующие отдельными управлениями в губернии или области»; непременными членами считались также представители христианских и «иноверческих» исповеданий (в Таврической губернии ими являлись Таврический *муфтий* и караимский *гахам*)[63]. В связи с реформой статистические сведения о караимском населении впоследствии регулярно доставлялись в Таврический Губернский Статистический Комитет (ТГСК) непосредственно из ТОКДП, а их сбор осуществлялся путем представления караимскими *газзанами* необходимых сведений о численности подведомственных им общин.

В соответствии с требованием таврического губернатора, генерал-лейтенанта Г.В. Жуковского, в 1861 г. ТОКДП были собраны сведения о численности караимского населения губернии (с указанием гендерных и возрастных признаков), а также о количестве караимских *кенас* (либо молитвенных домов) и учебных заведений; о числе браков, о родившихся и умерших караимах. Эта информация предоставлялась

для составления общегубернского статистического отчета. Что касается брачно-семейной и демографической статистики, то в 1861 г. в караимских общинах Таврической губернии было заключено 36 браков; родилось караимов — 196 чел. (101 дев. и 95 мал.), умерло — 141 чел. (90 муж. и 51 жен.)[64].

В декабре 1867 г. таврический губернатор Г.В. Жуковский вновь обратился в ТОКДП за сведениями, необходимыми для составления «Всеподданнейшего отчета на имя Государя Императора» по Таврической губернии (бланки и формы установленного в 1866 г. образца караимскому *гахаму* были присланы Таврическим губернским статистическим комитетом несколько ранее, в ноябре 1867 г.)[65]. В свою очередь, духовным правлением всем подведомственным ему религиозным общинам были разосланы предписания о предоставлении запрашиваемых данных, среди которых должны были присутствовать: 1) ведомости о числе караимов мужского и женского пола; 2) сведения о заключенных браках; 3) о родившихся и умерших караимах; 4) о численности караимского духовенства. Кроме того, запрашиваемая информация касалась сословного состава караимских общин; требовались также помесячные данные о времени заключения браков, о возрастных категориях лиц, в них вступивших, а также о том, в каком социальном статусе они находились до брака (т.е. о количестве холостых, незамужних, вдов и вдовцов; о лицах, впервые или повторно вступивших в брак и т.п.); более детальных отчетов администрация ожидала также о законнорожденных и незаконнорожденных в караимских общинах детях, о «двойнях», «тройнях» и т.п.

В присланных *газзанами* в ТОКДП отчетах, на основании метрических книг, были зафиксированы такие статистические показатели, как: количество детей в караимских семьях, помесячные показатели браков, рождаемости и смертности у взрослых и детей, возрастные показатели членов общин и т.п. В целом по российским караимским общинам демографическая статистика выглядела следующим образом: было зафиксировано 79 браков; число новорожденных в возрасте до 1 года составляло 334 чел. (170 мал., 134 дев.); умерших — 158 чел. (79 муж., 79 жен.), причем в последней категории наибольший процент составляли дети в возрасте от 1 до 5 лет (28 мал., 26 дев.)[66].

В этой связи важными являются сведения по демографической ситуации в караимских общинах и данные о заключении браков среди караимов. Так, например, с 1888 по 1897 гг. общее число детей, ро-

дившихся в караимских семьях, составило 2 тыс. 750 чел., а умерших — 1 тыс. 868 чел.[67] К началу XX в. эта статистика выглядела следующим образом: в 1907 г. было зарегистрировано 43 брака; число новорожденных составило 133 чел. (72 мал. и 61 дев.); в 1909 г. — 49 браков и 92 новорожденных (40 мал. и 52 дев.); в 1910 г. — 38 браков (всего в караимских общинах Российской империи — 65) и 97 новорожденных (57 мал. и 40 дев.; всего в стране среди караимов — 151 чел.); в 1917 г. — 49 браков и 83 новорожденных[68].

В этот период в караимских общинах повсеместно отмечалось и небольшое, по сравнению с серединой XIX в., количество многодетных семей — в каждой из них, в основном, насчитывалось от одного до трех детей. Например, среди караимов Симферополя в 80-х гг. XIX в. возрастные категории лиц, вступивших в брак, распределялись следующим образом: до 16 лет — 2 чел.; в 17–18 лет — 11 чел.; от 19 до 20 лет — 8 чел. (причем абсолютное большинство вступивших в брак составляли лица женского пола); от 20 до 25 лет — 36 чел.; от 26 до 35 лет — 33 чел.; от 36 до 50 лет — 12 чел.; старше 50 лет — 7 чел. (в этих возрастных категориях большинство уже представляли мужчины — 54 чел.; женщин было 34 чел.). Наибольшее число новорожденных в караимских семьях появлялось на свет зимой (295 чел.), а наименьшее — осенью (173 чел.)[69]. Соотношение числа новорожденных было следующим — на 100 девочек приходилось 90 мальчиков; детская смертность составляла: 31 ребенок в возрасте до 1 года (на 170 родившихся) и 76 детей в возрасте до 5 лет[70]. В целом число новорожденных караимов было, как и число заключенных в караимской среде браков, довольно низким — соответственно, на каждую тысячу человек приходилось 5 браков и 15 новорожденных[71].

Показатели рождаемости и смертности в караимских общинах Таврической губернии за период с 1905 по 1917 гг. выглядели так: в 1905 и 1906 гг. всего родилось 359 чел. (183 мал. и 176 дев.), умерло — 341 чел. (188 муж. и 153 жен.); в 1907 г. родилось 187 чел. (108 мал. и 79 дев.), умерло — 173 чел. (102 муж. и 71 жен.); в 1908 г. родилось 176 чел. (92 мал. и 84 дев.), умерло — 167 чел. (104 муж. и 63 жен.); в 1909 г. родилось 179 чел. (84 мал. и 95 дев.), умерло — 158 чел. (81 муж. и 77 жен.); в 1910 г. родилось 169 чел. (99 мал. и 70 дев.), умерло — 168 чел. (91 муж. и 77 жен.); в 1911 г. родилось 161 чел. (81 мал. и 80 дев.), умерло — 203 чел. (114 муж. и 89 жен.); в 1912 г. родилось 164 чел. (82 мал. и 82 дев.), умерло — 158 чел. (79 муж. и

79 жен.); в 1913 г. родилось 176 чел. (74 мал. и 73 дев.), умерло — 147 чел. (71 муж. и 76 жен.); в 1914 г. родилось 127 чел. (65 мал. и 62 дев.), умерло — 170 чел. (88 муж. и 82 жен.); в 1915 г. родилось 113 чел. (56 мал. и 57 дев.), умерло — 158 чел. (79 муж. и 79 жен.); в 1916 г. родилось 106 чел. (50 мал. и 56 дев.) умерло — 201 чел. (115 муж. и 86 жен.); в 1917 г. родилось 83 чел., умерло — 169 чел. Заключено было браков: в 1907 г. — 81, в 1908 г. — 68, в 1909 г. — 80, в 1910 и 1911 гг. — по 65, в 1912 г. — 81, в 1913 г. — 78, в 1914 г. — 50, в 1915 г. — 36, в 1916 г. — 40, в 1917 г. — 49[72].

В конце XIX — начале XX в. в караимских общинах Российской империи наблюдается уменьшение числа браков — при том, что довольно значительный процент караимской молодежи составляли те, кто достиг зрелого возраста, но не заключавшие брачных отношений. Например, в караимской общине Одессы в 1898 г. из 127 мужчин-холостяков 75 достигли 30-летнего возраста; в киевской караимской общине — из 50 мужчин 20 холостых караимов были старше 30-ти лет (учитывая то, что число женщин-караимок, как правило, превышало число мужчин)[73]. По замечанию С.А. Прика, И.И. Казаса и других караимских интеллектуалов, обративших внимание караимской общественности на проблему уменьшения числа браков среди караимов, основной причиной этому было, как ни парадоксально, распространение идей просвещения среди молодежи: светское «образование породило среди караимов некоторую чуждаемость даже между самыми близкими родственниками, находящимися в противоположных обстоятельствах»[74], хотя необходимо подчеркнуть, что данная проблема носила комплексный характер.

В поисках выхода из создавшейся ситуации многие караимские общины нередко выдвигали смелые, подчас даже радикальные планы. Например, в 1897 г. на собрании одесского караимского общества одним из его участников, Ю.И. Савусканом, при поддержке архитектора А.С. Панпулова (сына *гахама* С.М. Панпулова), был предложен проект об обложении всех неженатых мужчин-караимов старше 25 лет ежегодным налогом в размере 25 руб. в пользу общества[75]. Проект был принят, что, по замыслу его инициаторов, должно было улучшить ситуацию с заключением браков внутри караимской общины и «сохранить святость семейных начал»[76]. Тогда же был поднят вопрос о возможности заключения браков между близкими родственниками, получивший свое разрешение только спустя несколько лет на Съезде делегатов караимских общин.

Попытки исправить ситуацию в сфере семейно-брачных отношений предпринимались неоднократно. Так, например, в 1910 г. караимский филантроп И.Д. Бурназ учредил для бедных караимских девушек, вступающих в брак, пособие — средства на него должны были отчисляться от прибыли с «доходного» дома в Севастополе в размере 40% (не менее 100 руб. и не более 300 руб. каждой девушке). Еще 40% отчислялось севастопольской караимской общине на содержание *газзана*, и 20% — на увеличение «доходности» самого дома[77]. В Николаеве в 1904 г. было создано «Общество пособия караимским девицам города Николаева», учрежденное по инициативе караима С.А. Агина — в компетенцию этого общества входила выдача караимкам при выходе замуж пособия, а также устройство в городе профессиональных и других учебных заведений и мастерских[78]. Однако ощутимой поддержки незамужним караимским девушкам деятельность подобных обществ так и не принесла.

Таким образом, проанализированные материалы позволяют сделать вывод о том, брачно-семейные отношения в караимских общинах Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. складывались под влиянием различных факторов. Прежде всего, определяющими в вопросах семьи и брака являлись догматы караимской религии, строго предписывавшие членам караимских общин вступать в союз исключительно с единоверцами. В противном случае лицу, заключившему брак с представителем другой конфессии, грозило исключение из общины и лишение «национальных» прав. Однако, несмотря на все строгие запреты караимского духовенства, смешанные браки все же имели место, причем уже в начале XX в. их число было довольно значительным. Важной составляющей в развитии данной ситуации стало изменение общероссийского гражданского законодательства в ходе либеральных реформ, принятия ряда указов и постановлений, которыми впервые в российской истории законодательно утверждались права на свободу вероисповедания лиц неправославного исповедания.

С конца XIX в. процесс социального расслоения в караимских общинах ускорил этническую и конфессиональную *миксацию*[79] караимов с представителями других этноконфессиональных групп населения. Так, в начале XX в. увеличивается число смешанных браков между евреями-раввинистами и караимами; среди последних значительно возрастает число прозелитов. Общественные и политические катак-

лизмы начала XX в. существенно повлияли на ситуацию внутри караимских общин Таврической губернии, во многом предопределив дальнейшее ослабление устоявшихся религиозных правил и национально-культурных традиций.

Строгой регламентации в контексте караимских религиозных законов подлежали семейные взаимоотношения мужчины и женщины. Добрачные прелиминарии заключались в заключении акта помолвки и обмена подарками; семейный союз предполагал взаимные права и обязанности супругов по отношению друг к другу, к детям от этого союза, а также к имуществу обоих супругов. При заключении брака обязательно составлялся брачный договор *шетар*, в котором оговаривались все детали дальнейшей совместной жизни. *Шетар* также служил подтверждением прав женщины в случае развода или смерти одного из супругов. Тем не менее следует заметить, что положение женщины в караимских общинах стало меняться лишь во второй половине XIX в., и происходило это в связи с активной интеграцией караимов в российское языковое и культурное пространство. Указанные процессы происходили в результате модернизации традиционных общинных устоев, отказа от многих устаревших религиозных и общинных догматов, а также в связи с реформой конфессиональной системы караимского образования.

Тем не менее важно заметить, что все эти изменения имели свои негативные последствия — об упадке «национального» духа, религиозного и этнического самосознания свидетельствуют многочисленные документы того времени. Во многом это повлияло и на сокращение числа браков внутри караимских общин, а также на снижение демографических показателей. Эти и другие факторы значительно повлияли на сокращение численности караимского населения страны в последующие годы.

Примечания

[1] *Прохоров Д.А.* Документы по истории взаимоотношений между представителями караимских и еврейских общин Таврической губернии в XIX — начале XX веков Государственном архиве при СМ в АР Крым (гражданско-правовой аспект) // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике. Памяти профессора Рашида Мурадовича Капланова. Москва: «Книжники», 2009. Ч. II. С. 345–364.

[2] [*Фиркович З.А.*] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб.: Лештуковская Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. С. 164.

[3] *Бейм С.А.* Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели // Новороссийский календарь на 1859 г. Одесса, 1858. С. 444.

[4] *N.N.* [*Казас И.И.*] Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 3–4, август-сентябрь. С. 52.

[5] *Петросян В.М.* Этнографическое описание армян, татар, ногайцев и караимов в книге О. Тэр-Абраамяна «История Крыма» // Крымский архив. Симферополь, 2009. № 9. С. 246, 247.

[6] *Бейм С.А.* Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели. С. 444; *N.N.* Общие заметки о караимах. С. 53, 54; *Чепурина П.Я., Ельяшевич Б.С.* Караимские брачные договоры «шетары» // ИТОИАиЭ. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 181.

[7] Любопытно, что уже в начале XX в. среди караимов, заключавших брачные союзы, возросло число тех пар, которые не совершали обряда освящения своего брака в кенасе [*Круглевич С.* Храм для бедных // Караимская жизнь М., 1912. Кн. 10–11, март–апрель. С. 65; *Иртлач-Мангуби С.С.* Ответ г. Круглевичу // Караимская жизнь. М., 1912 Кн. 12, май. С. 65].

[8] *N.N.* Общие заметки о караимах. С. 53–56; *Бейм С.А*. Свадьба у караимов сто лет назад // Караимская жизнь М., 1911. Кн. 7, декабрь. С. 73–80.

[9] *Бейм С.А.* Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели. С. 444.

[10] *Гет*, согласно Танаху — это отвержение мужчиной данной ему в супруги женщины в случае, если он обнаружил определенный ущерб, возникший вследствие брака (нецеломудренность, супружеская измена и пр.). Женщина, не получившая «гет», обычно именовалась *агуна* (т.е. «безмужняя жена»): она по-прежнему считалась замужней, но живущей без мужа.

[11] *N.N.* Общие заметки о караимах. С. 53.

[12] Свод законов гражданских (Св. Зак. т. 10 ч. 1, изд. 1900 г. по Прод. 1906 и 1908 гг.). С предметным указателем и с позднейшими узаконениями по день выхода в свет / Сост. А.Л. Саатчиан. Изд-ие неофициальное. СПб.: Изд-ие Юридического книжного магазина И.И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1911. Т. X, Ч. 1, отд. 2. С. 26.

[13] *Демидов А.Н.* Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М.: тип. А. Семена, 1853. С. 428; *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. СПб.: тип. Г. Веллинга, 1875. Ч. 9. С. 11.

[14] К этнографии караимства // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 10–11, март–апрель. С. 29–32.

[15] Наши браки // Салгир. № 83. 1897. 9 июля. С. 2.

[16] Государственный архив в АР Крым (*ГААРК*). Ф. 241. Оп. 1. Д. 90. Л. 11–12 (об.).

[17] Свод законов гражданских. С. 22.

[18] Там же. С. 21.

[19] Там же. С. 22.

[20] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1083. Л. 1–3; ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1163. Л. 1–3.

[21] [*Фиркович З.А.*] Сборник старинных грамот и узаконений. С. 108.
[22] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1163. Л. 1 об.
[23] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1083. Л. 1 об.
[24] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1163. Л. 3.
[25] Там же. Л. 3 об.
[26] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 172. Л. 1–4; ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 223. Л. 1–9; ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 830. Л. 1–15; ГААРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 50. Л. 1–15.
[27] Летопись. Интересный вопрос… // Салгир. 1902. № 28.
[28] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 450. Л. 1–9.
[29] Искаж. от караимской фамилии «Мереседи».
[30] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 450. Л. 3, 4, 7.
[31] Ибн Хаджар аль-‘Аскалани Абу аль-Фадль Ахмад ибн ‘Али ибн Мухаммад аль-Кинани аш-Шафи‘и — выдающийся мусульманский богослов XV в., автор фундаментальных сборников хадисов о мусульманском праве: «Фатх аль-Бари фи Шарх Сахих аль-Бухари», «ад-Дурар аль-Камина фи А‘йан аль-Миа ас-Самина» и др.
[32] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 450. Л. 5 об.; Свод законов гражданских. С. 22, 23.
[33] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 450. Л. 6.
[34] Там же. Л. 6 об.
[35] Свод законов гражданских. С. 21
[36] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 450. Л. 8, 9.
[37] Свод законов гражданских. С. 29.
[38] № 24495. Декабря 12. Именной Высочайший Указ, данный Сенату (Собр. Узак. 1904 г., Декабря 14, Отд. I, ст. 1916). О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1907. Т. XXIV: 1904. Отд. I. С. 1197.
[39] № 26125. Апреля 17. Именной Высочайший Указ, данный Сенату (Собр. Узак. 1905 г., Апреля 17, Отд. I, ст. 526). Об укреплении начал веротерпимости // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1908. Т. XXV: 1905. Отд. I. С. 257, 258.
[40] *Терюкова Е.А.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII — начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2010. № 4. С. 207.
[41] Хроника текущей жизни. Общие известия: О русских караимах // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль. С. 81, 82.
[42] *Львов А.* Дело о караимских молитвенниках // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М.: Дом еврейской книги, 2004. № 4–5. С. 52, 53.
[43] *Белый О.Б.* К вопросу об этнических и конфессиональных контактах крымских караимов и субботников («русских караимов») в XIX — начале XX вв. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тезисы докладов и сообщений III Международной Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2001. С. 8, 9; *Прохоров Д.А.* Органы караимского конфессионального самоуправления и проблема прозелитизма, межконфессиональных и межэтнических браков в Таврической губернии в

XIX — начале XX века (по материалам фонда ТОКДП) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 18. С. 134–143; *Прохоров Д.А.* Крымские караимы и проблема прозелитизма: к вопросу о целостности караимских общин Таврической губернии в конце XIX — начале XX вв. // Caraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. Слиппери-Рок, США Симферополь, Украина, 2008. Vol. 5. С. 40.

[44] *Сулимович А.* Александр Мардкович — общественный деятель, писатель и издатель // Caraimica. Slippery-Rock–Simferopol, 2007. Vol. 2. С. 25, 26.

[45] Это слово в тексте ходатайства А.М. Мардковича, выполненного машинописным способом, выделено посредством разрежения шрифта.

[46] ГААРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 23. Л. 1 об.

[47] Там же. Л. 1, 1 об.

[48] Там же. Л. 4.

[49] Там же. Л. 5, 5 об.

[50] *А.М.* Из читательских откликов. I. Что делать? // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь. С. 85.

[51] Хроника текущей жизни. Общие известия. Дело феодосийского газзана В.М. Бабаева. Процесс В.М. Бабаева // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 113.

[52] Наши браки // Салгир. № 83. 1897. 9 июля. С. 2.

[53] Харьков // Известия караимского духовного правления. Евпатория, 1918, июль. № 1. С. 34.

[54] Первый национальный караимский съезд в Евпатории // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 82.

[55] Хроника текущей жизни. Общие известия. Москва. Протест против постановлений съезда // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль. С. 94.

[56] Хроника… Дело феодосийского газзана В.М. Бабаева. С. 113, 114.

[57] Хроника… Дело феодосийского газзана В.М. Бабаева. С. 115; *Раецкий С.* На родные темы. Политика мести // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль. С. 46–48.

[58] ГААРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 21. Л. 2.

[59] Там же. Л. 2, 7.

[60] Протоколы заседаний Общенационального караимского съезда // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1917. № 5–6. С. 12.

[61] О числе иноверцев в Новороссийском крае и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1848 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: гор. тип., 1847. С. 78; О числе сочетавшихся браком, родившихся и умерших в 1848 году // Новороссийский календарь на 1850 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: гор. тип., 1847. С. 81.

[62] О числе сочетавшихся браком, родившихся и умерших в 1849 году // Новороссийский календарь на 1851 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: гор. тип., 1850. С. 82; О числе сочетавшихся браком, родившихся и умерших в 1850 году // Новороссийский календарь на 1852 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: гор. тип., 1851. С. 83.

[63] № 36453. Декабря 26. Высочайше утвержденное Положение о Губернских и Областных Статистических Комитетах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1862. Т. XXXV, Отд. 2. 1860. С. 507.

[64] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 85, 86.

[65] ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

[66] Там же. Л. 88–90.

[67] Таблица числа родившихся и умерших караимов, прироста и браков в 1910 г. в Таврической губернии // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12, май. С. 47–49.

[68] *Синани В.* К статистике караимов // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 36; *Панпулов С.*[*М.*], *Нейман С.*[*М.*] Сведения о числе рождений, браков и смертн.[ости] караимского населения в 1910 г. Таврическое гахамство [таблица] // Караимская жизнь. Кн. 1, июнь. М., 1911. С. 39; *Шапшал С.*[*М.*] Деятельность совещания при караимском духовном правлении с участием делегатов от общин (16–21 июля 1917 г.) // Известия ТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917. № 4. С. 4; ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 85. Таблица числа родившихся и умерших караимов, прироста и браков в 1910 г. С. 49; Таблица числа родившихся и умерших караимов, прироста и браков в 1909 г. в Таврической губернии // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 10–11, март–апрель. С. 46.

[69] *Гидалевич А.Я.* Медико-топографическое описание города Симферополя. Симферополь, 1891. С. 12–14, Табл. № 7; С. 158, Табл. № 30.

[70] Там же. С. 148.

[71] *Синани В.* К статистике караимов. С. 37.

[72] Хроника текущей жизни. Общие известия. Цифры за 5 лет // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль. С. 82; *Г.С.* [*Шапшал С.М.*] Об уменьшении числа караимов // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 10 июля 1917 г. № 3. С. 12, 13; *Г.С.* [*Шапшал С.М.*] К уменьшению числа караимов // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1918. № 2, декабрь. С. 3, 4.

[73] *Бейм А.И.* Ответ на брошюру г-на С. Б. К некоторым вопросам караимской общественной жизни. Одесса, 1898. С. 8.

[74] *Прик С.А.* Беседы о караимстве. Одесса, 1902. С. 10.

[75] Летопись. По словам одесских газет…. // Салгир. № 80. 1897. 4 июля. С. 3.

[76] Наши браки // Салгир. № 83. 1897. 9 июля. С. 2.

[77] Хроника текущей жизни. Общие известия. Севастополь. Симпатичное дело. К пожертвованию И.Д. Бурназа // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 3–4. С. 128; Хроника текущей жизни. Общие известия. Севастополь. Приданое невестам караимкам // Караимская жизнь М., 1912. Кн. 8–9. С. 123; Хроника текущей жизни. Доброе дело // Караимское слово. Вильно, 1914. Кн. 9–10. С. 21.

[78] Хроника текущей жизни. Общие известия. Член общества. К вопросу о судьбе караимских девиц (письмо из Николаева) // Караимская жизнь М., 1912. Кн. 8–9. С. 110–113; Справочный отдел. г. Николаев. Общество вспомоществования бедным караимским девицам // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 10 июля 1917. № 3. С. 17.

[79] *Миксация* (от лат. *mixatio* — смещение) — вид объединительных этнических процессов, смешение нескольких конкретных этносов (или частей этносов). Термином «этническая миксация», введенным Ю.В. Бромлеем, обозначаются процессы объединения групп, отличающихся, в том числе, и в языково-культурном отношении [*Бромлей Ю.В*. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 240, 241].

Вячеслав Зарубин
(Симферополь)

К ВОПРОСУ О НАСИЛЬСТВЕННОЙ ВЫСЫЛКЕ ГРУППЫ КАРАИМОВ ИЗ КРЫМА В 1944 г.

Широко известен факт насильственной высылки из Крыма в 1944 г. по постановлениям Государственного комитета обороны (ГКО) от 11 мая №5859сс «О крымских татарах» и от 2 июня №5984сс «О выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян» представителей указанных национальностей (в 1941 г. из Крыма были высланы почти все проживающие здесь немцы, а в начале 1942 г. из Керчи и окрестностей — итальянцы[1]).

Менее известно постановление ГКО от 24 июня 1944 г. № 6100сс «О выселении из Крыма в Узбекистан турецких, греческих и иранских подданных с просроченными паспортами». И еще меньше внимания обращается на анализ национального состава высланных в этот период. А ведь среди принудительно отправленных на Восток и Север из Крыма оказались члены семей, не являющиеся крымскими татарами, армянами, болгарами и греками, а также другие лица. Таким образом, в числе спецпоселенцев крымского контингента числились русские, украинцы, цыгане, турки, поляки, туркмены, евреи, представители других национальностей, включая и караимов. Общее число караимов спецпереселенцев, по данным разных источников, составляло от 30 до 100 человек. В то время как, согласно оценочным данным, накануне войны в Крыму проживало до 7 тысяч караимов. При этом следует иметь в виду, что караимы не значатся в справке Министерства внутренних дел СССР о составе спецпоселенцев (от 17 лет и старше) на январь 1953 г.[2]. Поскольку здесь указывались представители национальностей числом от 50 человек и выше, караимы, по-видимому, бы-

ли включены в категорию «прочие». Проблема насильственной высылки в 1944 г. караимов из Крыма не нашла должного отражения в научной литературе. Автору известна только одна обстоятельная работа, посвященная данному вопросу[3], не считая нескольких публицистических материалов и воспоминаний.

По имеющимся данным, среди спецпоселенцев из Крыма, не попавших под прямое действие указанных постановлений ГКО, разговоры об ошибочности переселения велись в цыганской среде. Цыгане объясняли свое насильственное переселение тем, что якобы их по ошибке спутали с татарами[4].

Видимо, аналогичные проблемы обсуждались и спецпоселенцами-караимами. Не исключено, что караимы, оставшиеся в Крыму и обеспокоенные возможной высылкой, подавали властям разного рода прошения. Во всяком случае, вопрос о высылке их из Крыма рассматривался в народном комиссариате внутренних дел Крымской АССР. Известен запрос наркома внутренних дел Крымской АССР В.Т. Сергиенко от 24 марта 1945 г. на имя заместителя наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышева, в котором он указывает, что «караимы в Крыму поселились в X–XI веках, это религиозная секта в иудаизме, опиравшаяся на догматические основы Библии, толкуемой отлично от последователей раввинизма». Далее Сергиенко сообщает: «Затем крымские караимы сложились в особую народность, говорящую на крымско-татарском языке, и по своим нравам и обычаям почти ничем не отличаются от крымских татар.

Караимы не ограничиваются в правах.

Всего их по состоянию на 10 июля 1944 г. было учтено в Крыму 6357 человек. Лишь некоторая их часть подвергалась переселению, как подпавшая под действие постановлений Государственного Комитета Обороны.

Было бы целесообразным тех караимов, которые переселены, не возвращать в Крым, оставив их на жительстве в местах поселений.

Караимам, не подвергавшимся переселению, а их немного, разрешить проживать в Крыму.

Очевидно, караимов переселять с крымскими татарами бесполезно. Просим разъяснений»[5].

Ответ В.В. Чернышева от 2 апреля 1945 г. был следующим: «С Вашими предложениями о караимах НКВД согласен. Соответствующие указания по этому вопросу Отделу спецпоселений НКВД СССР даны»[6].

Биография В.Т. Сергиенко свидетельствует о том, что сочинить самостоятельно такой запрос он был не в состоянии, но о караимах мог что-то слышать, когда работал учеником резчика на картонажной фабрике Казаса в Харькове с июня 1915-го по декабрь 1916 г.. Каких-либо проявлений гуманности за ним не замечалось[7]. Подлинный автор данного документа до настоящего времени не установлен, равно как и мотивы его создания. Не исключено, что его составил какой-нибудь грамотный сотрудник наркомата внутренних дел Крымской АССР на основе сведений имевшихся под руками энциклопедий, возможно и при участии кого-либо из караимов.

Таким образом, массового насильственного выселения из Крыма караимов не произошло. Высланных лиц из их числа обратно не возвращали.

Позволю себе не согласиться с уважаемым В.Л. Вихновичем, который рассматривал запрос В.Т. Сергиенко и ответ на него в контексте дипломатической игры советского руководства с американскими, причем не только еврейскими кругами, с целью привлечения средств для восстановления разрушенной войной экономики СССР[8]. Скорее руководство МВД представляло караимов в качестве части иудейского населения, пережившего геноцид в условиях нацистской оккупации, и учло их малочисленность. Следует иметь в виду, что в докладной записке заместителя наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулова и заместителя наркома внутренних дел СССР И.А. Серова от 22 апреля 1944 г. караимы вместе с евреями и крымчаками названы в числе 67 тысяч расстрелянных немцами[9]. Эту же информацию Берия повторил в своей докладной записке от 25 апреля 1944 г. в Государственный комитет обороны[10].

Согласно караимским источникам, пострадали, в основном, жители Ялты, Керченского полуострова и района Феодосии. Одних выслали вместе с крымскими татарами 18 мая, других немногим позже — с армянами, болгарами и греками. Караимов из Крыма переселяли в Башкирию, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан[11]. Оказались высланными представители фамилий Баккал, Бабович, Бебеш, Казас, Кефели, Крыми, Мичри, Сарач, Хафуз, Чадык, Шапшал и др. В местах высылки поныне проживает ряд семей, в том числе в Башкирии (Уфа), в Сибири (Новосибирск), Казахстане (Алматы), Узбекистане (Самарканд)[12]. По рассказам самих караимов, смертность в местах спецпоселения была весьма высока. Б. Бебеш сообщает о том, что на его глазах

в Башкирии полностью вымерло 15 ялтинских караимских семейств[13], однако документальных подтверждений данного факта не имеется.

Каковы же причины насильственной высылки группы караимов? Как известно, нацисты не относили караимов к евреям, и они не подвергались уничтожению. Деятельность части из них в оккупации вполне могла рассматриваться в соответствии с постановлением пленума Верховного Суда СССР от 25 ноября 1943 г. №22/М/16/У/сс «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками». Кроме того, согласно приказу народного комиссара внутренних дел Л.П. Берии и народного комиссара государственной безопасности В.Н. Меркулова от 13 апреля 1944 г. №00419/00137 «О мероприятиях по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов», было необходимо очистить Крым от агентов шпионских резидентур, а также от «изменников Родине и предателей, истинных пособников и ставленников немецко-фашистских оккупантов, участников антисоветских организаций, бандформирований и иных антисоветских элементов, оказывавших помощь оккупантам»[14]. Расширительное толкование этих документов могло коснуться всех, кто хоть каким-то образом взаимодействовал с оккупационными властями, причем не обязательно военными, а такие были в караимской среде.

Согласно дневникам Х.Г. Лашкевича, в Симферополе часть караимов с первых же дней оккупации пошла на службу к немцам, занимая «счетные должности»[15]. Известно, что караимы использовались оккупантами в качестве переводчиков как владеющие крымско-татарским языком. Фельдшер с. Демерджи (с. Лучистое) близ Алушты караимка Эренчек А.С., имевшая «близкую связь» со слушателями и составом разведшколы немецкого разведоргана «Цеппелин», дислоцировавшейся с апреля по август 1942 г. в с. Демерджи, была выслана в г. Краснокаменск Молотовской (Пермской) области, где ее, видимо, продолжали допрашивать в 1946 г.[16].

Можно добавить, что весной 1945 г. лидеры симферопольской религиозной караимской общины, восстановленной в период оккупации в 1942 г., Я.Б. Шамаш и И.И. Эгиз были арестованы органами НКГБ «за участие в контрреволюционной деятельности»[17].

Некоторое число караимов состояло в смешанных браках с лицами, подлежащими выселению в соответствии с указанными постановлениями ГКО. Так, в Самарканде до сих пор проживает Роза Крыми,

бывшая замужем за крымским татарином[18]. Кстати, в данном случае они оба учитывались как татары. А если бы муж был караимом, а жена крымская татарка, то их бы включили в подконтингент «другие». Такая организация учета крайне затрудняет подсчеты спецпоселенцев по национальностям.

Могли иметь место и ошибки, когда караимов, не разбираясь, путали с татарами, а также доносы, с помощью которых просто сводили счеты, и рвение местных властей. Так, по воспоминаниям Бориса Бебеша его семья без всяких оснований в июне 1944 г. была насильственно выслана из Ялты в поселок Красный Ключ Нуримановского района Башкирии, где находились бумажная фабрика, лесхоз и лесопилка. Только после ходатайства брата Б. Бебеша, участника войны, служившего в Севастополе, в 1951 г. с семьи были сняты все ограничения[19]. В Красный Ключ вместе с группой ялтинских караимов попала и семья А. Кефели, который как студент горного института в Свердловске (Екатеринбурге) в 1954 г. был досрочно освобожден из мест поселения, но без права возвращаться в Крым[20].

Кроме того, часть караимов действительно можно отнести к коллаборационистам. По информации Х.Г. Лашкевича, караимы наряду с армянами и особенно татарами «сразу стали отдаляться от евреев, охотно водят немцев по еврейским квартирам…». При этом «из караимов некто Ш[амаш (Кантарная 18)[21]]. особенно прислуживает немцам. <…> Предполагают, что он связался с немцами еще до их вступления в Крым»[22]. В письме Г. Клопфера штандартенфюреру СС К. Брандту от 27 октября 1944 г. сообщается, что около 500–600 крымских караимов сотрудничали в различных частях германской армии, в 1944 г. до 1000 караимов, опасаясь возмездия, покинули Крым и нашли прибежище в Австрии. Согласно документам, обнаруженным Шмуэлем Спектором, в Вене был создан «Verein der Tataren und Karaimen zu Wien» («Клуб татар и караимов в Вене»)[23]. Позднее слово «караимов» по религиозным соображениям, а также потому, что караимы стали покидать этот клуб, в его названии исключено. Однако отметим, что, по нашему мнению, приведенные выше цифры нуждаются в дополнительной проверке и могут быть существенно завышены. Не исключено, что среди указанных лиц оказались эмигранты, покинувшие Россию во время Гражданской войны.

При этом нельзя отрицать и участие караимов в борьбе с нацизмом. По их данным, на фронтах, в партизанах и в подполье сражалось от

248[24] до более чем 650[25] человек. Многие погибли или умерли от ран. Караимы страдали во время военных действий. В отместку за десант в Евпатории в начале январе 1942 г. среди нескольких тысяч заложников-мужчин было расстреляно и более 100[26] караимов.

В завершение следует отметить, что тема насильственной высылки из Крыма группы караимов в 1944 г. до настоящего времени не закрыта и нуждается в продолжении исследований.

Примечания

[1] *Бойко (Джаккетти) Ю., Виньёли Д.* Неизвестная трагедия итальянцев Крыма. [Керчь], 2007.

[2] Депортация народов Крыма / Предисловие, составление, комментарии Н.Ф. Бугай. М., 2002. С. 171.

[3] *Вихнович В.* Массовые этнические депортации из Крыма в 1944–1945 г.х и крымские караимы // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М. 2004. № 4–5. С. 87–98.

[4] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы из Крыма (1944–1956 гг.). С. 73.

[5] Первая публикация: *Бугай Н.Ф.* «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений…»: Л. Берия — И. Сталину // История СССР. 1991. №1. С. 155.

[6] Там же, С. 155.

[7] Сергиенко Владимир Тимофеевич (1903, Волчанск Харьковской губернии — 01.08.1982, Киев). Родился в семье сапожника. Украинец. Образование: 3 класса городского приходского училища в Харькове (1913), Высшая школа РККА там же (май 1923 — ноябрь 1924). (*Петров Н.В. Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 378–380).

[8] *Вихнович В.* Массовые этнические депортации из Крыма в 1944–1945 г.х и крымские караимы. С. 93–97.

[9] Депортация народов Крыма. С. 54.

[10] Там же.

[11] В первой половине 1950-х годов в Гурьевской (Атырауской) области числилось 4 караима // Депортация народов Крыма. С. 176.

[12] *Ормели В.* Из более чем сотни людей вернулись единицы. С. 83; Депортация караев // Къырым (Симферополь). 2009. 17 июня / Къырымкъарайлар. № 6.

[13] *Бебеш Б.* Без вины и без указа // Так это было: Национальные репрессии в СССР 1919–1952 годы: Художественно-документальный сборник: В 3 т. / Сост. С.У. Алиева. М., 1993. Т. 3. С. 133.

[14] Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 494–495.

[15] *Лашкевич Х.Г.* Дневники / Публикация М.Н. Шульженко // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. Специальный выпуск: Крым в Великой

Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5. М., 2003. С. 252, 304.

[16] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны: сборник документов / Сост. А.В. Валякин, А.А. Кохан. Симферополь, 2011. С. 642–643.

[17] *Катунина Е.В., Катунин Ю.А.* Причины ликвидации религиозных общин караимов в 40–60 гг. XX в. // Культура народов Причерноморья. (Симферополь). 2005. № 62. С. 74.

[18] Депортация караев // Къырым (Симферополь). 2009. 17 июня / Къырымкъарайлар. № 6.

[19] *Бебеш Б.* Без вины и без указа. С. 132–133.

[20] *Кефели А.* Караимы-спецпереселенцы. С. 85.

[21] Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее — ГААРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31. Л. 73. Готовившая документ к публикации ведущий специалист ГААРК М.Н. Шульженко «по этическим соображениям» опустила «ряд имен и фамилий людей, окружавших Х.Г. Лашкевича в период написания дневника, о которых в тексте имеется негативная информация» (*Шульженко М.Н.* Предисловие / *Лашкевич Х.Г.* Дневники. С. 234). Также был опущен адрес проживания указанного лица. Не исключено, что речь идет о Я.Б. Шамаше.

[22] *Лашкевич Х.Г.* Дневники. С. 260. Справедливости ради отметим, что Лашкевич упоминает караимку доктора Т.Д. Языжди, скрывавшую во дворе на чердаке еврейку и кормившую ее, а затем скрывавшую другую еврейку у себя на квартире. После разоблачения Языджи вызывали на допросы в гестапо (Там же. С. 272). Имеются и другие свидетельства, подтверждающие факты спасения караимами евреев (*Кропотов В.С.* Военные традиции крымских караимов. Симферополь, 2004. С.90–91).

[23] *Trevisan Semi E.* L'oscillation ethnique: le cas des Caraites pendant la seconde guerre mondiale // Revue de l'Histoire des Religions. 1989. № 206. P. 398.

[24] *Фуки А.И.* Караимы — сыновья и дочери России. Рассказы и очерки об участии в боях от Крымской войны до Великой Отечественной. М., 1995. С. 57–62; Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 154.

[25] *Кропотов В.* На фронтах воевало 650 караев // Бизым йол. «Къырвым» ве «Къырымкъарайлар». Наш путь. «Крым» и «Крымские караимы». С. 81.

[26] *Кропотов В.С.* Военные традиции крымских караимов. Симферополь. С. 120.

III

Сергей Звягин
(Кемерово)

ТОМСКИЙ ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ М.Г. ГИНЗБЕРГ В ГОДЫ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ[1]

Одним из результатов судебной реформы императора Александра II от 20 ноября 1864 г. было появление впервые в отечественной истории института профессиональных защитников — присяжных поверенных. Среди тех, кто оказывал юридическую помощь жителям Томска и Томской губернии в последние годы существования Российской империи, был присяжный поверенный Михаил Германович Гинзберг.

Начало XX в. было для Российской империи бурным. На эти годы пришлись три революции и Uражданская война. Революция 1905–1906 гг. потерпела поражение. Однако именно тогда в России за Уралом, по мнению М.В. Шиловского, «впервые повеяло ветром демократических преобразований, и рядовой обыватель почувствовал себя гражданином, несущим элементом формирующегося гражданского общества»[2]. Эти чувства мог испытать и наш герой. Дело в том, что уже через несколько дней после провозглашения Манифеста императора Николая II (от 17 октября 1905 г.) 20–22 октября в Томске произош ел погром. Жертвой его оказались десятки человек.

Следствие по поводу погрома длилось несколько лет. Только 22 марта 1910 г. начала свою работу сессия Томского окружного суда. Судебное расследование проводили судьи Томского окружного суда: граф М.А. Подгоричани-Петрович (председатель), Н.А. Троицкий и Дорохин. Обвинение поддерживали прокурор Томского окружного суда Н.А. Русанов и товарищ прокурора Х.Д. Брюхатов. Адвокатами со стороны потерпевших и гражданских истцов выступили П.В. Вологодский, присяжный поверенный В.Д. Кононов и помощники присяжных

поверенных М.Г. Гинзберг, А.А. Шиша, Н.Я. Левин, А.М. Михайловский. Интересы обвиняемых защищали присяжные поверенные С.В. Александровский, Н.Н. Новиков, П.В. Оленин и частный поверенный В.Т. Молотковский[3]. Этот процесс оказался важным в процессе профессионального становления молодого юриста М.Г. Гинзберга.

В 1912 г. он продолжал состоять помощником присяжного поверенного. В Томске М.Г. Гинзберг жил по адресу: улица Акимовская, 1/3. У него был домашний телефон с № 448[4].

12 апреля 1916 г. в Томске состоялось годичное собрание Общества по распространению просвещения среди евреев. М.Г. Гинзберг был избран в правление Томского отделения названного общества. За него проголосовало 27, против — 12 человек[5]. 16 декабря 1916 г. на собрании членов отделения Общества по распространению просвещения среди евреев его избрали в организационный комитет по подготовке проекта создания в Томске народного еврейского дома[6].

Михаил Германович имел признание и среди коллег по профессии. 5 июля 1916 г. в одной из томских газет было опубликовано сообщение о том, что помощник присяжного поверенного М.Г. Гинзберг избран членом Совета присяжных поверенных округа Омского судебной палаты от Томска[7].

Сразу же после Февральской революции 1917 г. началось повсеместное создание общественных организаций по обеспечению безопасности. В Томске это случилось 2 марта. Тогда на заседании представителей гласных Томской городской думы, состоявшемся в городской управе, был создан Временный городской комитет общественного порядка и безопасности. Сначала он состоял из 10 человек[8]. Затем его состав расширялся, и уже 8 марта в это общественное образование был выбран М.Г. Гинзберг[9].

20 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений». Прекращение национального гнета способствовало росту общественно-политической активности евреев[10]. Влияние идей этого документа можно проследить и в судьбе нашего героя.

14 июля 1917 г. приказом по министерству юстиции Временного правительства член Томского окружного суда В.П. Гальперин был назначен членом Омской судебной палаты[11]. Это известие не оставило равнодушным его коллег. 19 августа 1917 г. к нему на квартиру явилась объедин енная делегация чинов магистратуры, прокуратуры, нотариата

и мировых судей в составе С.Ф. Петрова, М.Г. Гинзберга и В.К. Гаштовта. Гости выразили сожаление, что город покидает один из лучших юристов, беспристрастный судья и прекрасный человек[12]. 29 августа 1917 г. на очередном общем собрании присяжных поверенных округа Омской судебной палаты Н.В. Патрушев и М.Г. Гинзберг были избраны членами Совета от Томска[13]. На общем собрании 13–14 октября 1918 г. избрание повторилось. М.Г. Гизберг в письме от 20 октября 1918 г. сообщил об этом своему давнему знакомому, а ныне — председателю Временного Сибирского правительства П.В. Вологодскому[14]. 23 апреля 1919 г. П.В. Вологодский принял депутацию еврейского общинного совета Сибири. Среди посетителей был и М.Г. Гинзберг[15].

В июле 1919 г. Михаил Германович получил важный знак общественного признания. Он был избран гласным Томской городской думы по округу № 7. За него подали голоса 1654 томича[16]. Кроме профессиональной деятельности, М.Г. Гинзберг был знаком избирателям по своим статьям на общественно-политические темы в популярной местной газете «Сибирская жизнь»[17].

5 ноября 1919 г. состоялось экстренное общее собрание пайщиков Сибирского товарищества печатного дела. Михаил Германович отказался от должности члена редакционной коллегии — это было его реакцией на публикацию «заметки вредного для еврейского населения содержания». Более того, он в качестве собственного пожелания отказался быть пайщиком товарищества[18].

После установления в регионе Советской власти М.Г. Гинзберг остался в Сибири. Об этом свидетельствуют его статьи в советских специализированных юридических журналах[19]. Идеи М.Г. Гинзберга востребованы до сих пор. В современной юридической литературе встречаются ссылки на его публикации[20].

Международную известность получил сын М.Г. Гинзберга — Анатолий Михайлович (1929, Новосибирск, СССР — 1995, Тель-Авив, Израиль). В Израиле он известен как гебраист и писатель Гинзай Амнон. По окончании средней школы в 1947 г. Гинзай поступил на факультет востоковедения Ленинградского ордена Ленина государственного университета. В 1957 г. окончил университет, уже носивший имя А.А. Жданова. В 1964 г. А.М. Гинзберг защитил кандидатскую диссертацию. Работал в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, специализировался в области гебраистики, библеистики, исследовал кумранские рукописи.

Он написал ряд работ по этой тематике, в том числе: «Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней)» (М., 1965); «Символизм прасемитской флексии» (М., 1974); «Секрет пращи Давида» («Палестинский сборник», М.-Л., 1966. Вып. 15 /78/). А.М. Гинзберг был одним из переводчиков, а также автором введения и комментариев к «Текстам Кумрана» (Вып. 2 / пер. с древнееврейского и арамейского, СПб., 1997).

В 1974–1975 гг. сын нашего героя преподавал в Ленинграде иврит готовившимся к репатриации в Израиль, а затем переехал в Израиль и сам. Работал старшим редактором «Краткой еврейской энциклопедии». При ее подготовке была проведена большая работа по упорядочению и унификации новой терминологии, устранению архаизмов, разработке правил транскрипции слов иврита, идиш и арабского языка. Решающая заслуга здесь принадлежит профессору М. Занду и доктору Амнону Гинзаю[21].

Он также принимал участие в создании русско-ивритского и иврит-русского «Современного словаря» под редакцией доктора И. Гурии, был научным редактором ряда книг, опубликованных издательством «Библиотека-Алия», в том числе сборника статей «Иврит — язык возрожденный» (Иерусалим, 1984)[22].

Гинзай Амнон написал на русском языке фантастические романы «Золотые хамелеоны» (Тель-Авив, 1986), «Звездные адюльтеры», а также опубликовал ряд фантастических рассказов и повестей на русском языке и иврите. В соавторстве с Л. Пеньковским (1894–1971) он перев ел с иврита на русский язык сборник стихов Иехуды ха-Леви «Сердце мое на Востоке» («Библиотека-Алия», Иерусалим, 1976) и с английского языка роман А. Бержеса «Заводной апельсин» (Тель-Авив, 1977)[23].

Отец и сын Гинзберги убедительно продемонстрировали высокую профессиональную конкурентоспособность в различных социально-политических условиях.

Примечания

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а)

[2] *Шиловский М.В.* Революция 1905-1906 // Историческая энциклопедия Сибири. Т. «К» – «Р» / Гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. С. 762.

[3] Цит. по: *Шиловский М.В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г: хроника, комментарии, интерпретация. Томск, 2010. С. 13–14.

[4] Приложение к газете «Сибирская жизнь» (Томск). 1912. С. 17.

[5] Сибирская жизнь. 1916. 17 апр.

[6] Сибирская жизнь. 1916. 16 дек.

[7] Сибирская жизнь. 1916. 5 июля.

[8] *Дробченко В.А.* Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 2010. С. 109.

[9] Сибирская жизнь. 1917. 10 марта.

[10] *Романова Р.Е., Клюева В.П.* Евреи // Историческая энциклопедия Сибири Т. «А» – «И». С. 517.

[11] Сибирская жизнь. 1917. 9 авг.

[12] Сибирская жизнь. 1917. 23 авг.

[13] Сибирская жизнь. 1917. 2 сент.

[14] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 14; Сибирский вестник. Омск. 1918. 25 окт.

[15] Вестник Приуралья. Челябинск. 1919. 24 мая.

[16] Сибирская жизнь. 1919. 19 июля.

[17] См., например: *Гинзберг М.Г.* Административные суды: их компетенция и функции // Сибирская жизнь. 1917. 20 авг.; *он же*. Губисполком в роли бойкотиста // Сибирская жизнь. 1917. 30 июля; *он же*. Выборы гласных городской думы по закону 15 апреля 1917 г. // Сибирская жизнь. 1916. 11 авг.; *он же*. Опасное вмешательство // Сибирская жизнь. 1916. 27 авг.; *он же*. По поводу статьи проф. Михайловского // Сибирская жизнь. 1918. 27 июня.

[18] Сибирская жизнь. 1919. 3, 14 нояб.

[19] *Гинзберг М.Г.* Юридическая природа банковского учета векселей // Кредит и хозяйство. 1925. № 7; *он же*. Кредитование под соло-векселя и товары в обороте // Кредит и хозяйство. 1926. № 2–3; *он же*. Специальный текущий счет // Кредит и хозяйство. 1926. № 5–6–7; Учет векселей и ссуда, обеспеченная векселями // Кредит и хозяйство. 1927. № 8–9; *он же*. Ответственность юридического лица за его предприятие // Бюллетень Госарбитража. 1935. № 21.

[20] *Дробышев П.Ю.* Вексель в коммерческом обороте: дисс. …канд. юр. наук. СПб., 1996; Вексель в период НЭПа // http://mybusinesshelper.ru/fondovyj-rynok/ veksel/veksel-v-period-nepa.html. Дата обращения — 6 ноября 2011 г.

[21] http://www.isramir.com/content/view/2060/42/1/1/. Дата обращения — 31 марта 2012 г.

[22] *Дубнова Е.* Востоковеды — репатрианты из России в Израиле // Русское еврейство в зарубежье. Т. 17. Иерусалим, 2009. С. 232–246.

[23] http://www.eleven.co.il/article/11179. Дата обращения — 5 ноября 2011 г.

Григорий Кондратюк
(Симферополь)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЫМСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА КОМЗЕТА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ В КРЫМСКОЙ АССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (20-е годы XX в.)

Одной из административных структур, активно работавших в Крымской АССР по реализации практических мероприятий советской национальной политики, являлось Крымское представительство Комитета по земельному устройству трудящихся евреев при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР. Центральный КомЗЕТ согласно постановлению ЦИК СССР был создан 29 августа 1924 г.[1] Вскоре были сформированы его региональные структуры, в том числе и его Крымское представительство, организованное 12 марта 1925 г.[2] Крымское представительство КомЗЕТа стало одним из важнейших, так как именно территория полуострова была местом расселения прибывавших евреев-переселенцев. В кампании по переселению 1920-х гг. Крым наряду с югом УССР был определён как основной регион размещения переселенцев и создания аграрных колоний.

Крымское представительство КомЗЕТа, сформированное при ЦИК Крымской АССР, осуществляло административное руководство всем процессом переселения. Структура КомЗЕТа прежде всего выполняла функцию политического представительства в Крымской автономии, вела сложнейший диалог с ее руководством, так как процесс переселения встретил жёсткую оппозицию со стороны ряда руководителей ЦИК и СНК автономии. Во-вторых, Крымское представительство КомЗЕТа работало с Народным комиссариатом земледелия по вопросу о практическом выделении земли, формировании земельных массивов,

проведении их агрономической экспертизы. Далеко не все выделенные в Крыму земли были пригодны для сельскохозяйственного освоения (например, солончаки в Присивашье). Специалисты Крымского представительства КомЗЕТа выезжали на места для приёма земельных массивов, гидрологической экспертизы, оценки состояния дорог. В-третьих, Крымское представительство проводило работу, связанную с созданием еврейских переселенческих посёлков: строительство жилых домов, хозяйственных помещений, колодцев, распашка земли, приобретение скота. Важным направлением его деятельности стало проведение вербовочных кампаний, формирование групп переселенцев в местах выхода, распределение их по имущественным переселенческим категориям. Очень важно было закрепить переселенцев на новых местах, уменьшить процент так называемого «обратничества». Свою работу Крымское представительство координировало с центральным КомЗЕТом.

Прежде всего, необходимо было определить число людей, готовых переселиться в Крым. На заседании 8 декабря 1925 г. КомЗЕТ принял решение о регистрации еврейского населения, переходящего к земледелию с 15 декабря 1925 по 1 февраля 1926 г. [3]

4 июня 1925 г. председатель КомЗЕТа П.Г. Смидович обратился к народному комиссару земледелия Крымской АССР Меметову с письмом по проблеме выделения земли для переселенцев, в котором в частности указывал: «КомЗЕТ напоминает, что в виду вступления в законную силу постановления СНК РСФСР от 15 мая с.г. об отводе в степной части Крымской АССР 40 000 десятин земли для переселения евреев из частей СССР вне Крыма, желательно и по политическим и по национально-бытовым и по хозяйственным соображениям те участки земли из выделенных еврейским коллективам от соворганов, которые остались свободными после удовлетворения нынешних еврейских коллективов по трудовым нормам, передать КомЗЕТу в счёт 32 000 десятин, согласно постановления СНК РСФСР от 15 мая 1925 года»[4]. На заседании, состоявшемся 15 мая 1925 г., СНК РСФСР принял постановление следующего содержания: «Обязать НКЗ КрССР передать в распоряжение КомЗЕТа не позже 1 июня 1925 года, в добавление к отчуждённым уже участкам в размере 8140 десятин, пригодных для земледелия, ещё 31 860 десятин удобной для полеводства земли в Джанкойском и Феодосийском районах Крымской АССР для заселения евреями из других частей СССР вне Крыма к 1 апреля 1926 года»[5].

Процесс переселения евреев и организация сельскохозяйственных колоний стали одним из направлений советской национальной политики 1920-х гг., в число приоритетов которой также вошла коренизация — многоплановое явление, предполагавшее решение вопросов развития той или иной национальной группы, создания национальных административно-территориальных единиц, развития национального образования. В отношении еврейского народа ставилась задача показать всему миру, что антисемитизма в СССР не существует и проблемы еврейского народа успешно решаются коммунистическим руководством. Советская национальная политика выступила альтернативой переселения в Палестину. Показательно выступление председателя СНК Власа Чубаря на IX съезде Советов УССР: «Имеем ли мы в виду создание еврейской республики? Этого вопроса мы ещё не ставили и его не рассматривали. Но было бы не худо, если бы мы сумели образовать отдельные еврейские районы или даже область. Разумеется, что в управление этой областью мы бы не посадили сионистов, которые обманули еврейские массы, зовут их в Палестину, где они хотят господствовать над еврейскими массами по указке Англии»[6].

Процесс переселения оказался неоднозначен и встретил политических оппонентов. В своём отчёте о проделанной работе за период с сентября 1924 по март 1925 гг. КомЗЕТ отметил, что «в Крыму дело землеустройства трудящихся евреев затормозилось вследствие того, что местные власти, которые участвовали в выработке плана КомЗЕТа и выразили было согласие на отвод 50000 десятин, в последний момент воспротивились заселению евреев из других частей Союза»[7]. Противостояние в вопросе о выделении земли стало явным на заседании КомЗЕТа 6 апреля 1925 г., состоявшемся по итогам поездки в Крым А. Мережина и А. Брагина. В резолютивной части отмечалось: «Считать действия крымского правительства в отношении созданных в Крыму за 1922–24 годы еврейских сельскохозяйственных коллективов не соответствующими национальной политике Советской власти и идущими вразрез с политикой соввласти в отношении землеустройства трудящихся евреев»[8].

Одной из главнейших задач в реализации мероприятий национальной политики Крымского представительства КомЗЕТа являлась разъяснительная работа с местным населением, формирование благоприятного климата вокруг переселения. В своём отчёте заместитель представителя КомЗЕТа для Крымской АССР Б.Н. Гринштейн отмечал, что

«с окружающим населением взаимоотношения начинают налаживаться в положительную сторону. Окружающее население в большинстве немецкое, бывшие состоятельные хозяева. Естественно, большой любви к пришлому еврейскому крестьянству у них быть не может, с одной стороны в силу же ещё не отжившей национальной вражды, а с другой более серьёзной стороны — нежелание примириться, что кто-то поселяется на землях, раньше им принадлежавших… У крестьян создалось мнение (в особенности у немцев), что евреям передадут всю землю и что якобы собираются организовать “еврейскую республику”. Мы при разговорах с крестьянами растолковываем им положение вещей, но они, видя в нас представителей организации, защищающей интересы еврейских крестьян, не всегда с доверием относятся к нашим разъяснениям»[9].

Крымское представительство КомЗЕТа играло роль посредника между органами власти и еврейскими переселенцами, оказывая последним помощь, значение которой сложно переоценить. До создания представительства в марте 1925 г. в Крымской АССР работало только крымское бюро ОРТ. Эта организационная структура оказывала крестьянам юридическую и агрономическую помощь. Агрономы и специалисты ОРТа заслужили уважение еврейских крестьян: «С коллективами у ОРТа установились самые тесные взаимоотношения, все свои дела артели не начинали без согласования с ОРТом и во всех возникавших недоразумениях внутри артели обращались за разрешением их к ОРТу»[10]. ОРТ был предшественником Крымского представительства КомЗЕТа: его работники стали сотрудниками представительства, к нему же перешла вся налаженная связь с сельскохозяйственными коллективами. К моменту создания Крымского представительства КомЗЕТа на полуострове насчитывалось 14 сельскохозяйственных коллективов, включавших 305 семей[11].

Первоначально Крымским представительством руководил Фридман, Б.Н. Гринштейн возглавил его в начале 1926 г. после отъезда предшественника. Работники Представительства понимали, что переселенцы фактически оказались в экстремальных условиях. В частности они отмечают, что «многое отпугивало переселенцев. Отсутствие жилищ и перспектива провести зиму в землянках, недостаток материальных средств у многих из них, совершенно новые непривычные условия жизни и деятельности — всё это поселяло тревогу и колебания. Крымское представительство в нашем лице всемерно старалось побе-

дить эти колебания и оказать действенную помощь переселенцам»[12]. Приоритетом работы Крымского представительства в 1926 г. стало смягчение последствий плохого урожая. Переселенцы 1925 и 1926 гг. получили семенную ссуду с отсрочкой возврата. Для проведения дифференцированного кредитования было создано сельскохозяйственное кредитное товарищество. Фактический урожай составил 30 пудов с десятины озимых вместо ожидавшихся 100. В 1926 г. Крымскому представительству КомЗЕТа было предоставлено 19 238 десятин в Джанкойском и 12 623 в Евпаторийском районах[13]. Представительство активно занималось строительством жилья: на крымских фондах в 1926 г. была завершена постройка 250 жилых домов. Дома строились трёх типов: дом типа «КомЗЕТ» размером 9,5 на 12 м, дома «Агро-Джойнта» были больше — 9,5 на 18 и 9,5 на 22 м, однако и стоили на 500 руб. дороже. Для степного безводного Крыма был разработан особый тип каркасных домов. Итоги работы Крымского представительства в 1926 г. выразились в закреплении 305 семей переселенцев (1708 чел.) и освоении 8320 десятин земли. Однако центральный КомЗЕТ планировал переселить 1000 семей, так что план был выполнен только на 30%. Площадь освоенной земли составила 20,8% от плана[14].

Несмотря на все трудности, переселенцы закреплялись на выделенных участках и вводили в хозяйственный оборот новые. Если в 1925 г. посевы озимых и яровых на еврейских переселенческих участках составили 4543 га, то к 1930 г. — уже 65 тыс. га только ярового клина. Совокупная же площадь обрабатываемой земли составила около 120 000 га[15]. Возросла и продуктивность хозяйств: в 1925 г. валовой сбор составил 283 355 пудов, а в 1929 г. — 1 033 650 пудов. Агрономы и работники Крымского представительства КомЗЕТа разработали комплекс практических мероприятий на 1930 г. На фондах КомЗЕТа совместными усилиями с Тракторoцентром предполагалось расширить парк трех МТС до 350 тракторов и таким образом перейти на машинную обработку земли. В Евпаторийском и Джанкойском районах собирались расширить площадь под виноградники до 700 га и огородов — до 500. Переселенцы снабжались коровами, которых закупали с помощью УкрКомЗЕТа. Однако в хозяйственное обустройство были внесены политические коррективы. Выбор формы организации обусловливался началом коллективизации: «Одной из важнейших задач КомЗЕТа является недопустимость развития этого хозяйства по пути индивидуально-собственническому, энергично толкать его на развитие по пути

сплошной коллективизации»[16]. Однако, если до 1929 г. Крымское представительство КомЗЕТа самостоятельно проводило землеустроительные работы, то в дальнейшем эта функция была передана Народному комиссариату земледелия Крымской АССР. Для развития коллективных форм Крымское представительство КОМЗЕТ проводило переселение на строго плановой основе, запретив переселяться самостоятельно, как в 1923–1924 гг. В процессе организации партий переселенцев подбирался сугубо бедняцкий контингент, более половины составляли переселенцы первой категории — бедняки, не имевшие никакой собственности и получавшие подъёмные по 10 руб. на члена семьи. Эти люди полностью зависели от власти, материально их содержавшей. Было запрещено кредитовать индивидуальные хозяйства, а кредиты через организованные финансовые товарищества получали только коллективные аграрные объединения. К 1 октября 1929 г. на переселенческих участках насчитывалось три коммуны, три артели и 42 товарищества по совместной обработке земли. Через год насчитывалось уже четыре коммуны, 72 артели и 16 товариществ по совместной обработке земли[17].

Крымское представительство приняло активное участие в создании национальных еврейских сельских советов. Сельсоветы становились дополнительной организационной структурой, решавшей вопросы евреев-переселенцев. В 1929 г. было создано 16 еврейских национальных сельских советов в Джанкойском районе, 9 в Евпаторийском и один — в Симферопольском районе[18]. Сельские советы становились институтами «коммунизирования» еврейской бедноты. В руководство совета подбирались коммунисты и еврейская молодёжь — комсомольцы.

«Год великого перелома» сказался на деятельности и судьбах работников Крымского представительства КомЗЕТа. В декабре 1928 г. ход переселения проверила комиссия ВЦИК под руководством Досова, затем последовала комиссия НК РКИ Крымской АССР. Организационные выводы не заставили себя ожидать: «Руководящий аппарат КрымКомЗЕТа был обновлён и коммунизирован на 100% (назначен новый представитель КомЗЕТа для Крымской АССР, заменены заместители по Джанкойскому и Евпаторийскому районах — раньше беспартийные, теперь — партийцы). Обновление аппарата КомЗЕТа и замена уполномоченных на местах коммунистами создали условия для большей увязки всей работы КомЗЕТа со всей системой местных организаций»[19]. Представителем КомЗЕТа для Крымской АССР стал А.Г. Темкин.

Привлёк внимание и вызвал вмешательство Крымского представительства и процесс коллективизации, сопровождавшийся так называемыми «перегибами». В резолюции по докладу Крымского представительства КомЗЕТа «О еврейской переселенческой работе в Крымской АССР», утверждённой Нацменкомиссией при Президиуме ЦИК автономии, отмечалось: «Считаем необходимым приложить все усилия к тому чтобы допущенные в отношении переселенцев перегибы были немедленно исправлены, чтобы имущество переселенцев переброшенное на другие производственные участки колхозам-гигантам без разрешения КомЗЕТа и кредитных организаций, немедленно было бы возвращено переселенческим посёлкам»[20]. 31 марта 1930 г. крымский областной комитет ВКП(б) принял специальное постановление «О колхозном строительстве среди бедняцко-середняцких масс». Документ регулировал преобразование СОЗов в еврейские колхозы. Одним из самых сложных и противоречивых был вопрос о социальной структуре в еврейских деревнях. Подавляющая часть переселенцев относилась к первой категории и была очень бедна. Поэтому в еврейских национальных сельских советах небезосновательно говорили об отсутствии кулачества. Переселенцы были объединены схожим материальным состоянием. Однако кампания коллективизации требовала выделения «врагов батрачества». В своём постановлении «О состоянии и работе еврейских национальных сельских советов в Джанкойском районе» Президиум ЦИК Крымской АССР отмечал, что «вследствие недостаточного руководства… КрымКомЗЕТа отсутствует ярко выраженная форма классового расслоения еврейской деревни, несмотря на наличие классовой борьбы, отсюда ряд фактов искривления классовой линии»[21].

Таким образом, Крымское представительство КомЗЕТа сыграло огромнейшую роль в деле переселения евреев в Крым. Оно выступило важнейшей и подчас единственной структурой, отстаивавшей интересы переселенцев, помогая им обустроиться в экстремальных условиях степного Крыма. С учётом специфики взаимоотношений с крымскими органами власти важнейшей функцией представительства была политическая.

Примечания

[1] Государственный архив Автономной Республики Крым (далее — ГААРК). Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 1. Л. 257.

[2] Там же. Д. 7. Л. 8.

[3] Там же. Д. 1. Л. 16.

[4] Там же. Л. 162.
[5] Там же. Л. 220.
[6] Эмес. 1925. 15 мая. № 109.
[7] ГААРК. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 1. Л. 257.
[8] Там же. Л. 261.
[9] Там же. Д. 4. Л.142 об.
[10] Там же. Д.7. Л. 8 об.
[11] Там же. Л. 9.
[12] Там же. Д. 19. Л. 28.
[13] Там же. Л. 31.
[14] Там же. Л. 43.
[15] Там же. Д. 147. Л. 8.
[16] Там же. Л. 9.
[17] Там же.
[18] Там же. Л. 9 об.
[19] Там же. Л. 42.
[20] Там же. Л. 65.
[21] Там же. Л. 99.

Ольга Щука
(Гродно)

КОНСЕРВАТИВНО-РЕЛИГИОЗНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1926–1939 гг.): ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Консервативно-религиозное направление еврейского общественно-политического движения в Западной Беларуси было представлено партией *Агудас Исроэл* («Агудат Исраэль», «Союз Израиля»), созданной во время съезда в Катовицах в 1912 г. Согласно партийной идеологии, понятие «еврейская нация» считалось второстепенным по сравнению с «еврейской религией», которая «являлась основой интеллектуальной сущности евреев всего мира»[1]. Члены партии полагали, что евреи будут жить в диаспоре в согласии с окружающими народами до тех пор, пока Мессия не укажет им путь в Палестину. Характерной чертой *Агудас Исроэл* было стремление поддерживать хорошие отношения с любой властью[2].

Главными целями *Агудас Исроэл* стали защита религиозных прав и экономических интересов евреев, поддержка религиозного ортодоксального образования, создание еврейской общины в Палестине. Деятельность партии была направлена на укрепление основ еврейской религии, организацию и субсидирование религиозных школ (хедеров, иешив, семинарий и др.). Большое внимание *Агудас Исроэл* уделяла благотворительности, созданию кооперативных товариществ, а также организации в Палестине сельскохозяйственных поселений для ортодоксальных евреев[3]. Вместе с тем следует отметить, что данная партия имела отличную от сионистской концепцию: дело эмиграции евреев в Палестину она считала второстепенным по сравнению с насущными проблемами еврейского народа в странах его проживания[4].

В Польше высшей инстанцией *Агудас Исроэл* стал общий съезд, который выбирал Высший совет (100 человек), Центральный и Исполнительный Комитеты. Последний институт занимался культурно-религиозными, организационными, пропагандистскими, экономическими и финансовыми вопросами, брал на себя меры по достижению религиозного единства, проведение партийных съездов, а также проведение пропагандистской работы.

Устав партии свидетельствовал о наличии достаточно четкой организационной основы. Существовали провинциальные отделы[5], активно действовали местные отделения и избранные ими исполнительные комитеты. Среди руководителей и лидеров Агудас Исроэл выделялись раввины: Х.О. Гродненский, А. Левин, М. Шапиро[6]. Среди известных деятелей организации были также представители купечества и промышленности: Э. Киршбраун, Л. Минсберг, Я. Трокенхейм, И. Фридман[7]. Председателем партии в рассматриваемое нами время был раввин А.М. Альтер, вице-председателями — М.И. Лейнер и З. Моргенштерн[8].

Для распространения влияния среди еврейских масс *Агудас Исроэл* основала ряд вспомогательных организаций: среди рабочих — *Поалей Агудас Исроэл* (Союз ортодоксальных рабочих); женщин и девушек — *Бнойс Агудас Исроэл* (Союз ортодоксальных женщин); молодежи — *Цеирей Агудас Исроэл* (Союз ортодоксальной молодежи); существовал также ряд религиозных полупрофессиональных организаций — «Союз раввинов», «Союз меламедов» (Союз учителей еврейских религиозных начальных школ), «Шомрей Шабас» («Стражи шабата») — организация, которая должна был следить за правильным соблюдением субботы и других религиозных предписаний[9]. Партия также проводила публичные мероприятия, устраивала спектакли на религиозные темы, издавала газеты и выпускала поэтические сборники, а также оплачивала выезды партийных функционеров на периферию[10].

В 20-е гг. XX в. отделения *Агудас Исроэл* в Западной Беларуси не проявляли большой политической активности. Подчеркивая свою лояльность к польскому государству, они тем не менее по отдельным вопросам критически относились к правительственной политике[11].

Во время выборов в местные органы самоуправления в западнобелорусском регионе *Агудас Исроэл* встретила поддержку со стороны властей, что значительно облегчило ее борьбу с сионистами[12]. В вопросах государственной политики партия требовала осуществления

полного равноправия на основе Конституции 1921 г., а также того, чтобы еврейские общины сохраняли религиозный характер[13]. По политическим и хозяйственным вопросам *Агудас Исроэль* нередко солидаризировалась с другими еврейскими и национальными партиями, однако по общекультурным и религиозным вопросам партия занимала отличные от сионистов и фолькистов позиции[14].

В конце 1920-х и начале 30-х гг. в условиях мирового экономического кризиса внутри партии *Агудас Исроэл* обнаружились некоторые противоречия, в первую очередь по тактическим вопросам[15]. Особенно ярко это проявилось во время парламентских выборов в 1928 и 1930 гг. *Агудас Исроэл* тогда была важнейшей силой в блоке, к которому принадлежали различные еврейские купеческие и ремесленные организации, а также часть фолькистов. В этот период программными установками *Агудас Исроэл* оставались защита частной собственности и религиозных интересов еврейского народа в экономической сфере, требование свободы хозяйственной деятельности[16]. Между тем все больше внимания партия стала уделять палестинскому вопросу, поддерживала идею эмиграции, тем самым консолидировалась с сионистской программой создания еврейского государства в Палестине.

К концу 1926 г. в Польше *Агудас Исраэль* насчитывала 320 легально зарегистрированных отделов и более 100 филиалов[17]. На территории Западной Беларуси отделения партии действовали в Новогрудском воеводстве — в Барановичах, Слониме и Клецке и объединяли около 600 членов[18]. Клецкий отдел насчитывал 100 членов. Его возглавлял Х. Пимштейн, секретарем был Н. Меламет, а казначеем — М. Гаузель. Организация проводила праздничные мероприятия, собрания, заботилась о религиозных школах: школе раввинов и духовной семинарии[19]. В Полесском воеводстве *Агудас Исроэл* имела свои комитеты в Столинском, Пинском, Лунинецком и Брестском поветах. Однако здесь по сравнению с другими еврейскими партиями она не пользовалась большим влиянием, так как не проводила активной работы среди населения[20].

В отчетах гродненского комиссариата государственной полиции, относящихся ко второй половине 1920-х годов, встречаются сведения о существовании на территории Белостокского воеводства сети еврейских ортодоксальных организаций, в том числе и *Агудас Исроэл*[21], но конкретных фактов о деятельности этой партии архивные материалы не содержат. Можно говорить о некотором участии этой партии в по-

литической жизни Виленского воеводства. Здесь ее активистами издавалась еженедельная газета «Слово»[22], в которой публиковались материалы о тяжелом экономическом положении евреев, о работе религиозных школ.

В начале 1930-х гг. в Полесском воеводстве *Агудас Исроэл* имела 6 отделов: в Бресте, Домачево, Кобрине, Жабинке, Пинске и Любишове, с общим количеством зарегистрированных членов 353 человека. Наиболее яркими представителями данной партии в Полесском регионе в это время являлись раввин М. Перлов из Столина и раввин Соловейчик из Бреста. Партийными активистами были З. Зингман (Пинск) и Э. Кронжек (Брест)[23]. В Виленском воеводстве организация имела свои отделения в Вильно, Молодечно, Радошковичах и Браславе[24]. В июне–июле 1933 г. *Агудас Исроэл* на территории Новогрудского воеводства провела ряд лекций, которые собирали несколько сотен человек: одну в Барановичском (200 человек), две в Слонимском (450 человек) и одну в Новогрудском поветах (97 человек)[25].

В 1933 г. на страницах местной периодической печати лидерами *Агудас Исроэл* поднимались многие проблемы, одной из которых была ситуация вокруг выборов в местные органы управления. В номерах газеты «Baranowiczer-Woch» («Барановичская неделя») за 15 и 22 декабря 1933 г. были опубликованы статьи, посвященные созданию единого списка кандидатов. Авторы выражали надежду, что итоги выборов будут соответствовать следующим критериям: независимость еврейской политики и солидарное еврейское представительство[26].

На территории Западной Беларуси *Агудас Исроэл* вела организационную и пропагандистскую работу, о чем свидетельствуют архивные материалы. Так, в марте 1934 г. партия создала свою первичную организацию в местечке Мовчадь Барановичского повета[27]. Вместе с тем деятельность организации носила узконаправленный религиозный характер, что не могло не отразиться на масштабах ее социальной базы в западнобелорусском регионе. Она имела влияние среди той части еврейской общественности, которая строго соблюдала религиозные предписания.

Первичные организации *Агудас Исроэл* существовали в 1934–1939 гг. в Вильно, Молодечненском, Поставском, Браславском поветах Виленского воеводства[28]. Отделения партии также продолжали функционировать в Столинском, Лунинецком, Брестском поветах Полесского воеводства[29].

В 1934 г. партия проявила заметную активность. Так, в апреле 1934 г. в Слониме прошел трехдневный съезд делегатов *Агудас Исроэл* в связи с годовщиной смерти бывшего руководителя этой организации раввина А. Вайнберга. На съезде присутствовало 444 делегата из разных районов Польши[30]. Делегаты съезда кроме «палестинского» вопроса обсуждали проблему создания блока с другими организациями с целью участия в выборах в местные органы управления. Они также отмечали спад активности работы среди еврейского населения на территории Белостокского воеводства. Примечательно, что такая ситуация в регионе сохранялась и в последующие годы[31]. В конце апреля 1934 г. состоялась окружная конференция отделений *Агудас Исроэл* в Барановичском повете. Она была посвящена палестинскому вопросу[32]. В начале мая в Ляховичах прошел слет членов организации, на котором присутствовали 150 человек из Клецка и 50 человек из Баранович. Основной доклад делала С. Карелицкая, которая акцентировала внимание на вопросе: как оставаться религиозным евреем в современном мире и как сохранить свою религию[33]. 12–14 августа 1934 г. в Вильно состоялся съезд религиозных еврейских организаций, в котором партия также приняла участие, отправив делегатов из западнобелорусского региона[34].

Во второй половине 1930-х гг. для *Агудас Исроэл* весьма актуальной стал вопрос об участии в местных органах власти. Так, например, варшавский журнал «Cajt» («Время») от 1 августа 1938 г. (№ 208) в статье «Избирательное единство в местную раду» писал: «В организации *Агудас Исроэл* уже начались споры по вопросу выборов в местные рады. На заседании Исполнительного комитета *Агудас Исроэл*, специально собранном в связи с выборами, начались острые дискуссии, в результате которых сенатор Я. Трокенхейм в знак протеста против атакующей его ортодоксальной молодежи покинул заседание. После споров о том, что сама партия не имеет достаточной силы для того, чтобы участвовать в выборах, была создана специальная комиссия, которая должна была договориться с другими еврейскими политическими партиями по вопросу создания единого избирательного блока»[35]. Это свидетельствовало о том, что в конце 30-х гг. XX в. в рядах *Агудас Исроэл* начались весьма серьезные противоречия по тактическим вопросам.

Таким образом, в своей работе *Агудас Исроэл* использовала разнообразные формы и методы деятельности среди еврейского населения

Западной Беларуси: лекции, съезды, собрания, выступление докладчиков, субсидирование религиозных учреждений образования, организация и проведение спектаклей и другие мероприятия. Тем не менее *Агудат Исроэл* имела довольно узконаправленный религиозный характер, что нашло отражение в относительно слабой поддержке, которую оказывало партии еврейское население западнобелорусского региона.

Примечания

[1] Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). Zesp. 1183. Sygn. 976/53. S. 15.

[2] *Рудницкий Ш.* Отношение евреев к восстановлению независимости Польши // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноеврейского еврейства / Отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2005. С. 168.

[3] AAN. Zesp, 1183. Sygn, 976/53. S. 15.

[4] *Свирид А.Н.* Еврейская ортодоксальная партия «Агудат Израэль» и еврейское политическое движение во II Речи Посполитой (1919–1939 гг.) // Моладзь Берасцейшчыны: зб. студэн. навук. прац. Брэст, 1995. С. 34.

[5] *Holzer J.* Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1974. S 262.

[6] AAN. Zesp. 1183. Sygn 976/53. S. 15.

[7] AAN. Zesp. 1182. Sygn. 978/11. S. 23.

[8] *Свирид А.*Н. Еврейская ортодоксальная партия «Агудас Исраэль» в социально-политическом движении Западной Беларуси // Евреи Беларуси: история и культура. Сб. науч. трудов. Минск, 1997, Вып. 1. С. 62.

[9] Żydzi w Polsce odrodzonej. Działalność społeczna, gospodarcza, oświatowa i kulturalna. W 2 cz. / Pod red. I. Schipera, A. Tartakowera, A. Hafftki. Warszawa, 1932. Cz. 2. S. 257.

[10] *Holzer J.* Mozaika polityczna. S. 564.

[11] *Bacon G.C.* The politics of tradition. Agudat Yisrael in Poland, 1916–1939. Jerusalem, 1996. S. 257–258.

[12] *Tomaszewski J.* Zarys dziejów Żydów w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1990. S. 77–78.

[13] Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 546. Оп. 1. Д. 21. S. 8.

[14] ГАГО. Ф. 662. Оп. 3. Д. 38. Л. 187.

[15] Sprawy narodowościowe. 1929. № 2. S. 287.

[16] ГАГО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

[17] Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 2145. Л. 26.

[18] ГАГО. Ф. 662. Оп. 3. Д. 38. Л. 187.

[19] ГАГО. Ф. 546. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

[20] ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 42. Л. 16.

[21] ГАГО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 281.

[22] ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2145. Л. 26.
[23] AAN. Zesp. 1183. Sygn. 976/53. S. 26.
[24] AAN. Zesp. 1182. Sygn. 978/11. S. 50.
[25] ГАГО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 13. Л. 31.
[26] ГАБО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 865. Л. 19.
[27] ГАГО. Ф. 546. Оп. 1. Д. 21. Л. 131.
[28] AAN. Zesp. 1182. Sygn. 978/11. S. 50.
[29] ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1265. Л. 30.
[30] ГАГО. Ф. 662. Оп. 3. Д. 38. Л. 192.
[31] ГАГО. Ф. 551. Оп. 1. Д. 1105. Л. 48.
[32] ГАГО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 178. Л. 12.
[33] ГАГО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 178. Л. 21.
[34] ГАГО. Ф. 551. Оп. 1. Д. 1211. Л. 140.
[35] ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1487. Л. 63.

Ирина Волошинова
(Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СССР В 1920-е — 1930-е гг.

Одной из первоочередных задач советской власти в области аграрной политики было землеустройство, главным образом безземельных крестьян. Проблема усугублялась аграрным перенаселением в европейской России. К тому же в результате мировой, а затем Гражданской войны и иностранной интервенции многие ранее обрабатываемые поля запустели, большие площади пашни перешли в перелоги и залежи, посевная площадь резко сократилась.

В первые трудные годы становления советской власти, когда ощущалась острая нехватка продовольствия, восстановление довоенных посевных площадей приобрело особую остроту и актуальность. Одновременно принимались меры и по освоению богатейшего резерва неиспользуемых земель. Ранее организация переселения крестьян на пустующие угодья была направлена на удовлетворение нужд и запросов той части крестьянства, которая длительное время не имела возможности улучшить свое положение и стремилась так или иначе овладеть свободными землями. После Октябрьской революции Переселенческое Управление не прекратило своей работы, однако из-за нестабильной обстановки в стране и общей неясности в переселенческом вопросе отношение к переселению у новой власти было неопределенным. Переселенческое движение этого времени регулировалось декретами, разрешавшими или запрещающими переселение в те или иные районы[1]. Учитывая трудности перевозкой переселенцев и их земельного устройства, которые были довольно трудоемкими и дорогостоящими мероприятиями, земельные и переселенческие организации при-

нимали меры к сокращению масштабов и регулированию переселенческого движения.

Одним из первых постановлений советской власти по вопросам переселения было изданное в марте 1918 г. циркулярное обращение к Советам с призывом к временному «удержанию» переселений за Урал, поскольку «земля отныне и навсегда стала вольной и всенародной», рекомендовалось обратить внимание на расселение внутри европейской России, уделяя особенное внимание Северу.

Оценивая в целом переселенческие мероприятия, которые проводились до начала планового переселения, заведующий Переселенческим Отделом Наркомзема РСФСР М.А. Большаков отмечал, что, «отбросив в сторону колонизационную политику дореволюционного периода, как негодную и несовместимую с принципами Советской власти, революция не создала взамен никакой новой». Период 1918–1922 гг. им охарактеризован как «колонизационное безвременье»[2].

Тем не менее за это время было сделано несколько важных шагов для формирования государственной переселенческой политики:

1) В отличие от прежней переселенческой политики, допускавшей свободное переселение из любых областей и предусматривавшей участие самого переселяющегося в расходах и рисках переселения, закон «О социализации» (январь 1918 г.) все бремя регулирования переселения возлагал на государство, оставляя за переселяющимися только желание и участие в нем[3].

2) В мае 1919 г. была проведена частичная реорганизация центральных переселенческих учреждений. Бывшее Переселенческое Управление с соответственным сокращением функций вошло в Центральный Отдел Землеустройства НКЗ. Прежние многочисленные обязанности переселенческой организации были распределены по другим наркоматам и ведомствам (НКВД, НКПС, Наркомтруд, Наркомздрав и др.).

3) Новая экономическая политика, стабилизировавшая аграрные отношения, создала необходимые предпосылки для проведения колонизационных мероприятий в их новой трактовке. Поскольку аграрный вопрос в России был определяющим фактором социально-экономической жизни для 82 % населения страны, то переселенческие органы в зависимости от степени заинтересованности государства в заселении той или иной территории и от степени трудности освоения издавали гибкие правила денежной и материальной помощи переселенцам. Колонизационно-переселенческие мероприятия начинались с момента

выхода переселенца с его прежнего местожительства (ликвидация хозяйства) и кончались его устройством на новом месте. Законодательно это было отражено в статьях Земельного Кодекса, хотя детальной разработки переселенческий вопрос в Кодексе в период его принятия (октябрь 1922 г.) не получил, так как для открытия планового переселения в то время еще не было создано соответствующих условий[4].

После революции плановые задачи изменения географии размещения промышленности с учетом источников сырья, топлива, продовольствия, рабочей силы, путей сообщения предусматривались уже в плане ГОЭЛРО. «Нельзя не предвидеть, — указывалось в нем, — что рационализация нашей промышленности будет сопровождаться значительным географическим перемещением по стране, в целях возможного приближения обрабатывающей промышленности к основным источникам сырья и топлива или по соображениям общественного ее характера»[5].

4) Поскольку стихийно возрождавшееся переселенческое движение все в большей степени приобретало общесоюзное значение, то для изучения проблем колонизации и переселения в апреле 1922 г. был образован Государственный Колонизационный научно-исследовательский институт (Госколонит), (с 1926 г. Государственный научно-исследовательский институт Землеустройства и Переселения), который занимался изучением экономики колонизации и переселений, колонизационно-миграционных процессов за границей, колонизационного законодательства; естественно-научными исследованиями земельного фонда, вопросами сельскохозяйственной и промышленной колонизации, развития путей сообщения, землеустройства, оценки и организации государственных земельных имуществ. Одной из главных проблем, которой занимался Госколонит и другие ведомства, была проблема избыточного труда в сельском хозяйстве[6].

5) Необходимость регулирования стихийного переселения и потребность в перераспределении трудовых ресурсов послужили причиной создания в 1925 г. Всесоюзного Переселенческого Комитета при ЦИК СССР и начала планового переселения.

В результате исследований Госколонита Всесоюзным Переселенческим Комитетом и НКЗ РСФСР на основании заявок с мест была определен план по переселению за Урал: за десять лет с 1925 по 1935 г. численность переселенцев предполагалось довести до 5,2 млн. чел. Особым аспектом переселенческих мероприятий советской власти было еврейское переселение и землеустройство.

В период с 1920-х до середины 1930-х гг. государственная политика по отношению к еврейскому населению характеризовалась наиболее радикальными изменениями по сравнению с политикой царизма, направленной на ограничение прав евреев[7]. Основные результаты решения «еврейского вопроса» в Советской России были значительны: евреям предоставлялись политические права и свободы, были сняты все ограничения в получении евреями высшего образования. Одновременно советская власть пыталась решить проблему избытка рабочих рук в бывшей черте оседлости и сопутствующей ему нищеты путем наделения евреев землей и приобщения их к сельскохозяйственному труду.

Впервые в Советской России вопрос о привлечении евреев к земледелию был поставлен на обсуждение на I конференции еврейских секций при РКП уже в 1919 г. по инициативе наркома существовавшего тогда Центрального Комиссариата по еврейским национальным делам С. Диманштейна. Еврейский комиссариат предпринял ряд мер по распространению этой идеи среди еврейского населения, приступил к его специальному экономическому обследованию, поставил вопрос на обсуждение Коллегии Наркомзема, но начавшаяся гражданская война прервала реализацию идеи. Снова вопрос о привлечении евреев к земледелию стал обсуждаться после голода 1921-1922 гг. Уже весной 1923 г. стали организовываться группы евреев из городов и местечек, решивших переселиться в южные районы Украины. Вскоре это движение охватило все западные и юго-западные губернии страны. Началось стихийное переселенческое движение евреев. Первые еврейские переселенцы стали размещаться на землях бывших еврейских земледельческих колоний на Украине, в Белоруссии и в Крыму[8].

Переселение евреев и их землеустройство представляло определенную сложность, поскольку «исторические условия существования сделали из них специфически неземледельческое население»[9]. С учетом политической значимости решения еврейского вопроса советское правительство приняло ряд мер по землеустройству евреев. Всесоюзное руководство землеустройством евреев в СССР возглавили М.И. Калинин и П.Г. Смидович. Решения местных органов Белоруссии и Украины получили свое завершение в постановлении Президиума ЦИКа СССР от 29 августа 1924 г., согласно которому образовался Комитет по землеустройству трудящихся евреев (КомЗЕТ). С этого времени еврейское землеустройство становилось государственным делом. КомЗЕТ руководил, регулировал и контролировал работу по земельно-

му устройству; проводил соответствующие регистрации и переписи, ходатайствовал о выделении земельных фондов и денежных ассигнований; согласовывал все правительственные мероприятия в данной области и направлял ход работ на местах выхода и поселений[10].

Еврейское переселение нельзя было уподоблять переселению русских или украинцев, которые были крестьянами и издавна занимались земледелием. Поэтому еврейская общественность создала общество содействия и помощи еврейскому переселенчеству «Общество земельного устройства евреев» (ОЗЕТ), в задачи которого входило устройство переселенцев и снабжение их инвентарем; агрономический и технико--строительный инструктаж переселенцев; юридическое, медико-санитарное обслуживание; выработка и проверка типов еврейского земледельческого хозяйства; обследование земельных фондов; обследование переселенческого контингента и состояния переселенческого дела на местах. ОЗЕТ имело свои организации во всех республиках страны.

В целях широкой пропаганды приобщения евреев к сельскохозяйственному труду ОЗЕТ только за 1925–1927 гг. издало и распространило 97 тыс. книг и брошюр, с марта 1927 г. стала ежемесячно выходить «Трибуна еврейской советской общественности»[11]. В 1925–1926 гг. вышли специально посвященные этому вопросу два сборника «Еврейский крестьянин», где были представлены результаты переселения и землеустройства евреев за 1924–1926 гг., приведены итоги регистрации еврейского населения, желающего перейти к земледельческому труду; дана характеристика мест поселений евреев по округам; рассмотрено имущественное положение переселенцев; составлена хроника деятельности ОЗЕТа[12].

Данные о численности переселенцев, районах выхода и местах поселений ежегодно публиковались в отчетах деятельности Еврейского Колонизационного Общества[13], которое подводило итоги финансовых затрат на организацию еврейского переселения. Только за 1923–1924 гг. в еврейских колониях осело 3 369 чел., а к началу 1925 г. в Херсонском округе, Николаевском, Зиновьевском, Криворожском и Мариупольском округах уже было 36 колоний с населением 36 886 чел. 90 % всего населения колоний занималось земледелием[14]. В 1925 г. для землеустройства евреев в разных районах СССР было отведено 89 094 десятин земли. Эти земли были почти сразу вовлечены в хозяйственный оборот. Норма наделения землей для каждого района была установлена своя: в Херсонщине — 15 десятин на семью, в Криворожье — 12,

в Одесском округе — 14, в Крыму около 25 десятин[15]. Как положительные стороны еврейского переселенческого хозяйства отмечались многополье, глубокая тракторная вспашка, виноградарство и выращивание табака. В печати указывались и ошибки, допущенные в первые годы переселенчества — строительство дорогих домов и требование коллективизации хозяйств переселенцев[16], — по выражению зам. Председателя КомЗЕТа А.Н. Мережина, «вчерашнего торговца, лавочника, который в течение всей своей жизни был носителем эгоистичнейшего индивидуализма»[17].

С учетом политической значимости решения еврейского вопроса в дальнейшем Советское правительство провело целый комплекс мероприятий по землеустройству евреев[18]. В литературе, освещающей вопросы еврейского переселения, указываются источники его финансирования и подсчитываются затраты. Особенностью еврейского переселения и землеустройства было то, что они в значительной степени финансировались еврейскими общественными организациями — ЕКО, ОРТ, а также и заграничными — «Агро-Джойнт», «Джойнт»[19], «ИКОР» (США)[20], «ПРОКОР» (Аргентина), «АГРО» (Палестина)[21], в то время как в РСФСР разрешение на переселение давалось только тем, кто располагал собственными средствами[22].

Кроме результатов еврейских переселенческих мероприятий в печати тех лет нашло отражение и отношение к еврейскому переселению и землеустройству за рубежом[23]. По инициативе еврейской общественной организации «Джойнт» в г. Филадельфии (штат Пенсильвания) 12 сентября 1925 г. прошла конференция, где решался вопрос о помощи еврейскому переселенчеству в СССР. Основной задачей конференции было не столько обеспечение успеха денежных сборов, сколько принципиальное решение вопроса о том, должно ли американское еврейство стремиться к широкому развитию еврейского земледелия в СССР или ограничиться только реконструктивной помощью пострадавшему еврейскому населению бывшей черты оседлости, а главное внимание сосредоточить на «исторической задаче» колонизации Палестины. Противники еврейского земельного устройства в СССР приводили в качестве аргумента «этику»: дело это безнравственное, поскольку евреев наделяют землей, насильственно отобранной у ее законных владельцев.

В связи с этим интересен эпизод, нашедший отражение в номере от 11 июля 1926 г. «Известий ВЦИК», где было опубликовано письмо

М.И. Калинину от В. Овчинникова, обратившегося с вопросом: «Чем заслужили евреи такое внимание, что им разрешено селиться в Крыму, а нам отказали и предложили переселиться в Сибирь?» М.И. Калинин ответил, что «евреи в СССР не являются пришлым элементом, численность их составляет почти 3 млн., и это единственный народ, не получивший автономии»[24]. Касаясь характеристики Крыма как места для переселения, М.И. Калинин указал на отсутствие воды, поэтому на участках приходилось делать только глубокие шахтные колодцы. На каждую десятину земли, таким образом, приходилось 200 руб. Евреями эта сумма собиралась за границей. Кроме того, еврейское население получило всего 2,5 % от всей площади свободных земель[25].

В 1925–1933 гг. евреев переселяли в южные районы Украины, расположенные вблизи бывших 38 еврейских сельскохозяйственных колоний, и в северные районы Крыма. Политические мотивы побудили советское правительство в марте 1928 г. открыть плановое переселение евреев из западных районов СССР на Дальний Восток. Кроме того, запас пригодных для колонизации земель в Крыму заканчивался, и КомЗЕТ занимался поисками компактной территории, на которую было бы возможно переселить еврейскую бедноту. В 1927 г. две экспедиции обследовали Приазовские плавни (на берегу Азовского моря) и Биробиджанский район. Заслушав сообщения экспедиции, обследовавшей Биробиджанский район, КомЗЕТ пришел к заключению о необходимости закрепления за собой этого района для переселения еврейской бедноты. В июне–августе 1927 г. там работала обследовательская комиссия, а уже в апреле 1928 г. прибыли первые евреи-переселенцы[26].

Предполагаемое переселение в Биробиджан вызвало споры среди работающих в области еврейского переселенческого дела[27]. Первым против переселения евреев в Биробиджан открыто выступил председатель ОЗЕТа Ю. Ларин, поместив статью в журнале «На аграрном фронте», в которой были собраны все его возражения. Главным аргументом против переселения евреев в Биробиджан была необходимость вложения государственных средств, тогда как при переселении евреев в Крым наиболее значительным было участие еврейских общественных организаций[28]. Высказывались сомнения и другого плана: «Могут ли евреи работать на земле»; «Годится ли для этого климат Биробиджанского района»? Многие считали его неподходящим для земледелия (вечная мерзлота, длительная зима, глубина снежного покрова, гнус и т.д.). Еврейские общественные организации не желали вкладывать

свои средства в Биробиджан, так как считали это мероприятие дорогим и рискованным.

С целью популяризовать идею переселения евреев в Биробиджан в 1929 г. вышел сборник статей ленинградских профессоров «О Биробиджане», где в предисловии было сказано, что «своим происхождением эта книга обязана сомнениям, с которыми была встречена частью еврейской общественности идея о заселении Биробиджанского района»[29]. Авторы сборника В.П. Вощинин, Н.И. Прохоров, С.А. Советов, А.Н. Криштофович называли себя сторонниками организационного подхода к осуществлению Биробиджанской проблемы. В статьях дается характеристика района в геологическом отношении, анализируются особенности климата, но сборник полностью не раскрывает проблемы переселения в Биробиджан.

За переселение высказывался заместитель председателя КомЗЕТа А.Н. Мережин[30], доказывая, что Биробиджан является районом больших возможностей, пригоден для земледелия и в будущем для промышленности. Более откровенен был А.В. Луначарский: «Вы будете жить среди скал и льдов, в плохом климате, но на той почве, которая при трудолюбии и умении может действительно превратиться в сад». Своим высказыванием «еврейство становится крестьянским, еврейство становится пролетарским, еврейство постепенно перемещается из прежнего своего беспорядочного, нелепого, исключительного образа жизни в сторону жизни всего нашего трудового населения» А.В. Луначарский несколько переоценивал результаты еврейского переселения и землеустройства[31]. На деле переселение евреев в Биробиджан не получило широкого размаха. Из-за тяжелых условий из 20 тыс. переселенцев, прибывших в Биробиджан в первые пять лет, 60% вскоре покинули район. 7 мая 1934 г. на политической карте СССР появилась Еврейская автономная область в составе Дальневосточного края, население которой составляло 7 тыс. чел. За последующие два с половиной года еврейское население области увеличилось до 23 тыс. чел. В областном центре — Биробиджане — число жителей составляло 19 тыс., 60% из них были евреями[32].

Со времени закрепления за КомЗЕТом этого района (1928 г.) и до создания Еврейской автономной области (1934 г.) произошли существенные сдвиги в экономике страны. Если в 1928 г. недостаток земельного фонда и избыточное еврейское население численностью более полумиллиона человек вынуждали к поиску территории, на которую

могли бы переселиться евреи, то индустриализация страны значительно уменьшила контингент лиц, подлежащий переселению.

Ленинградский ОЗЕТ, созданный для поддержки переселенческого дела и еврейского землеустройства, являлся самой массовой еврейской организацией, в которой в 1929 г. числился каждый тринадцатый ленинградский еврей. Но в его деятельности преобладал культурно-просветительский и агитационный аспекты: организовывались митинги, собирались деньги для переселенцев. ЛенОЗЕТом были созданы еврейские сельскохозяйственные поселения в Ленинградской области, которые в дальнейшем оказались в критическом состоянии. В связи с переориентацией на переселение евреев в Биробиджан ЛенОЗЕТ пытался агитировать за переселение в эту область, но в начале 1930 г. только 8 ленинградцев согласились туда уехать. ЛенОЗЕТ предпочел сконцентрироваться на идеологическом воспитании, избегая реальной работы по землеустройству[33].

В 1936–1937 гг. почти все активисты КомЗЕТа были репрессированы. Деятельность еврейских общественных организаций была определена как буржуазно-националистическая[34].

На сегодняшний день оценка землеустройства и переселения еврейского населения в исторических исследованиях неоднозначна: некоторые авторы считают, что евреи в СССР в 1920–1930-е гг. не переселялись, а были депортированы. Например, Н.Ф. Бугай полагает, что хотя в предвоенное время специальных постановлений правительства по депортации евреев не принималось, переселение их в принудительном порядке проводилось наряду с другими гражданами. В качестве примера он приводит депортацию из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г. польских осадников[35] и беженцев, среди которых было значительное число евреев[36]. В.С. Парсаданова напротив, указывает, что депортации польского населения в 1939 г. были направлены на разрушение старого буржуазного аппарата и носили не национальный, а классово-политический характер, так как были направлены не против польского населения, а являлись репрессиями по идеологическому и политическому, а не национальному признакам[37]. В монографии «Население России в XX веке» материал о переселении евреев авторы также поместили в главе, рассматривающей вопросы депортации населения в 1920–1930-х гг. [38]

Переселение евреев проводилось на добровольной основе, считает Н.И. Платунов[39], а вопросы переселения и землеустройства евреев

в СССР выходили за рамки внутренней политики советского правительства и имели внешнеполитическое значение. В отличие от других национальностей России, подчеркивает он, евреи имели многочисленных сородичей в различных странах мира. Еврейская диаспора за рубежом внимательно следила за решением еврейского вопроса в СССР. Н.И. Платунов указывает, что деловое сотрудничество Советского правительства с заграничными еврейскими организациями давало возможность получать в кредит оборудование, сельхозмашины, строительные материалы и проч. из капиталистических стран. Такое сотрудничество обеспечивало возможность установления широких контактов советских организаций с еврейскими массами зарубежных стран, пропагандировало достижения советской национальной политики в области решения еврейского вопроса в СССР.

Оценивая в целом государственную политику по отношению к евреям, В.А. Шишкин считает, что в деле ассимиляции еврейского населения большевистское руководство достигло известных результатов, хотя меры в этом направлении не были специально спланированы и не отражали какой-то системы взглядов. Несомненно, многое в процессе ассимиляции вытекало из общих тенденций развития СССР: развал черты оседлости, интеграционные процессы в многонациональном государстве, связанные с индустриализацией и освоением новых экономических районов, а, следовательно, с расселением евреев по огромной территории страны; невозможность для евреев замкнуться в рамках своего языка и культуры. В.А. Шишкин отмечает также, что «плановая ассимиляция» как политика приобщения их к труду на земле или в промышленности принесла лишь незначительные результаты временного характера, не давшие сколько-нибудь стабильных форм развития еврейства в несвойственных ему видах трудовой деятельности в более или менее крупных масштабах. Гораздо большее развитие, считает автор, получили явления ассимиляции евреев в рамках единого Союза, где были сняты все перегородки на путях межнационального общения и взаимопроникновения[40].

По мнению Г.В. Костырченко, идея создания полноценной еврейской социалистической республики в Крыму продолжала жить в военное и послевоенное время: «…находясь под властью коммунистической идеологии и являясь сторонниками ленинско-сталинской теории формирования и развития нации, некоторые тесно связанные с советской партийной номенклатурой еврейские лидеры не могли довольствоваться при-

зрачной, чисто номинальной автономией в виде захолустной и малозаселенной Еврейской автономной области с центром в Биробиджане…»[41]. Так называемое «крымское письмо» о возможности создания еврейской республики в Крыму, написанное лидерами Еврейского антифашистского комитета С.М. Михоэлсом, Ш. Эпштейном, И. Фефером[42] и направленное В.М. Молотову, а затем и Сталину, сыграло роковую роль в дальнейшей судьбе комитета и еще сильнее затянуло узел еврейской проблемы. Правда, в ЕАК были и противники этого проекта. Известный еврейский поэт Перец Маркиш предлагал создать национальный очаг евреев на территории бывшей республики немцев Поволжья. Такое решение он считал актом «величайшей исторической справедливости».

В середине мая 1944 г., когда Крым был освобожден от немцев, и ведомство Берии стало выселять оттуда крымских татар, армян, немцев и др., появилась некоторая надежда, что вопрос в отношении евреев решится положительно. Но местные власти препятствовали их реэвакуации, отказывали им в прописке и устройстве на работу, не говоря уже о необходимой материальной помощи. К тому же местные и центральные власти не только не вели борьбу с антисемитизмом, но иногда даже потворствовали ему.

После войны руководство дальневосточной еврейской автономии (ЕАО) обратилось в Москву с просьбой о социально-экономической поддержке области и предложением о ее преобразовании в самостоятельную республику, напрямую подчиненную Москве. Обращение руководства ЕАО в центре было воспринято неоднозначно. Материально-техническая и кадровая помощь области были оказаны оперативно и в немалых масштабах, а предложение о преобразовании ЕАО в республику было отвергнуто сразу и решительно как «необоснованное»[43]. По мере усиления общей антисемитской атмосферы начались и репрессии в отношении руководства ЕАО. Особенно в Москве были недовольны сотрудничеством ЕАО с американскими еврейскими общественными организациями — «Амбиджан»[44] и др. Массированная репрессивная акция, почти полностью лишившая еврейское население ЕАО его управленческой и интеллектуальной элиты, окончательно похоронила проект превращения Биробиджана в цветущую советскую еврейскую республику. Вера в возможность уравнения в правах с другими народами СССР и обретения на его территории своей государственности не оставляла советских евреев вплоть до 1948 г., когда произошло образование государства Израиль.

Примечания

[1] Например, постановлением СНК от 24 апреля 1919 г. «Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область» в целях облегчения тяжелого продовольственного положения крестьян и рабочих северных губерний было разрешено переселяться в южные районы. Постановлением СНК от 24 июля 1919 г. «Об устройстве земельного быта калмыцкого народа» занимаемая ими территория закрывалась для переселения / Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов (1917–1965) / Под ред. С.Г. Струмилина. 2-е изд. М., 1967. С. 40, 43.

[2] *Большаков М.А.* Задачи и перспективы колонизации // Земельное дело: Сб. статей по вопросам земельной и сельскохозяйственной политики, экономики, техники и организации земельного дела, колонизации и переселения и земельного дела за границей / Под ред. А.А. Андреева, М.М. Шульгина. М., 1923. С. 125.

[3] *Ямзин И.Л., Вощинин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 71-75.

[4] Земельный Кодекс РСФСР. Утвержден 4 сессией ВЦИК 30 октября 1922 г. М., 1922.

[5] План электрификации РСФСР. М., 1920. С. 170.

[6] Государственный Колонизационный научно-исследовательский институт. Его задачи, организация и деятельность // Труды ГКНИИ. Т. 1. М., 1924. С. 299–337.

[7] *Законы о евреях*. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената и Центральных правительственных установлений /Сост. Я.И. Гимпельсон. Под ред. Л.М. Брамсона. Ч. 1. СПб., 1914.; Ч. 2. Пг., 1915; Руководство к русским законам о евреях / Сост. М.И. Мыш. 4 изд-е. СПб., 1914; *Законы о евреях.* Расширение черты еврейской оседлости / Сост. Я.И. Гимпельсон. Пг., 1916.

[8] В Наркомземе РСФСР. Евреи-земледельцы и помощь Наркомзема // Коллективист. 1926. № 6. С. 32.

[9] *Рейтановский Г.* На колхозной земле (евреи-переселенцы в Крыму). Гос. изд-во Крым АССР, 1933.

[10] Положение о Комитете по земельному устройству трудящихся евреев при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР от 25 сентября 1925 г. // Земельный кодекс с дополнительными узаконениями и разъяснениями Наркомзема РСФСР на 1 августа 1927 г. / Под ред. Н.В. Гендзехадзе и И.Б. Новицкого. М., 1927. С. 435–437.

[11] *Каменштейн М.* Советская власть, еврейское землеустройство и «ОЗЕТ». М., Изд-во «ОЗЕТ», 1928. С. 13.

[12] Еврейский Крестьянин. М., 1925. № 1; М., 1926. № 2.

[13] Еврейское Колонизационное Общество. Деятельность ЕКО в 1923 г. М., 1924; Еврейское Колонизационное Общество. Деятельность ЕКО в 1924 г. Л., 1925; *Хургин М.А.* Еврейские земледельческие колонии // ЕКО. Кооперация среди евреев по данным 1924 г. / Под ред. Л.С. Зака. Л., 1925; ЕКО. Пять лет работы в СССР (1923–1927 гг.). М., 1928.

[14] Еврейское Колонизационное Общество. Деятельность ЕКО в 1924 г. Л., 1925. С. 24–31.

[15] *Гольде Ю.* Опыт года колонизационной работы // Еврейский крестьянин. М., 1926. № 2. С. 52–70.

[16] *Мережин А.* Ошибки и уклоны // Еврейский крестьянин. М., 1926. № 2. С. 71–78.

[17] *Брагин А., Кольцов М.* Судьба еврейских масс в Советском Союзе. М., 1924; *Лейбович Я.С.* Землеустройство трудовых евреев. Ростов-на-Дону, 1926; *Семашко Н.* Кто и почему травит евреев. Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым. М.; Л., 1926; *Альбицкий Н.* Еврейская трудовая артель «Ахдус» // Коллективист. 1926. № 16(23); *Финкель Х.-А.* Еврейское землеустроение в Советском Союзе. Харьков, 1926; Еврейская колонизация и помощь НКЗ // Сельскохозяйственная жизнь. 1926. № 12; *Маметов С.* Вопросы расселения в Крыму // На аграрном фронте. 1926. № 5–6; *Рейтановский Г.* На колхозной земле (евреи-переселенцы в Крыму). Гос. изд-во Крым АССР, 1933.

[18] *Ганжа Б.* О Старобинском еврейском мелиоративном товариществе // Советское строительство (Минск). 1926. № 8/9; Еврейская колонизация и помощь Наркомзема // Сельскохозяйственная жизнь. 1926. № 12; *Раждаев П.* Итоги землеустройства и переселения в Крыму // На аграрном фронте. 1926. № 7–8; *Рейтановский Г.* В помощь Озет-активисту (о работе КОМЗЕТа и ОЗЕТа). М., 1935; *Эйдельман Е.* От «черты оседлости» до автономной области. М., 1934; *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929; *Мышалов И.* Некоторые итоги планового земельного устройства трудящихся евреев в СССР // Вестник землеустройства и переселения. 1929. Кн. 9. С. 74–81; *Зингер Л.* Еврейское население в СССР. М.; Л., 1932; *Каменштейн М.* Советская власть, еврейское землеустройство и «ОЗЕТ». М., 1928; *Геллер И.* Евреи на земле. М.; Смоленск, 1930.

[19] American Jewish Joint Distribution Committee.

[20] The Organization for Jewish Colonization in Russia.

[21] *Финкель Х.-А.* Еврейское землеустроение в Советском Союзе. Харьков, 1926. С. 26–29.

[22] *Большаков М.А.* Современное переселение. Порядок и условия переселения. М., 1924. С. 44–49.

[23] *Островский З.* Друзья и недруги еврейского переселенчества в СССР // Еврейский крестьянин. М., 1926. № 2. С. 105–125.

[24] По данным авторов монографии «Население России в XX веке. Исторические очерки…» всего в 1926 г. в РСФСР было 566 тыс. евреев. К основной массе евреев примыкали крымские (примерно 6 тыс.), горские (около 26 тыс.), жившие в Закавказье и Дагестане, и грузинские (21 тыс.) евреи. Еврейское население на Украине составляло 1574 тыс., в Белоруссии — более 300 тыс. С. 124.

[25] *Семашко Н.* Кто и почему травит евреев. Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым. М.; Л., 1926.

[26] Отчет экспедиции КОМЗЕТа 1927 г. по обследованию Биробиджанского района Дальневосточного края / Под ред. В.Р. Вильямса. Вып. 1. М., 1928; Вып. 2. М., 1930.

[27] *Брук Б.* Биро-Биджан. М., 1928; *Горев М.* Против антисемитов. Очерки и зарисовки. М.; Л., 1928; *Зингер Л.* Еврейское население в СССР. М.; Л., 1932; *Эйдельман Е.* От «черты оседлости» до автономной области. М., 1934.

[28] *Ларин Ю.* Состояние и перспективы еврейского сельского хозяйства в СССР // На аграрном фронте. 1929. № 3. С. 75–89; *он же.* Евреи и антисемитизм в СССР.

[29] О Биро-Биджане. Сборник статей ленинградских профессоров. Л., 1929.

[30] *Мережин А.Н.* Что такое Биробиждан. М., 1929; *он же.* О Биро-Биджане. М., 1929; *он же.* Три года землеустройства трудящихся евреев (1925–1927 гг.). М., 1929.

[31] *Луначарский А.В.* Об антисемитизме. М.; Л., 1929. С. 342–343.

[32] Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. / Под ред. Ю.А. Полякова. Т. 1. 1900–1939. С. 331–332.

[33] *Бейзер М.* Евреи Ленинграда. 1917–1939. Национальная жизнь и советизация. М., 1999. Гл. 2.3. ЛенОЗЕТ. С. 261–277.

[34] *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994. Гл. 2. Крымский синдром. С. 32–57; Гл. 3. Конец красного Сиона. С. 167–176; *Рабинович Я.И.* В поисках судьбы. Еврейский народ в круговороте истории. Кн.1. М., 2001.

[35] Осадники — переселенцы из Польши, бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г., получившие в 1920–1930-х гг. земли в районах Западной Украины и Западной Белоруссии.

[36] *Бугай Н.Ф.* 20–50-е годы: Переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С. 175-185.

[37] *Парсаданова В.С.* Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 26-44.

[38] Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3-х т. / Отв.ред. Ю.А. Поляков. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000. С. 331–334.

[39] *Платунов Н.И.* Землеустройство и переселение евреев в общественно-политической жизни СССР и зарубежных стран в 1920–1930-е гг. // Первые Петровские чтения: Сб. науч. трудов. СПб., 2000. С. 42–49.

[40] *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 133–151.

[41] *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. С. 43.

[42] Еврейский антифашистский комитет был образован в апреле 1942 г. по инициативе заместителя начальника Совинформбюро и заместителя наркома иностранных дел С.А. Лозовского как одно из подразделений Совинформбюро. Председателем ЕАК был назначен известный еврейский режиссер и общественный деятель С.М. Михоэлс.

[43] Постановление СНК РСФСР от 26 января 1946 г. «О мероприятиях по укреплению и дальнейшему развитию хозяйства Еврейской Автономной области», которым предусматривалось направление в Биробиджан 50 учителей-евреев и 20 врачей еврейской национальности; Постановление Секретариата ЦК от 4 апреля 1946 г. «О мерах помощи обкому ВКП(б) Еврейской автономной области в организации массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения», которое разрешало выпускать газету «Биробиджан Штерн» вместо одного три раза в неделю; другая областная газета — «Биробиджанская звезда» — увеличивалась в объеме, тираж ее также возрастал; создавалось собственное областное

газетно-книжное издательство; давалась санкция на издание ежеквартального литературно-художественного и общественно-политического альманаха на еврейском языке. — *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. С. 168.

[44] Ambidzhan — The American Committee for the Settlement of Jews in Birobidzhan.

Елена Генина
(Кемерово)

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА ИРКУТСКА В СЕРЕДИНЕ 1940-х — НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Период середины 1940-х — начала 1950-х гг. является особым в истории еврейских общин СССР, что обусловлено спецификой политических событий эпохи «позднего сталинизма». Между тем, история еврейской общины Иркутска в указанное время изучена недостаточно. Автор настоящей статьи уже обращался к некоторым проблемам ее существования во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. в контексте анализа истории еврейских общин Сибири в целом[1]. Однако недоступность на момент проведения исследования всего комплекса необходимых источников не позволила отразить различные стороны деятельности общины. Оказавшиеся в нашем распоряжении документы фонда Совета по делам религий при Совете Министров СССР (фонд Р-6991), отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации, а также воспоминания жителей Иркутска обусловили возможность дальнейшего изучения истории еврейской общины Иркутска.

Первоначально обратимся к особенностям государственно-религиозного курса в середине 1940-х — начале 1950-х гг. и его последствиям для еврейских общин СССР. Временная либерализация сталинского режима в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. оказала влияние на религиозную жизнь в стране. Постановлением СНК СССР от 19 мая 1944 г. был создан Совет по делам религиозных культов, а на местах действовали его уполномоченные. Государство допустило официальное существование еврейских общин и их молитвенных зданий, наибольшее число которых открыли и зарегистрировали в 1945–1946 гг. во время возвращения евреев в побывавшие в немецкой оккупации местности. Но со второй половины 1947 г. началось постепенное ужесто-

чение государственно-религиозного курса. На протяжении 1948 г. на территории СССР уже не было случаев открытия синагог, а затем их число неуклонно сокращалось. По сведениям Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР на 1 января 1949 г., в СССР имелось 160 официально зарегистрированных синагог: 51 на территории Украины, 38 в России, 31 в Грузии, 13 в Молдавии, 10 в Узбекистане, пять в Латвии, по три в Азербайджане и Таджикистане, две в Литве, по одной в Белоруссии, Казахстане, Киргизии и Эстонии. Кроме того, в Закарпатской области УССР под контролем органов власти официально действовали 19 синагог, не имевших регистрации. В Сибири и на Дальнем Востоке в середине 1940-х — начале 1950-х гг. имелось только четыре официально зарегистрированные синагоги: в Омске (1946 г.), Новосибирске (1946 г.), Иркутске (1945 г.), Биробиджане (1946 г.). В стране существовало и значительное число «миньянов» — нелегальных молитвенных домов, функционировавших на частных квартирах. Прежде всего, они заявили о себе на территории Белоруссии и Украины. Для создания «миньяна» было достаточно десяти совершеннолетних по еврейскому религиозному закону мужчин (достигших 13 лет) и свитка Торы[2].

Государство установило специальные правила регистрации религиозных обществ, согласно которым ее могли получить лишь те из них, численность которых составляла не менее 20 совершеннолетних, не лишенных избирательных прав. Не могли быть зарегистрированы общества, не имеющие молитвенных зданий, или же в случае несоответствия зданий требованиям технического, противопожарного и санитарного надзоров. При отсутствии здания молитвенные собрания могли проводиться только в специально арендуемых помещениях в частновладельческих домах или в домах коммунального фонда. После предоставления всех материалов для регистрации (список членов «двадцатки», протоколы об избрании исполнительного органа и ревизионной комиссии и др.) регистрация религиозной общины проводилась только при наличии служителя культа[3].

Еврейская община Иркутска имела дореволюционную историю. Евреи Иркутска, получив разрешение Министерства внутренних дел на строительство молельни в 1877 г., выстроили ее в сжатые сроки. Однако пожар, произошедший в 1879 г., уничтожил здание. Новую каменную Иркутскую синагогу освятили в 1881 г., и этот год стал считаться официальной датой рождения общины. Но к этому времени она существовала уже почти два десятилетия (имелись «общество синагоги», выбор-

ные должностные лица, некоторые благотворительные учреждения). Иркутская синагога была построена по проекту архитектора В.А. Кудельского. Ее каменное здание сохранилось до настоящего времени (ул. Карла Либкнехта, дом 17)[4] (илл. 1). Рядом с синагогой на Саломатовской улице располагались в основном усадьбы евреев. Кроме синагоги в Иркутске, в Иркутской губернии функционировала только деревянная синагога в Нижнеудинске. В XX в. молитвенные дома евреев появились в Зиме, Черемхово и других крупных населенных пунктах губернии.

По данным местных органов власти, к середине 1920-х гг. на территории Иркутской губернии имелось 8 синагог и 15 молитвенных домов. Посещавшие их верующие (3115 чел.) жили в 18 населенных пунктах (см. таблицу 1). Изложенные факты представляются важными при осмыслении основы для возрождения религиозной активности евреев в Иркутской области в середине 1940-х — начале 1950-х гг. Однако при этом нуждаются в уточнении данные, касающиеся Иркутска[5].

Таблица 1

Сведения о синагогах, молитвенных домах и верующих евреях Иркутской губернии по состоянию на 1925 г.

№№ п/п	Населенные пункты	Синагоги	Молитвенные дома	Количество верующих
1.	г. Иркутск	3	2	2400
2.	г. Черемхово	1	–	75
3.	г. Зима	1	1	70
4.	г. Тулун	–	1	45
5.	г. Нижнеудинск	–	1	30
6.	г. Киренск	1	–	60
7.	г. Бодайбо	1	–	80
8.	р.п. Качуг	–	1	20
9.	р.п. Жигалово	–	1	60
10.	р.п. Усть-Кут	–	1	35
11.	с. Верхоленск	–	1	25
12.	с. Манзурка	–	1	15
13.	с. Знаменка	1	–	100
14.	с. Залари	–	1	30
15.	с. Малышевка	–	1	15
16.	с. Усть-Уда	–	1	20
17.	с. Ново-Уда	–	1	15
18.	С. Александровское	–	1	20
	Всего	8	15	3115

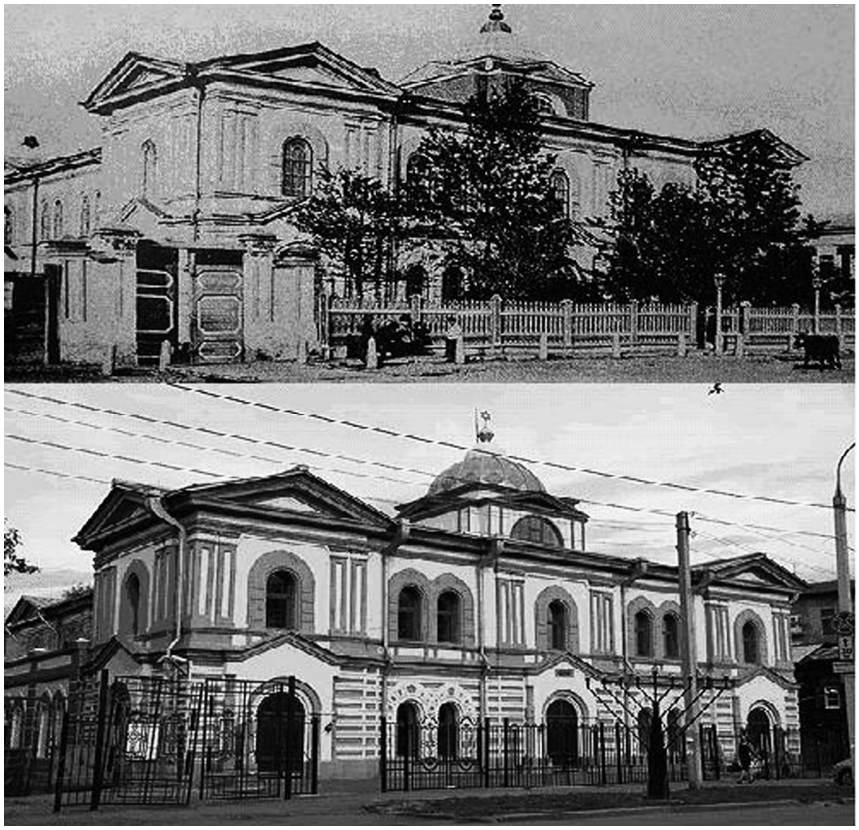


Рис. 1.
Еврейская синагога 1899–1900 годы. Еврейская синагога, наши дни.
Фото Ю. Пыхалова из книги: С. Медведев. Иркутск в почтовых открытках.
Источник: http://irk.kp.ru/daily/25759.5/2744843/ — Иркутск, как ты изменился! // KP.RU — Иркутск.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. произошло ужесточение государственно-религиозного курса в СССР, и еврейской общине Иркутска пришлось выдержать жесткое противостояние с властью. В мае 1932 г. Президиум Восточно-Сибирского крайисполкома принял решение о закрытии синагоги в Иркутске, которое было утверждено постановлением Президиума ВЦИКа от 1 июля 1932 г. Правление общины в сентябре 1932 г. подало жалобы во ВЦИК, ЦИК СССР и прокурору рес-

публики. 3 ноября 1932 г. Восточно-Сибирский крайисполком приостановил реализацию решения Президиума ВЦИКа до получения дальнейших указаний из центра. Но в период с 7 по 21 октября 1933 г. здание синагоги трижды пытались конфисковать, о чем 25 октября 1933 г. в Президиум Иркутского городского совета поступила соответствующая жалоба от правления общины. К этому моменту синагога оказалась фактически единственной в Восточно-Сибирском крае, поскольку другие синагоги и молитвенные дома были закрыты. В здании синагоги хранились несколько сотен изданий Торы, многочисленные священные, талмудические книги, специальные предметы культа, перемещенные из закрытых молитвенных зданий края. 16 декабря 1933 г. Иркутский горсовет сообщил Восточно-Сибирскому крайисполкому, что еврейской общине вместо здания синагоги предоставлено помещение площадью 244,45 кв. м, расположенное по адресу: ул. Ленина, дом 18. Община переехала на новое место 22 ноября 1933 г. Имущество синагоги, включая библиотеку, сначала передали музею атеизма, а затем в художественный и краеведческий музеи Иркутска. В здании синагоги после его изъятия у еврейской общины размещались различные государственные учреждения[6].

В соответствии с решением Совета по делам религиозных культов от 4 сентября 1945 г. и распоряжением СНК СССР от 10 октября 1945 г. еврейская община Иркутска 20 ноября 1945 г. была зарегистрирована как вновь возникшая. Синагога находилась по адресу: ул. К. Либкнехта, дом 17. Здание синагоги площадью 2304 кв. м являлось национализированным. Договор на бессрочное и бесплатное пользование зданием был заключен с Иркутским горсоветом 29 августа 1945 г. Раввином общины стал Лейзер Хаймович Резник (р. 1871), получивший духовное и светское образование. С 1919 по 1941 гг. он преподавал еврейский язык в школах Киева, а с началом войны выехал в эвакуацию в Молотовскую область. С июня 1943 г. проживал в Иркутске в здании синагоги и работал здесь сторожем. Но первоначально община отказывалась от обязательной регистрации служителя культа. В информационном отчете в центр за 1945 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Иркутской области И. Житов, занимавший данную должность с 25 августа 1944 г., отмечал: «Религиозное общество евреев иудейского вероисповедания в г. Иркутске упорно отказывалось от регистрации служителя культа, посылало три делегации ко мне, доказывая, что это не обязательно, еврейское общество —

особое религиозное общество, где может каждый грамотный верующий служить по очереди. В результате моих требований был избран служитель культа»[7].

Первым председателем исполнительного органа общины в 1945 г. стал Яков Григорьевич Бронер (р. 1883), первым председателем ревизионной комиссии общины — Лев Иудович Гинзбург (р. 1888). В последующие годы в составе правления и ревизионной комиссии наблюдалось постоянство. Согласно списку зарегистрированных членов правления и ревизионной комиссии за 1945–1950 гг., из 29 чел. только 10 входили в их состав однократно. При этом все 29 активистов общины родились в период 1868–1897 гг. и в подавляющем большинстве представляли поколение старшего возраста. Обнаружены семейные связи иркутских евреев с деятелями общины. В составе ее правления числились Яков Григорьевич Бронер, 1883 г. р. (1945–1946 гг.) и Исай Григорьевич Бронер, 1887 г. р. (1946–1950 гг.). По сведениям на 1 августа 1949 г., Я.Г. Бронер работал электромонтером на швейной фабрике, И.Г. Бронер ведал еврейским кладбищем от общины[8]. Двоюродный дедушка по линии отца иркутянина, историка по образованию, Клима Семеновича Белинского — Нутэ Климентьевич Белинский (р. 1886) — в 1946 г. состоял в правлении общины, дедушка по линии матери — Матвей Моисеевич Коган — являлся «старостой» общины с 1960-х гг. до 1989 г.[9] (илл. 2)

Сохранилась информация уполномоченного И. Житова за 1946 г. о первоначальных особенностях общины, в которой доминировали женщины, люди средних и старших лет. Среди евреев преобладали бывшие купцы, торговцы, владельцы заводов и мастерских, кустари и ремесленники. Различалось отношение к религии евреев-иркутян и эвакуированных евреев. Если первые руководствовались необходимостью благоустройства синагоги, приходили на молитвенные собрания, ориентируясь на национальное самосознание, стремились сохранить еврейские традиции, то вторые следовали именно религиозным побуждениям[10].

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Иркутской области И. Житов располагал всесторонней информацией о жизни общины. В подготовленном им «Докладе о состоянии и деятельности зарегистрированных религиозных обществ и действующих незарегистрированных групп верующих в Иркутской области за 1952 год» представлены обзорные сведения о верующих евреях и соблюдении

Рис. 2.
Клан Белинских.
В центре прадед Белинский Климент Гаврилович. Слева направо: Осип, рядом стоит его жена Вера, моисей с женой Хавой, справа от прадеда Нутэ с женой Роной, дедушка Клима Григорий с женой Ханой Яковлевной, бабушкой Клима.
Черемхово 1920 г.
Источник: Беседа с Климом Семеновичем Белинским // Живая история семей и родов иркутской еврейской диаспоры. Вып. 1 / отв. ред.-сост. Е.Ш. Соломон. 3-е изд., испр. и доп.. Иркутск: Изд-во государственного технического университета, 2005. С. 33.

ими религиозных обрядов. Проводя их анализ, будем учитывать, что подобные сведения являются примерными, но, безусловно, отражают действительность. В еврейской общине наблюдался постоянный рост числа верующих: в 1946 г. — 300, в 1947 г. — 400, в 1948 г. — 600, в 1949 г. — 800, в 1950 г. — 900, в 1951 г. — 900, в 1952 г. — 1000 чел. В синагоге ежедневно проходила утренняя служба, где присутствовало от 10 до 20 чел., в субботу — до 40 чел. В дни традиционных осенних праздников посещаемость синагоги значительно увеличивалась: в 1947 г. — 600, в 1948 г. — 700, в 1949 г. — 1000, в 1950 г. — 500, в 1951 г. — 1000, в 1952 г. — 1500 чел. По половому составу $^{2}/_{3}$ верующих — женщины и $^{1}/_{3}$ — мужчины; по возрасту: 45% старше 50 лет, 50% от 25 до 50 лет, молодежь составляла 5%. Более половины верующих по тем или иным причинам не работало[11]. Сохранились и

количественные данные о соблюдении евреями религиозных обрядов, свидетельствующие о первостепенном внимании к обрядам, связанным с похоронами (см. таблицу 2)[12].

Таблица 2
Соблюдение религиозных обрядов в еврейской общине Иркутска (1946–1952 гг.)

Годы	Обрезание	Бракосочетание	Похороны
1946	4	4	74
1947	3	2	82
1948	1	–	74
1949	3	4	84
1950	5	3	70
1951	4	5	83
1952	3	4	68
Всего	23	22	535

Под постоянным контролем уполномоченного И. Житова находилось финансовое положение общины, которое определялось им как значительное. Отдельное внимание он обращал на доходы существовавшего погребального братства, стремился пресечь его деятельность. Уполномоченный располагал сведениями о доходах общины от продажи мест в синагоге. После «разъяснительной работы» И. Житова в 1946 г. община сделала отчисления государству в пользу детей-сирот и инвалидов Великой Отечественной войны на сумму 5000 руб. В Государственном архиве Иркутской области сохранились поступавшие уполномоченному финансовые отчеты общины (сведения о выпечке мацы, денежные поступления, расходы)[13]. Еврейская община неизменно занималась благотворительностью, что вызывало беспокойство уполномоченного. В информационном отчете за второй квартал 1948 г. И. Житов сообщал Совету по делам религиозных культов: «Евреи стремятся превратить синагогу в узконационалистическое учреждение, о чем я писал в прошлых своих отчетах, и проводят благотворительность над бедными, эвакуированными и возвратившимися из тюрьмы или ссылки евреями. Все это они делают так тонко и ловко, что порой трудно заметить, узнаешь только спустя некоторое время»[14].

Следует отметить особенность района Иркутска, где находилась синагога: на одной улице располагались синагога (ул. К. Либкнехта, 17) и мечеть (ул. К. Либкнехта, 86). Жительница г. Ангарска Иркутской об-

ласти Прасковья Ивановна Морозова, 1929 г. р. (в девичестве — Башкова), вспоминает: «С августа 1946 г. я жила в Иркутске. В 1948–1952 гг. училась на естественно-географическом факультете Иркутского педагогического института. Общежитие пединститута находилось по адресу: ул. Софьи Перовской, 38. Наш район называли «татаро-еврейским», так как на улице К. Либкнехта были мечеть и синагога. Почти все дома в этом районе — одноэтажные. Мы, студенты, дружили с евреями и татарами. Мы знали, что синагога работала. Евреи занимали в синагоге один этаж. Местные евреи ходили в синагогу. Но подробности нам остались неизвестными, поскольку мы являлись комсомольцами»[15].

Обозначим ситуацию, складывавшуюся за пределами областного центра. В середине 1940-х гг. некоторая активность еврейского населения наблюдалась в г. Черемхово и г. Тулуне, где существовали «миньяны». Польские евреи, проживавшие в Тулуне, в 1945 г. поднимали вопрос об официальном оформлении религиозной общины, но получили отказ по причине недостаточной подготовленности ходатайства. В следующем году проблема уже потеряла свою остроту, что обусловлено поступившим разрешением для польских евреев на выезд в Польшу, а местных евреев в Тулуне оставалось мало. Эвакуированные евреи из Черемхово не претендовали на открытие синагоги. В с. Знаменка Жигаловского района и г. Зима, где ранее действовали синагоги, численность еврейского населения к рассматриваемому времени оказалась незначительной[16].

Исходя из специфики взаимоотношений органов государственной власти и еврейской общины Иркутска, в истории последней можно выделить два периода. Первый охватывает 1945–1948 гг. (время до начала кампании по борьбе с космополитизмом в СССР) и характеризуется относительным либерализмом центральных и местных органов власти в отношении общины. В данное время верующим удалось провести ремонт здания синагоги, получить необходимый для этого материал, чему способствовали работники учреждений и предприятий города. Осенью 1945 г. к уполномоченному И. Житову поступило ходатайство общины о возвращении «священной Торы и шапочки раввина», хранившихся в Иркутском областном краеведческом музее. При содействии И. Житова в музей из Управления музеев Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР поступил «ордер за № 222 от 12.XI.–45 г. на передачу двух предметов культа» еврейской общине Иркутска. В июне 1948 г. уполномоченный по-

сле получения еще одного ходатайства общины обращался в Иркутский горисполком с просьбой о предоставлении общине всего здания синагоги — до этого верующие занимали лишь второй этаж. Вопрос возник в связи с тем, что из помещения первого этажа выезжал детский сад Иркутского завода тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева. Здание синагоги официально передали еврейской общине Иркутска в 1993 г.[17].

По сведениям уполномоченного И. Житова за 1946 г., верующие и активисты общины занимались обсуждением «вопроса о создании такой средней школы, где бы была обыкновенная программа, но с прибавлением изучения на еврейском языке молитв и богослужебных книг». Подобное представляется возможным лишь в соответствующей общественной атмосфере. Уполномоченный наблюдал факты взаимодействия еврейских общин. В информационном отчете в Совет по делам религиозных культов за IV квартал 1947 г. он сообщал: «Иркутская синагога имеет достаточное количество тор. Она снабжает синагоги в г. Улан-Удэ и Биробиджане своими торами. Правление синагоги осведомлено о движении эшелонов с переселенцами-евреями в Биробиджан, получает телеграммы из Омска и других городов с просьбой встретить в Иркутске и оказать помощь. Правление религиозной общины собирает деньги, вещи и продукты и вывозит их на станцию железной дороги для встречи с переселенцами-евреями»[18].

Но и в условиях временной либерализации все стороны жизни еврейской общины Иркутска находились под постоянным контролем и наблюдением органов власти. Об этом, в частности, свидетельствуют события вокруг одной из публикаций в региональной газете «Восточно-Сибирская правда» (орган Иркутского областного и городского комитетов ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся). Это информация о семье Самуила Иосифовича Кузнецова (1875 г. р.), который в 1947 г. возглавлял исполнительный орган общины. 23 декабря 1947 г. «Восточно-Сибирская правда», донося до читателей ход выборов в местные Советы, поместила снимок семьи Кузнецовых на избирательном участке, сопроводив его комментариями. Внимание корреспондента газеты привлекла 75-летняя супруга председателя правления общины — Елизавета Исааковна Кузнецова. Она воспитала шестерых дочерей и двух сыновей, была награждена орденом «Материнская слава» 2-й степени. Многодетная мать с гордостью рассказала о детях, имевших высшее образование и трудившихся на благо Родины, выска-

зала благодарность советской власти, давшей ей «обеспеченную жизнь, спокойную старость, почет и уважение». Уполномоченный счел необходимым сообщить о «происшествии» в Москву, руководству Иркутского облисполкома и областной избирательной комиссии. Проработке подвергся редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», не проверивший содержание публикации, которая по своей сути была глубоко патриотичной[19].

Второй период истории еврейской общины Иркутска охватывает 1949–1953 гг. (время кампании по борьбе с космополитизмом в СССР). Идейные установки кампании, изначально рассчитанной на эффект массовости, власть четко обозначила посредством периодической печати. Официальным сигналом к началу кампании стала редакционная статья газеты «Правда» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» (от 28 января 1949 г.). Завершающей акцией кампании явилось «дело врачей» (1953 г.), точка отсчета которого — сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» и сопровождавшая его передовая статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», помещенные в «Правде» 13 января 1953 г.[20]. Как известно, борьба с космополитизмом была направлена в первую очередь против еврейской интеллигенции и проходила под лозунгами советского патриотизма.

В условиях начавшейся кампании по борьбе с космополитизмом уполномоченный И. Житов получил из Совета по делам религиозных культов определенные указания, как следует действовать в отношении еврейской общины Иркутска. Они стали реакцией на информационный отчет уполномоченного за IV квартал 1948 г. Данное «рекомендательное письмо» за подписью председателя Совета И.В. Полянского, датированное 23 февраля 1949 г., завершалось ориентиром на ближайшую перспективу: «Вы совершенно правильно отмечаете, что реакционно-националистические элементы посещают синагогу не потому, что они действительно верующие, а стремятся использовать синагогу как средство националистической пропаганды. Вам надлежит ограничить деятельность этой общины исключительно отправлением культа»[21].

Следуя указаниям Совета, в марте 1949 г. И. Житов вызвал раввина Л.Х. Резника и представителей синагоги. Последним уполномоченный предъявил следующие требования: 1) прекратить продажу мест в синагоге; 2) прекратить взимание платы за чтение Торы; 3) прекратить сбор

денег по домам и квартирам для содержания синагоги, установить в синагоге специальную кружку для пожертвований. В случае несоблюдения требований должны были последовать роспуск общины и закрытие синагоги. В том же году при подготовке общины к празднованию Песаха (еврейской Пасхи) возникло противостояние с уполномоченным, который «запретил евреям в создании пекарни при синагоге и рекомендовал выпекать мацу в индивидуальном порядке на дому», что и было сделано[22]. В октябре 1949 г. И. Житов обращался в областной финансовый отдел: «Прошу обратить внимание на взимание налогов с еврейской синагоги и татарской мечети. Здесь имеют место нигде не записанные доходы и личное подаяние служителям от верующих, выдача всяких пособий и зарплаты под видом хозяйственных расходов»[23]. Данные направления деятельности уполномоченного следует рассматривать как определяющие для всего второго периода истории еврейской общины Иркутска.

Особенно сложным и драматичным для еврейской общины Иркутска стал 1952 г. И. Житов, предоставляя в Совет информационный отчет за IV квартал 1952 г., сообщал, что два активиста общины осуждены по обвинению в преступлениях экономического характера: Яков Григорьевич Бронер (первый председатель правления общины) и Моисей Борисович Бройд (1881 г. р., член правления общины). По свидетельству уполномоченного, на заседании Иркутского областного суда «было столько много евреев, что в синагоге на Пасхе или Йом-Кипур». Я.Г. Бронер и М.Б. Бройд обвинялись по статьям 59–12, 107, 109, 51 УК РСФСР. Но уполномоченный не дает четких сведений о приговоре, вынесенном членам общины[24]. (Статья 59–12 УК РСФСР карала за нарушение правил о валютных операциях, статья 107 УК РСФСР — за скупку и перепродажу частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления, статья 109 УК РСФСР — за злоупотребление властью или служебным положением. Статья 51 УК РСФСР применялась в обстоятельствах необходимости смягчения наказания)[25].

Завершение кампании по борьбе с космополитизмом в СССР закономерно обусловило активизацию жизни еврейской общины Иркутска. 4 апреля 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение МВД СССР о прекращении «дела врачей». Сообщение содержало информацию о незаконном аресте проходивших по «делу врачей», ложности выдвинутых против них обвинений и их полной реабилитации. Через два дня

«Правда» вышла с передовой статьей «Советская социалистическая законность неприкосновенна»[26]. Реабилитация «врачей-вредителей» в апреле 1953 г. способствовала притоку верующих в синагогу. С 30 марта по 7 апреля 1953 г. в синагоге Иркутска верующие отмечали Песах. В последний день празднования Песаха синагогу посетило 400 чел. По свидетельству уполномоченного И. Житова, в синагоге к нему подошли несколько человек, выражая свои чувства по поводу свершившегося события — реабилитации «врачей-вредителей». Но уже в мае 1953 г. И. Житов был обеспокоен поведением верующих евреев. 21–22 мая 1953 г. в синагоге отмечали Шавуот (праздник дарования Торы). Во второй день празднования в синагоге побывало примерно 600 чел., среди которых оказалось много работников предприятий и учреждений, покинувших рабочие места. Кроме того, как отмечал уполномоченный, «часть из них была такая, которая по внешнему виду, по фигуре, несомненно, являются руководящим составом в своем коллективе»[27].

Таким образом, еврейской общине Иркутска удалось получить официальную регистрацию в период проводившегося в условиях военного времени нового государственно-религиозного курса. Ее деятельность, которую следует признать активной для Сибири, в первую очередь была связана с отправлением религиозных обрядов и благотворительностью. Период возрождения еврейской общины при относительно либеральном отношении к ее деятельности центральных и местных органов власти пришелся на 1945–1948 гг. События вокруг еврейской общины Иркутска в 1949–1953 гг. развивались под влиянием двух взаимосвязанных политических процессов. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР «дополнила» политическую атмосферу, связанную с общим «охлаждением» взаимоотношений государства и религиозных общин. Борьба с космополитизмом закономерно предопределила повышенное внимание центральных и местных властей к еврейским общинам страны. Гарантией от преследований в это время могла стать лишь сугубо религиозная деятельность общины с отсутствием претензий на общественную активность в любой ее форме. Стремление еврейской общины Иркутска игнорировать данную государственную установку во многом осложняло ее существование, поскольку несоблюдение требования было чревато и обвинениями в «проявлениях национализма».

Примечания

[1] *Генина Е.* Еврейские общины Сибири в период кампании по борьбе с космополитизмом (1949–1953) // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. II / отв. ред. В.В. Мочалова. М., 2010. С. 282–292.

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 23. Л. 19–21; Д. 27. Л. 40, 42, 43; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 497–498.

[3] Государственный архив Кемеровской области (далее — ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 1. Л. 319, 320.

[4] *Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003. С. 243–246; *Рабинович В.Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002. С. 138–139; *Сергеева Ю.* Религиозная община // http://irkutskjews.narod.ru/obshina.htm — Иркутский еврейский сайт. Дата обращения — 12 марта 2012 г.

[5] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 684. Л. 13.

[6] *Курас Л.В., Цыремпилова И.С.* К вопросу о закрытии Иркутской синагоги в 1932 г. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: сб. материалов II региональной научно-практической конференции. Иркутск, 25–27 августа 2001 г. / Под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск, 2001. С. 116–119; *Курас Л.В., Цыремпилова И.С.* Новые документы о закрытии Иркутской синагоги // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Сб. материалов III региональной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 26–27 августа 2002 г. / Под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск, 2002. С. 140–143; *Сергеева Ю.* Религиозная община.

[7] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 683. Л. 5, 9, 38; Оп. 4. Д. 27. Л. 40; Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 30. Л. 13, 98.

[8] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 684. Л. 125, 142–143; ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 3. Л. 42, 53, 111.

[9] Беседа с Климом Семеновичем Белинским // Живая история семей и родов иркутской еврейской диаспоры. Вып. 1 / Отв. ред.-сост. Е.Ш. Соломон. 3-е изд., испр. и доп. Иркутск, 2005. С. 25–50; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 684. Л. 125.

[10] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 683. Л. 33.

[11] Там же. Д. 685. Л. 78, 79, 82, 83, 84, 85.

[12] Там же. Л. 84.

[13] Там же. Д. 683. Л. 31, 37–37 (об.), 48, 55; Д. 684. Л. 15; Д. 685. Л. 4–5; ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 3. Л. 149, 172–172 (об.), 173; Д. 10. Л. 64–65.

[14] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 683. Л. 123; Д. 685. Л. 94.

[15] Воспоминания П.И. Морозовой от 8 января 2012 г. // Личный архив Е.С. Гениной.

[16] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 683. Л. 4–5, 12; ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

[17] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 683. Л. 31; ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 3. Л. 37, 38, 39, 40, 87; *Сергеева Ю.* Религиозная община.

[18] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 683. Л. 31–32, 107.

[19] Там же. Л. 107; Д. 684. Л. 125; С огромным подъемом прошли выборы в городах и селах нашей области // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1947. 23 дек.

[20] Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 янв.; Арест группы врачей-вредителей // Правда. 1953. 13 янв.; Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Там же.

[21] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 684. Л. 25–25 (об.).

[22] Там же. Л. 25–25 (об.), 41, 116–122, 123–123 (об.), 124.

[23] ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 10. Л. 64–65.

[24] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 684. Л. 125; Д. 685. Л. 102–103.

[25] Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года (с изменениями по состоянию на 1 марта 1957 года) (утратил силу в связи с принятием Уголовного кодекса 1961 года) // http://docs.kodeks.ru/document — Электронный фонд нормативных документов «Кодекс». Дата обращения — 12 марта 2012 г.

[26] Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда. 1953. 4 апр.; Советская социалистическая законность неприкосновенна // Правда. 1953. 6 апр.

[27] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 685. Л. 125–127, 133–134.

IV

Алек Д. Эпштейн
(Иерусалим)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ АРМИЕЙ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В ИЗРАИЛЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ведение войн оказало огромное влияние на формирование облика большинства стран мира. Это утверждение справедливо как для западных демократий, так и для многих государств в других регионах планеты, образовавшихся зачастую именно в результате войн, которые их элиты позиционировали как национально-освободительные.

Израильский опыт представляется в этом контексте совершенно особым. С самого своего создания в 1948 г. (и даже ранее — с того момента, как в конце XIX в. евреи начали строить свой национальный очаг в Палестине/Эрец-Исраэль), Израилю так и не удалось обрести легитимность ни в глазах арабского мира в целом, ни в глазах местных арабских жителей. Как справедливо отметил профессор Й. Пери, «Израиль является единственным демократическим государством в мире, которое с момента своего создания находится в состоянии войны с теми или иными граничащими с ним странами»[1]. Уничтожение еврейского государства посредством военных действий на протяжении нескольких десятилетий было стратегической целью арабских стран. На протяжении своей истории израильская армия участвовала в девяти вооруженных конфликтах, различавшихся как по количеству противников (от войны на одном фронте с одним противником до войны на несколько фронтов с целой коалицией враждебных армий), так и по длительности (от нескольких сотен часов, как это было во время войны 1956 г., до шести лет — именно столько длилась первая интифада).

Однако и в период между войнами ситуация была настолько непростой, что определялась как «положение ни мира, ни войны» или «тлеющая война». Более того, именно Израиль оказался одной из наиболее частых целей террористических атак в последние годы. Все это привело к тому, что само существование Израиля воспринимается многими как функция силы и стойкости его армии, а общественные приоритеты стали артикулироваться на «военизированном» языке: как «война за мир» или «война ради предотвращения войны»[2].

Между тем, центральная роль армии в процессе национального строительства в Израиле не может быть объяснена исключительно через ее достижения в вооруженных конфликтах, совершенные во имя выживания государства. Влияние израильских военных на формирование политики, причем не только в сфере национальной безопасности, вышло далеко за рамки, принятые в либерально-демократических странах.

Первые четверть века: от Войны за независимость до Войны Судного дня

Как отмечал А. Перлмуттер в своем уже ставшем классическим исследовании, гражданские функции израильской армии, то есть функции, напрямую не связанные с подготовкой и ведением войны, являются чрезвычайно значимыми для понимания специфики развития общества в первом демократическом государстве на Ближнем Востоке[3]. Видный израильский социолог М. Лиссак отмечал, что военные и гражданские структуры скорее дополняют друг друга, а не конкурируют между собой[4]. Более того, по мнению А. Перлмуттера, «успешная практика использования армии с целью обеспечения модернизации и национального строительства является наиболее важным уроком, который можно извлечь в этой связи из израильского опыта»[5].

Подобные институциональные особенности сопровождались соответствующей риторикой, подчеркивавшей необходимость и оправдывающей вторжение военной сферы во все прочие сферы жизни[6]. Так, еще в начале 1950-х годов в армейском журнале «Бе'махане» [«В лагере»] отмечалось, что «обстоятельства, в которых оказался Израиль, требуют от него поддержания передовой армии; армии, которая не была бы связанной рутинными военными функциями, но играла бы важ-

ную роль в национальном строительстве»[7]. Израильские газеты первых десятилетий существования страны пестрели заголовками типа «Солдаты заботятся о детях» или «Женщины-солдаты преподают иврит».

Израильские ученые уделили много внимания изучению многочисленных и разнообразных функций, выполняемых армией, а также ее усиливающейся роли в гражданской сфере. Некоторые исследователи сформулировали тезис о размытости границы между военным и гражданским секторами[8]. Армия, как утверждалось, играла важную роль в абсорбции иммигрантов, представляла собой «плавильный котел» для различных еврейских субэтнических групп, участвовала в процессе строительства поселений, являлась важным механизмом социализации граждан, и, наконец, способствовала развитию самобытной культуры на языке иврит.

Вовлеченность армии в образовательный процесс и формирование массовой культуры отражало устремления Д. Бен-Гуриона, отметившего: «У нашей армии есть задачи не только в дни войны, но и в мирное время… Она должна формировать нашу молодежь, а через нее — и весь наш народ»[9]. Как справедливо отметил М. Лиссак, в образовательной и культурной сферах израильские военные структуры имеют значительную автономию в отношении определения содержания своей деятельности, хотя действуют при этом не столько с военными, сколько с общегражданскими целями[10]. Проведенное под руководством В. Азарии исследование показало, что значительное число образовательных программ, предлагаемых армией Израиля, не предполагает различия между военной и гражданской аудиториями, или же адресованы именно гражданским лицам[11].

Каждый год некоторое количество женщин-солдат после завершения армейских курсов учителей отправлялось на преподавательскую работу в гражданские школы, расположенные в небольших городах и поселках; некоторые из них работали вожатыми в различных молодежных движениях.

Впоследствии критически настроенные социологи были настолько увлечены поиском влияния силовых структур в гражданских сферах, что, как несколько иронично заметил впоследствии У. Бен-Элиэзер, «практически ни одна из сфер жизни не ускользнула от пристального внимания исследователей, искавших “невоенное использование военных”»[12].

Однако в течение 1970-х и 1980-х годов масштаб и глубина участия военных в сферах, непосредственно не относящихся к зонам их прямой ответственности, значительно снизились. С одной стороны, это можно объяснить сокращением финансирования армии, которой чем дальше, тем больше приходилось соотносить свои амбициозные проекты с небезграничными финансовыми возможностями, с другой стороны — что представляется куда более важным — падением престижа вооруженных сил после Войны Судного дня (1973) и постепенным разрушением «героического этоса», существовавшего в период борьбы за независимость и на протяжении первых двадцати пяти лет существования государства.

Существовавший в Израиле на протяжении многих лет этос национальной безопасности практически не оставлял возможности критически осмыслить место и роль армии в динамично менявшихся отношениях между государством и обществом. Как подчеркивал Б. Киммерлинг, анализировавший возникновение в Израиле «когнитивного милитаризма», общество принимало военный тип мышления как самоочевидный, не особенно задумываясь о его долгосрочных последствиях. Военные соображения, равно как и все то, что относилось к «национальной безопасности», ставились всегда выше, чем политические, экономические и идеологические проблемы[13].

Представляется, что растущая социальная открытость и формирование независимого гражданского общества могли привести к изменениям в параметрах дискурса о национальной безопасности несколько раньше. Однако нельзя не согласиться с Й. Пери, отметившим, что «победа в Шестидневной войне (1967) и волна национализма, захлестнувшая страну после “встречи” с новыми территориями древней родины, привели к регрессу в этом процессе»[14]. Победа в войне в июне 1967 г. стала высшим пиком славы и израильской армии как института в целом, и ее полководцев и офицеров как личностей. Однако новая война в октябре 1973 г., куда менее успешная, особенно в первую неделю боевых действий, привела к тому, что ситуация принципиально изменилась.

Тяжесть первых неудач в войне 1973 г. и неспособность военно-политического руководства страны обеспечить должный уровень безопасности потрясли широкие слои израильского общества, уверенные в том, что подобное невозможно в принципе. Отголоски этого потрясения затронули и собственно армию, и общество, и политическую

систему. В политической сфере Война Судного дня привела сначала к падению кабинета Голды Меир в 1974 г., а впоследствии — и к утрате Партией Труда ведущего положения в Кнессете после проигрыша на выборах в 1977 г. Не будь Войны Судного дня и последующего кризиса, Менахем Бегин едва ли стал главой правительства.

Армия обороны Израиля оказалась в значительной степени деморализованной, а генералы все больше вели войны не с внешними врагами, а между собой, выступая с противоречивыми свидетельскими показаниями на заседаниях Следственной комиссии во главе с судьей Ш. Агранатом. Профессор М. ван Крефельд, комментируя сложившуюся тогда ситуацию, писал: «Вере общества в армию, равно как и ее собственному самовосприятию, был нанесен огромный урон. Армейские командиры, еще недавно ощущавшие себя полубогами, вдруг почувствовали, что их профессионализм оказался под сомнением, а их социальный статус резко упал»[15].

Общество впервые оказалось готово к тому, чтобы услышать критику в адрес армии и осмыслить, что израильские вооруженные силы *не* сделали. Разочарование в действиях армии оказалось настолько сильным, что привело к двум серьезным переменам в общественном восприятии армии и войны в целом. С одной стороны, Армия обороны Израиля потеряла свой прежний непререкаемый престиж. Еще недавно любая попытка критиковать израильскую армию вызвала в обществе протест, однако после войны 1973 г. — впервые в истории Израиля — критика действий Генерального штаба заглушила одобрительные голоса. Й. Пери назвал происходивший тогда процесс «секуляризацией военной сферы», которая «лишилась ауры святости, выражавшейся в секретности, запрете публичных дискуссий и отсутствии общественного контроля»[16]. Даже спустя более пяти лет после Войны Судного дня, в 1978 г., идея проведения ежегодного военного парада — ритуала, предложенного М. Бегиным ради поднятия престижа армии — была воспринята в обществе без энтузиазма. С другой стороны, восприятие населением страны собственно боевых действий претерпело масштабные изменения: война перестала, как отметил М. ван Крефельд, «представать легкомысленным приключением, в ходе которого бравые израильские танкисты, почти играючи, громят второсортного противника»[17]. Последствия войны 1973 г. затронули также и информационную сферу: журналисты, в войнах 1956 и 1967 годов непререкаемо следовавшие в фарватере правительственной политики, более не были

готовы принимать на веру информацию по военным вопросам, получаемую ими из официальных источников, настаивая на необходимости ее проверки и критического осмысления[18].

Война Судного дня привела, в частности, к тому, что правила, по которым взаимодействовали военная и гражданская элиты (и которые в целом одобрялись обществом), остававшиеся неизменными на протяжении многих лет, изменились. Общественная критика армии в целом и в особенности ее высшего командного состава усилилась настолько, что правительство — впервые в истории страны — вынуждено было согласиться с требованием создания Государственной следственной комиссии. В поданном ею отчете Комиссия во главе с председателем Верховного суда Ш. Агранатом предложила, в частности, изменить принципы гражданского контроля над вооруженными силами. Так, например, монополия армии на стратегическое планирование и проведение некоторых видов разведывательных операций была признана неэффективной, а часть полномочий в области сбора и оценки информации предлагалось передать исследовательскому департаменту МИДа Израиля. Важным итогом работы Комиссии стало также и то, что после опубликования ее отчета несколько представителей высшего офицерского корпуса (начальник Генерального штаба, командующий Южным военным округом и глава военной разведки) ушли в отставку.

Война 1973 г. стала начальной точкой развития критического дискурса в отношении проблем национальной безопасности в «мейнстриме» израильской общественной мысли. Впервые у ученых, работающих в ведущих университетах страны, равно как и у публицистов, печатающихся в центральных газетах и журналах, появились возможности и желание переосмыслить роль армии в обществе и государстве.

Роль интеллектуалов в формировании критического дискурса по вопросам безопасности после Войны Судного дня

Интеллектуалы в целом и университетские исследователи в частности играли важнейшую роль в развитии критического дискурса в отношении армии, причем некоторые из них выражали свое несогласие с государственной политикой в сфере безопасности даже в наиболее «героический» период израильской истории. Они отказывались признавать идею Д. Бен-Гуриона о том, что армия представляет собой не

только репрессивный инструмент, но и инструмент распространения базовых моральных ценностей среди молодежи; они не принимали также постулат первого премьер-министра о центральном месте армии в деле национального строительства. Израильские интеллектуалы резко выступали против режима военных администраций, под которым находились вплоть до 1966 г. израильские арабы[19]. Важно отметить, что вплоть до войны 1973 г. критиковавшие государственную политику в области национальной безопасности интеллектуалы (например, профессора М. Бубер, А.Э. Симон, Г. Шолем или Й. Лейбович) выступали в общественных дебатах не в качестве профессионалов в данной области, но просто как либерально мыслящие граждане. Этот факт использовался их противниками с целью делегитимизировать вмешательство «гражданских интеллектуалов» в военные вопросы. В феврале 1963 г. Д. Бен-Гурион, занимавший в тот период также пост министра обороны, отвечая на вопрос о возможности отмены режима военных администраций для израильских арабов в связи с подписанной несколькими профессорами незадолго до этого петицией (с призывом отменить данный режим), заявил: «Мне трудно объяснить с этической или интеллектуальной точек зрения, почему мнения профессоров Бубера, Урбаха и других в вопросах безопасности имеет большую ценность, чем мнение любого другого гражданина. Если мне понадобится экспертное мнение в вопросах Талмуда, я с радостью обращусь к профессору Урбаху, в вопросах религиозных — к профессору Буберу, а относительно экономики я посоветуюсь с профессором Патенкиным. Однако в вопросах безопасности или политической этики я не признаю авторитетным мнение этих уважаемых профессоров»[20].

Постепенно, однако, эта ситуация стала меняться. В университетах были созданы исследовательские подразделения, занимавшиеся стратегическими и военными проблемами; одновременно с этим общественная полемика разворачивалась по все более расширявшемуся спектру проблем, связанных с национальной безопасностью. Вероятно, первым подобным исследовательским центром, изначально созданным для изучения проблем безопасности, стал Институт им. Реувена Шилоаха, образованный в Тель-Авивском университете в 1959 г. Впоследствии возникли новые подобные структуры: Центр стратегических исследований при Тель-Авивском университете (создан в конце 1970-х годов под руководством А. Ярива), Центр стратегических исследований им. Бегина и Садата (при Университете Бар-Илан) и другие[21].

После войны 1973 г. израильские исследователи включились в критический дискурс уже не только как граждане, но и как специалисты по определенному кругу проблем, связанному с национальной безопасностью. Ими были предложены модели описания взаимодействия армии и политической системы, которые подчеркивали политизированность высшего командного состава армии. Можно выразить сомнение в справедливости тезиса М. Керена о том, что связи между исследователями, изучавшими арабо-израильский конфликт, и идеями, господствовавшими в военно-политическом истеблишменте Израиля, были настолько сильны, что академической элите фактически не удалось внести какого-либо значительного вклада в мирный процесс на Ближнем Востоке[22]. Представляется, что критика со стороны ученых и интеллектуалов в последние десятилетия имела существенное влияние на формирование той атмосферы, в которой выкристаллизовались «идеи Осло», да и в самом «процессе Осло», особенно на его самой начальной стадии, университетские и близкие к ним гуманитарии и обществоведы играли очень существенную роль[23].

Среди ключевых недостатков израильской демократии выделялись следующие: ущемленность в гражданских правах израильских арабов и, тем более, жителей Западного берега и сектора Газа; этническое доминирование, этнический патернализм и этническая стратификация внутри израильской армии; продолжающаяся политизация армии; функционирование армии как самостоятельной группы влияния со своими институциональными интересами; недостатки в правовой системе и существование двух — одной в Израиле, другой на Западном берегу и в секторе Газа — правовых систем. Эти проблемы заняли центральное место в трудах многих израильских социологов, политологов и правоведов.

Для некоторых радикально настроенных социологов, как Ш. Карми, Г. Розенфельд, Б. Киммерлинг, У. Бен-Элиэзер, Я. Леви и других, эти вопросы стали фокусом их интеллектуальных интересов и научных публикаций. Й. Пери справедливо заметил в этой связи, что вклад радикальных социологов состоит в том, что «теперь стало недостаточно просто изучать влияние военной сферы на израильское гражданское общество. Стало невозможно оставлять без внимания такие вопросы, как причины агрессивного поведения страны на внешнеполитической арене; использование не только военной, но и гражданской политической элитой риторики и практики милитаризма для укрепления своего

статуса; политэкономия милитаризма; влияние внешнего конфликта на взаимодействие государства и гражданского общества внутри страны»[24].

В 1970-е годы большинство авторов, которые отмечали разлагающее влияние оккупации занятых в Шестидневную войну территорий на демократию и общественный дух в израильском обществе, сами принадлежали к офицерскому корпусу и идентифицировали себя с «героическим этосом» армии. На разнообразных научных симпозиумах и в прессе армия подвергалась критике за недостатки в организации, дисциплине, стратегическом планировании и неверном видении будущего вооруженных сил[25]. Эти дискуссии позволяли обратить внимание общества на недостатки в силовых структурах и способствовали расширению общественной полемики по вопросам безопасности, хотя необходимо подчеркнуть, что сами критикующие видели своей главной целью преодоление недостатков во имя усиления боевого потенциала израильской армии и упрочения ее конструктивной роли в социуме. Отличие радикально настроенных авторов от их предшественников состояло не столько в том, что они говорили, сколько в том, чего они стремились этим добиться.

Политизация дебатов об отношениях между армией и гражданским обществом имела чрезвычайно важное значение. На протяжении нескольких десятилетий в Израиле была лишь одна бессменно доминировавшая партия — Партия труда, и ее концепция национальной безопасности опиралась на широкий общественный консенсус. В 1977 г. Партия труда впервые в истории Израиля потерпела поражение на выборах, после чего правительство страны сформировала коалиция правоцентристских партий с участием религиозных сионистов. Большинство израильских социологов и публицистов по своим идеологическим воззрениям тяготели скорее к левой идеологии, и в 1977 г. они вдруг оказались в положении защищающейся контрэлиты.

Вплоть до поражения Партии труда на выборах решение вопросов безопасности воспринималось исключительно как дело профессионалов в данной области, которые руководствуются концептуальной базой, регулярно одобряемой населением в ходе всеобщих выборов. В 1977 г. подобный подход утратил свою релевантность. В системе, основанной на конкуренции двух политических партий, обе ведущие политические силы, как Партия труда, так и блок «Ликуд», претендовали на обладание единственно верным знанием в области националь-

ной безопасности. Таким образом, оборонная политика превратилась в предмет политических дебатов, перестав быть исключительно сферой профессиональной ответственности военных. Социологи, публицисты и другие группы «социальных критиков» стали активными участниками этих дебатов.

После «электорального переворота» 1977 г. израильские интеллектуалы начали по-новому анализировать прошлое и настоящее своей страны. Только когда «их» партия оказалась отлучена от власти, многие ученые заговорили о том, что после Шестидневной войны израильская армия превратилась в оккупационную силу. Ранее подобные взгляды высказывались выдающимися историками Я. Тальмоном и Й. Ариэли (последний опубликовал в 1969 г. в газете Федерации профсоюзов цикл статей, в которых указывал на деструктивное влияние оккупации на демократический характер израильского общества[26]), но тогда их точка зрения не нашла поддержки ни в академическом сообществе, ни тем более среди широкой общественности. В 1977 г. механизмы израильского контроля над «территориями» не изменились ни в малейшей мере, но после поражения Партии труда на выборах взгляды, прежде считавшиеся диссидентскими, довольно быстро стали в академической среде едва ли не доминирующими.

Интеллектуалы все больше выражали опасения относительного того, что израильская армия на подконтрольных ей территориях, на которые при этом не распространяется израильский суверенитет, занимается не столько проблемами безопасности, сколько выполняет административные, судебные и политические функции по отношению ко все увеличивающемуся населению Западного берега и сектора Газы. Так как вопрос о будущем этих территорий и их населения (включая и местных арабов, и еврейских поселенцев) стал предметом политических дискуссий в Израиле, армия, вовлеченная практически во все сферы жизни на Западном берегу и в секторе Газа, оказалась важным участником этих дебатов[27]. Как отметил Й. Пери в своей этапной книге об отношениях между армией и гражданским обществом, «функции, выполняемые израильскими вооруженными силами в качестве армии-оккупанта — а именно, поддержание законности и порядка, предотвращение демонстраций, ограничение передвижения арабских жителей на оккупированных территориях, физическое вмешательство при попытках сопротивляться приказам о захвате земли и т.д. — рассматривались обществом как необходимые до тех пор, пока сама оккупация

считалась жизненно необходимой для безопасности Израиля. Но как только израильтяне осознали, что отношение армии к территориям было обусловлено не только военными соображениями и нуждами безопасности, но и политическими и идеологическими соображениями, она утратила имидж профессиональной армии, для создания которого Д. Бен-Гурион приложил столько усилий»[28].

Вехой в истории вовлеченности интеллектуалов в критический дискурс стала Первая Ливанская война, начавшаяся в 1982 г. К удивлению многих, когда началось вторжение в Ливан, немедленной реакции со стороны большинства публичных интеллектуалов не последовало. Однако позднее принцип «никакой критики, коль скоро идет война» был нарушен: гуманистически настроенные представители интеллектуальной элиты осознали, что их молчание может способствовать легитимации не только самой войны, но и вообще всего, против чего интеллектуалы так активно выступали — грубой силы, пренебрежения к человеческим жизням…

Хотя некоторые интеллектуалы и предпочитали сохранять молчание, в целом среди них становилось всё больше людей, призывавших общество к самокритике и самоанализу, как к средству избежать того, что они считали национальным самоубийством[29]. Профессор И. Харкави, в прошлом стоявший во главе Службы военной разведки, писал: «Эта новая ситуация требует не мифов, а трезвого подхода и анализа исторических обстоятельств, в которых мы оказались»[30]. Многие интеллектуалы рассматривали действия М. Бегина, начавшего войну, как иллюзии человека, охваченного манией величия, представляющего периферийную субкультуру и стремящегося утвердить свою власть любой ценой. Война в Ливане послужила стимулом для публикации ряда научных работ, в центре внимания которых оказался вопрос о границах (как в переносном, так и в самом прямом смысле) и необходимости ограничения полномочий власти. Новый опыт, который израильское общество получило во время войны в Ливане, требовал определения моральных правил и ограничений, которых государство должно было придерживаться.

Даже группы интеллектуалов, которые обычно не вмешивались в политические дебаты, оказались вовлеченными в общественный протест. Примером подобных интеллектуалов могут быть названы ученые-правоведы, которые обычно предпочитают воздерживаться от участия в политических баталиях и не комментировать события, если

таковые не относятся напрямую к сфере их профессиональной ответственности. Однако в 1980-е годы в общественно-политические дебаты оказались вовлечены и юристы. Профессор права М. Кремницер призывал к созданию «борющейся юриспруденции», отмечая, что атмосфера в обществе определяется не только лидерами, но и теми, кто поддерживает их своим молчанием. Он доказывал, что ученые, ввиду своего независимого статуса, обязаны, когда чувствуют, что это необходимо, критиковать власть, даже во время войны[31].

Трансформация системы отношений армии и СМИ

Модели взаимодействия между средствами массовой информации и вооруженными силами также претерпели серьезные изменения после Войны Судного дня (1973). Направление изменений, происходивших с тех пор, можно описать как переход от прессы, отражающей официальную точку зрения, к средствам массовой информации, представляющим, скорее, гражданское общество — таким, какое оно есть. Учитывая, что этатистские и милитаристские тенденции в израильском обществе достаточно сильны, пресса едва ли является рупором пацифистских или антивоенных настроений, однако, очевидно, что она более не представляет собой «бумажного солдата» администрации премьер-министра, коей она в значительной степени была в эпоху Бен-Гуриона.

Важнейшим водоразделом в рассматриваемом вопросе стала опять-таки война 1973 г. До этого взаимодействие СМИ с военным истеблишментом и органами власти в целом характеризовалось готовностью прессы принять те ограничения, которые накладывало государство под предлогом поддержания национальной безопасности. Военная цензура, действующая в Израиле по сей день, имеет в своей основе два законодательных акта, принятых еще в мандатные времена: Ордонанс о прессе 1933 г. (позволявший тогда еще британским властям закрывать как арабские, так и ивритоязычные газеты, если напечатанная в них информация несла в себе угрозу «общественному спокойствию») и Уложения об обороне 1945 г. (согласно которым любой печатный материал, касающийся вопросов безопасности, должен был передаваться на предварительную проверку цензурой перед выходом в печать)[32]. Оба эти законодательных акта были инкорпорированы в изра-

ильское право и стали той формальной основой, на которой выстраивалась военная цензура в стране. Даже те журналисты, которые боролись с правительственной цензурой, были все же готовы соглашаться на периодическое ограничение свободы слова, если речь заходила о вопросах национальной безопасности[33]. Данный парадокс имеет несколько объяснений. Во-первых, многие издатели и журналисты, работавшие еще при британском мандатном правлении, привыкли к существованию цензуры и не считали нужным выступать против привычного порядка вещей. Во-вторых, состояние вооруженного конфликта, в котором так или иначе практически непрерывно пребывал Израиль с момента своего создания, превратило национальную безопасность в «священную корову», критика которой воспринималась журналистами как недопустимая в период, когда стране угрожает опасность.

Помимо внутренней готовности большей части журналистского сообщества принять цензуру, существовала также определенная формальная зависимость средств массовой информации, сначала печатной прессы и радио, а потом, с момента его появления в конце 1960-х годов, и телевидения, от военно-политического истеблишмента.

Во-первых, одним из мощных рычагов воздействия на прессу была практика аккредитации журналистов, которая давала военным возможность утверждать так называемых «корреспондентов по вопросам безопасности». Тем самым военные могли решать, кто будет, а кто не будет писать об армии и оборонной политике. Во-вторых, существовала также зависимость журналистов от источников информации в силовых структурах, причем зависимость эта распространялась на сферы, порой лежащие вне собственно военных вопросов. Так, к примеру, освещение событий, происходивших в арабском мире, нередко опиралось на информацию, предоставленную журналистам военной разведкой. Наконец, в-третьих, имела место система военной цензуры, которая распространялась на очень широкий спектр проблем, далеко выходящий за вопросы сугубо военного характера. К подобным вопросам относились еврейская иммиграция из стран арабского мира и государств Варшавского договора, проблема энергетической безопасности Израиля, разногласия в высших эшелонах власти относительно оборонной политики, освещение отношений со странами, с которыми у Израиля не было дипломатических отношений и т.д.

Осознание израильскими журналистами и публицистами одной из ключевых задач прессы в демократических странах — критического

осмысления политики элиты в целом и военного истеблишмента в частности — пришло далеко не сразу. В первые десятилетия существования государства СМИ оставляли без серьезной критики действия армии, и лишь тогда, когда общественный консенсус относительно использования силы как средства решения политических проблем оказался размытым, а престиж военного истеблишмента (после Войны Судного дня и Первой Ливанской войны) пошатнулся, дорога для серьезной критики оказалась открытой.

Война Судного дня открыла путь к изменению норм взаимодействия между армией и средствами массовой информации. Хотя накануне начала военных действий СМИ воздерживались от предания гласности тех фактов, которые могли быть интерпретированы как указания на слабость израильской армии, шок от неудач первых дней войны оказался настолько силен, что необходимость изменения схемы взаимодействия с властями стала очевидной. Как показывает анализ телевизионных передач и газетных обзоров за тот период, СМИ стали значительно более благожелательно освещать деятельность движений протеста и оппозиционных групп, а также в деталях анализировать послевоенные споры внутри высшего военного командования относительно провалов в ходе боевых действий[34].

Следующим этапом на пути включения средств массовой информации в формирование критического дискурса в отношении вооруженных сил стала Первая Ливанская война (1982–1985). Несмотря на тот факт, что в начале войны основные СМИ исходили из того, что в период военной угрозы любая критика властей должна прекратиться, позднее пресса и телевидение активно включились в общественную полемику и сыграли немалую роль в формировании у части общества антивоенных настроений.

Палестинская интифада, начавшаяся в декабре 1987 г., послужила еще одним толчком к включению СМИ в критический анализ армии и ее действий на контролируемых территориях. Период первой интифады важен тем, что в прессе и на телевидении стал обсуждаться гораздо более широкий спектр вопросов, связанный с границами допустимого применения силы: аресты без суда, разрушения домов, силовой разгон демонстраций…

Помимо «исторических» факторов (войны 1973 и 1982–1985 гг.) на отношение СМИ к проблеме национальной безопасности повлияли также и процессы, происходившие внутри информационной индуст-

рии, и общемировые тенденции, в которые Израиль оказался включенным. Стремление коммерческой прессы, все более вытеснявшей «мобилизованные» партийные СМИ, добиться увеличения своей аудитории заставляло ее ломать устоявшиеся рамки и нормы, в частности — все более активно критически анализировать оборонную политику правительства. Кроме того, развитие международных электронных СМИ, как и большое количество иностранных журналистов, освещающих события в Израиле — всё это лишает военную цензуру действенных рычагов воздействия на прессу, открывая последней возможность для критики того, что еще совсем недавно было едва ли не сакральным.

Несмотря на тот факт, что общая тенденция к ослаблению давления на прессу очевидна, военная цензура в Израиле по-прежнему существует. Сравнительно недавние яркие примеры ее вмешательства в деятельность СМИ — тотальный запрет публикации любых материалов, касавшихся бомбардировки израильскими силами строившегося сирийского ядерного реактора в сентябре 2007 г., а также фактическое блокирование работы журналистов в секторе Газа во время т.н. операции «Литой свинец» в декабре 2008 — январе 2009 гг.

При этом важно отметить, что если в 1970-е — 1990-е годы наблюдалась тенденция к большей критичности СМИ в отношении военно-политического истеблишмента, то рост палестинского террора в начале 2000-х годов оказал прямо обратное влияние. Пресса, телевидение и другие средства массовой информации вновь столкнулись с общественным консенсусом, неблагоприятным для развития свободы слова. Индикатором этих настроений могут служить данные проведенного в 2003 г. опроса общественного мнения, в ходе которого примерно половина респондентов выразила мнение, что израильские СМИ имеют чрезмерно много свободы, а 70% считали необходимым замалчивать те или иные «инциденты» на контролируемых территориях, если таковые могут нанести ущерб международному имиджу Израиля[35]. В последние годы процесс «поправения» израильского общества очевиден, прямым следствием чего является более «трепетное» отношение к национальной армии. Зависимость печатных и электронных СМИ от своей аудитории (снижение числа читателей и зрителей немедленно приводит к сокращению рекламных доходов, ставя под вопрос само выживание той или иной газеты или радиостанции) побуждает их максимально соответствовать распространенным в обществе настроениям,

вследствие чего израильская армия и другие силовые структуры могут рассчитывать на куда более щадящий режим взаимодействия с прессой, чем это имеет место быть в других демократических странах.

Роль радикальных общественных групп и движений

Свою роль в формировании критического дискурса в отношении армии сыграли, конечно, и различные протестные общественные группы, совсем не обязательно антивоенной направленности.

В первые годы существования государства группа под названием «Интернационал противников войны — Израильское отделение», основанная в 1947 г. и руководимая Н. Хофши, насчитывала немногим более пятидесяти членов. Принимая во внимание тот факт, что израильское законодательство не предоставляет мужчинам право отказа от военной службы на основе собственных убеждений, активисты группы, как правило, не могли избежать уголовного преследования: Й. Абилеа был судим за уклонение от призыва в 1948 г., Ш. Замир — в 1949 г., А. Зихрони — в 1954 г., Б. Гот — в 1957 г. Приводимые участниками антивоенной группы аргументы обычно не принимались в расчет, за исключением двух случаев: лишь Т. Шик и А. Авиад получили в 1958 г. право проходить альтернативную гражданскую службу вне армейских структур[36]. До Войны Судного дня ни отказники, ни пацифисты, ни иные критики израильской армии не находили никакой поддержки ни в политической элите страны, ни в израильском обществе в целом.

Шестидневная война (1967), в результате которой под контролем Израиля оказались Западный берег реки Иордан и сектор Газа, существенным образом изменила направления и характер деятельности антимилитаристских общественных групп. Если члены «Интернационала противников войны» могут быть названы пацифистами, причем очевидно, что их протест против службы в рядах вооруженных сил имел причины морально-нравственного характера, то члены таких групп как «Движение за мир и безопасность», «Мацпен» [«Компас»], «Сиах» или «Шалом ахшав» [«Мир сейчас»], созданных в 1968–1978 г., таковыми не являлись. Их протест против действий израильской армии носил не пацифистский, а политико-идеологический характер. Позиция активистов леворадикальных движений того времени

состояла не в отказе от службы в рядах вооруженных сил вообще, а в отказе от службы в «оккупационной армии», выполняющей на контролируемых территориях репрессивные полицейские функции в отношении другого народа[37].

Поворотным событием стала начавшаяся в июне 1982 г. и длившаяся три долгих года Первая Ливанская война, во время которой не только резко усилились антивоенные настроения, но и наметился раскол внутри самих вооруженных сил. Впервые в истории Государства Израиль его армия вела бои на фоне растущего общественного недовольства войной. К людям приходило осознание того, что «военная операция с ограниченными целями», декларировавшейся целью которой была защита городов и поселков Галилеи, превращалась в полномасштабную войну против сил ООП и сирийской армии в Ливане с целью установить на Ближнем Востоке новый политический порядок, который бы в максимально возможной степени соответствовал взглядам лидеров пришедшей к власти партии «Ликуд».

Особенное значение имели голоса протеста, исходившие изнутри самой армии: от солдат и офицеров, состоявших на действительной службе и в резерве. Уже в июле 1982 г. трое офицеров подписали открытое письмо премьер-министру, выражая свое несогласие со вторжением а Бейрут; в декабре того же года Амрам Мицна, возглавлявший тогда Академию Армии обороны Израиля, ушел в отставку в знак протеста против продолжения боевых действий. А в июле 1982 г. демобилизовавшимися воинами была организована группа «Солдаты против молчания», требовавшая отставки А. Шарона с поста министра обороны и немедленного прекращения войны. Действия ЦАХАЛа они называли аморальными, а заявления пресс-службы армии — лживыми. Акция протеста, организованная движением «Мир сейчас» 26 июня 1982 г., прошла под лозунгами «Чего ради мы убиваем? Чего ради нас убивают?». Впервые в обществе возникли и широко распространились сомнения относительно целей и оправданности боевых действий. Именно во время первой войны в Ливане приобрело невиданный размах движение отказа от службы в армии по моральным соображениям: 143 резервиста, связанных с различными левыми политическими движениями, были судимы за то, что отказались присоединиться к своим подразделениям, которые участвовали в военных действиях в Ливане[38].

Позднее еще 190 резервистов были осуждены за отказ от прохождения службы на Западном берегу и в секторе Газе в годы первой ин-

тифады (1987–1993). В интервью, взятых у солдат после окончания прохождения ими службы, нашел отражение серьезный внутренний конфликт между их воинским долгом и моральными ценностями[39]. Палестинское восстание серьезным образом изменило ту ситуацию, в которой теперь предстояло действовать израильской армии на контролируемых территориях и спровоцировала дальнейшее обострение дебатов по военно-политическим вопросам внутри израильского общества.

Две организации — «Еш гвуль» [«Есть предел»] и «Голос матерей» — стали рупорами общественного недовольства политикой правительства в дни Первой Ливанской войны, а затем и интифады. Важно отметить, что группа «Есть предел» была изначально создана для поддержки тех, кто отказывался принимать участие в боевых действиях. Под «пределом» понимался отказ от службы в рядах вооруженных сил в том случае, если, как считали активисты, боевые действия велись не во имя обороны страны, а на чужой территории с иными целями. Около двух тысяч солдат и офицеров подписали обращение организации «Есть предел». Одним из главных достижений группы стал психологический эффект, который она произвела: с одной стороны, высшее руководство страны впервые увидело, что общество не готово принимать любой политический курс; с другой стороны, генералитет впервые осознал, что успех кампании зависит не только от тактики и стратегии, но и от сознания солдат, их мотивации и лояльности. Более того, еще одним важным аспектом деятельности группы стало распространение идеи, что в случае конфликта между военным приказом и моральными ценностями, приоритет имеют последние. Кроме того, как справедливо отметила в своей диссертации С. Гельман, «организация “Есть предел” показала, что не обязательно быть солдатом, чтобы быть гражданином, и обнажила политический характер происходящего в сфере безопасности»[40].

Через четырнадцать лет, в мае 1997 г., группа женщин, претендовавших на то, чтобы представлять интересы самого широкого круга родителей солдат, учредили движение «Арба имаот» [«Четыре матери»] (аллюзия к четырем библейским праматерям еврейского народа), которое начало кампанию за полный вывод израильской армии с территории Южного Ливана. Эта группа стала одним из нескольких движений, наряду с «Бат шалом» [«Дочерью мира»] и «Нашим бе’шахор» [«Женщинами в черном»], объединявших матерей, чьи дети служили

или погибли в Ливане. Как подчеркивала профессор Т. Герман, успех деятельности этих общественных групп был следствием того, что все их активистки были матерями воинов, что пробуждало в людях симпатию и способствовало тому, что их идеи становились значительно более популярными[41].

Большинство членов вышеупомянутых левых движений с энтузиазмом восприняли подписание мирного соглашения между Израилем и ООП в 1993 г.. Однако с другой стороны политического спектра некоторые израильтяне, выступавшие против курса левого правительства (следует помнить, что с 1993 г. коалицию И. Рабина поддерживали только 51% депутатов Кнессета), пересмотрели своё традиционное отношение к армии, базировавшееся на аксиоме беззаветной преданности. В середине 1990-х годов идея сознательного гражданского неповиновения стала частью политической философии и израильских правых радикалов. Новатором в данной области, впервые интегрировавшим теорию гражданского неповиновения в стратегию и тактику действий правых радикалов, стал адвокат Э. Хаэцни. В своих статьях он предостерегал, что поселенцы откажутся покидать свои дома, какое бы соглашение правительство Израиля ни заключило с палестинцами[42]. В реальности в августе 2005 г. правительство А. Шарона смогло реализовать свое решение о полном выводе израильских сил и поселенцев из сектора Газа и Северной Самарии, но 24 солдата и младших офицера, принадлежащих к религиозно-сионистскому лагерю, заявили о своем отказе принимать участие в подготовке и реализации т.н. «программы размежевания». Это отчетливо продемонстрировало, что и в праворадикальных кругах служба в армии все больше воспринимается не как «святая почетная обязанность», а как «площадка для диалога» с политическим руководством страны.

Инициатива сознательного отказа от военной службы возникла на правом фланге в рамках группы «*Хай ве'каям*» [«Живущий и существующий»], которую основал Й. Эцион в 1980-е годы. В начале ноября 1993 г. одиннадцать членов группы во главе с лейтенантом резерва М. Карпелем подписали открытое письмо премьер-министру, в котором заявили о своем нежелании служить в армии, выполняющей приказы правительства, могущие поставить под угрозу будущее поселений в Иудее и Самарии[43]. В конце января 1994 г. 33-летний Д. Шапира из Иерусалима, активист правой партии «Цомет» [«Перекресток»], проинформировал своего командира об отказе прибыть на службу

в соответствии с полученной повесткой. Он объяснил свое решение тем, что не может «служить правительству, партнеры которого поддерживают Саддама Хусейна, и для которого палестинское государство более важно, чем Государство Израиль». Д. Шапира был приговорен к заключению сроком в двадцать один день в военной тюрьме в Крифине[44].

Рост активности общественных групп, как «левого», так и «правого» толка, свидетельствует о том, что Израиль всё дальше отходит от модели общества, объединяющегося вокруг своей национальной армии. Период безоговорочной лояльности граждан вооруженным силам ушел в прошлое.

Политизация армии и ее причины

Парадоксальным образом, действия самих военных (в том числе, военных в отставке) во многом способствовали возникновению ситуации, в которой армия оказывалась в центе общественно-политической полемики. Как справедливо отмечал доцент Хайфского университета У. Бен-Элиэзер, в Израиле «влияние военных ощущается не только во время войны, но и в мирное время»[45]. Как и во многих других странах, отставные военные принимали участие в политической жизни Израиля, начиная с самых первых выборов в Кнессет в 1949 г. Постепенно процент отставных офицеров в парламенте рос, и в 1960-е годы примерно каждый десятый депутат имел за плечами более или менее успешную военную карьеру. Самыми видными представителями этой группы были легендарные генералы И. Алон и М. Даян, бывшие членами Кнессета на протяжении семи созывов. Среди членов правительства примерно каждый пятый в прошлом занимал высокий пост в вооруженных силах, причем среди трех высших руководителей страны (премьер-министр, министр обороны и министр иностранных дел) хотя бы один всегда был отставным военным[46]. Однако вплоть до 1970-х годов столь активная и, что немаловажно, постоянная вовлеченность военных в политическую сферу не способствовала политизации армии.

Й. Пери видит объяснение данного феномена в том, что на рубеже 1970-х и 1980-х годов произошло изменение модели вовлеченности генералитета в политику. Вплоть до этого времени военные преимущественно приходили в политику в качестве протеже тех или иных

государственных деятелей. Так, к примеру, в 1959 г. Д. Бен-Гурион включил генерала армии М. Даяна в предвыборный список Рабочей партии, а в 1973 г. Г. Меир покровительствовала генералам армии в отставке Х. Бар-Леву и И. Рабину. Сходные процессы происходили в оппозиционной тогда партии «Ликуд»: в 1969 г. многолетний лидер оппозиции М. Бегин привел в политику генерала военно-воздушных сил Э. Вейцмана. Подобная «практика кооптации», как назвал ее Й. Пери, не приводила к политизации армии, так как каждое новое поколение военных, приходящих в политику, воспринималось в качестве преемников пользующихся большим общественным авторитетом политических лидеров.

Ситуация начала меняться в 1980-е — начале 1990-х годов. С одной стороны, мотивация участия военных в политической жизни претерпела существенные изменения. Если раньше отставные генералы приходили в политику в качестве протеже партийных лидеров, то теперь они стали основывать собственные политические партии и движения (так, А. Шарон основал в 1973 г. список «Шломцион», а М. Даян в 1981 г. — список «Телем») и участвовать в выборах в качестве их лидеров. Постепенно сложилась ситуация, при которой практически во всех партиях не последнюю роль играли лидеры из числа демобилизовавшихся военных, которые активно высказывали свои политические взгляды и «освящали» их своих прошлым героическим ореолом. С другой стороны, все большая вовлеченность штабных офицеров действующей армии в политико-дипломатические переговоры с арабскими представителями, что особенно практиковалось в первой половине 1990-х гг., в дни второго правительства И. Рабина, привела к тому, что разногласия между военными и гражданскими политиками всё чаще становились достоянием гласности[47].

Отметим, что отставные военные в Кнессете придерживались и придерживаются очень разных политических взглядов: некоторые из них — ультра-правые, другие, напротив, выражают леворадикальные взгляды, третьи же — центристы. К ультра-правым относились покойный генерал Рехавам Зееви, основатель партии «Моледет» [«Родина»], и бывший начальник Генерального штаба ЦАХАЛа генерал армии Р. Эйтан, основатель партии «Цомет». Среди левых радикалов видное место занимали генерал М. Пелед из «Прогрессивного списка за мир» и полковник в отставке М. Паиль из партии «Шели». Список генералов, возглавлявших в разные годы парламентские партии, включает

в себя имена генералов армии И. Рабина и Э. Барака (оба — из Партии труда), И. Ядина (центристское Демократическое движение за перемены, 1977 г.) и М. Даяна (центристская партия «Телем», 1981 г.), а также генералов А. Шарона (в разные годы стоял во главе списков «Шломцион», «Ликуд» и «Кадима»), Э. Вейцмана (центристская партия «Яхад», 1984 г.), И. Мордехая (Партия центра, 1999 г.), А. Мицны и Б. Бен-Элиэзера (оба — Партия труда).

Политизации армии способствовало также и то, что видные военные занимали часто противоположные позиции по важнейшим вопросам, касавшихся проблем мира и безопасности. Так, сторонники отступления с Голанских высот во имя достижения мира с Сирией гордились присоединением к ним отставного бригадного генерала А. Бен-Галя, а их оппоненты опирались на категорическое «нет уходу с Голан» бригадного генерала А. Калахани. Стало понятно, что у армии нет «профессиональной» позиции по вопросам безопасности и возможных территориальных уступок, что у офицеров, как и у всех остальных граждан страны, есть разные мнения по этим вопросам. Цитируя Й. Пери, данная ситуация привела к тому, что «не только идея безопасности и обороны потеряла свой сакральный, надполитический статус, но даже сама военная машина оказалась в центре дебатов в обществе и СМИ»[48].

Еще одним фактором, способствовавшим политизации армии и ее вовлечению в общественные дискуссии, стали публичные споры о военном бюджете и возможностях его сокращения, в которых регулярно принимают участие министр обороны, начальник Генштаба, премьер-министр и министр финансов. Значительная доля информации, равно как и позиции сторон в этом споре, оказываются достоянием широкой общественности[49]. Граждане страны год за годом видят, как представители армии заботятся не столько о благе общества, сколько о собственных институциональных и финансовых интересах.

Активное и крайне разнообразное участие высокопоставленных отставных военных в политических дебатах поставило армию в центр политических противоречий. Несомненно, все возрастающее участие бывших военных высшего ранга в высших эшелонах государственной власти путем создания конкурирующих групп, движений и партий приводит к дальнейшей политизации имиджа армии и эрозии ее «общенационального» и «внеполитического» статуса. При этом нужно, во-первых, отметить описанную выше разнонаправленность векторов,

влияющих на отношение к армии в широких слоях израильского общества, а во-вторых, напомнить, что фиксируемая социологами степень доверия к армии существенно превышает уровень доверия ко всем остальным органам власти и управления в стране[50]. Критический дискурс о роли армии в общественно-политической жизни Государства Израиль в настоящее время несомненно развит куда больше, чем это было в 1960-е — 1970-е годы. Вместе с тем, израильское общество отличала и отличает высокая степень «гражданского милитаризма», что позволяет армии и иным силовым структурам не слишком беспокоиться за свой статус как в настоящее время, так и в обозримом будущем.

Примечания

[1] *Peri Y.* The Arab-Israeli Conflict and Israeli Democracy // Israeli Democracy Under Stress / Ed. by E. Sprinzak & L. Diamond. Boulder, 1993. P. 343.

[2] *Kimmerling B*. Patterns of Militarism in Israel // European Journal of Sociology. 1993. № 34. P. 202.

[3] *Perlmutter A*. Military and Politics in Israel: Nation-Building and Role Expansion. New-York, 1969. P. 69.

[4] *Lissak M.* The Israeli Defence Forces as an Agent of Socialization and Education: A Research in Role Expansion in a Democratic Society // The Perceived Role of the Military / Ed. by M.R. van Gils. Rotterdam, 1972. P. 325–340.

[5] *Perlmutter A*. Military and Politics in Israel. P. 132.

[6] *Ben-Eliezer U*. From Military Role-Expansion to Difficulties in Peace-Making: The Israel Defense Forces 50 Years On // Military, State, and Society in Israel / Ed. by D. Maman, E. Ben-Ari & Z. Rosenhek. New Brunswick, 2001. P. 147.

[7] Бе-махане. 15 февраля 1951. С. 16 [иврит].

[8] *Schild E.O*. On the Meaning of Military Service in Israel // Curtis M. & Chertoff M. (eds.), Israel: Social Structure and Change. New Brunswick: Transaction Books, 1973. P. 421.

[9] Цит. по: *Drori Z.* Utopia in Uniform: The Israel Defence Forces and the Foundation of Israel. London: Routledge, 2005. P. 186.

[10] *Lissak M.* The Israeli Defence Forces as an Agent of Socialization and Education. P. 102.

[11] *Azarya V.* The Israeli Armed Forces // The Political Education of Soldiers / Ed. by M. Janowitz & S. Wesbrook. Beverly Hills, 1983. P. 99–127, особенно P. 114–116.

[12] *Ben-Eliezer U*. A Nation in Arms: State, Nation and Militarism in Israel's First Years // Comparative Studies in Society and History, 1995. № 37. P. 265.

[13] *Kimmerling B*. Patterns of Militarism in Israel. P. 206–208.

[14] *Peri Y.* The Changed Security Discourse in the Israeli Media // Security Concerns. Insights from the Israeli Experience / Ed. by Bar-Tal D., Jacobson D. & Klieman A. London, 1998. P. 221.

[15] *Creveld M. van*. The Sword and the Olive. A Critical History of the Israeli Defence Force. New-York, 1998. P. 245.

[16] *Peri Y.* Between Battles and Ballots. Israeli Military in Politics. Cambridge, 1983. P. 6.

[17] *Creveld M. van*. The Sword and the Olive. P. 246.

[18] См: *Негби М.* Свобода прессы в Израиле. Иерусалим, 1995. С. 38 [иврит].

[19] Подробнее см.: *Epstein A.D.* Defending Democracy and Civil Rights: Jerusalem's Academic Community in the Era of State-Building // Jewish Political Science Review. 2001. № 13. P. 63–103.

[20] См: *Keren M.* Ben-Gurion and the Intellectuals: Power, Knowledge, and Charisma. Dekalb, 1983. P. 96.

[21] Детальное обсуждение данного вопроса см. в: *Keren M.* Israel's Security Intellectuals // Security Concerns. Insights from the Israeli Experience / Ed. by D. Bar-Tal, D. Jacobson, A. Klieman. London, 1998. P. 181–192.

[22] Ibid. P. 185.

[23] См.: *Эпштейн А.Д.* Генезис и закат «левого» Израиля. М., 2011. С. 325–341 («Властители дум: крах процесса Осло и проблема ответственности интеллектуалов»).

[24] *Peri Y.* The Radical Social Scientists and Israeli Militarism // Israel Studies. 1996. № 1 (2). P. 255–256.

[25] *Horowitz D. & Lissak M.* Trouble in Utopia. The Overburdened Polity of Israel. Albany, 1989. P. 217.

[26] *Ариэли Й.* Судьба израильской демократии будет решаться на территориях // Давар. 2, 15, 22 мая 1969 [иврит].

[27] См.: *Лиссак М.* Интифада и израильское общество: историческая и социологическая перспективы // Седьмая война. Влияние интифады на израильское общество / Ред. Р. Галь. Тель-Авив, 1990. Р. 17–37 [иврит].

[28] *Peri Y.* Between Battles and Ballots. Israeli Military in Politics. P. 271.

[29] Подробнее см.: *Keren M.* The Pen and the Sword. Israeli Intellectuals and the Making of a Nation-State. Boulder, 1989.

[30] *Harkabi Y.* The Bar-Kokhba Syndrome. Цит. по: *Keren M.* The Pen and the Sword. P. 94–95.

[31] *Kremnizer M.* The Struggling Law Academia. Цит. по: *Keren M.* The Pen and the Sword. P. 96.

[32] *Носек Х. и Лимор Й.* Военная цензура в Израиле: затяжной компромисс между противоборствующими ценностями // Национальная безопасность и демократия в Израиле / Ред. Б. Нойбергер, И. Бен-Ами, А.Д. Эпштейн. Раанана, 2009. Т. 3. С. 55.

[33] См.: *Zamir Y.* Reporting Military Activities by the Media: Legal Analysis of the Israeli Practice // Free Speech and National Security / Ed. by Sh. Shetreet. Dordrecht, 1991.

[34] *Барзилай Г.* Государство, общество и национальная безопасность. С. 99.

[35] *Peri Y.* Intractable Conflict and the Media // Israel Studies. 2007. № 12 (1). P. 84.

[36] См.: *Epstein A.D.* For the Peoples of the Promised Land. Intellectual and Social Origins of Jewish Pacifism in Israel // The Journal of Israeli History. 1998. № 19 (2). P. 5–20.

[37] *Эпштейн А.Д.* От пацифизма — к политическому протесту: израильское антивоенное движение в период от основания государства до первой Ливанской войны // Национальная безопасность и демократия в Израиле / Ред. Б. Нойбергер, И. Бен-Ами, А.Д. Эпштейн. Раанана, 2008. Т. 2. С. 323.

[38] См.: *Linn R.* Conscientious Objection in Israel During the War in Lebanon // Armed Forces and Society. 1986. № 12 (4). P. 489–512.

[39] См.: *Liebes T. & Blum-Kulka Sh*. Managing a Moral Dilemma: Israeli Soldiers in the Intifada // Armed Forces and Society. 1994. № 27 (1). P. 45–68; *Dar Y., Kimhi Sh., Stadler N. & Epstein A.D.* The Imprint of the Intifada. Response of Kibbutz Born Soldiers to Military Service in the West Bank and Gaza // Armed Forces and Society. 2000. №26 (2). P. 285–311.

[40] *Helman S.* Citizenship Regime, Identity and Peace Protest in Israel // Military, State, and Society in Israel / Ed. by D. Maman, E. Ben-Ari, Z. Rosenhek. New Brunswick, 2001. P. 308–309.

[41] *Herman T.* A Shattered Dream: the Israeli Peace Movement. Cambridge, 2009. P. 58.

[42] См.: *Ha'etzni E.* Civil disobedience in the light of crisis in the Israeli society // Civil Disobedience and Democracy / Ed. by J. Weinstock. Jerusalem, 1998. P. 183–209.

[43] Сопротивление во имя спасения Израиля // Ха'ир, 5 ноября 1993 [иврит]. О группе «Хай ве'каям» см.: *Sprinzak S.* Brother Against Brother. Violence and Extremism in Israeli Politics. New-York, 1999. P. 223–228.

[44] Reserve Duty refusenik gets 21 days // Jerusalem Post. February 2, 1994, P. 14.

[45] *Ben-Eliezer U.* Rethinking the Civil-Military Relations Paradigm. The Inverse Relation Between Militarism and Praetorianism Through the Example of Israel // Comparative Political Studies. 1997. №30 (3). P. 367.

[46] *Peri Y.* Generals in Cabinet Rooms: How the Military Shapes Israeli Policy. Washington, 2006. P. 83.

[47] *Peri Y.* Civil-Military Relations in Israel in Crisis // Military, State, and Society in Israel. P. 107–136.

[48] *Peri Y.* The Changed Security Discourse in the Israeli Media. P. 223.

[49] *Schiffer Z.* The Debate over the Defence Budget of Israel // Israel Studies. 2007. № 12 (1). P. 198.

[50] Согласно данным опросов общественного мнения за 2003–2009 гг., уровень доверия к ЦАХАЛу поднимался (от 84–86% опрошенных в 2003–2004 гг.), опускался (71% — в 2008 г.) и поднимался вновь (79% — в 2009 г.), но всегда был выше уровня доверия к президенту, правительству, Верховному суду и политическим партиям. См.: *Ариан А.*, *Филиппов М., Кеннельман А.* Индекс израильской демократии, 2009. Иерусалим, 2009. С. 54 [иврит].

Александр Крылов
(Москва)

ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОМ ТРЕКЕ В БЛИЖАЙШЕЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

По сути, с 2000 г. то, что в международной практике принято называть «согласованным политическим процессом мирного урегулирования палестино-израильских противоречий», в действительности находится в глубоком и непреодолимом тупике.

В настоящее время наименее вероятный вариант — это достижение всеобъемлющего и прочного мира между Израилем и палестинцами. До недавнего времени существовало общепризнанное понимание того, что мирное соглашение должно базироваться на решении, подразумевающем сосуществование двух государств — Государства Израиль и палестинского государства, расположенного на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. На базе этой формулы с момента исторического признания ООП и Израилем друг друга, т.е. с 1993 г. безуспешно велись переговоры. Ни соглашения «Осло-1»[1] и «Осло-2»[2], ни попытка американского президента Б. Клинтона разрешить палестино-израильские противоречия по «кемп-дэвидской» схеме в конце XX — самом начале XXI вв.[3], ни «Дорожная карта»[4], разработанная «квартетом» международных посредников ближневосточного урегулирования, не дали абсолютно никаких результатов. В конце 2008 г. после израильской военной операции «Литой свинец» в Газе палестинская сторона отказалась от участия в прямых переговорах до тех пор, пока на Западном берегу будут оставаться израильские поселения.

Поселения и поселенческая инфраструктура, включая систему дорог, которыми пользуются только поселенцы, а также военные базы,

закрытые зоны, разделительная стена, контрольно пропускные пункты и блокпосты в совокупности занимают 33,8% территории всего Западного берега[5]. По данным ООН, на Западном берегу (включая Восточный Иерусалим) насчитывалось 149 поселений, в которых проживало почти 450 тысяч израильтян. Кроме того, в период с 1995 по 2000 гг. было создано 104 аванпоста или нелегальных, в соответствии с израильским законодательством, поселений, которые занимают 0,2% территории Западного берега. В «нелегальных поселениях» проживают около 4 тыс. человек[6]. Поселенческий сектор сейчас находится на стадии небывало бурного роста, особенно в Восточном Иерусалиме. И именно сейчас уровень его развития приближается к той отметке, когда создание палестинского государства (а именно это положение зафиксировано в резолюциях № 1397 и № 1515 СБ ООН) станет попросту не возможно.

Палестинцы достаточно хорошо понимают это, и именно по этой причине глава ПНА М. Аббас обратился на последней 66-й сессии ГА ООН с просьбой о предоставлении палестинскому квазигосударственному образованию полноправного членства в ООН. Заявление палестинского лидера еще более осложнило ситуацию в регионе и поставило «квартет» в крайне затруднительное положение. США уже официально объявили, что наложат вето в ходе голосования в СБ ООН по палестинской заявке. Одно из последних заявлений «четверки», также сделанное на последней сессии ООН, содержит как всегда призыв к прямым палестино-израильским переговорам, которые должны завершиться к концу 2012 г. созданием палестинского государства. Однако вряд ли кто верит в успех этих переговоров.

Хотя нынешний премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху дал согласие немедленно сесть за стол переговоров с главой ПНА, условия, выдвигаемые израильской стороной заранее неприемлемы для палестинцев (как, собственно и палестинские — для израильтян). Израильтяне сейчас настаивают на сохранении своего военного присутствия в долине р. Иордан, распространении своего суверенитета на крупные поселенческие блоки, отсрочке решения проблемы Иерусалима, признании палестинцами «еврейского характера» Израиля, имея в виду решение проблемы палестинских беженцев исключительно за пределами границ Израиля. Эти условия фактически дезавуируют ранее наработанную международно-правовую базу БВУ. Кроме того, прозвучавшие требования М. Аббаса диаметрально противоположны позиции изра-

ильской стороны: палестинцы настаивают на создании государства в границах, существовавших до начала войны 1967 г., признании Восточного Иерусалима в качестве столицы и права беженцев на возвращение, а также требуют демонтажа всех поселений.

Заявление Б. Нетаньяху на последней сессии ГА ООН о том, что «он подпишет мирное соглашение, в результате которого будет создано демилитаризованное палестинское государство, признающее еврейский характер Израиля», сейчас особенно далеко от действительности, как далеко от реальности стремление М. Аббаса создать такое государство на Западном берегу. Такой опытный политик, как Б. Нетаньяху никогда (и тем более в условиях продолжающихся «арабских революций» с их непредсказуемыми результатами и последствиями) не допустит создания у себя под боком некоего государства, способного в любой момент примкнуть к арабскому поясу нестабильности, который уже протянулся по всему периметру ныне существующих израильских границ.

Следовательно, палестино-израильские переговоры — даже если они состоятся — не приведут к урегулированию ключевых проблем о постоянном статусе (границы, беженцы, Иерусалим, поселения). Поэтому сегодняшнюю ситуацию можно охарактеризовать как далекую от нормализации отношений конфликтующих сторон, а перспектива подписания мирного договора в обозримом будущем представляется несостоятельной.

Логика развития современной ситуации в районе палестино-израильского противостояния предполагает две формы отношений конфликтующих сторон: 1) очередная крупномасштабная вспышка насилия; 2) состояние «ни войны, ни мира», характеризующееся кратковременными осложнениями обстановки в сочетании с попытками наладить взаимный диалог в целях решения конкретных и насущных вопросов, связанных с обеспечением безопасности, передвижением людей, товаров, денежных средств, транспорта и т.п.

Перспектива очередной ближневосточной войны

Сейчас как никогда велика вероятность того, что конфликт между Израилем и палестинцами может спровоцировать новую крупномасштабную арабо-израильскую войну. В результате происходящих трансформационных процессов на Арабском Востоке Израиль уже оказался в полной изоляции. Турция, до недавнего времени считавшаяся един-

ственным мусульманским государством, осуществляющим сотрудничество с Израилем по всем направлениям, объявила о прекращении действия всех совместных экономических и оборонных программ и возбудила иски против израильских военнослужащих, участвовавших в перехвате судна «Мави Мармара», а также высших руководителей Израиля, отдавших приказ силовым путем воспрепятствовать продвижению турецких правозащитников к берегам Газы. Массовые антиизраильские выступления имели место в Йемене, Тунисе, Алжире и Турции. В Амане в результате такого выступления израильское посольство в Иордании было полностью эвакуировано. Аналогичные события произошли в Египте, правда, с той лишь разницей, что спустя некоторое время ограниченный состав израильских дипломатов вернулся в Каир.

Однако после падения режима Х. Мубарака в преддверии предстоящих президентских выборов заметно оживились радикальные исламские группы, прежде всего «Братья-мусульмане». В ходе предвыборной кампании они открыто требовали денонсировать мирный договор с Израилем, и, судя по безоговорочной победе исламистов, надо отметить, что агрессивные антиизраильские лозунги пользуются широкой поддержкой у египтян.

Общая израильско-египетская граница по Синайскому полуострову уже стала вотчиной мусульманских боевиков, среди которых, помимо египетских фундаменталистов, есть и палестинцы, и афганцы, и бедуины, чеченцы, эмиссары «Хизбаллы» и «аль-Каиды». Через южные границы из Египта в Газу поступает оружие. После свержения Х. Мубарака египетский газопровод, снабжающий газом Израиль и Иорданию, шесть раз подрывался моджахедами. В последнее время стали раздаваться призывы к отделению полуострова от Египта и созданию здесь исламского эмирата. Израильские эксперты не исключают, что укрепление и расширение этого террористического плацдарма в непосредственной близости от Газы может стать источником растущей угрозы для Израиля, что чревато открытыми военными столкновениями, вследствие которых мирный израильско-египетский договор будет аннулирован[7].

Сирийское политическое руководство также может использовать обострение на сиро-израильской границе для отвлечения протестующих от участия в антиправительственных демонстрациях. Свидетельство тому — недавние манифестации на границе под лозунгами воз-

вращения Сирии Голанских высот. Нет сомнений, что демонстранты проникли в приграничную зону с разрешения сирийских властей, а сами акции явно были нацелены на то, чтобы спровоцировать огонь израильских военных и привести к максимальному количеству жертв. Повторение таких провокаций грозит перейти в фазу новой сиро-израильской военной конфронтации.

Нарастает конфликт между Израилем и Ливаном, который стал фактически заложником «Хизбаллы». Быстро набирающий вес на ливанском политическом поприще шейх Х. Насралла не раз заявлял в последнее время, что он готов поддержать восстание, которое может разгореться на Западном берегу и в Газе в связи с объявлением о создании палестинского государства. Сейчас, когда Международный трибунал ООН по Ливану выписал ордер на арест по обвинению в убийстве экс-премьера Р. Харири четырех высокопоставленных военных представителей «Хизбаллы», это шиитское движение, как никогда ранее, нуждается во внешнем враге. В Израиле не исключают, что если ливанское правительство не спустит на тормозах обвинение в убийстве Р. Харири, лидеры «Хизбаллы», скорее всего, устроят на границе провокацию, что вынудит Израиль нанести ответный удар.[8]

В Израиле существуют серьезные опасения, что обострение обстановки по всему периметру границ с арабскими государствами будет сопровождаться массовыми антиизраильскими выступлениями на Западном берегу и в Газе. Израильская армия и полиция уже находятся в состоянии полной готовности к крупным беспорядкам, которые могу разразиться в арабском секторе в случае провозглашения палестинского государства или, наоборот, если это событие будет отложено. Лидеры ХАМАСа в Газе, не дожидаясь окончательного решения, уже объявили о начале третьей интифады, а ПНА подтвердила свое обещание выпустить из тюрем на Западном берегу заключенных «хамасовцев». Не меньшее беспокойство в Израиле вызывает намерение египетских властей открыть КПП Рафах (Рафиах) для палестинцев, что, по мнению израильтян, приведет к проникновению оружия и террористов с Синайского полуострова в Газу. В ответ на это начальник Генштаба египетской армии Сами Анан сказал, что решение открыть Рафах является «делом исключительно египтян и палестинцев», и призвал Израиль не вмешиваться во внутренние дела Египта.[9]

Вместе с тем и ПНА на Западном берегу, и руководство ХАМАСа в Газе понимают, что реакция Израиля на возможную новую интифаду

будет как обычно жесткой и болезненной для палестинцев. Велика вероятность установления Израилем полной блокады Западного берега по аналогии с сектором Газа. Кроме того, у М. Аббаса не может не вызвать озабоченность тот факт, что при решении вопросов, связанных с оформлением палестинской государственности, ему придется идти на уступки ХАМАСу и для сохранения целостности территории будущего государства предлагать своим внутренним политическим противникам ключевые посты. При таком раскладе М. Аббас отсекает любой путь к переговорам с Израилем; откажутся от общения с главой ПНА также американцы и Евросоюз, принципиально не желающие иметь каких-либо дел с ХАМАСом как с террористической организацией.

Будучи самым искушенным палестинским политиком, М. Аббас не может не предвидеть, что масштабная интифада, поддержанная извне некоторыми арабскими странами, все равно будет малопродуктивна, так как войны за всю историю ближневосточного конфликта не только никогда не решали проблем палестинцев, а лишь еще больше множили число этих проблем и усугубляли их урегулирование. В Палестинской администрации хорошо понимают, что новая широкомасштабная война способна похоронить все прежние наработки и договоренности, связанные с построением палестинской государственности. Кроме того, в военные действия в регионе неизбежно будут вовлечены страны, расположенные за пределом района конфликта — США, Россия, ряд влиятельных государств Евросоюза, возможно, также Турция. При их посредничестве будет, наверняка, заключено соглашение о перемирии. А далее все придется начинать с чистого листа. И вряд ли в этом случае стартовая площадка для переговоров у палестинцев будет более фундированной и прочной, чем сегодня.

Наиболее приемлемыми для израильтян считаются сценарии, которые можно обозначить как состояние балансирования между миром и войной, что предполагает сохранение современного «статус-кво» и использование временного фактора с целью создания, прежде всего на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме, необратимых реалий, которые исключали бы решение палестино-израильского конфликта в рамках формулы «два государства для двух народов». Рассмотрим три таких сценария.

Сценарий № 1. Поглощение Израилем Западного берега и Восточного Иерусалима

На протяжении всего периода оккупации, т.е. более сорока лет, политика израильского политического руководства направлялась на изменение демографической ситуации на Западном берегу, включая восточный Иерусалим. С этой целью, начиная с первых дней оккупации, поощрялось массовое переселение гражданского населения Израиля на оккупированную территорию. Одновременно с этим коренное арабское население повсеместно притеснялось и подвергалось насильственному перемещению.[10] На всех картах, издающихся в Израиле, Западный берег обозначается библейскими географическими названиями «Иудея и Самария», а «объединенный Иерусалим», являющийся по израильскому Основному закону столицей Израиля, включает восточную часть города, т.е. территорию, где до войны 1967 г. не было ни одного еврея. Сейчас в еврейском секторе Восточного Иерусалима проживает 211,5 тыс. человек (28,2% всего еврейского населения Города); арабский сектор насчитывает 247,8 тыс. человек[11]. Всего на Западном берегу в настоящее время проживает 484,4 тысячи евреев и 2,35 млн. палестинцев.[12] При этом израильские службы безопасности полностью контролируют более 60% Западного берега и весь Иерусалим.

Активный рост израильского поселенческого контингента и широкомасштабное строительство в еврейских поселениях на оккупированных территориях, включая Голанские высоты, объективно делает нереальной саму перспективу возврата этих территорий палестинцам и сирийцам.

Сценарий, в соответствии с которым Израиль поглотил 6,7 тыс. кв. км палестинской территории, был результативно апробирован после первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Как известно, тогда в результате исхода из палестинских анклавов тысяч арабских жителей при одновременном переселении в эти же районы евреев в кратчайшие сроки была интегрирована в состав Израиля часть территории, отведенная ООН под палестинское государство. «Шестидневная война» открыла новые возможности для создания очередного прецедента. Но в 1967 г. в Израиле многие сомневались в способности этого государства поглотить столь значительные по масштабам ближневосточного региона территории.

Очевидно, что сорок с лишним лет назад присоединение к Израилю Газы и Западного берега привело бы и к аномальной с демографической точки зрения для еврейского государства ситуации: 63% евреев против 36% арабов. С учетом высокой рождаемости среди арабов[13] стало ясно, что, если бы они остались в составе Израиля, то уже к началу 1980-х годов в стране возникло бы арабское большинство. Кстати, даже алия более одного миллиона человек из бывшего СССР не изменила демографической картины: общее соотношение осталось таким же, как почти сорок лет назад. Таким образом, только поддержка поселенческого движения, расширение старых и строительство новых поселений могут «выправить» демографический дисбаланс, а заодно — территориальную проблему по схеме включения в состав Израиля после войны 1949–1948 гг. арабского галилейского анклава и южных районов Негева. Сейчас мало кто помнит, что еще 60 лет назад такие города, как Яффа, Акко или Беэр-Шева (Бир-Саба) были в основном заселены арабами.

Одним словом, поселенческая политика вновь оправдала себя и приблизила к практическому воплощению то, что ранее считалось невероятным и граничащим с фантастикой домыслом. Сейчас достаточно взглянуть на карты Западного берега, Восточного Иерусалима и Голанских высот, чтобы понять, что поселенческая политика не оставляет шансов на создание палестинского государства со столицей в Иерусалиме, а также возврат Сирии ее оккупированных территорий.

Кстати, главы еврейских поселений уже предлагают аннексировать в одностороннем порядке те территории Западного берега, где располагаются еврейские поселения, и предоставить израильское гражданство примерно 300 тыс. арабам, которые живут рядом с поселениями.[14]

Сценарий № 2. Продолжение одностороннего процесса размежевания с палестинцами

«План А. Шарона», или операция по одностороннему выводу израильских поселений и военных подразделений из Газы в августе 2005 г., была обусловлена следующими соображениями:

1) Применявшаяся израильтянами десятилетиями тактика расширения израильского присутствия в районах густозаселенных арабами себя не оправдала. Палестинцы в Газе полностью выиграли «демогра-

фическую войну», а малочисленные еврейские поселения так и не сумели стать развитыми городскими или сельскохозяйственными центрами; их нынешний облик больше напоминал военные объекты за колючей проволокой, нежели удобные для жизнедеятельности человека районы проживания. Существование еврейских поселений в Газе, сопровождавшееся постоянными вооруженными стычками с палестинцами, только усиливало озлобленность с их стороны по отношению к Израилю и укрепляло радикальные исламские группировки, которые пользуются огромным влиянием среди местного населения. Об этом красноречиво свидетельствовали результаты муниципальных выборов, которые состоялись в январе 2005 г., т.е. сразу после завершения операции по выводу войск и поселений из Газы. На этих выборах члены ХАМАСа и других организаций, которые в Израиле принято называть «террористическими», получили 91 место из 118 в десяти административных советах. ФАТХу, т.е. сторонникам нынешнего главы ПНА М. Аббаса, досталось лишь 28 мест[15]. Отсюда вывод: закачивание финансовых средств и других ресурсов в Газу прямо или косвенно способствует развитию структур вооруженного и идеологического сопротивления израильскому присутствию. Поэтому лучше было уйти из Газы, руководствуясь опытом отвода войск из так называемой зоны безопасности Южного Ливана в мае 2000 г., оставляя при этом за собой право на адекватный ответ в случае нарушения израильской границы.

2) «Удержание» в секторе 7,5 тысяч еврейских поселенцев среди более чем миллионного палестинского окружения было нецелесообразно с экономической точки зрения. Чрезмерно дорогостоящая поддержка поселенческой политики превратилась в тяжелое бремя для израильской экономики, и от этого только пострадали израильские налогоплательщики.

3) В отличие от Западного берега, где заграждения безопасности израильтяне только начинали возводить в 2005 г., границы сектора Газа уже были достаточно надежно укреплены, и все пути для вылазок палестинских боевиков надежно перекрыты. В случае обстрела израильской территории ракетами «Касам», «план Шарона» предусматривал проведение в Газе силовых операций. Наиболее проблематичный район «Филадельфийского коридора»[16] по плану размежевания оставался под контролем израильских военных.

4) Предполагалось, что уход из Газы существенно изменит международный имидж Израиля, который серьезно пострадал из-за обвине-

ний в антигуманных действиях израильских военных по отношению к гражданскому палестинскому населению, применения коллективных наказаний и практики точечной ликвидации палестинских идеологов и боевиков, приводящей к многочисленным жертвам среди мирного населения. «Квартет» международных посредников по ближневосточному урегулированию положительно расценил провозглашенное правительством премьер-министра Израиля А. Шарона намерение об одностороннем отделении от ПНА. Об этом, в частности, говорилось в совместном заявлении, принятом в Нью-Йорке в мае 2004 г. по итогам встречи представителей «четверки». В заявлении инициатива А. Шарона весьма осторожно, но все же была названа позитивным шагом.[17]

Изначально «план Шарона» по одностороннему размежеванию с Газой назывался планом «Сначала — Газа», что подразумевало проведение аналогичного вывода войск и поселенцев из тех поселений, которые расположены на удаленном расстоянии от израильских границ. Действительно, в ходе реализации «плана Шарона» были ликвидированы четыре небольших поселения в районе Дженина на севере Западного берега.

Преемник А. Шарона на посту премьер-министра Э. Ольмерт (апрель 2006 — март 2009 гг.) также пытался развивать концепцию одностороннего размежевания с палестинцами Западного берега. Ниже приводятся основные положения т.н. «плана конвергенции», выдержанного в духе основных принципов «плана Шарона» для Газы.

1. *Концентрация еврейского населения.* Предполагается, что от 50 до 100 тысяч израильских граждан, чьи дома находятся на Западном берегу, будут эвакуированы; от 50 до 100 поселений, в которых они сейчас проживают, будут ликвидированы.

2. *Непрерывность палестинской территории.* Территории, на которых сейчас находятся подлежащие ликвидации поселения, а также прилегающие к ним районы, будут в одностороннем порядке переданы Израилем под контроль Палестинской администрации. Израиль сохранит военный контроль над оставшимися еврейскими поселениями, включая незаселенные и пустынные районы Западного берега. После вывода израильских войск эти районы также будут переданы под палестинский контроль. Таким образом, с географической точки зрения будет обеспечена территориальная непрерывность всех районов, где будет осуществлять управление Палестинская администрация.

3. *Передислокация израильских военных частей к некоторым районам стратегического значения и зонам безопасности, находящимся*

вблизи от линии перемирия, достигнутого в 1949 г. В настоящее время вооруженные силы ЦАХАЛа («Армия обороны Израиля») занимают такие позиции, которые позволяют им осуществлять эффективный контроль над всеми магистралями и стратегическими высотами Западного берега. По мере эвакуации поселений части ЦАХАЛа будут передислоцированы или укомплектованы в отдельные гарнизоны. Они будут располагаться в непосредственной близости от барьера безопасности, который станет естественным водоразделом между Израилем и блоками поселений, с одной стороны, и Западным берегом — с другой. В течение всего переходного периода Израиль будет обеспечивать безопасность в Иорданской долине, т.е. на границе с Хашимитским королевством Иордания.

4. *Обеспечение стабильной безопасности в результате строительства барьера безопасности.* Предусматривается завершение строительства барьера безопасности. На заключительном этапе строительства линия барьера будет проложена таким образом, что за заградительными сооружениями останутся все блоки поселений и поселения, которые не подлежат ликвидации в соответствии с планом конвергенции. Эти поселения займут 5–10% территории Западного берега. По завершении эвакуации израильских граждан и ликвидации поселений Израиль провозгласит барьер безопасности временной политической границей. За линией похождения барьера безопасности не будет израильского гражданского присутствия, однако здесь Израиль сохранит свое военное присутствие.

5. *Уход Израиля из районов плотной концентрации арабского населения Иерусалима.* Израиль пойдет на уступку и откажется от требования о распространении своего суверенитета на районы плотной концентрации арабского населения в южной, северной и восточной частях Иерусалима».[18]

Администрация американского президента Дж. Буша в категоричной форме отказалась от поддержки инициативы Э. Ольмерта, расценив ее шагом на пути односторонней демаркации Израилем границы с ПНА. Попытка навязать блокаду основных палестинских городов на Западном берегу по схеме, отработанной в Газе, с недоверием была встречена также лидерами Евросоюза.

Как видно, концепции одностороннего размежевания с палестинцами Западного берега и Газы не предполагают создания независимого палестинского государства. Результатом предлагаемого израильскими

политиками размежевания, как показала действительность, станет, скорее, не государство, а некий аналог «бантустана» времен южноафриканского апартеида.

Сценарий № 3.
Идея демилитаризованного палестинского государства

Под давлением американской администрации президента Б. Обамы в июне 2009 г. премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху в выступлении в центре стратегических исследований БЕСА Бар-Иланского университета в Тель-Авиве призвал палестинских лидеров к немедленному возобновлению переговоров без каких-либо предварительных условий. При этом он впервые публично заявил, что если переговоры будут конструктивными, то Израиль даст согласие на формирование «демилитаризированного палестинского государства рядом с еврейским Государством Израиль».[19] Заявление о создании такого государства, естественно, было оговорено рядом условий. Ниже приводятся некоторые из них:

— Будущее палестинское государство «будет демилитаризовано», а его существование при этом — опираться «на международные гарантии безопасности». На территориях, переданных палестинцам, не будет армии, они не будут господствовать в воздушном пространстве, туда не будет ввозиться оружие. У Израиля должны быть гарантии, что «палестинцы не смогут импортировать ракеты на свою территорию, создавать армию, орудовать в воздушном пространстве, закрытом для Израиля, или подписать пакт с «Хизбаллой» и Ираном».

— Палестинцы должны признать «еврейский характер» Государства Израиль.

— Иерусалим, включая его восточную часть, останется единой и неделимой столицей Израиля, а палестинские беженцы никогда не смогут рассчитывать на возвращение в пределы израильской территории.

— крупные блоки поселений будут находиться в рамках границ Государства Израиль[20].

Хотя в речи Б. Нетаньяху этого не прозвучало, было ясно, что Газа не войдет в состав «демилитаризованного государства», пока в секторе правят лидеры ХАМАСа. Следовательно, площадь предлагаемого государства составит не более 50–60% палестинских территорий.

Идея «демилитаризованного государства» для палестинцев вполне сопоставима с планом одностороннего размежевания, поскольку со-

держащиеся в ней оговорки фактически означают установление режима полного контроля над территорией и населением Западного берега, т.е. такого режима, который ныне навязан сектору Газы.

До недавнего времени в Израиле широкое хождение получили еще несколько вариантов урегулирования конфликта с палестинцами. Один из них предполагал трансфер части палестинцев в соседние арабские страны[21], другой — размен территорий. Последний вариант предполагал участие Египта и Иордании. Однако трансформационные процессы, охватившие сейчас арабские страны, похоже, свели на нет сценарии обмена населением и территориями.

Сценарий № 4. «План М. Аббаса»

Об этом плане проинформировал израильских и зарубежных журналистов спецпредставитель ООН по Ближнему Востоку в Восточном Иерусалиме Р. Серри. В своем заявлении от 31 сентября 2011 г. он отметил, что располагает сведениями о том, что М. Аббас утвердил план расформирования ПНА и возвращения под израильский контроль Западного берега р. Иордан.[22] При этом Израиль должен будет взять на себя ответственность за финансирование здравоохранения, поставок продовольствия, энергоносителей и воды, а также существующей системы образования. Фактически речь идет о возвращении в полном объеме режима израильской оккупации. Р. Серри указал, что «план М. Аббаса» является закономерной реакцией палестинцев на заранее запрограммированную бесперспективность палестино-израильских переговоров и убежденность, что Израиль не намерен на этих переговорах серьезно обсуждать основные проблемы окончательного статуса и лишь использует временной фактор для распространения своего суверенитета на Иудею и Самарию (т.е. Западный берег). Ответственность за возобновление израильского режима полной оккупации палестинских территорий в результате отказа ПНА осуществлять свои полномочия на Западном берегу палестинское руководство намерено возложить на международное сообщество, обвиняя его в бессилии и неспособности применить на практике принятые ранее решения и договоренности по палестинскому вопросу.

Сообщения о роспуске ПНА вызвали обеспокоенность в Израиле, где не исключают вероятности того, что М. Аббас согласится откликнуться на призыв «квартета» пойти на очередной круг переговоров

с Израилем, а после того, как они вновь зайдут в тупик, объявить о самоликвидации ПНА. Лидеры палестинцев на Западном берегу явно рассчитывают на то, что члены СБ ООН при таком исходе согласятся на признание палестинской государственности, и, возможно, этот демарш убедит даже США, и они откажутся от заранее объявленного вето. Этот шаг отчаяния, который, возможно, будет сделан М. Аббасом на закате его политической карьеры, на деле грозит стать бикфордовым шнуром, протянутым к пороховой бочке. Сейчас на государственной службе в ПНА находятся 250 тысяч служащих и 50 тысяч вооруженных сотрудников служб безопасности. Лишившись средств к существованию, они — вне всякого сомнения — пополнят ряды боевиков, готовых обвинять во всех бедах Израиль и участвовать на стороне радикальных палестинских организаций в непримиримой борьбе с целью его уничтожения. Одним словом, изложенное выше — это тоже не что иное, как сценарий новой ближневосточной войны.

Еще один неблагоприятный для мирного урегулирования сценарий состоит в следующем: Израиль под давлением США, ЕС, России и ООН уходит за «зеленую линию», превращается в «вооруженную Швейцарию», а Государство Палестина вскоре после его провозглашения разваливается под действием внутрипалестинских конфликтов. В результате палестинские территории становятся базой международного терроризма, а это — в свою очередь — повышает вероятность реализации первого из рассмотренных сценариев (перспектива новой ближневосточной войны).

Вместо заключения

На протяжении последних пяти лет в западных СМИ часто появляется информация о возможном нанесении США или Израилем превентивного удара по иранским ядерным объектам. «Арабская весна» дала очередной повод для многочисленных сообщений о вероятных военных акциях против Тегерана. Предстоящий вывод американских войск из Ирака зачастую связывается с тем, что Вашингтон намеревается создать мощный плацдарм в Персидском заливе в целях проведения в ближайшее время военной операции на территории Ирана. В Израиле также многие политики, включая премьер-министра Б. Нетаньяху и министра обороны Э. Барака, в своих последних публичных заявлениях делают упор на то, что иранская угроза требует немедленного и

жесткого решения. В начале ноября все израильские СМИ опубликовали материалы, которые подавались как «слив» конфиденциальной информации из надежных источников, о тренировках израильских летчиков в Италии по отработке полетов на дальние рубежи. Из этого делался вывод, что готовится нанесение удара израильских ВВС по иранским ядерным целям еще до начала 2012 года[23]. Однако ответственные политики на Западе и в Израиле хорошо осознают, что для Ирана ядерное оружие — это не средство массового поражения, а средство массового устрашения внешнего врага. Кроме того, иранское руководство, разворачивая национальную ядерную программу, рассчитывает при ее помощи сплотить население страны и тем самым укрепить свои позиции в условиях сложной экономической ситуации и ощущающейся социальной напряженности в самом Иране. Очевидно, что израильские политики высшего ранга попросту спекулируют на иранской угрозе, тогда как эксперты генштаба израильских вооруженных сил, АМАНА (военная разведка), «Моссада» (внешняя разведка) и ШАБАК («Общая служба безопасности»), т.е. люди, оказывающие первостепенное влияние на принятие политических решений, являются убежденными противниками силового давления на Иран.[24] Помимо того, что израильская гипотетическая атака на Иран только усилит изоляцию Израиля и сплотит силы исламских экстремистов во всем мире, эта атака вызовет предсказуемую реакцию Ирана, который способен в любой момент перекрыть Ормузский пролив, блокировав тем самым поставки нефти из Персидского залива, что неизбежно спровоцирует и мировой энергетический кризис и взорвет обстановку на Ближнем и Среднем Востоке. Как видно, война с Ираном не нужна и невыгодна ни США, ни Израилю.

Примечания

[1] Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению (соглашение «Осло-1»). Документ СБ ООН S/26560 от 11 октября 1993 г.

[2] Израильско-палестинское Временное соглашение по Западному берегу и сектору Газа (соглашение «Осло-2»). Документ СБ ООН S/1997/357 от 5 мая 1997 г.

[3] Подписанные при участии США палестино-израильские документы (Протокол о передислокации в Хевроне от 17 января 1997 г; Меморандум Вай-ривер от 23 октября 1998 г. и Шарм аш-Шейхский Меморандум от 4 сентября 1999 г.) позволили противоборствующим сторонам сосредоточить дипломатические усилия преимущественно на вопросах сферы безопасности и частичной передислокации

войск на Западном берегу. Однако в результате провала переговоров и начала «интифады-2000» большая часть палестинского населения была полностью заблокирована в десяти крупных палестинских городах и секторе Газа. С этого времени сообщение между местами концентрированного скопления палестинцев полностью контролируется и регулируется израильскими военными и службами безопасности, а доступ палестинцев в Восточный Иерусалим с территории Западного берега был отрезан многочисленными блокпостами и КПП.

[4] «Дорожная карта» продвижения к постоянному урегулированию палестино-израильского конфликта в соответствии с принципом сосуществования двух государств на основе оценки выполнения сторонами своих обязательств. Документ Совета Безопасности ООН S /2003/529 от 7 мая 2003 г.

[5] The Humanitarian Impact on Palestinians of Israeli Settlements and other Infrastructure in the West Bank. The UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA), East Jerusalem, July 2007. P. 52–53.

[6] Подробная информация об израильских поселениях и поселенцах содержится в кн.: Крылов А.В. Израильские поселения на оккупированных арабских территориях, 1967-2007 гг., М., изд. МГИМО, 2011.

[7] MIG-news (Israeli International Media Group), 13.09.2011.

[8] MIG-news, 03.07.2011.

[9] The Jerusalem Post. 04.30.2011.

[10] Ближневосточное агентство ООН для оказания помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) рассматривает в качестве лиц (палестинцев), насильственно перемещенных во время войны 1967 г. около 300 тыс. человек. 175 тыс. человек за время конфликтов 1948–1949 гг. и 1967 г. стали беженцами дважды. По данным БАПОР, в 2008 г. общее число палестинских беженцев (включая лиц, родившихся в изгнании) составляло 4,618 млн. человек, из которых 1,363 млн. человек (около 30%) находятся в 58 лагерях для перемещенных лиц. Почти 40% от общего числа зарегистрированных палестинских беженцев и 25% всех арабов-палестинцев сконцентрировано на территории Западного берега и в секторе Газа. По состоянию на 2008 г., в 19 лагерях беженцев на Западном берегу насчитывалось 191,4 тыс. человек; в 8 лагерях в Газе — 492,3 тыс. человек (UNRWA in Figures. Public Information Office, UNWRA Headquarters, Gaza, June 2008.).

[11] Statistical Yearbook for Jerusalem, 2007-2008. Jerusalem Institute of Israel Studies, Jerusalem, 2008. Population in Israel and in Jerusalem, by Religion, 1988–2007. Table III/10; Population of Jerusalem, ву Age, Religion and Geographical Spreading, 2007. Table III/11.

[12] PASSIA Diary. Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs, East Jerusalem, 2009. P. 349.

[13] На палестинских территориях, находящихся под контролем Израиля, сложилась парадоксальная демографическая ситуация. И по израильским, и по палестинским данным, почти половина населения — дети моложе 14 лет. На одну палестинку в среднем приходится 5,9 детей (в пределах «зеленой линии» этот показатель чуть ниже — 4,7). Плотность населения на 1 кв. км составляет 372 челове-

ка — это больше, чем в Японии. При существующих демографических тенденциях арабское население Западного берега увеличивается вдвое каждые 15-16 лет и, следовательно, должно достичь 11 млн. человек к 2050 г. Такая перспектива не может не волновать израильские власти, тем более что такие же приблизительно высокие темпы рождаемости характерны для арабов — граждан Израиля.

[14] Едиот Ахронот. 15.03.2000.

[15] Гаарец. 28.01.2005.

[16] «Филадельфийский коридор» или «розовая зона» — узкая полоса вдоль границы между сектором Газа и Египтом. Протяженность коридора, включающего шоссе, контрольно-следовую полосу, бетонные и проволочные заграждения, составляет 11 км, ширина колеблется от 50 до 100 метров. Регулярное патрулирование коридора израильтяне осуществляют с помощью бронетранспортеров. Несмотря на это, «розовая зона» давно стала мостом контрабанды, по которому с египетской территории в Газу идут многие товары, включая оружие, боеприпасы, наркотики, сигареты и т. п. Контрабандисты постоянно прокладывают тоннели под заграждениями полосы на глубине 10-13 метров. Вентиляция осуществляется с помощью специальных незаметных для наблюдения трубок, которые выводятся наружу. Зона «Филадельфийского коридора» у израильских военных считается наиболее опасной. В мае 2004 г. здесь был подорван израильский БТР. В результате взрыва 12 военнослужащих были убиты.

[17] Middle East Quartet communiqué, New York, May 4, 2004.

[18] Glick Caroline B. Ehud Olmert's «Convergence» Plan for the West Bank and U.S. Middle East Policy. The Center for Security Policy, Washington, Occasional papers series, April 2006, № 9, P.3-4.

[19] Гаарец. 15.06.2001. Идея создания «демилитаризованного» палестинского государства с учетом изложенных оговорок была также озвучена Б. Нетаньяху в речи на 66-ой сессии ГА ООН.

[20] Там же.

[21] Некоторые израильские партии, представленные в Кнессете («Наш дом — Израиль», «Национальное единство»), включили положение о трансфере в свои политические программы.

[22] Гаарец. 31.10.2011.

[23] Mig-news. 07.11.2011.

[24] Mig-news. 01.11.2011.

Владимир (Зеэв) Ханин
(Иерусалим)

ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ, НЕОСИОНИЗМ И ЕВРЕЙСТВО АМЕРИКИ

Современный период истории Израиля ознаменовался кризисом идеологии и практики «плавильного котла» и окончательным утверждением в израильском обществе норм и принципов многокультурности. Это, в свою очередь, привело к формированию или укреплению многообразных типов и моделей израильской идентичности. Причем сказанное справедливо не только в контексте взаимоотношений различных этноконфессиональных групп израильтян, но и для ситуации внутри израильского еврейского общества.

В последние десятилетия в Израиле формируются сравнительно новые культурно-идентификационные сообщества, складывающиеся как на базе сплоченных групп репатриантов и их потомков, представляющих те или иные еврейские общины диаспоры, так и в результате качественного усложнения структуры израильского социума. Многие из этих сообществ, существование которых вполне легитимно в современном постмодернистском израильском обществе, характеризует высокий уровень стабильности. Связанные с ними модели израильской идентичности передаются не только через поколения, но и в ряде случаев сохраняются — надолго или навсегда — у многих их носителей, которые в разное время эмигрировали из страны.

Маленький конфликт и большие вопросы

Отношение израильского общества и его интеллектуальной, политической и культурной элиты к еврейской эмиграции из страны, хотя во многом и утратило радикально-негативную окраску двадцати-трид-

цатилетней давности, тем не менее продолжает оставаться неоднозначным. Обычно достаточно простого информационного повода, чтобы этот социальный феномен в очередной раз стал одной из центральных тем общественной дискуссии в стране.

Один из таких поводов имел место в начале декабря 2011 г., когда, по сообщениям израильских СМИ, несколько руководителей еврейских организаций США обратились к премьер-министру Израиля Беньямину Нетаньяху с претензией по поводу проводимой израильским министерством абсорбции кампании, направленной на возвращение в Израиль граждан, проживающих за его пределами (т.н. *йордим*), прежде всего, в Северной Америке. По сообщениям из тех же источников, еврейских общинных лидеров якобы возмутила тональность этого мероприятия, обращенного к национальным чувствам эмигрантов, которые, как опасаются инициаторы кампании, в отрыве от Израиля рискуют забыть язык, культуру и религиозные праздники, а также увидеть своих детей, вступающих в смешанные браки. В качестве примера приводились выпущенные в рамках кампании интернет-ролики и рекламные плакаты, призывающие живущих за границей израильских евреев «вернуться домой», пока «аба (=папа, ивр.) не превратится в американского daddy», а «Ханука — в [отмечаемое примерно в это же время года христианское] Рождество». Нетаньяху в ответ на жалобы проживающих в США израильтян, благодаря которым, по его утверждению, он и узнал об этой оскорбившей их кампании, не вдаваясь в детали, осудил кампанию и потребовал ее немедленного прекращения, что, по информации его канцелярии, и было сделано.

Странность ситуации, однако, заключалась в том, что указанная информационно-разъяснительная кампания проходила с начала октября до начала ноября 2011 г., и к тому времени уже больше месяца как сама благополучно завершилась, не вызывая тогда ни у кого особых претензий. (Были, правда, и те, кто критиковал некоторую прямолинейность лозунгов и профессиональное качество исполнения роликов и плакатов, но это уже дело вкуса). На созванном 7 декабря 2011 г. с целью обсуждения возникшей проблемы специальном заседании комиссии Кнессета по алие и абсорбции ее председатель, депутат от Ликуда Дани Данон повторил уже звучавшие в прессе клише об «абсолютном провале мероприятия» вследствие «отсутствия межведомственной координации и пустой траты денег», и «негодования, которое

оно вызвало у американских евреев»[1]. Однако, тут же выяснилось, что нарисованная им мрачная картина, мягко говоря, не точна.

На том же заседании министр абсорбции Софа Ландвер и ее коллеги проинформировали присутствовавших политиков, журналистов и представителей НПО, что за месяц кампании как в израильские дипломатические представительства и культурные центры за рубежом, так и непосредственно в министерство абсорбции физически обратились многие тысячи постоянно проживающих за границей израильтян, а по электронной почте — еще свыше 150 000. Эти люди активно интересовались новыми возможностями трудоустройства в Израиле, восстановления медицинских и социальных страховок и пакетами услуг, которые правительство страны предоставляет своим возвращающимся на ПМЖ гражданам, в свете чего растиражированное представление о том, что указанная пропагандистская кампания «оскорбила всю целевую аудиторию» следует считать, как минимум, сильно преувеличенной. В свою очередь, гендиректор министерства абсорбции Дмитрий Апарцев отметил, что этот успех достигнут с помощью весьма ограниченного бюджета в 3 млн. шекелей (например, бюджет, выделяемый израильскими страховыми компаниями или операторами сотовой связи на рекламу их услуг среди той же целевой аудитории, составляет неизмеримо большие суммы).

Когда страсти немного улеглись, оказалось, что члены комиссии отнюдь не сомневаются в самой необходимости проведения кампаний, в том числе рекламных, по возвращению в страну максимального числа израильтян. Когда спустя некоторое время сильно смягчил тон и сам Нетаньяху, который, по его словам, «никому ничего не запрещал», а лишь — после жалобы американских евреев — попросил убрать некоторые вызывающие противоречивое отношение ролики из Youtube и с официальных сайтов израильских ведомств, тема явно потеряла свою остроту.

Если все обстоит именно так, и кампания, как заявил Апарцев, ни на какой стадии не обращалась к еврейской общине США, то что же так возмутило американских еврейских лидеров? О причинах такой их реакции остается только догадываться, но наиболее реальными представляются три версии.

Первая связана с имевшим место постепенным изменением «правил игры» во взаимоотношениях израильских правительственных ведомств и квази-правительственных организаций (Еврейское Агентство

«Сохнут», Еврейский национальный фонд и т. д.) с истеблишментом еврейской общины США, являющейся крупнейшей и влиятельнейшей в еврейском мире. Согласно устоявшимся с (вос)создания в 1948 г. еврейского государства, а реально — и более ранним официальным и неформальным пожеланиям, израильские организации, как и их предшественники из числа политических институтов *ишува* (организованного еврейского поселения) в Эрец Исраэль/Палестине, ограничивали свою деятельность в США выполнением представительских, визовых и иных консульско-дипломатических функций и не работали непосредственно с местными евреями.

Во всех случаях «еврейским адресом» для официального Израиля были (и во многом остаются) американские еврейские городские и региональные федерации и их «зонтичные» объединения, в первую очередь Американский еврейский комитет, Американский еврейский Конгресс, Совет крупнейших еврейских организаций США, а также ЭЙПАК, «Объединенный еврейский призыв» (United Jewish Appeal, UJA), и некоторые другие. Эти же структуры занимались сбором и распределением пожертвований как на местные и диаспоральные (за пределами США), так и на израильские программы, которые на пике процесса достигали 1,5–2 млрд. долларов США в год. (Крупнейшей частной фандрейзинговой организацией мира, причем не только еврейского, долгие годы была, и, возможно, остается, нью-йоркская Федерация UJA). А их лидеры имели массу способов пресекать, по определению, несистемные попытки израильских, как и иных зарубежных еврейских организаций заниматься в США частным фандрейзингом.

Ситуация стала отчасти меняться в самое последнее время, особенно после финансового кризиса 2008 г., нанесшего серьезный ущерб системе централизованной еврейской филантропии в США, от которой она только сейчас постепенно оправилась. В США активизировались «альтернативные» — с точки зрения традиционных еврейских элит — проекты, например, связанные с декларируемыми новыми целями израильского правительственного бюро по связям с диаспорой «Натив» и «Сохнута», проявляющими все больший интерес к полумиллионной русско-еврейской общине США. Или организации типа «Нефеш ба-Нефеш» (=«душа в душу», иврит), заявившие претензии на своего рода «приватизацию» услуг по репатриации американских евреев в Израиль. В этом же ряду, что особенно важно в контексте нашей темы, находится и деятельность поддерживаемой министерством абсорбции и МИДом Из-

раиля сети т.н. «израильских домов», созданных для укрепления связи еврейского государства с живущими в США израильтянами.

Заметим, что эти организации фактически не предъявляли претензий на демографическое большинство и организационное ядро еврейской общины США — «англо-саксонских» евреев, уже много поколений живущих в Америке и не намеренных эмигрировать ни в Израиль, ни в любую другую страну. Но сам факт появления на американском еврейском рынке новых игроков не мог быть без раздражения воспринят местным еврейским истеблишментом, который уже не первый год с тревогой наблюдает за процессом ослабления своего влияния на «новые» еврейские сообщества, формирующиеся в самостоятельных рамках, явно отличных от англо-саксонского «мэйнстирма». Речь в первую очередь идет о живущих в США русскоязычных и ивритоязычных, а также персидских (выходцы из Ирана) и в каком-то смысле ортодоксальных (особенно либерально-ортодоксальных) евреях и их объединениях. Если следовать данной логике, то именно в этом контексте следует понимать «непропорциональную» реакцию представителей «старых» американских еврейских общинных элит на пропагандистскую кампанию Министерства абсорбции, воспринятую как очередное вторжение в сферу их исключительных полномочий.

Согласно второй версии, возмущение американских еврейских лидеров вызвал даже не сам факт не согласованных с ними действий израильского министерства на «чужой территории», сколько культурно-идеологическая направленность этой кампании. А она, как отмечалось, сводилась к предостережению живущих в США израильтян, что среда, в которой они пребывают, весьма благоприятна для потери ими не только израильской, но и еврейской национальной и религиозно-культурной идентичности, и потому тем, кому важно сохранить эту идентичность и передать ее детям, стоит «поторопиться с возвращением домой». Не вызывает удивления, что несмотря на уверения израильской стороны, что «подозрения в адрес министерства абсорбции, которое якобы пытается повлиять на выбор места проживания американских евреев или осуждает их образ жизни, лишены всяких оснований», в среде американских евреев и их лидеров нашлись те, кто принял это предостережение на свой счет.

Наконец, третье объяснение того, почему события приняли указанный оборот, побуждает обратить внимание на саму американо-израильскую общину, где присутствует небольшая, но шумная и влиятель-

ная в определенных американских еврейских кругах группа радикальных антисионистов — в большинстве своем это люди, разочаровавшиеся в политике израильского руководства, и порой даже отказывающие Израилю в праве на существование в качестве еврейского государства. Эта фракция, в основном сосредоточенная на гуманитарных и обществоведческих факультетах ряда университетов США, стала приобретать легитимность благодаря деятельности постсионистски настроенных интеллектуалов и общественных деятелей в самом Израиле, готовых признать смену израильтянами страны проживания (равно как и саму ассимиляцию евреев в инонациональной среде) «нормальными явлениями». Иная, еще более радикально настроенная категория внутри этой группы готова оправдать эмиграцию из страны идейными соображениями, возводя «отъезжантов» в ранг своего рода «политических диссидентов».

В свою очередь, сами эмигранты — в условиях все еще широко принятого в обществе весьма идеологизированного подхода к эмиграции из страны — в ряде случаев с готовностью хватаются за возможность морального оправдания вполне прагматического стремления улучшить за рубежом качество своей жизни. Представители групп, идентифицирующих себя с левой частью израильского политического спектра, среди причин эмиграции довольно часто упоминают обычные для этой среды клише: «засилье в стране ультра-ортодоксов», «продолжающаяся оккупация арабских земель», нежелание «нести коллективную ответственность за то, что происходит в Израиле».

В этом контексте информационно-разъяснительная кампания министерства абсорбции фактически сделала заявку на резкое изменение всего стиля дискуссии. Она оказалась перенесена на морально-идеологическое поле, где ранее чувствовавшие себя там «монополистами» американо-израильские постсионисты вдруг оказались в неуютном и в непривычном для себя положении обороняющейся стороны. И потому они поспешили употребить все свое влияние (и немалые возможности своих партнеров из местных ультралевых еврейских организаций, в том числе связанных с J-Street), чтобы убедить лидеров американского еврейства в том, что эта кампания частично направлена против них, почему им имеет смысл вмешаться и предотвратить повторение подобной ситуации.

Однако, вне зависимости от справедливости всех или каких-либо из приведенных выше версий, пропагандистский эффект от указанной

информационно-разъяснительной кампании — как бы его ни оценивать — намного превысил ожидания ее инициаторов. Очевидно, что в отношениях израильского и американского еврейства появился новый комплекс факторов, вес которых со временем будет только расти, что вызывает в обеих странах удовлетворение одних кругов и разочарование иных. Тем не менее, поскольку обе еврейские общины — и их страны — объединяет намного большее, чем разъединяет, подобные конфликты, к счастью, пока имеют все шансы остаться в категории мелких внутрисемейных неприятностей.

Израиль и *йордим*

На этом можно было бы и поставить точку в этой истории, если бы так или иначе закончившийся маленький американо-израильский еврейский «семейный скандал» не оставил намного больше принципиальных вопросов, дать ответ на которые не так легко, как может показаться на первый взгляд.

Первый вопрос — как вся эта история вписывается в нынешний характер отношений Государства Израиль (страны массовой иммиграции, начертавшей на своем знамени идею собирания евреев из стран их рассеяния) с его гражданами, по тем или иным причинам переселившимися — на время или навсегда — за рубеж. Вопрос весьма непраздный, поскольку считается, что общее число постоянно проживающих за рубежом израильтян и их потомков составляет приблизительно от 750 000 до (или даже более) 1 000 000 человек. Из них около 60% проживает в США и Канаде, еще примерно 25% — в Европе, остальные 15% — в иных странах. Впрочем, некоторые авторитетные демографы (Серджио Делла Пергола, Янун Коэн и другие) полагают, что эти цифры сильно завышены, и определяют численность «зарубежной израильской диаспоры» в 560–700 тыс. человек (последняя цифра включает не только обладателей израильских паспортов, но и их супругов, не являющихся израильскими гражданами, а также их родившихся за границей детей)[2].

Отношение к этому сообществу, вне зависимости от его реальной численности, как и к самому явлению еврейской эмиграция из Израиля, на протяжении многих десятилетий было весьма идеологизированным. Долгое время представители практически всех (за исключением, разумеется, арабских) израильских элит, к какому бы политическому

лагерю — левому или правому, светскому или религиозному, и т.д., — они ни принадлежали, рассматривали это явление как однозначно негативное. Потому они, как и большинство израильского общества в целом, с сожалением воспринимали отъезд на ПМЖ за рубеж любого гражданина страны, какими бы причинами он при этом ни руководствовался. Это и понятно, ибо одной из центральных идей сионизма была и остается *кибуц галуйот* — концепция собирания еврейских диаспор в Палестине/Эрец-Исраэль. И потому отъезд евреев из Палестины и Государства Израиль, который, заметим, сопровождал все волны еврейской репатриации, не только ставил под сомнение сионистский идеал всеобщего еврейского сосуществования именно в своей стране — Эрец-Исраэль, но и приводил к увеличению относительной доли в ней конкурирующего арабского населения.

Остатки этого подхода видны еще и сегодня. Некоторые комментаторы полагают, что правительство Израиля — постиндустриальной высокотехнологичной державы западного типа — в вопросах своей эмиграционной политики все еще во многом руководствуется идеологическим императивом, сложившимся во времена, когда Израиль принадлежал к категории развивающихся стран, а обеспечение в нем стабильного еврейского большинства находилось под вопросом. Так, по наблюдениям авторов представленного демографической комиссии ООН обзора политики в области народонаселения различных стран, число еврейских иммигрантов в Израиль в ее официальных кругах практически всегда оценивается «как меньшее, чем хотелось бы», а число евреев-эмигрантов из нее — как разочаровывающе большое[3].

Интересную иллюстрацию этого вывода приводит упомянутый выше ведущий израильский демограф С. Делла Пергола. В своем анализе, опубликованном Иерусалимским институтом планирования еврейской общественной политики, он заметил, что уровень эмиграции из Израиля (который в последние десятилетия остается удивительно стабильным — 3–4 чел. на 1000 граждан) сопоставим с примерно таким же уровнем эмиграции, например, из такой высокоразвитой европейской страны, как Швейцария. Однако в Израиле этот уровень многими расценивается как «очень высокий», в то время как швейцарцам их уровень эмиграции кажется достаточно низким. Потому оценка и восприятие этого уровня, по мнению Делла Перголы и его коллег, в гораздо большей степени является итогом «нормативной системы ценностей, чем объективной оценки анализируемого явления» [4].

Разумеется, масштабы данного феномена не стоит преувеличивать, ибо с кризисом концепции «плавильного котла» и утверждением в Израиле идей мультикультурализма и открытого общества отношение к эмиграции евреев из него утратило прежний эмоциональный накал. Ранее бытовавшее в некоторых общественных кругах отношение к эмигрантам из страны как к «дезертирам», предоставляющим остающимся в Израиле согражданам самим решать проблемы его безопасности и развития, практически исчезло. А в Кнессете относительно спокойно обсуждаются законодательные инициативы о предоставлении живущим за границей гражданам страны права на участие в парламентских выборах, что было бы практически немыслимо еще 10–15 лет назад. Очевидно, однако, что еврейская эмиграция из страны — особенно отъезд молодежи и высококвалифицированных специалистов — в глазах очень многих израильтян и элит продолжает оставаться проблематичной темой, требующей решения.

Именно в духе этого подхода было выдержано и заявление министра абсорбции Софы Ландвер в выступлении на упомянутом заседании комиссии Кнессета. Отметив, что только в 2011 г. в Израиль вернулись 14 000 человек, Ландвер заявила, что Израиль, как и любое другое развитое государство мира, «не может себе позволить, чтобы более миллиона ее граждан проживали за рубежом». В силу чего, по ее мнению, нужно только приветствовать, что «после долгих лет игнорирования Израилем своих граждан, переехавших за границу на ПМЖ, правительство, наконец, стало принимать меры по их возвращению. Эти люди — не предатели, а израильтяне, которые [рано или поздно] приедут домой».

Второй возникающий в связи с этим вопрос — относится ли данный подход к категории wishful thinking, или речь идет о реальной оценке ситуации? Судя по всему, более верным является последнее. Как показывают многочисленные исследования, в подавляющем большинстве случаев эмигранты из Израиля (и евреи, и израильские арабы, которых, кстати, за границей — более 100 000) движимы вполне прагматическими мотивами. К ним чаще всего относятся экономические причины — как правило, стремление повысить уровень жизни, а также желание полнее реализовать свой профессиональный и личный потенциал, равно как и персональные (учеба, стремление расширить горизонты или просто тяга к странствиям) и семейные обстоятельства.

Вопреки взглядам ряда обозревателей, преимущественно ультралевой и постсионистской идеологической ориентации, утверждающих, что те, кто покидают Израиль, бегут от войны и террора (наиболее последовательно эту позицию отстаивает американский социолог Айен Лустик)[5], убедительных эмпирических подтверждений этой гипотезы найдено не было. Как и другого популярного утверждения, что отъезд из страны связан с ослаблением израильской и еврейской национальной идентичности и/или морально-идеологических ориентиров. Было не раз установлено, что покинувшие страну израильтяне реагируют, главным образом, на «притягивающие» факторы за рубежом, и в меньшей степени — на «выталкивающие» факторы на родине. При этом материальные соображения действительно иногда бывают «сцеплены» с идеологическими или псевдо-идеологическими устремлениями, причем чаще декларативного, чем практического свойства[6].

Эмигранты, как правило, сохраняют теплое отношение к Израилю и не прерывают свою духовную связь с ним. Исследователи в целом согласны с тем, что несмотря на столь же большую разнородность израильской эмиграции, как и израильского общества в целом, ведущей формой самоопределения большинства эмигрантов является чувство принадлежности к Израилю. Эта национальная израильская идентичность часто, особенно в США и Европе, противопоставляется этнорелигиозной идентичности евреев диаспоры, и потому нередко препятствует их полному растворению в местных еврейских общинах.

Именно к этим позитивным ощущениям, а не к «чувству вины» и прочим идеологемам 30–40-летней давности, собственно и апеллировали — вопреки мнениям их критиков — инициаторы обсуждаемой нами информационно-разъяснительной кампании, которые, как отметил Д. Апарцев, опирались на «детальное исследования, выявившие чувствительные “точки” в самоидентификации израильтян в США, их культурные коды и ценности».

Государство Израиль и еврейство диаспоры: неосионистская альтернатива

Тем не менее нельзя не признать, что образ Израиля в глазах еврейских общин мира также является темой, от которой нельзя просто отмахнуться. После победы Израиля в Шестидневной войне, невероятно усилившей чувство солидарности с еврейским государством евреев

диаспоры, сионистские настроения в ней (в духе «Иерусалимской программы» 1966 г. — концепции центральной роли Израиля в еврейском мире) существенно превалировали над несионистскими и антисионистскими.

За прошедшие 45 лет, однако, эти настроения серьезно девальвировали, особенно среди евреев Запада. Так, согласно опросам, на десятки процентов снизилась доля американских евреев, чувствующих сопричастность происходящему в Израиле и ставящих еврейское государство на первые позиции как значимый фактор их самосознания. Это порождает и соответствующую реакцию евреев, живущих в их национальном государстве. Согласно одному из опросов, 44% еврейского населения Израиля считает, что евреи диаспоры не имеют права публично критиковать правительство Израиля, в то время как другие 40% считают, что такое право у них есть. Соответственно, есть немало пессимистов, которые готовы разделить мнение американского еврейского философа Гилеля Галкина о «конце сионизма диаспоры»[7].

Есть и оптимистическая точка зрения, например, сформулированная известным израильским историком и публицистом Леей Коэн. По ее мнению, идеи сионизма сегодня столь же жизненны, как и прежде, — в том числе и для диаспоры, — и нуждаются не столько в ревизии, сколько в поиске новых формулировок в свете тех перемен, которые за последние десятилетия пережил и еврейский народ, и мир в целом[8].

Кто в данном случае окажется прав, во многом зависит от ответа на еще один «большой вопрос», который постоянно задают себе многие израильтяне: в какой мере образ и объявленные цели Государства Израиль сответствуют ожиданиям самого израильского общества? И есть ли у Израиля своя историческая миссия, и насколько эффективно она воплощается в жизнь?

Как всякое современное государство, Израиль, разумеется, имеет свою историческую миссию. Эта миссия сформулирована в виде согласованного набора норм, ценностей, символов и национальных идеалов. Несмотря на нередкий пессимизм, сионизм (если определять его в терминологии Т. Герцля), уже добился, или почти добился своих политических целей. Государство Израиль уже сегодня является крупнейшим в мире центром еврейской жизни, и по всем оценкам, через сравнительно короткий промежуток времени в Израиле, скорее всего, будет сосредоточено большинство еврейского населения планеты.

В Государстве Израиль, в отличие от большинства европейских стран, отмечается положительный прирост населения, в том числе — в еврейском секторе.

Иными словами, в то время как численность евреев в диаспоре сокращается, в Израиле она неуклонно растет. Кроме того, большинство еврейского населения стран, в которых евреи все еще пребывают в стесненных обстоятельствах, вероятнее всего, репатриируется в Израиль. Таким образом, приблизительно к 2020 г. Государство Израиль станет крупнейшим в мире центром еврейской жизни, наиболее устойчивым со всех точек зрения, и это является весьма впечатляющим достижением сионистского движения.

В практическом плане объявленные цели Государства Израиль традиционно формулируются в виде трех главных национальных приоритетов: 1) прием и интеграция алии; 2) обеспечение безопасности населения и еврейского народа в целом; и 3) обеспечение общественного благосостояния. По многим параметрам эти цели, несмотря на трудности и справедливую общественную критику, достаточно успешно воплощаются.

Вместе с тем, немалой проблемой остается глубокое идейное размежевание в израильском обществе и его элитах по вопросу о путях дальнейшего развития страны и ее идентичности. Поскольку Израиль (как, например, и США, и некоторые другие страны) принадлежит к небольшой группе современных государств, чья национальная идеология возникла не только задолго до их формального провозглашения, но и далеко за их пределами, сионизм, как и близкие к нему национальные течения, прошел «испытание реальностью» и определенную внутреннюю трансформацию и расколы.

В итоге на сегодняшний день существуют три основные модели сионизма: классический сионизм, постсионизм и неосионизм, каждый из которых предлагает свой взгляд на Израиль как национальное государство и его историческую миссию. С точки зрения классического сионизма, Израиль выполняет две задачи: во-первых, служит средством реализации права еврейского народа на национальное самоопределение, во-вторых, служит «убежищем» для еврейских общин, оказавшихся перед лицом угрозы (в том или ином ее понимании) своему физическому существованию.

С точки зрения крайних сторонников классического сионизма все еврейские общины являются потенциальным объектом преследований,

поэтому все евреи должны быть «эвакуированы» в Израиль как можно скорее. Представители религиозной фракции этого течения — религиозные сионисты — кроме того, считают Израиль средством реализации Вс-вышним плана освобождения (*геулы*) еврейского народа из *галута* («изгнания») идентифицируемого с диаспорой, и, следовательно, наделяют его мессианским значением.

Кризис классического сионизма в середине 70-х гг. XX в., включая концепцию «плавильного котла» еврейских диаспор в Израиле на основе секулярной ивритской культуры и переход к мультикультурализму, привел к смене идеологических приоритетов и выходу на первый план двух новых соперничающих моделей национализма: постсионизма и неосионизма.

Представители обеих концепций видят в существовании Израиля не только и не столько средство для решения общих проблем еврейского народа, сколько самостоятельную или даже самодостаточную цель. Однако если сторонники неосионистских течений по-прежнему считают Израиль центром еврейского мира, а сохранение еврейского характера государства является для них смыслом и способом его существования, постсионисты рассматривают перспективы развития страны вне еврейского контекста, настаивая на превращении Израиля из еврейского государства в ближневосточное «государство всех граждан».

Соответственно, «неосионисты» принимают принципы классического сионизма в качестве органичной части своей идеологии, «постсионисты», напротив, эти принципы отвергают. Прием алии для неосионистов — легитимация существования Израиля и способ укрепления еврейского характера государства, для постсионистов — гуманитарная проблема, дань устаревшей традиции и препятствие на пути к «государству всех граждан».

При этом очевидно, что большинство еврейского населения в Государстве Израиль по-прежнему сохраняет приверженность национальным ценностям. Оно ощущает глубокую связь с еврейским наследием и не желает порывать с ним. Большая часть еврейского общества, согласно всем опросам, по-прежнему высоко ценит национальную идентичность, национальные ценности и национальную культуру.

Задача государства, по убеждению большей части израильских культурных и политических элит, и основное предназначение сионизма на сегодняшний день, когда существование Государства Израиль

является уже свершившимся фактом, заключается в достижении цели, которую некогда сформулировали Ахад ха-Ам и российские палестинофилы, — в построении в Израиле «духовного центра» еврейского народа, который бы обслуживал как израильское общество, так и еврейство диаспоры.

Примечания

[1] Здесь и далее выступления на этом заседании цитируются по «Протоколу заседания комиссии Кнессета по алие, абсорбции и отношениям с еврейской диаспорой 7. 12.2011 г.» [иврит].

[2] *Karasenty Y. and Rosner Sh.* What Million Missing Israelis? // Foreign Policy. July 28, 2011. -http://mideast.foreignpolicy.com/posts/2011/07/28/what_million_missing_israelis; *Cohen Y.* Migration Patterns to and from Israel // Contemporary Jewry. Vol. 29. 2010. № 2. P. 115–125.

[3] *Phren S.* and *Peri N.* Prospective immigration to Israel through 2030: methodological issues and challenges // Joint Eurostat / UN Statistical Commission Work Session on Demographic Projections (28–30 April 2010, Lisbon, Portugal). P. 7.

[4] *Della Pergola S.* Jewish Demographic Policies: Population Trends and Options in Israel and the Diaspora. Jerusalem, 2011. P. 152.

[5] См.: *Lustick I.S.* Israeli Migration Balance: Demography, Politics, and Ideology // Israel Studies Review. 26. № 1 (Summer 2011). P. 33–65; критику его анализа см. в: *Della Pergola S.* When Scholarship Disturbs Narrative: Ian Lustick on Israel's Migration Balance // Israel Studies Review. 26. № 2 (Winter 2011). P. 1–27.

[6] См.: *Rebhun U.* and *Levari L.* American Israelis: Migration, Transnationalism, and Diasporic Identity. Laden, 2010; *Ханин З.* и *Эпштейн А.* Возвращение на Родину или трудовая эмиграция? Русскоязычные израильтяне в России // Диаспоры. 2010. № 1. С. 101–128.

[7] *Галкин Г.* Ахад ха-Ам, Герцль и конец сионизма диаспоры // Созидание еврейского будущего. М.; Иерусалим, 2001. С. 109–122.

[8] *Коэн Л.* Сионизм, Израиль и мировое еврейство // Общество и политика современного Израиля / Под ред. А. Эпштейна и А. Федорченко. Иерусалим; М., 2001. С. 82–94.

Дмитрий Марьясис
(Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАССОВОГО ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИЗРАИЛЕ В 2011 г.[1]

Начало нового десятилетия XXI в. выдалось крайне неспокойным. Помимо природных катаклизмов, приведших к техногенной катастрофе в Японии, по ряду стран мира прокатилась волна народных протестов. Масштаб этих протестов зачастую оказывался беспрецедентным и в большинстве случаев абсолютно неожиданным. Израиль здесь не оказался исключением. Эта статья посвящена рассмотрению и анализу экономических аспектов протестного движения 2011 г. Однако для лучшего понимания происходящего здесь приведены размышления о всей совокупности причин, приведших к возникновению «протестного цунами», захлестнувшего Израиль летом–осенью 2011 г. Таким образом, статья поделена на три части: рассмотрение причин протеста, краткое описание хода протестных действий и реакции израильского правительства, анализ экономических последствий.

Причины

Представляется, что среди причин возникновения массового движения протеста в Израиле были как события, происходившие за пределами страны, так и внутри нее.

Если говорить о внешних причинах, то тут возникает довольно непростая логическая цепочка. Базой для всего произошедшего явилось беспрецедентное распространение по миру новых коммуникационных технологий, в частности социальных сетей в Интернете. Сегодня они позволяют мобилизовать значительные группы населения на большом географическом пространстве в течение достаточно короткого проме-

жутка времени. Этой возможностью воспользовались социально активные группы населения не только в странах с признанно значительной степенью проникновения Интернет-технологий — США, Израиле, с определенными оговорками России, — но и в ряде значительно менее развитых арабских стран — Тунисе, Египте, Ливии. Важную роль Интернет-технологии сыграли и для распространения информации о происходящем, что явилось, как кажется, одной из важных причин возникновения цепной реакции. События в Тунисе послужили толчком для возникновения массовых протестов в Египте и т.д. пока не охватили значительное количество стран арабского востока[2]. В начале 2012 г. мы можем уверенно говорить, что происходящее уже кардинально изменило регион. Последствия этого пока не ясны.

Как кажется, возникновение массовых протестных движений «Occupy Wall Street» в США, социальных протестов в Израиле, «За честные выборы» в России во многом является продолжением той самой цепной реакции. И хотя нельзя отрицать во многом разные социально-экономические корни всех этих протестов, невозможно не принимать во внимание такой мощный побудительный мотив, как: «В арабских недемократических странах люди смогли решить свои проблемы, выйдя на улицы, неужели мы хуже?».

Внутренние израильские причины являются сложным сочетанием социальных и экономических аспектов. К социальным причинам мы можем отнести следующие: во-первых, увеличение расслоения между бедными и богатыми вследствие экономической либерализации, интенсивно проходящей в Израиле в последние 15 лет. Во-вторых, как отметил известный израильский политолог З. Ханин в своем выступлении на конференции в ИВ РАН в октябре 2012 г., с конца 1980-х гг. все правительства Израиля планомерно реформируют социальную систему страны, стремясь полностью отойти от социалистической модели государства всеобщего благоденствия. В последнее время стало очевидно, что возврата к старой системе не будет. Это означает, что прежние группы элит будут вынуждены либо перестраиваться, либо маргинализироваться. Длительное время им удавалось разными способами тормозить реформы. Однако реформаторам все же удалось переломить ситуацию. Массовые протесты — можно сказать, последняя попытка старых элит вернуть свое положение в обществе руками молодого поколения, так называемой «золотой молодежи», чьи представители и составили костяк протестного движения Израиля.

У израильского протестного движения 2011 г. есть ряд и сугубо экономических причин. В первую очередь к ним относится дороговизна жизни в стране, особенно на фоне других развитых стран мира. Об этом, в частности, свидетельствует исследование, опубликованное в январе 2012 г. Банком Израиля. Так, цены на автомобили в стране на 70% выше среднего уровня по странам-членам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Израильтяне платят сильно выше среднего уровня по ОЭСР также и по таким группам товаров как: молочная продукция и яйца (на 44%), мясо (на 28%), посещение ресторанов и проживание в отелях (на 30%), потребительские товары (на 42%), рыба (на 17%), безалкогольные напитки (на 48%) — список можно продолжать. Получается, что Израиль дешевле среднего уровня по ОЭСР лишь по двум группам товаров — свежим овощам и фруктам (на 13%) и телекоммуникациям (на 4%). По данным этой организации выходит, что в 2008–2010 гг. средний уровень цен на товары частного потребления был на 20% выше того, что можно было ожидать, исходя из ВВП на душу населения (если считать, что есть прямая связь между этими двумя показателями).

Сложившаяся ситуация во многом является следствием чрезмерной концентрации в ряде сегментов израильского рынка, что, в общем, было давно известно, но по разным причинам правительство не уделяло ранее этому достаточно внимания (подробнее об этом далее). Также нельзя в этой связи не отметить практикуемые в Израиле заградительные пошлины на ряд импортируемых товаров. Они ограничивали конкуренцию со стороны иностранных компаний, а значит, и способствовали росту цен внутри страны.

К указанным проблемам добавился также беспрецедентный рост цен на жилье. Так, по данным Центрального статистического бюро (ЦСБ) Израиля, с мая 2007 г. к апрелю 2011 г. цены на жилье выросли на 63,2%. В мае правительство страны начало предпринимать ряд мер, направленных на снижение темпов роста цен в этом сегменте. Однако первые результаты принятых мер стали проявляться только в сентябре–октябре того года. Причем в тот момент они были столь незначительными, что отражались только в статистических отчетах, а это не способствовало одобрению этих мер населением.

Представляется, что комплекс рассмотренных причин лежит в основе массового движения протеста, прокатившегося по Израилю летом–осенью 2011 г.

Краткая хронология событий и реакция правительства Израиля

Все началось с того, что дороговизна сельскохозяйственной продукции в стране в какой-то момент переполнила чашу терпения израильтян. Дело в том, что цены на продукты питания в Израиле выросли не только по сравнению с другими странами, но и по сравнению с показателями сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности. В период с 2005 по середину 2011 гг. цены на натуральный йогурт выросли на 46,2%, стоимость творога увеличилась на 41,3%, белого сыра — на 32,3%, сметаны и молока — на 15,5%.

В начале июня в социальной сети «Facebook» были созданы две страницы, в которых «врагом №1» были объявлены цены на зернистый творог[3]. В связи с этим предлагалось объявить бойкот этому товару, пока цены на него не снизятся. За несколько дней к бойкоту присоединились десятки тысяч человек. Представители министерства сельского хозяйства и финансов пытались как-то успокоить ситуацию, но бесполезно. Уже в первую неделю после объявления бойкота продажи зернистого творога в торговых сетях сократились на 25–30%. Бойкот достиг результата. Крупнейшая израильская компания «Tnuva» и другие компании-производители объявили о снижении цен. Однако организаторы бойкота были не готовы останавливаться на достигнутом. Они продолжили протестные действия, так как, по их мнению, цены на другую сельскохозяйственную продукцию, в частности на фрукты и овощи, также были сильно завышены.

В июле правительство Израиля предприняло ряд шагов, чтобы нормализовать ситуацию в пищевой промышленности. Во-первых, был выпущен подробный доклад парламентского исследовательского центра, согласно которому в период 2005–2010 гг. цены на продукты питания в реальном выражении в Израиле увеличились на 12,7%, в то время как в ЕС они выросли лишь на 1,1%. Основной причиной этого эксперты видят в высокой концентрации рынка, особенно в секторе производства молочной продукции, где 2 компании «Tnuva»[4] и «Strauss Group» контролируют 82–99% производимой продукции в разных категориях. Во-вторых, по заданию Премьер-министра была создана специальная комиссия во главе с Генеральным директором министерства промышленности, труда и торговли, итоги работы которой в целом получили одобрение ключевых министров правительства. Так, было

решено, что рынок молочных продуктов будет открыт для импорта сроком на 5 лет, начиная с 2012 г. Также были приняты рекомендации по усилению контроля над отчетностью производителей и отмене всех договоров, ограничивающих действия по продвижению продукции на рынок. Была одобрена рекомендация комиссии по такому чувствительному для профильных министерств пункту как снижение целевой стоимости товаров на 0,05–0,06 шек. Будет изменен и метод расчета этой стоимости с тем, чтобы устранить существующий дисбаланс.

Казалось, что правительству удалось купировать протестную волну. Но выпущенного из бутылки джина массового недовольства было непросто загнать назад. В конце июля 2011 г. 25-летняя видеоредактор Дафна Лиф начала кампанию палаточного протеста в Тель-Авиве против дороговизны жилья в стране, создав при этом соответствующую группу в той же социальной сети «Facebook». Неожиданно для властей этот протест был поддержан тысячами молодых людей в разных городах Израиля. А 23.07.2011 был проведен марш протеста, на который вышли десятки тысяч человек. Позже к протестующим присоединились родители, недовольные высокой стоимостью воспитания детей в стране. В дальнейшем массовость маршей протеста по всей стране нарастала. Кульминацией стал марш 03.09.2011, когда количество принявших участие в нем достигло почти полумиллиона человек. Важно, что у протеста не было единой цели — в нем участвовали разные группы населения и требования их различались. Объединяющим их было лишь желание добиться значительных социально-экономических изменений в Израиле. В начале октября полиция демонтировала палаточный лагерь на бульваре Ротшильда в центре Тель-Авива. К концу осени накал протестного движения спал. Однако нельзя сказать, что протесты закончились совсем. В начале 2012 г. по Израилю прокатилась волна забастовок, однако ее вряд ли можно считать продолжением протестной волны 2011 г., хотя некоторые профсоюзные лидеры, стоящие за этими забастовками, и пытаются на этом спекулировать.

Надо отметить, что правительство достаточно быстро начало реагировать на происходившее. 8 августа 2011 г. была создана специальная комиссия под руководством бывшего председателя Национального экономического совета проф. М. Трахтенберга. В нее вошли 9 государственных чиновников, ответственных за проведение экономической политики, и 5 представителей академических кругов. Комиссия получила мандат на разработку рекомендаций по решению проблем в ряде

областей экономики страны, в частности по ее децентрализации (особенно в сфере производства молока и молочной продукции); изменению жилищной политики ряда городов, власти которых стремятся не допускать на свою территорию экономически слабые группы населения; изменению налоговой политики, особенно в сфере перераспределения налогового бремени между членами домохозяйств, в частности речь идет о способе предоставления им налоговых послаблений по подоходному налогу. 26 сентября комиссия представила свой отчет[5].

Согласно отчету, одной из причин существовавшего положения дел в стране эксперты комиссии видят в излишней концентрации рынка страны и ограничении конкуренции, особенно в сферах энергетики, строительства, производства молока и молочной продукции. Таким образом, члены комиссии пришли к выводу о необходимости проведения реформы законодательства, чтобы обеспечить конкурентную среду, а также снизить высокие импортные пошлины в этих сферах сначала до уровня в 6%, а потом, в случае позитивного эффекта на экономику, отменить их совсем. Предполагалось, что компании с долей рынка более 30% не будут иметь возможность импортировать продукцию по сниженным ввозным пошлинам. Для снижения концентрации на рынке транспортных услуг предлагалось, в частности, чтобы популярные автобусные линии обслуживала не одна компания, а несколько (сходную рекомендацию дала специальная комиссия по проблемам транспорта). Другие рекомендации комиссии Трахтенберга включали в себя:

- Отмену увеличения пошлин на топливо, запланированных на 2012 г.
- Введение обязательного бесплатного образования для всех детей в возрасте 3–4 лет. Расширение послешкольных образовательных программ для детей 3–9 лет. Снижение платы за обучение в начальной и средней школе.
- Возвращение к порогу суммы взносов за государственное страхование и здравоохранение на уровне пяти средних годовых зарплат, а не девяти, как было недавно установлено, при одновременном увеличении страховых взносов работодателями.
- Стимулирование долгосрочной аренды домов, стимулирование строительства 165 000 апартаментов на доступной земле, создание более благоприятных тендерных условий, стимулирование

создания небольших апартаментов, выделение 30 млн шек. на строительные проекты. А также увеличение городских налогов на пустующее жилье (его в Израиле насчитывается 47 тыс. единиц) с тем, чтобы стимулировать владельцев сдать его в аренду.

- Сокращение импортных тарифов на электрические товары и продукты питания, увеличение отрицательного подоходного налога для работающих матерей на 50%; вместе с тем отмена запланированного на 2012 г. уменьшения подоходного налога для среднего класса; повышение уровня подоходного налога с 45% до 48% для тех, кто зарабатывает больше 40 231 шек. в месяц; повышение налога на прибыль корпораций с 24% до 25% с возможностью дальнейшего увеличения еще на 1%; повышение налога на прибыль от вложений капитала и дивиденды от игры на фондовой бирже с 20 до 25%; введение дополнительного 2%-го налога на тех, кто зарабатывает в год более 1 млн шек. Также предлагалось предоставить налоговую скидку для работающих отцов детей в возрасте от 0 до 3-х лет.
- Увеличение уровня образования и занятости в группах с низкими показателями по этим параметрам. В основном речь идет об арабских женщинах и ультраортодоксальных иудеях. Для этого рекомендовано расширить ряд уже действующих в этой сфере программ.
- Приватизация и выведение на аутсорсинг ряда государственных услуг населению с целью повышения их качества и эффективности работы.

Кроме указанных рекомендаций комиссия Трахтенберга высказала мнение о необходимости сократить оборонный бюджет Израиля на 3 млрд шек. Предполагается, что в будущих бюджетах страны военные расходы также будут сокращаться. Полученная сумма будет использоваться правительством на социальные выплаты. Более того, премьер-министру страны Б. Нетаньяху удалось добиться от военных разрешения на внешний аудит расходов профильного министерства, что повысит эффективность расходуемых средств.

Интересно, что отдельный пункт отчета комиссии был посвящен эффективности деятельности правительства страны. Было рекомендовано сформировать новый более интегративный подход к планированию и осуществлению деятельности этого органа власти.

Как и следовало ожидать, отчет комиссии Трахтенберга был встречен совсем неоднозначно. С одной стороны, рекомендованные меры действительно были ответом на запросы протестующих. С другой — многим из них казалось, что они лишь ретушируют проблему, не изменяя суть проводимой нынешним правительством Израиля политики. В правительстве тоже отчет восприняли неоднозначно. Однако в октябре кабинет министров Израиля с двух попыток принял отчет комиссии Трахтенберга. Это стало возможным только после того, как Б. Нетаньяху смог заручится по этому вопросу поддержкой А. Либермана и министров от его партии. При этом министры партии ШАС, а также министр обороны Э. Барак и министр по развитию Галилеи и Негева С. Шалом голосовали против.

Экономические результаты протестного движения

Представляется, что о результатах протеста следует говорить в двух измерениях: изменение кратко- и среднесрочной стратегии развития экономики страны и соответствие принятых мер требованиям протестующих.

В контексте первого измерения следует рассказать о конкретных мерах, принятых правительством Израиля, направленных на преодоление ряда социально-экономических проблем страны, в частности путем реализации рекомендаций комиссии Трахтенберга, созданной в результате массовых акций гражданского протеста в стране. Так, в начале декабря 2011 г. Кнессет принял во втором и третьем чтениях предложения по реформированию налогового законодательства, а именно: сокращение НДС на 2% для семей с низкими доходами; налоговые сокращения для отцов с детьми до трех лет на сумму 418 шек. в месяц с ребенка; сокращение ставок процента по поддерживаемым государством ипотечным программам до уровня не выше 3%; запрет на повышение акциза на топливо. Все эти решения вступили в силу 01.01.2012. К тому же с этого времени отменены импортные пошлины на сотни видов товаров, в числе которых: детские коляски, игрушки, одежда, домашние бытовые приборы, косметика, швейные машинки, шины, кожаные ручные сумки и чемоданы, стекольная продукция, лекарственные препараты, а также сырье для промышленных нужд (включая химические ингредиенты и древесину). Кроме того, с целью стимулирования конкуренции на израильском рынке правительство

страны приняло решение отменить таможенные пошлины на товары стоимостью менее 1200 шек., купленные через Интернет. На алкогольную продукцию и табачные изделия эта льгота не распространяется.

Также в конце декабря правительство Израиля одобрило большую часть рекомендаций, касающихся снижения стоимости жизни в стране. В частности речь идет о расширении мандата антимонопольного комитета, установлении государственного контроля над ценами на бензин и дизельное топливо, усилении конкуренции на рынке цемента и газовых станций (оказалось, что сейчас на открытие такой станции требуется от 8 до 16 лет из-за бюрократических проволочек), открытии израильских портов для конкуренции, строительстве частных терминалов в портах Ашдод и Хайфа, усилении конкуренции на рынке яиц, молока и сыра.

Пожалуй, одним из самых значимых результатов деятельности комиссии Трахтенберга стало создание в декабре комиссии по рассмотрению ситуации в сфере конкуренции в банковском секторе, которую возглавил куратор банков от имени Банка Израиля Д. Закен. Других членов комиссии представители Центробанка и министерства финансов не назвали, опасаясь возможного давления со стороны банковского сообщества. В правительстве не удовлетворены уровнем конкуренции в этом секторе, следствием чего явилось попустительское отношение к предоставляемым банками услугам населению. Однако, судя по имеющейся информации, комиссия не ставит целью серьезно реформировать данную сферу, хотя проф. Трахтенберг отмечал высочайшую степень концентрации в ней — 5 крупнейших банковских групп контролируют 93% активов, а лишь разработать рекомендации по устранению препятствий к конкуренции в рамках существующей структуры. Речь идет о повышении возможности клиентов влиять на ситуацию, а также о создании более простых и понятных банковских продуктов. Важным элементом деятельности этой комиссии также будет рассмотрение возможности создания общей базы данных по кредитной истории населения, что позволит людям более просто переходить из одного банка в другой. Дело в том, что в отсутствие такой базы данных клиенту сложно менять банк, так как в новом банке ему заново придется зарабатывать свою репутацию. К этому стоит еще добавить несбалансированную тарифную политику банков, назначающих высокие цены за свои услуги. При этом постоянным клиентам известно, что путем переговоров можно значительно снизить стоимость той или

иной услуги. Комиссия видит своей задачей разработать более прозрачную схему тарификации, понятную клиентам и отражающую реальную стоимость той или иной услуги.

Вместе с тем вместо сокращения оборонного бюджета Израиля на 3% произошло его увеличение на 779 млн шек., хотя этот процесс и сопровождался значительными дебатами. Чиновники объяснили, что это увеличение произошло за счет сокращения расходов других ведомств — министерства строительства, Института социального страхования и министерства окружающей среды. К тому же, по мнению экспертов Банка Израиля, бюджет министерства обороны не вышел за рамки, предписанные комиссией Бродета[6], а все увеличения были благоразумны и основаны на солидной доказательной базе

В январе 2012 г. работа правительства по внедрению рекомендаций комиссии Трахтенберга продолжилась. Так, было принято решение к концу этого года перейти на международную стандартизацию для импортируемых товаров, тогда как до сего времени стандарты устанавливались Израильским институтом стандартизации. Подобная мера должна усилить конкуренцию, так как внутренние израильские стандарты служили заградительным барьером, обеспечивающим более комфортное существование местным производителям, снижая уровень конкурентной борьбы, что в частности отражалось и на уровне цен. Этот шаг, как и следовало ожидать, вызвал неоднозначную реакцию — импортеры его приветствовали, а Ассоциация производителей Израиля и эксперты Института стандартизации — нет. Также с нового учебного года было решено ввести бесплатное обучение для детей с 3-х лет, а не с 5-и (см. выше), как это было до этого времени. Считается, что это положительно повлияет на ситуацию в сфере образования, которая несколько ухудшилась в последнее время.

В рамках реализации рекомендаций комиссии Трахтенберга, по состоянию на март 2012 г., в правительстве велась жесткая борьба за стоимость бензина. В результате личным решением премьер-министра страны была сокращена стоимость одного литра на 10 агорот от запланированного увеличения на март 2012 г. Это стало уже третьим вмешательством главы правительства в этом году в вопрос ценообразования в топливном секторе.

Предпринятые правительством Израиля меры в целом не могут дать положительного эффекта в краткосрочном периоде. Однако, что касается ценообразования на рынке потребительских товаров, то тут,

теоретически, эффект может быть достаточно быстрым. Если, согласно опубликованным в сентябре 2011 г. данным о системе ценообразования на сельхозпродукцию в Израиле, выходило, что конечный потребитель платил минимум 150–200% изначальной цены товара, то ожидалось, что изменения будут видны в течение одного-двух кварталов. Однако, по состоянию на конец первого квартала 2012 г., если говорить о ценах на быстро расходуемые потребительские товары (продукты питания, напитки, косметика, бытовая химия), то в Израиле по-прежнему складывается довольно неприглядная ситуация. Согласно исследованию крупного международного экспертного агентства за 2010–2011 гг. в Израиле так же как и в Европе наблюдался значимый рост цен на товары этой группы — 18% и 22% соответственно. В США, тем временем, наблюдалось снижение цен на 5,2%. Справедливости ради, следует отметить, что рост цен все-таки замедлился, иначе Израиль был бы на уровне ЕС по темпам роста цен на эту группу товаров. Вместе с тем, несмотря на такой рост цен в Европе, стоимость товаров этой группы в Израиле по-прежнему выше.

Между тем, несмотря на беспрецедентное давление, основные израильские производители по-прежнему очень неохотно шли на уступки в вопросах цены. Более того, они продолжали выстраивать непрозрачные схемы, видимо, не учитывая новых реалий в стране. Иллюстрацией этому может служить происходившее в феврале 2012 г. с шоколадной продукцией производства израильской компании «Strauss». Дело в том, что ряду потребителей стало известно, что в США, арабском секторе Израиля и ПНА эта продукция стоит сильно дешевле, чем в обыкновенном израильском магазине. По состоянию на конец февраля потребители намеревались устроить бойкот этой группы товаров, если производители не изменят свою политику в этом вопросе.

Одним из экономических результатов протестного движения стала необходимость правительству Израиля изыскать дополнительные финансовые ресурсы на претворение в жизнь принятых рекомендаций комиссии Трахтенберга. Другими словами — увеличивать расходную часть бюджета. Таким образом, в феврале 2012 г. государственный дефицит увеличился на 34% по сравнению с аналогичным месяцем 2011 г., превысив отметку в 3 млрд шек. Государственные расходы в январе–феврале 2012 г. были на 6% выше, чем за тот же период предыдущего года. Поступления от прямых налогов сократились в феврале 2012 г. на 11% по сравнению с 2011 г. Эксперты Банка Израиля

и министерства финансов страны выступили с прогнозом, что дефицит бюджета по отношению к ВВП в конце 2012 г. составит не 2%, как было заложено в двухлетнем бюджете, а 3,5%. В Центробанке считают, что такое беспрецедентное за последние десятилетия увеличение государственных расходов (новые финансовые обязательства государства, не подтвержденные бюджетными средствами, составили к февралю 2012 г. 6 млрд шек. — 0,75% ВВП) не сможет быть покрыто традиционными способами — недорасходованием бюджетных средств некоторыми министерствами страны. Эксперты призвали правительство определиться с тем, как все-таки будут финансироваться производимые незапланированные расходы. Схожие рекомендации поступили из Международного валютного фонда (МВФ). По состоянию на март 2012 г. консенсуса по этому вопросу достигнуто не было. В течение лета 2012 г. проходили серьезные обсуждения сложившихся проблем. В результате для решения социально-экономических проблем Израиля правительство страны пошло на нелегкий шаг — была разработана специальная программа экономии, которая была утверждена в конце июля текущего года. Среди радикальных мер, утвержденных кабинетом министров, — повышение налогов и сокращение расходов, в результате чего правительство надеется положить в следующему году в казну дополнительные 14,15 млрд шек. Некоторые израильские эксперты считают, что многие меры, заложенные в этой программе, «хоронят» рекомендации комиссии Трахтенберга. Однако, автору этой статьи кажется, что ситуация несколько сложнее и требует более многофакторного подхода.

В контексте второго измерения получается довольно неожиданная картина. Никаких сколь-либо значимых изменений в социальной структуре израильского общества не произошло. Правительство страны ни на шаг не отступило от своей либеральной экономической программы. Создается впечатление, что требования протестовавших были удовлетворены только в той степени, в которой это соответствовало планам экономического блока правительства и лично Б. Нетаньяху. Возникает вопрос: если это так, то почему тогда Нетаньяху и его соратники не предприняли мер по децентрализации рынка и решению ряда других проблем раньше? Дело в том, что им противостояло мощное производственное и номенклатурное лобби, сломить которое невероятно сложно. Волна социальных протестов — это та горячая точка, которая позволяет идти на резкие меры, руководствуясь необходимо-

стью успокоить население. То есть получается, что до некоторой степени протестующие сыграли на руку блоку реформаторов в правительстве (и это несмотря на то, что, как отмечалось в начале статьи, именно представители этого самого лобби во многом поддерживали протестную волну 2011 г.). Как следствие, принимаются только те меры, которые позволяют осуществить дальнейшую либерализацию экономики Израиля, а не встать на путь «социальной справедливости», как того требовали протестовавшие. Последние, надо сказать, довольно отчетливо это понимают и потому довольно скептически относятся к рекомендациям комиссии Трахтенберга.

В заключение еще раз отметим, что прошедшая летом–осенью 2011 г. волна социально-экономических протестов была беспрецедентным для Израиля по своим масштабам действием гражданского общества. Как кажется, элита впредь будет гораздо внимательнее относиться к реакции населения на свои действия и более тщательно отслеживать происходящее в Интернет-пространстве. Несмотря на то, что по итогам этих протестов серьезных изменений в социальной структуре израильского общества не произошло, экономические меры, принятые правительством страны, направлены на устранение серьезных проблем, мешавших дальнейшему эффективному развитию экономики Израиля.

Примечания

[1] В статье используются материалы ежемесячных обзоров экономической ситуации в Израиле, подготовленных автором в 2010–2011 гг. для сайта Института Ближнего Востока (ИБВ) www.iimes.ru, на основе информации различных Интернет-изданий, таких как «Globes», «The Marker», «IzRus», «Mignews», «Newsru» и др.

[2] Подробно развитие событий «арабской весны» в хронологическом порядке описано на Интернет-ресурсе английского издания «The Guardian» http://www.guardian.co.uk/world/interactive/2011/mar/22/middle-east-protest-interactive-timeline.

[3] Известно, что это один из самых популярных продуктов питания в Израиле.

[4] Эта компания была создана как представляющая интересы всего сельского хозяйства лидерами сионистского социалистического движения еще в 1926 г. — за 22 года до создания Израиля. Потом она была продана в частные руки, что изменило ее статус, но не структуру рынка. Система ценообразования в молочной продукции вплоть до последнего времени находилась практически полностью под контролем этого гиганта и ее нельзя назвать прозрачной.

[5] Краткий список основных рекомендаций комиссии на английском языке см. на http://brookdale.jdc.org.il/_Uploads/PublicationsFiles/FINAL-EXTERNAL-V4-Trajtenberg-report-final(1).pdf

Подробное резюме отчета на английском языке можно посмотреть на http://www.yadhanadiv.org.il/sites/default/files/downloads/resources/Trajtenberg%20Report%20Summary%20-%20English.pdf

[6] Комиссия Бродета была создана в ноябре 2006 г. для разрешения споров между министерствами обороны и финансов Израиля относительно размеров оборонного бюджета страны. Этот спор велся задолго до этого, но стал достоянием общественности после Ливанской войны 2006 г. У правительства не было профессиональных и эффективных инструментов решить эту проблему. Свои рекомендации комиссия представила премьер-министру в мае 2007 г. Они легли в основу нового подхода к бюджетированию в оборонной сфере. Источник: Even S. The Brodet Commission: “The IDF is Undergoing a Multidimensional Crisis”. InssInsight #22, Tel-Aviv University, 20.06.2007.

Елизавета Якимова
(Нижний Новгород)

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПАЛАТЫ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Позитивные изменения, произошедшие в экономике Государства Израиль, создали условия для усиления интеграции страны в мировую экономическую систему. С другой стороны, волна социальных протестов, захлестнувших Израиль летом 2011 г., продемонстрировала назревшую в обществе необходимость социально-экономических перемен. Данные обстоятельства смещают исследовательский фокус на изучение неправительственных организаций, способных представлять интересы определенной группы населения, в то же время давая рекомендации по вопросам экономического развития и являясь инициаторами новых проектов.

В их числе особый интерес представляют торгово-промышленные палаты. О значимости данных структур свидетельствуют слова Уриэля Лина, президента Федерации торгово-промышленных палат Израиля. В 2003 г. он заявил: «Мы и есть настоящая власть. Проблема в том, что правительство еще не знает об этом»[1]. Таким образом, он фактически охарактеризовал общемировую тенденцию. Заключается она в отсутствии четкого понимания организационных основ и принципов деятельности торгово-промышленных палат в целом.

В данной статье предпринята попытка выявления специфики деятельности израильских ТПП в двух плоскостях: с точки зрения принципов административно-территориального размещения и основных направлений деятельности. Кроме того, был принят во внимание и ряд факторов, не имеющих прямого отношения к хозяйству страны, однако во многом влияющих на её социально-экономическую реальность и, по этой причине, заслуживающих рассмотрения.

Классификация ТПП Израиля весьма стандартна. В стране действуют как внутренние торговые и торгово-промышленные палаты, так и двусторонние ТПП, чья работа направлена на развитие контактов с различными странами мира.

ТПП Тель-Авива, Иерусалима, Хайфы в основном сконцентрированы на помощи в реализации проектов в приоритетных отраслях экономики и выставочно-ярмарочной деятельности. Торговая палата Тель-Авива и Центрального округа, включающая более 3000 членов, является крупнейшей в Израиле. Ежегодно Палата проводит форум официальных представителей зарубежных стран, заинтересованных в ведении своего бизнеса в исследуемом государстве. На него приглашаются как послы и атташе по торговле, так и предприниматели. Также Палата предоставляет следующие услуги: независимая экспертиза, сертификация, оценка, защита и регистрация интеллектуальной собственности, а также юридическое сопровождение сделок.

ТПП Хайфы и Северного округа объединяет более 1000 компаний и направляет свои усилия на содействие внешнеторговой деятельности своих членов, помогая им в оформлении документов. Она также предоставляет рекомендации относительно ведения бизнеса в тех или иных государствах.

В мае 2011 г. ТПП Хайфы и Северного округа распространила заявление, предупреждающее израильских бизнесменов об опасности ведения бизнеса в Грузии. Это было вызвано тем, что, по мнению Генерального директора Торгово-промышленной палаты Хайфы Дома Маро, Грузия не выплачивает израильским фирмам деньги. В качестве примера он привел ситуацию вокруг поставки в страну беспилотников компании «Элбит», за которые грузинские импортеры должны порядка 100 млн. долл.

Кроме того, при Палате действует ассоциация пользователей морских перевозок, занимающаяся защитой интересов предпринимателей, доставляющих грузы морским путем, а также бизнес колледж, в котором ведется обучение основам ведения бизнеса, внешнеэкономической деятельности и иностранным языкам.

Палаты городов периферии используют конференции Ассоциации ТПП Израиля как возможность заявить о существующих проблемах и добиться их разрешения. На одной из таких конференций 30 ноября 2010 г. в Беэр-Шеве представители ТПП Беэр-Шевы и Негева, а также мэры городов Димона и Арад озвучили свою позицию, заключающую-

ся в том, что поправки к закону о поощрении инвестиций, вносимые новым законом о хозяйственном регулировании рынка, являются дискриминационными по отношению к городам периферии. Также присутствовавшие договорились об организации взаимных визитов для обсуждения возможностей совместной деятельности.

В области внутренней политики Ассоциация ТПП Израиля принимала участие в обсуждении вопросов, касающихся спорного проекта «Висконсин», и результатов работы комиссии М. Трахтенберга.

Программа «Орот ха-таасука», во многом основанная на американской инициативе по трудоустройству людей, не имеющих высшего образования, за что и получила свое второе название «Висконсин», была первоначально адаптирована для четырех израильских городов — Иерусалима, Ашкелона, Назарета и Хадеры. С момента введения в августе 2005 г. она приобрела множество сторонников и противников. Последние, основывая свою точку зрения на статистических данных, настаивают на том, что «Висконсин» наносит ущерб населению. Согласно этим данным, большинство участников получили лишь временную работу или были вынуждены посещать курсы, не имеющие прямого отношения к проблеме трудоустройства. Кроме того, халатность, допущенная при направлении людей на ту или иную работу, заключавшаяся в игнорировании состояния здоровья и возрастных рекомендаций, привела к человеческим жертвам. В результате в обществе сложилось весьма негативное представление о «Висконсине», а Лия Шемтов, депутат от партии «Наш Дом Израиль», добилась ограничения участия в программе лиц старше 45 лет.

С другой стороны, инициатива, по существу являвшаяся альтернативой государственной службе по трудоустройству, принесла ощутимую выгоду осуществлявшим ее предпринимателям. Если ранее организация получала вознаграждение в зависимости от количества нанятых на работу лиц, прежде живших на пособие по безработице, то с введением «Орот ха-таасука», это стало касаться только компаний, участвовавших в проекте. В этой связи возросло и значение структур, которые могли бы лоббировать интересы предпринимателей, участвующих в тендере. К ним относились и представители израильских торговых и торгово-промышленных палат.

Так, Уриэль Лин выступил с заявлением в поддержку распространения программы «Висконсин» на территорию всей страны. По его словам, отказ от программы чреват «бесконечными неприятностями

для нескольких поколений»[2]. Согласно приведенным им данным, опубликованным порталом Zman.com, в Израиле в конце 2009 г. существовало около 100 тыс. чел., имевших проблемы с трудоустройством, при этом не все из них в действительности хотели работать и предпочитали жить на пособие. С другой стороны, ссылаясь на статистику, У. Лин отметил, что к 2008 г. процент занятости взрослого населения возрос до 56,5%.

После того как в обществе разгорелась полемика относительно необходимости полного прекращения реализации программы или ее распространения на всю территорию страны, значение таких организаций возросло. При их посредничестве Министерством промышленности и торговли было принято решение нанять PR-компанию для изменения образа «Висконсин» в глазах населения и оплатить ее услуги из бюджетных средств.

Однако и эти усилия не смогли изменить ситуацию. В итоге из окончательного законопроекта о хозяйственном регулировании на 2011–2012 гг. финансирование программы «Висконсин» было полностью исключено. На решение Министерства финансов не смогли повлиять ни мнения представителей бизнеса, ни прогнозы экономистов, считавших работу, проделанную в рамках «Орот ха-таасука» результативной. Так отчет, подготовленный совместно институтом экономических исследований «Брокдейл» и исследовательским отделом Института национального страхования («Битуах леуми»), показал, что на момент окончания программы 45% участвовавших в ней хронических безработных были трудоустроены. Средний уровень дохода участников программы (включая тех, кто работал на частичную ставку) вырос с 982 шекелей в месяц до 1675 шекелей, а среди тех, кто нашел работу — с 2660 шекелей до 3109 шекелей[3]. Но и эти данные не повлияли на окончательное решение правительства.

Еще одним важным аспектом внутриполитической активности торгово-промышленных палат Государства Израиль стала реакция их членов на отчет социально-экономической комиссии М. Трахтенберга. Если в отношении описанной выше проблемы предприниматели и промышленники придерживались единого мнения, то в части оценки некоторых пунктов отчета комиссии их взгляды разошлись. Это, прежде всего, касалось вопроса о снижении таможенных пошлин.

По мнению председателя Федерации торговых палат Израиля У. Лина, данный шаг соответствует текущим потребностям экономиче-

ского развития, так как позволит повысить конкуренцию на израильском рынке, снизить цены за счет отмены защитных пошлин, которыми к моменту начала работы комиссии облагалось около 40% всего импорта. Противоположную позицию высказал Ш. Брош, возглавлявший тогда Ассоциацию промышленников Израиля. Он посчитал, что подобные действия приведут к снижению конкурентоспособности израильской экономики, что особенно опасно, учитывая сложную ситуацию в странах Запада в сочетании с динамично развивающимися азиатскими странами. Однако в отношении остальных рекомендаций мнения сторон совпали. Они сошлись в том, что серьезной ошибкой могут стать такие меры, как повышение налога на прибыль и увеличение отчислений работодателей в Службу национального страхования.

Как известно, с 1 января 2012 г. часть рекомендаций комиссии вступила в силу. А именно, были отменены пошлины на 700 видов продукции, включая бытовую технику, изделия легкой промышленности и ряд товаров производственного назначения. Пока трудно оценить, какая из рассмотренных выше точек зрения окажется правильной. Однако по оценкам экономистов данная реформа будет стоить израильскому бюджету около 400 млн. шекелей. Следует также отметить, что пока пошлины были отменены только в отношении товаров, которые не производятся в Израиле, в будущем планируется аналогичный шаг, затрагивающий и продукцию израильских изготовителей.

Диапазон проектов, реализуемых двусторонними палатами с участием Израиля весьма широк. В рамках Ассоциации Американо-Израильских ТПП создана сеть взаимодействующих между собой бизнес-структур и частных предпринимателей. Существуют региональные отделения Ассоциации, специализирующиеся на связях с конкретными административными округами Израиля.

Одним из самых ярких представителей сети является Американо-израильская торговая палата Северо-восточного региона, созданная в 1992 г. Она находится в Атланте и представляет интересы предпринимателей Джорджии, Алабамы, Северной и Южной Каролины, Теннесси и Миссисипи в их отношениях с Государством Израиль. За период её существования через Палату были проведены трансакции на сумму около 700 млн. долл.

С 1987 г. существует Американо-израильская ТПП Центрально-атлантического региона, действующая на территории Филадельфии, Делавэра, Нью-Джерси и Государства Израиль.

К успехам ТПП Центрально-атлантического региона в первую очередь следует отнести поддержку отделениями в Делавэре и Пенсильвании совместного проекта недавно созданной израильской компании «Transbiodisel» и американской фирмы «Purolite», направленного на совместную разработку и реализацию биокатализаторов для дизельного топлива.

Помимо примеров взаимодействия израильской стороны с региональными представительствами американских бизнесменов существуют торговые палаты Израиля и отдельных штатов США. Среди них следует назвать Торговые палаты Калифорния-Израиль, Колорадо-Израиль, Огайо-Израиль, Флорида-Израиль, Чикаго-Израиль. Так, Торговая Палата Израиль-Чикаго сконцентрирована на таких сферах, как безопасность, био- и информационные технологии, а также агропромышленный сектор. С этой целью стороны регулярно организуют бизнес-миссии, экономические форумы и встречи с ведущими специалистами в области венчурного капитализма, инвестиций и представителями госструктур. Кроме того, Палата осуществляет проект BIG (Buy Israeli Goods), ориентированный на содействие реализации израильских товаров, начиная от продукции легкой промышленности до высокотехнологичных товаров.

В 2006 г. создана ТПП Израиль-ЕС, ставящая целью содействие двусторонней торговле. Палата сконцентрирована на двух направлениях деятельности: помощь в устранении барьеров во взаимной торговле и организации мероприятий, способствующих укреплению отношений сторон. В целом, приоритетными для европейских партнеров являются те же сферы, что и для их коллег по всему миру, а именно высокие технологии и агропромышленный сектор. Однако существуют и специфические направления взаимодействия. Огромное внимание уделяется защите персональных данных.

31 января 2011 г. Европейская Комиссия постановила, что Государство Израиль рассматривается как способное обеспечить соответствующий уровень защиты персональных данных, передаваемых Европейским Союзом. Это решение позволит осуществлять передачу персональных данных граждан ЕС в Израиль в основном в области внутреннего рынка, например, данные о клиентах. Решение охватывает автоматизированную обработку персональных данных (например, компьютерную), но не ручную[4]. Этот шаг позволит облегчить доступ к клиентским базам, что даст дополнительный импульс двустороннему

сотрудничеству. Запрет на ручную обработку информации европейская сторона объясняет соображениями безопасности и высказывает надежду, что это не будет являться барьером для сотрудничества.

Израиль и ФРГ ведут активную работу в рамках Ассоциации предпринимателей и ТПП Израиль-Германия. Германская сторона проявляет наибольший интерес к разработке проектов в сфере возобновляемых источников энергии и медицины, где некоторые израильские фирмы являются признанными мировыми лидерами.

Деятельность Итальяно-израильской и Португало-израильской ТПП, а также Торговой палаты Израиль-Испания демонстрирует готовность исследуемого государства сотрудничать со странами PIIGS. Так, более 50 итальянских компаний, являющихся членами Палаты, имеют свои представительства в Израиле. Большинство из них сосредоточено в сфере пищевой промышленности. Кроме того, обе стороны проявляют заинтересованность в развитии туристического бизнеса. Свидетельством тому послужило подписание 13 июня 2011 г. в Риме итальяно-израильского соглашения в сфере туризма. В ходе встречи Министра туризма Италии Микелы Виттории Брамбилла с израильским коллегой Стасом Мисежниковым было заявлено, что, в первую очередь, стороны намерены содействовать прямым контактам туроператоров.

Растет интерес израильских компаний к взаимодействию со странами СНГ. Это, в свою очередь, увеличивает деловую активность в рамках системы двусторонних палат. На сегодняшний день приоритетным на постсоветском пространстве является взаимодействие с Россией. При ТПП РФ создан российско-израильский деловой совет, подписаны или находятся в стадии обсуждения договоры между отдельными субъектами Российской Федерации и ТПП Израиля.

Теймураз Хихинашвили, занимающий пост сопредседателя Израильско-Российского делового совета, в своем интервью электронному ресурсу «Торгово-промышленные ведомости» заявил: «Проделана огромная работа правительств, министерств и деловых советов наших стран. На заседаниях комиссии и форуме были подтверждены основные направления сотрудничества: торговля, взаимные инвестиции, НИОКР, медицина и космос, энергетика, алмазно-бриллиантовый бизнес, туризм. Из перечня приоритетных направлений я бы выделил и взаимодействие в сфере сельского хозяйства, где Израиль имеет передовые технологии. Благоприятные климатические условия, постоянный процесс модернизации сделали этот сектор в Израиле инновацио-

онным. Обсуждалась перспектива внедрения в России передовых израильских агропромышленных разработок, прежде всего в растениеводстве, птицеводстве, молочном животноводстве»[5].

Кроме того, российское правительство, многие годы стремящееся к тому, чтобы снизить цены на дорогостоящие медикаменты, проявляет особую заинтересованность к сотрудничеству с фирмой TEVA. В свою очередь, представители ведущей израильской фармацевтической компании, с 1995 г. работающей на российском рынке, выразили готовность начать новое производство.

Обсуждавшаяся в рамках российско-израильского делового совета инициатива по привлечению израильских компаний в проект «Сколково» в конце 2011 г. получила свое воплощение. Первый транш в 23 млн. рублей был переведен фондом «Сколково» израильско-российскому предприятию «Mobix Chip LLC». Оно занимается созданием микрочипа «Манта» для более точной работы приборов учета воды, газа и тепла. В проекте используются разработки израильской компании «Mobix Wireless Solutions», а созданный микрочип планируется внедрять не только на территории России, но и в других странах мира.

По-прежнему в стадии обсуждения находится вопрос об участии компании «Газпром» в разработке нефтяных месторождений на шельфе Средиземного моря. Он осложнен рядом факторов. По оценкам компании «Noble Energy», запасы месторождения Левиафан составляют 453 млрд. куб. м. при 50%-ной достоверности оценки[6]. Учитывая, что годовой объем добычи «Газпрома» оценивается в среднем в 500 млрд. куб. м., а вмешательство российской стороны в энергетические дела региона грозит появлением ряда сложностей, опасения газового гиганта весьма оправданы. Поворот к новой стратегии освоения рынка углеводородного сырья на Ближнем Востоке спровоцирует рост конкуренции и беспокойство относительно возможности усиления влияния России на Израиль, что, в свою очередь, создаст новые трудности в реализации ближневосточного вектора внешней политики России.

Продолжая рассмотрение энергетического сектора, следует упомянуть и планы «ИНТЕР РАО ЕЭС» по выходу на израильский рынок. В 2011 г. представители холдинга выразили желание взаимодействовать с Израилем. 20 мая того же года компания официально заявила о получении лицензии на разработку месторождений горючих сланцев в пустыне Негев. Там к 2014 г. будет построен комплекс по переработ-

ке сырья с выработкой электричества мощностью не менее 150 МВт. С израильской стороны планируется привлечь компанию-инвестора, включенную в деловой совет при ТПП РФ. Согласно проекту, всю произведенную электроэнергию «ИНТЕР РАО ЕЭС» намерена реализовывать частным потребителям, а нефтепродукты поставлять на местный нефтеперерабатывающий завод или на экспорт[7]. Благодаря данной сделке «ИНТЕР РАО ЕЭС» получит значительную долю в производстве энергии на перспективном израильском рынке.

Однако конкуренцию России могут составить Казахстан и Беларусь, где также успешно действуют двусторонние ТПП. Каждое из государств выдвигает предложения, способные заинтересовать израильскую сторону.

Билатеральная палата Израиль-Казахстан может по праву считаться наиболее быстро развивающейся. Так, если к началу ее деятельности суммарный объем товарооборота между странами составлял около 30 млн. долл., то к 2005 г. он достиг 1 млрд. 14 млн. долл.[8] Разумеется, весьма спорно считать подобный успех в развитии взаимной торговли исключительно заслугой Палаты. Однако следует принять во внимание и то, что вопрос о том, на основе каких организаций будет происходить институционализация сотрудничества с такими странами, как США, Канада, ЕС, которые имеют соглашения о преференциальной торговле с Израилем, не имеет первостепенного значения. Говоря о казахстано-израильских экономических контактах, договорно-правовая база которых начала закладываться в конце 1990-х, структура, способная содействовать постоянным прямым контактам представителей сторон, вносит гораздо более существенный вклад в наращивание взаимного товарооборота.

Приоритетными сферами взаимодействия являются медицинское обслуживание и сельское хозяйство. Так, благодаря ряду соглашений, подписанных при содействии ТПП, граждане Казахстана имеют возможность получать медицинскую помощь в израильских клиниках. Среди них медицинские центры «Рабин» и «Шнайдер», расположенные в Петах-Тикве, а также «Ихилов» в Тель-Авиве. Кроме того, казахская сторона заинтересована в повышении квалификации своих врачей и поставках оборудования и медикаментов из Израиля. В области сельского хозяйства действует Центр Международного Сотрудничества в области Развития Сельского Хозяйства СИНАДКО (по аббревиатуре на английском языке), в котором проходят обучение спе-

циалисты из Казахстана. Существуют многочисленные проекты израильских компаний в таких областях, как ирригационные системы, установка и обслуживание оборудования, строительство сельскохозяйственных комплексов «под ключ».

Кроме того, развивается сотрудничество в банковском секторе. Так, банк «Апоалим» приобрел «Демир Казахстан Банк». Для израильской стороны это означает возможность выхода в новый регион, так как до этого момента банки страны не имели представительств в Центральной Азии. Казахстан, в свою очередь, получит возможность расширения клиентской базы и сети филиалов.

Предложения партнеров из Республики Беларусь также представляются весьма перспективными. В рамках регулярно проводимых при поддержке Белорусской торгово-промышленной палаты и Федерации торговых палат Израиля бизнес-форумов, обсуждаются возможности организации совместного производства медикаментов и сотрудничества в энергетическом секторе, включая привлечение белорусских газовиков.

Кроме того, делегации Республики Беларусь проявляют интерес и к другим областям. Так, в 2011 г. они посетили 13-ю международную выставку деревообрабатывающей промышленности «TIMBER-2011» и 28-ю выставку продуктов питания «ISRAFOOD-2011», а также начали обсуждение вариантов сотрудничества в сфере дорожного строительства. В области сельского хозяйства для более активного вовлечения израильских партнеров в сотрудничество министр сельского хозяйства и продовольствия Беларуси Михаил Русый предложил им перейти от практики прямого инвестирования к участию в приватизации сельхозпредприятий.

Как упоминалось выше, проекты, предлагаемые Россией, Казахстаном и Республикой Беларусь, зачастую повторяют друг друга и пытаются привлечь израильских бизнесменов исключительно посредством предложения более выгодных условий. В этой связи для уменьшения давления конкуренции и сохранения деловых связей с партнерами на территории СНГ израильская компания «Expert Center» предложила создать общую деловую платформу для всех палат русскоязычных стран. Идея «Expert Center», занимающейся разработкой интернет-технологий, заключается в создании единого информационного портала, где каждая из участвующих сторон будет иметь свой раздел. Это позволит своевременно обмениваться информацией о готовящихся

проектах и осуществлять мониторинг текущих, а также создаст возможности использования ресурса для бесплатной рекламы зарегистрированных компаний или упрощенной процедуры создания интернет-магазина.

В 2008 г. появилась ТПП Израиль-Палестина, целью создания которой стало сближение сторон и налаживание торговли между Израилем и арабскими странами. Число членов Палаты невелико. Среди них выделяются компании «Middle East Logistic Solution», оказывающая посреднические услуги в перевозке и оформлении грузов, а также «GKH», предоставляющая помощь в делах, связанных с экономическим правом.

В целом, ТПП Израиля имеют большое значение для развития регионов, выстраивания отношений бизнеса и власти, совершенствования правового регулирования, являясь площадкой для обсуждения наиболее острых проблем деловых кругов. Разумеется, пока рано говорить о способности палат взять на себя функции, о которых упоминал Уриэль Лин. Об этом свидетельствуют не совсем успешные попытки отстаивания своих интересов в случае с программой «Висконсин» и отчетом комиссии Трахтенберга. Однако позитивные изменения в развитии городов периферии, достигнутые, в том числе и за счет активного продвижения интересующих их вопросов на конференциях Ассоциации ТПП Израиля, говорят о том, что в будущем значимость палат продолжит расти. Это будет зависеть от согласованности и гибкости позиций предпринимательских и промышленных кругов, которые уже сейчас имеют представителей своих интересов и механизмы их продвижения в госструктурах.

Двусторонние торговые и торгово-промышленные палаты способствуют укреплению межгосударственных контактов и трансферту технологий. Многие израильские фирмы, ставшие лидерами в таких подсегментах, как биомедицина, капельное орошение или возобновляемая энергетика, именно благодаря системе ТПП смогли наладить эффективную работу на новых рынках или укрепить и без того тесные деловые контакты со своими традиционными партнерами.

Дипломатическая активность, также имеющая место в рамках взаимодействия на уровне двусторонних палат, пока не получила серьезного развития. Встречи представителей Израиля с их коллегами из стран Запада на уровне отраслевых министерств и ведомств осуществляются в рамках множества совместных инициатив и проектов. Меро-

приятия, проводимые двусторонними ТПП, не смогли оказать определяющего воздействия на внешнеполитические приоритеты ни одной из сторон. Особые надежды возлагались на ТПП Израиль-Палестина. Однако по завершении череды официальных мероприятий по случаю открытия, все ее услуги свелись к профессиональной поддержке бесперебойной работы фирм, действующих в приграничной территории.

Таким образом, доминирующим вектором развития как внутренних, так и двусторонних ТПП Израиля является стремление к укреплению торгово-экономических связей с предпринимателями по всему миру. Приоритетными направлениями являются традиционные израильские партнеры в США, ЕС, России. Однако без внимания не остаются и другие регионы, особенно это касается постсоветского пространства.

Общемировой тренд, характеризующийся стремлением представителей предпринимателей и промышленников превратиться в весомую силу в области реальной политики, находит свое отражение и в Израиле. При этом, учитывая своеобразие израильского истеблишмента, следует ожидать, что в исследуемом государстве подобные шаги будут все более активными и успешными. И, хотя исследователи склонны к неоднозначной оценке роли торгово-промышленных палат в целом, применительно к Израилю их можно считать весьма перспективными.

Примечания

[1] Цит. по: *Федотов В.И.* Торгово-промышленные палаты. Ч. 2. Теория и практика. Саратов, 2006. С. 5.

[2] Цит. по: Zman.com, 25 декабря 2009 // http://www.zman.com/news/article.aspx?ArticleId=63530

[3] NEWSru.co.il, 28 июня 2011 // http://txt.newsru.co.il/finance/28jun2011/viskonsin304.html

[4] European Commission decides that the State of Israel provides an adequate level of protection of personal data // http://eeas.europa.eu (Delegation of the EU to Israel). 08.02.2011.

[5] *Марканова Т.* Россия и Израиль выводят деловые связи на новый уровень // TPP-Inform.ru (Торгово-промышленные ведомости). 16.03.2011.

[6] Компания Noble обнаружила у берегов Израиля и Кипра перспективные структуры с суммарными ресурсами газа около 850 млрд. куб. м. // http://www.mineral.ru (Информационно-аналитический центр Минерал). 16.06.2010.

[7] ИНТЕР РАО ЕЭС, 20 мая 2011 // http://www.interrao.ru/news/company/detail.php?ID=811

[8] ТПП Израиль-Казахстан // http:// www.israelrk.com

SUMMARIES

Andreev Alexey

The role of exile and the punitive policy of tsarist Russia against Jews in the formation of a Jewish community in Yakutia

The Jews of Yakutia as a historically formed community with a common destiny in the 19th — 20th centuries. The reaction of the host society to the presence of Jews, ideological and political aspects of the problem.

Dvorkin Igor

Ukrainian Jewry of the 19th century in Contemporary General Works on the History of the Ukraine

The opinion of Ukrainian historians, both native and foreign, on Jewish–Ukrainian relations in the 19th century is considered in the paper. The views on the issue of the history manuals are also analyzed there.

Guenina Elena

Irkutsk Jewish Community in the Middle of the 1940s — Early 1950s

Irkutsk Jewish community appeared in the 19th century. In the middle of the 1940s — early 1950s, three officially registered synagogues acted in Siberia: in Omsk, Novosibirsk, and Irkutsk. The Irkutsk Jewish community was officially registered on the 20th November 1945. Local Jews as well as evacuated ones entered the community. The community activity dealt with religious ceremonial observance and charity. In the history of Irkutsk Jewish community the above-pointed years can be divided into two periods: 1945–1948 (before the campaign against cosmopolitism in the USSR), and 1949–1953 (during the campaign against cosmopolitism in the USSR).

Gerasimova Victoria

**Adventurers, criminals, madmen.
Deviant behavior of converted Jews
in the eighteenth century Russia**

The article is dedicated to one of the least researched topics in Russian-Jewish history in the 18th century. The author deals with the forms of deviant behavior of baptized Jews which was considered as abnormal by Russian law. Special emphasis will be put on the perception of deviant behavior of Jewish converts by the Russian authorities. The research is based on the materials from three archives: Central State Historical Archive in Kiev, Russian State Archive of Medieval Acts and Russian State Historical Archive.

Kalmina Lilia

**Policy Towards the Jews in Yakutsk Oblast:
View from the Governor's Seat**

The article is devoted to Yakutsk Governor V. Skripicin's Jewish Policy. Though Yakutsk Jewish Community consisted of exceptionally criminal elements sentenced for serious crimes, the Governor considered them to be a source of great economic potential for regional development and did his best to relieve their fate.

Fedotiev Dmitry

**The role of women
in the Jewish merchant environment in Petersburg
at the second half of XIX — early XX century**

The article provides information on population dynamics, the main areas of business activity and specificity of Jewish women, which made up the St. Petersburg merchant class in the second half of XIX — early XX century. The author concludes that, despite many adverse conditions, especially restrictive legislation, women occupied an important place among Jewish businessmen of the capital.

Prokhorov Dmitriy

Religiously-legal aspects of marriage-domestic relations and demographic statistics in the Karaite's communities of the Russian Empire in the second half of the Nineteenth and Early Twentieth century

The aim of the article is to analyze the legal and religious aspects of marriage-domestic relations, and also demographic statistics in the Karaite's communities of the Russian Empire in the second half of the Nineteenth and Early Twentieth century. In particular, in the article the author describes the problem of Karaite's legal documents known as marriage shetar, an agreement between members of the of Karaites communities, and, in particular, of the Taurida Governorate (district). Analyses also the history of establishment of confessional self-governmental bodies for East-European Karaites in the territory of the Russian Empire and organizational problems of the religious life of the Karaite communities in the second half of the Nineteenth and Early Twentieth century. For more than a century and a half, Karaite bodies of self-government were the main governing body for the questions concerning the doctrines of Karaite religion; they pronounced judgments in affairs of regulation of family life and marriage relations within the Karaite society.

Pozin Gary

The Founding Fathers of Jewish Health Society

The article contains information on the outstanding Jewish doctors and public figures, who established the Society of Health Protection for the Jewish Population (or Jewish Health Society) — the "OZE", which is to celebrate its centenary this year (2012).

Based on the archive records, it outlines the biography of the first OZE president, Semion Arkadievich Kaufmann (1839–1918), the Actual State Councilor (Rear Admiral), who was a Naval Doctor. The author proves inaccuracy of the Brief Jewish Encyclopedia statement about S.A. Kaufmann's adopting Christianity. The truth is that S.A. Kaufmann had always been faithful to the Law of Moses.

Brief biographical data is given on other significant Jewish personalities who took part in OZE management: Vice president of OZE, a famous leader of the Jewish community and a number of the Jewish associations in Petrograd, Commissioner for Oath, Grigory Abramovich Goldberg (1869–1922);

OZE Treasurer and Medical Doctor Naum Rafailovich Botvinnik (1873–1939);

Members of the first OZE Central Committee, Drs. Abram Moiseevich Bramson (1871–1931), Moisey Markovich Gran (1867–1940), Grigory Isaakovich Dembo (1872–1939), Yakov Grigorievich Bavley (1871–1927), Semion Grigorievich Frumkin (1886–1918).

Sergeeva Alexey, Khamray Irena

The Collection of Pinqassim in Funds of Manuscript Institute of Vernadsky Ukrainian National Library

This article includes a list of 107 units of pinqassim, their copies and fragments, which are kept in Vernadsky Library in Kiev. The list is followed by a review of pinqassim history in general and the described collection in particular. It also contains a short description of presented materials.

Shaydurov Vladimir

Siberia's Jewish Community in the Early 19th Century: Specific Aspects of Formation

The article deals with the starting period that saw the formation and development of the Jewish community in Siberia. This period has not been thoroughly studied in historiography. The analysis represented is based on archival data and elaborates on governmental policies by Alexander I and Nicholas I towards Jews living in Siberia as well as the consequences of the policies by the mid 19th century.

Shchuka Olga

The conservative-clerical direction of the Jewish political movement in the Western Belarus (1926-1939): ideological bases, forms and activity methods

The conservative-clerical direction of the Jewish political movement in Western Belarus (1926–1939) has been presented by party Agudas Isroel. Party activity has been directed at the strengthening of the Jewish religion, the organisation and subsidising of religious schools of various kinds. The party was distinctive from Zionist as was the concept: in Palestine she considers the business of emigration of Jews minors in comparison with essential problems of the Jewish people in the countries of their residency. Great attention is paid

to Agudas Isroel who worked in the socially-philanthropic sphere, the creation of co-operative associations, and also the organisation of the Palestin agricultural settlements for Jews-conformists. The party conducted lectures, meetings, organised meetings of the leaders with members of local departments, accepted active participation in elections in the Diet and the Senate, and as in local self-government institutions.

Sorkina Inna

The Jews and the owners of Belarus small towns: the practice of relationship (18–19th century)

The article considers the complicated and ambivalent relationship between the Jewish communities and owners of Belarus small towns in the 18th–19th centuries. The author has shown how contact between Jewish communities and local aristocrats affect the situation of the Jews, as well as to changes within the Jewish community.

Voloshinova Irena

History of Jewish Migration in USSR 1920-1930

Resettlement of the Jews into the southern Ukraine and northern Crimea in 1925–1933 has been made in the framework of the state resettlement policy. In 1928 the planned resettlement of Jews into Birobidzhan region was started, and then, in 1934, the Jewish Autonomous Region was set up in the Far East. Resettlement of the Jews was quite complicated because of the loss of agricultural skills during Jews history.

Zarubin Vyacheslav

On the Expulsion of a Group of the Karaites from the Crimea in 1944

The Karaites were not mentioned in the orders of the State Committee of Defence regarding the expulsion of various ethnic groups. Nevertheless, a group of the Karaites (the numbers differ: from 30 to 100 persons) was among those who were deported from the Crimea in 1944. It seems very likely that some Karaites were sent away by mistake, on the basis of false accusations, and

also as members of the families of those individuals who collaborated with the Nazis and were supposed to be deported. The Karaites were sent away to Bashkiria, the Urals, the Middle Asia and Kazakhstan. Some of them apparently contacted the local administration and indicated the fact that they had been deported by mistake. This problem was examined in the People's Commissariat of Interior of the Crimean ASSR. From there a special inquiry was sent to the People's Commissariat of Interior of the USSR. The inquiry indicated that the Karaites represent "religious sect in Judaism, which is based on dogmatic principles of the Bible, interpreted in the manner different from that of the followers of Rabbinic Judaism; [the Karaites] formed a special ethnicity that speaks the Crimean Tatar language and practically does not differ from rites and traditions of the Crimean Tatars". It was suggested that the Karaites are not to be deported in large numbers from the Crimea while those, who had already been deported, were not supposed to be returned. The People's Commissariat of the Interior of the USSR agreed with this suggestion.

Yakimova Elizaveta

Chambers of Commerce of the State of Israel

The article is devoted to the analysing of the main principles and structures of Israeli Chambers of Commerce. The author focuses on two categories: internal activity of the Federation of Israeli Chambers of Commerce (FICC) and special economic relations forged by bilateral chambers with the participation of Israeli entrepreneurs. FICC is a not only a non-profit business organization. Its members count on the Chamber to be their voice in country's economic departments. They request the organization to be engaged in the discussion of the Trachtenberg Committee's reform proposals and to try to continue «The Wisconsin program». Bilateral chambers are used to boost Israeli commercial links all over the world. The Chambers network supports different types of business from start-up to international companies and covers every aspect of their activity. Currently the Israel-America Chamber of Commerce is the biggest one, yet in Israel is highly interested in co-operation with other states, for example with the CIS. The Israeli-Palestinian Chamber of Commerce and Industry originally created to contribute to rapprochement of the parties to their tricky conflict, after a series of official events, marking its opening, was limited to outsourcing.

Zvyagin Sergey

Tomsk Attorney of the Mg. Ginsberg in the Years of the Russian Revolutions and Civil War

The article is devoted to the life and activities of Tomsk lawyer Mikhail President's envoy Ginsberg. The peak of his professional and public activities is envisaged and occurred in the period of the three Russian revolutions and Civil war. He had established himself as a capable lawyer, activist of the local Jewish community-n, a decent man. He managed to keep these qualities even in conditions of dictatorship and in Kolchak. After the establishment of Soviet power in Siberia, he stayed in the region and was involved with the legal side of the law. Unfortunately, nothing is yet known about his fate after 1935. His son was a known scholar and writer — in Israel he took the name of Ginzy Amnon. He was a scientist born in Siberia, and received a higher education in Leningrad.

Содержание

От Редколлегии 5

From the Editorial Board 6

I

Ирина Сергеева, Алексей Хамрай. Собрание пинкасов (записных книг еврейских общин) в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского 9

Виктория Герасимова. Авантюристы, преступники, сумасшедшие. Девиантное поведение крещеных евреев в России в XVIII в. 23

Дмитрий Фельдман. Николай I и краковские евреи: история появления одного документа из собрания РГАДА 36

Владимир Щукин. Дело по обвинению Николаевского казенного раввина Лейба Виленского в революционной пропаганде 45

Александр Безаров. Особенности формирования русско-еврейской революционности в последней трети XIX века 52

Александр Локшин. Из истории традиционного еврейского образования в Российской империи: начальная школа — хедер 68

Дмитрий Федотьев. Роль женщин в еврейской купеческой среде Петербурга во второй половине XIX — начале XX века 83

Гари Позин. Об отцах-основателях ОЗЕ 90

Лилия Кальмина. Еврейская политика в Якутской области: взгляд из губернаторского кресла 109

Алексей Андреев. Формирование еврейской общины в Якутии (вторая половина XIX — начало XX в.) 119

Любовь Захарова. Формирование общинных институтов еврейской общины Тулы в середине XIX — начале XX в. 129

Владимир Шайдуров. К вопросу о формировании еврейской общины Сибири в дореформенный период 144

Максим Пулькин. Политическая ссылка: русско-еврейская встреча в экстремальных условиях (по материалам европейского Севера России) 158

* * *

Анатолий Хаеш. Родственные связи петербургских евреев с иногородними по материалам МВД 171

Ирина Рыклис, Андрей Шумков. Поляковы: некоторые вопросы генеалогии рода и сословного статуса 189

Александр Богинский. История семьи Гольденвейзер: XIX–XX вв. 218

II

Лилит Тер-Петросян. О происхождении еврейской общины в средневековой Армении (Ехегис) 237

Инна Соркина. Евреи и владельцы местечек Беларуси: практика взаимоотношений (XVIII–XIX вв.) 244

Надежда Рыжева. Еврейский фактор в развитии парусного судостроения на юге Украины в XIX в. 262

Игорь Дворкин. Украинские евреи XIX в. в современных обобщающих трудах по истории Украины 267

Борис Гельман. Синагоги Севастополя: причина исчезновения и шаг к возрождению 274

* * *

Максим Гаммал. Караимская историография в первой половине XIX века на примере полемических произведений А.С. Фирковича 288

Дмитрий Прохоров. Религиозно-правовые аспекты брачно-семейных отношений и демографическая статистика в караимских общинах Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. 306

Вячеслав Зарубин. К вопросу о насильственной высылке группы караимов из Крыма в 1944 г. 331

III

Сергей Звягин. Томский присяжный поверенный М.Г. Гинзберг в годы российских революций и гражданской войны 341

Григорий Кондратюк. Деятельность Крымского представительства КомЗЕТа в контексте политики коренизации в Крымской АССР в межвоенный период (20-е годы XX в.) 346

Ольга Щука. Консервативно-религиозное направление еврейского общественно-политического движения в Западной Беларуси (1926–1939 гг.) 354

Ирина Волошинова. История еврейского переселения в СССР в 1920-е — 1930-е гг. 361

Елена Генина. Еврейская община Иркутска в середине 1940-х — начале 1950-х гг. 376

IV

Алек Д. Эпштейн. Трансформация отношений между армией и гражданским обществом в Израиле в зеркале социально-политологических исследований 393

Александр Крылов. Возможные варианты развития политической ситуации на палестино-израильском треке в ближайшей перспективе 418

Владимир (Зеэв) Ханин. Государство Израиль, неосионизм и еврейство Америки 435

Дмитрий Марьясис. Экономические аспекты массового протестного движения в Израиле в 2011 г. 449

Елизавета Якимова. Торгово-промышленные палаты Государства Израиль 463

Summaries 475

Contents

From the Editorial Board 6

I

Khamray Alexey, Sergeeva Irena. Collection of *Pinqassim* in the V. Vernadsky National Library of Ukraine 9

Gerasimova Victoria. Adventurers, Criminals, Madmen. Deviant Behavior of Converted Jews in the 18th Century Russia 23

Feldman Dmitry. Nicholas I and Krakow's Jews: on Origin of One Document from RGADA Collection 36

Schukin Vladimir. Nikolayev Official Rabbi Leib Vilensky's Case on Charges of Revolutionary Propaganda 45

Bezarov Alexander. Peculiarities of Formation of the Russian-Jewish Revolutionary Spirit in the Second Half of the 19th Century 52

Lokshin Alexander. From The History of Jewish Traditional School (*heder*) in the Russian Empire 68

Fedotyev Dmitry. The Women's Role in Jewish Merchant Milieu in Petersburg: Second Half of 19th — early 20th Centuries 83

Pozin Gary. Founders of the OZE 90

Kalmina Lilia. Policy towards Jews in Yakutia: View from the Governor's Seat 109

Andreyev Alexey. Formation of the Jewish Community in Yakutia (2nd half of 19th — early 20th centuries) 119

Zacharova Lubov. The Origin and the Formation of Jewish Community Institutions in Internal Provinces in the Middle of 19th — early 20th centuries (on the example of Tula Province) 129

Shaydurov Vladimir. Jews in Siberia in the First Third of 19th century 144

Pulkin Maxim. Political Exile in the 19th — early 20th Centuries: Russian-Jewish Encounter in Extreme Conditions (the European North of Russia) 158

* * *

Khayesh Anatoly. Genealogic Data on the Petersburg Jews at the Department of General Affairs, Ministry of Internal Affairs 171

Shumkov Andrey, Ryklis Irena. Polyakovs: Some Questions on Genealogy and Class Status 189

Bogynsky Alexander. History of Goldenweiser Family: 19th — 20th Centuries 218

II

Ter-Petrosyan Lilit. On the Origins of Jewish Community in Medieval Armenia (Ehegis) 237

Sorkina Inna. Jews and the Owners of *shtetles*: the Practice of Relationship (18th — 19 th centuries) 244

Ryzheva Nadezhda. The Jewish Quotient in the Development of a Sailing Ship-Building in Southern Ukraine in the 19th century 262

Dvorkin Igor. Ukrainian Jewry of the 19th century in Contemporary General Works on the History of Ukraine 267

Guelman Boris. Sevastopol Synagogues (3rd — 21st Centuries): Disappearance and Step to Recovery 274

* * *

Hammal Maksim. Polemical Treaties of Abraham Firkovich as an Example of "National" Turn in the Traditional Karaite Historiography 288

Prokhorov Dmitry. Religious and Legal Aspects of marriage and demographic statistics in the Karaite's communities in the Russian Empire in the Second Half of 19th and Early 20th Centuries 306

Zarubin Vyacheslav. The Forced Deportation of the Karaites' Group from the Crimea in 1944 331

III

Zvyagin Serguey. Tomsk Attorney M.G. Ginsberg during the Revolution and the Civil War 341

Kondratyuk Grygoryi. The Activities of the Crimean KOMZET in the Context of *Nativization* Policy in the Crimean Autonomous Republic: the Interwar Period 346

Schuka Olga. Conservative-Clerical Trend in Jewish Social-Political Movement in Western Belarus (1926–1939): Ideology, Forms and Methods of Activities 354

Voloshinova Irena. History of Jewish Migration in USSR 361

Guenina Elena. Irkutsk Jewish Community in the Middle of the 1940s — the early 1950s 376

IV

Epstein Alek D. Transformation of Relationships between Army and Civil Society in Israel in the Mirror of Sociological-Politological Researches 393

Krylov Alexander. The Possible Scenarios for the Development of the Political Situation on the Palestinian-Israeli Track in the Short Term Perspective 418

Khanin Vladimir (Zeev). Russian, American and Israeli Models of the Contemporary Neo-Zionism 435

Maryasis Dmitry. Social Protest Movement in Israel in 2011. Its background and consequences 449

Yakimova Elisaveta. Chambers of Commerce and Industry of the State of Israel: Economic, Political, Diplomatic Activities 463

Summaries 475